

TS

2768
09

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ОСНОВАНІЯ СОЦІОЛОГІИ.

ОСНОВАНІЯ СОЦІОЛОГІИ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

Въ прибавленіи помѣщены критическія замѣтки Эд. Б. Тайлора по вопросу
объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера.

Переводъ съ англійскаго

Томъ второй

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ И. И. Вилибина.
1877.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ ¹⁾.

Слово «соціологія» введено впервые, для обозначенія науки объ обществѣ, Огюстомъ Контомъ. Я принялъ его, вслѣдъ за нимъ, отчасти потому, что оно уже находилось въ употребленіи, а отчасти потому, что у насъ не существуетъ никакого другаго достаточно широкаго названія. Хотя люди, осуждающіе это слово, какъ «барбаризмъ» ²⁾, не разъ порицали меня за это; но я не сожалею, что поступилъ такимъ образомъ. Послушаться данныхъ мнѣ совѣтовъ и употребить для обозначенія этой науки слово «политика», —слишкомъ узкое по своему смыслу и слишкомъ обманчивое по своимъ соозначеніямъ, — значило бы умышленно породить путанницу въ пониманіи, ради избѣжанія недостатка, неимѣющаго никакого практическаго значенія. Нашъ языкъ и безъ того уже такъ разнороденъ, что почти каждая его фраза бываетъ составлена изъ словъ, позаимствованныхъ изъ двухъ или трехъ языковъ; и безъ того уже въ немъ нѣтъ недостатка въ словахъ, составленныхъ неправильнымъ образомъ изъ разнородныхъ корней. Видя это, я

¹⁾ Мы помѣщаемъ это предисловіе, относящееся къ нашимъ обоимъ томамъ, такъ несвоевременно и такъ не у мѣста единственно потому, что оно появилось въ свѣтъ только въ декабрѣ 1876 года, вмѣстѣ съ началомъ III-й части, т. е. когда не только нашъ первый томъ былъ уже выпущенъ въ свѣтъ, но была набрана уже цѣлая половина нашего втораго тома.

ИЗДАТЕЛЬ.

²⁾ Слово «соціологія» можетъ считаться «барбаризмомъ» потому, что оно составлено изъ двухъ разноразныхъ корней: латинскаго и греческаго.

Прим. Пер.

принялъ, безъ особеннаго колебанія, еще одно такое слово, считая, что удобство и внутренній смыслъ нашихъ символовъ гораздо важнѣе, чѣмъ грамматическая правильность ихъ производства.

Быть можетъ, многіе удивятся тому, что, приводя въ этомъ сочиненіи множество цитатъ изъ многочисленныхъ авторовъ, я не дѣлаю точныхъ ссылокъ внизу страницъ. Поэтому я нахожу нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ объясненіе этого. Постоянное взглядываніе внизъ на сноски безпрестанно прерываетъ общую нить разсужденія; но даже и при оставленіи сносокъ безъ просмотра вниманіе все-таки развлекается сознаніемъ того, что внизу имѣются сноски, на которыя слѣдовало бы взглянуть. Слѣдствіемъ этого является потеря эффекта прочитаннаго и потеря времени. Такъ какъ я намѣревался, при изложеніи находящихся въ этомъ сочиненіи заключеній, опираться на факты, собранные и расклассифицированные въ моей Описательной Соціологіи, и такъ какъ эти факты расположены тамъ такимъ образомъ, что, зная имя автора и названіе расы, легко розыскать, въ каждомъ случаѣ, какъ самую приведенную цитату, такъ и точную ссылку на сочиненіе, страницу и пр., то я считалъ бесполезнымъ обременять страницы этого сочиненія развлекающими вниманіе сносками. Вслѣдствіе этого я порѣшилъ выбросить ихъ совсѣмъ. И дѣйствительно, по скольку дѣло идетъ о фактахъ, почерпнутыхъ между нецивилизованными расами (а онѣ составляютъ главную массу фактическихъ данныхъ, содержащихся въ этомъ томѣ), этотъ способъ провѣрки существуетъ почти для всѣхъ случаевъ. Однако же, впоследствии я нашелъ необходимымъ розыскать и внести въ текстъ множество фактовъ изъ другихъ источниковъ; но, не желая измѣнять разъ принятой системы, я принужденъ былъ оставить ихъ въ такомъ состояніи, которое не даетъ читателю возможности провѣрить ихъ. Я охотно признаю этотъ недостатокъ и надѣюсь со временемъ исправить его. Въ слѣдующихъ томахъ я намѣренъ ввести такой методъ ссылокъ, который дастъ возможность читателю справляться съ

цитируемыми авторами и, въ то же время, не будетъ развѣ-
щать его вниманія.

Съ окончаніемъ этого тома, изданіе «Системы Синтетиче-
ской Философіи» прекращается, такъ какъ я намѣренъ вы-
пускать остающіяся части только полными томами. Надѣюсь,
что слѣдующій томъ будетъ готовъ ранѣе конца 1879 года.

Лондонъ, декабрь 1876.

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

Часть 2-я.—Индукція социологии.

	СТР.
Предисловіе	I—III
ГЛАВА I. Что такое общество?	497
— II. Общество есть организмъ	500
— III. Общественный ростъ	515
— IV. Общественное строеніе	523
— V. Общественныя функціи	538
— VI. Системы органовъ	544
— VII. Система органовъ питанія	551
— VIII. Распредѣлительная система	559
— IX. Регулятивная система	574
— X. Общественныя типы и конституціи	604
— XI. Общественныя метаморфозы	632
— XII. Ограниченіе сказаннаго и общій сводъ всего предыдущаго	645
Post-scriptum	I—IV

Часть 3.—Домашнія отношенія.

ГЛАВА I. Сохраненіе вида	657
— II. Столкновеніе интересовъ вида, родителей и дѣтенышей	660
— III. Первобытныя отношенія половъ	668
— IV. Экзогамія и эндогамія	678
— V. Безпорядочное половое сожительство	698
— VI. Многоужство	709
— VII. Многоженство	720
— VIII. Моногамія	735
— IX. Семья	743
— X. Положеніе женщинъ	785
— XI. Положеніе дѣтей	807
— XII. Взглядъ на прошедшее и будущее домашнихъ отношеній	820
Приложеніе	839
Прибавленія	849

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИНДУКЦИИ СОЦИОЛОГИИ.

ГЛАВА I.

Что такое общество?

§ 212. Вотъ вопросъ, который долженъ быть поставленъ и разрѣшенъ съ самаго же начала. Пока мы не порѣшили, — смотрѣть-ли на общество какъ на нѣкоторое особое бытіе (entity), или нѣтъ; пока мы не порѣшили, — должно-ли это бытіе, — если оно будетъ признано таковымъ, — считаться сходнымъ съ какими либо другими бытіями (entities), или же оно должно считаться безусловно отличнымъ отъ всѣхъ другихъ, наше представленіе о предметѣ этого сочиненія будетъ оставаться крайне неопредѣленнымъ.

Можно было бы сказать, что общество есть лишь собирательное имя для обозначенія извѣстнаго числа индивидовъ. Переносъ споръ между номинализмомъ и реализмомъ въ другую область, номиналистъ могъ бы утверждать, что, подобно тому какъ существуютъ только отдѣльные члены извѣстнаго вида (species), самый же видъ, взятый независимо отъ нихъ, не имѣетъ дѣйствительнаго существованія, такъ точно существуютъ одни только общественныя единицы, т. е. люди, существованіе же самаго общества есть лишь чисто словесное. Сославшись на примѣръ аудиторіи, собирающейся на чтенія какого-либо профессора и представляющей собой такой агрегатъ, который, самымъ своимъ исчезновеніемъ по окончаніи каждаго чтенія, показываетъ, что онъ не есть нѣкоторый дѣйствительно-существующій предметъ, но лишь извѣстная группировка личностей, онъ могъ бы доказывать, что тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ гражданамъ, составляющимъ собою всякій данный народъ.

Но, не оспаривая остальныхъ звеньевъ его аргументаціи, мы имѣемъ полное право отвергать состоятельность послѣдняго ея звена. Ибо та группировка, которая оказывается въ первомъ случаѣ лишь временною, имѣетъ во второмъ случаѣ постоянный характеръ; а мы знаемъ, что индивидуальность цѣлаго, въ отличіе отъ индивидуальностей его составныхъ частей, заключается именно въ

постоянствѣ отношеній между этими частями. Всякая цѣльная масса, разбившись на куски, перестаетъ быть особымъ индивидуальнымъ предметомъ; и, наоборотъ,—камни, кирпичи, куски дерева, и т. п., не имѣвшіе въ началѣ ничего общаго между собою, будучи связаны другъ съ другомъ извѣстнымъ образомъ, становятся особымъ индивидуальнымъ предметомъ, называемымъ домоу.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право смотрѣть на общество какъ на особое бытіе (entity); ибо хотя оно и слагается изъ отдѣльныхъ (discrete) единицъ, однако же постоянное сохраненіе, въ теченіи цѣлыхъ поколѣній и даже вѣковъ, извѣстнаго общаго сходства въ группировкѣ этихъ единицъ, въ предѣлахъ занимаемой каждымъ обществомъ мѣстности, указываетъ на извѣстную конкретность составляемаго ими агрегата. И эта-то именно черта и доставляетъ намъ нашу идею объ обществѣ. Ибо мы не даемъ этого имени тѣмъ перемѣнчивымъ скопленіямъ, которыя образуютъ первобытные люди, но прилагаетъ его только тамъ, гдѣ осѣдая жизнь привела уже къ нѣкоторому постоянству въ распредѣленіи внутри общества составляющихъ его частей.

§ 213. Но, рѣшившись смотрѣть на общество какъ на особенный индивидуальный предметъ, мы должны спросить себя теперь, — что же это за предметъ? къ какому роду объектовъ слѣдуетъ отнести его? При вѣншнемъ разсмотрѣніи, оно кажется не имѣющимъ никакого сходства ни съ однимъ изъ объектовъ, извѣстныхъ намъ черезъ посредство нашихъ чувствъ. Если оно и можетъ имѣть какое-либо сходство съ другими объектами, то сходство это не можетъ быть усмотрѣно простымъ воспріятіемъ, но можетъ быть открыто только путемъ разсужденія. Коль скоро общество становится особымъ индивидуальнымъ бытіемъ (entity), въ силу постоянства отношеній между его составными частями, то у насъ сейчасъ же является вопросъ, — не представляютъ ли эти постоянныя отношенія между его частями какихъ-нибудь сходствъ съ постоянными отношеніями между частями, замѣчаемыми нами въ какихъ-либо другихъ бытіяхъ (entities)? Единственное мыслимое сходство между обществомъ и чѣмъ-либо другимъ можетъ заключаться въ параллелизмѣ принципа, управляющаго расположеніемъ составныхъ частей.

Существуютъ два большіе класса агрегатовъ, съ которыми мы можемъ сравнивать общественный агрегатъ: классъ агрегатовъ неорганическихъ и классъ агрегатовъ органическихъ. Спросимъ же себя теперь: представляютъ ли отличительныя свойства общества, разсматриваемаго особо отъ его живыхъ единицъ, какія-нибудь сходства со свойствами неживаго тѣла? или же они сходны въ какихъ-либо отношеніяхъ со свойствами живаго тѣла? или же, наконецъ, они совершенно не сходны ни съ тѣми, ни съ другими?

Достаточно только поставить первый изъ этихъ вопросовъ, чтобы немед-

ленно же отвѣтитъ на него отрицательно. Цѣлое, состоящее изъ живыхъ частей, не можетъ сходствовать, по своимъ общимъ отличіямъ, съ безжизненными цѣлыми. Второй вопросъ, не допускающій столь быстрого отвѣта, долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. И слѣдующая глава будетъ посвящена именно изложенію тѣхъ основаній, которыя позволяютъ намъ утверждать, что постоянныя отношенія между частями общества аналогичны постояннымъ отношеніямъ между частями живаго существа.

ПЛАТ

ГЛАВА II.

ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ОРГАНИЗМЪ.

§ 214. Когда мы говоримъ, что явленіе роста одинаково свойственно какъ общественнымъ, такъ и органическимъ агрегатамъ, то мы не хотимъ исключить этимъ всякую общность, въ этомъ направленіи, между этими агрегатами, съ одной стороны, и агрегатами неорганическими, съ другой, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, какъ напримѣръ кристаллы, обнаруживаютъ замѣтный ростъ, и такъ какъ всѣ они, на основаніи гипотезы развитія, должны были возникнуть, въ то или другое время, путемъ интеграціи. Тѣмъ не менѣе, сравнивая живыя существа и общества съ такъ называемыми неодушевленными предметами, мы видимъ, что первыя обнаруживаютъ постепенное увеличеніе въ своей массѣ въ столь рѣзко замѣтной степени, что мы по справедливости можемъ считать это обстоятельство за отличительный признакъ, характеризующій собою эти два разряда агрегатовъ. Многіе организмы растутъ въ продолженіе всей своей жизни; и всѣ остальные растутъ въ продолженіе весьма значительной ея части. Что касается до общественнаго роста, то онъ обыкновенно продолжается или до того времени, когда общество распадется на два или нѣсколько другихъ, или до того, когда оно будетъ поглощено какимъ-либо другимъ обществомъ.

Итакъ, вотъ первая черта, въ силу которой общества сходятся съ органическимъ міромъ и существенно отличаются отъ міра неорганическаго.

§ 215. Другая отличительная черта какъ обществъ, такъ и живыхъ существъ, заключается въ томъ, что, рядомъ съ увеличеніемъ въ размѣрахъ, у нихъ наблюдается и увеличеніе сложности строенія. Низшее животное, или зародышъ высшаго, обладаетъ лишь немногими отличными другъ отъ друга частями; но, съ увеличеніемъ общей массы тѣла, число такихъ частей увеличивается, и, въ то же время, эти части дифференцируются одна отъ другой

501935940
94734080933

Тоже самое справедливо и по отношенію къ обществу. Вначалѣ, несходства между различными группами составляющихъ его единицъ очень незначительны и по числу, и по степени; но, съ возрастаніемъ народонаселенія въ данномъ обществѣ, общественныя раздѣленія и подраздѣленія становятся болѣе многочисленными и болѣе рѣзкими. Кромѣ того, какъ въ общественномъ, такъ и въ индивидуальномъ организмѣ, дальнѣйшія дифференціаціи прекращаются только съ завершеніемъ тина, характеризующимъ собою зрѣлый возрастъ и предшествующимъ упадку.

Хотя и въ неорганическихъ агрегатахъ, — какъ напримѣръ, въ цѣлой солнечной системѣ, равно какъ и въ каждомъ изъ ея членовъ, — интеграціи также сопровождаются структурными дифференціаціями, однако здѣсь эти послѣднія относительно медленны и относительно просты, а потому могутъ быть оставлены безъ вниманія. Напротивъ того, въ политическихъ агрегатахъ и въ живыхъ существахъ, умноженіе несходныхъ между собою частей такъ велико, что оно по справедливости можетъ считаться вторымъ существеннымъ признакомъ сходства между ними, отличающимъ ихъ отъ неорганическихъ предметовъ.

§ 216. Это сходство выступить еще съ болѣею силою, когда мы обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что прогрессъ въ структурной дифференціаціи сопровождается, въ обоихъ случаяхъ, прогрессивной дифференціаціей управленій.

Все болѣе и болѣе многочисленные отдѣлы, — перваго, втораго, третьяго, и т. д. порядковъ, — на которые распадается общая масса тѣла развивающагося животнаго, становятся все болѣе и болѣе несходными между собою вовсе не напрасно: разнообразіе ихъ наружныхъ формъ и внутренняго сложенія влечетъ за собою и разнообразіе тѣхъ дѣйствій, которыя они выполняютъ: они вырастаютъ въ несходные органы, имѣющіе несходныя отправления. Пищеварительный каналъ, принимая на себя сполна всю функцію поглощенія питательныхъ веществъ, распадается постепенно на отдѣльные, отличные другъ отъ друга участки, выполняющіе каждый свою специальную функцію, составляющую часть общей функціи всего пищеварительнаго канала. Каждый отдѣльный членъ, служащій для перемѣщенія или для схватыванія, претерпѣваетъ извѣстныя раздѣленія и подраздѣленія; причемъ получившіяся такимъ образомъ части выполняютъ каждая свою главную или вспомогательную роль въ общей функціи всего члена. То же самое справедливо и по отношенію къ тѣмъ частямъ, на которыя распадается общество. Возникающій въ немъ господствующій классъ не только становится отличнымъ отъ остальныхъ классовъ, но и беретъ на себя контроль надъ ихъ дѣйствіями; когда же этотъ классъ распадается далѣе на подь-классы, обладающіе одни — большей, другіе — меньшей

степенью господства, то эти послѣдніе опять-таки начинаютъ выполнять каждый совершенно особенную часть общаго контроля. Въ классахъ, подчиненныхъ такому контролю, наблюдается тоже самое. Различныя группы, на которыя они распадаются, выполняютъ различныя занятія; причемъ, въ предѣлахъ каждой изъ такихъ группъ, наблюдается опять таки распадѣніе на части, конечно, менѣе рѣзко различающіяся между собою, чѣмъ главныя группы, но, тѣмъ не менѣе, отправляющія пропорціонально отличныя обязанности.

Съ этой стороны, два сравниваемые нами класса предметовъ отличаются еще болѣе яснымъ образомъ отъ предметовъ другихъ классовъ; ибо всѣ тѣ структурныя различія, которыя медленно возникаютъ въ неорганическихъ агрегатахъ, никогда не сопровождаются чѣмъ-либо такимъ, что мы могли бы по справедливости назвать различіями въ отпращиваніи.

§ 217. Но почему же несходныя дѣйствія несходныхъ частей въ политическомъ агрегатѣ и въ живомъ существѣ разсматриваются какъ настоящія отпращиванія, между тѣмъ, какъ мы не можемъ смотрѣть такимъ образомъ на несходныя дѣйствія несходныхъ частей, наблюдаемыя нами въ неорганическомъ агрегатѣ? Чтобы понять это, какъ слѣдуетъ, надо обратиться къ дальнѣйшей, и еще болѣе ясной, чертѣ сходства между политическими агрегатами и живыми существами.

И у тѣхъ, и у другихъ, развитіе вызываетъ не просто различія, но различія, опредѣленно-связанныя другъ съ другомъ, — такія различія, изъ которыхъ каждое дѣлаетъ возможными остальные. Различныя части неорганическаго агрегата находятся въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, что одна изъ нихъ можетъ быть измѣнена въ очень значительной степени, безъ замѣтнаго дѣйствія на остальные. Но въ органическихъ и политическихъ агрегатахъ отношеніе между частями совсѣмъ не таково. Въ каждомъ изъ нихъ, измѣненія въ различныхъ частяхъ взаимно опредѣляютъ другъ друга, и измѣненныя дѣйствія этихъ частей также находятся въ тѣсной взаимной зависимости. Въ обоихъ случаяхъ, эта взаимозависимость возрастаетъ вмѣстѣ съ прогрессомъ развитія. У низшихъ типовъ животнаго царства все тѣло есть желудокъ, все тѣло есть дыхательная поверхность, все тѣло есть органъ движенія, хватанія и перемѣщенія. Развитіе такого тѣла, у котораго имѣются особые придатки для перемѣщенія съ мѣста на мѣсто и для схватыванія пищи, можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда эти придатки, утратившіе способность къ непосредственному поглощенію пищевыхъ веществъ изъ окружающей среды, будутъ въ достаточной мѣрѣ снабжаемы пищею тѣми частями, которыя удержали способность къ ея поглощенію. Развитіе дыхательной поверхности, служащей для снабженія воздухомъ образующихся въ тѣлѣ соковъ, можетъ произойти лишь

на томъ условіи, чтобы неизбежная при этомъ утрата ею способности добывать себѣ матерьялы для возстановленія потерь и для роста, была вознаграждена развитіемъ аппаратовъ, приносящихъ эти матеріалы. Точно тоже имѣетъ мѣсто и для общества. То, что мы совершенно правильно называемъ общественной организаціей, представляетъ тѣ же необходимыя условія. Въ зачаточномъ обществѣ, каждый членъ его есть одновременно воинъ, охотникъ, домостроитель, изготовитель всѣхъ необходимыхъ орудій, и проч.: т. е., здѣсь каждая часть удовлетворяетъ сама всѣмъ своимъ нуждамъ. Переходъ къ общественному состоянію, характеризующемуся существованіемъ постоянной арміи, можетъ совершиться только съ развитіемъ въ обществѣ такихъ приспособленій, въ силу которыхъ остальные его члены будутъ снабжать армію пищею, одеждою и боевыми снарядами. Если мы видимъ, что одна часть населенія занимается исключительно земледѣліемъ, другая — горнымъ дѣломъ, и т. д., — что одни производятъ товары, а другіе распредѣляютъ ихъ, и проч., — то мы видимъ также, что все это возможно лишь при одномъ условіи, а именно, — чтобы каждая часть, въ обмѣнъ за специальную услугу, оказываемую ею всѣмъ другимъ частямъ, получала, въ свою очередь, отъ всѣхъ нихъ соотвѣтственные доли ихъ специальныхъ услугъ.

Раздѣленіе труда, — впервые указанное экономистами, какъ общественное явленіе, и вслѣдъ за тѣмъ признанное біологами за явленіе органической жизни и названное ими „физиологическимъ раздѣленіемъ труда“, — есть именно та особенность, какъ въ обществѣ, такъ и въ животномъ, которая дѣлаетъ каждое изъ нихъ живымъ цѣлымъ. Едва-ли я могу съ достаточной силою настаивать на той истинѣ, что, по отношенію къ этой основной чертѣ, общественный организмъ и индивидуальный совершенно сходны другъ съ другомъ. Когда мы видимъ, что, у животного, прекращеніе дѣятельности легкихъ быстро влечетъ за собою остановку сердца; что, съ абсолютнымъ прекращеніемъ дѣятельности желудка, и всѣ остальные части мало по малу перестаютъ дѣйствовать; что параличъ членовъ ведетъ къ смерти всего тѣла, вслѣдствіе не способности добывать пищу и избѣгать опасностей; что потеря даже такихъ маленькихъ органовъ, какъ глаза, лишаетъ остальные такой услуги, которая весьма существенна для ихъ сохраненія, — мы не можемъ не признать, что взаимная зависимость между всѣми частями организма составляетъ его существенную отличительную особенность. Точно также, когда мы видимъ, что, и въ обществѣ, рабочіе по желѣзу должны прекратить свою дѣятельность, коль скоро рудоконны перестаютъ снабжать ихъ нужными матерьялами; что портные не могутъ продолжать своего дѣла при отсутствіи прядильщиковъ и ткачей; что мануфактурные округа должны приостановить свои работы, коль скоро классы людей, занимаю-

щіея производствомъ и распредѣленіемъ пищи, прекратятъ дѣятельность; что контролирующая власть, — правительство, присутственныя мѣста, суды, полиція, — перестаютъ быть способными поддерживать порядокъ, коль скоро содержимыя ими въ порядкѣ части перестаютъ снабжать ихъ всѣхъ необходимымъ для жизни, — мы обязаны признать, что, и въ обществѣ, взаимная зависимость между всѣми его частями столь-же строга, какъ и въ организмѣ. Какъ ни отличны эти два класса агрегатовъ въ другихъ отношеніяхъ, но, по отношенію къ этой основной чертѣ и ко всему, что необходимо вытекаетъ изъ нея, они исполнѣ сходны другъ съ другомъ.

§ 218. Чтобы видѣть еще болѣе ясно, какимъ образомъ жизнь цѣлаго слагается изъ комбинаціи дѣятельностей его составныхъ частей, находящихся въ тѣсной взаимной зависимости, и какимъ образомъ отсюда вытекаетъ несомнѣнный параллелизмъ между національной жизнью и жизнью индивидуальной, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что жизнь каждаго видимого организма слагается изъ жизней крошечныхъ единицъ, слишкомъ мелкихъ для того, чтобы быть видимыми невооруженнымъ глазомъ.

Неопровержимое доказательство этого факта можетъ быть почерпнуто нами изъ рассмотрѣнія страннаго порядка *Mухомусетес*. Споры, или зародыши, одной изъ этихъ грибныхъ формъ превращаются въ рѣснитчатыхъ монадъ, которыя, въ продолженіи нѣкотораго времени, обнаруживаютъ очень дѣятельное движеніе по всѣмъ направленіямъ; по истеченіи же этого періода, измѣняются въ формѣ и становятся похожими на амёбы; въ этой новой формѣ, они опять таки медленно движутся туда и сюда, принимаютъ пищу, растутъ и размножаются путемъ дѣленія. Затѣмъ, эти амёбообразные индивиды сползаются вмѣстѣ, сливаются въ группы, а эти послѣднія опять таки сливаются между собою, составляя такимъ образомъ студенистую массу, иной разъ едва видимую простымъ глазомъ, иной-же разъ достигающую величины ладони. Этотъ *plasmodium*, имѣющій неправильную форму и представляющій, въ большинствѣ случаевъ, сѣтчатую внѣшность, при студенистомъ внутреннемъ строеніи, самъ обнаруживаетъ движенія то въ той, то въ другой своей части, дѣлающія его похожимъ на громадную корненожку (*rhizorodes*): онъ медленно ползаетъ по поверхности гніющихъ веществъ, а, иной разъ, взбирается даже вверхъ по стеблямъ растений. И такъ, мы имѣемъ здѣсь осязательный примѣръ союза множества мелкихъ живыхъ индивидовъ для образованія новаго, сравнительно большаго, агрегата, въ которомъ они, повидимому, утрачиваютъ свою прежнюю индивидуальность, но жизнь котораго, однако же, ясно слагается изъ комбинаціи ихъ жизней.

Въ другихъ случаяхъ, на мѣсто единицъ, первоначально совершенно раздѣльных и, лишь впоследствии, теряющихъ свою индивидуальность путемъ

агрегаций, мы имѣемъ такія единицы, которыя, явившись на свѣтъ путей размноженія одного и того-же зародыша, не разлучаются одна отъ другой, но, тѣмъ не менѣе, обнаруживаютъ вполне ясно каждая свою особенную жизнь. Роговыя фибры живой губки всегда одѣты студенистымъ веществомъ, которое, какъ показываетъ микроскопическое изслѣдованіе, состоитъ изъ монадъ, одаренныхъ движеніемъ. Разматривая губку какъ цѣлое, мы не можемъ отказать ей въ жизни; ибо она обнаруживаетъ многія дѣятельности, свойственныя только агрегату, съ опредѣлившеюся индивидуальностью. Тѣ изъ ея амѣбообразныхъ единицъ, которыя находятся на наружной ея поверхности, теряютъ отчасти свои индивидуальности, сливаясь въ родъ охранительнаго слоя, или кожи; ея волокнистый скелетъ, служащій для поддержанія ея внѣшней формы, производится совокупной дѣятельностью составляющихъ ее монадъ; точно также ихъ совокупная дѣятельность обуславливаетъ тѣ потоки воды, которые вбираются въ нее черезъ мелкія отверстія и выталкиваются черезъ крупныя. Но хотя все это указываетъ на несомнѣнное существованіе у губки слабой агрегативной жизни, однако-же отдѣльныя жизни міриадъ составляющихъ ее единицъ очень мало подчинены этой агрегативной жизни: всѣ эти единицы представляютъ какъ бы народъ, у котораго имѣются только слабыя слѣды зачинающагося раздѣленія функций. Или, говоря словами профессора Гексли, — „губка представляетъ родъ подводнаго города, обитатели котораго стоятъ вдоль его улицъ и переулковъ такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ легко можетъ вылавливать себѣ пищу изъ протекающей мимо него воды“.

Даже у высшихъ животныхъ сохраняется возможность прослѣдить это отношеніе между агрегативною жизнью и жизнями отдѣльныхъ частей, составляющихъ данный агрегатъ. Кровь представляетъ жидкость, въ которой, — наряду съ питательными веществами, — обращается безчисленное множество живыхъ единицъ, — такъ называемыхъ кровяныхъ тѣлецъ (или шариковъ). Каждое изъ этихъ кровяныхъ тѣлецъ имѣетъ свою собственную исторію жизни. На первой ступени своего развитія, каждое изъ нихъ (извѣстное въ этотъ періодъ жизни подъ именемъ бѣлаго кровянаго тѣльца) обладаетъ способностью къ выполненію независимыхъ движеній, сходныхъ съ движеніями амѣбъ; и хотя, впоследствии, въ формѣ краснаго, сплюснннаго диска, оно уже не обладаетъ видимою дѣятельностью, однако же его индивидуальная жизнь продолжается. Впрочемъ, присутствіе такой индивидуальной жизни можетъ быть доказано не для однихъ только тѣхъ единицъ, которыя свободно плаваютъ въ жидкости, позволяющей легко усмотрѣть внѣшнія проявленія этой жизни. Многія слизистыя поверхности, — какъ напримѣръ, внутренняя поверхность дыхательныхъ путей, — одѣты такъ-называемымъ рѣсничнымъ эпителиемъ, — т. е. слоемъ мелкихъ клѣ-

точекъ, тѣсно прижатыхъ другъ къ другу и обладающихъ каждая, на своей свободной оконечности, нѣсколькими рѣсничками, находящимися въ непрерывномъ движеніи. Качанія этихъ рѣсничекъ существенно сходны съ такими же качаніями рѣсничекъ у монадъ, живущихъ въ многочисленныхъ проходахъ, проникающихъ во всѣхъ направленіяхъ обыкновенную губку; и какъ въ губкѣ, совокупная дѣятельность этихъ рѣснитчатыхъ монадъ гонить потокъ воды въ извѣстномъ направленіи, такъ и здѣсь, совокупная дѣятельность рѣснитчатыхъ эпителиальныхъ клѣтокъ гонить въ извѣстномъ направленіи покрывающее ихъ слизистое выдѣленіе. Если бы мы пожелали имѣть еще болѣе доказательствъ въ пользу индивидуальной жизни каждой изъ этихъ эпителиальныхъ клѣтокъ, то мы могли бы найти такое доказательство въ фактѣ, что, будучи отдѣлены одна отъ другой и положены въ жидкость, онѣ „начинаютъ двигаться туда и сюда, съ значительной быстротою, помощью непрерывныхъ волнообразныхъ качаній тѣхъ рѣсничекъ, которыми онѣ снабжены, и продолжаютъ такое движеніе довольно значительное время“.

Видя, такимъ образомъ, что обыкновенный живой организмъ можетъ быть разсматриваемъ какъ народъ, состоящій изъ отдѣльныхъ единицъ, живущихъ каждая своею индивидуальною жизнью, причемъ нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ даже весьма значительною степенью независимости, мы легко поймемъ, что народъ, составленный изъ человѣческихъ существъ, можетъ быть вполне справедливо разсматриваемъ какъ организмъ.

§ 219. Отношеніе между жизнями единицъ и жизнью всего агрегата представляетъ еще одну отличительную черту, общую для обоихъ разсматриваемыхъ нами случаевъ. Жизнь агрегата можетъ быть разрушена, вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы, безъ непосредственнаго разрушенія жизнью всѣхъ составляющихъ его единицъ; и наоборотъ, если никакая катастрофа не сократитъ насильственно жизни агрегата, то эта жизнь, по своей продолжительности, далеко оставляетъ за собою отдѣльныя жизни его единицъ.

У холоднокровныхъ животныхъ, рѣснитчатая клѣточка продолжаетъ выполнять свои движенія съ совершенною правильностью еще долго послѣ того, какъ животное, часть котораго они составляютъ, представляетъ недвижный трупъ; мышечныя волокна еще долго сохраняютъ свою способность къ сокращенію подъ вліяніемъ возбужденій; клѣточки выдѣлительныхъ органовъ продолжаютъ изливать свои продукты, если только имъ будетъ доставляться искусственнымъ образомъ потребное для этого количество крови; и даже составныя части цѣлаго органа, — каково сердце, — продолжаютъ свою совокупную дѣятельность въ теченіи многихъ часовъ послѣ того, какъ оно будетъ вырѣзано изъ тѣла животнаго. Подобнымъ же образомъ, промышленныя дѣятельности,

правительственныя координаціи, и т. п., составляющія собою коллективную жизнь народа, могутъ быть остановлены насильственнымъ образомъ, — на примѣръ, вслѣдствіе вторженія варваровъ, — безъ непосредственной остановки дѣятельностей всѣхъ составляющихъ этотъ народъ единицъ. Нѣкоторые классы этихъ единицъ, — въ особенности же широкораспространенные классы, занимающіеся производствомъ пищи, могутъ еще долго проживать, въ болѣе отдаленныхъ округахъ, и продолжать свои индивидуальныя занятія.

И наоборотъ, въ обоихъ случаяхъ, жизнь агрегата значительно превосходитъ по своей продолжительности жизни его отдѣльныхъ единицъ, если ничто не приведетъ ее къ насильственному концу. Каждый изъ мелкихъ живыхъ элементовъ, составляющихъ собою взрослое животное, зарождается, развивается, играетъ свою роль въ общей экономіи тѣла, затѣмъ умираетъ, разрушается и замѣняется другимъ, между тѣмъ животное, какъ цѣлое, продолжаетъ существовать. Въ нижнемъ (глубокомъ) слое кожи идетъ постоянное образованіе новыхъ клѣточекъ путемъ дѣленія; по мѣрѣ своего выростанія, клѣтки эти отодвигаются кнаружи, силоциваются, превращаются въ наружный эпителий и, наконецъ, отшелушиваются и отпадаютъ, уступая свои мѣста лежащимъ ниже, болѣе молодымъ клѣткамъ. Клѣтки печени, разрастаясь отъ поглощенія веществъ, изъ которыхъ онѣ отдѣляютъ желчь, подъ конецъ умираютъ и освобожденные ими мѣста занимаются другимъ поколѣніемъ клѣтокъ. Даже кость, кажущаяся такой плотной и такой инертной, проникнута повсюду кровеносными сосудами, приносящими матерьялы для замѣщенія состарѣвшихся составныхъ частей новыми. И такое замѣщеніе, — въ иныхъ тканяхъ — быстрое, въ другихъ — медленное, — совершается въ такихъ размѣрахъ, что, въ продолженіи существованія всего тѣла, всѣ части его разрушаются и воспроизводятся снова по многу разъ.

Тоже самое, и въ такой же мѣрѣ, имѣетъ мѣсто и по отношенію къ обществу и его единицамъ. Все общество и каждый изъ его большихъ отдѣловъ продолжаютъ сохранять изъ году въ годъ свою цѣлость, не смотря на смерть входящихъ въ ихъ составъ отдѣльныхъ гражданъ. Обширная фабрика, находящаяся въ какомъ-нибудь мануфактурномъ городѣ и состоящая изъ живыхъ общественныхъ единицъ, людей, продолжаетъ производить извѣстный продуктъ, удовлетворяющій извѣстной національной потребности, и продолжаетъ оставаться, по истеченіи цѣлаго вѣка, тою-же обширной фабрикой, не смотря на то, что и хозяева, и рабочіе, составлявшіе ее сто лѣтъ тому назадъ, давнымъ давно исчезли съ лица земли. Тоже самое имѣетъ мѣсто даже по отношенію къ еще менѣе важнымъ частностямъ промышленнаго устройства. Извѣстная фирма, ведущая свое начало отъ прошедшихъ поколѣній, продолжаетъ вести свои дѣла подъ именемъ своего перваго основателя;

УДК 316.73
ББК 62.01

всѣ ея члены и служащіе перемѣнялись по одиночкѣ, быть можетъ, разъ, но самая фирма продолжаетъ занимать свое прежнее положеніе въ промышленномъ мірѣ и поддерживать прежнія отношенія къ покупателямъ и продавцамъ. Тоже самое находимъ мы повсюду. Правительственныя учрежденія, какъ общаго, такъ и мѣстнаго характера, духовныя корпораціи, армія, всевозможныя другія учрежденія, вплоть до гильдій, цеховъ, клубовъ, челоуколюбивыхъ обществъ, и пр., обнаруживаютъ весьма значительную продолжительность жизни, далеко превосходящую продолжительность жизней составляющихъ ихъ личностей. Но этого мало. Не трудно видѣть, что, въ силу того же самаго закона, существованіе общества, какъ цѣлаго, значительно превосходить по своей продолжительности существованія нѣкоторыхъ изъ этихъ составныхъ его частей. Частныя союзы, мѣстныя общественныя учрежденія, второстепенныя національныя учрежденія, цѣлые города, посвященные извѣстной спеціальной промышленности, могутъ исчезать, между тѣмъ какъ самая нація, постоянно сохраняя свою цѣлость, будетъ увеличиваться въ размѣрахъ и въ сложности своего общественного устройства.

Въ обоихъ случаяхъ мы видимъ также, что взаимно-зависимыя отправленія различныхъ отдѣловъ слагаются каждое изъ дѣятельностей множества единицъ; и что умираніе этихъ единицъ одна за другой и замѣщеніе ихъ новыми не вліяетъ чувствительнымъ образомъ на то отправленіе, въ которомъ онѣ принимали участіе. Каждый саркозный элементъ мышцы изнашивается въ свою очередь, удаляется прочь и замѣщается новымъ; но остальные ея элементы продолжаютъ свои совокупныя сокращенія по прежнему; точно также выходъ въ отставку какого-нибудь общественнаго дѣятеля или смерть какого-нибудь торговца нарушаетъ лишь весьма малозамѣтнымъ образомъ дѣятельность того учрежденія или дѣла того промышленнаго предпріятія, въ которомъ онъ принималъ участіе.

Вслѣдствіе этого, въ социальномъ организмѣ, какъ и въ индивидуальномъ, является жизнь цѣлаго, совершенно отличная отъ жизней отдѣльныхъ единицъ, хотя и слагающаяся изъ этихъ послѣднихъ.

§ 220. Отъ этихъ сходствъ между социальнымъ и индивидуальнымъ организмами мы должны обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ крайнихъ несходствъ, которыя существуютъ между ними. Всѣ части животнаго образуютъ одно конкретное цѣлое; но части, составляющія общество, образуютъ такое цѣлое, которое должно считаться раздѣльнымъ (discrete), а не конкретнымъ. Живыя единицы, составляющія собою животное, тѣсно связаны между собою и находятся въ непосредственномъ или почти непосредственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ; тогда какъ живыя единицы, составляющія собою общество,

свободны, не находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи, но разсѣяны болѣе или менѣе далеко другъ отъ друга. Какимъ же образомъ можно толковать послѣ этого о какомъ-либо параллелизмѣ между обществомъ и организмомъ?

Хотя это различіе имѣетъ основной характеръ и, повидимому, устраняетъ всякую возможность сравненія, однако, внимательное изслѣдованіе доказываетъ, что оно менѣе важно, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Позже я покажу, что, даже при полномъ допущеніи этого различія, оно ничуть не противорѣчитъ принятію указанной аналогіи; но теперь мы посмотримъ, какимъ образомъ всякій желающій могъ бы доказать, что, даже и въ этомъ отношеніи, здѣсь существуетъ болѣе сходства, чѣмъ можетъ показаться съ перваго, поверхностнаго взгляда.

Человѣкъ, пожелавшій доказать это, могъ бы утверждать, что физически непрерывное тѣло животнаго не состоитъ повсюду изъ живыхъ единицъ; но что оно составлено въ значительной мѣрѣ изъ обособившихся частей, которыя были образованы вначалѣ жизнедѣятельными частями, но позже сдѣлались полу-живыми или даже стали вовсе безжизненными. Взявъ для примѣра протоплазматическій слой, лежащій подъ кожей, онъ могъ бы сказать, что этотъ слой состоитъ дѣйствительно изъ живыхъ единицъ; но что образующіяся въ немъ клѣтки, переходя въ эпителиальныя чешуйки, превращаются въ инертный охранительный аппаратъ; затѣмъ, указавъ на нечувствительные ногти, волосы, рога и зубы, образующіеся изъ этого слоя, онъ могъ бы прибавить, что хотя всѣ эти образованія и суть составныя части организма, однако же они едва-ли могутъ быть названы его живыми частями. Слѣдуя далѣе тѣмъ же путемъ, онъ могъ-бы сказать, что и во всѣхъ другихъ частяхъ организма существуютъ такіе протоплазматическіе слои, изъ которыхъ вырастаютъ ткани, слагающіяся въ различные органы; что эти слои одни только остаются вполне живыми, между тѣмъ какъ развивающіеся изъ нихъ аппараты теряютъ свою жизненность пропорціонально степени своей спеціализаціи; въ подтвержденіе чего онъ могъ бы указать на хрящи, тяжи (сухожилія) и соединительную ткань, которые обнаруживаютъ весьма замѣтнымъ образомъ низкую степень присущей имъ жизненности. Изъ всего этого онъ могъ бы вывести заключеніе, что хотя тѣло животнаго представляетъ непрерывное цѣлое, однако его существенныя единицы, разсматриваемыя сами по себѣ, образуютъ такое непрерывное цѣлое только тамъ, гдѣ мы находимъ протоплазматическіе слои.

Вслѣдъ за этимъ, онъ постарался бы доказать, что социальный организмъ, при правильномъ взглядѣ на него, представляется гораздо менѣе прерывистымъ, или раздѣльнымъ, чѣмъ это можетъ показаться сначала. Онъ могъ бы утвер-

УДК 316.77
ОПТИКА

ждать, что подобно тому, какъ мы включаемъ въ индивидуальный организмъ наряду съ вполне живыми его частями, также и менѣ живыя и даже вовсе безжизненные его части, имѣющія свою долю участія въ полной дѣятельности всего цѣлаго; такъ точно мы должны включать и въ общественный организмъ не одни только наиболѣе жизненные его единицы, — человѣческія существа, которыя опредѣляютъ въ главной мѣрѣ наблюдаемая въ немъ явленія; но также и различные роды домашнихъ животныхъ, которые, стоя ниже на лѣстницѣ жизни, оказываютъ тѣмъ не менѣ человѣку свое содѣйствіе, подъ его непрерывнымъ контролемъ; равно какъ и еще болѣе низко стоящіе аппараты, — растенія — которыя, размножаясь подъ вліяніемъ и при содѣйствіи человѣка, доставляютъ матерьялы для животной и человѣческой дѣятельностей. Въ защиту такого взгляда онъ могъ бы указать на то: — въ какой мѣрѣ эти низшіе классы организмовъ, сосуществующіе съ людьми въ составѣ общества, вліяютъ на складъ и дѣятельность общества въ различныхъ случаяхъ; — до какой степени различныя особенности пастушескаго типа зависать отъ рода воспитываемыхъ животныхъ; — и въ какой мѣрѣ, въ осѣдлыхъ обществахъ, растенія, доставляющія пищу, матерьялы для пряжи и тканей, и пр., опредѣляютъ собою тѣ или другія особенности общественнаго склада, тѣ или другія формы различныхъ общественныхъ дѣятельностей. Показавъ все это, онъ могъ-бы сказать: такъ какъ физическія и душевныя особенности человѣческихъ единицъ, равно какъ и ихъ повседневныя дѣйствія, складываются въ извѣстной мѣрѣ подъ вліяніемъ этихъ животныхъ и растеній, которыя, живя при помощи людей и, въ свою очередь, помогая жить людямъ, проникаютъ такъ глубоко въ общественную жизнь, что составляютъ даже предметъ попеченій законодательства, то эти низшія живыя существа не могутъ быть по справедливости исключены изъ представленія объ общественномъ организмѣ. Резюмируя все сказанное, онъ могъ-бы вывести такое заключеніе: если включить въ составъ общества, наряду съ человѣческими существами, и остальные, менѣ жизнедѣятельныя его единицы, — т. е. животныхъ и растенія, населяющія занимаемую обществомъ поверхность, то получится такой агрегатъ, въ которомъ непрерывность между частями будетъ приближаться гораздо болѣе къ тому, что мы видимъ въ индивидуальномъ организмѣ, чѣмъ это можно было бы подуматъ съ перваго взгляда. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ, общество будетъ сходствовать съ организмомъ еще съ той стороны, что оно также окажется составленнымъ изъ мѣстныхъ агрегатовъ въ высшей степени жизненныхъ единицъ, погруженныхъ въ обширный агрегатъ единицъ, представляющихъ различныя, болѣе низкія, степени жизненности; причемъ эти низшія единицы производятся, въ извѣст-

номъ смыслѣ, высшими единицами, видоизмѣняются ими и получаютъ, подъ ихъ вліяніемъ, то или другое расположеніе въ пространствѣ и времени.

Впрочемъ, даже и не раздѣляя этого взгляда, но допуская вполнѣ, что раздѣльность (discreteness) общественного организма стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ цѣлностью (concreteness) организма индивидуального, мы все-таки имѣемъ возможность легко устранить сдѣланное выше возраженіе.

§ 221. Хотя, въ индивидуальномъ организмѣ, непрерывная связь между частями составляетъ необходимое предварительное условіе для той взаимной коопераціи частей, посредствомъ которой выполняется его жизнь; и хотя члены социальнаго организма, не образуя конкретнаго цѣлага, не могутъ достигать такой взаимной коопераціи путемъ физическихъ вліяній, передаваемыхъ непосредственно отъ одной части къ другой; однако и они могутъ достигать и дѣйствительно достигаютъ такой коопераціи, только инымъ путемъ. Хотя они и не находятся во взаимномъ соприкосновеніи, тѣмъ не менѣе они вліяютъ другъ на друга черезъ промежуточные пространства при помощи языка чувствъ и языка ума, словеснаго и письменнаго. Для выполнения взаимозависимыхъ дѣйствій необходимо, чтобы побудительные импульсы, приспособленные другъ къ другу со стороны качества, количества и времени, могли передаваться отъ одной части другой. Въ живомъ существѣ, это требованіе выполняется при помощи особыхъ молекулярныхъ волей, которыя, у низшихъ типовъ, неопредѣленно разливаются по всѣмъ направленіямъ, а у высшихъ, передаются по совершенно опредѣленнымъ каналамъ, функція которыхъ получила знаменательное названіе посреднической (internuncial). Въ обществахъ, это требованіе выполняется при помощи знаковъ, символически выражающихъ чувства и мысли и передающихся отъ одной личности къ другой, — сначала весьма неопредѣленнымъ образомъ и лишь на короткихъ разстояніяхъ, а потомъ болѣе опредѣленно и на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Другими словами, — посредническая функція, не достижимая, здѣсь путемъ физической передачи стимуловъ, выполняется тѣмъ не менѣе съ помощью языка.

Такимъ образомъ и здѣсь устанавливается настоящимъ образомъ та взаимная зависимость частей, которая составляетъ организацію. И хотя социальный организмъ не конкретенъ, а раздѣленъ, но это обстоятельство дѣлаетъ его тѣмъ не менѣе настоящимъ живымъ цѣлымъ.

§ 222. Только что разсмотрѣнное нами возраженіе и данный на него отвѣтъ приводятъ насъ косвеннымъ путемъ къ другому контрасту между обществомъ и организмомъ, — контрасту, имѣющему очень знаменательный смыслъ и вліяющему основнымъ образомъ на нашу идею относительно той цѣли, къ осуществленію которой должна стремиться общественная жизнь.

УДК 316.73
ББК 84.400.1

Хотя раздѣльность социальнаго организма не препятствуетъ раздѣленію отправленій и взаимной зависимости частей; однако она не позволяетъ такой дифференціаціи зайти такъ далеко, чтобы одна часть сдѣлалась органомъ чувства и мысли, а остальные части, взаѣмъ того, утратили совершенно всякую чувствительность. Высшія животныя, къ какому бы классу они ни принадлежали, отличаются отъ низшихъ сравнительной сложностью нервной системы и сравнительнымъ совершенствомъ ея интеграціи. Въ то время какъ, у низшихъ типовъ, ихъ мелкіе, разбѣянные нервные узелки существуютъ, можно сказать, только для блага другихъ аппаратовъ; концентрированные узлы высшихъ типовъ представляютъ, наоборотъ, такіе аппараты, для блага которыхъ, можно сказать, существуютъ всѣ остальные. Хотя развитая нервная система управляетъ дѣйствіями всего тѣла такимъ образомъ, чтобы сохранить его цѣлость, однако конечной цѣлью всѣхъ этихъ дѣйствій служить благосостояніе самой нервной системы: такъ какъ вредъ, нанесенный какому-нибудь органу, получаетъ свою важность только вслѣдствіе того, что онъ причиняетъ нервной системѣ, непосредственнымъ или отдаленнымъ образомъ, извѣстное страданіе или лишаетъ ее извѣстнаго удовольствія. Но раздѣльность общества отрицаетъ возможность проведенія въ немъ дифференціаціи до этой крайней ступени. Въ индивидуальномъ организмѣ, большая часть его мелкихъ живыхъ единицъ локализована постояннымъ образомъ; большинство ихъ зачинается, вырастаетъ, дѣйствуетъ, размножается и умираетъ на томъ же самомъ мѣстѣ; а потому всѣ эти прочно-локализованныя единицы, въ теченіи безконечнаго ряда поколѣній, такъ сказать, пригоняются каждая къ своей функціи, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ становятся особенно чувствительными, а другія совсѣмъ безчувственными. Но въ социальномъ организмѣ мы видимъ иное. Его составныя единицы, не находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи и будучи удерживаемы въ своихъ относительныхъ положеніяхъ съ меньшею строгостью, не могутъ дифференцироваться въ такой мѣрѣ, чтобы одни изъ нихъ стали совсѣмъ безчувственными, а другія монополизировали себѣ всякое чувство. Въ дѣйствительности, и тутъ существуютъ слабыя слѣды такой дифференціаціи. Человѣческія существа не сходны между собою по отношенію къ количеству ощущенія и чувства, вызываемыхъ въ нихъ одинаковыми причинами: въ однихъ изъ нихъ замѣчается значительная черствость, въ другихъ—значительная воспримчивость. Контрасты этого рода могутъ быть постоянно наблюдаемы въ предѣлахъ одного и того же общества даже тогда, когда члены его принадлежатъ къ одной и той же расѣ; но особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда члены его принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ,—господствующей и покоренной. Единицы, занимающіяся ручнымъ трудомъ и ведущія тяжелую жизнь, во-

обще менѣ чувствительны, чѣмъ единицы, работающія головою и лучше обес-
 печенныя въ своей жизни. Но хотя регулятивные (правительственные) аппа-
 раты социальнаго организма дѣйствительно стремятся, — подобно регулятивнымъ
 аппаратамъ индивидуальнаго организма, — стать исключительнымъ сѣдалищемъ
 чувствованія; однако это стремленіе постоянно сдерживается отсутствіемъ здѣсь
 той физической непрерывности, которая ведетъ къ постоянству отправленія;
 оно сдерживается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что даже единицы, зани-
 мающіяся ручнымъ трудомъ, постоянно нуждаются въ чувствованіи для долж-
 наго выполненія своихъ функцій.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ основное различіе между этими двумя ро-
 дами организмовъ. Въ одномъ, сознание концентрировано въ одной небольшой
 части агрегата. Въ другомъ, сознание разлито по всему агрегату: всѣ его еди-
 ницы способны чувствовать наслажденіе и страданіе, если и не въ равной сте-
 пени, то приблизительно одинаково. Слѣдовательно, тутъ не существуетъ ничего
 похожаго на какое-либо „общественное чувствилище“ (Social Sensorium); а
 потому благосостояніе агрегата, разсматриваемое независимо отъ благосостоя-
 нія составляющихъ его единицъ, никогда не можетъ считаться цѣлью обще-
 ственныхъ стремленій. Общество существуетъ для блага своихъ членовъ; а не
 члены его существуютъ для блага общества. Слѣдуетъ всегда помнить, что,
 какъ-бы ни были велики усилія, направленные къ благосостоянію политиче-
 ского агрегата, всѣ притязанія этого политическаго агрегата, сами по себѣ,
 суть ничто, и что они становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой
 они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ агрегатъ единицъ.

§ 223. Высказавъ это послѣднее соображеніе, которое должно считаться
 скорѣе отклоненіемъ отъ предыдущей аргументаціи, чѣмъ ея продолженіемъ,
 вернемся теперь назадъ и перечислимъ вкратцѣ тѣ различные доводы, которые
 принуждаютъ насъ смотрѣть на общество какъ на организмъ.

Общество обнаруживаетъ явленіе постояннаго роста; по мѣрѣ его возрас-
 та, части его, становясь несходными другъ съ другомъ, обнаруживаютъ
 увеличеніе сложности строенія; въ то же самое время, эти несходныя части
 принимаютъ на себя выполненіе несходныхъ дѣятельностей; эти дѣятельности
 не только различны между собою, но еще эти различія находятся въ такихъ
 отношеніяхъ другъ къ другу, что дѣлаютъ возможными одни другія; являю-
 щаяся такимъ образомъ взаимная помощь вызываетъ взаимную зависимость
 всѣхъ частей общества; и эти взаимозависимыя части, живя при помощи другъ
 друга и другъ для друга, образуютъ агрегатъ, построенный на томъ же са-
 момъ общемъ началѣ, какъ и индивидуальный организмъ. Аналогія между об-
 ществомъ и организмомъ становится еще яснѣе, когда мы узнаемъ, что каждый

УДК 316.73
ББК 62.01

организмъ, сколько-нибудь замѣтнаго объема, есть общество; а также, когда мы узнаемъ далѣе, что, въ обоихъ случаяхъ, жизни единицъ продолжаются еще въ теченіи нѣкотораго времени послѣ того, когда жизнь агрегата будетъ неожиданно остановлена какимъ нибудь насильственнымъ способомъ; и что, въ обоихъ случаяхъ, жизнь агрегата, не будучи остановлена путемъ насилія, далеко превосходитъ, по своей продолжительности, жизни его единицъ. Хотя одинъ изъ сравниваемыхъ нами агрегатовъ конкретенъ, а другой раздѣленъ (*discrete*), и хотя это обстоятельство влечетъ за собою различіе въ тѣхъ цѣляхъ, которыя достигаются организаціей въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаяхъ, однако оно не влечетъ за собою различія со стороны законовъ организаціи, которые одинаковы для обоихъ случаевъ; ибо необходимое условіе каждой организаціи, а именно, — возможность для всѣхъ частей организма взаимно вліять другъ на друга, существуетъ и въ обществѣ, хотя оно выполняется здѣсь не прямымъ, а косвеннымъ путемъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ, въ самыхъ общихъ формахъ, тѣ доводы, которые заставляютъ насъ смотрѣть на общество, какъ на организмъ, мы можемъ считать себя достаточно подготовленными къ тому, чтобы прослѣдить это сравненіе въ его подробностяхъ. Мы увидимъ, что чѣмъ далѣе мы будемъ слѣдить за этой аналогіей, тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться въ ея вѣрности.

ГЛАВА III.

Общественный ростъ.

§ 224. Общества, какъ и живыя существа, зачинаются изъ зародышей, — т. е. берутъ свое начало отъ такихъ скопленій, величина которыхъ крайне ничтожна, по сравненію съ тою, которой они достигаютъ впоследствии. Никто не рѣшится оспаривать того факта, что самыя большія общества возникли вначалѣ изъ небольшихъ кочующихъ ордъ, подобныхъ тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ теперь у самыхъ низшихъ человѣческихъ расъ. Орудія и утварь доисторическихъ народовъ оказываются болѣе грубыми, чѣмъ даже тѣ, которыя употребляются нынѣшними дикарями; что указываетъ на отсутствіе у нихъ тѣхъ искусствъ, которыя одни только дѣлаютъ возможными обширныя скопленія людей. Нѣкоторые религиозные обряды, сохранившіеся въ культахъ древнихъ историческихъ расъ съ незапамятныхъ временъ, указываютъ на тотъ періодъ цивилизаціи, когда прародители этихъ расъ употребляли кремневые ножи и добывали огонь изъ дѣрева посредствомъ тренія, и потому должны были жить маленькими группами, которыя одни только могутъ существовать до появленія земледѣлія.

Смыслъ всѣхъ этихъ фактовъ тотъ, что процессъ интеграціи, прямой и косвенной, породилъ, въ теченіи времени, такіе общественные агрегаты, которые, по своей обширности, превосходятъ въ милліоны разъ тѣ мелкіе общественные агрегаты, которые одни только существовали въ самыя отдаленныя времена человѣческой исторіи. И такъ общественный ростъ, по достигаемымъ имъ размѣрамъ, оказывается аналогичнымъ съ ростомъ у живыхъ существъ.

§ 225. Эта черта надъ-органическаго развитія сходствуетъ съ соотвѣтствующею ей чертою органическаго развитія еще съ той стороны, что, въ обоихъ случаяхъ, агрегаты различныхъ классовъ обнаруживаютъ явленіе роста въ чрезвычайно различной степени.

Пересматривая наскоро всю совокупность животных типовъ, что члены обширнаго класса Protozoa рѣдко вырастаютъ за предѣлы того микроскопическаго объема, съ котораго начинается свое развитіе всякое высшее животное. У многочисленныхъ и разнообразныхъ Coelenterata величина тѣла колеблется между размѣрами маленькой гидры и большой медузы. У Кольчатыхъ и Мягкотѣлыхъ, контрастъ между самыми крупными и самыми мелкими ихъ представителями можетъ быть названъ громаднымъ. Точно также и Позвоночныя, будучи въ среднемъ выводѣ крупнѣе остальныхъ классовъ, обнаруживаютъ огромныя различія между отдѣльными своими членами со стороны достигаемыхъ ими размѣровъ.

Подобныя же различія со стороны роста поражаютъ насъ и при обзорѣннй всей совокупности людскихъ обществъ. Многія области земнаго шара представляютъ намъ мелкія, разсѣяныя орды, — эти выжившіе донинѣ брашники первобытнаго общественнаго типа. Такъ, мы имѣемъ тутъ Лѣсныхъ Веддаховъ, живущихъ иной разъ одиночными парами, и только изрѣдка сбивающихся въ небольшія группы; далѣе мы имѣемъ Бушменовъ, блуждающихъ по своимъ пустынямъ отдѣльными семьями и лишь случайно образующихъ болѣе крупныя группы; затѣмъ мы имѣемъ Огнеземельцевъ, живущихъ по дюжинѣ вмѣстѣ или, рѣдко, человекъ по двадцати. У Австралійцевъ, Тасманійцевъ и Андаманезцевъ число членовъ въ отдѣльномъ племени колеблется, быть можетъ, между двадцатью и пятидесятью. Такое же ограниченіе численности племени этими первобытными размѣрами встрѣчаемъ мы у Эскимосовъ, гдѣ обитаемая страна оказывается черезъ-чуръ негостепріимною для человекъ; у индѣйцевъ изъ племени Даггеръ, гдѣ размноженію мѣшаетъ слишкомъ слабое развитіе житейскихъ искусствъ; и у нѣкоторыхъ изъ горныхъ племенъ Индіи, каковы Джунанги, гдѣ дальнѣйшій общественный ростъ встрѣчаетъ себѣ помѣху со стороны сосѣднихъ, болѣе высокихъ расъ. Но тамъ, гдѣ плодотворная почва доставляетъ много пищи, и тамъ, гдѣ болѣе осыдающая жизнь, порождая земледѣліе, опять таки увеличиваетъ запасъ пищи, мы находимъ болѣе обширныя общественныя агрегаты, — напри- мѣръ, на островахъ Полинезіи и во многихъ областяхъ Африки. Тутъ, мѣстами сотня или двѣ, мѣстами нѣсколько тысячъ, а мѣстами и много тысячъ людей, удерживаются вмѣстѣ болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ и составляютъ болѣе или менѣе плотную массу. И, наконецъ, въ наиболѣе высокихъ обществахъ, вмѣсто отчасти сплоченныхъ тысячъ, мы имѣемъ вполне сплоченныя милліоны.

§ 226. Ростъ индивидуальнаго организма и ростъ общественнаго организма сходны между собою еще въ другомъ отношеніи. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, увеличеніе размѣра совершается помощью двухъ процессовъ, которые

имѣютъ мѣсто иной разъ порознь, а иной разъ вмѣстѣ. Возрастаніе группы можетъ совершаться или путемъ простаго умноженія единицъ, ведущаго къ увеличенію группы, или путемъ сліянія между собою уже сложившихся группъ, причемъ получившіяся такимъ образомъ группы группъ могутъ снова сливаться между собою. Параллелизмъ перваго способа для обоихъ случаевъ слишкомъ простъ, чтобы нуждаться въ поясненіяхъ; но второй способъ долженъ быть поясненъ фактами, въ которыхъ онъ обнаруживается.

Органическая интеграція была уже подробно рассмотрѣна въ Основаніяхъ Біологіи, §§ 180—211; но здѣсь мы должны снова припомнить ее вкратцѣ, чтобы сдѣлать наше сравненіе понятнымъ. Прежде всего взглянемъ на органическую группировку первой, второй, и т. д. степеней, обнаруживающуюся въ растительномъ царствѣ, такъ какъ здѣсь она можетъ быть прослѣжена съ большею легкостью.

Растенія самыхъ низшихъ порядковъ представляютъ просто крошечныя клѣточки, неизчислимыя міриады которыхъ то окрашиваютъ собою стоячія воды, то образуютъ зеленые пленки, одѣвающие различныя сырыя поверхности. Путемъ сліянія такихъ клѣточекъ образуются маленькія, нѣжныя нити, кружки, шарики, и пр., равно какъ и безформенныя или же пластинчатые массы. Когда такая пластинчатая масса не представляетъ почти никакой дифференціаціи, какъ у морской водоросли, она называется ростцемъ, или слоевищемъ (*thallus*), когда же она представляетъ кое-какіе признаки внутренняго строенія, какъ у нѣкоторыхъ вышестоящихъ тайнобрачныхъ, она называется листовищемъ, или вайею (*frond*); но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, эта масса представляетъ обширную, но простую, группу одно-клѣтчныхъ протофитовъ, упомянутыхъ нами съ самаго начала. Такія листовища опять таки соединяются между собою, у нѣкоторыхъ низшихъ тайнобрачныхъ—лишь временнымъ образомъ, у высшихъ же—въ совершенно постоянныя группы, причемъ является рядъ листовыхъ поверхностей, соединенныхъ между собою ползучимъ стеблемъ. Отсюда является потомъ явнобрачная ось,—т. е. побѣгъ, съ его листовыми органами, или просто листьями. Другими словами, тутъ является теперь уже группа группъ, имѣющая постоянный характеръ. Затѣмъ, когда изъ этой оси разовьются побочныя оси, а изъ нихъ опять вѣтви, вѣточки и т. д., то мы получимъ рядъ сложныхъ органическихъ группировокъ все болѣе и болѣе высокихъ степеней.

Въ животномъ царствѣ происходитъ то же самое, только въ менѣе правильной и болѣе скрытной формѣ. Самое маленькое животное, какъ и самое маленькое растеніе, есть крошечная группа живыхъ молекулъ, или фізіологическихъ единицъ. Эти самыя маленькія животныя сливаются въ новыя группы, представляющія много различныхъ формъ и ступеней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—какъ,

напримѣръ, у сложных *Vorticellae* и у губокъ, ихъ индивидуальности почти нисколько не затемняются индивидуальностью составляемаго ими агрегата; но, съ прогрессивнымъ развитіемъ сложнаго агрегата, индивидуальности составляющихъ его агрегатовъ становятся менѣе и менѣе ясными. Такъ, напримѣръ, хотя, въ нѣкоторыхъ *Cœlenterata*, они и удерживаютъ еще значительную самостоятельность, — что можно видѣть изъ того, что, будучи отдѣлены отъ составляемаго ими агрегата, они движутся на манеръ амёбъ, — однако ужъ и здѣсь ихъ индивидуальности поглощаются въ очень значительной мѣрѣ индивидуальностью составляемаго ими агрегата, какъ въ этомъ можно убѣдиться на примѣрѣ обыкновенной гидры. Изъ совокупности этихъ вторичныхъ агрегатовъ возникаютъ подобнымъ же образомъ третичные агрегаты. Различныя формы и фазисы этого процесса могутъ быть наблюдаемы на многочисленныхъ типахъ порядка *Cœlenterata*. Здѣсь мы имѣемъ вѣтвистую гидроду, въ которой отдѣльные полипы сохраняютъ каждый свою индивидуальность, общій же полипникъ служить только для удерживанія ихъ всѣхъ вмѣстѣ; затѣмъ тутъ имѣются такія формы, какъ *Velella*, въ которой составляющіе ее полипы до такой степени измѣнены и слиты другъ съ другомъ, что ихъ индивидуальность долго ускользала отъ взора наблюдателей. Между *Molluscoida* мы имѣемъ и слабо-связанные третичные агрегаты, — въ отрядѣ *Salpidae*, — и тѣсно-сплоченные третичные агрегаты, — въ отрядѣ *Botryllidae*, гдѣ эта сплоченность третичнаго агрегата почти совершенно затемняетъ индивидуальности составляющихъ его вторичныхъ агрегатовъ. То же самое видимъ мы и у нѣкоторыхъ кольчатыхъ типовъ (*Annuloida*) и, какъ я старался доказать, — у всѣхъ вообще *Annulosa*.

Общественный ростъ совершается путемъ подобнаго же сліянія общественныхъ группъ разныхъ степеней. Первичная общественная группа, — подобно первичной группѣ физиологическихъ единицъ, съ которой начинается органическое развитіе, — никогда не достигаетъ сколько нибудь значительнаго размѣра путемъ простаго разростанія. Разсматривая такіе крайніе примѣры, какъ тѣ, что доставляются намъ Огнеземельцами, у которыхъ скудность запасовъ естественной пищи, доставляемой имъ ихъ суровымъ обиталищемъ, не позволяетъ жить въ одномъ мѣстѣ болѣе чѣмъ двадцати человѣкамъ или около того; — или Андаманезцами, принужденными ограничиваться узкою береговою полосой, запертою сзади непроницаемою лѣсною чащею, гдѣ сорокъ человѣкъ есть наибольшее число, могущее найти себѣ достаточно добычи, не удаляясь слишкомъ далеко отъ своихъ временныхъ жилищъ; — или Бушменами, блуждающими по голымъ пустынямъ, гдѣ могутъ существовать только самыя маленькія орды, и гдѣ даже отдѣльная семья „бываетъ вынуждена иной разъ разойтись въ раз-

ныя стороны, ибо одно и тоже мѣсто не можетъ доставить ея членамъ такого количества пищи, котораго хватило бы на пропитаніе ихъ всѣхъ“, мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, каждая простая группа наталкивается, при своемъ разростаніи, на нѣкоторые неизбежные предѣлы, перейдя которые она бы-ваетъ вынуждена отдѣлать и отослать отъ себя образовавшійся избытокъ, который складывается въ новую маленькую группу, подобную первоначальной. Даже въ довольно плодоносныхъ обиталищахъ, общественныя группы, по истеченіи нѣкотораго времени, бываютъ вынуждены къ подобному же распаденію на части. Увеличиваясь въ своей численности, первобытное племя распростра-няется все шире и шире и, подъ конецъ, разливается такъ широко, что различ-ныя его части теряютъ взаимную связь и распадаются на независимыя группы, которыя, съ превращеніемъ ихъ постоянно-расходящихся диалектовъ въ раз-личные языки, превращаются сами въ различные племена. Часто за этимъ не слѣдуетъ ничего другаго, кромѣ повторенія того-же процесса. Взаимныя столкно-венія племенъ, уменьшеніе и вымираніе однихъ, разростаніе и самопроизвольное раздѣленіе другихъ, продолжаютъ тинуться изъ вѣка въ вѣкъ безконечную че-редой.

Образованіе болѣе крупнаго общества происходитъ только пу-темъ комбинаціи этихъ болѣе мелкихъ обществъ; причемъ раздѣленія, вызванныя прежними распаденіями, не стираются вслѣдствіе этого процесса. Процессъ этотъ можетъ быть наблюдаемъ еще и теперь, на различныхъ своихъ ступеняхъ, у многихъ не цивилизованныхъ расъ, гдѣ онъ происходитъ такъ, какъ онъ про-исходилъ когда-то у предковъ прежнихъ и нынѣшнихъ цивилизованныхъ расъ. Въ мѣсто абсолютной независимости мелкихъ ордъ, наблюдаемой нами у самыхъ низшихъ изъ дикихъ расъ, мы находимъ у дикарей, подвинувшихся уже нѣ-сколько по пути развитія, присутствіе нѣкоторой, хотя и слабой, связи между ихъ нѣсколько болѣе крупными ордами. Въ Сѣверной Америкѣ, каждое изъ трехъ большихъ племенъ Команчей состоитъ изъ многихъ бандъ, связанныхъ между собою помощью лишь тѣхъ слабыхъ узъ, которыя вытекаютъ изъ лич-наго характера Великаго Вождя. Племя Дакотовъ состоитъ, по словамъ Бёртона, изъ семи главныхъ бандъ, распадающихся каждая на нѣсколько меньшихъ, общее число которыхъ, по свидѣтельству Кэтлина, простирается до сорока двухъ; подобнымъ же образомъ пять Ирокезскихъ народцевъ распадаются каждый на восемь племенъ. При благопріятныхъ условіяхъ, изъ этихъ слабо-связанныхъ между собою первоначальныхъ группъ возникаютъ союзы болѣе тѣснаго свой-ства; но такіе союзы лишь очень рѣдко получаютъ постоянный характеръ. Самая обыкновенная форма этого процесса изображена Масономъ, въ его опи-саніи Кареновъ: „Каждая деревня, съ ея бѣдными владѣніями, есть независимое государство, и каждый вождь есть самостоятельный государь; но, отъ времени

до времени, появляется между ними маленькій Наполеонъ, который подчиняетъ себѣ королевство и основываетъ имперію. Однако такія династіи не переживаютъ своего основателя". Подобное же мы видимъ и въ Африкѣ. Ливингстонъ говоритъ: „Прежде всѣ Маганджіи состояли подъ управленіемъ своего великаго вождя Унди;..... но, по смерти Унди, королевство его распалось въ куски..... Такое распаденіе составляетъ съ незапамятныхъ временъ неизбѣжную судьбу всякой африканской имперіи". Только случайно возникаютъ сложные общественные агрегаты, поддерживающіе такую связь въ продолженіи значительнаго періода времени, каково, напримѣръ, королевство Дагомейское или королевство Ашантиевъ, которое представляетъ „собраніе мелкихъ государствъ, обязанныхъ чѣмъ-то въ родѣ феодальнаго подчиненія одному общему государю. Въ исторіи Мадагаскара и разныхъ Полинезійскихъ острововъ мы также видимъ безпрестанно такія сложные общественныя группы временнаго характера, причемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъ нихъ слагаются подъ конецъ постоянныя группы. Вымершія цивилизованныя расы, въ древнѣйшія времена своей исторіи, прошли черезъ такія же ступени. По словамъ Масперо, Египетъ „въ самомъ началѣ былъ населенъ большимъ числомъ племенъ, которыя потомъ стали слагаться одновременно, въ различныхъ его пунктахъ, въ маленькія, независимыя государства, имѣвшія каждое свое собственное законодательство и свой собственный культ". Первыми сложными общественными группами, возникшими между Греками, были тѣ маленькія группы, которыя явились вслѣдствіе покоренія болѣе слабыхъ городовъ ихъ болѣе сильными сосѣдями. А въ Сѣверной Европѣ, во время ея языческаго періода, образами этой второй ступени агрегаціи были многочисленныя Германскія племена, съ ихъ кантональными подраздѣленіями внутри каждаго отдѣльнаго племени.

Когда такія сложные общества достаточно сплотятся, повтореніе того же самаго процесса, но въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, приводитъ къ образованію обществъ двойной сложности, которыя обыкновенно обнаруживаютъ лишь весьма слабую внутреннюю связь, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ становятся вполне связными и прочными агрегатами. Масперо говоритъ, что тѣ мелкія государства, изъ которыхъ состоятъ въ древности Египетъ, и которыя произошли путемъ интеграціи населявшихъ его племенъ, слились впоследствии въ два большія княжества, — Верхній Египетъ и Нижній Египетъ, а эти послѣднія слились въ свою очередь въ одно большое государство, причемъ прежнія мелкія государства стали его провинціями. Хвастливыя лѣтописи Месопотамскихъ царей также повѣствуютъ о подобномъ соединеніи воедино прежнихъ независимыхъ союзовъ. Также и въ Греціи, та интеграція, которая была въ началѣ лишь мѣстной, начала впоследствии стягивать всѣ прежнія маленькія общества въ двѣ большія конфеде-

аціи. Тоже самое происходило и въ Европѣ, какъ до, такъ и послѣ христіанской эры. Во времена Римской исторіи, многія племена сливались въ федераціи въ виду оборонительныхъ цѣлей; съ теченіемъ времени эти федераціи приобрѣли значительную прочность, а еще позже, вошли сами въ составъ еще болѣе обширныхъ агрегатовъ. Послѣ того, за періодомъ неопредѣленныхъ и измѣнчивыхъ комбинацій, наступило, въ позднѣйшія времена, сліяніе мелкихъ феодальныхъ областей въ провинціи, а этихъ послѣднихъ — въ королевства, какъ это мы можемъ видѣть, напримѣръ, изъ исторіи Франціи.

Такъ что, и въ органическомъ, и въ надъ-органическомъ ростѣ, мы видимъ одинъ и тотъ же процессъ сложенія, или сліянія, восходящій послѣдовательно все выше и выше. Въ обоихъ случаяхъ, за нѣкоторой консолидаціей самыхъ мелкихъ агрегатовъ идетъ процессъ образованія болѣе крупныхъ агрегатовъ, путемъ соединенія первыхъ въ одну общую группу; и, въ обоихъ случаяхъ, повтореніе этого процесса превращаетъ вторичные агрегаты въ третичные.

227. Органическій ростъ и ростъ надъ-органическій представляютъ еще одну аналогію. Выше мы уже сказали, что разростаніе путемъ умноженія числа индивидовъ въ группѣ и разростаніе путемъ сліянія въ одно нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ могутъ имѣть мѣсто одновременно; и дѣйствительно такое одновременное разростаніе этими двумя путями наблюдается въ обоихъ сравниваемыхъ нами случаяхъ.

Первоначальныя группы, въ животномъ и въ общественномъ мірѣ, не только незначительны по своимъ размѣрамъ, но и рыхлы. Существа низшихъ типовъ занимаютъ очень много пространства, сравнительно съ количествомъ содержащагося въ нихъ животнаго вещества; точно также и общества низшихъ типовъ распространяются на обширныя пространства, сравнительно съ числомъ составляющихъ ихъ индивидовъ. Но, какъ въ животномъ мірѣ, интеграція проявляется столько же въ концентраціи, какъ и въ объемѣ; такъ точно и общественная интеграція, являющаяся результатомъ сліянія отдѣльныхъ группъ, дополняется процессомъ умноженія числа индивидовъ въ каждой группѣ. Если мы сравнимъ населенность областей, обитаемыхъ дикими племенами, съ населенностью Европейскихъ областей такихъ же размѣровъ, или если мы сравнимъ густоту населенія Англіи во время гептархіи съ нынѣшней густотой ея населенія, то мы увидимъ, что кромѣ того разростанія, которое вытекло изъ сліянія отдѣльныхъ группъ, здѣсь постоянно шло еще разростаніе путемъ заполнения свободныхъ промежутковъ. Высшее животное не только больше низшаго, но и плотнѣе его; но тотъ же самый результатъ получается и изъ сравненія высшаго общества съ низшимъ.

И такъ, общественный ростъ, подобно росту живаго существа, обнаружи-

УДК 316.77
302.31.01.03.3

васть передъ нами основную черту развитія, съ двухъ ея сторонъ. И въ томъ и въ другомъ, интеграція обнаруживается двоякимъ образомъ: въ достиженіи болѣе объемистой массы, и въ прогрессивномъ приближеніи этой массы къ тому состоянію сплоченности (coherence), которое обуславливается тѣснымъ сближеніемъ ея частей.

Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что существуетъ такой способъ общественнаго роста, который не находитъ себѣ ни малѣйшей аналогіи въ органическомъ ростѣ,—это ростъ путемъ миграціи, или перехода единицъ изъ одного общества въ другое. У многихъ первобытныхъ группъ и у немногихъ развитыхъ, факторъ этотъ имѣетъ немалое значеніе; но, вообще, влияние его столь ничтожно, по сравненію съ влияніемъ роста путемъ умноженія населенія и путемъ сліянія прежнихъ независимыхъ группъ, что онъ не измѣняетъ въ сколько нибудь замѣтной степени разсматриваемой нами аналогіи.

ГЛАВА IV.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СТРОЕНИЕ.

§ 228. Въ обществахъ, какъ и въ живыхъ существахъ, возрастаніе общей массы сопровождается обыкновенно возрастаніемъ сложности строенія. Параллельно съ тою интеграціей, которая составляетъ первичную черту развитія, въ обоихъ этихъ случаяхъ, обнаруживается въ высокой степени и вторичная черта развитія, заключающаяся въ дифференціаціи.

Совокупный ходъ этихъ двухъ явленій, въ животномъ царствѣ, былъ описанъ въ Основаніяхъ Біологін, § 44. Мы видѣли тамъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ низшихъ родовъ животныхъ, дѣятельности которыхъ стоятъ немногимъ выше дѣятельностей растений, во всемъ этомъ царствѣ господствуетъ тотъ общій законъ, что крупные агрегаты обладаютъ высокой организаціей. Ограниченія этого закона, обусловливаемые различіями среды, мѣстообитанія, типа, и пр., весьма многочисленны; но всѣ эти ограниченія оставляютъ неприкосновенною ту истину, что для вынолненія сложной жизни крупной массы требуется сложное устройство.

Тоже самое справедливо и для обществъ. Восходя отъ самыхъ мелкихъ группъ къ болѣе крупнымъ, отъ простыхъ группъ къ сложнымъ, отъ сложныхъ группъ къ группамъ двойной сложности, мы замѣчаемъ постоянно возрастаніе несходствъ между частями группы. Общественная масса очень маленькихъ размѣровъ отличается однородностью своего состава; но, съ каждымъ увеличеніемъ ея размѣра, увеличивается обыкновенно и ея разнородность; для достиженія же значительнаго объема требуется пріобрѣтеніе значительной разнородности. Взглянемъ же вкратцѣ на тѣ послѣдовательныя ступени, черезъ которыя она проходитъ при этомъ.

Весьма естественно, что при такомъ бытѣ, какъ бытъ Кайягуасовъ, или Лѣсныхъ Индѣйцевъ Южной Америки, у которыхъ „каждая семья живетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ остальныхъ“, невозможна никакая общественная

УДК 316.77
316.77.01

организація; и что даже тамъ, гдѣ между отдѣльными семьями уже существуетъ кое-какая слабая связь, такая организація не можетъ установиться, пока эти семьи слишкомъ немногочисленны и ведутъ блуждающую жизнь. Группы Эскимосовъ, Австралийцевъ, Бушменовъ, Огнеземельцевъ, и т. п., не обнаруживаютъ даже того первичнаго контраста между общественными частями, который выражается въ установленіи званія вождя, или главы племени. Члены этихъ группъ не подчинены никакой власти, кромѣ той, которая случайно и временно достается въ удѣлъ болѣе сильному, или болѣе смышленному, или болѣе опытному; такъ что такія группы не имѣютъ даже центрального зерна. Повсюду, гдѣ существуютъ простыя группы сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, мы находимъ обыкновенно родъ какого-нибудь главы. Нельзя сказать, чтобы это правило не имѣло исключеній (ибо, какъ мы увидимъ впоследствии, генезисъ контролирующей власти зависитъ отъ рода общественныхъ дѣятельностей), но все-таки его можно считать общимъ правиломъ. Группы, не имѣющія главъ и вполнѣ свободныя отъ всякаго подчиненія и управленія, бываютъ недостаточно связны и распадаются на части, прежде чѣмъ успѣютъ достигнуть значительныхъ размѣровъ; но во всякомъ постоянномъ агрегатѣ, достигающемъ до сотни человѣкъ, или превосходящемъ эту цифру, мы находимъ обыкновенно простой или сложный правительственный аппаратъ, — т. е. одного человѣка или большее число людей, заявляющихъ притязаніе на власть, — естественную, или сверхъестественную, или на ту и другую вмѣстѣ, — и дѣйствительно пользующихся такой властью. Въ этомъ состоитъ первая общественная дифференціація.

Вскорѣ, вслѣдъ за нею, возникаетъ обыкновенно вторая дифференціація, стремящаяся установить раздѣленіе между направительною (regulative) и исполнительною (operative) частями общества. У самыхъ низшихъ племенъ, это раздѣленіе выражается въ грубой формѣ въ различіи относительнаго положенія и относительныхъ обязанностей двухъ половъ: мужчины, обладая неограниченною властью, занимаются только внѣшними дѣлами, знакомыми данному племени, главнымъ образомъ, — войною; женщины представляютъ покорныхъ домашнихъ рабовъ, выполняющихъ менѣе замысловатыя дѣятельности въ процессѣ прокормленія семьи. Но съ увеличеніемъ численности племени, и съ развитіемъ и укрѣпленіемъ главенства, ведущими обыкновенно къ военному превосходству надъ сосѣдними племенами, является постепенно расширеніе исполнительной части, путемъ присоединенія къ ней плѣнниковъ. Процессъ этотъ начинается незамѣтнымъ образомъ. Въ то время какъ мужчины, участвовавшіе въ битвѣ, избиваются и часто поѣдаются, личности, не принимавшія участія въ битвѣ, обращаются въ рабство: такъ напримѣръ, Патагонцы порабащаютъ женщинъ и дѣтей, взятыхъ

на войнѣ. Позднѣе, особенно съ прекращеніемъ людоедства, является обращеніе въ рабство плѣнныхъ мужчинъ, откуда возникаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнительная часть, рѣзко отличная отъ направительной. Россѣ сообщаетъ намъ, что у Чинуковъ „рабы исполняютъ всѣ трудныя работы“. Извѣстно также, что племя Белучи избѣгаетъ тяжелыхъ трудовъ, связанныхъ съ обработкой земли, и налагаетъ ихъ на Джуттовъ, старинныхъ обитателей этой земли, покоренныхъ ими подъ свою власть. По словамъ Бичама, на Золотомъ Берегу существуетъ обычай заставлять рабовъ расчищать новыя земли подъ пашни, а у Фелатаховъ „рабы-мужчины употребляются для построекъ, для кузнечнаго дѣла, для тканья, для изготовленія обуви и одежды и для торговли; а рабы-женщины—для пряденія, для печенья хлѣба и для продажи воды по улицамъ“.

Съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ общественной массы, обусловленнымъ сліяніемъ первичныхъ общественныхъ агрегатовъ во вторичный, начинается возникать дальнѣйшее несходство между его частями. Сдерживаніе вмѣстѣ сложной группы предполагаетъ существованіе одного общаго главы всего этого цѣлаго, равно какъ и второстепенныхъ главъ, управляющихъ отдѣльными частями; поэтому тотъ же самый процессъ, который породилъ вначалѣ главу племени, — или аналогичный этому процессъ — порождаетъ теперь главу главъ, или вождя вождей. Иногда такое сліяніе прежнихъ независимыхъ племенъ предпринимается для защиты противъ общаго врага; иногда же оно является результатомъ покоренія однимъ племенемъ остальныхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, господствующее племя, стремясь удержать свою власть, развиваетъ въ болѣе высокой степени свои военныя качества и становится такимъ образомъ несходнымъ съ остальными.

Когда такая группа группъ сплотится настолько, что ея соединенныя силы будутъ поддаваться управленію одного правящаго аппарата, она нерѣдко вступаетъ въ союзъ съ другими столь же сложными группами, или покоряетъ себѣ такія группы, причежъ и въ первомъ, и во второмъ случаѣ, дѣло можетъ кончиться полнымъ сліяніемъ двухъ или нѣсколькихъ такихъ сложныхъ группъ;—затѣмъ, за такимъ сліяніемъ, слѣдуетъ еще большее усложненіе правительственнаго аппарата, съ его королемъ, областными правителями и мелкими начальниками; въ то же самое время, тутъ возникаетъ болѣе рѣзкое раздѣленіе на классы: воиновъ, жрецовъ, рабовъ, и пр.; но намъ нѣтъ никакой надобности слѣдить за этимъ процессомъ въ его подробностяхъ; ибо и того, что сказано выше, вполне достаточно, чтобы сдѣлать совершенно очевиднымъ, что увеличеніе массы всегда сопровождается возрастаніемъ сложности строенія.

§ 229. Это возрастаніе разнородности, слѣдующее, и въ обществахъ, и въ организмахъ, вслѣдъ за возрастаніемъ общей массы, представляетъ еще одну

черту, общую обоимъ этимъ случаямъ. Кромѣ тѣхъ несходствъ между частями, которыя являются результатомъ возникновенія координирующихъ аппаратовъ, тутъ появляются вскорѣ новыя несходства въ самихъ координированныхъ аппаратахъ,—т. е. въ органахъ пищеваренія, и пр., въ одномъ случаѣ, и въ органахъ промышленной жизни,—въ другомъ.

Когда животные агрегаты низшаго порядка соединяются для образованія агрегата высшаго порядка, или когда эти вторичные агрегаты соединяются снова для образованія третичнаго агрегата, то, вначалѣ, каждый составной элементъ новаго агрегата бываетъ сходенъ по своему строенію со всѣми остальными; но, съ дальнѣйшимъ развитіемъ, появляются несходства, которыя постепенно становятся болѣе и болѣе рѣзкими. У *Coelenterata* всѣ эти ступени обозначены весьма явственно. Изъ боковъ обыкновенной гидры выплываютъ молодыя гидры, которыя, достигнувъ полнаго развитія, отдѣляются отъ гидры-матери. У сложныхъ гидроидъ, молодые полипы, являющіеся на свѣтъ точно такимъ же путемъ, остаются навсегда связанными съ полипомъ-матерью; каждый изъ нихъ повторяетъ потомъ тотъ же самый процессъ и, такимъ образомъ, тутъ получается подъ конецъ вѣтвистый агрегатъ. Когда члены такой сложной группы ведутъ всѣ схожую жизнь и сохраняютъ каждый свою независимость, какъ это мы видимъ здѣсь у многихъ сидячихъ родовъ, то всѣ они остаются схожими между собою и по своему строенію, за исключеніемъ тѣхъ, которые превращаются въ органы размноженія. Но у неприкрѣпленныхъ и плавающихъ группъ, явившихся путемъ подобнаго же процесса, различно-обусловленные члены группы становятся отличными другъ отъ друга по своему строенію и принимаютъ на себя отличныя дѣятельности, или функціи.

То же самое мы наблюдаемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда меньшія общественныя группы соединяются между собою для образованія болѣе крупной группы. Каждое племя, удовлетворявшее первоначально всѣмъ своимъ надобностямъ своими собственными силами, обладало лишь слабо обозначеннымъ промышленнымъ раздѣленіемъ, достаточно пригоднымъ для низкаго типа его жизни; причемъ эти зачаточныя промышленныя группы были сходны съ такими же группами въ каждомъ другомъ племени. Но соединеніе этихъ племенъ въ одинъ союзъ значительно облегчаетъ обмѣнъ продуктами; и если при этомъ еще случится, — какъ это и дѣйствительно бываетъ въ большинствѣ такихъ случаевъ, — что соединившіяся племена занимаютъ несходныя мѣстности, благоприятствующія у однихъ — однимъ родамъ производства, у другихъ — другимъ, то это соединеніе послужитъ поводомъ къ возникновенію въ различныхъ мѣстностяхъ различныхъ промышленныхъ дѣятельностей, что поведетъ къ возникновенію въ обществѣ различныхъ промышленныхъ аппаратовъ, или классовъ. Даже между

племенами, не входящими въ составъ одного общаго союза, — каковы, напримеръ, племена Австраліи, — всегда происходитъ обмѣнъ продуктами, доставляемыми имъ ихъ различными обиталищами, — разумѣется, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда эти племена находятся въ войнѣ другъ съ другомъ. И, очевидно, что тамъ, гдѣ достигнута уже такая степень интеграціи, какъ на Мадагаскарѣ, или какъ въ главныхъ негритянскихъ государствахъ Африки, внутренній миръ, слѣдующій за подчиненіемъ одному правительству, дѣлаетъ промышленныя сношенія легкими, а потому вызываетъ ихъ усиленіе. Постоянное удерживаніе вмѣстѣ первоначально-сходныхъ частей дѣлаетъ возможнымъ появленіе между ними взаимной зависимости; а съ возрастаніемъ взаимной зависимости возрастаетъ и несходство между частями.

§ 230. И такъ, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ организмѣ, прогрессъ агрегаціи постоянно сопровождается прогрессомъ организаціи, причемъ этотъ послѣдній слѣдуетъ, въ обоихъ случаяхъ, тому же самому общему закону, заключающемуся въ томъ, что послѣдовательныя дифференціаціи подвигаются всегда отъ болѣе общаго къ болѣе специальному. Прежде всего появляются крупныя и простыя отличія между частями; затѣмъ, въ каждой изъ этихъ грубо обозначенныхъ частей наступаютъ измѣненія, раздѣляющія ее на несходныя между собою отдѣлы; послѣ того въ этихъ несходныхъ между собою подъ-отдѣлахъ возникаютъ новыя несходства; и такъ далѣе.

Дѣйствіе этого закона въ животномъ мірѣ можетъ быть показано на послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія головно-спинной оси, или позвоночника. Въ самомъ началѣ, весь головно-спинной каналъ представляется въ видѣ продолговатаго углубленія бластодермы, извѣстнаго подъ названіемъ „первичной бороздки“: на этой стадіи, не видно еще ни малѣйшаго признака позвонковъ; не видно даже различія между тою частью, которая превратится потомъ въ голову, и тою, которая станетъ спиннымъ хребтомъ. Черезъ нѣкоторое время, края, ограничивающіе эту бороздку, начинаютъ разрастаться и сгибаться надъ нею, причемъ этотъ процессъ идетъ болѣе быстро на переднемъ ея концѣ, который, въ то же время, расширяется, вслѣдствіе чего черепъ начинаетъ дѣлаться отличимымъ отъ спины; и такъ какъ спинная часть начинаетъ при этомъ распадаться на сегменты, между тѣмъ какъ головная часть продолжаетъ сохранять свою нераздѣльность, то контрастъ между этими двумя частями усиливается еще болѣе. Въ каждомъ изъ этихъ главныхъ отдѣловъ вскорѣ возникаютъ другія, меньшія, подраздѣленія. Зачаточный черепъ сгибается кпереди и начинаетъ обнаруживать три расширенія, соответствующія заключающимся въ нихъ нервнымъ образованіямъ; а сегментація спиннаго хребта, дойдя до обоихъ его концовъ, производитъ почти-однообразный рядъ первичныхъ позвон-

04135340
48401033

ковъ, — *proto-vertebrae*. Вначалѣ, эти первичные позвонки мало отличаются другъ отъ друга, но еще каждый изъ нихъ обладаетъ относительно очень простою формою, а именно, — представляетъ видъ квадратной массы. Постепенно этотъ почти-однообразный рядъ распадается на несходныя между собою группы: шейную, спинную и поясничную. Это мало. Въ то время какъ позвонки специализируются, такимъ образомъ, и распадается на отличныя другъ отъ друга группы, каждый изъ нихъ начинаетъ измѣняться и переходить изъ своей первоначальной формы, общей ему со всѣми остальными, въ собственную, специальную форму, отличающую его отъ всѣхъ другихъ позвонковъ. Подобные же процессы совершаются въ это время во всѣхъ другихъ частяхъ зародыша: повсюду, прежде всего каждая крупная часть начинаетъ становиться несходною съ остальными; затѣмъ каждая такая часть начинаетъ распадаться на другія, меньшія, части, которыя также становятся постепенно все болѣе и болѣе несходными другъ съ другомъ; и такъ далѣе.

Въ общественномъ развитіи могутъ быть прослѣжены повсюду аналогичныя этому метаморфозы. Для примѣра можно указать хоть на развитіе аппарата, завѣдующаго религіознымъ контролемъ. У простыхъ племенъ и у группъ племенъ, на раннихъ ступеняхъ агрегаціи, мы находимъ людей, которые суть въ одно и то же время и колдуны, и жрецы, и гадатели, и заклинатели, и доктора, — людей, которые дѣйствуютъ на воображаемыя сверхъестественныя существа всѣми возможными путями: то умиливляя ихъ, то выпрашивая у нихъ знаніе и помощь, то приказывая имъ, то подчиняя ихъ своей волѣ. Съ прогрессомъ общественной интеграціи, являются здѣсь заразъ и различія со стороны дѣятельности, или функціи, и различія со стороны сана, или іерархическаго положенія. На островѣ Танга „существуетъ особый классъ жрецовъ насылателей дождей“; на фиджійскихъ островахъ, кромѣ жрецовъ, имѣются еще ясновидцы; у обитателей Сандвичевыхъ острововъ имѣются не только жрецы, но и гадатели; у Ново-Зеландцевъ Томсонъ отличаетъ жрецовъ отъ колдуновъ; а у Кафровъ, кромѣ гадателей и подавателей дождей, существуетъ еще два класса лекарей, изъ которыхъ одинъ лечитъ своихъ пациентовъ только естественными средствами, а другой основываетъ свое леченіе на помощи сверхъестественныхъ силъ. Болѣе передовыя общества, — какъ напримѣръ общества Древней Америки, — обнаруживаютъ еще болѣе разнообразія по отношенію къ этому первоначально однообразному общественному аппарату. Напримѣръ, въ Мексико, медицинское сословіе, происходившее по прямой линіи отъ колдуновъ, которые дѣйствовали на сверхъестественныхъ дѣятелей, считавшихся причинами болѣзней, помощью враждебныхъ мѣръ, было вполне отлично отъ сословія жрецовъ, которые, въ своихъ сношеніяхъ съ сверхъестественнымъ міромъ,

прибѣгали къ умиловительнымъ средствамъ. Далѣе, самъ жреческій классъ распадался у нихъ на нѣсколько различныхъ отдѣловъ, которые распредѣляли между собою различныя религіозныя обязанности: тутъ были и жертвоприношители, и гадатели, и пѣвцы, и сочинители гимновъ, и наставники юношества, и т. д.; кромѣ того, между жрецами существовала здѣсь извѣстная іерархія, т. е. извѣстная система различій относительно высоты занимаемаго сана. Этотъ прогрессъ отъ общаго къ специальному, въ предѣлахъ жреческаго сословія, повелъ, у еще выше стоящихъ народовъ, къ столь рѣзкимъ различіямъ между различными его отдѣлами, что они заставили совершенно позабыть существовавшее первоначально между ними родство. Жрецы-астрологи древнихъ расъ были прародителями нашего ученаго класса, который распался теперь на такое множество разнообразнѣйшихъ специальныхъ группъ; отъ жрецовъ-докторовъ древности произошло наше медицинское сословіе, съ его крупными и мелкими подраздѣленіями; а въ собственно духовномъ классѣ, возникли не только всевозможныя степени духовнаго сана,—отъ Папы до аколита,—но и разнообразнѣйшіе роды священнодѣйствующихъ: іереи, діаконы, пѣвчіе, заклинатели, и пр., равно какъ и многочисленные ордена монаховъ и монахинь. То же самое мы увидѣли бы и въ томъ случаѣ, если бы намъ вздумалось прослѣдить генезисъ какого-нибудь промышленнаго отдѣла; такъ наприимѣръ, отъ первобытныхъ кузнецовъ, плавившихъ самолично то желѣзо, изъ котораго они дѣлали потомъ разныя орудія, мы дошли бы постепенно до нынѣшнихъ желѣзно-заводскихъ и желѣзно-мануфактурныхъ округовъ, гдѣ приготовленіе металла подраздѣляется на выплавку, очищеніе, пудлингованіе, прокатываніе, и пр., а изготовленіе изъ него разныхъ орудій распадается на множество отдѣловъ и выполняется на многочисленныхъ специальныхъ фабрикахъ.

Тотъ сортъ преобразованія, который поясняется всѣми этими примѣрами, есть въ дѣйствительности ничто иное, какъ одна изъ формъ преобразованія однороднаго въ разнородное, характеризующаго собою процессъ развитія повсюду, гдѣ бы мы его ни встрѣтили; но мы должны обратить здѣсь наше вниманіе на ту истину, что такое преобразованіе однороднаго въ разнородное характеризуетъ въ особенно высокой степени именно развитіе индивидуальных и общественныхъ организмовъ.

§ 231. Внимательное разсмотрѣніе фактовъ указываетъ еще на одну поразительную параллель между обществомъ и организмомъ со стороны ихъ строенія. Органы животнаго и органы общества, разсматриваемыя со стороны ихъ внутренняго устройства, оказываются построенными на основаніи одного и того же принципа.

Хотя различныя внутренностныя органы животнаго отличаются другъ отъ

друга во многихъ отношеніяхъ; однако же есть такія черты въ ихъ дѣятельности, которыя общи имъ всѣмъ. Всякій такой органъ заключаетъ приспособленія для проведенія черезъ него пищи, для доставленія ему матерьяловъ для его дѣятельности, для выведенія продуктовъ этой дѣятельности, а также для удаленія ставшихъ негодными веществъ; кромѣ того въ немъ всегда существуютъ еще приспособленія, служація для усиленія или ослабленія его дѣятельности. Хотя печень и почка сильно отличаются одна отъ другой и по внѣшнему виду, и по гистологическому строенію, и по выполняемымъ ими отправленіямъ, однако каждая изъ нихъ имѣетъ свою систему артерій, свою систему венъ, свою систему лимфатическихъ сосудовъ; въ каждой изъ нихъ имѣется своя система развѣтвленныхъ канальцевъ, для выведенія ея специфическаго выдѣленія, и своя система нервовъ, то возбуждающихъ, то сдерживающихъ ея дѣятельность. То же самое примѣнимо въ очень значительной степени и къ тѣмъ болѣе высокимъ органамъ, которые, вмѣсто того чтобы приготавливать, очищать и распредѣлять кровь, помогаютъ общему ходу жизни выполненіемъ внѣшнихъ дѣйствій, — т. е. къ нервнымъ и мышечнымъ органамъ. Эти органы также имѣютъ свои каналы для принесенія имъ годныхъ къ употребленію веществъ, свои каналы для удаленія негодныхъ и испорченныхъ веществъ и свои каналы для выведенія веществъ уже псыбывавшихъ въ употребленіи; они имѣютъ также свои нервныя кѣтки и волокна, управляющія ихъ дѣятельностями. Такъ что, рядомъ съ рѣзкими различіями въ строеніи, различные органы животнаго обладаютъ и этими рѣзкими чертами сходства со стороны своего внутренняго устройства.

То же самое видимъ мы и въ обществѣ. Каждая группа гражданъ, образующая собою органъ, производящій какой-нибудь продуктъ на пользу всего народа, или удовлетворяющій какимъ-либо другимъ путемъ общенароднымъ нуждамъ, обладаетъ извѣстною суммою вспомогательныхъ приспособленій, которыя въ существенныхъ чертахъ совершенно сходны со вспомогательными приспособленіями всякаго другаго органа, выполняющаго всякую другую функцію. Возьмемъ ли мы округъ хлопчато-бумажнаго производства или округъ ножевыхъ издѣлій, или какой-либо другой, — въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ извѣстную группу гражданъ, или извѣстный аппаратъ, занятый доставленіемъ сырыхъ матерьяловъ, и другой аппаратъ, занятый собираніемъ и отсылкою изготовленныхъ продуктовъ; въ каждомъ изъ нихъ имѣется сложный аппаратъ, состоящій изъ крупныхъ и мелкихъ каналовъ, путемъ которыхъ извѣстная сумма житейскихъ потребностей извлекается изъ общаго ея запаса, циркулирующаго по цѣлому государству, и доставляется въ данный округъ мѣстнымъ работникамъ и людямъ, надзирающимъ за ихъ трудомъ и управляющимъ ихъ

дѣятельностью; въ каждомъ изъ нихъ существуютъ особыя приспособленія, — почтовые и другія, — для принесенія тѣхъ импульсовъ, которые то возбуждаютъ, то сдерживаютъ мѣстную промышленность; въ каждомъ изъ нихъ имѣются контролирующія власти, — политическаго и церковнаго характера, — поддерживающія порядокъ и способствующія непрерывному продолженію здоровой дѣятельности всего цѣлаго. Точно то же найдемъ мы и въ томъ случаѣ, если отъ округа, выделяющаго извѣстный продуктъ, мы обратимся къ какому-нибудь морскому порту, который поглощаетъ и отсылаетъ всевозможные товары: и здѣсь мы найдемъ почти тѣ же самыя распредѣлительныя и сдерживающія приспособленія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ общественный органъ, вмѣсто того чтобы выполнять какую-нибудь матерьяльную дѣятельность, имѣетъ своей задачею, подобно университету, приготовленіе извѣстныхъ классовъ общественныхъ единицъ къ выполнению извѣстныхъ родовъ общественныхъ функций, этотъ общій типъ строенія повторяется какъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ: и здѣсь приспособленія для поддержанія и регулированія мѣстной дѣятельности, расходясь отъ того, что мы видимъ въ другихъ органахъ, во многихъ отношеніяхъ, сходятся однако съ этими другими приспособленіями во всемъ существенномъ: т. е. и тутъ существуютъ такіе же классы распредѣлителей, такіе же классы для гражданскаго контроля, и такой же специально-сложившійся классъ для церковнаго контроля.

Если мы замѣтимъ еще при этомъ, что эта общность устройства общественныхъ органовъ, подобно общности устройства органовъ живаго тѣла, необходимо сопровождается взаимною зависимостью всѣхъ органовъ другъ отъ друга, то мы увидимъ еще съ большею ясностью, чѣмъ прежде, какъ велико сходство между природою индивидуальной организаціи и природою организаціи общественной.

§ 232. Нельзя не указать здѣсь еще на одну структурную аналогію между обществомъ и организмомъ. Развитіе органовъ въ живомъ тѣлѣ проходить черезъ три ступени, которыя мы могли бы назвать первичною, вторичною и третичною. Но и развитіе общественныхъ органовъ совершается параллельно этому и проходить черезъ тѣ же первичную, вторичную и третичную ступени. Посмотримъ же на этотъ параллелизмъ на каждой изъ этихъ трехъ ступеней.

У животныхъ низшихъ типовъ выдѣленіе желчи выполняется не печенью, а отдѣльными клѣтками, разбѣянными въ стѣнкѣ кишечнаго канала, на извѣстномъ еѣ протяженіи. Каждая изъ этихъ клѣтокъ выполняетъ свою функцію индивидуально: т. е. индивидуально отдѣляетъ изъ крови извѣстныя вещества и индивидуально же изливаетъ въ кишечный каналъ свой продуктъ. Въ

УДК 316.75
316.75.01

строгомъ смыслѣ, здѣсь нѣтъ еще никакого органа, а лишь извѣстное число специфическихъ единицъ, не соединившихся еще путемъ агрегаціи въ одинъ общій органъ.

Эта форма вполне аналогична съ зачаточною формою любого промышленнаго органа въ обществѣ. Вначалѣ, каждый работникъ ведетъ свое дѣло въ одиночку и самъ сбываетъ потребителю плоды своихъ трудовъ. Такой порядокъ и до сихъ поръ еще встрѣчается въ нашихъ деревняхъ, гдѣ сельскій чеботарь работаетъ и продаетъ обувь у своего домашняго очага, и гдѣ кузнецъ изготовляетъ въ одиночку всѣ желѣзные издѣлія, въ которыхъ могутъ нуждаться его сосѣди. Очевидно, что эти случаи представляютъ примѣры первобытнаго типа каждаго производительнаго общественнаго органа. Уже въ дикомъ состояніи, существованіе индивидуальныхъ способностей ведетъ къ нѣкоторымъ слабымъ дифференціямъ въ нѣдрахъ племени. Даже о низкостоящихъ Огнеземельцахъ Фицрой сообщаетъ намъ, что у нихъ „одинъ особенно искусно владѣетъ коньемъ, другой пращею, третій лукомъ и стрѣлами“. Въ силу такихъ различій между членами первобытнаго племени по отношенію къ разнымъ искусствамъ, одни изъ нихъ становятся изготовителями извѣстныхъ специальныхъ предметовъ, другіе—другихъ; а отсюда необходимо слѣдуетъ, что всякій промышленный органъ является въ самомъ началѣ въ видѣ простой общественной единицы. У Калифорнскихъ индѣйцевъ изъ племени Шаста „изготовленіе стрѣлъ составляетъ особую профессію“. Изъ этого и изъ множества другихъ подобныхъ фактовъ ясно видно, что первоначальная причина промышленной дифференціи въ обществѣ лежитъ въ особенной способности той или другой личности въ той или другой области ручнаго труда, а отсюда слѣдуетъ, что специальный работникъ является вначалѣ одиночнымъ. Тотъ же типъ продолжаетъ сохраняться, даже въ маленькихъ осѣдлыхъ обществахъ, въ теченіи еще долгихъ послѣдующихъ періодовъ общественнаго роста. Винтерботтомъ говоритъ, что у Береговыхъ Негровъ „самыми искусными людьми въ селеніи бывають кузнецъ, столяръ (изготовитель утвари и другихъ деревянныхъ подѣлокъ), плотникъ (строитель хижинъ) и ткачъ“. Это свидѣтельство показываетъ, во первыхъ, какъ мало дифференцированы у нихъ промышленныя функціи, и, во вторыхъ, до какой степени чисто-индивидуаленъ ихъ промышленный складъ; ибо не трудно видѣть, что, при разростаніи такого общества, всякое добавочное требованіе на эти формы труда удовлетворяется просто умноженіемъ индивидовъ, занимающихся этими профессіями, причемъ каждый изъ такихъ индивидовъ продолжаетъ заниматься своимъ дѣломъ въ одиночку, совершенно независимо отъ другихъ.

Вторая, болѣе высокая, ступень въ устройствѣ выдѣлительнаго органа достигается въ животномъ мірѣ путемъ двухъ одновременныхъ измѣненій. Во пер-

выхъ, первоначальныя клѣтки изъ разбѣянной группы переходятъ въ тѣсно-сплоченную массу; и во вторыхъ, вмѣсто каждой простой клѣтки, является сложное образованіе. На мѣсто отдѣльной, одиночной клѣтки, вырабатывающей и выдѣляющей свой спеціальный продуктъ, мы имѣемъ теперь маленькій продолговатый мѣшечекъ, содержащій цѣлую семью клѣтокъ. Этотъ мѣшечекъ имѣетъ на одномъ своемъ концѣ отверстіе, дающее исходъ спеціальному выдѣленію его клѣтокъ. Такимъ образомъ у насъ является тѣсно-сплоченная группа болѣе или менѣе трубкообразныхъ мѣшечковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои собственныя выдѣляющія единицы и обладаетъ своимъ собственнымъ устьемъ для выведенія ихъ выдѣленій.

Этому типу индивидуальнаго органа близко соотвѣтствуетъ тотъ типъ общественнаго органа, который мы находимъ въ полу-цивилизованныхъ обществахъ. Въ этихъ осѣдлыхъ и постоянно возрастающихъ обществахъ требованіе на индивидуальныхъ рабочихъ, — теперь уже болѣе специализировавшихся въ своихъ занятіяхъ, — становится болѣе регулярнымъ. При этомъ каждый работникъ, будучи отъ времени до времени заваливаемъ работой, дѣлаетъ себѣ помощниковъ изъ своихъ дѣтей. Этотъ обычай, зачинаясь изъ отдѣльныхъ случаевъ, мало по малу устанавливается и укрѣпляется и, наконецъ, превращается въ общественный законъ, въ силу котораго каждый человѣкъ долженъ воспитывать свою семью для того ремесла, которымъ онъ кормится самъ. Примѣры, поясняющіе эту ступень промышленнаго развитія, крайне многочисленны. Прескоттъ говоритъ, что ремесленныя занятія, „подобно всѣмъ другимъ профессіямъ и должностямъ, всегда переходили, въ Перу, отъ отца къ сыну. Раздѣленіе на касты было и въ этомъ отношеніи столь же строго, какъ въ Египтѣ или въ Индустанѣ“. По словамъ Клявиеро, въ Мексикѣ также „сыновья обыкновенно обучались занятію своихъ отцовъ и наслѣдовали ихъ профессію“. Тоже самое существовало въ древнія времена и въ промышленной жизни Европейскихъ народовъ. По кодексу Оеодосія, Римскій юноша „былъ обязанъ продолжать профессію своего отца.... и человѣкъ, искавшій руки дѣвушки, могъ получить ее только подъ обязательствомъ вступить въ профессію ея семьи“. Въ средневѣковой Франціи ремесла были наслѣдственны; и древніе періоды Англійской исторіи отличались тѣмъ же обычаемъ. Развѣтвленіе семьи, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, на множество родственныхъ семей, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, породило зародышъ будущей гильдіи. Обыкновенно, эти родственныя семьи, захватившія въ свои руки извѣстное дѣло, старались селиться поближе другъ къ другу и занимали такимъ образомъ цѣлыя особые участки, или кварталы. Отсюда ведутъ свое начало еще и нынѣ существующія названія многихъ улицъ въ англійскихъ городахъ: Скорняцкая, Мясницкая, Конная, Башмачная, Оружейная, Токарная,

УДК 316.77
312.64(019)33

Кодбасная, Горшечная улица, и многія другія. Каждый такой кварталъ состо-
ялъ изъ многихъ родственныхъ семей; въ каждой такой семьѣ находились сы-
новья, трудившіеся подъ руководствомъ отца, который хотя и принималъ свою
долю участія въ ихъ работѣ, но главнымъ образомъ занимался продажей сдѣ-
ланнаго товара; въ большихъ же семьяхъ, ведшихъ большія дѣла, отецъ игралъ
почти исключительно роль канала для приведенія сырыхъ матерьяловъ и вы-
веденія изготовленныхъ продуктовъ; присматриваясь къ этому распорядку, мы
не можемъ не усмотрѣть въ немъ сильной аналогіи съ вышеописаннымъ желѣ-
зистымъ органомъ, состоящимъ изъ множества близко-сплоченныхъ мѣшеч-
ковъ, содержащихъ каждый группу выдѣляющихъ клѣтокъ и особое выводящее
отверстіе.

Подобная же аналогія можетъ быть прослѣжена и на третьей ступени раз-
витія органовъ, индивидуальныхъ и общественныхъ. Болѣе дѣятельныя функціи
болѣе развитаго животнаго требуютъ необходимымъ образомъ болѣе объемистой
выдѣлительной желѣзы; и это увеличеніе объема желѣзистаго органа выпол-
няется путемъ нѣкоторыхъ особыхъ измѣненій въ его строеніи. Если-бы опи-
санные выше мѣшечки продолжали увеличиваться въ своемъ числѣ, то ихъ вы-
водящія отверстія стремились бы занять все большую и большую часть стѣнки
пищеваго канала. Но коль скоро другія функціональныя требованія организма
не допускаютъ увеличенія въ длину той полости канала, въ которую откры-
ваются эти отверстія, то требуемое расширеніе поверхности для помѣщенія вы-
водящихъ отверстій желѣзокъ должно быть достигнуто другимъ путемъ. И оно
дѣйствительно достигается путемъ вытягиванія въ бокъ стѣнки канала, т. е.
путемъ образованія слѣпнаго мѣшка, на внутренней поверхности котораго откры-
ваются выводящія отверстія первичныхъ мѣшечковъ, содержащихъ выдѣля-
ющія клѣтки. Дальнѣйшія требованія такого же рода ведутъ къ образованію
вторичныхъ слѣпныхъ мѣшковъ, расходящихся отъ этого главнаго слѣпнаго
мѣшка, который превращается, такимъ образомъ, отчасти въ простой протокъ.
Такимъ то путемъ развивается подъ конецъ цѣлый внутренностный органъ, та-
кихъ размѣровъ какъ печень, въ которомъ существуетъ одинъ главный про-
токъ съ множествомъ расходящихся отъ него вѣтвей, которыя, разбиваясь на
все меньшія и меньшія вѣточки, проникаютъ собою всю массу этого ор-
гана.

Но вышеописанный промышленный органъ переходитъ въ органъ
болѣе высокаго порядка путемъ подобныхъ же послѣдовательныхъ измѣненій.
Домашній способъ производства не переходитъ къ типу фабричнаго произво-
дства однимъ скачкомъ, но рядомъ постепенныхъ переходныхъ формъ. Первый
шагъ по этому направленію обнаруживается въ тѣхъ правилахъ цеховъ и гиль-
дій, которыми разрѣшалось присоединять къ членамъ своей собственной семьи

одного ученика. Такой ученикъ (бывшій, вѣроятно, вначалѣ родственникомъ хозяина), становился, по словамъ Брентано, „членомъ семьи своего хозяина, который обучалъ его своему дѣлу и, какъ настоящий отецъ, наблюдалъ не только за работою его, но и за нравственностью;“ такъ что онъ могъ считаться, съ практической точки зрѣнія, усыновленнымъ дѣтищемъ хозяйской семьи. Разъ начавшись, употребленіе учениковъ все расширялось и перешло въ употребленіе поденныхъ работниковъ. Съ развитіемъ этой видоизмѣненной домашней группы, хозяинъ выросъ въ продавца товаровъ, изготовляемыхъ не одною его собственною семьею, но и другими лицами; а съ еще большимъ расширеніемъ его дѣлъ, онъ по необходимости пересталъ вовсе быть работникомъ и превратился сполна въ распредѣлителя, — т. е. въ каналъ для выведенія продуктовъ, изготовленныхъ уже не одними немногочисленными его сыновьями, но множествомъ ремесленниковъ, не находящихся ни въ малѣйшемъ родствѣ другъ съ другомъ. Это проложило путь для такихъ заведеній, гдѣ число работниковъ далеко превышаетъ число членовъ хозяйскаго семейства; пока, подъ конецъ, съ веденіемъ механической силы, не появилась фабрика или заводъ: т. е. рядъ зданій, наполненныхъ производительными единицами и изливающихъ цѣлые потоки продуктовъ, которые, прежде чѣмъ достигнуть единичнаго пункта исхода, соединяются между собою въ одинъ общій потокъ. Наконецъ, въ сильно-развитыхъ промышленныхъ органахъ, — какъ, напримѣръ, въ ткацкихъ округахъ, — мы имѣемъ множество фабрикъ, скученныхъ въ томъ же самомъ городѣ и по другимъ соседнимъ городамъ, къ которымъ и отъ которыхъ тянутся во всѣ стороны, по развѣтвляющимся дорогамъ, массы сырыхъ матерьяловъ и тюки суконъ, каленкору, и пр.

Бываютъ случаи, когда новая промышленность проходитъ черезъ всѣ эти стадіи развитія въ теченіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ поколѣній, какъ это было, напримѣръ, съ чулочнымъ производствомъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, во внутреннихъ графствахъ Англіи, проѣзжіи не рѣдко могъ слышать стукъ одиночнаго чулочнаго станка въ маленькихъ коттеджахъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ по сторонамъ дороги. Въ каждомъ такомъ коттеджѣ одиночный рабочій изготовлялъ и продавалъ самъ свой товаръ. Впослѣдствіи возникли мастерскія, съ нѣсколькими станками, на которыхъ работалъ отецъ съ помощію своихъ сыновей, и иной разъ, можетъ быть, и съ прибавкою одного наемнаго работника. Затѣмъ воздвиглись огромныя зданія, въ которыхъ множество такихъ станковъ приводилось въ движеніе паровою машиною; пока, наконецъ, такія зданія не сконцентрировались по нѣскольку въ извѣстныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

§ 233. Но еще болѣе поразительны эти структурныя аналогіи между обще-

ствомъ и организмомъ въ заключительномъ своемъ фазисѣ. Дѣйствительно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, мы находимъ совершенно одинаковый контрастъ между первоначальнымъ способомъ развитія и тѣмъ способомъ развитія, который замѣщаетъ его въ послѣдствіи.

Въ общемъ ходѣ органическаго развитія низшихъ типовъ въ высшіе, животный міръ дѣйствительно прошелъ, путемъ нечувствительныхъ видоизмѣненій, черезъ всѣ указанныя выше ступени; но теперь, въ индивидуальномъ развитіи животного высшаго типа, эти ступени оказываются значительно укороченными, и каждый органъ слагается путемъ сравнительно прямого процесса. Такъ, на примѣръ, печень зародыша млекопитающаго образуется изъ скопленія многочисленныхъ клѣтокъ, которыя постепенно разрастаются въ объемистую массу, торчащую изъ стѣнки пищеварительнаго канала. Въ тоже самое время стѣнка этого канала вытягивается въ видѣ слѣпаго мѣшка, выдвѣривающагося въ эту массу будущей печени. Превращеніе этого слѣпаго мѣшка въ желчный протокъ совершается одновременно съ развитіемъ въ сказанной массѣ клѣтокъ, т. е. въ толщѣ будущей печени, второстепенныхъ протоковъ, сообщающихся съ этимъ главнымъ протокомъ. Въ это же самое время, совершаются тутъ и другія преобразованія, которыя, при развитіи этого органа въ рядѣ послѣдовательно все болѣе и болѣе высокихъ типовъ, имѣли мѣсто лишь одно послѣ другаго.

Тожe самое мы видимъ и при образованіи промышленныхъ органовъ общества. Теперь, когда фабричная форма промышленнаго устройства уже вполнѣ установилась, когда эта форма уже выдвѣрилась въ общественный строй, мы видимъ, что всѣ тѣ отрасли промышленности, для которыхъ была доказана ея примѣнимость, принимаютъ ее прямо, не переходя предварительно черезъ промежуточные ступени развитія. Если присутствіе руды въ какой-нибудь мѣстности благоприятствуетъ желѣзному производству, или присутствіе воды извѣстныхъ качествъ дѣлаетъ выгоднымъ пивовареніе, то эти промыслы не проходятъ здѣсь черезъ раннія ступени своего развитія, т. е. не появляются сначала въ лицѣ одиночнаго работника, потомъ въ формѣ семьи, затѣмъ въ видѣ группы семей, и т. д.; но дѣло совершается совсѣмъ иначе. Благопріятная мѣстность наводняется сразу массою матерьяловъ и людей и новый промышленный аппаратъ слагается тутъ въ очень короткое время и въ самой совершенной формѣ. Мало того. Часто тутъ развивается такимъ прямымъ путемъ не одно только крупное промышленное учрежденіе, но цѣлая группа такихъ учреждений. Какъ примѣръ подобнаго случая можетъ быть приведенъ Барроу. Этотъ городъ, съ его огромными желѣзо-дѣлательными заводами, съ его обширными учрежденіями для ввоза и вывоза, съ его огромными доками и многочисленными средствами сообщенія, выросъ въ этой формѣ въ теченіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ

лѣтъ; тогда какъ этотъ типъ промышленнаго устройства могъ быть достигнутъ первые только къ концу многихъ вѣковъ и долженъ былъ пройти для этого, въ своемъ развитіи, черезъ множество послѣдовательныхъ видоизмѣненій.

Другое сродное съ предыдущимъ, но еще болѣе рѣзкое, видоизмѣненіе процесса развитія также свойственно обоимъ сравниваемымъ нами случаямъ въ одинаковой степени. Въ зародышѣ высшаго животнаго, многія важныя части различныхъ органовъ появляются не въ первоначальномъ порядкѣ ихъ развитія, но какъ бы забѣгая впередъ; тоже самое обнаруживается здѣсь и въ развитіи всего тѣла. Ибо многіе органы, которые, въ постепенномъ историческомъ генезисѣ этого типа, являются сравнительно поздно, теперь, въ развитіи индивидуальной особи, являются сравнительно рано. Эта гетерохронія, — какъ прозвалъ ее проф. Геккель, — обнаруживается, напримѣръ, у зародыша млекопитающаго въ раннемъ обозначеніи головнаго мозга, тогда какъ у самаго низшаго позвоночнаго животнаго не существуетъ вовсе головнаго мозга. Также гетерохронія обнаруживается здѣсь въ сегментациі спиннаго хребта до появленія пищеварительной системы; тогда какъ у отряда *proto-vertebrata*, даже послѣ окончательнаго завершенія пищеварительной системы, имѣются лишь слабыя слѣды сегментациі, изъ которой должна развиться современемъ позвоночная ось.

Аналогическое измѣненіе порядка общественнаго развитія представляютъ намъ новыя общества, унаслѣдовавшія складъ и обычаи старыхъ. Для примѣра можно указать на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ всякій городъ, основывающійся на дальнемъ западѣ, послѣ обозначенія въ натурѣ будущихъ улицъ и площадей, немедленно выстраиваетъ себѣ гостинницу, церковь и почтовую контору, хотя въ немъ существуетъ еще самое ничтожное число домовъ; и гдѣ желѣзная дорога пробѣгаетъ черезъ пустыни, забѣгая впередъ нуждамъ будущихъ поселеній. Другой такой примѣръ представляетъ Австралія, гдѣ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ какой-нибудь новый рудникъ обстроится шалашами золотоискателей, появляется типографія и газета; хотя, въ странѣ-матери, цѣлыя столѣтія протекли до того, когда городки такихъ размѣровъ развились до обладанія такимъ общественнымъ органомъ.

ГЛАВА V.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ФУНКЦІИ.

§ 234. Измѣненія въ строеніи не могутъ имѣть мѣста безъ измѣненій въ отправленіи. Поэтому, многое изъ того, что было сказано въ предыдущей главѣ, можетъ быть повторено и въ этой, съ замѣною однихъ терминовъ другими. Мало того. Такъ какъ многія измѣненія въ общественномъ устройствѣ скорѣе обнаруживаются изъ измѣненій въ отправленіи, чѣмъ усматриваются прямо, то мы можемъ сказать, что эти послѣднія были уже описаны нами, или по крайней мѣрѣ, постоянно подразумѣвались во всемъ, что было сказано выше.

Однако существуютъ такія функціональныя особенности, которыя не подразумѣваются прямо особенностями строенія. На нихъ-то мы и сосредоточимъ наше вниманіе на протяженіи нѣсколькихъ страницъ.

§ 235. Если организація состоитъ въ такомъ устройствѣ цѣлаго, при которомъ его части получаютъ возможность выполнять взаимозависимыя дѣйствія, то низкая организація должна отличаться сравнительной независимостью частей другъ отъ друга, а высокая, наоборотъ, — такою сильною зависимостью каждой части отъ всѣхъ остальныхъ, что разлученіе ихъ должно вести къ гибели. Эта истина обнаруживается одинаково хорошо, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ организмѣ.

Низшіе животные агрегаты построены такимъ образомъ, что каждая изъ ихъ частей сходна по вѣншиности съ каждою изъ остальныхъ и выполняетъ тѣже дѣйствія, что и остальные; а потому самопроизвольное или искусственное раздѣленіе такого агрегата остается почти безъ всякаго вліянія на жизнь отдѣленныхъ одна отъ другой частей. Когда слабо-дифференцированная капля протоплазмы, какою представляется намъ корненожка, будетъ случайно разорвана на двое, то каждая половинка будетъ продолжать жить по прежнему. Тоже самое можетъ быть сказано и о тѣхъ агрегатахъ второго порядка, въ

которыхъ составляющіе ихъ агрегаты перваго порядка остаются существенно сходными другъ съ другомъ. Рѣсничныя монады, одѣвающія собою роговой волокнистый скелетъ живой губки, такъ мало нуждаются во взаимной помощи, что, когда губка будетъ разрѣзана на двое, каждая ея половина продолжаетъ выполнять всѣ свои жизненные процессы безъ малѣйшаго перерыва. Даже тамъ, гдѣ между органическими единицами возникло уже нѣкоторое несходство, какъ, напримѣръ, у обыкновеннаго полипа, нарушеніе жизненнаго процесса, производимое раздѣленіемъ, имѣетъ лишь временный характеръ: получившіеся отъ такого раздѣленія куски требуютъ лишь немножко времени, чтобы ихъ единицы могли перерасположиться въ такія формы, которыя позволяютъ имъ начать съизнова свои обыкновенныя, простыя дѣйствія.

Тоже самое, и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, имѣетъ мѣсто и въ низшихъ общественныхъ агрегатахъ. Кочующая кучка первобытныхъ людей, не имѣющая надъ собою главы, или вождя, раздробляется на части безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Каждый мужчина, будучи заразъ и воиномъ, и охотникомъ, и изготовителемъ своего собственнаго оружія, и постройтеlemъ своей собственной хижины, имѣя при себѣ свою с к в а у (жену), обязанную въ каждомъ случаѣ исполнять тѣже самыя домашнія работы, нуждается въ содѣйствіи другихъ мужчинъ только на войнѣ да еще, до нѣкоторой степени, на охотѣ; причемъ, за исключеніемъ битвы, союзъ съ половиною племени стольже хорошъ для него, какъ и союзъ съ цѣлымъ племенемъ. Даже тамъ, гдѣ имѣется уже слабая дифференціація, проявляющаяся въ существованіи вождя, или главы, добровольное или насильственное раздробленіе племени на части не ведетъ за собою большихъ неудобствъ. Въ каждой отдѣлившейся части какой-нибудь человѣкъ становится главою, и та низкая общественная жизнь, которая единственно возможна на этой ступени социальнаго развитія, начинается съизнова.

Но въ высоко-организованныхъ агрегатахъ, индивидуальныхъ и общественныхъ, дѣло стоитъ совершенно иначе. Мы не можемъ разрѣзать млекопитающее животное надвое, не причинивъ ему немедленной смерти. Оторвать голову птицѣ—значить убить ее. Даже пресмыкающееся, переживающее потерю хвоста, не можетъ пережить раздѣленія его тѣла на двое. Хотя у нѣкоторыхъ низшихъ родовъ изъ отдѣла *Amphibia* разрѣзываніе тѣла надвое не убиваетъ полученныхъ такимъ образомъ половинокъ; но въ классахъ насѣкомыхъ, пауковъ и ракообразныхъ оно оказывается гибельнымъ для обоихъ половинокъ.

Въ высшихъ обществахъ послѣдствія подобныхъ изуродованій не такъ велики, какъ въ животномъ мірѣ, но все-таки очень значительны. Если бы Миддлсексъ былъ отдѣленъ отъ окружающей его страны, то всѣ его общественные процессы остановились бы въ нѣсколько дней, вслѣдствіе прекращенія подвоза

04135340
04135340

необходимыхъ припасовъ. Стоитъ отрѣзать хлопчато-бумажный Ливерпуля и другихъ портовъ, чтобы его промышленность немедленно же остановилась; а за остановкою промышленности послѣдовало вымирание его населенія. Отдѣленіе населенія угольного округа отъ сосѣднихъ населеній, занимающихся выплавкою желѣза и машиннымъ изготовленіемъ суконъ вызвало бы немедленную социальную смерть обѣихъ отдѣленныхъ частей, вслѣдствіе остановки промышленной дѣятельности въ каждой изъ нихъ; а затѣмъ наступило бы индивидуальное вымирание ихъ населеній. Хотя при такомъ раздѣленіи цивилизованнаго общества, при которомъ отдѣлившаяся его часть остается безъ центрального контролирующаго аппарата, эта часть можетъ развить изъ себя впоследствии такой аппаратъ; однако же, во все продолженіе промежуточнаго періода, существуетъ сильная опасность распадѣнія; не говоря уже о томъ, что, до установленія новой, сколько-нибудь сносной организаціи, общество всегда должно пройти черезъ длинный періодъ безпорядка и слабости.

Такъ что *consensus* функций, т. е. ихъ взаимная связь и зависимость, становится тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ далѣе подвинулось впередъ развитіе. Въ низшихъ агрегатахъ, какъ индивидуальныхъ такъ и общественныхъ, дѣйствія частей зависятъ другъ отъ друга лишь въ самой незначительной степени; тогда какъ въ развитыхъ агрегатахъ обоого рода частныя дѣятельности, составляющія жизнь отдѣльныхъ частей, возможны только въ силу комбинаціи всѣхъ дѣйствій, составляющей жизнь всего цѣлаго.

§ 236. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одной функциональной чертѣ, общей обоимъ родомъ организмовъ, — чертѣ, усматриваемой уже *à priori* и вполне подтверждающейся *à posteriori*. Когда части еще мало дифференцированы, онѣ могутъ сравнительно легко выполнять другъ за друга различныя отправленія; но когда дифференціація ихъ уже очень значительна, онѣ могутъ исполнять функции другъ друга лишь очень несовершенно, или даже вовсе не могутъ дѣлать этого.

Обыкновенный полипъ опять таки доставляетъ намъ очень хорошій пояснительный примѣръ. Каждое изъ этихъ мѣшкообразныхъ твореньищъ можетъ быть вывернуто какъ перчатка, внутренней стороной наружу, а наружной внутрь, такъ что внѣшній покровъ, или кожа, станетъ желудкомъ, а желудокъ кожей; причемъ каждый изъ нихъ начинаетъ исполнять роль другаго. Чѣмъ выше поднимаемся мы по лѣстницѣ организаціи, тѣмъ менѣе возможными становятся такіе обмѣны ролями. Однако, въ незначительной степени, они остаются возможными и для наиболѣе развитыхъ животныхъ. Даже у человѣка кожа сохраняетъ еще слѣдъ своей первоначальной поглотительной способности, монополизированной теперь пищеварительнымъ каналомъ: а именно, она способна впитывать изъ

вѣстное небольшое количество втираемыхъ въ нее веществъ. Впрочемъ, тамъ-же мѣстительныя дѣятельности обнаруживаются всего яснѣе между тѣми частями, функціи которыхъ остаются сродными еще и донинѣ. Такъ, напримѣръ, если желчь, вырабатываемая печенью, не можетъ выдѣляться, вслѣдствіе какихъ-нибудь препятствій, черезъ желчный протокъ, то другіе отдѣлительные органы, почки и кожа, принимаютъ на себя роль печени и становятся каналами для удаленія желчи. Когда ракъ пищевода препятствуетъ проглатыванію пищи, то недошедшая до желудка пища, растягивая пищеводъ, образуетъ родъ кармана, или мѣшка, въ которомъ устанавливается понемногу несовершенное пищевареніе. Но эта способность дифференцированныхъ частей исполнять обязанности другъ друга не обнаруживается, даже и въ этой незначительной степени, между тѣми структурными аппаратами и функціями, которые слишкомъ далеко разошлись другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, мукозная (слизистая) оболочка, переходящая непосредственно въ кожу у разныхъ естественныхъ отверстій, будучи выворочена наружу, можетъ еще принимать до очень значительной степени внѣшній видъ и свойства кожи; но серозная оболочка уже не способна къ этому. Точно также ни кость, ни мускулъ, не могутъ взять на себя никакой части функціи какого-либо внутренностнаго органа, если бы этотъ органъ по-чему либо оказался неспособнымъ выполнять, какъ слѣдуетъ, свое отправленіе.

Въ общественныхъ организмахъ мы также находимъ эту способность къ замѣщенію одной функціи другою, причемъ и здѣсь также, у низшихъ типовъ, эта способность относительно велика, а у высшихъ—относительно мала. Конечно, тамъ—гдѣ каждый членъ племени, по своему образу жизни, есть точное повтореніе всякаго другаго члена этого племени, не можетъ существовать никакого обмѣна несходными функціями. Также и тамъ, гдѣ возникла лишь та ничтожная дифференціація, которая выражается въ обмѣнѣ оружія на другіе предметы, между однимъ членомъ племени особенно искуснымъ въ изготовленіи оружія, и другими менѣе искусными членами, гибель этого особенно искуснаго члена не ведетъ еще за собой большаго зла, такъ какъ каждый изъ остальныхъ членовъ можетъ сдѣлать самъ для себя все то, что онъ получалъ ранѣе отъ него, хотя это будетъ сдѣлано и не такъ хорошо, какъ въ томъ случаѣ. Тоже самое можетъ быть сказано въ очень значительной степени даже объ осѣдлыхъ обществахъ, довольно большихъ размѣровъ. Зурита говоритъ о древнихъ Мексиканцахъ: „каждый индѣецъ знаетъ всѣ ремесла, не требующія большаго искусства и очень тонкихъ инструментовъ“. А Прескоттъ утверждаетъ, что въ Перу для каждаго человѣка „полагалось знать всѣ ремесла, необходимыя въ домашнемъ быту“. Ясно, что здѣсь отдѣльныя части общества были такъ слабо дифференцированы между собою по своимъ заня-

тіямъ, что каждая изъ нихъ легко могла брать на себя функцію всякой другой. Но въ обществѣ, подобномъ нашему, гдѣ промышленная и всякая другая спеціализація доходитъ до такой высокой степени, дѣятельность одной какой-либо части, почему-либо не выполняющей своего отправления, не можетъ быть взята на себя другими частями. Даже относительно неискусный трудъ земледѣльческихъ рабочихъ не могъ бы быть выполненъ надлежащимъ образомъ нашими сельскимъ населеніемъ, если бы эти рабочіе вздумали вступить въ стачку; и наши желѣзные заводы должны были бы почти совершенно остановить свою дѣятельность, если бы ихъ спеціально-подготовленные рабочіе отказались трудиться и были бы по необходимости замѣщены земледѣльцами и рабочими съ хлопчатобумажныхъ фабрикъ. Еще менѣе можно было бы ожидать, чтобы такія еще болѣе высокія функціи, какъ законодательная, судебная, и пр., могли съ успѣхомъ выполняться рудокопами и матросами.

Очевидно, что этотъ контрастъ вытекаетъ въ обоихъ случаяхъ изъ одной и той же причины. Пропорціонально той степени, въ которой единицы, составляющія какую-нибудь часть индивидуальнаго организма, ограничиваются какимъ-нибудь однимъ родомъ дѣятельности, — на примѣръ, поглощеніемъ пищевыхъ веществъ, выдѣленіемъ, сокращеніемъ или передачею импульсовъ, — и пропорціонально той степени, въ которой онѣ приспособляются къ этой исключительной дѣятельности, онѣ все болѣе и болѣе теряютъ способность къ другимъ дѣятельностямъ; точно такимъ же образомъ, и въ социальномъ организмѣ, известное обученіе и воспитаніе, требующіяся для успѣшнаго выполненія какой-либо спеціальной обязанности, подразумеваютъ уменьшеніе годности къ выполненію спеціальныхъ обязанностей другихъ.

§ 237. И такъ, когда организмъ, общественный или индивидуальный, развитъ еще въ очень малой степени, раздѣленіе или изуродованіе его не имѣетъ большихъ послѣдствій; но, при высокомъ его развитіи, оно причиняетъ важныя бѣдствія или даже смерть. Далѣе, — у низшихъ типовъ органическаго міра общественнаго и индивидуальнаго, отдѣльныя части могутъ принимать на себя функціи другъ друга; но у высшихъ типовъ онѣ неспособны къ этому. Но кромѣ этихъ двухъ аналогій между организмами индивидуальными и общественными, существуютъ еще и другія функціональныя аналогіи, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ слѣдствія предыдущихъ, и которыя могли бы быть описаны здѣсь съ большею пользою, если бы не недостатокъ мѣста.

Такъ, на примѣръ, здѣсь мы имѣемъ ту истину, что, въ обоихъ родахъ организмовъ, степень жизненности возрастаетъ пропорціонально степени спеціализаціи функцій. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, ранѣе появленія разнообразныхъ аппаратовъ, приспособленныхъ для выполненія несходныхъ между собою

дѣйствій, эти дѣйствія выполняются плохо, и пользованіе услугами других людей существуетъ лишь въ очень слабой степени, вслѣдствіе отсутствія хорошо-прилаженныхъ для этого приспособленій. Но, съ прогрессомъ организаціи, каждая часть, будучи болѣе ограниченной со стороны своей обязанности, исполняетъ эту обязанность лучше; средства къ обмѣну услугами становятся болѣе совершенными; каждая помогаетъ всѣмъ, и всѣ помогаютъ каждой съ большей успѣшностью; и общая сумма дѣятельностей, называемая нами жизнью, индивидуальной или національной, необходимо возрастаетъ.

Многое также могло бы быть сказано относительно параллелизма, въ обоихъ случаяхъ, тѣхъ измѣненій, путемъ которыхъ достигается спеціализація функцій; но этотъ параллелизмъ, какъ и многіе другіе, можетъ быть показанъ гораздо лучше въ послѣдующихъ главахъ, въ которыхъ мы намѣрены прослѣдить развитіе различныхъ крупныхъ системъ органовъ въ индивидуальномъ и общественномъ организмахъ, причемъ будутъ сопоставлены вмѣстѣ структурныя и функціональныя особенности, характеризующія сравниваемые нами классы организмовъ.

ГЛАВА VI.

СИСТЕМЫ ОРГАНОВЪ.

§ 238. Гипотеза развитія необходимо подразумѣваетъ ту истину, — истину, которая, впрочемъ, была установлена совершенно независимо отъ этой гипотезы, — что всѣ животныя, какими бы различными они ни оказались въ концѣ своего развитія, начинаютъ это развитіе одинаковымъ образомъ. Первыя измѣненія въ строеніи, пройденныя сообща всѣми разошедшимися впоследствии животными типами, повторяются съизнова въ самыхъ раннихъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ каждымъ новымъ индивидомъ каждаго типа. Допуская лишь самое незначительное число исключеній, — по преимуществу между паразитами, — эта истина признается за общій законъ.

Удовольствившись въ существованіи для всѣхъ организмовъ этого общаго метода развитія, мы должны ожидать, что и для социальныхъ организмовъ должны существовать нѣкоторый общій методъ развитія, параллельный предыдущему. И наше ожиданіе дѣйствительно подтверждается ближайшимъ изслѣдованіемъ.

§ 239. Въ Основныхъ Началахъ (§§ 149—142) и въ Основаніяхъ Біологіи (§§ 287—289), было показано, что первичныя органическія дифференціаціи соотвѣтствуютъ первичнымъ различіямъ въ отношеніи положеніи частей организма, а именно нахожденію снаружи и нахожденію внутри. Оставляя безъ вниманія самыя раннія ступени развитія, обратимся прямо къ тѣмъ ступенямъ, на которыхъ мы уже видимъ возникающія отсюда системы органовъ, въ ихъ наипростѣйшихъ формахъ.

Соединенныя между собою единицы, составляющія самаго низшаго представителя отряда Coelenterata (полипы, и пр.), расположены такимъ образомъ, что тутъ имѣются, внѣшній слой такихъ единицъ, находящійся въ прямомъ соприкосновеніи съ окружающею средою и ея обитателями, и внутренній слой, огра-

ничающий пищеварительную полость и находящийся въ соприкосновении съ пищею. Изъ единицъ вѣшняго слоя образованы тѣ щупальца, посредствомъ которыхъ полипъ ловить разныхъ мелкихъ тварей, и тѣ жигательные пузырьки (thread-cells), изъ которыхъ онъ выпускаетъ свои нитеобразныя оружія въ защиту отъ нападений болѣе крупныхъ твореній. А клѣточки внутренняго слоя выделяютъ особый растворитель, дѣлающій пищу пригодною для всасыванія, которое выполняется въпослѣдствіи этими же клѣтками, какъ для своего собственнаго поддержанія, такъ и для поддержанія остальныхъ. Здѣсь мы имѣемъ первую степень основнаго различія, — проходящаго черезъ все животное царство, — между вѣшними частями, имѣющими дѣло съ предметами, окружающей среды, т. е. съ добычею, врагами, и пр.; и внутренними частями, утилизирующими на пользу всего тѣла пищевыя вещества, удержанныя вѣшними частями.

У болѣе высокихъ Coelenterata замѣчается уже нѣкоторое усложненіе. На мѣсто каждаго одиночнаго слоя единиць, тутъ имѣется двойной слой такихъ единиць; и между этими двумя двойными слоями — промежуточное пространство. Это пространство у животныхъ разсматриваемаго типа отдѣлено отъ желудка несовершеннымъ образомъ; но у животныхъ еще болѣе высокихъ типовъ оно вполне отдѣлено отъ желудка и представляетъ совершенно замкнутую полость. У этихъ болѣе высокихъ типовъ наружный двойной слой образуетъ виѣшнюю стѣнку тѣла; внутренній двойной слой ограничиваетъ пищеварительную полость; а промежуточное пространство, содержащее всосавшіяся пищевыя вещества, составляетъ такъ называемый *п е р и - в и с с е р а л ь н ы й* мѣшокъ. Два простые слоя, описанные нами въ самомъ началѣ, съ находящеюся между ними протоплазмой, только *а н а л о г и ч н ы* виѣшней и внутренней системамъ высшихъ животныхъ; но эти два двойные слоя, съ промежуточной между ними полостью, *г о м о л о г и ч н ы* съ виѣшнею и внутреннею системами высшихъ животныхъ. Ибо, въ процессѣ дальнѣйшаго развитія, этотъ виѣшній двойной слой даетъ начало скелету, нервно-мышечной системѣ, органамъ чувствъ, охранительнымъ аппаратамъ, и пр.; а внутренній двойной слой превращается въ пищеварительный каналъ, съ его многочисленными органами, которые занимаютъ почти всю внутреннюю полость тѣла.

Самыя раннія ступени общественнаго развитія, въ основаніи, аналогичны тому, что мы только что видѣли сейчасъ. Когда отъ самыхъ низшихъ, вполнѣ недифференцированныхъ, племенъ мы переходимъ къ племенамъ, стоящимъ нѣсколько выше, мы находимъ у нихъ классъ господъ и классъ рабовъ: — господъ, которые, будучи воинами, и выполняя оборонительную и наступательную дѣятельности племени, находятся такимъ образомъ въ особенно тѣсныхъ отношеніяхъ съ дѣятельностями окружающей среды; — и рабовъ, на которыхъ ле-

34135340
202209090033

жить выполнение внутренних дѣятельностей, необходимыхъ для поддержанія жизни всего племени, — т. е. сначала ихъ господъ, а потомъ и ихъ самихъ. Конечно, это первичное общественное несходство сначала очень неопредѣленно. Пока племя живетъ главнымъ образомъ охотою на дикихъ животныхъ, члены его господствующаго класса, будучи не только воинами, но и охотниками, принимаютъ значительную долю участія въ добываніи пищи; а ихъ немногочисленные плѣнники, забранные на войнѣ, образуютъ подчиненный классъ и выполняютъ тѣ части процесса поддержанія жизни, которыя требуютъ менѣе искусства и болѣе тяжелого труда. Но съ дальнѣйшимъ прогрессомъ развитія, а именно, съ наступленіемъ земледѣльческаго состоянія, эта дифференціация становится болѣе рѣзкою. Хотя члены господствующаго класса, надзирающіе за работами своихъ рабовъ на поляхъ, иногда и сами принимаютъ участіе въ этихъ работахъ, — хотя бываютъ случаи, когда въ этихъ работахъ принимаютъ участіе сами вожди и даже главные вожди, тѣмъ не менѣе подчиненный классъ, есть единственный, находящійся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ добываніемъ пищи; тогда какъ господствующій классъ, болѣе удаленный отъ добыванія пищи, только управляетъ внутренними дѣятельностями общества; между тѣмъ какъ, по отношенію къ внѣшнимъ общественнымъ дѣятельностямъ, оборонительнымъ и наступательнымъ, ему принадлежитъ не только управленіе, но и исполненіе.

Общество, составленное такимъ образомъ изъ двухъ слоевъ, находящихся въ непосредственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, начинаетъ усложняться, вслѣдствіе возникновенія въ каждомъ изъ этихъ слоевъ различныхъ іерархическихъ степеней и отличій. Для маленькихъ племенъ, только что описанное устройство достаточно удовлетворительно; но съ образованіемъ крупныхъ агрегатовъ племенъ, необходимо обладающихъ болѣе развитыми правительственными и оборонительными аппаратами, и болѣе развитыми промышленными аппаратами для поддержанія предыдущихъ, и въ высшемъ, и въ низшемъ слоѣ, начинается внутренняя дифференціация. Высшій классъ, — помимо разныхъ мелкихъ отличій, могущихъ возникнуть въ той или другой области подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, — повсюду порождаетъ дополнительный классъ личныхъ прислѣжниковъ, которые по большей части бываютъ также воинами; а низшій классъ начинаетъ распадаться на крѣпостныхъ и свободныхъ. Многія изъ Малайю-Полинезийскихъ обществъ могутъ служить примѣрами для этой ступени развитія. У Восточныхъ Африканцевъ, у обитателей Конго, у береговыхъ Негровъ и у Негровъ, обитающихъ внутри материка, мы также находимъ общественное подраздѣленіе подобнаго рода: король съ своею роднею, классъ господъ, простонародье и рабы; причемъ двѣ первыя категоріи, съ непосредственно зависящими отъ нихъ личностями, выполняютъ корпоративныя дѣятельности

общества; а двѣ послѣднія категоріи выполняютъ тѣ относительно разнообразныя дѣятельности, которыя доставляютъ обществу все необходимое для поддержания жизни.

§ 240. Какъ только внѣшняя и внутренняя системы достаточно хорошо отграничились одна отъ другой, начинаетъ возникать въ организмѣ, индивидуальномъ и общественномъ, третья система, лежащая между двумя предыдущими и облегчающая ихъ сотрудничество. Взаимная зависимость двухъ частей, прежде всѣхъ дифференцирующихся одна отъ другой, предполагаетъ нѣкоторое посредничество; и пропорціонально все большому и большому развитію каждой изъ этихъ частей, долженъ развиваться въ соотвѣтственной мѣрѣ и тотъ аппаратъ, который дѣлаетъ возможнымъ для нихъ успѣшный обмѣнъ ихъ продуктами и вліяніями. Какъ мы сейчасъ увидимъ, это теоретическое ожиданіе вполне оправдывается дѣйствительностью.

У самаго низшаго представителя отряда *Coelenterata*, описаннаго нами выше и состоящаго изъ внутренняго и внѣшняго слоевъ, съ промежуточною между ними протоплазмой, пищевыя вещества, поглощаемыя членами внутренняго слоя изъ добычи, извлекаемой членами внѣшняго слоя, передаются этимъ послѣднимъ почти непосредственно. Но не такъ бываетъ у животныхъ болѣе высокаго типа. У полипа, стоящаго нѣсколько выше только-что рассмотрѣнной формы, между внѣшнею стѣнкою тѣла, состоящей изъ двойнаго слоя единицъ, и пищеварительной полостью, ограниченной такимъ же двойнымъ слоемъ, находится пери-виссеральный мѣшокъ, отграниченный въ извѣстной мѣрѣ отъ пищеварительной полости и служащій резервуаромъ для переваренныхъ веществъ; изъ этого то резервуара окружающія ткани черпаютъ каждая свою долю приготовленной пищи. Въ этомъ устройствѣ мы уже имѣемъ зародышъ будущей распределительной системы. На нѣсколько болѣе высокой ступени животной лѣстницы, какъ напримѣръ, у *Mollusca*, этотъ пери-виссеральный мѣшокъ бываетъ вполне отдѣленъ отъ пищеварительной полости и представляетъ особую, вполне замкнутую полость; полость эта посылаетъ свои развѣтвленія по всему тѣлу и доставляетъ пищу всѣмъ его главнымъ органамъ; а въ центральной ея части появляется небольшая трубка, которая своими неправильными сокращеніями и расширеніями вызываетъ неправильныя движенія питательной жидкости. Дальнѣйшій прогрессъ обнаруживается въ постепенномъ удлинненіи и развѣтвленіи этой трубки; мало по малу, путемъ такихъ постоянныхъ раздѣленій и подраздѣленій, она превращается въ цѣлую систему кровеносныхъ сосудовъ, а ея центральная часть становится сердцемъ. Съ прогрессомъ этихъ измѣненій въ строеніи, пищевыя вещества, извлекаемыя изъ пищеварительнаго канала, начинаютъ распределяться все совершеннѣе и совершеннѣе этою сосудистою си-

304135940
3023000033

стемою по всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ органамъ, пропорціонально ихъ нуждамъ. Очевидно, что эта распредѣлительная система должна была возникнуть между двумя предшествовавшими ей системами; и что она необходимо должна усложняться и развѣтвляться въ той самой мѣрѣ, въ какой снабжаемая ею части становятся болѣе многочисленными, болѣе удаленными одна отъ другой и болѣе сложными.

Подобное же мы видимъ и въ обществахъ. Низшіе ихъ типы не имѣютъ и слѣдовъ распредѣлительной системы: у нихъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговцевъ. Два первичные класса находятся тутъ въ непосредственномъ соприкосновеніи. И рабы находящіеся во владѣніи извѣстнаго числа лицъ господствующаго класса, стоятъ въ столь прямомъ отношеніи къ этимъ лицамъ, что передача продуктовъ совершается безъ вѣшательства посредствующей дѣятельности. Каждая семья удовлетворяетъ здѣсь сама всѣмъ своимъ нуждамъ; а потому никто не чувствуетъ надобности въ установленіи обмѣна продуктами между отдѣльными семьями. Даже тогда, когда внутри каждаго изъ двухъ первичныхъ отдѣловъ появляются уже вторичныя подраздѣленія, мы все еще находимъ, что пока общественный агрегатъ представляетъ лишь простую совокупность племенъ, выполняющихъ каждое, внутри своихъ собственныхъ предѣловъ, всѣ нужныя производительныя дѣятельности, въ немъ не можетъ быть открыто почти никакихъ слѣдовъ распредѣлительной системы, за исключеніемъ случайныхъ сборищъ для мѣноваго торгова. Но, съ прогрессомъ консолидаціи, или сличенія, такихъ племенъ, дѣлается возможною локализациа промысловъ; а, съ прогрессивнымъ приуроченіемъ различныхъ промысловъ по различнымъ мѣстностямъ, начинаютъ появляться спеціальныя приспособленія для перевозки продуктовъ и доставленія ихъ въ разныя мѣстности. Эти приспособленія состоятъ вначалѣ изъ одиночныхъ торговцевъ-разносчиковъ; потомъ изъ странствующихъ торговыхъ товариществъ и пр.; но, съ проложеніемъ дорогъ, они разрастаются постепенно въ цѣлую организованную систему оптоваго и розничнаго распредѣленія, охватывающую собою все общество.

§ 241. И такъ, эти три крупныя системы органовъ представляютъ въ обоихъ родахъ организмовъ полную параллель между собою. Кромѣ того, онѣ возникаютъ въ общественномъ организмѣ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ индивидуальномъ организмѣ, и на основаніи тѣхъ же самыхъ причинъ.

Общество живетъ поглощеніемъ веществъ изъ почвы: — минеральныхъ веществъ, идущихъ на постройки, отопленіе, и пр.; растительныхъ веществъ, разводимыхъ на занимаемой имъ поверхности для пищи и для одежды; и животныхъ веществъ, вырабатывающихся изъ предыдущихъ, или подъ управленіемъ челоѣка, или безъ его помощи. Самый низшій общественный слой соби-

раетъ и передаетъ эти вещества тѣмъ, которые вносятъ ихъ въ общій потокъ товарнаго обращенія; и самая высшая часть этого низшаго слоя состоитъ изъ тѣхъ единицъ и группъ, которыя перерабатываютъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ нѣкоторыя изъ этихъ веществъ, прежде чѣмъ они станутъ годными для передачи ихъ потребителямъ. А потому неоспоримо, что классы, занятые ручнымъ трудомъ, играютъ ту же самую роль въ функціи поддержанія жизни общества, какую составныя части поверхности пищеварительнаго канала играютъ въ поддержаніи живаго тѣла.

Не менѣе достоверно и то, что весь классъ людей, занятыхъ покупкою и продажей всевозможныхъ родовъ товаровъ, въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, и систематическою доставкою ихъ, по постепенно слагающимся путямъ сообщенія, ко всѣмъ областямъ, городамъ и индивидамъ, — которые, вслѣдствіе этого, получаютъ возможность возстановлять утраты, причиненныя имъ ихъ дѣятельностью, — выполняетъ, вмѣстѣ съ этими путями сообщенія, ту же самую службу, которую выполняетъ въ живомъ тѣлѣ сосудистая система; ибо эта система также приноситъ каждому органу и каждой единицѣ организма запасъ пищевыхъ веществъ, въ количествѣ пропорціональномъ дѣятельности каждаго изъ нихъ.

Наконецъ, не менѣе справедливо и то, что, какъ въ живомъ тѣлѣ, мозгъ, органы чувствъ и руководимые ими члены, будучи удалены въ значительной степени отъ пищеварительной поверхности, питаются черезъ посредство извилистыхъ каналовъ сосудистой системы, такъ точно и контролирующія части общества, будучи удалены въ наибольшей степени отъ производительныхъ (operative) частей, получаютъ всю сумму необходимыхъ для ихъ потребленія предметовъ изъ потоковъ распределенія, достигающихъ часто до нихъ чрезвычайно непрямыми путями.

Не менѣе ясно и то, что порядокъ развитія въ обоихъ случаяхъ необходимо одинъ и тотъ же. Для такого творенія, которое, какъ гидра, и очень невелико ростомъ, и очень малодѣтельно, прямая передача пищевыхъ веществъ отъ внутренняго слоя наружному, путемъ всасыванія, конечно, достаточно удовлетворительна. Но по мѣрѣ того, какъ вишіе аппараты, становясь болѣе дѣятельными, начинаютъ и тратить болѣе, простое всасываніе пищевыхъ веществъ изъ сосѣднихъ тканей становится все менѣе и менѣе достаточнымъ для покрытія претерпѣваемыхъ ими потерь; и по мѣрѣ того, какъ общая масса тѣла становится все объемистѣе, а потому и удаленіе частей приготавливающихъ пищу, отъ частей, потребляющихъ ее, становится все значительнѣе, является все большая и большая нужда въ какихъ-либо средствахъ для доставленія ея отъ однихъ частей къ другимъ. Пока двѣ начальныя системы не достаточно рѣзко отдѣлились одна отъ другой, эта третичная система не

Российская государственная библиотека
041935940
013.3.0111933

может имѣть никакого приложенія, никакой функціи; но когда двѣ начальныя системы уже возникли, онѣ не могутъ пойти далеко въ своемъ развитіи, безъ соответственнаго развитія этой третичной системы. Въ развитіи общественнаго организма мы видимъ тоже самое. Пока существуетъ только классъ господъ, да классъ рабовъ, находящійся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ предыдущимъ, никакія приспособленія для распредѣленія продуктовъ не могутъ найти себѣ мѣста въ обществѣ; но болѣе обширное общество, съ различными классами, выполняющими различныя регулятивныя функціи, и съ различными мѣстностями, посвященными различнымъ промышленностямъ, не только даетъ мѣсто для распредѣлительной системы, но и можетъ расти и усложняться только подъ условіемъ соответственнаго развитія и усложненія этой системы.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, отношенія между этими тремя крупными системами органовъ въ обоихъ родахъ организмовъ, постараемся теперь прослѣдить, въ обоихъ случаяхъ, развитіе каждой изъ этихъ системъ въ отдѣльности.

ГЛАВА VII.

СИСТЕМА ОРГАНОВЪ ПИТАНІЯ.

§ 242. Части, на обязанности которыхъ лежитъ питаніе живаго тѣла, и части, выполняющія производительные промыслы въ политическомъ агрегатѣ, очевидно, вполнѣ аналогичны между собою; такъ какъ роль тѣхъ и другихъ состоитъ въ поддержаніи жизни агрегата; а потому эти аналогическія части могутъ быть названы въ обоихъ случаяхъ системою органовъ питанія, или системою органовъ поддержанія жизни (*sustaining system*). Эти части дифференцируются въ каждомъ случаѣ сообразно съ извѣстными законами, которые оказываются сходными для индивидуальныхъ и общественныхъ организмовъ; и самымъ общимъ изъ нихъ оказывается законъ, управляющій локализацией различныхъ отдѣловъ, на которые распадаются эти части въ каждомъ случаѣ.

Самымъ типическимъ примѣромъ такой локализациі, у растительныхъ организмовъ, можетъ считаться общеизвѣстный контрастъ между подземными и надземными частями растенія: — первыя поглощаютъ воду и минеральныя вещества; а вторыя, при содѣйствіи свѣта, отнимаютъ углеродъ у угольной кислоты, содержащейся въ атмосферѣ. Это различіе въ отправленіи вызвано вначалѣ различными отношеніями этихъ двухъ частей къ окружающимъ дѣятелямъ; что доказывается тѣмъ фактомъ, что корень, не покрытый непрозрачно корою, выйдя на поверхность земли, становится зеленымъ и начинаетъ разлагать углекислоту; и, наоборотъ, вѣтки, пригнутыя къ почвѣ и покрыты землею, даютъ отъ себя начало корешкамъ. Это значитъ, что основное различіе въ питательной дѣятельности, выполняемой сообща этими двумя большими отдѣлами растенія, на благо всего цѣлаго, опредѣляется несходствомъ въ положеніи cadaго изъ нихъ по отношенію къ окружающей средѣ.

У животныхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ *Entozoa*, которыя, будучи погружены цѣликомъ въ жидкость, питаются черезъ наружную свою оболочку), наружная поверхность не принимаетъ никакого участія въ функціи питанія. Выше уже было показано, что

 0419359430
 30250000335

первичная дифференціація, устанавливая за наружнымъ слоемъ исключительную монополію тѣхъ дѣятельностей, которыя становятся возможными вслѣдствіе его особеннаго положенія, устанавливаетъ за внутреннимъ слоемъ стольже исключительную монополію тѣхъ дѣятельностей, посредствомъ которыхъ поглощенная добыча утилизируется на пользу тѣла. Здѣсь же мы должны обратить вниманіе собственно на то, какимъ образомъ этотъ общій процессъ утилизациі распредѣляется между различными частями пищевого канала, соответственно различію ихъ положеній по отношенію къ пищевымъ веществамъ. Чтобы представить себѣ въ грубыхъ чертахъ общій ходъ развитія въ этой области, слѣдуетъ припомнить рѣзкій контрастъ между простою, однообразною по всей своей длинѣ пищевою трубкою какого-нибудь низшаго животнаго, съ отсутствіемъ какого бы то ни было раздѣленія функцій между различными частями этой трубки, и сложнымъ, многообразнымъ на всемъ протяженіи пищеварительнымъ аппаратомъ какой-либо птицы или млекопитающаго, съ его крупными и мелкими раздѣленіями функцій. Пища, получаемая въ твердой формѣ, должна быть прежде всего растерта; поэтому растирательный аппаратъ, — тамъ гдѣ онъ существуетъ, — помещается въ самомъ началѣ всего ряда пищеварительныхъ аппаратовъ или по близости отъ этого начала (припомнимъ помещеніе зубовъ или, гдѣ ихъ нѣтъ, — зоба). Проглоченныя вещества, хотя и раздробленныя въ мелкіе кусочки, нуждаются въ приведеніи ихъ въ еще болѣе тонко-размельченное состояніе, прежде чѣмъ они сдѣлаются годными для всасыванія; а потому нахожденіе ихъ въ несовершенномъ-измельченномъ состояніи налагаетъ на слѣдующую далѣе часть пищеварительнаго канала обязанность довершить ихъ дезинтеграцію въ сократимомъ мѣшкѣ, снабженномъ желѣзками, выделяющими растворяющія жидкости. Изготовленная въ этомъ мѣшкѣ кашница налагаетъ на слѣдующую еще далѣе часть пищевого канала опять новую обязанность. Растираніе теперь уже окончено; также какъ и раствореніе крупныхъ кусочковъ въ мельчайшія волокна и лохмотья; поэтому дальнѣйшее приготовленіе должно состоять въ прибавленіи къ кашницѣ извѣстныхъ выдѣленій, дѣлающихъ ее годною для всасыванія. Когда приготовленіе такимъ образомъ окончено, то не остается ничего болѣе, какъ только всосать приготовленную смѣсь; и дѣйствительно, прибытіе пищевой жидкости въ извѣстную часть пищевого канала, въ исполнѣ годномъ для всасыванія состояніи, обуславливаетъ въ этой части функцію всасыванія. Подобныя же причины опредѣляютъ, хотя въ не столь прямой формѣ, и локализацию крупныхъ прибавочныхъ желѣзъ (О с н о в. Біол. §§ 298—299).

Въ общественномъ организмѣ, локалізація различныхъ промысловъ, поддерживающихъ сообща жизнь всего цѣлаго, опредѣляется исполнѣ аналогиче-

скимъ образомъ. Прежде всего, различныя отношенія различныхъ частей населенія къ различнымъ частямъ органической и неорганической среды, обыкновенно далеко несходнымъ между собою на всемъ протяженіи занимаемой даннымъ обществомъ области, порождаютъ различія въ промышленныхъ занятіяхъ этихъ различныхъ частей населенія. Во вторыхъ, сравнительная близость къ тѣмъ или другимъ округамъ, съ установившеюся такимъ образомъ промышленностью, опредѣляетъ относительныя положенія другихъ промышленности, зависящихъ отъ продуктовъ, доставляемыхъ промыслами первой категоріи.

Первый способъ локализациі можетъ быть прослѣженъ даже у полудициализованныхъ народовъ. Джаксонъ говоритъ, что одни изъ Фиджійскихъ острововъ слаятся своими деревянными издѣліями, другіе—циновками и корзинами, третьи—горшечнымъ производствомъ и красками; и что эти различія въ господствующей промышленности обусловливаются различіями естественныхъ произведеній этихъ острововъ. А Тёрнеръ говоритъ, что на островѣ Самоа изготовленіемъ сѣтей „занимаются по преимуществу обитатели внутреннихъ деревень“; и приписываетъ это обстоятельство „близости сырыхъ матерьяловъ“. У нѣсколько выше стоящихъ обществъ Африки мы находимъ подобныя же дифференціациі, обусловленные подобными же причинами. Въ Лоанго, по словамъ Пройарта, „морскіе берега посѣщаются настоящими, профессиональными рыбаками“; тутъ же существуютъ люди, живущіе постоянно подлѣ моря и занимающіеся вываркою соли „посредствомъ выпариванія морской воды надъ огнемъ“. Очевидно, что всѣ эти занятія обусловливаются здѣсь мѣстными удобствами; несомнѣнно, что тѣже мѣстные удобства обусловливаютъ и особенную промышленность одного Ашантійскаго города, преданнаго горшечному производству. Вымершія общества Древней Америки представляютъ еще болѣе многочисленныя примѣры такой локализациі. Лоренцана говоритъ: — „обитатели Икстапалуки и Икстапалапы (въ Мексикѣ) ведутъ обширную торговлю этой солью (селитрой); да и самыя имена этихъ областей означаютъ мѣсто, гдѣ добывается И к с т а т л ѣ, т. е. селитра“. Точно также, читая у Клявиголо о горшечникахъ Чолулы, о камнетесахъ Тенахокана, о рыбакахъ Куитлауака и о цвѣточникахъ Ксочимилко, мы не можемъ ни на минуту усомниться въ томъ, что всѣ эти различныя производства выросли въ мѣстностяхъ, представлявшихъ извѣстныя естественныя удобства и выгоды для ихъ веденія. Подобный же примѣръ доставляютъ намъ и древніе Перуанцы, о которыхъ Гарсилассо говоритъ, что „обувь изготовлялась у нихъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ росли въ особенномъ изобиліи разныя породы алое; ибо они дѣлали свою обувь изъ листьевъ дерева, называвшагося м а г е и. Различные сорта оружія также доставлялись тѣми областями, въ которыхъ находились въ наибольшемъ изобиліи необходи-

мые для ихъ изготовленія матеріалы“. Показывая намъ всеобщность этого закона, эти примѣры тѣмъ самымъ побуждаютъ насъ оглянуться на свидѣтельства, разсыпанные и доселѣ вокругъ насъ. Обыденность нѣкоторыхъ фактовъ не должна притуплять нашего вниманія къ ихъ значенію; а потому не слѣдуетъ обходить безъ всякаго вниманія тѣхъ фактовъ, что населеніе, окаймляющее наши берега, было приведено, въ силу своего положенія, къ занятіямъ, такъ или иначе связаннымъ съ моремъ: — къ рыболовству, мореходству, кораблестроенію, и пр.; тогда какъ нѣкоторые изъ приморскихъ городовъ, опять таки въ силу особенной физической обстановки, выдѣлились въ мѣста ввоза и вывоза; и что наше внутреннее населеніе, воздѣлавая по преимуществу то тогъ, то другой родъ пищи, соотвѣтственно то тѣмъ, то другимъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, обращаетъ свою энергію, подъ вліяніемъ близости тѣхъ или другихъ сырыхъ матеріаловъ, здѣсь — на выломку камня и плитъ, тамъ — на производство кирпичей, а тамъ — на добываніе различныхъ рудъ.

За этими первичными локализациями слѣдуютъ, какъ сказано уже выше, локализации вторичнаго порядка. Гдѣ не существуетъ естественныхъ выгодъ, доставляемыхъ даровою силою падающей воды, мануфактуры скопляются по преимуществу въ округахъ, изобилующихъ углемъ, или по близости такихъ округовъ, вслѣдствіе относительной дешевизны здѣсь паровой силы. Если же для какого-либо производства требуется два рода сырыхъ матеріаловъ, то локализация этого производства опредѣляется ихъ совокупнымъ нахожденіемъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ гвоздеваго производства Стаурбриджа и его окрестностей, гдѣ и желѣзо, и уголь находятся подъ рукою; или на примѣрѣ Бирмингама, съ его обширнымъ производствомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ желѣзныхъ издѣлій, обусловленнымъ подобной же близостью къ источникамъ этихъ двухъ главныхъ сырыхъ матеріаловъ; или на примѣрѣ Манчестера, лежащаго поблизости заразъ и отъ главнаго хлопчатобумажнаго порта, и отъ каменноугольной области; или, наконецъ, на примѣрѣ Шеффилда, который, кромѣ имѣющихся тутъ пяти потоковъ, доставляющихъ даровую водяную силу, и кромѣ своей близости къ огромнымъ запасамъ желѣза, каменнаго и древеснаго угля, имѣетъ еще подъ рукою залежи „самаго лучшаго песчаника въ цѣломъ свѣтѣ для изготовленія точильныхъ брусковъ“.

§ 243. Эта локализация органовъ, посвященныхъ приготовленію тѣхъ веществъ, которыя необходимы организму, индивидуальному и общественному, для поддержанія его жизни, представляетъ еще одну особенность, общую для обоихъ родовъ организмовъ и состоящую въ томъ, что пищеварительные аппараты, удовлетворяющіе совершенно другимъ требованіямъ, чѣмъ регулятивные

аппараты, дифференцируются и развиваются, въ обоихъ случаяхъ, совершенно иначе, чѣмъ эти послѣдніе.

Эта общая черта въ особенности хорошо замѣтна въ тѣхъ случаяхъ, когда агрегатъ, индивидуальный или общественный, состоялъ вначалѣ изъ многихъ сходныхъ между собою сегментовъ, которые вполнѣ постепенно консолидировались и слились другъ съ другомъ. Изъ всего животнаго царства, представители кольчататаго типа обнаруживаютъ всего лучше это превращеніе, со всѣми сопутствующими ему обстоятельствами. Сегменты, или такъ-называемые *сомиты*, изъ которыхъ состоитъ какой-нибудь низкостоящій родъ водяныхъ червей, напримѣръ *Syllis*, представляютъ по своему строенію простое повтореніе одинъ другаго. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое расширеніе пищеварительнаго канала; для каждаго изъ нихъ существуетъ свое собственное разширеніе большаго кровеноснаго сосуда; каждый изъ нихъ обладаетъ своей частью двойнаго нервнаго шнурка, съ нервными узлами, гдѣ таковыя имѣются; въ каждомъ изъ нихъ отъ главныхъ нервныхъ стволовъ и отъ главнаго кровеноснаго сосуда отходятъ вѣтви, соотвѣтствующія точно такимъ же вѣтвямъ въ каждомъ изъ остальныхъ сегментовъ; каждый обладаетъ подобнымъ же образомъ извѣстной группой мускуловъ, соотвѣтствующей такой же группѣ мускуловъ въ каждомъ изъ другихъ сегментовъ; у каждаго есть своя пара отверстій, проникающихъ сквозь наружную стѣнку тѣла и сообщающихся съ окружающей средою; и такъ далѣе, вплоть до самыхъ органовъ воспроизведенія. Съ внѣшней стороны, они также представляютъ совершенно сходныя двигательныя придатки, сходныя жабры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — даже сходныя пары глазъ (Основ. Біол., § 205). Но когда мы перейдемъ къ высшимъ *Annulosa*, каковы ракообразныя и насѣкомыя, — у которыхъ сомиты гораздо болѣе интегрированы между собою, а иногда даже слиты въ столь совершенной степени, что не могутъ быть болѣе отличены одинъ отъ другаго, — мы найдемъ, что органы питанія утратили здѣсь вполнѣ свои первоначальныя отношенія къ сомитамъ. У ночной бабочки или у таракана брюшко все еще сохраняетъ раздѣленіе на сегменты; но внутренніе ихъ органы, завѣдующіе поддержаніемъ жизни, уже не повторяютъ другъ друга въ каждомъ сегментѣ, какъ у *Annulida*; напротивъ того, каждый изъ этихъ органовъ, — какъ то: зобъ, желудокъ, желѣзы, кишечный каналъ, — занимаетъ то два, то три, то четыре, и даже болѣе сегментовъ. И наоборотъ, слѣдуетъ замѣтить, что нервныя центры, завѣдующіе координаціей всѣхъ внѣшнихъ органическихъ дѣятельностей, ничуть не теряютъ своихъ первоначальныхъ отношеній къ сегментамъ, хотя эти узлы и отличаются теперь нѣсколько другъ отъ друга въ разныхъ сегментахъ. Такъ, напримѣръ, хотя передніе узлы бабочки, контролирующіе внѣшнія дѣйствія, значительно увеличи-

04135340
04135340

лись, перемѣстились и интегрировались, однако же ея брюшные узелки, состоящіе изъ сравнительно маленькими, продолжаютъ сохранять свои прежнія мѣста.

Точно тоже справедливо и для промышленныхъ органовъ, возникающихъ въ какомъ-либо большомъ обществѣ, сложившемся путемъ постоянного слиянія мелкихъ обществъ: т. е., органы эти разрастаются безъ всякаго отношенія къ политическимъ раздѣленіямъ, крупнымъ или мелкимъ. Доказательства этого мы видимъ кругомъ себя въ достаточномъ изобиліи. Замѣтимъ прежде всего мимоходомъ кое-какія, хотя и не полныя, дифференціаціи сельско-хозяйственной системы, характеризующейся здѣсь — преобладаніемъ хлѣбонашества, — тамъ воспитаніемъ рогатаго скота, а тамъ, въ гористыхъ мѣстахъ, — овцеводствомъ; причѣмъ всѣ эти различія не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ границамъ различныхъ графствъ; а затѣмъ обратимъ наше особенное вниманіе на мануфактурную систему, чтобы видѣть, до какой степени области, посвященныя той или другой мануфактурной промышленности, отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ какой бы то ни было связи съ первоначальными границами различныхъ политическихъ группъ, или съ какими бы то ни было границами, которыя могли установиться впослѣдствіи путемъ политическимъ. Такъ мы имѣемъ желѣзо-выдѣлительный округъ, занимающій часть Уорсестершира, часть Стаффордшира и часть Уарвикшира. Хлопчатобумажная промышленность не ограничивается Ланкаширомъ, но захватываетъ и сѣверный округъ Дербишира. Тоже самое примѣнимо и къ угле- и желѣзо-разрабатывающей области вокругъ Ньюкасла и Дѣрлама. Тоже самое можетъ быть сказано и по отношенію къ болѣе мелкимъ политическимъ подраздѣленіямъ и къ болѣе мелкимъ частямъ нашей промышленной организаціи. Мануфактурный городъ разрастается безъ всякаго вниманія къ границамъ разныхъ приходоу; часто даже случается, что многочисленныя пристройки одного и того же большого промышленнаго учрежденія стоятъ въ разныхъ приходоу. Наша столица представляетъ тоже явленіе, только въ очень широкихъ размѣрахъ. Лондонъ охватилъ собою множество приходоу и разрастаніе его не останавливается пограничною чертою между графствами Мидльсексомъ и Сѣррейемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно видѣть, что даже международныя границы не въ силахъ воспрепятствовать этому послѣдствію промышленной локализациі. Такъ напримѣръ, Галламъ указываетъ, что „шерстяныя мануфактуры распространялись изъ Фландріи вдоль по берегамъ Рейна и перешли также и въ сѣверныя провинціи Франціи“. И, наоборотъ, контролирующіе аппараты, — какъ бы сильно ни измѣнялись они въ своихъ относительныхъ размѣрахъ, — не теряютъ подобнымъ образомъ своихъ отношеній къ первоначальнымъ сегментамъ. Регулирующій аппаратъ каждаго изъ нашихъ графствъ продолжаетъ представлять то, что было вначалѣ независимымъ правительствомъ. Въ древній періодъ

англійской исторіи графство (county) было областью, состоявшей подъ управленіемъ графа (comes), или эрла (earl); причемъ размѣры такой области были очень различны, сообразно съ силой ея правителя. По свидѣтельству Стѣбса, „нынѣшній конституціональный механизмъ англійскаго шира (shire) представляетъ, такимъ образомъ, или національную организацію различныхъ отдѣловъ, созданныхъ покореніемъ этой страны Западными Саксами; или національную организацію древнихъ поселеній, присоединявшихся къ королевству Мерціи, по мѣрѣ его распространенія на западъ; или переустройство всей Англій династіей Западныхъ Саксовъ на началахъ, имѣвшихъ мѣсто въ ихъ собственныхъ ширахъ“. Подобнымъ же образомъ, по отношенію къ осьми мелкимъ Гальскимъ государствамъ, занимавшимъ вначалѣ поверхность нынѣшней Франціи, Де-Куланжъ говорить: „Ни Римляне, ни Германцы, ни феодализмъ, ни монархія не разрушили этихъ живучихъ единицъ“, которыя до самой революціи оставались существенно „провинціями“ (provinces) и „странами“ (pays), т. е. малыми мѣстными правительствами.

§ 244. Чтобы исполнѣ уразумѣть полное значеніе этой сходственности развитія органовъ питанія въ индивидуальномъ и общественномъ организмахъ, слѣдуетъ выразить эту сходственность въ самой общей формѣ, независимо отъ всѣхъ подробностей и частныхъ.

Въ чемъ состоитъ законъ развитія, въ приложеніи къ пищеварительной системѣ животнаго, выраженный въ самой общей своей формѣ? Въ томъ, что пищеварительный каналъ, во всемъ своемъ цѣломъ, приспосабливается, какъ со стороны строенія, такъ и со стороны отпавленія, къ животнымъ и растительнымъ веществамъ, приходящимъ въ соприкосновеніе съ его внутренней поверхностью; и далѣе, въ томъ, что различныя части этого канала получаютъ способность дѣйствовать на эти вещества на различныхъ послѣдовательныхъ ступеняхъ ихъ подготовленія: это значитъ, что, какъ общій характеръ пищеварительнаго канала, такъ и спеціальныя его особенности опредѣляются тѣми посторонними веществами, которыя служатъ организму для поддержанія его жизни, и на которыя дѣйствуетъ внутренняя сторона его пищеварительнаго канала. А въ чемъ состоитъ законъ развитія, въ его примѣненіи къ промышленной системѣ обществъ, выраженный также въ самыхъ общихъ своихъ терминахъ? Въ томъ, что промышленная система, взятая во всемъ своемъ цѣломъ, есть совокупность дѣятельностей и соотносительныхъ имъ строеній, опредѣляемыхъ тѣми минералами, растеніями и животными, съ которыми находится въ соприкосновеніи ея рабочій персоналъ; и что промышленная спеціализація общества, т. е. распаденіе его населенія на части, занимающіяся разными спеціальными промыслами, опредѣляется органическими и неорганическими осо-

бенностями тѣхъ мѣстныхъ продуктовъ, съ которыми этимъ частямъ приходится имѣть дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

И такъ, матеріальная среда, доставляющая для различныхъ надобностей и въ различныхъ степеняхъ годная къ потребленію вещества, опредѣляетъ такимъ образомъ всѣ промышленныя дифференціаціи; къ этой истинѣ было присоединено мною мимоходомъ краткое указаніе на ту другую истину, что дифференціаціи регулятивныхъ, или правительственныхъ, аппаратовъ не опредѣляются этимъ способомъ. Но полное значеніе этой антитезы можетъ быть показано только тогда, когда мы прослѣдимъ развитіе этихъ правительственныхъ аппаратовъ.

ГЛАВА VIII.

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА.

§ 245. Въ предпоследней главѣ, описывая вкратцѣ отношенія между тремя главными системами органовъ, мы сказали, что ни въ животномъ, ни въ обществѣ, развитіе системы органовъ питанія, или развитіе регулятивной системы, не можетъ подвигаться впередъ, безъ соотвѣтственнаго и одновременнаго развитія распределительной системы. Переходъ отъ несовершенно-слоченной группы племенъ, удовлетворяющихъ каждое всѣмъ своимъ нуждамъ, къ совершенно-слоченной группѣ, съ разнообразными промышленными дифференціаціями въ ея нѣдрахъ, не можетъ имѣть мѣста безъ возникновенія особыхъ приспособленій для доставленія продуктовъ изъ однихъ пунктовъ въ другіе; точъ въ точъ такъ, какъ группа совершенно схожихъ между собою полиповъ не можетъ превратиться въ такую комбинацію, какую мы видимъ у *Diphyes*, безъ возникновенія извѣстныхъ структурныхъ измѣненій, облегчающихъ доставленіе пищи отъ питающихъ членовъ этой группы ея плавающимъ членамъ. Средневѣковое общество, составленное изъ слегка соподчиненныхъ между собою феодальныхъ государствъ, имѣющихъ каждое своего собственнаго мѣстнаго властелина, своихъ собственныхъ работниковъ и торговцевъ различныхъ родовъ, — точъ въ точъ такъ, какъ какое-нибудь кольчатое животное, составлено изъ отдѣльныхъ сегментовъ, имѣющихъ каждый свои собственные нервные узелки, свой собственный простой участокъ пищеварительнаго канала и свои собственные вѣтшіе придатки, жабры, и т. п., — столь же мало можетъ перейти въ плотно-интегрированное общество, подобное нашему собственному, съ его разнообразно локализованными промыслами, безъ предварительнаго развитія путей сообщенія и торгующихъ классовъ, какъ вышеупомянутое кольчатое животное можетъ развиваться въ ракообразное или насѣкомое, съ его многочисленными, несходными между собою частями и столь же многочисленными, несходными между

собою дѣятельностями, безъ предварительнаго развитія централизованной судистой системы.

И такъ, мы должны перейти теперь къ рассмотрѣнiю подозрѣваемаго нами параллелизма между индивидуальною распредѣлительною системою и общественною распредѣлительною системою, на всѣхъ ступеняхъ развитія этой системы въ обоихъ случаяхъ.

§ 246. Protozoa изъ типа корненожекъ (rhizopoda) не обладаютъ каналами, черезъ которые однѣ части тѣла могли бы сообщаться съ другими. Тѣсная близость ихъ частей, сходство ихъ отравлений и значительная измѣнчивость ихъ относительныхъ положенiй дѣлаетъ распредѣлительную систему столь же бесполезною, какъ и неосуществимою. Даже такіе животные агрегаты, какъ *Muchomycetes*, которые отличаются довольно значительными размѣрами, но представляютъ повсюду совершенно однородное строеніе, не обладаютъ легко-проницаемыми линіями, которыя служили бы для распредѣленія пищи.

Точно тоже мы видимъ и у низшихъ обществъ. Мелкія кочующія племена, не представляющія внутри себя никакого раздѣленія труда, отрицаютъ, въ силу каждаго изъ этихъ отличительныхъ своихъ признаковъ, возможность установленія у нихъ каналовъ сообщенія. Взаимныя сообщенія между дюжиною или двумя дикарей, составляющихъ такое племя, такъ незначительны и такъ неопредѣленны, что не ведутъ даже къ проложенію тропинокъ между ихъ хижинами. Большинство изъ такихъ племенъ ведетъ кочевой образъ жизни; а потому тѣ битыя тропинки, которыя начинаютъ протаптываться ими на каждомъ новомъ временномъ мѣстѣ ихъ жительства, вскорѣ заростають съизнова травой и засыпаются пескомъ. Даже тамъ, гдѣ такіа племена ведутъ осѣдлый образъ жизни, — если только они значительно разсѣяны другъ отъ друга и не представляютъ несходствъ въ своихъ занятіяхъ, — передвиженія отдѣльныхъ личностей изъ мѣста въ мѣсто бывають такъ ничтожны, что почти не оставляють по себѣ слѣдовъ.

Сложные агрегаты, состоящіе изъ частей, обусловленныхъ различнымъ образомъ по отношенію къ виѣшней средѣ и отравляющихъ различныя функціи, должны обладать каналами для сообщенія, которые развиваються виѣстѣ съ разростаніемъ самаго агрегата. У гидры, состоящей просто изъ двойнаго мѣшка, питательныя вещества, поглощаемыя внутреннимъ слоемъ этого мѣшка, могутъ достигать до его виѣшняго слоя и безъ существованія видимыхъ отверстій; а именно, мы можемъ предположить, что эти вещества проходятъ здѣсь просто по линіямъ наименьшаго сопротивленія; причѣмъ каждая такая линія разъ открывшись и будучи потомъ постоянно употребляема въ дѣло, становится все болѣе и болѣе проницаемой. Съ прогрессивнымъ возникновеніемъ бо-

лѣ крупныхъ агрегатовъ, части которыхъ удалены отъ желудка въ болѣе значительной степени, появляется прежде всего на сцену вѣтвистый желудокъ, — т. е. пищеварительная полость посылаетъ свои развѣтвленія по всему тѣлу. Такое распределеніе грубо-приготовленныхъ пищевыхъ веществъ черезъ посредство этихъ желудочныхъ синузовъ имѣетъ мѣсто у медузъ и у *Planariae*. Но у выше стоящихъ типовъ, отличающихся присутствіемъ пери-висцерального мѣшка, содержащаго профильтрованную пищу, этотъ мѣшокъ, представляющій зачатокъ сосудистой системы, становится той полостью, отъ которой расходятся каналы, развѣтвляющіеся по тканямъ; причемъ эти каналы, — *lacinae*, — образуются, вѣроятно, путемъ привлеченій жидкости къ извѣстнымъ пунктамъ, вслѣдствіе мѣстныхъ требованій, а устанавливаются путемъ повторенія такихъ привлеченій.

Въ обществахъ, какъ и въ живыхъ тѣлахъ, каналы сообщенія создаются тѣми самими передвиженіями, которыя облегчаются вполнѣдствіи этими каналами; причемъ каждое прохожденіе дѣлаетъ болѣе легкими послѣдующія прохожденія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди пользуются путями, проложенными вначалѣ животными. Такъ напримѣръ, Нагасы пользуются тропами, прокладываемыми въ джунгляхъ (тростниковыхъ болотахъ) дикими звѣрями. Впрочемъ, первоначальные пути, пролагаемые людьми почти тѣми же способами, какіе употребляются животными, бываютъ едва ли лучше звѣриныхъ тропъ. Дороги Бечуановъ, по описанію Томпсона, съ „трудомъ“ могутъ быть отличены отъ тропъ, оставляемыхъ кваггами и антилопами. Бертонъ говоритъ, что, въ Восточной Африкѣ, „наиболѣе часто посѣщаемые пути суть простыя пѣшеходныя тропинки, похожія на козьи тропы“. И даже въ Абиссиніи, по свидѣтельству Паркинса, большая дорога „есть просто путь, у бившійся вполнѣдствіе частаго употребленія; она немногимъ шире, чѣмъ овечьи тропы, и то лишь вслѣдствіе того обстоятельства, что по ней проходитъ большее число ногъ“. Даже при такомъ общественномъ состояніи, когда являются города, поддерживающія значительныя сношенія, мы не находимъ вначалѣ ничего другаго, кромѣ ненамѣреннаго проложенія канала наименьшаго сопротивленія посредствомъ частаго прохожденія взадъ и впередъ по данному направленію. Описывая дорогу отъ старой столицы Бечуановъ къ новой, Бёрчелль говоритъ: „эта дорога состоитъ изъ множества пѣшеходныхъ тропинокъ, настолько узкихъ, что по каждой изъ нихъ можетъ идти только одинъ человѣкъ; эти тропинки то идутъ параллельно одна другой, то пересѣкаются подъ очень острыми углами; я насчиталъ отъ двѣнадцати до осьмнадцати или двадцати такихъ тропинокъ на ширинѣ нѣсколькихъ ярдовъ“.

Въ животныхъ организмахъ, восходя отъ той ступени, на которой существуетъ простое просачиваніе питательной жидкости черезъ болѣе проницае-

УДК 316.77
100.000.000.000

мы мѣста въ тканяхъ, и переходя черезъ ту ступень, на которой случайныя токи этой жидкости слабо движутся по неопредѣленно-ограниченнымъ синусамъ, мы достигаемъ, наконецъ, до такой ступени, на которой существуютъ правильныя движенія крови по сосудамъ, обладающимъ опредѣленными стѣнками. Какъ мы уже указали выше, образованіе настоящей сосудистой системы начинается въ центральной области и распространяется по направленію къ периферіи. Сначала образуется въ пери-виссеральномъ мѣстѣ коротенькая трубочка, открытая съ обоихъ концовъ. Ритмическія сокращенія этой трубочки поддерживаютъ въ окружающей ее жидкости постоянное движеніе, вслѣдствіе того, что эта жидкость входитъ то въ одинъ конецъ этой пульсирующей трубочки, то въ другой. Это первоначальное сердце постепенно удлиняется и даетъ отъ себя вторичныя сократимыя сосуды, которые, развѣтвляясь въ свою очередь, переходятъ въ такъ-называемыя *laciniae* (межтканныя, кровесодержащія пространства), въ результатъ чего получается сосудистая система.

Тоже самое имѣетъ мѣсто и для тѣхъ каналовъ сообщенія, которые мы находимъ въ общественномъ организмѣ. Вначалѣ, всѣ эти каналы представляютъ простыя, неопредѣленно-ограниченныя *laciniae*. И первыя опредѣленныя ограниченія появляются всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ наиболѣе дѣятельное обращеніе людей и товаровъ. Описывая дороги Восточной Африки, похожія въ большинствѣ случаевъ на козьи тропы, Бёртонъ говоритъ: „но тамъ, гдѣ находятся многочисленныя поля и деревни, эти дороги бываютъ огорожены грубыми плетнями, горизонтально-лежащими стволами деревьевъ и даже грубымъ частоколомъ, въ видахъ предупрежденія воровства и залѣзанія въ чужія владѣнія“. Точно тоже мы видимъ и въ Дагомеѣ. Хотя тамошнія дороги суть въ большинствѣ случаевъ простыя пѣшеходныя тропинки, однако Бёртонъ говоритъ, что „дороги, ведущія къ морскому берегу, достаточно хороши для колесныхъ экипажей, за исключеніемъ лишь немногихъ дурныхъ мѣстъ“; а „дорога, соединяющая между собою обѣ столицы и тянущаяся на шесть или на семь миль, можетъ выдержать сравненіе съ самыми широкими дорогами Англіи“. Также и отъ столицы Ашантиевъ, —обладающей, судя по описаніямъ, широкими, чистыми улицами, —расходятся лучеобразно восемь дорогъ, тянущихся къ весьма отдаленнымъ мѣстностямъ. Дороги эти были проложены черезъ лѣса различными королями и замѣстили, безъ сомнѣнія, первоначальныя тропы, пробитыя торговлею. Это центробѣжное развитіе путей сообщенія можетъ быть прослѣжено и въ нашей собственной странѣ, причѣмъ мы не должны, однако, принимать въ соображеніе римскихъ дорогъ, такъ какъ онѣ не представляютъ результатовъ мѣстнаго развитія. Мощеніе центральныхъ частей Лондона началось не ранѣе, какъ по истеченіи одиннадцатаго столѣтія; до Гоборна оно

достигло въ началѣ пятнадцатаго вѣка; и только въ шестнадцатомъ вѣкѣ оно распространилось и на нѣкоторые изъ лондонскихъ предмѣстій. Въ царствованіе Генриха VIII, когда какой-нибудь путь становился чрезчуръ грязнымъ для прохода по немъ, его „просто бросали и выбирали другую тропу“. До 1750 года, большая сѣверная дорога, шедшая изъ Лондона, представляла шоссе, съ заставами и шоссейными сборами, всего на протяженіи первыхъ 100 миль; „далѣе же къ сѣверу это была узкая грунтовая дорога, годная только для вьючныхъ лошадей и обрамленная съ обѣихъ сторонъ грязными рытвинами“. Въ то же самое время, дороги сѣверной и средней Англіи „были еще по большей части совѣтъ не огорожены“. Затѣмъ, мы знаемъ, что такъ называемый макъ-адамъ, произведеніе нашего вѣка, появился съ самаго начала на главныхъ путяхъ сообщенія, и лишь потомъ постепенно распространился въ центробѣжномъ направленіи:—сначала на всѣ шоссе, снабженные заставами для взыскиванія дорожныхъ пошлинъ, потомъ на приходскія дороги и, наконецъ, на частныя дороги.

Указанный здѣсь параллелизмъ можетъ быть проведенъ еще далѣе. Постоянно возрастающія требованія торговли вызвали къ жизни, въ добавленіе къ обыкновенной дорогѣ, желѣзную дорогу, которая, на мѣсто одиночнаго канала для движенія по обоимъ направленіямъ, представляетъ обыкновенно двойной каналъ, т. е., двѣ линіи движенія, или два рельсовые пути: одинъ для движенія въ одну сторону, а другой—въ другую; что аналогично двойной системѣ кровеносныхъ трубокъ у высшихъ животныхъ, причемъ трубки одной системы несутъ кровь отъ центра, а трубки другой системы несутъ ее къ центру. Въ законченной сосудистой системѣ, самые крупныя сосуды бываютъ и самыми прямыми; отходящія отъ нихъ второстепенныя сосуды уже менѣе прямы, а ихъ вѣтви искривлены еще болѣе; и, наконецъ, волосныя сосуды извилистѣе всѣхъ; нѣчто подобное этому мы видимъ и въ обществѣ: желѣзныя дороги, эти главныя линіи передвиженія въ обществѣ, наиболѣе прямы; почтовые дороги уже менѣе прямы; приходскія (проселочныя) дороги еще болѣе извилисты, и такъ далѣе, вплоть до телѣжныхъ колеи, извиляющихся между полями.

Впрочемъ, тутъ существуетъ еще одна параллель еще болѣе страннаго характера. Сосудистая система такихъ значительно развитыхъ животныхъ, какъ нѣкоторые моллюски, представляетъ слѣдующую особенность: центральныя части ея развиты настолько совершенно, что артеріи ихъ бываютъ одѣты мышечными влагалищами и высланы внутри „мостовиднымъ эпителиемъ“, между тѣмъ какъ периферическія ея части остаются очень несовершенными, такъ что послѣдніе мелкіе сосуды открываются здѣсь въ *l a s i n a e* самаго первобытнаго свойства. Нѣчто подобное мы можемъ видѣть и въ развитой распределительной системѣ

общества: и здѣсь мы видимъ, что главные каналы ограничены опредѣленнымъ образомъ и снабжены поверхностями, способными выдерживать давленіе и треніе, производимыя дѣятельною торговлею; между тѣмъ какъ отходящія отъ нихъ второстепенные каналы, подверженные въ меньшей степени дѣйствию промышленнаго передвиженія, представляютъ устройство менѣе высокаго порядка; и такъ далѣе, вплоть до все болѣе и болѣе развѣтвляющихся каналовъ, которые, становясь по мѣрѣ своего развѣтвленія все менѣе и менѣе совершенными, переходятъ въ концѣ концовъ въ *la cunae*, — т. е. въ непокрытые металломъ и неогороженные пути, годные для сельской телѣги, для всадника или только для пѣшехода, и тянушіеся черезъ поля и лѣса, черезъ болота и горы.

Прежде, чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, мы должны еще замѣтить слѣдующій фактъ: пропорціонально развитію въ данномъ организмѣ, индивидуальномъ или общественномъ, разныхъ приспособленій для борьбы съ другими организмами, эти каналы распредѣленія перестаютъ ограничиваться поддержаніемъ только внутренней жизни, но начинаютъ заниматься отчасти, или даже главнымъ образомъ, перенесеніемъ матеріаловъ отъ частей, добывающихъ ихъ и поддерживающихъ жизнь, къ частямъ, только тратящимъ эти матеріалы. У животнаго съ обширною нервно-мышечною системою, артеріи служатъ гораздо болѣе для доставленія крови отъ внутреннихъ органовъ къ мозгу и членамъ тѣла, чѣмъ для доставленія крови отъ одного внутренняго органа другому; такъ точно и въ государствѣ, господствующая дѣятельность котораго имѣтъ хищническій характеръ, главными дорогами бываютъ дороги, устроенныя для военныхъ надобностей. Потребленіе на войнѣ людей и запасовъ дѣлаетъ всего болѣе необходимыми тѣ дороги, по которымъ могутъ доставляться новые люди и запасы; а потому, въ такихъ случаяхъ, эти дороги первыя достигаютъ опредѣленности и совершенства. Мы уже видѣли это на примѣрѣ упомянутыхъ нами выше королевскихъ дорогъ Ашантиевъ. Точно также и въ Римской имперіи мы можемъ усмотрѣть то же отношеніе между наиболѣе совершенными дорогами и военною дѣятельностью на отдаленныхъ углахъ свѣта. Тѣмъ не менѣе, общій принципъ остается повсюду одинъ и тотъ же. Идетъ ли дѣло о промышленныхъ желѣзныхъ дорогахъ Англіи, или о военныхъ желѣзныхъ дорогахъ Россіи, — и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, мы видимъ одно и то же, а именно: что каналы сообщенія возникаютъ между мѣстами заготовленія и мѣстами спроса, хотя потребленіе можетъ быть направлено въ одномъ случаѣ на миръ, а въ другомъ — на войну.

§ 246. Когда отъ каналовъ, несущихъ, въ одномъ случаѣ, кровяныя тѣльца и сукровицу, а въ другомъ, — людей и товары, мы обратимся къ самымъ движеніямъ, совершающимся вдоль этихъ каналовъ, то мы встрѣтимся немедленно съ

новыми аналогіями. Хотя общественное обращеніе и не исполнѣ соответствуетъ обращенію соковъ въ живомъ тѣлѣ, тѣмъ не менѣ оно обнаруживаетъ множество сходствъ съ этимъ послѣднимъ.

У низшихъ типовъ животныхъ, не обладающихъ особыми каналами для распредѣленія, мы не находимъ ничего, кромѣ чрезвычайно медленной и неправильной диффузіи черезъ ткани. Точно также и въ первобытныхъ обществахъ, торговая дѣятельность которыхъ не выходитъ изъ предѣловъ мѣноваго торга, да и то въ самыхъ слабыхъ размѣрахъ, вымѣненные продукты растекаются по обществу очень постепенно и очень неопредѣленными путями. Другими словами, — движенія, въ обоихъ этихъ случаяхъ, очень слабы и не слагаются во что-либо похожее на обращеніе.

Восходя къ такому типу, какъ асцидія, у которой имѣется перивиссеральный мѣшокъ, съ заключеннымъ въ немъ бьющимся сосудомъ, мы видимъ здѣсь такое распредѣленіе пищевыхъ соковъ, которое хотя и не можетъ еще быть названо обращеніемъ, однако уже приближается къ нему. Это распредѣленіе совершается такъ: біенія центрального сосуда приводятъ въ движеніе окружающую его жидкость и гонятъ слабые потоки этой жидкости въ синусы и *l'a c i p a e* тѣла; черезъ нѣсколько времени, эти біенія начинаютъ совершаться въ обратномъ направленіи, вслѣдствіе чего и жидкость принимается двигаться въ направленіи противоположномъ прежнему. Это чередованіе потоковъ и волнъ, то направляющихся къ извѣстной части и вызывающихъ переполненіе ея соками, то направляющихся отъ нея къ тѣмъ частямъ, которыя были передъ этимъ, такъ сказать, осушены, аналогично первымъ движеніямъ распредѣленія въ развивающихся обществахъ. Эти движенія тоже начинаются не постоянными теченіями, слѣдующими непрерывно по тѣмъ же самымъ направленіямъ, но періодическими потоками, идущими то по направленію къ извѣстнымъ пунктамъ, то по обратному направленію, т. е., отъ этихъ пунктовъ. Несомнѣнно, что то, что, въ своей окончательно установившейся формѣ, извѣстно намъ подъ именемъ ярмарки, было первою формою торговой волны. Мы находимъ ее у всѣхъ человѣческихъ обществъ, поднявшихся хотя немного надъ первобытнымъ состояніемъ. Такъ, обитатели Сандвичевыхъ острововъ сходились въ опредѣленные сроки у рѣки Вайруку для обмѣна своими продуктами; а Фиджійцы съ различныхъ острововъ этого архипелага собирались отъ времени до времени въ опредѣленное мѣсто для мѣноваго торга. Конечно, съ возрастаніемъ населенія, эти потоки людей и товаровъ, направляющихся черезъ извѣстные промежутки времени къ извѣстнымъ пунктамъ и обратно, становятся постепенно все болѣе и болѣе частыми. Полу-цивилизованныя государства Африки доставляютъ намъ образчики имѣющихся тутъ промежуточныхъ ступеней. На Нижнемъ Нигерѣ, „во всякомъ городѣ бываетъ базаръ черезъ

УДК 313.33.01
ББК 62.01.01

каждые три дня"; кроме того, через каждыя двѣ недѣли бываетъ ярмарка то въ томъ, то въ другомъ изъ мѣстечекъ, стоящихъ на этой рѣкѣ. По словамъ Парка, въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ Сансандингѣ, кроме ежедневной торговли въ извѣстныхъ размѣрахъ, бываетъ еще еженедѣльно большой базаръ, на который сходятся толпы туземцевъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Затѣмъ, въ самыхъ крупныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Тимбукту, періодическое распредѣленіе уже смѣнилось постояннымъ. Точно также на Суматрѣ, въ области Батта, происходятъ торговые сборища черезъ каждые три дня; а на Мадагаскарѣ, кромѣ ежедневнаго торговаго въ столицѣ острова, существуютъ еще періодическіе базары черезъ различные сроки по всѣмъ провинціальнымъ городамъ. Древнія американскія общества показываютъ переходъ съ этой ступени развитія на слѣдующую, болѣе высокую. У Чичасовъ, кромѣ постоянного торговаго, бывали еще большіе базары чрезъ восьмидневные промежутки времени; а въ Мексикѣ, кромѣ ежедневнаго торговаго, происходили еще большіе базары черезъ каждые четыре дня, причемъ эти базары, въ различныхъ близкихъ городахъ, происходили въ разные дни; кромѣ того, тутъ имѣлись еще купцы, которые, по словамъ Сагагуна, „ѣздили по всей странѣ, ...покупая въ одномъ округѣ и продавая въ другомъ“, —предзнаменуя такимъ образомъ появленіе болѣе развитой системы. Очевидно, что эти случайные съѣзды и разъѣзды, совершаясь постепенно черезъ все болѣе и болѣе короткіе и правильные промежутки времени, пока, наконецъ, они не превратятся въ ежедневный подвозъ продуктовъ одними и ежедневную закупку ихъ другими, вырастаютъ такимъ образомъ въ правильную послѣдовательность частыхъ волнъ, приносящихъ всевозможныя вещи изъ мѣстъ ихъ производства къ мѣстамъ спроса на нихъ. Наша собственная исторія показываетъ, какимъ образомъ такіе медленные періодическіе приливанія и отливанія людей и товаровъ то въ одну мѣстность, то въ другую, мало-по-малу переходятъ въ быстрое обращеніе. Въ ранній періодъ англійской исторіи, большія ярмарки; годовыя и другія, были главнымъ способомъ распредѣленія. Эти ярмарки продолжали сохранять свою важную роль въ нашей торговлѣ до самаго семнадцатаго столѣтія, когда не только деревни и села, но даже небольшіе города, не имѣвшіе лавокъ, снабжались въ неправильные сроки всѣми нужными товарами отъ ходебщиковъ и кочующихъ торговцевъ, которые получали свои товарные запасы на этихъ торговыхъ сборищахъ. Съ возрастаніемъ населенія, съ появленіемъ болѣе обширныхъ промышленныхъ центровъ и съ улучшеніемъ каналовъ сообщенія, мѣстное снабженіе становилось легче, а потому частые рынки или базары начали все въ большей и большей мѣрѣ замѣнять собою нечастыя ярмарки. Послѣ того, въ главныхъ мѣстахъ и для главныхъ товаровъ, началось умноженіе самихъ рын-

ковъ, или рыночныхъ дней, перешедшее постепенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ ежедневный торгъ. Наконецъ, явилось постоянное распределение, при которомъ нѣкоторые съѣстные припасы приливаютъ къ каждому городу всякое утро, и даже по нѣскольку разъ въ день. Переходъ отъ тѣхъ временъ, когда всѣ движенія людей и товаровъ между различными мѣстностями были движеніями единичными, медленными и нечастыми, къ тѣмъ временамъ, когда появились общественные экипажи, ходившіе разъ въ недѣлю съ скоростью четырехъ миль (около шести верстъ) въ часъ; затѣмъ къ тѣмъ временамъ, когда эти экипажи, умножившись въ числѣ, стали отходить чаще, чрезъ болѣе короткіе сроки, увеличили скорость своей ѣзды, а также и число различныхъ линій движенія; и, наконецъ, къ нашимъ собственнымъ временамъ, когда по каждой желѣзнодорожной линіи проходитъ по нѣскольку разъ въ день, и съ значительною скоростью, относительно обширная волна движенія, показываетъ намъ достаточно ясно, — какимъ образомъ общественное обращеніе прогрессируетъ отъ слабыхъ, медленныхъ, неправильныхъ движеній до быстрого, правильного и сильнаго пульса.

§ 247. Разсмотрѣвъ каналы сообщенія и характеръ совершающихся по нимъ движеній, обратимся теперь къ изслѣдованію самихъ потоковъ, обращающихся по этимъ каналамъ, и разсмотримъ эти потоки со стороны ихъ состава и со стороны ихъ отношеній къ различнымъ частямъ организма. Это новое изслѣдованіе приведетъ ихъ опять-таки къ новымъ аналогіямъ.

Питательная жидкость, относительно простая у низшаго животнаго, становится у высшаго животнаго относительно сложною: т. е., она превращается тутъ въ разнородную комбинацію общихъ и специальныхъ матеріаловъ, требующихся для различныхъ частей организма и вырабатываемыхъ его различными частями. Подобнымъ же образомъ и потоки товаровъ, — если только они могутъ быть названы этимъ именемъ, — двигающіеся въ низшемъ обществѣ изъ одного мѣста въ другое, представляютъ очень мало разнообразія въ своемъ составѣ; но, переходя къ обществамъ, все болѣе и болѣе высокимъ, мы находимъ, что составъ такихъ потоковъ становится все разнороднѣе и разнороднѣе.

Этотъ параллелизмъ по отношенію къ составу потоковъ оказывается справедливымъ еще и съ другой стороны, а именно: въ обоихъ случаяхъ, относительная простота состава оказывается соединенною съ грубостью обработки; тогда какъ относительная сложность состава представляетъ, въ обоихъ случаяхъ, результатъ продолжительной обработки. Въ низшихъ животныхъ типахъ, продуктъ грубаго пищеваренія доставляется въ этомъ неподготовленномъ видѣ, черезъ продолженія брюшной полости, прямо къ тѣмъ частямъ, которыя нуждаются въ немъ; но, у болѣе развитыхъ типовъ, процессъ

 0419359411
 0419359411

пищеваренія выдѣляетъ изъ пищи болѣе утонченные продукты, — процессъ кровеобращенія распределяетъ ихъ повсюду, гдѣ чувствуется потребность въ какомъ-либо изъ этихъ веществъ. Такимъ образомъ кровь становится здѣсь очень разнородною по составу, вслѣдствіе находженія въ ней множества приготовленныхъ къ употребленію веществъ; эта разнородность увеличивается еще болѣе присутствіемъ въ ней специально устроенныхъ тѣлецъ, принимающихъ участіе въ процессѣ ея очищенія и въ другихъ процессахъ; наконецъ, разнородность состава крови увеличивается еще ея неорганическими составными частями, помогающими молекулярному обмѣну, а также негодными продуктами молекулярнаго обмѣна, находящимися на своемъ пути къ мѣстамъ изверженія ихъ изъ организма. Если теперь мы взглянемъ, съ одной стороны, на потоки обращенія въ низшемъ обществѣ, а съ другой, — на такіе же потоки въ высшемъ обществѣ, то самое бѣглое сравненіе покажетъ намъ, что значительно болѣе разнородность состава такихъ потоковъ въ этомъ послѣднемъ причиняется главнымъ образомъ присутствіемъ множества разнообразныхъ мануфактурныхъ товаровъ, приспособленныхъ для потребленія путемъ предварительной обработки и подготовки. Мы увидимъ также, что хотя нѣкоторые негодные продукты общественной жизни не возвращаются въ обращающіеся потоки, а удаляются путемъ подземныхъ каналовъ, но за то нѣкоторые другіе негодные продукты уносятся по обыкновеннымъ каналамъ обращенія, т. е., по тѣмъ же самымъ каналамъ, по которымъ приносятся матерьялы для потребленія. Теперь намъ слѣдуетъ рассмотреть тѣ спеціальныя дѣйствія, которыя оказываются различными мѣстными аппаратами на общій потокъ питательныхъ запасовъ. Каждый органъ живаго тѣла беретъ изъ крови, протекающей черезъ всю его толщу, всѣ матерьялы, нужные для поддержанія его жизни; а органы испражненія и выдѣленія черпаютъ, кромѣ того, изъ той же крови тѣ специфическіе ингредиенты, которые извергаются ими или слагаются въ новые продукты. Слюнная железа образуетъ изъ веществъ, поглощаемыхъ ею изъ крови, особую жидкость, способную превращать крахмалъ въ сахаръ и содѣйствующую, такимъ образомъ, послѣдующему приготовленію пищи. Мѣшечкатыя желѣзки желудка готовятъ и изливаютъ кислоты и пр., помогающія растворенію содержимаго желудка. Печень, выдѣляя изъ крови нѣкоторыя негодныя вещества, изливаетъ ихъ въ кишечный каналъ въ видѣ желчи; она же изготовляетъ изъ другихъ элементовъ крови гликогенъ, который потомъ снова всасывается въ кровь, чтобы быть потребленнымъ въ другихъ мѣстахъ организма. При этомъ, составныя единицы всѣхъ этихъ различныхъ органовъ живутъ, растутъ и размножаются въ силу самаго выполненія ими ихъ различныхъ обязанностей.

Точно тоже мы видимъ и въ общественныхъ органахъ. Каждый изъ нихъ, — подъя условіемъ нѣкоторыхъ ограниченій, которыя будутъ указаны впоследствии, — поглощаетъ изъ общаго потока житейскихъ запасовъ, обращающагося въ обществѣ, свою долю этихъ запасовъ, потребную для поддержанія его существованія; тѣже изъ этихъ органовъ, которые имѣютъ своей задачей мануфактурную дѣятельность, въ крупныхъ или мелкихъ размѣрахъ, выбираютъ кромѣ того изъ разнороднаго потока всевозможныхъ предметовъ, пробѣгающаго черезъ всѣ точки общества, еще и тѣ матерьялы, которые они превращаютъ въ предметы другой формы и возвращаютъ затѣмъ снова въ общій потокъ обращенія въ видѣ обработанныхъ продуктовъ. Отрѣшившись на минуту отъ столь знакомой намъ формы купли и продажи, подъя которой являются передъ нами обыкновенно эти сдѣлки, и сосредоточивши наше вниманіе просто на физическомъ процессѣ, мы увидимъ тотъ неопровержимый фактъ, что каждый промышленный органъ позволяетъ самымъ разнообразнымъ матерьяламъ пробѣгать мимо себя по пересѣкающимъ его улицамъ, не касаясь ни до одного изъ нихъ; и беретъ изъ этого смѣшаннаго потока только такіе матерьялы, которые онъ способенъ обрабатывать по своему специальному устройству; вобравъ и переработавъ эти специально-нужные ему матерьялы, онъ потомъ вливаетъ опять въ обращающійся запасъ вещей (иной разъ черезъ отличный каналъ) новые предметы, приготовленные имъ для общаго потребленія.

Мы не можем обойти без вниманія и тотъ фактъ, что соперничество, или конкуренція, также представляетъ явленіе общее для обоихъ разсматриваемыхъ нами случаевъ. Хотя соперничество считается обыкновенно явленіемъ свойственнымъ исключительно одному только обществу, однако на самомъ дѣлѣ оно существуетъ и въ живомъ тѣлѣ; причемъ оно обнаруживается въ гораздо болѣе очевидной степени между частями, исправляющими различныя функціи, чѣмъ между частями, исправляющими одну и ту же функцію. Общій запасъ пищи, обращающійся въ организмъ, долженъ поддерживать все его цѣлое. Каждый органъ присваиваетъ себѣ изъ этого общаго запаса, для своего возстановленія и роста, все, что только онъ можетъ. При этомъ, сколько бы ни извлекъ каждый органъ, во всякомъ случаѣ извлеченное имъ количество уменьшаетъ въ этой самой мѣрѣ то, что остается для другихъ. Слѣдовательно, всѣ органы соперничаютъ между собою за кровь, совокупно и индивидуально: т. е., каждый борется противъ всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ и въ отдѣльности; и всѣ, взятые вмѣстѣ и въ отдѣльности, борются противъ каждаго. Такъ что, хотя благосостояніе каждаго связано непрямымъ образомъ съ благосостояніемъ всѣхъ остальныхъ, но прямымъ образомъ каждый относится ко всѣмъ остальнымъ антагонистически. На этомъ-то основаніи мы видимъ, что чрезмѣрная мозговая дѣятельность от-

3419359-20.
30250000000000

влекаетъ къ себѣ кровь въ такой сильной степени, что останавливаетъ пищевареніе; и что, наоборотъ, значительный спросъ на кровь со стороны органовъ пищеваренія, послѣ слишкомъ тяжелаго обѣда, часто отвлекаетъ отъ мозга такъ много крови, что вызываетъ сонъ; а также, что слишкомъ сильное физическое упражненіе, привлекая чрезмѣрное количество крови къ двигательнымъ органамъ, можетъ заразъ и остановить пищевареніе, и уменьшить количество мысли и чувства. Эти факты, доказывая существованіе соперничества, доказываютъ въ тоже время, что усиленное упражненіе какой-либо части, вызванное спросомъ на эту дѣятельность, обуславливаетъ усиленный притокъ крови къ этой части. Въ высшихъ организмахъ, какъ мы увидимъ ниже, существуетъ особый регулятивный аппаратъ, обеспечивающій болѣе быстрое установленіе равновѣсія между спросами и доставленіями, при этомъ соперническомъ устройствѣ; но, первоначально, это равновѣсіе устанавливается просто путемъ приливовъ крови къ различнымъ частямъ въ количествахъ, пропорціональных ихъ дѣятельностямъ. Болѣзненные наросты, — которые не только привлекаютъ къ себѣ много крови, но и развиваютъ внутри себя особую сосудистую систему для ея распредѣленія, — показываютъ намъ, какимъ образомъ мѣстное тканеобразование (которое, при нормальныхъ условіяхъ не заходитъ за предѣлы того, сколько необходимо для возстановленія потерь, претерпѣваемыхъ тканью при отравленіи ея функций) можетъ само стать причиною усиленной доставки матеріаловъ.

Но мы имѣемъ передъ глазами ежедневныя доказательства того, что, и въ обществѣ, не только отдѣльныя личности, но и цѣлые классы, какъ мѣстнаго такъ и общаго характера, стараются каждый присвоить себѣ изъ общаго запаса жизненныхъ средствъ столько, сколько окажется ему подъ силу; и что способность каждаго къ присвоенію зависитъ, при нормальныхъ условіяхъ, отъ степени его дѣятельности. Если требованіе на желѣзо для заграничнаго вывоза или для внутренняго рынка уменьшается, — горы погасаютъ, рабочіе получаютъ разсѣчетъ, и потокъ всевозможныхъ жизненныхъ средствъ начинаетъ притекать въ меньшемъ изобиліи къ желѣзо-промышленному округу, вслѣдствіе чего онъ перестаетъ разрастаться; а если такое положеніе вещей продолжится еще долѣе, то начинается даже упадокъ и замираніе. Когда недостатокъ хлопка вызываетъ увеличеніе спроса на шерстяныя издѣлія, то возрастаніе дѣятельности шерстяныхъ мануфактуръ, сопровождающееся усиленным приливомъ сырыхъ матеріаловъ и усиленным отливомъ изготовленныхъ товаровъ, сопровождается въ то же самое время усиленным приливомъ къ округу шерстяной промышленности всевозможныхъ запасовъ: людей, денегъ, сѣстныхъ припасовъ и всякихъ предметовъ потребленія; вслѣдъ за тѣмъ начинается расширеніе старыхъ мануфактуръ и постройка новыхъ. Очевидно, что въ каждомъ органѣ, индиви-

дуальномъ или общественномъ, процессъ этотъ есть результатъ стремленія отдѣльныхъ единицъ къ присвоенію себѣ изъ общаго запаса жизненныхъ средствъ всего того, что каждая изъ нихъ въ силахъ захватить; и очевидно также, что возникающее отсюда соперничество, не только между простыми единицами, но и между органами, служить причиною того, что и въ обществѣ, и въ живомъ тѣлѣ, усиленное питаніе и разростаніе обезпечивается именно тѣмъ частямъ, которыя оказываются призванными къ наибольшей дѣятельности, вслѣдствіе требованій остальныхъ частей.

§ 248. Конечно, рядомъ съ этими сходствами, существуютъ и различія, обязанныя своимъ происхожденіемъ упомянутому уже нами въ самомъ началѣ контрасту между конкретностью индивидуальнаго организма и раздѣльностью (дискретностью) общественнаго организма. Мы можемъ начать съ того изъ этихъ различій, которое сопровождается послѣднее изъ разсмотрѣнныхъ нами сходствъ.

Если бы личности, составляющія извѣстное политическое цѣлое, занимали по большей части постоянно опредѣленные положенія, какъ это мы видимъ у единицъ, составляющихъ извѣстный индивидуальный организмъ, то, конечно, и питаніе ихъ совершалось бы такимъ же способомъ, какимъ оно совершается въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Тогда извѣстное количество пищи, приходящееся на долю каждой личности, помѣщалось бы не просто по близости отъ нея, но доставлялось бы ей прямо на домъ. Даже въ настоящее время въ обществѣ существуетъ извѣстный классъ подвижныхъ единицъ, разносящихъ и развозящихъ извѣстные роды пищи прямо по домамъ; но тогда этотъ процессъ имѣлъ бы всеобщій характеръ. Но такъ какъ члены политическаго цѣлага хотя и имѣютъ постоянныя обиталища и постоянныя же мѣста для труда, но сами все таки подвижны, то слѣдствіемъ этого обстоятельства является тотъ фактъ, что процессъ распредѣленія совершается здѣсь отчасти вышесказаннымъ способомъ, отчасти же съ помощью ихъ собственной дѣятельности.

Далѣе, та же самая общая причина вызываетъ различіе въ томъ способѣ, которымъ приводится въ движеніе обращающійся потокъ въ каждомъ изъ сравниваемыхъ нами случаевъ. Физическое сѣбленіе между частями индивидуальнаго организма дѣлаетъ возможнымъ проталкиваніе питательной жидкости посредствомъ сокращающагося органа; но, въ политическомъ тѣлѣ, отсутствіе такого физическаго сѣбленія между единицами, а также неспособность единицъ къ требующимся тутъ метаморфозамъ, не позволяютъ приводить въ движеніе потоки жизненныхъ матерьяловъ помощью этого способа; поэтому существующія тутъ движенія вызываются ближайшимъ образомъ силами, находящимися въ самихъ потокахъ, хотя отдаленнымъ образомъ они вызываются, собственно говоря, другими силами.

 304135340
 3023010033

Но, признавая вполнѣ эти различія, мы все таки видимъ, что они только ограничиваютъ въ извѣстной мѣрѣ существеннѣйшія сходства. Въ обоихъ случаяхъ, пока не существуетъ никакой дифференціаціи частей, или лишь очень ничтожная дифференціація, не существуетъ также никакой надобности въ каналахъ сообщенія между частями. Даже появленіе первой слабой дифференціаціи не требуетъ еще особыхъ приспособленій для перенесенія питательныхъ матерьяловъ, коль скоро слегка несходныя части продолжаютъ оставаться въ тѣсномъ соприкосновеніи между собою. Но какъ скоро фізіологическое или общественное раздѣленіе труда достигло до такой ступени, на которой кооперирующія между собою части находятся въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, является необходимость въ каналахъ распредѣленія и въ дѣятеляхъ, выполняющихъ это распредѣленіе; послѣ чего дальнѣйшее развитіе распредѣлительной системы должно идти въ ногу съ развитіемъ остальныхъ системъ.

Одинаковая необходимость подразумеваетъ и одинаковость развитія обращенія въ обоихъ случаяхъ. Слабая дѣятельности, незначительная сила объѣма, помѣхи передвиженію, препятствуютъ въ самомъ началѣ появленію чего бы то ни было, кромѣ очень медленныхъ и очень неправильныхъ приливаний и отливаний то къ одному мѣсту, то къ другому; но съ умноженіемъ и возрастаніемъ частей, все болѣе и болѣе специализированныхъ въ своихъ отправленіяхъ, а слѣдовательно, дѣйствующихъ все съ большей и большей успѣшностью и производящихъ совокупно все большую и большую сумму жизни, является усиленная надобность въ обширныхъ распредѣленіяхъ по постояннымъ направленіямъ. Неправильныя, слабыя и медленныя движенія, совершающіяся черезъ долгіе промежутки, превращаются въ правильный, сильный и быстрый ритмъ, вслѣдствіе настойчивыхъ и непрерывныхъ мѣстныхъ, требованій.

Но этого мало. Съ прогрессомъ индивидуальнаго или общественного организма къ состоянію большей разнородности, замѣчается соотвѣтственный прогрессъ, со стороны разнородности, и въ самихъ обращающихся потокахъ, которые вначалѣ содержатъ лишь немногія вещества, и то, въ очень грубой формѣ, а подъ конецъ содержатъ въ себѣ множество обработанныхъ и приготовленныхъ къ потребленію веществъ. Мы видимъ также, что, въ обоихъ случаяхъ, аппараты, содѣйствующіе выработкѣ требующихся для поддержанія жизни матерьяловъ, стоятъ къ этимъ потокамъ въ совершенно одинаковыхъ отношеніяхъ: и тамъ, и здѣсь, они черпаютъ изъ нихъ тѣ сырые матерьялы, надъ которыми имъ приходится дѣйствовать, а потомъ снова возвращаютъ въ нихъ, прямо или косвенно, изготовленные ими продукты, и что, въ обоихъ случаяхъ, эти аппараты, соперничая другъ съ другомъ за свою долю пользованія обращающимся запасомъ потребительныхъ веществъ, оказываются

способными къ присвоенію этихъ веществъ, къ возстановленію собственной цѣ-
лости и къ дальнѣйшему росту, какъ разъ пропорціонально тому, въ какой
мѣрѣ они выполняютъ свои функціи.

Самое общее выраженіе той истины, съ которой мы познакомились въ этой
главѣ и которую мы должны захватить съ собою для дальнѣйшихъ изслѣдова-
ній, будетъ таково: развитіе распредѣлительной системы, какъ въ обществен-
номъ, такъ и въ индивидуальномъ организмѣ, опредѣляется необходимостью
сообщеній между взаимно-зависимыми частями. Находясь по срединѣ между
двумя первоначальными системами, — изъ которыхъ одна выполняетъ внѣшнія
дѣйствія, по отношенію къ предметамъ окружающаго міра, а другая — внут-
реннія дѣйствія, по отношенію къ поглощеннымъ матерьяламъ, необходимымъ
для поддержанія жизни, — она постепенно получаетъ такое устройство, которое
дѣлаетъ ее способной къ выполненію посреднической функціи между этими
двумя крупными системами, взятыми каждая во всемъ ея цѣломъ, равно какъ
и между отдѣльными подраздѣленіями каждой изъ этихъ системъ.

ГЛАВА IX.

РЕГУЛЯТИВНАЯ СИСТЕМА.

§ 249. Выше мы уже видѣли, какимъ образомъ двѣ главныя системы органовъ, индивидуальныхъ и общественныхъ, дифференцируются въ самомъ началѣ одна отъ другой. Мы видѣли, что каждая изъ двухъ частей, на которыя распадается вначалѣ организмъ, приспосабливается къ тѣмъ отправленіямъ, которыя обуславливаются занимаемымъ ею положеніемъ, а именно: внѣшняя сторона принимаетъ на себя отправленія, находящіяся въ соотношеніи съ дѣйствіями и дѣятелями окружающей организмъ среды; а внутренняя — отправленія, имѣющія послѣдней цѣлью утилизированіе попадающихъ внутрь организма матерьяловъ. Мы видѣли, что развитіе внутреннихъ аппаратовъ опредѣляется природою и распредѣленіемъ тѣхъ веществъ, которыя вступаютъ съ ними въ соприкосновеніе. Теперь же намъ предстоитъ увидѣть, что развитіе аппаратовъ, выполняющихъ внѣшнія дѣйствія, опредѣляется свойствами предметовъ, существующихъ вокругъ организма.

Болѣе конкретное выраженіе факта, подлежащаго въ настоящую минуту нашему изслѣдованію, будетъ таково: въ то время какъ пищеварительная система животнаго и промышленная система общества развиваются въ видахъ наиболѣе успѣшнаго дѣйствія на органическія вещества, требующіяся для поддержанія жизни; регулятивная и тратящая системы (нервно-двигательная, въ одномъ случаѣ, и правительственно-военная, — въ другомъ) развиваются въ видахъ наиболѣе успѣшнаго дѣйствія на окружающіе организмы, индивидуальные и общественные, — т. е., на другихъ животныхъ, которыхъ приходится излавливать или отъ которыхъ приходится спасаться, и на другія общества, которыя надо покорять или отъ которыхъ нужно защищаться. Въ обоихъ случаяхъ, эта организація, дѣлающая агрегатъ способнымъ дѣйствовать какъ одно цѣлое въ борьбѣ съ другими агрегатами, является косвеннымъ послѣдствіемъ самой этой непрерывной борьбы съ другими агрегатами.

§ 250. Быть слишком медленнымъ въ движеніяхъ значитъ быть чуждымъ непріателемъ; не обладать достаточной быстротою, значитъ терпѣть постоянныя неудачи въ поимкѣ добычи; въ обоихъ случаяхъ конечнымъ результатомъ является преждевременная смерть. Острое зрѣніе спасаетъ травоядное животное отъ когтей отдаленнаго хищника; тоже самое зрѣніе имѣетъ существеннѣйшее значеніе для орла, когда онъ падаетъ сверху на находящееся далеко внизу животное, которое, при малѣйшей ошибкѣ съ его стороны, ускользнуло бы отъ него. Очевидно, что тоже самое значеніе имѣетъ острота слуха и тонкость обонянія; тоже самое значеніе имѣетъ также всякое улучшеніе въ устройствѣ членовъ, увеличивающее силу, проворство и точность движенія; тоже самое, наконецъ, можетъ быть сказано по отношенію всѣхъ приспособленій для нападенія и защиты: — зубовъ, когтей, роговъ, и пр. Не менѣе справедливымъ должно быть и то, что всякій шагъ впередъ въ устройствѣ нервной системы, — которая, получая всевозможныя увѣдомленія черезъ посредство органовъ чувствъ, возбуждаетъ органы вышнихъ движеній и руководитъ ихъ дѣйствіями, — устанавливается вслѣдствіе той выгоды, которую онъ доставляетъ своему владѣльцу, въ присутствіи добычи, враговъ и соперниковъ. Обозрѣвая бѣглымъ взглядомъ лѣстницу животнаго царства, отъ низшихъ типовъ, обладающихъ несовершенными глазами и слабыми двигательными аппаратами, до высшихъ типовъ, одаренныхъ далекимъ зрѣніемъ, значительной сообразительностью и сильной дѣятельностью, мы не можемъ не видѣть того неопровержимаго факта, что тамъ, гдѣ первые теряютъ жизнь вслѣдствіе этихъ недостатковъ, вторые сохраняютъ ее вслѣдствіе этихъ преимуществъ. И такъ, подъ всѣми этими фактами скрывается тотъ выводъ, что всѣ послѣдовательныя улучшенія въ органахъ чувства и движенія, а также и въ томъ внутреннемъ, координирующемъ аппаратѣ, который пускаетъ въ ходъ эти органы, являлись косвеннымъ послѣдствіемъ вражды и соперничества организмовъ между собою.

Разсматривая развитіе регулятивной системы въ нѣдрахъ политическаго агрегата и слѣдя за развитіемъ здѣсь тѣхъ приспособленій для нападенія и защиты, которыя приводятся въ дѣйствіе этою системою, мы приходимъ къ истинѣ, параллельной съ только что разсмотрѣнной. Повсюду войны между обществами порождаютъ правительственные аппараты и служатъ причинами всѣхъ тѣхъ улучшеній въ этихъ аппаратахъ, которыя увеличиваютъ успѣшность совокупнаго дѣйствія противъ другихъ обществъ. Посмотримъ же сначала на тѣ условія, при которыхъ общества бываютъ лишены этого дѣятеля, способствующаго комбинаціи единичныхъ усилій; а потомъ перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, при которыхъ начинается обнаруживаться появленіе этого дѣятеля.

Когда пища рѣдка, разсѣянiе населенія велико, и общественное сотрудни-

964135940
0000000000

чество, вслѣдствіе этого, затруднительно, то въ обществахъ, живущихъ въ такихъ условіяхъ, не устанавливается постояннаго главенства, т. е. мы не находимъ тутъ постояннаго, всѣми признаваемаго вождя, или главы. Огнеземельцы, Кайягуасы, или Лѣсные Индѣйцы Южной Америки, Веддахи цейлонскихъ джунгль и Кушмены Южной Африки могутъ служить примѣрами такого общественнаго состоянія. Они не заключаютъ союзовъ для общей защиты и не имѣютъ признанныхъ властей. Единственнымъ приближеніемъ къ болѣе высокому общественному состоянію могутъ считаться здѣсь лишь тѣ случаи личнаго, и притомъ временнаго, господства, которые стремятся возникнуть то въ той, то въ другой группѣ. Точно также и объ Эскимосахъ, живущихъ по необходимости въ сильной разбѣянности, Гиртъ говоритъ: „они живутъ въ состояніи полнѣйшей свободы; ни одинъ изъ нихъ, повидимому, не заявляетъ притязаній на господство надъ другими, и ни одинъ не согласится на самонадѣльное подчиненіе другому“. Это обстоятельство находится у нихъ въ ясной связи съ тѣмъ фактомъ, что они даже не знаютъ, что значитъ война. Подобнымъ же образомъ, когда скудость почвы и оголенность мѣстности не позволяетъ образованія сколько нибудь крупныхъ группъ и допускаетъ лишь временныя, случайныя скопленія, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Чиппеуановъ, мы опять таки не находимъ никакого главенства, за исключеніемъ развѣ случайнаго и временнаго господства, зависящаго отъ личнаго превосходства; да и это господство здѣсь крайне незначительно.

Въ другихъ случаяхъ, необходимая концентрація не имѣетъ мѣста вслѣдствіе необщительнаго характера народа. Многія племена отличаются чрезвычайно малою общительностью и чрезвычайно малою склонностью къ подчиненію. Таковы, напримѣръ, Аборы, одно изъ горныхъ племенъ Индіи, которые, по ихъ собственному выраженію, „похожи на тигровъ, не могущихъ ужиться вдвоемъ въ одной берлогѣ“, и дома которыхъ „разбросаны по одиночѣ, рѣдко по два или по три вмѣстѣ“. Таковы же, какъ мы уже говорили выше (§ 85), Мантрасы Малайскаго полуострова, которые, „поссорившись, спѣшатъ разойтись въ разныя стороны“. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, установленіе политическаго главы сдерживается заразъ и фактомъ разбросанности населенія, и особеннымъ характеромъ народа, побуждающимъ его къ такой разбросанности.

Но отсутствіе правительственной координаціи не ограничивается случаями, подобными вышеисчисленнымъ. Мы находимъ его нерѣдко даже у осѣдлыхъ племенъ, значительно болѣе подвинувшихся впередъ, чѣмъ предыдущія, если только племена эти не склонны къ войнамъ. У нѣкоторыхъ Папуанскихъ племенъ, какъ, напримѣръ, у Арафурасовъ и обитателей острова Дальраймля, не существуетъ вождей: эти люди „живутъ въ такомъ мирѣ и братской любви между собою“, что вовсе не нуждаются въ ка-

комъ-нибудь контролъ, довольствуясь съ этой стороны рѣшеніями своихъ стариковъ. Также и у Тодасовъ, лишенныхъ всякой военной организаціи и изображаемыхъ путешественниками какъ мирное, кроткое, дружественное племя, не существуетъ вовсе политическаго главенства. Тоже находимъ мы опять у Бодосовъ и Дималовъ, которымъ приписываютъ множество пріятныхъ качествъ. Говорятъ, что они честны, вѣрны и исполнѣ чужды мстительности, жестокости и склонности къ насилию. За то здѣсь власть главы племени имѣетъ почти лишь номинальный характеръ. Къ этимъ примѣрамъ я могъ бы прибавить не менѣ знаменательный примѣръ, представляемый намъ Лепчасами, которые, по свидѣтельству докт. Гукера, „истинно любезны“, а по словамъ Кэмпбелля, „изумительно честны“, „необыкновенно легко прощаютъ обиды“, „охотно дѣлаютъ взаимныя уступки и даютъ другъ другу удовлетвореніе“, и которые, въ тоже самое время, „питаютъ непреодолимое отвращеніе къ солдатчинѣ, такъ что нѣтъ никакой возможности заманить ихъ къ поступленію въ нашу армію“, и такъ мало склонны къ подчиненію, что охотнѣе убѣгаютъ въ джунглы и питаются тамъ корнями, чѣмъ соглашаются покориться несправедливости.

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ это состояніе полного равенства, полного отсутствія какой-либо политической власти, начинается постепенно измѣняться, и какимъ путемъ зачинается въ обществѣ политическая координація. Эдвардъ говоритъ о Карибахъ, что, во время мира, они не допускали никакого господства надъ собою; только старики пользовались у нихъ кое-какою, плохо опредѣленною властью; но, „опытъ научилъ ихъ,—прибавляетъ онъ,—что во время войны подчиненіе столь же необходимо, какъ и мужество“. Также и Гумбольдтъ, описывая конфедерацію племенъ у Карибовъ, говоритъ, что это—„воинственные орды, не видящія никакой выгоды въ общественныхъ узакъ, за исключеніемъ случая общей защиты“. Разсказывая о Крикахъ, подчиненіе которыхъ властямъ крайне слабо, Сванъ говоритъ: „было бы крайне трудно, если не совершенно невозможно, убѣдить какую-либо изъ ихъ общинъ, въ ея цѣломъ, въ необходимости какого бы то ни было общественнаго союза, простирающаго свою обязательность далѣе того момента, пока этой общинѣ угрожаетъ какая либо общая опасность“. Также и Бонвикъ говоритъ: „Вожди несомнѣнно существовали у Тасманійцевъ, хотя они не были ни наслѣдственными, ни выборными. Тѣмъ не менѣ каждое племя признавало какого-либо предводителя, особенно въ военное время... Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій эти предводители возвращались съизнова къ спокойствію повседневной лѣсной жизни“. Въ другихъ случаяхъ, мы находимъ, что военная дѣятельность, или защита отъ враговъ вызываетъ въ прежнемъ безвластномъ общественномъ строѣ не временныя только возникновенія вождей, но измѣненія постояннаго характера.

УДК 303.32
303.32.01.01.01.01

Коцебу говорить, что Камчадалы „не признають надъ собою никакого главы“; а Гривъ сообщаетъ, что у нихъ пользовались извѣстнымъ авторитетомъ „только старики, да люди, прославившіеся храбростію“. Но авторъ прибавляетъ вслѣдъ за этимъ, что всѣ эти показанія относятся къ времени, предшествовавшему русскому завоеванію, — т. е. къ тому времени, когда туземцы не прошли еще черезъ періодъ совокупнаго сопротивленія врагу. Это развитіе простаго главенства въ каждомъ племени, вслѣдствіе борьбы съ другими племенами, какъ мы сейчасъ увидимъ, переходитъ далѣе въ развитіе сложнаго главенства, вслѣдствіе болѣе обширной борьбы между цѣлыми расами. Фалкнеръ говорить о Патагонцахъ: „хотя отдѣльные племена ихъ находятся въ постоянной враждѣ между собою, однакоже они часто соединяются вмѣстѣ противъ Испанцевъ“. Тоже самое имѣло мѣсто и у Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ. Война съ Англичанами вызвала здѣсь конфедерацію шести народовъ, съ прочною системою управленія, направлявшей къ одной общей цѣли ихъ совокупныя усилія. Полинезійцы могутъ служить очень хорошимъ примѣромъ для показанія тѣхъ послѣдовательныхъ ступеней, черезъ которыя проходитъ генезисъ этого сложнаго контролирующаго аппарата, возникающаго подъ вліяніемъ столкновений съ другими обществами. На островѣ Самоа, отъ восьми до десяти селеній, совершенно независимыхъ другъ отъ друга въ другихъ отношеніяхъ, „соединяются между собою, съ общаго согласія, въ одинъ округъ, или государство, для взаимной обороны... Въ случай войны съ другимъ округомъ, ни одно изъ этихъ селеній не можетъ дѣйствовать въ одиночку... Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ округовъ, или государствъ, имѣется король; другіе никакъ не могутъ согласиться между собою въ выборѣ чловѣка на этотъ постъ... Но нѣтъ ни одного короля, и даже ни одного округа, власть котораго простиралась бы на всю совокупность селеній... Однако, въ военное время, округа соединяются иногда по два и по три вмѣстѣ“. Древняя исторія цивилизованныхъ обществъ обнаруживаетъ подобныя же явленія: и здѣсь союзъ мелкихъ общественныхъ агрегатовъ для оборонительныхъ и наступательныхъ цѣлей, вызывая необходимость координацій дѣйствій всѣхъ этихъ агрегатовъ, порождаетъ центральный координирующий органъ. Примѣромъ генезиса этого рода можетъ служить Еврейское государство: отдѣльные вначалѣ племена Израелитовъ превращаются въ народъ, подчиненный Саулу и Давиду, во время войнъ съ Моавитами, Аммонитами, Эдомитами и Филистимлянами. Другимъ примѣромъ этому могутъ служить Греки: переходъ Аѳинской гегемоніи въ господство надъ союзниками и развитіе политической и морской организаціи явились здѣсь результатомъ непрерывной борьбы этой конфедераціи съ внѣшними врагами. Болѣе поздній примѣръ того же самаго мы можемъ почерпнуть изъ рассмотрѣнія развитія правительствъ у Тевтонскихъ

народовъ. При самомъ началѣ христіанской эры, мы видимъ у нихъ только отдѣльные племенные вождей, господствующихъ надъ отдѣльными, независимыми племенами; но, во время войны, и тутъ являются временные главные вожди, начальствующие надъ соединенными силами союзниковъ. Между первымъ и пятымъ столѣтіями, федераціи, слогавшіяся для сопротивленія вторженіямъ Римлянъ, не имѣли еще постоянныхъ главъ; но, въ пятомъ вѣкѣ, продолжительныя военныя дѣйствія этихъ федерацій окончились тѣмъ, что военные вожди превратились въ королей, а прежніе союзы независимыхъ племенъ въ прочно-спаиванныя государства.

Такъ какъ эта дифференціація, путемъ которой возникаетъ сначала временный, а потомъ постоянный военный глава, переходящій нечувствительнымъ образомъ въ политическаго главу, порождается вначалѣ въ силу борьбы съ со-сѣдними обществами, то понятно, что политическая власть такого главы должна возрастать съ продолженіемъ военной дѣятельности. При прочихъ равныхъ условіяхъ, успѣшность совокупныхъ усилій общества на войнѣ пропорціональна степени повиновенія вождю. Но, если подчиненіе управленію влечетъ за собою успѣхъ и ведетъ, такимъ образомъ, къ покоренію или истребленію народовъ, менѣе склонныхъ къ подчиненію, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого долженъ явиться тотъ фактъ, что способность къ подчиненію, ведущая къ военнымъ успѣхамъ, и являющаяся отсюда склонность къ дальнѣйшимъ войнамъ будутъ стремиться идти рука объ руку и споспѣшествовать одна другой. И дѣйствительно, мы находимъ повсюду этотъ союзъ между хищническою дѣятельностью и покорностью деспотическому управленію, если только онъ не встрѣтитъ себѣ помѣхи въ чрезмѣрной разсѣянности населенія. Въ Азіи, мы можемъ указать съ этой стороны на Киргизскія племена, которыя живутъ грабежемъ и охотою за рабами, и о манапахъ которыхъ (когда-то выборныхъ, а теперь наследственныхъ) Михаэль говоритъ слѣдующее: „слово манапъ означаетъ тиранъ, въ древне-греческомъ смыслѣ этого слова. Вначалѣ это было собственное имя одного старшины, отличавшагося своею жестокостію и непреклоннымъ характеромъ; но потомъ это названіе получило общій смыслъ и прилагается теперь ко всѣмъ киргизскимъ правителямъ“. Въ Африкѣ, можно указать въ этомъ отношеніи на людѣвдовъ Ніамъ-Ніамъ, у которыхъ король есть неограниченный владыка надъ личностію и имуществомъ своимъ подданныхъ; а также на кровожадныхъ Дагомейцевъ, съ ихъ арміею амазонокъ, и на воинственныхъ Ашантиевъ, у которыхъ всѣ обучаются военному дѣлу: у обоихъ этихъ народовъ правительство такъ абсолютно, что самыя высшія государственныя чины суть рабы короля. Въ Полинезій, мы видимъ Фиджійцевъ, отдѣльные племена которыхъ постоянно дерутся между собою и поѣдаютъ другъ друга, и у которыхъ пре-

УДК 316.77
302.62.01.01.03.3

данность ихъ неограниченнымъ владыкамъ доходить до послѣдней степени, какую только можно себѣ вообразить. Въ самомъ дѣлѣ, преданность эта такъ велика, что обитатели одного порабощенного округа „заявляли, что они считаютъ своимъ долгомъ служить пищею своимъ повелителямъ и доставлять собою матерьялъ для ихъ жертвоприношеній“.

Впрочемъ, это отношеніе между степенью власти политическаго главы и степенью военной дѣятельности общества давно уже и хорошо извѣстно намъ изъ исторіи древнихъ и новыхъ цивилизованныхъ расъ. Эта связь виднѣется ясно и изъ Ассирійскихъ надписей и изъ фресокъ и папирусовъ Египта. Сами Спартанцы смотрѣли на дѣло Павзанія и на другіе подобные случаи, какъ на факты, указывающіе на несомнѣнное стремленіе генераловъ становиться деспотами, — т. е., на стремленіе дѣятельныхъ военныхъ предпріятій противъ сосѣднихъ обществъ порождать сильно централизованную политическую власть. Да и исторія новѣйшихъ временъ показываетъ намъ не менѣе ясно, какимъ образомъ привычка къ повелѣванію, поощряемая командованіемъ надъ войсками и распространяющаяся на все общество въ той мѣрѣ, въ какой его смѣшиваютъ воедино съ его арміей, переходитъ этимъ путемъ въ стремленіе къ политическому повелѣванію.

Итакъ, мы можемъ извлечь изъ всего этого, для нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, слѣдующую индукцію: подобно тому, какъ въ индивидуальномъ организмѣ, нервно-мускульный аппаратъ, выполняющій борьбу съ окружающими организмами, зарождается изъ этой борьбы и развивается ею же; такъ точно и правительственно-военная организація общества порождается войнами между обществами и развивается ими же. Или, говоря болѣе строго, этимъ путемъ развивается та часть правительственной организаціи общества, которая обусловливаетъ успѣшность общественнаго сотрудничества въ борьбѣ съ другими обществами.

§ 251. Теперь мы можемъ обратиться къ развитію регулятивной системы. Прослѣдимъ прежде всего правительственный аппаратъ, черезъ всѣ ступени его послѣдовательныхъ усложненій.

Въ мелкихъ, слабо-дифференцированныхъ агрегатахъ, индивидуальныхъ и общественныхъ, регулятивный аппаратъ не достигаетъ сколько-нибудь значительной сложности, такъ какъ тутъ не существуетъ ни нужды въ подобномъ аппаратѣ, ни матерьяловъ для построенія и поддержанія его. Но въ сложныхъ агрегатахъ мы находимъ и сложность регулятивнаго аппарата. И въ индивидуальномъ, и въ общественномъ организмахъ, появленіе усложненности обнаруживается возникновеніемъ высшаго координирующаго центра, контролирующаго дѣятельность низшихъ центровъ.

Различныя стадіи этого усложненія у животныхъ могутъ быть показаны всего лучше на подцарствѣ

Annulosa. У *Annelida*, сходные нервные аппараты, лежащие въ сходныхъ послѣдовательныхъ сегментахъ, подчинены лишь въ очень слабой степени какому-либо главному узлу или группѣ узловъ. Но по мѣрѣ того, какъ процессъ развитія, дифференцируя и интегрируя первоначально-сходные сегменты, даетъ начало болѣе высокому типу *Annulosa*, на переднемъ концѣ такого болѣе высокаго организма, появляются болѣе развитые органы чувствъ и болѣе совершенные придатки для разныхъ виѣшнихъ дѣйствій, равно какъ и группа узловъ, связанныхъ съ этими органами и придатками; причемъ, рядомъ съ образованіемъ и развитіемъ этой группы, идетъ и усиленіе того контроля, который она исправляетъ по отношенію къ заднимъ сегментамъ. Нервная централизація этого рода, не особенно сильно выраженная у столь слабо-интегрированныхъ типовъ, какъ многоножки, становится очень значительною у столь сильно интегрированныхъ типовъ, какъ высшіе ракообразныя и пауки.

Тоже самое мы видимъ и при переходѣ отъ сложныхъ, но рыхло-спаянныхъ, общественныхъ агрегатовъ къ прочно-спаяннымъ, сложнымъ агрегатамъ. Очевидно, что, на раннихъ ступеняхъ развитія, когда повелителю побѣдоноснаго племени удается превращать повелителей сосѣднихъ племенъ въ своихъ данниковъ лишь на время своей собственной жизни, политическая организація бываетъ лишь очень слабою; и потому, въ упомянутыхъ нами выше случаяхъ, относящихся къ Африкѣ и къ другимъ мѣстамъ, каждый изъ мѣстныхъ центровъ стремится снова заявить свою силу и независимость, какъ только ему удастся сбросить свое временное подчиненіе. Многіе народы, перешедшіе уже за ту ступень, на которой они представляли простыя группы отдѣльныхъ племенъ, показываютъ намъ, на ряду съ разнообразными степенями сплоченія, и разнообразныя степени подчиненности мѣстныхъ правительственныхъ центровъ общему правительственному центру. При первомъ посѣщеніи Европейцами Сандвичевыхъ острововъ, обитатели ихъ имѣли короля, властвовавшего надъ буйными повелителями отдѣльныхъ племенъ, бывшими прежде независимыми властителями. Подобнымъ же образомъ и на Таити былъ главный монархъ и второстепенные повелители, отличавшіеся очень малою покорностью его волѣ. Тоже самое имѣло мѣсто и въ Новой-Зеландіи; а также и у Малагазцевъ, лѣтъ за сто тому назадъ. Характеръ политической организаціи, на этихъ ступеняхъ развитія, обнаруживается изъ относительной степени власти надъ народомъ, принадлежащей общему центру, сравнительно съ мѣстными центрами. Такъ о Таитянахъ мы читаемъ, что здѣсь власть племеннаго вождя въ его собственномъ округѣ имѣла верховный характеръ и была значительное власти короля надъ всѣмъ народомъ. Лихтенштейнъ сообщаетъ намъ о племени Кусса, что „всѣ члены этого племени, какъ вожди, такъ и подчиненные имъ люди, суть вассалы короля; но

подданные каждаго мѣстнаго вождя бываютъ обыкновенно такъ слѣпо преданы своему повелителю, что они послѣдуютъ за нимъ даже противъ короля“. А Крукшанкъ говоритъ: „едва ли рабъ Ашантійскаго вождя послушается повелѣнія короля, если оно не будетъ подкрѣплено приказаніемъ его непосредственнаго господина“. Разсказывая о трехъ степеняхъ повелителей, существующихъ у Арауканьяновъ, Томпсонъ говоритъ, что власть самыхъ мелкихъ изъ нихъ „менѣе шатка“, чѣмъ власть болѣе высокихъ. Эти немногіе примѣры, число которыхъ могло бы быть значительно умножено, напоминаютъ намъ объ отношеніяхъ, существовавшихъ между болѣе крупными и болѣе мелкими политическими центрами во времена феодализма, — когда подчиненіе бароновъ королю устанавливалось лишь постепенно, въ теченіи долгихъ годовъ; — когда происходили непрерывныя нарушенія народной дѣлности, вслѣдствіе попытокъ мѣстныхъ властей къ пріобрѣтенію сѣзнова своей независимости; — когда, наконецъ, вѣрность областному правителю была значительнѣе, чѣмъ вѣрность общему правителю всей страны.

А теперь выставимъ открыто ту истину, которая уже подразумѣвалась изъ всего, сказаннаго въ предыдущемъ параграфѣ, — а именно, что такое подчиненіе мѣстныхъ правительственныхъ центровъ общему правительственному центру обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ совокупной дѣятельности всѣхъ частей сложнаго агрегата, въ его борьбѣ съ другими такими агрегатами. Контрастъ между высшими *Annulosa*, — каковы крылатыя наѣкомыя и снабженные клешнями раки, — одаренными централизованною нервною системою, и низшими *Annulosa*, состоящими изъ множества сходныхъ сегментовъ, съ слабыми вѣшними придатками, заключается не только въ отсутствіи у этихъ послѣднихъ централизованной нервной системы, но также и въ отсутствіи у нихъ сколько-нибудь сильныхъ придатковъ, служащихъ для нападенія и обороны. У высшихъ типовъ, нервная подчиненность заднихъ сегментовъ переднимъ сопровождала развитіе этихъ переднихъ придатковъ, охраняющихъ весь агрегатъ сегментовъ, въ его борьбѣ съ добычею и врагами; и самая централизація нервной системы возникла здѣсь изъ взаимнаго сотрудничества этихъ вѣшнихъ органовъ.

Тоже самое можетъ быть показано и по отношенію къ политической централизаціи, стремящейся получить прочно-постоянную форму. Пока подчиненіе устанавливается только путемъ внутренней борьбы между различными отдѣлами одного агрегата, т. е., пока оно предполагаетъ, такимъ образомъ, существованіе между ними постояннаго антагонизма, оно продолжаетъ оставаться непрочнымъ; и прочность его усиливается лишь въ той мѣрѣ, въ какой болѣе крупныя и болѣе мелкія регулятивные аппараты привыкаютъ комбинировать свои дѣйствія противъ вѣшнихъ враговъ. Недавнія перемены въ Германіи, со-

вершившіяся на нашихъ глазахъ, доставили намъ новый, свѣжій примѣръ того, какимъ образомъ политическая централизація вырастаетъ изъ комбинаціи дѣйствій для военныхъ цѣлей; — фактъ, который и безъ того достаточно хорошо знакомъ намъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, доставляемыхъ исторіею Среднихъ Вѣковъ, въ продолженіе которыхъ мы можемъ постоянно видѣть, какъ монархическія правительства брали мало по малу верхъ надъ многочисленными фьефами (ленными помѣстьями).

Чтобы понять, какимъ образомъ такая комбинація внѣшнихъ дѣйствій сложнаго агрегата для военныхъ цѣлей могла дать начало сложному регулятивному аппарату, завѣдующему внутреннимъ контролемъ, слѣдуетъ припомнить, что вначалѣ армія и народъ представляютъ въ сущности одно и то же. Такъ какъ, во всякомъ первобытномъ племени, всѣ мужчины — воины, то поэтому, на самыхъ раннихъ ступеняхъ цивилизаціи, военное сословіе сопротязенно со всѣмъ взрослымъ мужскимъ населеніемъ, за исключеніемъ однихъ только рабовъ, — т. е., сопротязено со всею тою частью общества, которая живетъ политической жизнью. Дѣйствительно, тутъ войско есть ничто иное, какъ мобилизованный народъ; а народъ — ничто иное, какъ распущенное по домамъ войско. Вслѣдствіе этого, личности, представляющія мѣстныхъ правителей своего округа во время мира, и предводителей подчиненныхъ имъ людей во время войны съ общимъ врагомъ, подъ начальствомъ общаго вождя, становятся второстепенными главами, привыкшими, въ силу военной дисциплины, къ подчиненію главному главѣ; а такъ какъ они приносятъ съ собою домой большую или меньшую часть этой способности къ подчиненію, то военная организація, развившаяся во время войны, переживаетъ обстоятельства своего появленія на свѣтъ и продолжаетъ существовать и во время мира въ видѣ политической организаціи.

Впрочемъ, главная истина, которую мы должны замѣтить здѣсь, заключается въ слѣдующемъ: при развитіи сложной регулятивной системы, сопровождающемъ развитіе сложнаго общественнаго агрегата, первоначально-независимые центры управленія становятся зависимыми мѣстными центрами, — т. е. какъ бы уполномоченными общаго центра, находящимися въ его распоряженіи; точь въ точь такъ, какъ вышеописанные мѣстные узелки становятся дѣятелями, выполняющими свои роли подъ управленіемъ головныхъ узловъ.

§ 252. Это образованіе сложной регулятивной системы, характеризующейся присутствіемъ господствующаго центра и подчиненныхъ центровъ, сопровождается, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ организмѣ, возрастаніемъ объема и сложности господствующаго центра.

Въ мірѣ животномъ, развитіе внѣшнихъ чувствъ, долженствующихъ доставлять организму всѣ нужныя свѣдѣнія, и конечностей, долженствующихъ

быть направляемыми въ своей дѣятельности, сообразно съ этими свѣдѣніями, такъ, чтобы ихъ взаимное сотрудничество могло приводить къ изловленію добычи и къ избѣжанію отъ враговъ, необходимо должно вызвать возникновеніе такого центрального мѣста, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ эти свѣдѣнія, и откуда исходили бы соотвѣтственные имъ двигательные импульсы. При этомъ, пропорціонально все большому и большому развитію внѣшнихъ чувствъ и конечностей, и этотъ центръ, утилизирующій все болѣе и болѣе разнообразныя свѣдѣнія и направляющій все лучше и лучше комбинированныя движенія, необходимо долженъ распадаться на все большее и большее число несходныхъ частей и увеличиваться все болѣе и болѣе въ своей общей массѣ. И дѣйствительно, поднимаясь по под-царству *Animalia*, мы находимъ у самыхъ высшихъ его типовъ такой агрегатъ зрительныхъ, слуховыхъ и другихъ, воспринимающихъ стимулы, узловъ, совокупно съ узлами, управляющими движеніями главныхъ ногъ, клешней, и пр. Подобнымъ же образомъ и въ под-царствѣ позвоночныхъ, мы видимъ вначалѣ, у самыхъ низшихъ его членовъ, почти единообразный шнурокъ, составленный изъ мѣстныхъ центровъ, не управляемыхъ головнымъ мозгомъ; а подъ конецъ, у наивысшихъ его членовъ, восходимъ до шнурка, примыкающаго къ интегрированной группѣ меньшихъ центровъ, черезъ которые передаются приказанія высшихъ центровъ, выросшихъ изъ этихъ послѣднихъ.

Нѣчто подобное мы видимъ и въ обществѣ. И здѣсь политическій аппаратъ, съ пріобрѣтеніемъ все большаго и большаго значенія для агрегата, мало по малу увеличивается въ размѣрахъ и усложняется новыми добавочными частями, служащими для добавочныхъ функцій. Вождь вождей начинаетъ нуждаться въ помощникахъ для успѣшнаго выполненія правительственнаго контроля. Онъ собираетъ кругомъ себя такихъ людей, которые добываютъ для него нужныя свѣдѣнія; такихъ, которые подаютъ ему совѣты и, наконецъ, такихъ, которые выполняютъ его приказанія. Онъ уже не представляетъ теперь простой правительственной единицы, но становится ядромъ цѣлой группы правительственныхъ единицъ, представляющей зародышъ министерства ¹⁾. Въ этомъ процессѣ усложненія можно наблюсти много разнообразныхъ промежуточныхъ ступеней, обыкновенно появляющихся вначалѣ съ временнымъ характеромъ, но потомъ принимающихъ характеръ постоянства. На Сандвичевыхъ островахъ, король и правитель ижуютъ каждый извѣстное число вождей, которые находятся постоянно при нихъ и выполняютъ ихъ при-

¹⁾ Въ европейскомъ смыслѣ этого слова т. е. въ смыслѣ совокупности всѣхъ министровъ, дѣйствующихъ согласно между собою въ одномъ общемъ направленіи. — прим. пер.

казы. Эллис говорить, что Таитскій король имѣетъ перваго министра, кромѣ того, при немъ находится нѣсколько вождей, съ которыми онъ совѣщается по разнымъ случаямъ. Также и на Самоа, по словамъ Тёрнера, вождь каждаго округа имѣетъ при себѣ родъ перваго министра. Въ Африкѣ мы находимъ примѣры многихъ переходныхъ ступеней отъ простаго личнаго правленія къ правленію черезъ посредство подчиненныхъ агентовъ. У Битджуановъ (одна изъ группъ племени Бечуановъ) король исполняетъ самъ „свой собственный приговоръ, даже въ томъ случаѣ, когда преступникъ бываетъ приговариваемъ къ смерти“. А Лихтенштейнъ разсказываетъ намъ о другой группѣ Бечуановъ (Маатджанингъ), что монархъ этой группы, желая усмирить мятежъ своего народа, „взмахнулъ своимъ ужаснымъ сѣ ж а м б о к о м ъ изъ носороговой кожи и принялся колотить имъ направо и налево, пока не обратилъ въ бѣгство всю толпу“, въ чемъ ему стали помогать вслѣдъ затѣмъ и его придворные. У племени Кусса, управляемаго королемъ и вассальными ему вождями, каждый вождь имѣетъ при себѣ совѣтниковъ, а великій совѣтъ короля составляется изъ вождей нѣкоторыхъ особенныхъ к р а а л е й (селеній). У Зулусовъ монархъ дѣлитъ свою власть съ двумя воинами по собственному выбору; эти воины представляютъ и верховныхъ судей страны. Но въ болѣе обширныхъ и лучше организованныхъ королевствахъ, эти придатки, увеличивающіе собою размѣры и сложность правительственнаго центра, бываютъ болѣе многочисленными и представляютъ вполне установившіяся учрежденія. Въ Дагомеѣ, кромѣ двухъ первыхъ министровъ и разнообразныхъ чиновъ, окружающихъ короля, имѣется двое судей, изъ которыхъ либо одинъ, либо другой „почти постоянно находится при королѣ, докладывая ему о каждомъ случающемся обстоятельстве“. По словамъ Бёртона, каждое служебное лицо имѣетъ здѣсь помощника, или товарища, который въ сущности есть просто шпіонъ. И хотя король участвуетъ здѣсь самолично въ судебномъ разбирательствѣ и даже показываетъ палачамъ, какъ слѣдуетъ отрубать головы, если замѣтитъ, что они плохо справляются съ своимъ дѣломъ; однако предыдущіе факты доказываютъ, что онъ имѣетъ агентовъ, въ руки которыхъ постепенно попадаютъ всѣ эти отправленія. Это значитъ, что тутъ существуетъ тоже самое, что и въ вышеописанной сложной нервной системѣ, въ которой имѣются добавочные центры, для сообщенія получаемыхъ свѣдѣній, и добавочные центры для приведенія въ исполненіе принимаемыхъ рѣшеній. Нѣтъ надобности говорить, что и у цивилизованныхъ народовъ имѣло мѣсто такое же развитіе. Такъ у насъ, Вильгельмъ-Завоеватель сдѣлалъ своего „судейщика“ („justiciar“) верховнымъ администраторомъ закона и финансовъ, давъ ему въ помощь извѣстное число секретарей, изъ которыхъ главный назывался канцлеромъ; этотъ „судейщикъ“ сталъ съ теченіемъ времени первымъ министромъ, а его штабъ вер-

ховнымъ судомъ, вѣдавшимъ въ одинаковой мѣрѣ и финансовыя, и судебныя дѣла, и пересмотръ дѣйствующаго законодательства; съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени, этотъ верховный судъ специализировался и усложнился новыми прибавками. Но мы не имѣемъ ни малѣйшей нужды описывать здѣсь этотъ процессъ въ его подробностяхъ. Вышеприведеннаго вполне достаточно, чтобы видѣть, что повсюду и всегда центральный правительственный аппаратъ, по мѣрѣ своего разростанія, становится все болѣе и болѣе разнороднымъ, вслѣдствіе умноженія въ немъ частей, отправляющихъ спеціальныя функціи. Затѣмъ, подобно тому какъ въ нервномъ развитіи, вслѣдъ за достиженіемъ извѣстной усложненности направительныхъ и исполнительныхъ центровъ, начинаютъ выростать разсуждающіе центры, которые, вначалѣ, вѣдшиваются въ дѣйствія остальныхъ лишь въ очень слабой степени, но потомъ приобрѣтаютъ надъ ними полное господство; такъ точно, и въ политическомъ развитіи, на извѣстной ступени усложненности, появляются представительныя собранія, обсуждающія болѣе отдаленныя послѣдствія разныхъ политическихъ мѣръ; причѣмъ эти собранія, зачинаясь вначалѣ въ видѣ ничтожныхъ добавленій къ правительственному аппарату, перерастаютъ подъ конецъ все остальное. Ясно, что эти наипозднѣйшіе и наивысшіе правительственные центры выполняютъ въ обоихъ случаяхъ отправленія аналогическаго свойства. Какъ большія полушарія мозга у человѣка, будучи совершенно поглощены общимъ управленіемъ его поведеніемъ, и, въ особенности въ видахъ будущаго, предоставляютъ болѣе низкимъ, болѣе простымъ и болѣе раннимъ центрамъ управлять обыкновенными движеніями и даже довольно сложными механическими занятіями; такъ точно и собраніе представителей народа не обращаетъ своего вниманія на тѣ рутинныя дѣйствія политическаго тѣла, которыя находятся подъ контролемъ разнообразныхъ административныхъ агентуръ и агентовъ, а занимается требованіями общаго характера и уравниваніемъ такихъ интересовъ, которые касаются не одной только настоящей минуты. Надо также замѣтить, что, въ обоихъ случаяхъ, эти высшіе центры не представляютъ собою ни непосредственныхъ воспринимателей получаемыхъ свѣдѣній, ни непосредственныхъ раздавателей приказаній; но что они получаютъ отъ другихъ, болѣе низкихъ, центровъ тѣ факты, которые руководятъ ихъ рѣшеніями, и приводятъ эти рѣшенія въ исполненіе также черезъ посредство другихъ, болѣе низкихъ, центровъ. Большой мозгъ (*cerebrum*) не есть центръ ощущенія или движенія; отправленіе его состоитъ въ пользованіи тѣми увѣдомленіями, которыя доставляются ему черезъ посредство чувствительныхъ центровъ, и въ опредѣленіи тѣхъ дѣйствій, къ которымъ будутъ побуждены органы движенія двигательными центрами. Подобнымъ же образомъ, и развитое законодательное собраніе руководствуется обыкновенно не

прямыми впечатлѣніями отъ фактовъ, хотя оно и не лишено способностейъ получению такихъ впечатлѣній, но косвенно-добываемыми впечатлѣніями, достигающими до него черезъ посредство петицій, періодической печати, изъ рапортовъ разныхъ комитетовъ и комиссій и отъ начальниковъ отдѣльныхъ министерствъ; а непотакже и постановленія, къ которымъ оно приходитъ, выполняются не подъ его средственнымъ управленіемъ, но подъ посредствующимъ управленіемъ подчиненныхъ ему центровъ, министерскихъ, судебныхъ и другихъ.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, сопутствующее въ обоихъ случаяхъ описаннымъ чертамъ развитія регулятивной системы. Обстоятельство это состоитъ въ томъ, что, съ развитіемъ высшихъ регулятивныхъ центровъ, индивидуальныхъ и общественныхъ, болѣе ранніе центры становятся относительно автоматическими. Простой узелокъ, съ его приносящимъ (afferent) и относящимъ (efferent) волокнами, воспринимаетъ стимулы и посылаетъ приказанія, безъ всякой посторонней помощи или помѣхи. Но когда вокругъ него скопляются узлы, черезъ которые являются различные роды впечатлѣній, и другіе узлы, черезъ которые идутъ импульсы, побуждающіе къ различнымъ движеніямъ, то онъ дѣлается зависимымъ отъ этихъ скученныхъ кругомъ него узловъ и становится отчасти агентомъ для превращенія чувственныхъ возбужденій первыхъ въ двигательныя разряженія послѣднихъ. По мѣрѣ того, какъ число такихъ добавочныхъ частей все умножается, а посылаемые ими къ первоначальному центру впечатлѣнія, возрастая въ числѣ и разнообразіи, вызываютъ посылку все болѣе и болѣе многочисленныхъ импульсовъ черезъ прибавочные двигательные центры, этотъ первоначальный центръ все болѣе и болѣе становится простымъ каналомъ, черезъ который спеціальныя стимулы вызываютъ, все болѣе и болѣе механическихъ путемъ, приспособленныя къ нимъ дѣйствія. Взглянемъ, напримѣръ, на три ступени, черезъ которыя проходитъ отдѣлъ позвоночныхъ животныхъ. Прежде всего, мы имѣемъ здѣсь почти однообразную на всемъ своемъ протяженіи спинную струну, послѣдовательныя части которой получаютъ и отсылаютъ чувствующіе и двигательные нервы, снабжающіе своими развѣтвленіями послѣдовательныя части тѣла. Здѣсь спинная струна есть высшій регуляторъ. Затѣмъ, въ нервной системѣ позвоночныхъ, стоящихъ нѣсколько выше предыдущихъ, продолговатый мозгъ (*medulla oblongata*) и чувственные узлы передней части этой черепно-спинной оси, принимая относительно большое участіе въ полученіи тѣхъ руководящихъ впечатлѣній, которыя ведутъ къ двигательнымъ разряженіямъ въ области спинной струны, стремятся сдѣлать эту послѣднюю центромъ подчиненнаго характера, а дѣйствія ея—механическими. Тутъ, главными правителями стали уже теперь чувственные узлы. Когда же, съ теченіемъ развитія, являются большой мозгъ (*cerebrum*) и

мозжечекъ (*cerebellum*), чувственные узлы, вмѣстѣ съ координирующимъ двигательнымъ центромъ, съ которыми они были связаны, ниспадають на степень простыхъ воспринимателей стимуловъ и передавателей импульсовъ. Это значитъ, что послѣдне-образовавшіеся центры получаютъ здѣсь верховное господство, а предшествовавшіе имъ центры становятся ихъ слугами.

Такимъ же образомъ происходитъ дѣло и по отношенію къ королямъ, министрамъ и законодательнымъ собраніямъ. По мѣрѣ того, какъ первоначальный политическій глава, приобрьтая все болѣе и болѣе обширныя функціи, собираетъ вокругъ себя все большее и большее число агентовъ, доставляющихъ ему данныя для его рѣшеній и принимающихъ на себя исполненіе этихъ рѣшеній, онъ все болѣе и болѣе впадаетъ самъ въ руки этихъ агентовъ: его сужденія въ значительной степени дѣлаются для него его доносчиками и совѣтчиками, и совершаемые по его повелѣнію дѣйствія видоизмѣняются исполнителями. Т. е., тутъ, черезъ посредство первоначального правителя, начинается править министерство. На болѣе поздней ступени, развитіе законодательнаго собранія вызываетъ подчиненность министерства; ибо министерство, обязанное своей ролью поддержкѣ большинства собранія, есть въ сущности ничто иное, какъ агентъ, выполняющій волю этого большинства. Въ то время, какъ министерство становится все менѣе и менѣе обезуждающимъ и рѣшающимъ, и все болѣе и болѣе исполнительнымъ, какъ это было передъ тѣмъ съ монархомъ, самъ монархъ становится все болѣе и болѣе автоматичнымъ: королевскія функціи выполняются уполномоченными, королевскія рѣчи бываютъ королевскими только по имени, а королевское согласіе составляетъ на практикѣ простую формальность. Эта истина, такъ хорошо иллюстрируемая исторіею нашей собственной конституціи, иллюстрируется въ нѣсколько другой формѣ и исторіею развитія политическихъ, судебныхъ и административныхъ учрежденій у Афинянъ: и здѣсь, болѣе древніе классы должностныхъ лицъ выживали въ обществѣ; но ниспадали при этомъ въ подчиненныя положенія и исправляли обязанности сравнительно рутиннаго свойства.

§ 253. Разсмотрѣвъ общее устройство регулятивной системы, а также строеніе ея главнаго контролирующаго центра, обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ аппаратовъ, черезъ посредство которыхъ выполняется этотъ контроль. Ибо, координація дѣйствій агрегата, индивидуальнаго или общественнаго, требуетъ существованія не только правящаго центра, но еще и такихъ средствъ сообщенія, черезъ посредство которыхъ этотъ центръ могъ бы дѣйствовать на разныя части агрегата.

Прогрессивно-восходящія ступени животной организаціи переносятъ нась отъ такихъ типовъ, гдѣ это требованіе почти вовсе не выполнено, къ такимъ,

гдѣ оно выполнено очень дѣйствительнымъ образомъ. Агрегаты очень низкихъ порядковъ, каковы губки, *Phallassicollae*, и т. п., лишенные координирующихъ центровъ какого бы то ни было рода, лишены также и средствъ для передачи импульсовъ отъ одной части къ другой; а потому здѣсь мы не находимъ никакого сотрудничества между частями для отвѣта на различныя вѣшнія вліянія. У *Hydrozoa* и *Actinozoa*, не обладающихъ видимыми центрами координаціи, ихъ медленныя приспособленія достигаются путемъ распространенія молекулярныхъ измѣненій отъ части къ части, черезъ общую ткань тѣла; причемъ, грубое прикосновеніе къ щупальцамъ вызываетъ сокращеніе всего животнаго въ одинъ небольшой комокъ; а соприкосновеніе щупалецъ съ пищевымъ веществомъ вызываетъ постепенное сомкнутіе ихъ надъ такимъ кусочкомъ пищи. Слѣдовательно, здѣсь возможность для частей тѣла вліять въ нѣкоторой степени другъ на друга, дѣлаетъ возможнымъ ихъ взаимное сотрудничество на общее благо, хотя это сотрудничество еще очень слабо и медлительно. У *Polysoa*, вмѣстѣ съ возникновеніемъ ясныхъ нервныхъ центровъ, возникаютъ и ясныя нервныя волокна, быстро передающія разныя импульсы по вполне опредѣленнымъ линіямъ, вмѣсто медленнаго разлитія ихъ черезъ общую ткань тѣла. Отсюда является относительно быстрое сотрудничество частей для отвѣта на внезапныя вѣшнія дѣйствія. И по мѣрѣ того, какъ эти посредническія линіи умножаются въ числѣ и улучшаются со стороны все большаго и большаго совершенства ихъ взаимныхъ связей, онѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе возможными тѣ разнообразныя координаціи, которыя обусловливаются развитыми нервными центрами.

Аналогичныя этому ступени въ общественномъ развитіи могутъ быть показаны съ достаточной ясностью. Въ территоріи, населенной общественными группами, лишенными политической организаціи, извѣстіе о непріятельскомъ вторженіи распространяется отъ человѣка къ человѣку и требуетъ немалаго времени, чтобы разлиться по всей области; и неспособность этой разбѣянной массы къ успѣшной коопераціи другъ съ другомъ зависитъ здѣсь столько же отъ отсутствія посредничающихъ аппаратовъ, какъ и отъ отсутствія регулятивныхъ центровъ. Но рядомъ съ тою слабою политическою координаціею, которая вызывается комбинаціей усилій для взаимной обороны, возникаютъ и приспособленія, дающія возможность вліять на дѣйствія отдаленныхъ союзниковъ. Даже у Огнеземельцевъ есть обычай зажигать огни для сообщенія извѣстій, кому слѣдуетъ. У Тасманійцевъ также были въ употребленіи сигнальные огни. У Таннезійцевъ тоже. Да и у другихъ нецивилизованныхъ народовъ мы постоянно находимъ этотъ способъ вызывать, при нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, извѣстную, неопредѣленную координацію. Подымаясь выше, къ такому общественному состоянію, гдѣ интересы обороны и нападенія требуютъ болѣе опре-

дѣленныхъ и болѣе разнообразныхъ координацій, мы видимъ употребленіе посланцевъ или вѣстниковъ. Напримѣръ, у Фиджійцевъ, извѣстія и приказанія передаются черезъ посланцевъ, которые употребляютъ ради болѣе успѣшной ихъ передачи особыя мнемоническія средства. Ново-Зеландцы, „во время войны, сообщаютъ иной разъ разныя извѣстія отдаленнымъ племенамъ посредствомъ особыхъ значковъ на горлянкахъ“. Въ такихъ сравнительно-передовыхъ государствахъ, какъ государства Древней Америки, этотъ способъ сообщенія извѣстій достигалъ значительнаго развитія. У Мексиканцевъ были курьеры, умѣвшіе пробѣгать бѣгомъ шести-мильные перегоны; такъ что посланное извѣстіе дѣлало, какъ говорятъ, даже до 300 миль въ сутки. У Перуанцевъ, кромѣ ихъ огневыхъ и дымныхъ сигналовъ, употреблявшихся во время возмущеній, также были скороходы этого сорта. Такимъ образомъ, медленное распространеніе импульсовъ отъ единицъ къ единицамъ и по всѣмъ направленіямъ, характеризующее собою раннія ступени общественнаго развитія, превращается въ послѣдствіи, на болѣе высокихъ ступеняхъ этого развитія, въ сравнительно быстрое распространеніе вдоль по опредѣленно установленнымъ линіямъ, въ слѣдствіе чего становятся возможными быстрыя и опредѣленно-приспособленныя комбинаціи. Кромѣ того, мы должны замѣтить, что и эта часть регулятивной системы, какъ и другія ея части, порождается необходимостью взаимнаго содѣйствія для борьбы съ другими обществами. Какъ, въ относительно-новѣйшія времена, скороходъ съ огненнымъ крестомъ служилъ для Шотландскихъ клановъ символомъ приказанія браться за оружіе, такъ, и въ древней Англійской исторіи, вѣстники употреблялись первоначально для сношеній правителей съ своими агентами и посылались обыкновенно съ извѣстіями, относившимися къ военнымъ дѣламъ. За исключеніемъ этихъ настоятельныхъ случаевъ, распространеніе извѣстій по политическому тѣлу совершалось крайне медленно (да и правительственные вѣстники не могли двигаться скоро по дурнымъ дорогамъ тѣхъ временъ). Эта медленность продолжала сохраняться до сравнительно позднихъ временъ. Смерть королевы Елизаветы стала извѣстной въ нѣкоторыхъ частяхъ Девона лишь послѣ того, какъ при Дворѣ уже перестали носить трауръ; а извѣстіе объ обличеніи Кромвеля въ званіе протектора достигло до Бриджуотера только на девятнадцатый день. Впрочемъ, мы должны обратить вниманіе не на одну только медлительность въ распространеніи взаимныхъ вліяній, требующихся для успѣшной коопераціи общественныхъ частей. Не менѣе замѣчательны также незначительность и единообразіе этихъ вліяній, по сравненію съ ихъ позднѣйшими обширностью и многообразіемъ. Въмѣсто курьера, проносящаго одиночную военную или политическую депешу отъ одного правительственнаго лица другому, черезъ неправильныя промежутки времени и между не-

многими пунктами, мы имѣемъ подѣ конецъ множество писемъ, отправляющихся ежедневно, или даже по нѣскольку разъ въ сутки, по всевозможнымъ направленіямъ и проникающихъ во всѣ классы общества: т. е., мы имѣемъ чрезвычайно быстрыя передачи импульсовъ, столь же обширныхъ по общей своей массѣ, какъ и разнообразныхъ въ своихъ частностяхъ; причемъ всѣ эти импульсы служатъ орудіями къ достиженію общественной коопераціи.

Къ этимъ посредничающимъ аппаратамъ прибавляются въ послѣдствіе еще два такихъ аппарата, представляющихъ результатъ еще болѣе высокаго развитія въ этомъ направленіи. Изъ обыкновеннаго письма, послѣ того какъ переписка стала уже сравнительно частою между членами образованныхъ классовъ, явилась на свѣтъ газета. Сначала это былъ печатный листъ, съ нарочно оставленными пробѣлами, заполнявшимися рукописнымъ письмомъ, — листъ, выходившій только по поводу какихъ-нибудь важныхъ событій. Затѣмъ пробѣлы исчезли и случайное появленіе листа превратилось въ періодическое, т. е., получилась газета. Потомъ газеты стали увеличиваться со стороны своего размѣра, многочисленности, разнообразія и частоты выхода; пока слабыя и медленныя волны увѣдомленій, появлявшіяся черезъ длинные и неправильные промежутки времени, не превратились въ сильныя, правильныя и быстрыя волны, съ помощью которыхъ миллионы людей, на всемъ протяженіи государства, получаютъ, по два и по три раза въ день, разнообразнѣйшія побужденія къ всевозможнымъ дѣйствіямъ или удерживаются отъ другихъ дѣйствій, въ результатъ чего получаютъ быстрыя и хорошо-уравновѣшенныя приспособленія поведенія однихъ къ поведенію другихъ.

Наконецъ, появляется новый, гораздо болѣе быстрый, способъ распространенія стимуловъ, служащихъ для координированія общественныхъ дѣйствій: политическихъ, военныхъ, коммерческихъ и другихъ. Зачинаясь оптическимъ телеграфомъ, напоминающимъ намъ, по лежащему въ его основаніи принципу, сигнальные огни дикарей, но отличающимся отъ этихъ послѣднихъ своей способностью передавать съ одной станціи на другую не одну какую-либо неопредѣленную идею, но множество сложныхъ, ясно отличныхъ одна отъ другой идей, этотъ способъ завершается электрическимъ телеграфомъ, который съ неизмѣримо болѣею быстрою передаетъ совершенно опредѣленныя посланія, представляющія безконечное разнообразіе и любую степень сложности. И, на мѣсто немногихъ такихъ оптическихъ телеграфовъ, передающихъ импульсы лишь по немногимъ направленіямъ, и то по большей части лишь для правительственныхъ надобностей, возникаетъ множество линій мгновенныхъ сообщеній, расходящихся по всѣмъ направленіямъ и служащихъ для всевозможныхъ надобностей. Но этого мало. Съ помощію этого самаго поздняго посредническаго аппарата, общественный

организмъ, не смотря на свою раздѣльность, приобретаетъ такую быстроту координаціи, которая равняется быстротѣ координаціи въ конкретныхъ организмахъ, или даже превосходитъ эту послѣднюю. Выше было уже указано (§ 221); что общественныя единицы, хотя и не образуютъ непрерывнаго агрегата, однако не лишены способности передавать другъ другу нужные импульсы; и что эта передача, выполняемая у конкретныхъ индивидуальныхъ организмовъ съ помощью нервовъ, выполняется здѣсь при посредствѣ языка. Но, съ примѣненіемъ для этой цѣли молекулярной непрерывности телеграфныхъ проволокъ, импульсы начинаютъ передаваться въ политическомъ тѣлѣ съ гораздо большею быстротою, чѣмъ они могли бы быть передаваемы въ конкретномъ, живомъ цѣломъ. Если считать даже то время, которое тратится на отнесеніе депеши въ телеграфное бюро и на доставку ея изъ бюро получателю, то все-таки выйдетъ, что обитатель Эдинбурга можетъ привести въ движеніе обитателя Лондона меньше чѣмъ въ четвертую часть того времени, которое потребовалось бы на прохожденіе нервного разряженія между этими двумя городами, если бы они были соединены между собою живой тканью.

Мы не должны также оставить безъ вниманія и того факта, что параллелизмъ требованій вызываетъ нѣчто подобное параллелизму и въ самомъ расположеніи посредническихъ линий въ обоихъ сравниваемыхъ нами случаяхъ. Отъ большихъ общественныхъ центровъ расходится много толстыхъ пучковъ телеграфныхъ проволокъ; каждый изъ этихъ пучковъ, на своемъ пути, отдѣляетъ отъ времени до времени въ разныя стороны нѣсколько меньшіе пучки, а эти, въ свою очередь, развѣтвляются на еще болѣе мелкіе пучки; точъ въ точъ такъ, какъ главные нервные стволы отдѣляютъ отъ времени до времени, на своемъ пути къ периферіи, болѣе мелкіе боковые пучки, или стволы, а эти послѣдніе развѣтвляются на еще болѣе мелкія пучечки, и такъ далѣе. Кромѣ того, распредѣленіе посредническихъ линий представляетъ еще ту аналогію, что, по близости отъ главныхъ центровъ, крупныя пучки этихъ линий идутъ бокъ о бокъ съ главными каналами сообщенія, — желѣзными и столбовыми дорогами, — но впослѣдствіи отлучаются отъ нихъ, когда эти начинаютъ развѣтвляться; точъ въ точъ такъ, какъ въ центральныхъ частяхъ позвоночнаго животнаго, крупныя нервные стволы обыкновенно сопровождаютъ крупныя артерьяльныя стволы; но, дальше къ периферіи, эта близость между нервами и артеріями уже не сохраняется. Единственное исключеніе изъ этого правила, единственная постоянная ассоціація между нервомъ и артеріей, телеграфной проволокой и дорогою, также оказывается одинаковою для обоихъ случаевъ. Ибо единственная телеграфная проволока, сопровождающая желѣзнодорожную систему по всѣмъ ея развѣтвленіямъ, есть та проволока, которая задерживаетъ и возбуждаетъ движеніе по данной дорогѣ; а единственный нервъ,

сопровождающій артерію по всѣмъ ея развѣтвленіямъ, есть сосудо-двигательный нервъ, регулирующий движеніе крови по этой артеріи. Далѣе,—достоинъ замѣчанія еще тотъ фактъ, что въ обоихъ случаяхъ, посредническія линіи характеризуются своей изолированностью. Какъ ни несходны между собою молекулярныя волны, передающіяся въ этихъ двухъ различныхъ случаяхъ, однако же, въ обоихъ случаяхъ, требуется, чтобы эти волны ограничивались въ своемъ распространеніи специально-имѣющимися для того каналами. И хотя изоляція нервныхъ волоконъ, но изоляція подземныхъ проволокъ достигается способомъ, довольно аналогичнымъ тому, что мы видимъ въ нервной системѣ: многочисленные проволоки, соединенныя въ одинъ общій пучекъ, отдѣляются одна отъ другой влагалищами изъ непроводящаго электричество вещества; какъ нервныя волокна одного и того же нервного ствола отдѣляются одно отъ другого посредствомъ своихъ медулярныхъ влагалищъ.

Итакъ, общій результатъ, къ которому мы пришли здѣсь, заключается въ томъ, что въ обществахъ, какъ и въ живыхъ тѣлахъ, возрастаніе взаимной зависимости между частями, подразумѣвая установленіе все болѣе и болѣе сильной регулятивной системы, подразумѣваетъ этимъ самымъ не одни только развитыя регулятивные центры, но еще и такія средства, при помощи которыхъ вліянія этихъ центровъ могли бы передаваться куда слѣдуетъ. И мы дѣйствительно видимъ, что какъ органическое развитіе, рассматриваемое съ одной изъ своихъ сторонъ, обнаруживаетъ все болѣе и болѣе успѣшныя посредническія приспособленія, служащія для регулятивныхъ цѣлей, такъ точно и общественное развитіе, рассматриваемое съ этой же стороны, обнаруживаетъ подобныя же явленія.

§ 254. Теперь мы должны рассмотреть еще одну замѣчательную и важную черту занимающаго насъ параллелизма. Въ обоихъ родахъ организмовъ, регулятивная система, въ продолженіи своего развитія, распадается на двѣ системы, къ которымъ присоединяется подъ конецъ еще третья, отчасти независимая, система; и дифференціаціи этихъ системъ одна отъ другой вызывается въ обоихъ случаяхъ одинаковыми причинами.

Общій законъ организаціи, поясненный въ предыдущихъ главахъ достаточнымъ числомъ примѣровъ, состоитъ въ томъ, что отличныя обязанности вызываютъ и отличные аппараты; что самые сильные функціональные контрасты даютъ начало и самымъ сильнымъ структурнымъ различіямъ; и что внутри каждой изъ главныхъ системъ органовъ, дифференцировавшихся въ самомъ началѣ одна отъ другой въ силу этого принципа, возникаютъ впоследствии второстепенныя дифференціаціи на основаніи этого же самого принципа; и такъ далѣе.

УДК 37.013.01
ББК 74.001.013.01

Не трудно видѣть, поэтому, что если регулятивная функція организма, индивидуальнаго или общественнаго, распадается на два чрезвычайно несходныхъ отдѣла, то и регулятивный аппаратъ раздѣлится вслѣдствіе этого на соответственно - несходныя части, которыя будутъ обладать, въ исполненіи своихъ несходственныхъ функцій, значительной долею независимости. И мы дѣйствительно увидимъ, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Мы уже видѣли, что, у развитаго животнаго, основное раздѣленіе органовъ заключается въ контрастѣ между внѣшнею системою органовъ, имѣющей дѣло съ наружною средою, и внутреннею системою органовъ, занятой поддержаніемъ жизни организма. Для успѣшнаго взаимнаго содѣйствія требуется не только координація дѣйствій этихъ внутренней и внѣшней системъ, взятыхъ каждая въ себѣ, но еще и координація дѣйствій различныхъ частей каждой изъ этихъ системъ порознь. Животное можетъ схватывать добычу и ускользать отъ враговъ только въ томъ случаѣ, когда кости и мускулы каждого его члена дѣйствуютъ въ полномъ согласіи между собою, когда всѣ его члены успѣшно содѣйствуютъ другъ другу, когда всѣ они вмѣстѣ приспособляютъ свои движенія къ осязательнымъ, зрительнымъ и слуховымъ впечатлѣніямъ; а комбинація столь многочисленныхъ дѣйствій разнородныхъ чувственныхъ и двигательныхъ аппаратовъ требуетъ, въ свою очередь, существованія нервной системы, величина и сложность которой были бы пропорціональны числу, силѣ и сложности комбинируемыхъ ею дѣйствій. На томъ же принципѣ основывается и комбинація между дѣйствіями аппаратовъ, посвященныхъ поддержанію жизни, хотя здѣсь эта комбинація и отличается меньшею утонченностью. Если-бы пережеванная пища, дошедшая до входа въ глотку, не проглатывалась, пищевареніе не могло бы начаться; если бы, съ вступленіемъ пищи въ желудокъ, въ немъ начались одни сокращенія, но не выдѣленія, — или если-бы изліяніе желудочнаго сока не сопровождалось ритмическими движеніями, — пищевареніе должно было бы остановиться; если бы крупныя прибавочныя желѣзы не изливали въ кишечный каналъ достаточное количество своихъ выдѣленій, или изливали ихъ не въ то время, или не въ тѣхъ пропорціяхъ, какъ нужно, пищевареніе осталось бы несовершеннымъ; точно тоже можно сказать и о множествѣ другихъ, менѣе важныхъ, одновременныхъ и послѣдовательныхъ процессовъ, которые соединяются между собою для образованія общаго отправленія. Вслѣдствіе этого, въ организмѣ долженъ существовать какой-либо нервный аппаратъ, который, путемъ своихъ посредническихъ возбужденій и задерживаній, поддерживалъ-бы координацію между всѣми этими отдѣльными частями.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какъ сильно несходны между собою тѣ два рода координаціи, которые должны быть обезпечены въ этихъ

двухъ случаяхъ. Вышнія дѣйствія должны быть быстры въ своихъ переизмѣненіяхъ. Тутъ необходимы проворныя движенія, внезапныя измѣненія въ ихъ направленіи, мгновенныя остановки. Чтобы сохранять равновѣсіе, сдѣлать прыжокъ, или ускользнуть отъ удара, мышечныя сокращенія должны быть принаровлены другъ къ другу съ большою точностью. Кромѣ того, тутъ требуются комбинаціи сложнаго характера, ибо силы, съ которыми приходится имѣть дѣло одновременно, многочисленны и разнообразны. Этого мало. Всѣ эти сложныя комбинаціи, измѣняющіяся изъ минуты въ минуту, рѣдко повторяются снова, потому что внѣшнія обстоятельства рѣдко бываютъ вполне одинаковыми даже два раза сряду. Кромѣ того, тутъ приходится удовлетворять не только требованіямъ настоящей минуты, но также и требованіямъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Но для внутреннихъ комбинацій не требуется ничего подобнаго. Послѣ каждого принятія пищи здѣсь совершается тотъ же самый рядъ процессовъ, лишь съ очень незначительными видоизмѣненіями, обусловленными количествомъ пищи, ея качествомъ и степенью ея пережевыванности. Здѣсь вовсе не требуется быстрыхъ, специальныхъ и точныхъ приспособленій, а только извѣстная относителъная пропорція и извѣстная степень порядка между отдѣльными дѣйствіями, которыя, надо прибавить, не представляютъ ни яснаго начала, ни точнаго количества дѣйствія, ни яснаго конца. Вслѣдствіе этого, для органовъ поддержанія жизни слогается особый регулятивный аппаратъ, который сильно отличается отъ остальной регулятивной системы и который, подъ конецъ, становится существенно отдѣльнымъ и независимымъ. Беретъ ли такъ-называемая „симпатическая нервная система“, или „нервная система органической жизни“, какъ ее называютъ еще иначе, свое первое начало отъ головно-спинной системы, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что, у развитыхъ позвоночныхъ, она практически независима отъ этой послѣдней. Хотя эта болѣе высокая система, управляющая мышечными аппаратами и вызывающая главныя траты, вліяетъ на нее, и хотя она, въ свою очередь, тоже вліяетъ на эту болѣе высокую систему, тѣмъ не менѣе обѣ онѣ выполняютъ свои функціи отдѣльно и независимо, вліяя другъ на друга главнымъ образомъ путемъ общихъ спросовъ и общихъ задержекъ. Единственные органы, надъ которыми высшая и низшая нервныя системы имѣютъ совмѣстный (хотя и раздѣльный) контроль, это—сердце и легкія, такъ какъ эти органы представляютъ неизбѣжныхъ сотрудниковъ какъ для органовъ, производящихъ траты, такъ и для органовъ, восполняющихъ эти траты. Сердце, возбуждаемое къ дѣйствію cerebro-спинальною системою, пропорціонально величинѣ требованія на кровь для разныхъ внѣшнихъ дѣйствій, возбуждается къ дѣйствію также и симпатической системою, когда принятая пища дѣлаетъ необходимымъ усиленный притокъ крови для на-

добностей пищеваренія. Легкія въ весьма значительной мѣрѣ зависятъ въ своихъ движеніяхъ отъ церебро-спинальныхъ нервовъ (такъ какъ ихъ расширеніе совершается отчасти съ помощью мускуловъ груди, принадлежащихъ къ внѣшней системѣ органовъ); но они могутъ быть возбуждаемы также и симпатическими нервами, когда органы пищеваренія находятся въ дѣйствіи. Впрочемъ, чтобы показать стремленіе всѣхъ этихъ сравнительно-постоянныхъ жизненныхъ процессовъ подчиняться нервному контролю, отличному отъ того, который управляетъ вѣчно-измѣнчивыми внѣшними процессами, слѣдуетъ замѣтить, что тѣ вліянія, которыя церебро-спинальная система оказываетъ на сердце и легкія, значительно отличаются отъ ея высшихъ управительныхъ дѣйствій, т. е., что они имѣютъ по преимуществу отраженный (рефлективный) и безсознательный характеръ. Воля не въ силахъ измѣнить сердечныхъ біеній; и хотя актъ воли можетъ усилить или уменьшить на время энергію дыханія, однако же среднее число дыхательныхъ движеній не можетъ быть измѣнено этимъ способомъ; это число, и во время сна, и во время бодрствованія, опредѣляется чисто автоматически.

Да будетъ мнѣ позволено прибавить къ изложеннымъ фактамъ еще слѣдующее замѣчаніе. Этотъ крупный контрастъ, показанный здѣсь на примѣрѣ самаго высшаго, или позвоночнаго, типа, можетъ быть показанъ также и на высшихъ членахъ изъ типа *Annulosa*. У насѣкомыхъ также имѣется нервная система внутренностей, существенно отличная отъ нервной системы, координирующей внѣшнія дѣйствія. Это показываетъ намъ, что обособленіе у животныхъ двухъ функционально-несходныхъ регулятивныхъ системъ есть обстоятельство, сопутствующее болѣе высокому развитію.

Обращаясь къ развитію общественныхъ организмовъ, мы находимъ, что и тутъ параллельный контрастъ въ обязанностяхъ вызываетъ параллельное различіе въ выполняющихъ ихъ аппаратахъ. У низшихъ обществъ, какъ и у низшихъ животныхъ, существуетъ единая, нераздѣльная регулятивная система; но у высшихъ обществъ, какъ и у высшихъ животныхъ, она распадается на двѣ системы, изъ которыхъ каждая выполняетъ принадлежащій ей контроль существенно-независимо, хотя обѣ онѣ постоянно вліяютъ одна на другую. Взглянемъ же теперь, какимъ образомъ одинаковыя причины приводятъ и здѣсь къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Успѣхъ въ борьбѣ съ другими обществами требуетъ быстроты, комбинаціи усилій и спеціальнаго приспособленія къ вѣчно-измѣнчивымъ обстоятельствамъ. Свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля должны быть доставляемы со всевозможною быстротою; силы должны быть быстро направляемы въ извѣстныя мѣста; запасы извѣстныхъ качествъ и въ извѣстныхъ количествахъ должны быть заготовлены заранѣе и доставлены, куда слѣдуетъ, въ должное время; военныя передвиженія должны находиться въ пол-

ной гармоніи одни съ другими; а для всего этого должна существовать центральная власть, которой повиновались бы мгновенно. Совѣмъ другія условія требуются для аппаратовъ, занимающихся поддержаніемъ жизни общественнаго организма. Хотя дѣйствія этихъ аппаратовъ также должны нѣсколько видоизмѣняться, сообразно обстоятельствамъ, въ особенности же въ виду военныхъ требованій, однако общая ихъ дѣятельность сравнительно единообразна. Различные роды добываемой пищи приспособляются къ потребленію, которое измѣняется лишь въ очень умѣренныхъ границахъ; также и требованія на одежду довольно постоянны и измѣняются въ своихъ пропорціяхъ не внезапно, но медленно; тоже самое можно сказать и о другихъ житейскихъ потребностяхъ менѣе необходимаго свойства; а потому требующаяся тутъ координація не отличается ни быстротою, ни спеціальностью, ни точностью. Вслѣдствіе этого, тутъ имѣется мѣсто для регулятивной системы совѣмъ особаго рода. И мы увидимъ, что такая система дѣйствительно развивается здѣсь, параллельно съ развитіемъ самой системы органовъ, поддерживающихъ жизнь цѣлаго. Взглянемъ же теперь на прогрессивный ходъ развитія этой системы.

На раннихъ ступеняхъ цивилизаціи, житейскія занятія общества часто таковы, что мѣшаютъ отдѣленію контроля надъ оборонительными дѣйствіями отъ контроля надъ дѣйствіями, поддерживающими жизнь, такъ какъ эти два рода дѣйствій бываютъ тутъ тѣсно связаны между собою. Такъ, у Мандановъ, отдѣльные семьи соединялись вмѣстѣ для охоты и потомъ дѣлили поровну изловленную добычу; этотъ фактъ показываетъ намъ, что война со звѣрями, ведома на общую пользу, находилась тутъ въ такомъ тѣсномъ родствѣ съ войною съ людьми, ведома тоже на общую пользу, что оставалась, подобно ей, общественнымъ дѣломъ. Подобнымъ же образомъ, и у Команчей, охраненіе принадлежащаго племени скота выполняется съ тою же строгостью и тѣмъ же способомъ, какіе прилагаются къ военной стражѣ въ немирное время; это значить, что общность индивидуальныхъ интересовъ въ дѣлѣ охраненія скота отъ нападеній враговъ здѣсь столь же велика, какъ и общность интересовъ въ дѣлѣ охраненія личной безопасности; а потому соединеніе двухъ родовъ управленія продолжаетъ держаться неизмѣнно. Кромѣ того, у простыхъ племенъ, состоящихъ подъ управленіемъ главы какого бы то ни было рода, существующая власть, какъ бы велика или мала она ни была, не ограничена со стороны области своего приложенія, а потому она распространяется на промышленныя дѣйствія въ такой же мѣрѣ, какъ и на остальные. Тамъ, гдѣ на мѣсто рабовъ, имѣются однѣ только жены, какъ и тамъ, гдѣ имѣются настоящіе рабы, господствующія личности, на обязанности которыхъ лежатъ внѣшняя оборона и нападеніе, управляютъ лично также и тѣми работами, которыя должны быть выполнены

для поддержанія ихъ и имъ принадлежащихъ людей. А тамъ, гдѣ возникъ вождь, пользующійся значительной властью, онъ не только предводителствуетъ на войнѣ, но и распоряжается ежедневными занятіями во время мира. Такое тождество политическаго и промышленнаго управленій мы находимъ у Гондовъ, Биловъ, Нагасовъ, Мишмисовъ, Калмыковъ и у многихъ другихъ простыхъ племенъ. Частный прогрессъ въ этой области, ведущій къ установленію кое-какихъ различій, не влечетъ еще за собою опредѣленнаго разграниченія этихъ двухъ системъ управленія. Такъ, у Куковъ, раджа требуетъ извѣстныхъ работъ и управляетъ ихъ выполненіемъ; онъ надзираетъ за перекочевкой аула и указываетъ каждой семьѣ, на новомъ мѣстѣ, тотъ участокъ земли, который она должна разчистить. У Санталовъ, предводитель племена контролируетъ въ извѣстной степени трудъ остальныхъ; а у Хондовъ ему принадлежитъ роль главнаго торговца. Въ Полинезій мы находимъ подобные же факты. Ново-Зеландскіе вожди надзираютъ за земледѣльческими и строительными работами; у Сандвичанъ имѣется рынокъ, на которомъ „цѣна устанавливается вождемъ“; точно также и на островѣ Тонга торговля „явнымъ образомъ состоитъ подъ надзоромъ вождей“; а Кадаганскіе вожди „устанавливаютъ цѣну на рисъ“. Подобнымъ же образомъ, и на Целебесѣ, дни для работъ на плантаціяхъ устанавливаются политической властью, и народъ отправляется на работу по сигналу, подаваемому ударомъ въ гонгъ. Точно также въ Восточной Африкѣ, время посѣва и жатвы зависитъ отъ воли вождя, а у Негровъ Внутренности Материка „рынокъ устроивается по указаніямъ вождей“. Тоже мы видимъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Древней Америки, какъ, напримѣръ, на Санъ-Сальвадорѣ, гдѣ какикъ управляетъ растительными насажденіями, а также и въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки нынѣшняго времени. Торговцы, ведущіе свои дѣла съ Мундрукусами, „принуждены вручать свои товары мелкимъ вождямъ“ и потомъ ждать въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ „уплаты продуктами“; а Патагонцы заявили людямъ изъ партіи Вилькса, что они не могутъ продать имъ ни оружія, ни одежды, не спросивъ позволенія вождя. Въ другихъ обществахъ, въ особенности же у обществъ, достигшихъ уже довольно значительнаго развитія, мы находимъ уже нѣкоторыя видоизмѣненія въ этомъ союзѣ политическаго и промышленнаго управленія: а именно, правительственная власть, оставаясь въ другихъ отношеніяхъ тою же самою, оказывается двойственною. Такъ у Дайяковъ Саккарраны, „въ добавленіе къ обыкновенному вождю, существуетъ еще торговый вождь“. У Дагомейцевъ также имѣется торговый вождь въ Вайдахѣ. Наконецъ, промышленные вожди существуютъ даже у Фиджійцевъ, общественная организація которыхъ, въ другихъ отношеніяхъ, представляетъ значительное развитіе. На болѣе поздней ступени развитія, торговый вождь переходитъ въ правительственное должностное лице,

имѣющее строгій надзоръ за промышленностью. Въ Древней Гватемалѣ, правительственный чиновникъ устанавливалъ цѣны на рынкахъ; а въ Мексикѣ правительственный агентъ надзиралъ за тѣмъ, чтобы земли не оставались необработанными. Факты этого рода подготовляютъ насъ къ разсмотрѣнію тѣхъ ступеней, черезъ которыя прошли Европейскія общества. Во Франціи, вплоть до X-го столѣтія, каждый доменъ имѣлъ своихъ крѣпостныхъ или полусвободныхъ работниковъ и ремесленниковъ, состоявшихъ подъ управленіемъ сеньора и получавшихъ отъ него плату въ формѣ пищи и другихъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. Между XI-мъ и XIV-мъ столѣтіями, феодальные вѣдѣтели, духовные и свѣтскіе, регулировали производство и распредѣленіе до такой степени, что отъ нихъ приходилось покупать промышленныя и торговыя свидѣтельства; а въ продолженіи слѣдующаго затѣмъ монархическаго періода, законодательство считало одною изъ своихъ аксіомъ, что „право на трудъ есть корслевское право, которое король можетъ продавать, а подданные — покупать“. Вплоть до самой Революціи, Франція кишела чиновниками, отъ которыхъ зависѣло разрѣшать тѣ или другія занятія, предписывать тѣ или другіе промышленные процессы, изслѣдовать продукты, и т. п. Послѣ Революціи государственный контроль надъ промышленностью сильно уменьшился, хотя все-таки остался весьма значительнымъ, и промышленность начала прибѣгать для взаимнаго соглашенія своихъ нуждъ къ другимъ средствамъ. Эта прогрессивная дифференціация выступаетъ еще лучше изъ нашей (англійской) исторіи. Въ продолженіи древняго англійскаго періода, гильдейскія власти были тождественны съ мѣстными политическими властями, носившими названія: *ealdormen*, *wickreeves*, *portreeves*, или *burghreeves*; а самая гильдія была частью общаго политическаго цѣлаго. Покупки и продажи должны были совершаться въ присутствіи должностныхъ лицъ; а земледѣльческіе и мануфактурные процессы предписывались законами. Смѣшенія этого рода, хотя и не въ столь значительной степени, продолжались до очень позднихъ временъ. Вплоть до XVI-го вѣка существовали еще столичный и мѣстные совѣты, утверждавшіеся политической властью и опредѣлявшіе, въ свою очередь, цѣны на товары, высоту заработной платы, и т. п. Но, при послѣдующихъ поколѣніяхъ, стѣсненія и поощренія исчезли, законы о лихвѣ были уничтожены, а свобода промышленныхъ комбинацій сильно возрасла.

Если мы сравнимъ теперь тѣ раннія ступени развитія, на которыхъ зачаточная промышленная организація находится подъ управленіемъ политическаго вождя, а равно и тѣ промежуточные ступени, появляющіяся съ дальнѣйшимъ теченіемъ развитія, на которыхъ эта организація бываетъ подчинена отчасти-независимому политическому контролю, съ самую позднюю ступенью развитія,

304135940
302 00000033

вродъ той, что мы видимъ у насъ, то мы найдемъ, что наша промышленная организація, получивъ господствующее значеніе въ обществѣ, выработала для себя особенный, существенно-независимый контроль. Въ настоящее время, государство уже не устанавливаетъ торговыхъ цѣнъ и не рѣшается предписывать тѣхъ или другихъ техническихъ процессовъ. Стѣсненные лишь въ очень слабой степени обязательствомъ имѣть кое-какія немногочисленные промышленныя свидѣтельства, граждане предаются тѣмъ занятіямъ, которыя имъ нравятся, покупаютъ и продаютъ, гдѣ имъ угодно. Количества воздѣлываемыхъ и обрабатываемыхъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ уже не устанавливается законами; улучшенія не навязываются правительственной властью, и несовершенные процессы не воспрещаются законодательнымъ порядкомъ. Каждый ведетъ свое дѣло такъ, какъ онъ самъ находитъ лучшимъ, и единственные законодательныя стѣсненія направлены только къ тому, чтобы заставить каждого выполнять добросовѣстно взятые на себя обязательства и не нарушать правъ другихъ лицъ, своихъ согражданъ. Но какая же система приспособляетъ промышленныя дѣятельности къ существующимъ требованіямъ? Эта цѣль достигается особою посредническою системою, при помощи которой различные промышленныя аппараты получаютъ другъ отъ друга, то побужденія къ усиленію дѣятельности, то сдерживанія, смотря потому, поднимаются или падаютъ ихъ различные продукты въ области потребленія, и черезъ посредство которой всѣ эти аппараты получаютъ заразъ общій, сильный стимулъ къ дѣятельности въ тѣхъ случаяхъ, когда военныя надобности внезапно вызываютъ чрезмѣрное потребленіе. Рынки главныхъ родовъ, на которыхъ устанавливаются, путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, цѣны на хлѣбъ и скотъ, на хлопчато-бумажныя и шерстяныя издѣлія, на металлы и уголь, и т. д., указываютъ заинтересованнымъ въ этомъ личностямъ на постоянно измѣняющіяся отношенія между спросомъ и предложеніемъ; а отчеты объ этихъ сдѣлкахъ, передаваемые во всѣ стороны періодическою печатью, побуждаютъ каждую отдѣльную мѣстность усиливать или ослаблять свою специальную функцію. Этого мало. Въ то время, какъ дѣятельности различныхъ округовъ регулируются въ извѣстной мѣрѣ ихъ мѣстными торговыми центрами, столица, въ которой всѣ эти округа имѣютъ своихъ представителей, въ видѣ торговыхъ домовъ и агентствъ, имѣетъ, въ свою очередь, свои центральные рынки и свою биржу, на которой производится общая средняя оцѣнка всевозможныхъ спросовъ и предложеній, настоящихъ и будущихъ, и поддерживается такимъ образомъ должное равновѣсіе между дѣятельностями различныхъ промышленности. Это значитъ, что, въ добавокъ къ политической регулятивной системѣ, здѣсь сложилась постепенно еще промышленная регулятивная система, которая выполняетъ свою функцію координированія совершенно независимо и

представляет, такъ сказать, отдѣльное сплетеніе связанныхъ между собою условий.

Какъ мы уже намекали выше, въ обоихъ сравниваемыхъ нами случаяхъ, возникаетъ подъ конецъ еще третья регулятивная система, отличная отъ двухъ первыхъ. Для быстраго приспособленія функцій къ представляющимся надобностямъ, запасы нужныхъ для потребленія веществъ должны быстро приливать къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ наступаетъ усиленная дѣятельность. Если бы органъ индивидуальнаго или политическаго тѣла, внезапно вызванный къ усиленной дѣятельности, могъ добывать матеріалы для своего питанія или для своего выдѣленія или для того и другаго заразъ, только изъ обыкновеннаго, спокойнаго потока распредѣлительныхъ теченій, то его усиленная дѣятельность скоро бы ослабла. Чтобы онъ могъ продолжать удовлетворять усиленному спросу, долженъ явиться усиленный притокъ матеріаловъ, потребляющихся при его дѣятельности, — т. е., ему должно открыть впередъ к р е д и т ь на выполненіе имъ своей функціи. Въ индивидуальномъ организмѣ эта цѣль достигается съ помощью сосудо-двигательной нервной системы. Волокна этой системы, постоянно развѣтвляясь, сопровождаютъ повсюду артеріи, которыя они то расширяютъ, то сьжимаютъ, смотря по характеру посылаемыхъ по нимъ стимуловъ. Людвигъ и Лёвенъ установили слѣдующій общій законъ: когда по нервамъ ощущенія посылается внутрь то впечатлѣніе, которымъ сопровождается дѣятельность какой-нибудь части, то изнутри немедленно отражается назадъ, къ этой части, по ея сосудо-двигательнымъ нервамъ, особое вліяніе, вслѣдствіе котораго ея мельчайшія артеріи мгновенно расширяются; въ тоже самое время, по сосудо-двигательнымъ нервамъ всѣхъ остальныхъ, бездѣйствующихъ частей посылается вліяніе противоположнаго характера, заставляющее питающія эти части артеріи слегка сокращаться; такимъ образомъ потокъ крови уменьшается тамъ, гдѣ въ немъ нѣтъ нужды, чтобы имѣть возможность увеличиться тамъ, гдѣ въ немъ испытывается особенная нужда.

гдѣ въ немъ испытывается особенная нужда. Въ общественномъ организмѣ или, лучше сказать, въ такомъ развитомъ общественномъ организмѣ, какой представляетъ наша страна въ нынѣшнія, новѣйшія времена, этотъ родъ регулированія выполняется системою банковъ и финансовыхъ ассоціацій, занимающихся ссудою капиталовъ. Когда какая-нибудь мѣстная промышленность, вызванная къ усиленной дѣятельности возрастаніемъ спроса на ея продукты, обращается съ своими требованіями прежде всего къ мѣстнымъ банкамъ, эти послѣдніе, въ отвѣтъ на впечатлѣнія, произведенныя на нихъ видимымъ усиленіемъ совершающейся вокругъ нихъ промышленной дѣятельности, открываютъ шире тѣ каналы для доставленія капиталовъ, которые находятся въ ихъ распоряженіи; вслѣдъ за этимъ съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ преуспѣянія мѣстной

 3441353-21
 2023-03-10 10:33

промышленности, впечатлѣнія этого рода распространяются до финансовых центров Лондона и вызываютъ тамъ расширеніе мѣстнаго кредита, вслѣдствіе чего наступаетъ расширеніе тѣхъ потоковъ, которые несутъ къ данной мѣстности людей и товары. Въ тоже самое время, для удовлетворенія этому мѣстному усиленному спросу на капиталъ, различныя промышленности другихъ мѣстностей, не возбужденныя къ подобной усиленной дѣятельности, а слѣдовательно, и не могущія давать такой хорошей прибыли, начинаютъ получать уменьшенное количество всяческихъ запасовъ, — т. е., въ потокахъ обращенія, пробѣгающихъ по этимъ мѣстностямъ, наступаетъ нѣкоторое суженіе.

Замѣтимъ себѣ, что эта третья регулятивная система, — сосудо-двигательная, въ одномъ случаѣ, и монетная, въ другомъ, — представляетъ систему существенно независимую. Факты доказываютъ, что существуютъ мѣстные сосудо-двигательные центры, заведующіе мѣстнымъ контролемъ, какъ существуютъ мѣстные монетные центры; и хотя главный центръ, существующій, повидимому, въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ, такъ тѣсно спутанъ съ остальными регулятивными аппаратами, что съ трудомъ можетъ быть усмотрѣнъ между ними; однако же, съ функциональной точки зрѣнія, онъ оказывается совершенно отдѣльнымъ отъ нихъ. Хотя этотъ центръ и можетъ быть связанъ съ главною регулятивною системою, контролирующей внѣшнія дѣйствія, однако онъ не подчиненъ ей. Какъ воля, въ организмѣ, не можетъ измѣнять мѣстныхъ притоковъ крови, такъ и законодательство, въ обществѣ, прекративъ свои прежнія вредныя помѣхи движенію капитала, оставляетъ его теперь почти совершенно свободнымъ; даже государство, со всѣми аппаратами, находящимися подъ его непосредственнымъ контролемъ, стоитъ по отношенію къ финансовымъ корпораціямъ въ положеніи простаго потребителя, т. е. точъ въ точъ въ томъ же положеніи, въ какомъ мозгъ и члены стоятъ по отношенію къ сосудо-двигательнымъ центрамъ. Эта третья система не составляетъ также части и той второй регулятивной системы, которая контролируетъ органы, занимающіеся поддерживаніемъ жизни, индивидуальной или общественной. Внутренности получаютъ кровь только съ позволенія нервовъ, повелѣвающихъ ихъ артеріями, и, когда внѣшніе органы находятся въ усиленномъ упражненіи, приливъ крови къ внутреннимъ органамъ бываетъ сильно уменьшенъ. Подобнымъ же образомъ и промышленная система, съ своимъ центральнымъ аппаратомъ, уравнивающимъ дѣйствія ея различныхъ частей, не можетъ сама собою привлекать капиталъ то туда, то сюда, но должна достигать этого косвеннымъ путемъ, черезъ посредство впечатлѣній, производимыхъ ею на Ломбардъ-Стритъ (улица Лондона, въ которой сосредоточены банковыя учрежденія).

§ 255. Такимъ образомъ возрастающая взаимозависимость частей, общая

обоимъ родамъ организмовъ въ процессъ ихъ развитія, вызываетъ необходимо дальнѣйшій рядъ замѣчательныхъ параллелизмовъ. Такъ какъ, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, кооперація частей не можетъ имѣть мѣста, безъ существованія аппаратовъ, которые приспособляли бы другъ къ другу дѣйствія кооперирующихъ частей, то неизбежнымъ послѣдствіемъ этого выходитъ, что въ политическомъ агрегатѣ, какъ и въ живомъ тѣлѣ, возникаетъ регулятивная система, а эта послѣдняя дифференцируется въ свою очередь, соответственно дифференцированію въ организмѣ обособленныхъ группъ органовъ.

Наиболѣе настоятельной коопераціей является съ самаго начала кооперація, необходимая для дѣйствій противъ окружающихъ враговъ и добычи. Вслѣдствіе этого, первый регулирующий центръ, индивидуальный или общественный, появляется для цѣлей именно этой коопераціи, и его дальнѣйшее развитіе прогрессируетъ пропорціонально дѣятельности этой коопераціи. Такъ какъ сложные агрегаты образуются путемъ интеграціи простыхъ, то въ каждомъ такомъ сложномъ агрегатѣ, индивидуальномъ или общественномъ, возникаетъ высшій регулятивный центръ и подчиненные ему мѣстные центры; послѣ чего этотъ высшій центръ начинаетъ постепенно увеличиваться въ объемъ и усложняться. Агрегаты двойной и тройной сложности показываютъ намъ дальнѣйшія ступени развитія усложненности и соподчиненности, показывая намъ въ тоже время постепенное улучшеніе посредническихъ аппаратовъ, завершающихся такими аппаратами, которые способны къ мгновенной передачѣ увѣдомленій и къ мгновенной же передачѣ приказаній.

Къ этой главной регулятивной системѣ, контролирующей органы для выполненія вышнихъ дѣйствій, присоединяется въ каждомъ случаѣ, съ прогрессомъ развитія, регулятивная система, контролирующая дѣйствія внутреннихъ органовъ, посвященныхъ поддержанію жизни организма, и эта новая система мало по малу пріобрѣтаетъ независимость отъ первой. Естественно, что она является на свѣтъ позднѣе первой. Сохраненіе агрегата, индивидуального и общественного, зависитъ первоначально отъ умѣнья ускользать отъ вышнихъ разрушительныхъ дѣятелей, что предполагаетъ сложную координацію; полная же утилизація необходимыхъ для поддержанія жизни матеріаловъ вначалѣ не такъ настоятельна, а потому допускаетъ координацію относительно простую. Вслѣдствіе этого система органовъ поддержанія жизни пріобрѣтаетъ свои регулятивные аппараты въ болѣе поздній періодъ. Наконецъ, и третья, распределительная система, — появляющаяся по необходимости позже двухъ остальныхъ, но вполне неизбежная для сколько-нибудь значительнаго ихъ развитія, — пріобрѣтаетъ также свой собственный регулятивный аппаратъ.

ГЛАВА X.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТИПЫ И КОНСТИТУЦИИ.

§ 256. Сравнивая antecedенты индивидуальных организмов съ antecedентами организмов общественных, мы усматриваемъ безъ труда, почему послѣдніе не допускаютъ такой опредѣленной классификаціи, какъ первые. Растительный или животный видъ ведетъ, въ теченіи тысячи поколѣній, тотъ же самый родъ жизни, и послѣдующіе члены его постоянно наследуютъ отъ предыдущихъ пріобрѣтенныя приспособленія. И когда измѣненія въ условіяхъ вызываютъ расхожденія въ формѣ, бывшей прежде общею для всѣхъ, то всѣ эти различія, накопляющіяся у позднѣйшихъ потомковъ, маскируютъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ первоначальное сходство, ничуть не мѣшая сгруппировкѣ происшедшихъ такимъ путемъ различныхъ видовъ въ одинъ общій родъ. Точно также и тѣ, болѣе обширныя расхожденія, которыя ведутъ свое начало еще съ болѣе давнихъ временъ, не мѣшаютъ группированію такихъ родовъ въ порядки, а порядковъ — въ классы. Но, по отношенію къ обществамъ, дѣло стоитъ иначе. Положимъ, что орды первобытныхъ людей, постоянно раздѣляясь и подраздѣляясь, дѣйствительно представляютъ подобный же родъ мелкихъ общественныхъ агрегатовъ, ведущихъ одинаковый образъ жизни, наследующихъ тѣ низкія формы общественного склада, которыя успѣли выработаться у ихъ предшественниковъ, и затѣмъ повторяющихъ эти формы до новыхъ, мелкихъ измѣненій. Но болѣе высокій общественный агрегатъ, при своемъ размноженіи, передаетъ свой типъ гораздо менѣе рѣшительнымъ образомъ. Хотя колонія стремится вырасти въ общество, похожее на ея метрополию; но общество-родитель сравнительно такъ пластично, а вліянія новаго обиталища на общество-дѣтеныша такъ могущественны, что расхожденія въ общественномъ складѣ тутъ совершенно неизбежны. При отсутствіи опредѣленныхъ организацій, слагающихся и устанавлиющихся въ продолженіи многочисленныхъ, сходныхъ жизней

ряда обществъ, происходящихъ одно отъ другаго, не можетъ существовать точныхъ отличій, требующихся для совершенной классификаціи.

Впрочемъ, существуютъ два важные рода различій, которыми мы можемъ воспользоваться для группированія обществъ въ естественную систему. Прежде всего, мы можемъ расположить ихъ, сообразно степенямъ ихъ сложности, въ общества простые, сложные, вдвойнѣ-сложныя, втройнѣ-сложныя, и т. д. И, во вторыхъ, мы можемъ раздѣлить ихъ, хотя и съ меншею опредѣлительностью, на общества, по преимуществу хищническія и общества, по преимуществу промышленныя,—т. е. на такія, у которыхъ самое широкое развитіе принадлежитъ организаціи, имѣющей цѣлью оборону и нападеніе, и такія, у которыхъ всего лучше развита организація аппаратовъ, служащихъ для поддержанія жизни агрегата.

§ 257. Мы уже видѣли, что общественное развитіе начинается съ мелкихъ, простыхъ агрегатовъ; что оно подвигается впередъ путемъ соединенія такихъ агрегатовъ въ агрегаты болѣе крупныя; что, послѣ болѣе или менѣе тѣснаго сплоченія получившихся такимъ образомъ сложныхъ группъ, онѣ сливаются съ другими такими же группами въ еще болѣе крупныя агрегаты. Итакъ, наша классификація должна начаться съ обществъ перваго, т. е. самопростѣйшаго, порядка.

Не нужно думать, чтобы мы могли рѣшить съ точностью, во всѣхъ случаяхъ, что именно составляетъ простое общество; потому что общества, подобно всѣмъ другимъ продуктамъ развитія, представляютъ множество переходныхъ ступеней, не допускающихъ рѣзкихъ раздѣленій. Въ то время, какъ постоянно размножающіеся члены какой-нибудь группы постепенно распространяются и расходятся во всѣ стороны, не всегда бываетъ легко рѣшить,—съ какого момента тѣ группы, на которыя они распадаются, должны считаться отдѣльными, отличными группами. Здѣсь, потомки тѣхъ же самыхъ предковъ, живя въ пустынной, безплодной странѣ, принуждены уже разойтись въ разныя стороны еще въ то время, когда составляющія эту группу семьи находятся еще въ тѣсномъ родствѣ между собою. А тамъ, въ болѣе плодотворной области, первоначальная группа держится еще вмѣстѣ даже тогда, когда въ ней образовались группы семей, связанные между собою лишь отдаленнымъ родствомъ; причемъ всѣ эти производныя группы, распространяясь въ стороны съ большою медленностью, долго еще сдерживаются общою связью, которая ослабѣваетъ лишь мало по малу, въ теченіи продолжительнаго времени. Современемъ тутъ является усложненіе, состоящее въ присутствіи въ обществѣ рабовъ, происходящихъ отъ совсѣмъ другихъ предковъ или отъ предковъ, находящихся лишь въ отдаленномъ родствѣ съ предками господъ. Хотя такіе рабы и не составляютъ полити-

ческихъ единицъ, однако же мы не можемъ не признавать ихъ соціологическими единицами и не принимать въ соображеніе при опредѣленіи степени сложности данного общества. Затѣмъ является опять новое усложненіе, отчасти родственное предыдущему и состоящее въ томъ, что племя-покоритель сливается съ покореннымъ племенемъ въ одно общество, принимая на себя роль господствующаго класса. Въ виду всѣхъ этихъ усложняющихъ обстоятельствъ, намъ остается открытымъ только одинъ путь, состоящій въ томъ, чтобы считать простымъ такое общество, которое образуетъ единое дѣйствующее цѣлое, неподчиненное никакому другому цѣлому, и части котораго кооперируются другъ съ другомъ, подъ управленіемъ общаго регулятивнаго центра, или безъ вмѣшательства таковаго, для достиженія нѣкоторыхъ общихъ цѣлей. Вотъ таблица, представляющая со всею опредѣлительностью, какая только возможна здѣсь, главнѣйшіе отдѣлы и под-отдѣлы такихъ простыхъ обществъ.

простыя общества.	Полное отсутствіе всякаго главы, или вождя.	{ Кочевники:—(охотники) Огнеземельцы, нѣкоторые Австралійцы, Лѣсные Веддахи, Бушмены, Чепанги и Кузундасы Непала. { Полу-осѣдлые:—большинство Эскимосовъ. { Осѣдлые:—Арафурасы, Дайяки, живущіе по Верхнему Сараваку.
	Главенство случайнаго характера.	{ Кочевники: — (охотники) нѣкоторые Австралійцы, Тасманійцы. { Полу-осѣдлые:—нѣкоторые Карибы. { Осѣдлые:—нѣкоторые Уапу у верховьевъ Ріо-Негро.
	Неопредѣленное и неустойчивое главенство.	{ Кочевники: — (охотники) Андаманезцы, Аби-паны, Индѣйцы племени Змѣи, Чиппеуайаны, (пастухи) нѣкоторые Бедуины. { Полу-осѣдлые:—нѣкоторые Эскимосы, Чинуки, Чиппеуозы (нынѣшняго времени), нѣкоторые Камчадалы, Веддахи Сель, Бодосы и Дималы. { Осѣдлые:—Гвіанцы, Манданы, Кароадосы, Ново-Гвинейцы, Таннезіяцы, Ватеанцы, Дайяки, Тодасы, Нагасы, Карены, Санталы.
	Прочное главенство.	{ Кочевники:— { Полу-осѣдлые: — нѣкоторые Карибы, Патагонцы, Ново-Каледонцы, Каффы. { Осѣдлые:—Гуаранисы, Пуэблосы.

При взглядѣ на перечисленные тутъ нецивилизованныя общества, сходящіеся между собою въ томъ, что всѣ они суть общества несложныя, но различающіяся другъ отъ друга и по размѣру, и по устройству, слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя черты, обыкновенно встрѣчающіяся совместно

одни съ другими. Разсматривая группы, лишенные всякой политической организаціи или представляющія лишь самыя смутныя слѣды такой организаціи, мы видимъ, что самыя низшія изъ нихъ суть тѣ кочующія группы, которыя кормятся дикою пищею, скудно разбѣянною по лѣсамъ, по бесплоднымъ пустынямъ и по морскимъ берегамъ. Далѣе мы видимъ, что нѣкоторыя мелкія общества продолжаютъ жить безъ вождей даже послѣ перехода въ осѣдлое состояніе, и что этотъ фактъ находится въ связи съ обстоятельствами, позволяющими имъ проживать въ постоянномъ мирѣ. Наконецъ, наша таблица даетъ намъ данныя для заключенія, что переходъ отъ охотничьей жизни къ пастушеской, и отъ пастушеской—къ земледѣльческой, благоприятствуетъ возрастанію населенія, установленію политической и промышленной организаціи и развитію искусствъ; хотя эти причины производятъ эти послѣдствія не сами собою, т. е. не непосредственнымъ образомъ.

сложныя общества	Главенство случайнаго характера.	Кочевники:—(пастухи) нѣкоторые Бедуины. Полу-осѣдлые:—Таннезіицы. Осѣдлые:—
	Неустойчивое главенство.	Кочевники:—(охотники) Дакоты, (охотники и пастухи) Команчи, (пастухи) Калмыки. Полу-осѣдлые:—Остяки, Белучисы, Куки, Билы, обитатели Конго (переходящіе въ общества двойной сложности), Тевтоны до V-го вѣка. Осѣдлые:—Чиппеуозы (прежнихъ временъ), Крики, Мундрукусы, Туписы, Хонды, нѣкоторые Ново-Гвинейцы, Суматранцы, Малагазцы (до недавняго времени), Береговые Негры, Внутренніе Негры, нѣкоторые Абиссинцы, Греки временъ Гомера, обитатели Семи-Королевствъ (Древняя Англія), Тевтоны V-го вѣка, Феефы X-го вѣка.
	Прочное главенство.	Кочевники:—(пастухи) Киргизы. Полу-осѣдлые:—Бечуаны, Зулусы. Осѣдлые:—Уаны, Фиджійцы (при первомъ ихъ посѣщеніи Европейцами), Ново-Зеландцы (временъ Кука), Яванцы, Готтентоты, Дагомейцы, Ашантіи, нѣкоторые Абиссинцы, Древніе Юкатанцы, Ново-Гренадцы, Гондурасцы, Чипчасы, нѣкоторые Арабы, живущіе городами.

Вторая таблица, только-что просмотрѣнная читателемъ, заключаетъ въ себѣ такія общества, которыя уже перешли въ нѣкоторой слабой степени, или же въ степени довольно значительной, или, наконецъ, даже совсѣмъ, на ту ступень, на которой правители, или главы, отдѣльныхъ простыхъ группъ оказываются подчиненными нѣкоторому общему главѣ. Прочность или непрочность главен-

 304135940
 30230101033

ства, указываемая въ этой таблицѣ, относится, конечно, къ главенству надъ сложной группой, а не къ главенствамъ простыхъ группъ. Какъ и слѣдовало ожидать, прочность этого сложнаго главенства становится болѣе замѣтною каждый разъ, когда первоначальное неосѣдлое состояніе переходитъ въ вполне осѣдлое; потому что кочевая жизнь, очевидно, дѣлаетъ весьма затруднительнымъ удерживаніе главъ простыхъ группъ въ сколько-нибудь прочномъ подчиненіи общему главному главѣ. Такое сліяніе простыхъ группъ въ сложныя, очевидно, ведетъ къ прогрессу общественной организаціи, хотя оно и не сопровождается во всѣхъ случаяхъ дѣйствительно значительной организаціей. Вполнѣ осѣдлыя, сложныя общества характеризуются въ большинствѣ случаевъ раздѣленіемъ на общественныя ранги, число которыхъ доходитъ до четырехъ, пяти или шести, и которые отличаются довольно рѣзко одни отъ другихъ; а также хорошо установившейся церковной организаціей; промышленной организаціей, обнаруживающей значительное, общее и мѣстное, раздѣленіе труда; довольно прочными постройками, собранными въ довольно большихъ поселеніяхъ, и, наконецъ, вообще улучшеніемъ всѣхъ житейскихъ приспособленій.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ помѣщены общества, явившіяся путемъ новаго усложненія этихъ сложныхъ группъ, т. е. такія общества, въ которыхъ нѣсколько правительствъ того типа, что изображенъ въ предшествующей таблицѣ, оказываются подчиненными общему правительству еще болѣе высокаго порядка. Здѣсь мы должны замѣтить прежде всего тотъ фактъ, что всѣ эти общества двойной сложности суть общества осѣдлыя. Рядомъ съ ихъ болѣе значительной интеграціей, мы видимъ во многихъ случаяхъ, хотя и не повсюду, болѣе утонченную и строгую политическую организацію. Тамъ, гдѣ политическое главенство надъ этими вдвойнѣ-сложными обществами установилось вполне прочно, мы находимъ въ большинствѣ случаевъ и развитую церковную іерархію. Промышленная организація, приобретающая большую сложность вълѣдствіе большаго аздѣленія труда, принимаетъ во многихъ случаяхъ кастовое устройство. Обычаи перешли тутъ, въ большой или меньшей мѣрѣ, въ положительный законъ; религиозные обряды сдѣлались опредѣленными, строгими и сложными. Города и дороги имѣются повсюду; въ знаніяхъ и искусствахъ произошелъ значительный прогрессъ. Вотъ самая таблица этихъ обществъ.

В двойнѣ-сложныя общества.	Главенство случайнаго характера.	{ Полу-осѣдлые: Осѣдлые: Самоанцы.
	Неустойчивое главенство.	{ Полу-осѣдлые: Осѣдлые:—Тайтаны, Тонганцы, Яванцы (кое-гдѣ), Фиджійцы (со времени введенія огнестрѣльнаго оружія), Малагазцы (послѣдняго времени), Афинская конфедерація, Спартанская конфедерація, Тевтонскія королевства между VI и IX вѣкомъ, болѣе крупныя феоды Франціи XIII вѣка.
	Прочное главенство.	{ Полу-осѣдлые: Осѣдлые: — Ирокезы. Арауканцы, Сандвичане (послѣ Кука), обитатели древней Боготы и древняго Вера-Пацъ, Гватемальцы, древніе Перуанцы, Вагабиты (арабы), Оманы (арабы), древнее Египетское Царство, Англія послѣ X-го вѣка.

Теперь намъ остается прибавить сюда только большія цивилизованныя націи, которыя нѣтъ надобности располагать въ табличную форму, такъ какъ всѣ онѣ подходятъ по большей части подъ одну и ту же рубрику, т. е. подъ рубрику обществъ тройной сложности. Древняя Мексика, Ассирійская имперія, Египетская имперія, Римская Имперія, Великобританія, Франція, Германія, Италія, Россія могутъ считаться достигшими этой ступени сложности; нѣкоторыя же изъ этихъ государствъ должны, можетъ быть, считаться достигшими еще болѣе высокой ступени усложненія. Если они и могутъ заявлять претензію на классификацію порознь, то развѣ только по отношенію къ прочности ихъ правительствъ; я говорю, конечно, не о политической ихъ прочности, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но о прочности, въ смыслѣ продолжительности того времени, въ теченіи котораго каждое изъ нихъ имѣетъ надежду сохранять роль верховнаго центра этихъ огромныхъ агрегатовъ; съ этой точки зрѣнія, большинство древнихъ обществъ тройной сложности должно быть отнесено подъ рубрику „неустойчивое главенство“; а, изъ новѣйшихъ обществъ этого рода, Итальянское королевство и Германская Имперія должны еще выдержать испытаніе времени.

Какъ уже сказано выше, эта классификація не должна быть принимаема за что-либо большее, чѣмъ за грубое приближеніе къ истинѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, данныя, доставляемые путешественниками и другими очевидцами, недостаточны; въ другихъ рассказы ихъ противорѣчатъ другъ другу; въ третьихъ, устройство общества представляетъ настолько переходный характеръ, что трудно рѣшить, подъ какую изъ двухъ рубрикъ его слѣдуетъ подвести. Въ одномъ случаѣ, извѣстная родственная группа можетъ быть названа мѣстной общиною; а въ другомъ, такія группы болѣе или менѣе близкихъ сродни-

УДК 316.74
ББК 62.01

ковъ такъ спутаны съ другими подобными же группами, что могутъ слѣ-
жаться на практикѣ простыми частями одной общей общины. Очевидно, что
подобная же комбинація многихъ такихъ мелкихъ общинъ, переходя черезъ всѣ
ступени все болѣе и болѣе тѣснаго сплоченія, возбуждаетъ нерѣдко сомнѣ-
нія относительно того, считать ли ее одной общественной единицей или нѣ-
сколькими. Когда-же въ данномъ случаѣ, — какъ это можно утверждать отно-
сительно всякаго крупнаго общественнаго агрегата, — имѣло мѣсто множество
послѣдовательныхъ покореній, союзовъ, распаденій, новыхъ союзовъ, составлен-
ныхъ инымъ образомъ, чѣмъ прежніе, и т. д., то первоначальное очертаніе
устройства становится столь смутнымъ, или теряется въ такой сильной степени,
что становится крайне труднымъ рѣшить, — куда слѣдуетъ отнести получившійся
въ концѣ концовъ продуктъ.

Тѣмъ не менѣе, намъ представляются тутъ нѣкоторые обобщенія, которыя
мы можемъ принять съ полнымъ довѣріемъ. Всякое общество должно было
пройти въ своемъ развитіи черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней все боль-
шаго и большаго усложненія. Никакое племя не превращается въ народъ пу-
темъ простаго роста, или размноженія; и ни одно большое общество не сложи-
лось путемъ прямого союза самыхъ мелкихъ обществъ другъ съ другомъ. Пер-
вая ступень развитія, идущая за простою группою, есть сложная группа незна-
чительнаго размѣра. Взаимная зависимость частей, дѣлающая ее единымъ дѣй-
ствующимъ цѣлымъ, не можетъ существовать безъ нѣкотораго развитія линій
сообщенія и приспособленій для совокупной дѣятельности; а эта послѣдняя
должна сначала имѣть мѣсто въ тѣсныхъ предѣлахъ, прежде чѣмъ она будетъ
въ состояніи охватить широкую сферу. Когда сложное общество сплотится, вслѣд-
ствіе совокупной дѣятельности составляющихъ его группъ на войнѣ, подъ пред-
водительствомъ единаго вождя; — когда, въ тоже самое время, въ немъ обосо-
бятся въ извѣстной мѣрѣ различные общественные ранги и разнообразные про-
мыслы; — когда въ немъ явится соотвѣтственное всему этому развитіе искусствъ,
которые всѣ ведутъ тѣмъ или другимъ образомъ къ усовершенствованію обще-
ственной кооперации, — тогда это общество станетъ съ практической точки
зрѣнія единымъ, простымъ обществомъ. Послѣ этого, другія общества этого же
порядка, — достигшіе каждое подобнымъ же путемъ той ступени организациі,
которая, съ одной стороны, требуется для координированія дѣйствій значитель-
ной людской массы, а съ другой, дѣлается возможною только какъ послѣдствіе
такой координаціи, — начинаютъ появляться подлѣ перваго и составляютъ
тотъ матеріалъ, изъ котораго завоеваніе или оборонительный союзъ можетъ
создать теперь общество двойной сложности, принадлежащее къ слѣдующему,
болѣе высокому, типу. Внутреннее сплоченіе такихъ обществъ двойной слож-

ности опять-таки сопровождается прогрессомъ специально свойственной имъ организации,—организации, которая можетъ имѣть мѣсто только при такомъ сплоченіи и которая, въ свою очередь, только и дѣлаетъ возможнымъ такое сплоченіе — организации, которая представляетъ, по сравненію съ организацией болѣе низкихъ общественныхъ типовъ, гораздо болѣе высокую сложность въ устройствѣ всѣхъ своихъ системъ: регулятивной, распредѣлительной и промышленной. На позднѣйшихъ ступеняхъ развитія, путемъ подобныхъ же процессовъ, возникаютъ еще болѣе крупныя общественныя агрегаты, обладающіе еще болѣе сложнымъ устройствомъ. Въ такомъ порядкѣ шло общественное развитіе, и только въ этомъ порядкѣ оно представляется возможнымъ. Каковы бы ни были несовершенства и неправильности вышеприведенной классификаціи, они не затемняютъ тѣхъ общихъ фактовъ;—что существуютъ общества всѣхъ этихъ различныхъ степеней сложности; — что общества одной и той же степени сложности сходятся между собою въ общихъ чертахъ своего устройства;—и что они возникаютъ въ показанномъ порядкѣ.

§ 258. Перейдемъ теперь къ классификаціи, основанной на несходствахъ со стороны господствующей общественной дѣятельности и на происходящихъ отсюда несходствахъ въ организации. Здѣсь мы встрѣтимъ два существенно-различныхъ общественныхъ типа: хищническій и промышленный.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между двумя этими типами не можетъ быть проведено рѣзко-опредѣленнаго разграниченія. За исключеніемъ немногихъ простыхъ группъ, вроде Эскимосовъ, обитающихъ въ такихъ мѣстностяхъ земнаго шара, гдѣ онѣ вполне безопасны отъ вражескихъ вторженій, всѣ общества, простые и сложные, находятся во временной или постоянной враждѣ съ другими обществами, а потому, какъ мы уже видѣли, стремятся къ развитію аппаратовъ, служащихъ для оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій. Въ тоже самое время, поддержаніе жизни не менѣе необходимо для каждаго общества, а потому, въ каждомъ изъ нихъ всегда существуетъ болѣе или менѣе рѣзко выраженная организация для достиженія этой цѣли. Но хотя обѣ эти системы органовъ существуютъ одновременно во всѣхъ индивидуальных и общественныхъ организмахъ, за исключеніемъ однихъ только зачаточныхъ формъ; однако же сравнительное развитіе этихъ двухъ системъ въ различныхъ случаяхъ представляетъ громадныя различія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, аппараты для выполненія вышнихъ дѣйствій бываютъ развиты въ чрезвычайно сильной степени; система органовъ поддержанія жизни существуетъ тутъ единственно ради ихъ; и общественныя дѣятельности суть дѣятельности по преимуществу воинственныя. Въ другихъ случаяхъ, господствуютъ аппараты, служащіе къ поддержанію жизни; оборонительныя и наступательныя аппараты поддерживаются только

041935940
302 000000000

ради охраненія первыхъ; и общественныя дѣятельности суть дѣятельности по преимуществу промышленныя. На одной оконечности, мы имѣемъ здѣсь тѣ воинственныя племена, которыя, живя по преимуществу охотой, достигаютъ такимъ образомъ того, что аппараты, служащіе для дѣйствій противъ враговъ, служатъ у нихъ и для добыванія пищи; система же органовъ для поддержанія жизни заключается у нихъ только въ женщинахъ, которыя составляютъ тутъ классъ рабовъ. А на другой оконечности, мы имѣемъ здѣсь такой типъ, — въ настоящее время разившійся еще далеко не вполне, — въ которомъ земледѣльская, мануфактурная и торговая системы составляютъ главную часть общества, а оборонительныя и наступательныя аппараты, при отсутствіи внѣшнихъ враговъ, находятся лишь въ зачаточномъ состояніи или же вовсе отсутствуютъ. Хотя почти всѣ общества, подлежащія нашему изученію, представляютъ переходный характеръ, тѣмъ не менѣе мы можемъ уже ясно различить конституціональныя черты этихъ двухъ противоположныхъ типовъ, характеризующихся: одинъ — преобладаніемъ внѣшней системы, а другой — преобладаніемъ внутренней системы.

Сопоставивъ такимъ образомъ эти два противоположные типа, мы можемъ съ удобствомъ перейти теперь къ разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ порознь.

§ 259. Выше было уже показано, что военный общественный типъ отличается тѣмъ, что въ немъ армія есть ничто иное, какъ мобилизованный народъ, а народъ ничто иное, какъ армія, состоящая въ безсрочномъ отпуску; вслѣдствіе чего въ этомъ типѣ устройство общества почти совершенно сходно съ устройствомъ арміи. Чтобы уяснить себѣ этотъ типъ, какъ можно лучше, постараемся прослѣдить въ подробности этотъ параллелизмъ между военною организаціею и организаціей общественной, взятой во всемъ ея цѣломъ.

Мы уже видѣли не мало доказательствъ того, что самая первая черта организаціи, обнаруживаемая всякою группою людей, преданныхъ военной жизни, — будетъ ли то орда дикарей, или шайка разбойниковъ, или полкъ солдатъ, — состоитъ въ сильно-централизованной власти. Эта централизація власти, необходимая во время войны, отличается здѣсь правительствомъ и во время мира. У нецивилизованныхъ обществъ, военный вождь постоянно стремится превратиться въ политическаго главу (единственнымъ соперникомъ его съ этой стороны бываетъ здѣсь только знахарь, или лекарь); а у дикой расы-покорительницы его политическое главенство получаетъ прочный характеръ. У получивилизованныхъ народовъ, вождь-побѣдитель и деспотическій король есть одно и то же; да и у цивилизованныхъ народовъ это правило продолжаетъ сохранять свою силу до очень позднихъ временъ. Эта связь особенно хорошо можетъ быть показана въ тѣхъ случаяхъ, когда у одной и той же расы мы находимъ различ-

ныя формы правительства, соответственно различному характеру господствующей общественной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, власть патриархальныхъ вождей Каффрискихъ племенъ очень не велика; но Зулусы, эти побѣдоносные представители Каффриской расы, находятся подъ властью неограниченнаго монарха. Изъ числа болѣе передовыхъ дикарей слѣдуетъ упомянуть о Фиджійцахъ, у которыхъ эта связь между постоянными войнами и деспотическимъ управленіемъ очень ясна; такъ какъ здѣсь и личность, и собственность подданнаго находятся въ полномъ распоряженіи короля или вождя. Тоже самое мы уже видѣли въ воинственныхъ государствахъ Африки, — у Дагомейцевъ и Ашантиевъ. Также и Древніе Мексиканцы, — у которыхъ самую почетную профессію была военная, и у которыхъ принцъ-претендентъ становился королемъ только въ силу своихъ военныхъ подвиговъ, — имѣли самодержавное правительство, которое, по словамъ Клявигера, становилось тѣмъ сильнѣе и строже, чѣмъ болѣе расширялась территория государства вслѣдствіе новыхъ побѣдъ и покореній. Подобнымъ же образомъ, безусловный деспотизмъ, подъ которымъ жили Перуанцы, также установился и окрѣпъ во время успѣшныхъ завоеваній Инковъ. Это повтореніе, на почвѣ Древней Америки, того же самаго отношенія, которое такъ хорошо знакомо намъ изъ исторіи древнихъ государствъ Стараго Свѣта, показываетъ, что оно не зависитъ отъ особенностей характера той или другой расы.

Безусловная власть главнокомандующаго сопровождается безусловною властью его генераловъ надъ подчиненными имъ офицерами, и безусловною же властью этихъ послѣднихъ надъ подчиненными имъ солдатами: т. е. здѣсь всякій человѣкъ есть рабъ тѣхъ, кто выше его, и деспотъ надъ тѣми, кто ниже его. Этотъ порядокъ повторяется и въ цѣломъ общественномъ устройствѣ такихъ обществъ. Мы имѣемъ тутъ точныя градаціи по отношенію къ занимаемому въ обществѣ сану, и полное подчиненіе каждаго общественного ранга всѣмъ выше-стоящимъ рангамъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ это у того общества, которое уже приводилось нами въ образецъ развитія военного типа у относительно-передовыхъ дикарей. Дѣйствительно, у Фиджійцевъ насчитываютъ шесть классовъ, начиная отъ короля и кончая рабами, причемъ всѣ эти классы очень рѣзко разграничены между собою. Также и на Мадагаскарѣ, — гдѣ въ послѣднее время постоянная война установила деспотическое правленіе, — имѣется нѣсколько общественныхъ ранговъ и кастъ. По словамъ Бертона, у Дагомейцевъ, преданныхъ въ столь сильной степени кровопролитіямъ всякаго рода, „армія, или, — что почти одно и то же, — народъ (включая сюда мужчинъ и женщинъ) раздѣляется на два крыла“. Вслѣдъ за этимъ онъ перечисляетъ ихъ различные общественные ранги, которые характеризуются тѣмъ, что всѣ они по закону суть рабы короля. Подобныя же общественныя условія

 04135340
 20200101033

мы находимъ и у Ашантиевъ, гдѣ придворныя должностныя лица должны умѣть вѣстѣ съ королемъ, которому они служили. Въ древности, у воинственныхъ Персовъ общественные ранги были разграничены между собою очень рѣзко. Тоже самое было и у воинственныхъ обитателей Древней Мексики: кромѣ дворянства, раздѣленнаго на три класса, и кромѣ купечества, раздѣленнаго также на классы, здѣсь было три класса земледѣльцевъ, вплоть до рабовъ, — причемъ всѣ эти классы находились въ полномъ взаимномъ подчиненіи. Также и въ Перу, ниже Инковъ стояло нѣсколько ступеней дворянства, такъ что тутъ были господа надъ господами. Кромѣ того, по словамъ Гарсилассо, обитатели каждаго города были разбиты на десятки, состоявшіе подъ управленіемъ десятскихъ; пятеро такихъ десятскихъ находилось подъ начальствомъ пятидесятника; два пятидесятника были подчинены сотнику, пятеро сотниковъ подчинялись пятисотенному; двое пятисотенныхъ состояли подъ властью тысяцкаго, который начальствовалъ такимъ образомъ надъ тысячею чело-
вѣками; наконецъ, надъ каждымъ десятью тысячами начальствовалъ повелитель изъ роду Инковъ: такимъ образомъ политическое правительство представляло точную копію военно-полковаго управления. Другой примѣръ такихъ военныхъ распоряжковъ въ общественномъ управленіи представляла до послѣдняго времени Японія. Едва ли нужно напоминать читателю, что въ древнихъ воинственныхъ государствахъ Стараго Свѣта существовало подобное же устройство, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ въ такой степени; и что подобное же общественное устройство повторилось опять въ средніе вѣка, когда въ каждомъ большомъ государствѣ, на примѣръ во Франціи, ниже короля, имѣлось нѣсколько степеней феодальныхъ господъ, бывшихъ вассалами вышестоящихъ личностей и сюзеренами нижестоящихъ, изъ которыхъ ниже всѣхъ стояли, наконецъ, рабы (serfs). Этотъ послѣдній примѣръ опять-таки показываетъ намъ, что военный общественный типъ отличается повсюду рѣзко-выраженной общественной градаціей, подобной его рѣзко-выраженной военной градаціи.

Соответственно такой формѣ земнаго правительства, и неземное правительство получаетъ здѣсь подобную же форму. Я хочу сказать этимъ не только то, что въ идеальномъ загробномъ мірѣ воинственныхъ обществъ существуютъ, по ихъ понятіямъ, такіе же ранги и такія же власти, какъ и въ реальномъ, — хотя и этотъ фактъ заслуживаетъ полнаго вниманія; но еще и то, что самая ихъ религія имѣетъ воинственный характеръ. Жизнь воинственныхъ обществъ, находящихся въ постоянной борьбѣ съ другими обществами, есть жизнь вражды, и ихъ религія также есть религія вражды. Долгъ кровомщенія, самый священный изъ всѣхъ для дикаря, продолжаетъ считаться главнымъ нравственнымъ долгомъ во все продолженіе развитія военнаго общественнаго типа. Вождь, по-

терпѣвшій неудачу въ своемъ мѣщеніи, умирая, наказываетъ своимъ наследникамъ отмстить за него; его тѣнь можетъ быть умиловлена только исполненіемъ его заветовъ; истребленіе его враговъ становится высочайшимъ подвигомъ; добытые трофеи приносятся на его могилу въ знакъ выполненія его повелѣній; и, по мѣрѣ разростанія преданія, онъ по немногу превращается въ бога, умиловливаемаго кровавыми жертвоприношеніями. Доказательства этому мы находимъ повсюду. Фиджійцы предлагаютъ тѣла своихъ жертвъ, убитыхъ на войнѣ, въ даръ богамъ, прежде чѣмъ изжарить ихъ и съѣсть. Въ Дагомѣѣ, гдѣ военный типъ развитъ до такой степени, что въ числѣ воиновъ находятся даже женщины, монархъ приноситъ почти ежедневныя человѣческія жертвы для угожденія своему покойному отцу; а тѣни древнихъ королей призываются на помощь, во время войны, посредствомъ окропленія ихъ могилъ свѣжею кровью. У Мексиканцевъ, богъ войны (первоначальный покоритель страны) имѣлъ своего идола, котораго кормили человѣческимъ мясомъ; такъ что часто войны предпринимались специально для доставленія ему жертвъ. Подобнымъ же образомъ, и въ Перу, гдѣ человѣческія жертвоприношенія были въ обычаѣ, военнопленные закалывались въ жертву отцу Инковъ, Солнцу. Всякій знаетъ, что, въ древности, у воинственныхъ обществъ Востока, существовали подобныя же божества, которыхъ умиловляли съ помощью подобныхъ же кровавыхъ обрядовъ; очевидно, что божества эти развились вслѣдствіе подобныхъ же причинъ и подобными же путями; относящіеся сюда факты на столько общезвѣстны, что достаточно лишь напомнить о нихъ читателю. Обыкновенно мифологія этихъ народовъ представляютъ боговъ въ видѣ побѣдителей или покорителей; онѣ называютъ ихъ по большей части такими эпитетами, какъ — „Сильный“, „Разрушитель“, „Мститель“, „Сильный въ браняхъ“, „Господь битвъ“, „Господь воинствъ“, „Вонитель“, и такъ далѣе. Ассирійскія надписи свидѣлствуютъ, что войны предпринимались по воображаемому приказанію боговъ; а другіе источники показываютъ, что цѣлыя народы были избиваемы до послѣдняго человѣка во исполненіе ихъ повелѣній. Что теологическое правительство обществъ хищническаго типа имѣетъ такой же существенно-военный характеръ, какъ и ихъ политическое правительство, мы можемъ видѣть даже на позднѣйшихъ, значительно-измѣненныхъ формахъ этого типа; ибо, даже въ настоящее время, безусловное послушаніе, подобное повиновенію солдата своему командиру, считается въ большинствѣ религій главною добродѣтелью; а непослушаніе признается преступленіемъ, за которое виновному угрожаютъ вѣчными муками ада. Тоже самое мы видимъ и въ церковной организаціи, сопровождающей религіозный строй обществъ военного типа. При высокомъ развитіи этого типа, политическій глава общества бываетъ въ

УДК 316.74
302.6(09093)

большинствѣ случаевъ и главою его церковной іерархіи: король, главный по-
томокъ своего предка, ставшаго богомъ, есть въ тоже время и главный умо-
стивитель его. Такъ было въ Древнемъ Перу; а въ Тецукко и Тлакопанѣ (Мек-
сика) роль первосвященника принадлежала второму сыну короля. Стѣнные кар-
тины Египтянъ изображаютъ королей, приносящихъ жертвы; тоже самое мы
видимъ и на стѣнныхъ картинахъ Ассиріянъ. Вавилонскія лѣтописи повѣ-
ствуютъ, согласно съ Еврейскими преданіями, о царяхъ-жрецахъ. Въ Лидіи,
было тоже самое: Крезъ былъ заразъ и король и жрецъ. Также и въ Спартѣ,
цари, будучи военными предводителями, были въ тоже самое время и жрецами.
Слѣды подобнаго же первоначальнаго отношенія существовали и въ Римѣ. Въ об-
ществахъ военного типа, жречество, какъ классъ, характеризуется обыкновенно
такой же внутренней субординаціей, какой характеризуется ихъ военное сосло-
віе, такъ что нельзя не видѣть съ этой стороны тѣснаго родства между тѣмъ
и другимъ. У Фиджійцевъ существуетъ наследственное жреческое сословіе,
представляющее внутри себя настоящую іерархію. На Таити, кромѣ первосвя-
щенника королевской крови, имѣлось еще нѣсколько степеней наследственныхъ
жрецовъ, соотвѣтственно нѣсколькимъ общественнымъ рангамъ. Въ Древней
Мексикѣ, жрецы различныхъ боговъ принадлежали къ различнымъ рангамъ и,
кромѣ того, жрецы каждого отдѣльнаго бога раздѣлялись еще на три ранга.
Въ Древнемъ Перу, кромѣ первосвященника королевской крови, имѣлись еще
жрецы изъ расы побѣдителей, стоявшіе выше различныхъ классовъ низшихъ
жрецовъ. Подобное же устройство, съ подчиненіемъ одного ранга другому, от-
личало всегда жреческое сословіе древнихъ и новыхъ воинственныхъ обществъ
Стараго Свѣта.

Такая же форма управленія можетъ быть прослѣ-
жена даже въ промышленной организаціи, коль скоро общественный типъ про-
должаетъ сохранять военный складъ. Начавъ наше разсмотрѣніе съ простыхъ
обществъ, у которыхъ классъ рабовъ снабжаетъ господствующій военный классъ
всеми житейскими необходимостями, мы уже видѣли, что, и на дальнѣйшихъ
ступеняхъ развитія, промышленный классъ долго еще продолжаетъ оставаться
въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ комиссаріатомъ, существую-
щимъ единственно для удовлетворенія нуждъ правительственно-военныхъ аппа-
ратовъ, причѣмъ на его собственную долю оставляется ровно столько, сколько
рѣшительно необходимо для сохраненія его жизни. А потому подчиненіе его
политическому контролю есть на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ распростра-
неніе на него военного управленія, являющееся вполне естественнымъ послѣд-
ствіемъ отношенія къ нему, какъ къ постоянному комиссаріату. Крайніе при-
мѣры этого рода могутъ послужить намъ Древніе Перуанцы, у которыхъ
политическое и промышленное управленія сосредоточивались въ однихъ и тѣхъ

же рукахъ или, лучше сказать, сливались въ единомъ правительствѣ родъ и количество труда предписывались для каждаго класса и для каждой мѣстности государственными законами, за исполненіемъ которыхъ наблюдали правительственные чиновники. Законъ указывалъ родъ и количество труда даже для малыхъ дѣтей, для слѣпыхъ и увѣчныхъ. Люди, уличенные въ лѣни и праздности, подвергались публичному наказанію. Такимъ образомъ полковая дисциплина распространялась здѣсь на всю промышленность именно такъ, какъ того желаютъ наши новѣйшіе защитники сильнаго правительства. Недавняя Японская система, вполнѣ военная и по своему происхожденію, и по своей природѣ, также пронизала собою всю промышленность, — какъ въ крупныхъ отдѣлахъ, такъ и въ мелкихъ частностяхъ: законъ предписывалъ то или другое устройство домовъ, лодокъ, даже тотъ или другой рисунокъ циновокъ. Въ воинственной монархіи Мадагаскара, всѣ ремесленные классы находятся въ услуженіи у правительства, и ни одинъ человѣкъ не смѣетъ перемѣнить своего занятія или мѣста жительства подъ опасеніемъ смертной казни. Эти типическіе случаи, напоминая читателю о томъ, до какой степени промышленныя дѣятельности подчинены официальному регулированію даже въ новѣйшихъ воинственныхъ государствахъ, могутъ считаться вполнѣ достаточными для подтвержденія выставленнаго положенія, и безъ дальнѣйшаго умноженія относящихся сюда примѣровъ.

Впрочемъ, въ воинственныхъ государствахъ, не одна только промышленность, но и вообще вся совокупность общественной жизни, бываетъ подчинена подобной дисциплинѣ. До недавняго переворота, правительство Японіи поддерживало въ силѣ законы о роскоши, бывшіе обязательными не только для торговаго класса, но и для всѣхъ остальныхъ классовъ общества, вплоть даже до губернаторовъ провинцій, изъ которыхъ каждый долженъ былъ вставать утромъ, обѣдать, выходить въ публику, давать аудіенціи и удаляться ко сну въ извѣстные, строго опредѣленные, часы дня; а мѣстная литература содержитъ указанія на множество другихъ обязательныхъ правилъ, почти невѣроятныхъ по своей мелочности. Въ Древнемъ Перу, правительственные чиновники „подвергали частныя жилища самому мелочному осмотру, чтобы видѣть, поддерживаютъ-ли хозяинъ и его жена свое домашнее хозяйство въ должномъ порядкѣ, а также поддерживаютъ ли они между своими дѣтьми должную дисциплину“. Сообразно результатамъ такого осмотра, домохозяева получали или награду, или наказаніе. У Египтянъ, каждый человѣкъ былъ обязанъ являться въ извѣстные промежутки времени къ мѣстному начальнику и докладывать ему о своемъ имени, мѣстопребываніи и образѣ жизни. Спарта также представляетъ намъ примѣръ общества, специально организованнаго для обороны и нападенія; вслѣдствіе чего и здѣсь частное поведеніе гражданъ во всѣхъ

УДК 316.77
302.319.019.33

своихъ подробностяхъ состояло подъ общественнымъ контролемъ, который достигался съ помощью шпіоновъ и цензоровъ. Хотя воинственные государства болѣе позднихъ вѣковъ не представляютъ такого строгаго регулированія всѣхъ мелочей индивидуальной жизни; однако же стоитъ только припомнить законы, регулировавшіе пищу и одежду, стѣсненія свободы перемѣщенія, запрещенія нѣкоторыхъ игръ и предписыванія другихъ, и т. д., чтобы увидѣть, что и тутъ имѣлъ мѣсто тотъ же принципъ. Даже и теперь, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военная организація поддерживалась долго въ своей силѣ вслѣдствіе частыхъ войнъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, мы видимъ строгій и рѣшительный надзоръ за журналами, запрещеніе сборищъ, военное единообразіе воспитанія, официальное завѣдываніе изящными искусствами и т. п.,—т. е. рядъ фактовъ, указывающихъ на то, какимъ образомъ ея регулятивная система развѣтвляется по всему обществу.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на существующую въ этихъ случаяхъ теорію отношенія между государствомъ и личностью и на чувства, сопровождающія такую теорію. Военное устройство, дѣлающее общество способнымъ къ совокупной дѣятельности противъ другихъ обществъ, обыкновенно ассоціируется съ убѣжденіемъ, что члены его существуютъ для блага цѣлаго, а не цѣлое для блага своихъ членовъ. Какъ въ арміи свобода солдата совершенно отрицается, а признается только его долгъ, какъ члена массы, причемъ на выполненіи этого долга настаивается со всею силою и строгостью; такъ точно и у народа, представляющаго собою ничто иное, какъ армію, расположившуюся постояннымъ лагеремъ,—какова, напримѣръ, была Спарта,—законы не признаютъ никакихъ личныхъ интересовъ, а одни только патріотическіе. Да и во всякомъ другомъ обществѣ военного типа, требованія единицы суть ничто, а требованія агрегата—все; безусловное подчиненіе власти представляетъ тутъ верховную добродѣтель, а сопротивленіе ей—преступленіе. Всѣ другіе проступки могутъ быть прощены; но нарушеніе вѣрноподданства есть преступленіе, не подлежащее прощенію. Чувство вѣрноподданчества у кровожадныхъ Фиджійцевъ такъ сильно, что они не связываютъ чловѣка, готовяся умертвить его ударомъ дубины по головѣ: онъ и такъ стоитъ смирно, заявляя самъ, что воля короля должна быть исполнена. У Дагомейцевъ, самыя высшія должностныя лица суть рабы короля, проникнутые неограниченною преданностью къ своему повелителю; а, послѣ его смерти, принадлежація ему женщины умерщвляютъ одна другую, чтобы послѣдовать за нимъ на тотъ свѣтъ. Не меньшею силою отличалось чувство вѣрноподданства и у Древнихъ Перуанцевъ, у которыхъ, вмѣстѣ съ усопшимъ Инкою, или великимъ курака, погребались живьемъ его любимые слуги и жены, чтобы они могли отправиться служить ему на томъ свѣтъ. У Древнихъ Персовъ, чувства эти были такъ сильны,

что отецъ, увидѣвъ, какъ король застрѣлилъ его невиннаго сына, просто для забавы, „поздравилъ короля съ тѣмъ, что онъ такъ искусно владѣетъ лукомъ“; а люди, наказанные палками, заявляли у нихъ „свое восхищеніе по поводу того, что Его Величество удостоилъ вспомнить о нихъ“. Всѣ эти факты показываютъ намъ, что въ обществахъ военнаго типа чувства, побуждающія къ отстаиванью своихъ личныхъ правъ противъ правительственной власти, почти не существуютъ.

И такъ, военное общественное устройство характеризуется повсюду и всегда тѣмъ, что единицы побуждаются здѣсь къ разнообразнымъ совокупнымъ дѣйствіямъ путемъ принужденія. Подобно тому, какъ воля солдата упразднена временно до такой степени, что онъ становится рѣшительно во всемъ простымъ исполнителемъ воли своего офицера; такъ точно и воля гражданъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ, находится здѣсь въ подчиненіи волѣ правительства. Кооперация, съ помощью которой поддерживается жизнь военнаго общества, есть кооперация принудительная. Общественное устройство, приспособленное для борьбы съ окружающими враждебными обществами, состоитъ всегда подъ властью строго централизованной регулятивной системы, которой всѣ другія части общества подчинены въ такой же полной мѣрѣ, въ какой внѣшніе органы индивидуальнаго организма подчинены его главному нервному центру.

§ 260. Характеристика промышленнаго типа должна быть добыта путемъ обобщенія изъ данныхъ, крайне недостаточныхъ и спутанныхъ. Дѣло въ томъ, что болѣе или менѣе постоянная борьба съ другими обществами была повсюду и всегда неизбѣжнымъ условіемъ для каждаго общества; а потому общественный аппаратъ, приспособленный для обороны и нападенія, существуетъ почти во всѣхъ случаяхъ и маскируетъ собою то общественное устройство, которое было бы порождено промышленною системою органовъ, если бы она существовала одна. Поэтому, всякое представленіе, какое только мы можемъ составить себѣ по этому поводу, должно быть добыто нами изъ того, что мы находимъ у весьма немногочисленныхъ простыхъ обществъ, ведшихъ обыкновенно мирную жизнь, и у передовыхъ сложныхъ обществъ, хотя и ведшихъ вначалѣ воинственный образъ жизни, но ставшихъ постепенно менѣе войнолюбивыми.

Я уже упоминалъ выше объ Арафурсахъ, не имѣющихъ вождей и живущихъ «въ мирѣ и братской любви между собою». Путешественники сообщаютъ о нихъ, что они «признаютъ права собственности, въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, хотя у нихъ нѣтъ властей, за исключеніемъ старцевъ, постановляющихъ свои рѣшенія, опираясь на обычаи предковъ». Это значитъ, что у нихъ развилось признаніе взаимныхъ требованій и личныхъ правъ, съ добро-

УДК 303.3:62
303.3:62

вольнымъ подчиненіемъ безмолвно-избранному представительному правительству, составленному изъ наиболѣе опытныхъ личностей. У Тодасовъ, «ведущихъ мирную жизнь», всѣ споры «рѣшаются третейскимъ судомъ» или «совѣтомъ пяти». Любезные Бодосы и Дималы, совершенно лишены воинственныхъ наклонностей, также обладаютъ существенно-свободнымъ общественнымъ строемъ. Ихъ главы, или вожди, не имѣютъ въ сущности никакой реальной власти, и они не держатъ ни рабовъ, ни слугъ; но они взаимно помогаютъ другъ другу при разчиствѣ почвы и при постройкѣ жилищъ. То есть, у нихъ существуетъ добровольный размѣнъ услугъ, — взаимный обмѣнъ эквивалентными количествами труда. Также и Мишмисы, судя по описаніямъ, суть спокойные, безобидные люди, чуждые всякой воинственности и лишь изрѣдка соединяющіеся между собою въ видахъ самозащиты; за то у нихъ также не имѣется почти никакой политической организаціи. Ихъ деревенскія общины, состоящія подъ чисто номинальнымъ управленіемъ мѣстнаго вождя, не признаютъ никакого общаго главы всего племени; правленіе тутъ демократическое; преступленія судятся сельскимъ сходомъ.

Весьма естественно, что, лишь въ очень немногихъ случаяхъ, общества этого типа могли развиваться въ болѣе обширныя общества, не пройдя черезъ хищническій типъ, — если только подобные случаи существовали когда-либо въ дѣйствительности, — потому что, какъ мы уже видѣли, сплоченіе простыхъ агрегатовъ въ сложный является обыкновенно результатомъ оборонительной или наступательной войны, которая, при нѣкоторой продолжительности, неизбѣжно развиваетъ централизованную власть съ ея принудительными учрежденіями. Впрочемъ, Пуэблосы, мирные и трудолюбивые земледѣльцы, которые строятъ свои деревни, — состоящія каждая изъ одной цѣльной постройки и представляющія въ сущности сложные дома, заключающіе въ себѣ до 2,000 обитателей, — такимъ образомъ, «чтобы оградить себя стѣною отъ чернаго варварства», и вступаютъ въ битву только при непріятельскихъ вторженіяхъ, обладаютъ демократической формой правительства, такъ какъ здѣсь «правитель и его совѣтъ ежегодно избираются народомъ». Также и на островѣ Самоа, мы можемъ видѣть до извѣстной степени, какимъ образомъ, въ одной изъ такихъ сложныхъ общинъ, послѣ ослабленія воинственной дѣятельности, ослабленіе строгости политическаго контроля сопровождалось извѣстнымъ развитіемъ промышленнаго типа. Мы видимъ тутъ, что главные и второстепенные вожди, отчасти наслѣдственные, а отчасти выборные, считаются отвѣстственными за веденіе дѣлъ передъ сельскими и окружными парламентами. Вмѣстѣ съ этимъ мы находимъ тутъ значительно-развитую промышленную систему, отдѣльную отъ политической: тутъ имѣются хозяева, держашіе учениковъ, нанимающіе поденныхъ рабочихъ и платящіе имъ жалованье; когда же плата за трудъ

оказывается недостаточной, то мы видимъ тутъ даже стачки, поддерживаемыя чѣмъ-то вроде безмолвнаго рабочаго союза.

Переходя къ болѣе развитымъ обществамъ, мы должны замѣтить прежде всего, что отличительныя черты промышленнаго типа не выступаютъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, даже при значительномъ развитіи промышленной дѣятельности, пока промышленное правленіе остается тождественнымъ съ политическимъ. Такъ, напримеръ, въ Финикіи, «иностранныя, оптовая торговля принадлежала, повидимому, главнымъ образомъ государству, королямъ и дворянству... Езекииль изображаетъ Тирскаго царя въ видѣ благоразумнаго торговаго принца, который умѣетъ розыскивать драгоценныя металлы въ ихъ скрытыхъ обиталищахъ, обогащается добываніемъ ихъ оттуда и еще болѣе увеличиваетъ свои богатства послѣдующей торговлей». Ясно, что тамъ, гдѣ политическій и военный глава сталъ такимъ образомъ главою промышленной организаціи, это обстоятельство не могло не помѣшать обнаруженію отличительныхъ чертъ такой организаціи. Изъ числа древнихъ обществъ, проявившихъ ясную связь между промышленнымъ характеромъ общественной дѣятельности и свободными учрежденіями, прежде всего приходятъ на мысль каждому Аѳины; и дѣйствительно, по сравненію съ другими греческими государствами, они обнаруживали эту связь на столько ясно, насколько можно этого ожидать. До появленія Солона, всѣ греческія общины находились подъ властью олигарховъ или деспотовъ. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ война продолжала оставаться самымъ почетнымъ занятіемъ, а промышленность презиралась, сохранили и послѣ этотъ политическій типъ; но въ Аѳинахъ, гдѣ на промышленность смотрѣли съ сравнительнымъ уваженіемъ, гдѣ она встрѣтила поощреніе со стороны Солона, и гдѣ эмигранты-ремесленники находили новое отечество, скоро начала складываться самостоятельная промышленная организація, которая, постепенно развиваясь все болѣе и болѣе, отличала Аѳины отъ сосѣднихъ обществъ въ столь же сильной степени, въ какой они отличались отъ нихъ своими демократическими учрежденіями, развивавшимися одновременно съ развитіемъ ихъ промышленной организаціи.

Обращаясь къ новѣйшимъ временамъ, мы находимъ, что эта связь между преимущественно промышленнымъ общественнымъ строемъ и менѣе принудительною формою правленія особенно ясно обнаруживалась въ Ганзейскихъ городахъ, въ городахъ Нидерландовъ, изъ которыхъ выросла потомъ голландская республика, а теперь она обнаруживается въ еще болѣе высокой степени у насъ, въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и въ нашихъ колоніяхъ. По мѣрѣ того, какъ наши войны становились все менѣе и менѣе частыми, по мѣрѣ того, какъ онѣ стали вестись на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ нашего острова, а также по мѣрѣ все большаго и большаго развитія нашего земледѣ-

544135340
1705110733

лія, мануфактуръ и торговли, по сравненію съ континентальними державами, сохранившими болѣе воинственные нравы. — развитія, постоянно сопровождавшаго это уменьшеніе войнъ и ихъ большую удаленность, — развивались и наши свободныя учрежденія. Для дальнѣйшаго подтвержденія того, что эти два обстоятельства связаны между собою, какъ причина и слѣдствіе, можно привести еще тотъ фактъ, что починъ измѣненій по направленію къ большей политической свободѣ вышелъ изъ главнѣйшихъ промышленныхъ округовъ, тогда какъ земледѣльческіе округа, отличающіеся въ значительно меньшей степени торговою дѣятельностью, сохраняли долѣе свой первоначальный типъ, съ ответственными ему чувствами и идеями.

Подобныя же измѣненія обнаруживаются и въ формѣ церковнаго управленія. Съ развитіємъ промышленныхъ дѣятельностей и аппаратовъ, эта вѣтвь регулятивной системы перестаетъ представлять строгую іерархію, какъ въ хищническомъ типѣ; она теряетъ мало по малу свою прежнюю силу и замѣщается другою формою, отличною отъ предыдущей, причемъ наступающія тутъ смягченія обнаруживаются заразъ и въ чувствахъ, и въ учрежденіяхъ. Рядомъ съ установленіемъ политическихъ правъ, устанавливается и право личнаго сужденія о религіозныхъ вопросахъ. На мѣсто единообразнаго вѣрованія, налагаемаго принудительно, возникаетъ множество разнообразныхъ вѣрованій, принимаемыхъ добровольно; и разнообразныя группы, отдающіяся этимъ вѣрованіямъ, уже не управляются деспотически, но управляютъ собою сами съ помощью учреждений, болѣе или менѣе основанныхъ на представительствѣ. Военное единообразіе, поддерживаемое путемъ принужденія, уступаетъ мѣсто разнообразному нонконформизму, поддерживаемому добровольнымъ союзомъ.

Понятно, что сама промышленная система, такъ сильно вліяющая на всѣ остальныя системы, съ приобритеніемъ ею господства надъ остальными общественными дѣятельностями, обнаруживаетъ такія измѣненія въ своемъ строѣ въ еще болѣе сильной степени. Отъ первобытнаго хищническаго общественнаго состоянія, при которомъ, каждый хозяинъ содержитъ рабовъ, трудящихся на него, мы переходимъ постепенно, черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней, отличающихся все большимъ и большимъ возрастаніемъ свободы, къ общественному состоянію, подобному нашему собственному, при которомъ рабочій и работодатель, покушникъ и продавецъ представляютъ вполнѣ независимыя личности, и при которомъ существуетъ неограниченная свобода составлять союзы, управляющіеся на демократическихъ основаніяхъ. Рабочіе союзы и противодѣйствующіе имъ союзы работодателей обнаруживаютъ передъ нами представительную форму правленія въ неменьшей мѣрѣ, чѣмъ политическія общества и лиги для веденія той или другой агитаціи; также форма правле-

ня отличает каждое акціонерное общество, какую бы цѣль оно ни преслѣдовало: разработку ли рудниковъ, банковое ли дѣло, постройку ли желѣзной дороги, или другое какое коммерческое предпріятіе.

Далѣе мы видимъ, что, какъ въ хищническомъ типѣ, военный способъ регулированія развѣтвляется на всѣ крупныя и мелкія области общественной дѣятельности, такъ точно и здѣсь, промышленный способъ регулированія проникаетъ повсюду. Самыя разнообразныя цѣли осуществляются здѣсь самостоятельно-слогающимися союзами гражданъ, управляющимися на представительныхъ началахъ. Стремленіе къ организаціи этого рода такъ сильно вѣдрено въ такихъ обществахъ, что средствомъ къ достиженію любой предположенной цѣли предлагается всегда общество, управляемое избраннымъ комитетомъ, во главѣ котораго стоитъ выбранный предсѣдатель: таковы всѣ наши филантропическія общества самыхъ разнообразныхъ родовъ, литературныя общества, бібліотеки, клубы, общества для содѣйствія разнымъ наукамъ и искусствамъ, и пр., и пр.

Рядомъ со всѣми этими особенностями строя, отличающими общества промышленнаго типа, мы замѣчаемъ тутъ такія чувства и идеи касательно отношенія между гражданами и государствомъ, которыя совершенно противоположны тому, что мы видѣли въ обществахъ хищническаго типа. На мѣсто ученія о долгѣ неограниченнаго повиновенія правительству, тутъ возникаетъ ученіе, утверждающее, что воля гражданъ имѣетъ верховный характеръ, и что правительство существуетъ только для выполненія ихъ воли. Такое ограниченіе власти правительства сопровождается одновременнымъ ограниченіемъ и той области, въ которой можетъ прилагаться эта власть. Правительство не имѣетъ тутъ власти, простирающейся на дѣйствія всевозможныхъ родовъ; напротивъ того, тутъ существуютъ цѣлыя обширныя классы дѣйствій, которые исключаютъ всякое правительственное вмѣшательство. Такъ, граждане отрицаютъ всякое право за правительствомъ контролировать ихъ образъ жизни, со стороны пищи, одежды и развлеченій; они не дозволяютъ ему предписывать себѣ тѣ или другіе способы производства или регулировать торговлю. Но это еще не все. Мало по малу является понятіе, что гражданскій долгъ предписываетъ сопротивляться безотвѣтственному правительству, а также сопротивляться чрезмѣрнымъ притязаніямъ даже отвѣтственнаго правительства. У меньшинства появляется стремленіе оказывать послушаніе даже законодательной власти, правильно избранной большинствомъ, коль скоро эта власть начинаетъ вмѣшиваться въ нѣкоторыя области; и это сопротивленіе законамъ, признаваемымъ за несправедливые, приводитъ отъ времени до времени къ уничтоженію этихъ законовъ. Всѣ эти измѣненія въ политическихъ взглядахъ и въ сопровождающихъ ихъ чувствахъ оказываются тѣсно-связанными съ убѣжде-

 341935941
 1710133

ніемъ, или выражаемымъ прямо, или по крайней мѣрѣ подразумеваемымъ, комбинація дѣйствій общественнаго агрегата имѣетъ своей цѣлью поддержаніе такого порядка вещей, который дѣлаетъ возможнымъ удовлетворительное веденіе индивидуальной жизни для каждаго изъ гражданъ; тогда какъ въ обществахъ хищническаго типа, какъ мы видѣли, господствуетъ обратное убѣжденіе, что индивидуальная жизнь имѣетъ своей цѣлью поддержаніе комбинаціи дѣйствій общественнаго агрегата.

Всѣ эти глубоко-проникающія отличительныя особенности, которыми промышленный типъ такъ сильно отличается отъ хищническаго, берутъ свое начало въ отношеніяхъ между индивидами, обусловливаемыхъ промышленными дѣятельностями, — отношеніяхъ, совершенно несходныхъ съ тѣми, которыя обусловливаются хищническими дѣятельностями. Всѣ промышленныя сдѣлки, — будутъ ли то сдѣлки между хозяевами и работниками, между покупателями и продавцами или спеціалистами разныхъ профессій и людьми, нуждающимися въ ихъ помощи, — всегда выполняются на основаніи принципа свободнаго обмѣна. За нѣкоторую выгоду, которую занятіе А можетъ доставить В, В добровольно предлагаетъ равноцѣнную выгоду, если не въ формѣ чего-либо, произведеннаго имъ самимъ, то въ формѣ денегъ, вырученныхъ имъ за свое занятіе. Это отношеніе, при которомъ взаимное оказываніе услугъ бываетъ совершенно непринужденнымъ, и ни одна личность не бываетъ подчинена другой, становится господствующимъ отношеніемъ въ обществѣ, и пріобрѣтаетъ въ немъ тѣмъ болѣе широкое и повсемѣстное приложеніе, чѣмъ болѣе господствуютъ въ немъ промышленныя дѣятельности надъ всѣми другими. Ежедневно опредѣляя собою мысли и чувства каждаго, ежедневно пріучая каждаго настаивать на своихъ притязаніяхъ и, въ то же время, принуждая его признавать соотносительныя притязанія другихъ, это отношеніе вырабатываетъ общественныя единицы, съ извѣстнымъ умственнымъ складомъ и привычками; а эти единицы, въ свою очередь, придаютъ общественному строю такія формы, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ ихъ собственному складу. Въ результатѣ является общественный типъ, характеризующійся во всѣхъ своихъ частяхъ тою же самою индивидуальною свободою, которую предполагаетъ всякая коммерческая сдѣлка. Кооперация, путемъ которой выполняются многообразныя дѣятельности общества, становится здѣсь добровольной кооперацией. Развитая система органовъ поддержанія жизни, существующая въ общественномъ организмѣ промышленнаго типа, не только пріобрѣтаетъ для себя, подобно развитой системѣ органовъ поддержанія жизни у животнаго, свой собственный регулятивный аппаратъ разсѣяннаго, или децентрализованнаго, свойства, но еще стремится децентрализовать первичный регулятивный аппаратъ, заставляя его почер-

пать свою власть (и притомъ власть лишь по уполномочію) отъ болѣе многочисленныхъ общественныхъ классовъ.

§ 261. Понятно, что существеннѣйшія черты этихъ двухъ общественныхъ типовъ, въ большинствѣ случаевъ, неизбѣжнымъ образомъ бываютъ сильно затенены какъ предшествующими, такъ и со-существующими обстоятельствами. Всякое общество обуславливалось въ каждый изъ прошедшихъ періодовъ, и обуславливается въ настоящій моментъ, болѣе или менѣе отлично отъ того, какъ обуславливались и обуславливаются другія общества. Вслѣдствіе этого, развитіе аппаратовъ, характеризующихъ тотъ или другой изъ этихъ двухъ противоположныхъ типовъ, наталкивается въ каждомъ частномъ случаѣ на тѣ или другія обстоятельства, то благоприятствующія такому развитію, то мѣшающія ему, то дѣйствующія на него видоизмѣняющимъ образомъ. Взглянемъ же теперь на различные роды причинъ, дѣйствующихъ на ходъ развитія общественнаго типа въ различныхъ случаяхъ и вызывающихъ въ этомъ типѣ соотвѣтственные видоизмѣненія.

Прежде всего, мы имѣемъ тутъ глубоко-сложившійся характеръ данной расы, ведущій свое начало отъ тѣхъ до-историческихъ временъ, когда имѣло мѣсто разсѣяніе человеческого рода и дифференціація различныхъ разновидностей человѣка. Этотъ особенный характеръ, весьма трудно поддающійся измѣненію, долженъ въ каждомъ случаѣ видоизмѣнять различнымъ образомъ стремленіе къ принятію того или другаго типа.

Затѣмъ, мы имѣемъ здѣсь вліяніе непосредственно - предшествовавшаго образа жизни и общественнаго типа. Почти всѣ общества, подлежащія нашему изученію, содержатъ обветшавшія учрежденія и обычаи, принадлежащія обществу-предку, стоявшему въ другихъ условіяхъ; и эти остатки отжившаго строя извращаютъ въ большей или меньшей степени дѣйствія обстоятельствъ, существующихъ въ данный моментъ.

Потомъ, мы должны принять въ соображеніе особенности мѣстообитанія даннаго общества, т. е., очертаніе страны, почву, климатъ, флору и фауну, такъ какъ каждое изъ этихъ обстоятельствъ вліяетъ тѣмъ или другимъ образомъ на общественныя дѣятельности, какъ хищническаго, такъ и промышленнаго характера, а потому содѣйствуетъ или мѣшаетъ такъ или иначе развитію того или другаго типа.

Далѣе, у насъ имѣются тутъ усложненія, зависящія отъ особенностей въ организаціи и въ обычаяхъ сосѣднихъ обществъ. Ибо, предполагая, что количество оборонительной и наступательной дѣятельности будетъ то же самое, мы найдемъ, что характеръ ея будетъ зависеть въ каждомъ случаѣ отъ характера антагонистической дѣятельности; а потому и ея воздѣйствіе на общественный

строй будетъ измѣняться вмѣстѣ съ характеромъ антагониста. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить прямое подражаніе сосѣднимъ обществамъ, какъ элементъ, тоже не лишенный извѣстной важности.

Затѣмъ, намъ остается назвать еще одинъ элементъ уложенія, быть можетъ, болѣе сильный, чѣмъ всѣ остальные,—элементъ, который уже самъ по себѣ часто опредѣляетъ въ значительной степени развитіе хищническаго типа, и который во всѣхъ случаяхъ глубоко видоизмѣняетъ общественный строй. Я говорю о смѣшеніи расъ, вызываемомъ покореніями или другими причинами. Но этотъ элементъ будетъ удобнѣе рассмотреть отдѣльно, подъ рубрикою „общественныя конституціи“; причемъ подъ словомъ конституція мы разумѣемъ, конечно, не политическую конституцію, но конституцію въ смыслѣ состава, т. е., въ смыслѣ однородности или разнородности единицъ, составляющихъ общественный агрегатъ.

§ 262. Мы знаемъ уже, что природа агрегата, опредѣляемая отчасти внѣшними условіями, опредѣляется въ другихъ отношеніяхъ природою составляющихъ его единицъ; а потому, въ тѣхъ случаяхъ, когда агрегатъ бываетъ составленъ изъ единицъ, отличныхъ другъ отъ друга по своей природѣ, степень различія между двумя или большимъ числомъ родовъ составляющихъ его единицъ, а также степень единенія между ними, неизбѣжно должны вліять очень значительнымъ образомъ на получающіеся въ концѣ концовъ результаты. Принадлежать ли эти единицы къ совершенно неродственнымъ между собою расамъ, или же эти расы находятся въ тѣсномъ родствѣ другъ съ другомъ? продолжаютъ ли онѣ жить отдѣльно одна отъ другой, или же онѣ смѣшиваются между собою?—Вотъ вопросы, которые имѣютъ тутъ огромное значеніе.

Коль скоро единицы двухъ особыхъ родовъ соединяются между собою въ одномъ и томъ же обществѣ, то стремленіе каждой изъ этихъ группъ къ порожденію своего особеннаго строя, отличнаго отъ того строя, который былъ бы порожденъ другою группою, при ея полной независимости и отдѣльности, должно дѣйствовать видоизмѣняющимъ образомъ на получающійся тутъ результатъ. Очевидно, что такое специальное видоизмѣненіе будетъ въ каждомъ случаѣ или благопріятствовать, или препятствовать развитію того или другаго общественного типа. Ясно, что когда расѣ-побѣдительницѣ, продолжающей править покоренною расою, удалось развить сильную хищническую регулятивную систему и провести ее черезъ все общественное устройство;—когда цѣлыя вѣка пріучили общественныя единицы къ принудительной коопераціи;—когда соотносительная такому порядку церковная система успѣла придать безусловному повиновенію религіозную санкцію;—въ особенности же, когда государству удалось, какъ въ Китаѣ, достичь того,

что каждая личность, формируется под надзором правительственной власти и пропитывается с детства приличными такому строю идеями о гражданском долге, причем самое сомнѣніе въ справедливости этихъ идей считается ересью, — ясно, говоря я, что, при такихъ обстоятельствахъ, становится совершенно невозможнымъ, чтобы какія-либо другія вліянія могли повести къ сколько-нибудь значительнымъ измѣненіямъ въ общественномъ строѣ. Законъ, приложимый ко всякой организаціи, какова бы она ни была, говорить, что чѣмъ законченнѣе и совершеннѣе данная организація, тѣмъ менѣе она гибка и измѣнчива. Чтобы первобытный хищническій типъ могъ развиваться въ ту форму, которая порождается господствомъ промышленной дѣятельности, необходима нѣкоторая незаконченность, нѣкоторое несовершенство организаціи, предполагающія кое-какіе остатки первоначальной пластичности.

Необходимость принудительной регулятивной системы для достиженія общественной коопераціи чувствуется съ особенною силою въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ расы, весьма различныя по своей природѣ, продолжаютъ жить вмѣстѣ, не смѣшиваясь между собою; въ такихъ случаяхъ, военная форма устройства, налагаемая господствующей расой, развѣтвляется черезъ все общество. Древній Перу представляетъ намъ крайній случай этого рода; другой, болѣе новый, примѣръ подобнаго рода представляетъ намъ Оттоманская Имперія. Общественныя конституціи этого рода, въ которыхъ сосуществуютъ рядомъ склонности къ порожденію несходныхъ общественныхъ устройствъ, очевидно находятся въ состояніи нестойкаго равновѣсія. Каждое значительное потрясеніе разрушаетъ организацію, и, при отсутствіи единства въ стремленіяхъ, возстановленіе ея оказывается крайне труднымъ, если не совершенно невозможнымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда побѣдители и побѣжденные, хотя и чрезвычайно несходные другъ съ другомъ, вступаютъ тѣмъ не менѣе въ частые браки между собою, получается подобный же результатъ, но только нѣсколько другимъ путемъ. Противоборствующія другъ другу стремленія къ различнымъ общественнымъ типамъ, вмѣсто того, чтобы существовать въ отдѣльныхъ личностяхъ, существуютъ тутъ внутри одной и той же личности. Являющаяся тутъ смѣшанная каста, унаслѣдовавъ по одной линіи склонности, приспособленныя къ одному роду учреждений, а по другой линіи склонности, приспособленныя къ другому роду учреждений, оказывается непригодной ни для одного рода общественныхъ учреждений. Каждая такая единица смѣшанной крови обладаетъ натурою, которая не была сформована никакимъ цѣльнымъ общественнымъ типомъ; а потому она не можетъ, соединясь съ другими единицами, такими же какъ она сама, развитъ какой-либо общественный типъ. Результатъ подобнаго рода мы можемъ видѣть на примѣрѣ нынѣшней Мексики и Южно-Американскихъ Республикъ, съ ихъ постоянными

революціями. Слѣдуетъ замѣтить также, что тамъ, гдѣ расы, сильно отличныя другъ отъ друга по своей природѣ, болѣе или менѣе смѣшались между собою, или, оставаясь лишь очень мало смѣшанными, занимаютъ сосѣдніе округа, подчиненные одному и тому же правительству, общественное равновѣсіе продолжаетъ поддерживаться только до тѣхъ поръ, пока правительство сохраняетъ принудительную форму; но какъ только принужденіе ослабѣваетъ, это равновѣсіе оказывается не стойкимъ. Этотъ результатъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ Испаніи, съ ея многочисленными народностями, — Басками, Кельтами, Готами, Маврами, Евреями, — отчасти смѣшавшимися между собою, а отчасти локализовававшимися въ различныхъ округахъ.

Но мелкія различія между расами оказываются, повидимому, выгодными для общественнаго развитія. Многіе примѣры приводятъ къ тому заключенію, что общество, составленное изъ близко сродныхъ между собою народностей, причемъ побѣдители совершенно сливаются подъ конецъ съ побѣжденными, относительно хорошо приспособлено для прогресса. Изъ сліянія такихъ народностей является общество, представляющее ту выгодную сторону, что главныя черты его устройства опредѣляются свойствами, общими обѣимъ народностямъ; но, въ то же время, извѣстныя различія въ свойствахъ, существующія между этими народностями, не допускаютъ строгаго опредѣленія всѣхъ мелкихъ подробностей общественнаго устройства; такъ что такое общество остается способнымъ къ принятію новыхъ переустройствъ и приспособленій, вызываемыхъ новыми вліяніями, т. е., въ обществѣ сохраняется извѣстная сумма пластичности, допускающая тѣ измѣненія въ строеніи, изъ которыхъ слагается прогрессъ по направленію къ разнородности. Одинъ изъ примѣровъ такого рода доставляютъ намъ Евреи, которые, несмотря на прославленную чистоту ихъ крови, произошли изъ сліянія многихъ Семитическихъ разновидностей, жившихъ къ востоку отъ Нила; и которые, какъ во время странствованій своихъ по пустынѣ, такъ и послѣ покоренія Палестины, продолжали амальгамировать съ собою родственныя имъ племена. Другой примѣръ доставляютъ намъ Аѳины, прогрессу которыхъ предшествовала примѣсь къ мѣстному населенію многочисленныхъ иммигрантовъ изъ другихъ Греческихъ государствъ, сливавшихся съ Греками Аѳинскаго государства. Сліяніе Римлянъ, путемъ покоренія, съ другими Арійскими племенами, — Сабинами, Сабеллами и Самнитами, — предшествовало первой ступени прогресса Римской цивилизаціи. Наконецъ, наша собственная страна, населенная различными отраслями Арійской расы, главнымъ-же образомъ различными разновидностями Скандинавовъ, представляетъ новый примѣръ того дѣйствія, которое производится смѣшеніемъ единицъ, достаточно сходныхъ между собою, чтобы сотрудничать въ дѣлѣ поддержанія одной и той же общественной

системы, но достаточно различных другъ отъ друга, чтобы помѣшать этой системѣ принять разъ навсегда строго-опредѣленное и неизмѣнное устройство.

Я охотно допускаю, что факты, изъ которыхъ выведены вышеприведенныя положенія, такъ сложны, и причины, дѣйствующія въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, такъ многочисленны, что нѣтъ никакой возможности распутать этихъ данныхъ исполнѣ удовлетворительнымъ образомъ; а потому, я заявляю, по отношенію къ этимъ индукціямъ, касательно общественныхъ конституцій, никакихъ другихъ притязаній, кромѣ притязаній на простую вѣроятность. Заявивъ это, мнѣ остается только указать на аналогію между ними и нѣкоторыми индукціями, касающимися конституцій индивидуальныхъ живыхъ созданій. Организмы, очень сильно различающіеся между собою, не могутъ дать начала потомству: тѣ физиологическія единицы, которыя доставляются каждымъ изъ нихъ для образованія оплодотвореннаго зародыша, не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ для произведенія новаго организма. Каждый изъ двухъ классовъ присутствующихъ тутъ единицъ, размножаясь, стремится построить агрегатъ, отличный отъ того, который былъ бы построенъ размноженіемъ единицъ другаго класса; и эта борьба между единицами двухъ несходныхъ классовъ, очевидно, должна помѣшать появленію какого бы то ни было агрегата. Если два взятые нами организма менѣе несходны между собою,—если они принадлежать, напримѣръ, къ одному и тому же роду, хотя и къ разнымъ видамъ,—то тѣ два агрегата, которые стремятся построить двѣ дѣйствующія тутъ группы физиологическихъ единицъ, будутъ довольно сходными между собою, а потому эти двѣ группы могутъ кооперировать между собою въ дѣлѣ построенія организма промежуточнаго характера и дѣйствительно кооперируютъ такимъ образомъ. Но этотъ организмъ, хотя и будетъ жить и дѣйствовать, все-таки останется всегда несовершеннымъ въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя развиваются всего позднѣе: т. е., въ результатѣ получится ублюдокъ, неспособный къ размноженію. Когда, на мѣсто разныхъ видовъ, соединяются между собою отдаленныя разновидности, получающійся промежуточный организмъ не страдаетъ бесплодіемъ; однако же многіе факты позволяютъ заключать, что бесплодіе наступаетъ тутъ въ одномъ изъ послѣдующихъ поколѣній: т. е. несогласная дѣятельность соединившихся между собою агрегатовъ выступаетъ таки въ концѣ концовъ, хотя она обнаруживается здѣсь гораздо позднѣе. Наконецъ, когда, на мѣсто различныхъ видовъ или отдаленныхъ разновидностей, соединяются между собою очень близкія разновидности, получается потомство, обладающее безконечной плодовитостью; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, слабыя различія между двумя родами дѣйствующихъ тутъ физиологическихъ единицъ не достаточны для того, чтобы помѣшать ихъ гармо-

нической кооперации, но совершенно достаточны для того, чтобы повести къ особенной пластичности и къ необыкновенно сильному росту.

Итакъ, мы имѣемъ тутъ, повидимому, настоящую параллель съ указаннымъ нами выше заключеніемъ,—что гибридные общества неспособны къ совершенной организации и не могутъ развиваться въ совершенно устойчивыя формы; между тѣмъ какъ общества, сложившіяся путемъ смѣшенія очень близкихъ разновидностей человѣка, могутъ принимать вполне устойчивое устройство и обладаютъ очень выгодною пластичностью, или способностью къ прогрессивнымъ измѣненіямъ.

Итакъ, мы классифицировали общества двумя способами; понятно, что, при истолкованіи общественныхъ явленій, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду оба эти принципа классификаціи.

Во-первыхъ, общества могутъ быть расположены въ извѣстномъ порядкѣ, на основаніи степени ихъ интеграціи; при чемъ мы получаемъ общества: простые, сложные, вдвойнѣ-сложныя и втройнѣ-сложныя. Рядомъ съ увеличеніемъ степени развитія, выражающемся въ такомъ усложненіи состава, мы не должны упускать изъ виду и другое увеличеніе степени развитія, выражающееся въ возрастаніи разнородности, общей и мѣстной.

Гораздо менѣе опредѣленна классификаціи обществъ, основанная на томъ, какая изъ двухъ главныхъ системъ органовъ преобладаетъ въ каждомъ обществѣ. Оставляя въ сторонѣ самые низшіе типы, которые не обнаруживаютъ ни малѣйшей дифференціаціи, мы можемъ считать, что, за весьма немногими исключеніями, каждое общество обладаетъ аппаратами для борьбы съ другими обществами и аппаратами для поддержанія собственной жизни; причемъ сравнительная степень развитія этихъ аппаратовъ допускаетъ всевозможныя градаціи; а потому ихъ относительное развитіе не можетъ служить основаніемъ для точной классификаціи. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что хищническій типъ, характеризующійся преобладаніемъ первой изъ этихъ системъ, построенъ на принципѣ принудительной кооперации; а промышленный типъ, характеризующійся преобладаніемъ второй изъ нихъ, построенъ на принципѣ добровольной кооперации; такимъ образомъ, эти два типа, въ своихъ крайнихъ формахъ, оказываются диаметрально противоположными одинъ другому; и различія между ихъ отличительными особенностями принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ изъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло социологія.

Если-бы задача этого сочиненія и достигнутая нами ступень нашего изслѣдованія допускали соображенія насчетъ будущности, то я могъ бы прибавить здѣсь нѣсколько страницъ касательно возможности будущаго общественнаго типа, отличающагося въ такой же мѣрѣ отъ промышленнаго типа, въ какой этотъ

послѣдній отличается отъ хищническаго; а именно такого типа, въ которомъ система органовъ поддержанія жизни будетъ развита гораздо полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ извѣстныхъ намъ обществъ, но въ которомъ продукты промышленности не будутъ употребляться ни на поддержаніе хищнической организаціи, ни даже исключительно на увеличеніе матерьяльнаго благосостоянія, но будутъ посвящаться на выполненіе болѣе высокихъ дѣятельностей. Мы уже видѣли, что контрастъ между хищническимъ и промышленнымъ типами выразился въ измѣненіи убѣжденія, — будто бы индивиды существуютъ для блага государства, въ обратное убѣжденіе, — что государство существуетъ для блага индивидовъ; подобнымъ же образомъ, и контрастъ между промышленнымъ типомъ и тѣмъ типомъ, который, по всей вѣроятности, разовьется изъ него современемъ, выразится въ измѣненіи убѣжденія, — будто бы цѣль жизни есть трудъ, — въ обратное убѣжденіе, — что цѣль труда есть жизнь. Но мы занимаемся теперь индукціями, почерпнутыми изъ наблюденій надъ обществами, которыя дѣйствительно существовали и существуютъ, и не имѣемъ права предаваться соображеніямъ касательно такихъ обществъ, которыя только могутъ явиться въ будущемъ. Я считаю достаточнымъ указать читателю, какъ на знаменіе времени, на умноженіе учреждений и приспособленій для умственной и эстетической культуры и для другихъ дѣятельностей подобнаго же рода, не стремящихся къ прямому поддержанію жизни, но имѣющихъ своею непосредственною цѣлью простое удовольствіе. Всякое дальнѣйшее распространеніе въ этомъ направленіи было бы неумѣстнымъ.

Удовольствовавшись этимъ намекомъ, сдѣланнымъ лишь мимоходомъ и какъ бы въ скобкахъ, мнѣ остается только замѣтить, что къ усложненіямъ, причиняемымъ взаимными пересѣченіями этихъ двухъ классификацій, слѣдуетъ еще прибавить усложненія, причиняемые слияніями расъ, болѣе или менѣе несходныхъ другъ съ другомъ; причемъ эти расы то вовсе не смѣшиваются между собою, то смѣшиваются лишь отчасти, то совершенно сливаются одна съ другою. Разсматривая эти различные роды общественныхъ конституцій (или общественного состава), мы находимъ достаточно доказательствъ въ пользу того положенія, — что гибридное общество, отличающееся внутренней неустойчивостью, можетъ быть организовано только на основаніи принципа принудительной коопераціи; такъ какъ составляющія его единицы, слишкомъ отличныя однѣ отъ другихъ по своей природѣ, не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ по собственному побужденію. Наоборотъ, общество, характеризующееся сходствомъ составляющихъ его единицъ, относительно устойчиво и можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, развиться въ общество промышленнаго типа; въ особенности, если это общее сходство сосуществуетъ съ слабыми различіями.

ГЛАВА XI.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ МЕТАМОРФОЗЫ.

§ 264. Для повѣрки справедливости того общаго взгляда, который былъ изложенъ нами въ послѣдней главѣ, слѣдуетъ рассмотретьъ тѣ измѣненія въ общественномъ строѣ, которыя слѣдуютъ за измѣненіями въ общественной дѣятельности; причемъ мы снова встрѣтимся съ аналогіями между организмами общественными и индивидуальными. И въ тѣхъ, и въ другихъ, переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой сопровождается извѣстными метаморфозами; и въ тѣхъ, и въ другихъ, переходъ отъ жизни, упражняющей главнымъ образомъ внутреннюю систему, или систему органовъ поддержанія жизни, къ жизни, упражняющей по преимуществу внѣшнюю систему, или систему тратящихъ органовъ, опять-таки сопровождается извѣстными метаморфозами; и въ тѣхъ, и въ другихъ, можно видѣть также метаморфозы обратнаго порядка.

Молодые особи многихъ безпозвоночныхъ, изъ порядка Кольчатыхъ и Мягкотѣлыхъ, проходятъ черезъ такую ступень развитія, въ продолженіи которой онѣ очень дѣятельно движутся туда и сюда. По окончаніи этого періода, онѣ усаживаются прочно на такомъ предметѣ или въ такомъ мѣстѣ, которое наиболѣе подходитъ для ихъ дальнѣйшей жизни, и претерпѣваютъ весьма существенныя измѣненія въ своемъ строеніи: ихъ двигательные органы и органы чувствъ, руководящіе этими послѣдними, постепенно атрофируются и исчезаютъ, а органы, служащіе для присвоенія той пищи, которая доставляется имъ окружающей ихъ средою, сильно разрастаются, и вообще вся система органовъ поддержанія жизни быстро увеличивается въ своемъ объемѣ; такъ-что подъ конецъ она представляетъ главную часть всего организма.

Превращеніе совершенно противоположнаго характера хорошо знакомо намъ изъ тѣхъ явленій, которыя каждому случалось наблюдать у насѣкомыхъ, т. е. изъ превращенія личинки въ imago, или взрослое насѣкомое. Окруженная со всѣхъ

сторонъ пищею, личинка будущаго мотылька или мухи развиваетъ въ себѣ почти исключительно систему органовъ поддержанія жизни; но ея органы передвиженія находятся въ самомъ зачатномъ состояніи, или же она вовсе не имѣетъ ихъ; соотвѣстственнымъ же несовершенствомъ отличаются и ея органы чувствъ. Послѣ громаднаго увеличенія въ объемѣ и послѣ значительнаго накопленія пластическихъ матерьяловъ, она начинаетъ развивать свои внѣшніе органы, съ соотвѣстственнымъ имъ регулятивнымъ аппаратомъ, между тѣмъ какъ органы питанія начинаютъ уменьшаться въ объемѣ; и, такимъ образомъ, она становится приспособленной для дѣятельныхъ сношеній съ существованіями внѣшней среды.

При разсмотрѣніи этихъ двухъ противоположныхъ родовъ метаморфозы, для насъ важно обратить вниманіе на одну истину, общую имъ обоимъ, а именно на то, что каждая изъ двухъ главныхъ системъ, — т. е. система органовъ для внѣшнихъ дѣятельностей и система органовъ для внутреннихъ дѣятельностей, — то развивается, то хирѣетъ, смотря по тому, какую жизнь ведетъ агрегатъ. Хотя, при отсутствіи строго-опредѣленныхъ общественныхъ типовъ, прочно-установившихся путемъ унаслѣдованія своихъ признаковъ отъ безконечнаго ряда обществъ-прародителей, общественныя метаморфозы и не могутъ быть относимы съ такою опредѣленностью къ измѣненіямъ въ образѣ жизни, возникающимъ въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ; однако же аналогія подтверждаетъ справедливость того заключенія, къ которому мы уже пришли выше, на основаніи другихъ данныхъ, а именно, что внѣшніе и внутренніе аппараты съ ихъ регулятивными системами, должны развиваться или чахнуть, сообразно тому, будетъ ли дѣятельность общества становиться болѣе воинственной или болѣе промышленной.

§ 265. Прежде чѣмъ разсматривать, какимъ образомъ вызываются метаморфозы, посмотримъ на тѣ обстоятельства, которыя мѣшаютъ ихъ появленію. Я уже намекалъ выше, что общество, не унаслѣдовавшее своего спеціальнаго устройства отъ ряда обществъ-предковъ, ведущихъ одинаковый образъ жизни, не можетъ претерпѣвать метаморфозъ строго-опредѣленнаго рода и въ строго-опредѣленномъ порядкѣ, такъ какъ дѣйствіе внѣшнихъ вліяній перевѣшиваетъ тутъ дѣйствіе унаслѣдованныхъ стремленій. Теперь же мы можемъ съ удобствомъ указать на обратную истину, заключающуюся въ слѣдующемъ: когда нѣсколько обществъ, произшедшихъ одно отъ другаго, вели постоянно одинъ и тотъ же образъ жизни, то въ послѣднемъ результатѣ этого ряда обществъ получается типъ, до такой степени прочно установившійся въ своемъ циклѣ развитія, зрѣлости и упадка, что для него становятся невозможными какія бы то ни было новыя метаморфозы, такъ какъ всякій метаморфозъ наталкивается здѣсь

УДК 316.773.001.9
316.773.001.9

на слишком сильное сопротивление со стороны унаследованных стремлений к известному, определенному строю.

Въ подтвержденіе этой истины можно указать вообще на нецивилизованные племена: почти всѣ они обнаруживаютъ очень мало стремленія измѣнять свою общественную дѣятельность и устройство, сообразно съ измѣненіемъ обстоятельствъ, и скорѣе вымираютъ, чѣмъ приспосаблиются къ новымъ условіямъ жизни. Это можно видѣть даже у болѣе высокихъ разновидностей человѣка, какъ, напримѣръ, у кочующихъ Арабскихъ племенъ. Новѣйшіе Бедуины представляютъ намъ такую форму общества, которая, судя по всему тому, что намъ извѣстно на этотъ счетъ, продолжала оставаться существенно тою же самою въ продолженіи послѣднихъ 3000 лѣтъ или даже болѣе, не смотря на соприкосновеніе съ сосѣдними цивилизаціями. Мы имѣемъ также доказательства того, что, у нѣкоторыхъ Семитовъ, кочевой типъ, уже въ самыя древнія времена, до такой степени всосался въ плоть и кровь общества, что выразился даже въ религіи. Такъ, одно изъ религіозныхъ повелѣній Рехабитовъ гласитъ слѣдующее: „вы не должны ни строить домовъ, ни сѣять хлѣбъ, ни насаждать виноградниковъ, ни даже владѣть таковыми; но должны всѣ дни вашей жизни проводить въ шатрахъ“. Подобнымъ же образомъ, и Э. В. Робертсонъ свидѣтельствуетъ, что „одинъ изъ законовъ древней Набатейской конфедераціи объявлялъ уголовнымъ преступленіемъ посѣвъ хлѣба, постройку дома или посадку дерева..... Кочевники твердо и неуклонно держались принципа—превращать всякую занятую ими страну въ пустынное, открытое пастбище. Они смотрѣли на такой образъ дѣйствій, какъ на религіозный долгъ“.

Переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому, встрѣчающій такое сильное препятствіе со стороны устойчивости первобытнаго общественного типа, наталкивается также и на другія помѣхи. Описывая горныя племена Арракана, живущія по рѣкѣ Куладайну, лейтенантъ Латтеръ говоритъ: „каждый участокъ земли рѣдко даетъ болѣе одной жатвы; на слѣдующій годъ жители подобнымъ же образомъ выбираютъ и засѣваютъ другой участокъ; пока, наконецъ, не истощится вся земля вокругъ селенія; тогда они переселяются въ новую мѣстность; строятъ себѣ тамъ новыя жилища; и тотъ же самый процессъ повторяется съизнова. Такія переселенія совершаются черезъ каждые два года; такъ что они служатъ даже средствами счисленія длинныхъ промежутковъ времени; такимъ образомъ Индѣецъ изъ племени Тунгта, говоря о какомъ-нибудь событіи, скажетъ вамъ, что оно случилось за столько то переселеній назадъ“. То же самое имѣетъ мѣсто для всѣхъ вообще горныхъ племенъ Индіи. Очевидно, что обычай этого рода, зависящій отчасти отъ природной непосѣдливости, унаследованной отъ предковъ-кочевниковъ, зависитъ отчасти и отъ неразвитости

земледѣлія, т. е. отъ отсутствія тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ населенныя страны придаютъ своей почвѣ постоянное плодородіе. Это промежуточное состояніе между кочевымъ и осѣдлымъ весьма обыкновенно во всей Африкѣ. Существуетъ замѣчаніе, что „общество въ Африкѣ есть растеніе травянистаго (недолговѣчнаго) характера, не имѣющее прочнаго, многолѣтняго корня: оно быстро вырастаетъ, быстро увядаетъ и можетъ быть ежегодно выжигаемо подъ корень, безъ уменьшенія его общей производительности“. Ридъ рассказываетъ, что туземцы экваторьяльной Африки постоянно перемѣняютъ мѣста своихъ поселеній. Подобнымъ же образомъ и Томпсонъ говоритъ о Бечуанахъ: „ихъ города такъ велики, что содержатъ по нѣскольку тысячъ жителей; тѣмъ не менѣе для перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто достаточно простаго каприза вождя; такъ что, по своей подвижности, они похожи на арабскіе станы“. Подобный же порядокъ вещей существовалъ и въ первобытной Европѣ: семьи и маленькія общины постоянно переселялись, въ предѣлахъ территоріи, принадлежавшей данному племени, изъ одного мѣста въ другое. Такимъ образомъ, переходъ отъ временныхъ охотничьихъ деревушекъ, каковы поселенія Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ, и отъ временныхъ становищъ пастушескихъ ордъ къ прочно-осѣдлымъ земледѣльческимъ общинамъ очень постепененъ: люди безпрерывно возвращаются съизнова къ прежнему образу жизни и лишь очень медленно отрываются отъ него вполне.

Итакъ, изучая общественныя метаморфозы, слѣдующія за измѣненіями въ общественной дѣятельности, мы должны постоянно имѣть въ виду тѣ сопротивленія измѣненіямъ, которыя представляетъ унаслѣдованный общественный типъ; а также и тѣ сопротивленія, которыя противопоставляются этимъ измѣненіямъ сохраненіемъ до нѣкоторой степени прежнихъ условій существованія. Кромѣ того, мы должны постоянно ожидать возвращеній къ прежнему быту каждый разъ, когда начинаютъ снова преобладать эти прежнія условія существованія.

§ 266. Всего интереснѣе для насъ превращенія военнаго типа въ промышленный и промышленнаго въ военный. Въ особенности мы должны обратить вниманіе на тѣ примѣры, когда промышленный типъ, уже отчасти развившійся въ нѣкоторыхъ малочисленныхъ случаяхъ, снова сниспадаетъ до военнаго, съ возобновленіемъ международныхъ столкновеній.

Сравнивая эти два типа, мы уже видѣли, до какой степени принудительная кооперация, неизбѣжно вызываемая воинственной дѣятельностью, противоположна добровольной кооперации, столь же необходимо вызываемой промышленной дѣятельностью; мы видѣли также, что тамъ, гдѣ принудительная регулятивная система, свойственная первой изъ нихъ, не успѣла еще принять стро-

гой, неизмѣнно-закоченѣвшей формы, непринудительная регулятивная система, свойственная второй изъ нихъ, начинаетъ обнаруживаться вмѣстѣ съ развѣтвѣтѣмъ промышленности, какъ только частыя войны перестаютъ препятствовать такому развѣтвѣтѣ. Примѣромъ этого можетъ служить великое вѣяніе свободы, обнаружившееся въ нашихъ политическихъ учрежденіяхъ въ продолженіе долгаго мира, наступившаго въ 1815 году. Другой примѣръ такого же рода составляетъ намъ Норвегія, въ которой отсутствіе войнъ и развитіе свободныхъ учрежденій шли рука объ руку. Но мы должны сосредоточить наше главнѣйшее вниманіе на доказательствахъ того, что возобновленіе воинственныхъ нравовъ ведетъ къ развитію сѣязнова военнаго общественнаго устройства, т. е. къ возвращенію назадъ, къ военному типу.

Я не намѣренъ останавливаться здѣсь ни на тѣхъ примѣрахъ, которые составляетъ намъ древняя исторія; ни на двукратномъ возвращеніи къ монархіи Голландской республики, вслѣдствіе ретроградныхъ вліяній войнъ; ни на временномъ отступленіи отъ парламентскаго управленія къ деспотическому, явившемся у насъ, какъ слѣдствіе войнъ Протектората; ни на послѣдствіяхъ ряла побѣдъ первой французской республики, превратившихъ ее въ военный деспотизмъ. Достаточно будетъ, если мы рассмотримъ только тѣ факты, которые представляетъ намъ исторія новѣйшаго времени. Такъ, напримѣръ, очевидно, что со времени установленія въ Германіи, вслѣдствіе послѣднихъ войнъ, болѣе сильно централизованной правительственной власти, въ ней обнаруживается повсюду болѣе принудительный порядокъ (*régi m e*); какъ мы можемъ видѣть это и изъ обращенія Бисмарка съ духовной іерархіей; и изъ заявленія Мольтке, что для безопасности государства отъ внѣшнихъ нападеній и для сохраненія внутренняго порядка необходимо, чтобы военный бюджетъ не зависѣлъ отъ голосованій парламента; и, наконецъ, изъ тѣхъ мѣръ, которыя приняты недавно въ Германіи въ видахъ централизаціи государственнаго надзора надъ желѣзными дорогами Имперіи. Во Франціи, мы видимъ, какъ всегда, что первый солдатъ представляетъ въ тоже время и первое должностное лицо въ государствѣ; мы видимъ тутъ удержаніе для многихъ мѣстностей осаднаго положенія, порожденнаго войною, и непрерывное продолженіе многочисленныхъ стѣсненій свободы при номинально-свободной формѣ правительства. Но самыми ясными подтвержденіями примѣрами могутъ служить подобныя же перемѣны, испытанныя въ послѣднее время нашимъ собственнымъ обществомъ; такъ какъ промышленный типъ развитъ у насъ далѣе и сильнѣе, чѣмъ на континентѣ, а потому сфера для обнаруженія ретроградныхъ отступленій здѣсь гораздо шире, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

Всѣ эти перемѣны были вызваны частью дѣйствительными войнами, частью

же приготовлениями къ могущимъ быть войнамъ. Во первыхъ, послѣ вступленія на престолъ Наполеона III, съ котораго начинаются эти перемѣны, мы участвовали въ Крымской войнѣ; затѣмъ умирляли мятежъ въ Индіи; потомъ вели войну съ Китаемъ, и, наконецъ, недавно имѣли нѣсколько менѣе важныхъ войнъ въ Африкѣ. Во вторыхъ, и главнымъ образомъ, у насъ обнаружилось въ недавнее время развитіе заново военной организаціи и воинственныхъ чувствъ, вызванное развитіемъ ихъ съизнова на континентѣ. Едва-ли нужно доказывать ту истину, что у народовъ, какъ и у индивидовъ, угрожающее положеніе другихъ заставляеть принимать оборонительное положеніе. Отсюда объясняются недавнія увеличенія нашихъ затратъ на армію и флотъ, постройки новыхъ укрѣпленій, сформированіе корпусовъ волонтеровъ, учрежденіе постоянныхъ лагерей, репетиціи осеннихъ маневровъ и заведеніе военныхъ станцій по всему королевству.

Изъ числа признаковъ, сопровождающихъ это возвращеніе къ военному типу, слѣдуетъ замѣтить прежде всего оживаніе хищнической дѣятельности. Аппараты, выработанные въ видахъ обороны, всегда бываютъ пригодными также и для нападенія, и всегда дѣйствительно стремятся перейти къ нападенію. Такъ, наприимѣръ, военная и морская организація Ангій, развившаяся въ видахъ сопротивленія вѣншему врагу, скоро начала дѣйствовать сама наступательнымъ образомъ. Такъ, во Франціи, побѣдоносная армія Республики, сформированная для отраженія чужеземныхъ вторженій, вскорѣ вторглась сама въ чужія страны. Тоже самое бываетъ всегда и повсюду. Такъ было и съ нами. Въ Китаѣ, въ Индіи, въ Полинезій, въ Африкѣ, въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ, мы постоянно находимъ поводы, — поводы, въ которыхъ ни одинъ обидчикъ никогда еще не чувствовалъ недостатка, — для расширенія нашихъ владѣній: безъ употребленія насилія, когда это возможно, и путемъ насилія, когда это нужно. Едва мы успѣли овладѣть Фиджійскими островами, уступленными намъ добровольно только потому, что на практикѣ не представлялось никакого другого исхода, какъ уже является предложеніе объ овладѣніи островомъ Самоа. Приобрѣтя, путемъ вымѣна, территорію, связанную предшествовавшимъ этому обмѣну трактатомъ, мы считаемъ возможнымъ притворяться ничего не знающими объ этомъ трактатѣ, и настаиваніе на его выполненіи принимаемъ за достаточное основаніе для войны съ Ашантіями. Въ Шербро, наши договоры съ туземными вождями породили всеобщій безпорядокъ; послѣ чего мы посылаемъ отрядъ для подавленія этого безпорядка, и немедленно начинаемъ утверждать о необходимости распространенія нашей власти на болѣе обширное пространство. Подобнымъ же образомъ мы дѣйствовали и въ Перакѣ: резидентъ, посланный для подаванія совѣтовъ, превращается въ резидента, издающаго повелѣнія; онъ ставитъ султаномъ самаго податливаго изъ кандидатовъ, на мѣсто того,

УДК 316.77
302.649.003.5

котораго предпочитают мѣстные вожди; эта мѣра вызываетъ сопротивленіе, которое выставлется предлогомъ для употребленія силы; онъ находитъ нужнымъ узурпировать правительственную власть для своей собственной особы, и дѣйствительно дѣлаетъ это; одинъ изъ туземцевъ раздираетъ прокламацію резидента, за что слуга резидента убиваетъ его на мѣстѣ; раздраженное населеніе умерщвляетъ вслѣдствіе этого самаго резидента; эта смерть немедленно вызываетъ вопли о мщеніи (причемъ о предварительномъ умерщвленіи туземца никто не упоминаетъ ни слова), и военная экспедиція устанавливаетъ надъ странюю Британское владычество. Идетъ ли рѣчь о Каренскихъ племенахъ, побитыхъ нами за сопротивленіе топографической съемкѣ ихъ страны; или о тѣхъ требованіяхъ, которыя были предъявлены нами Китаю, въ силу теоріи, что жизнь британскаго путешественника должна считаться священной всюду, куда бы ему ни вздумалось затесаться, и что смерть его непременно должна быть отомщена на комъ-нибудь, — повсюду мы видимъ одно и тоже; а именно, что вездѣ и всегда мы находимъ предлоги для ссоръ, ведущихъ потомъ къ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ. Тотъ же самый духъ обнаруживается и въ палатѣ общинъ, и въ печати. Во время дебатовъ по поводу покупки Суэзскаго канала, нашъ первый министръ, намекая на возможность овладѣнія Египтомъ, сказалъ, что англійскій народъ стоитъ за сохраненіе своихъ владѣній, но что „онъ не испугается и ихъ увеличенія“; и эти слова были покрыты рукоплесканіями. А ежедневный органъ разбойничающаго христіанства, доказывая недавно своевременность и необходимость уничтоженія Дагомейскаго королевства, восклицаетъ: „возьмемъ Вайдахъ, и пусть туземцы попробуютъ отнять его у насъ“.

Разсмотрѣвъ новое, усиленное развитіе у насъ вооруженныхъ силъ и оживаніе снова хищническаго духа, мы можемъ перейти теперь къ тому, что наиболѣе важно для насъ, а именно къ возвращенію къ военному типу всѣхъ нашихъ учрежденій вообще, т. е. къ усиленію централизаціи въ нашей администраціи и къ усиленію-же принудительной регуляціи. Во первыхъ, мы видимъ это внутри самой правительственной организаціи: роль военныхъ судовъ по дѣламъ о морскихъ несчастіяхъ узурпирована главою морскаго вѣдомства; власть Индійскаго правительства стѣснена и поставлена въ зависимость отъ министра, проживающаго въ метрополіи; правительственные центры графствъ, стараясь свалить часть бремени, лежащаго на отдѣльных графствахъ, на всю націю, поступились въ тоже время и частью своей власти. Военныя должностныя лица стремятся повсюду замѣстить гражданскихъ должностныхъ лицъ: мы имѣемъ уже военныхъ начальниковъ столичной и провинціальной полиціи; лица военнаго званія занимаютъ мѣста въ вѣдомствѣ общественныхъ работъ и въ вѣдомствѣ ремесль и искусствъ; инспектора желѣзныхъ дорогъ назначаются изъ

военного сословія; нѣкоторые провинціальныя городскіе совѣты назначаютъ майоровъ и капитановъ для исправленія разныхъ мелкихъ гражданскихъ должностей, зависящихъ отъ этихъ совѣтовъ; понятно, что неизбѣжнымъ результатомъ такихъ порядковъ является такой складъ администраціи, при которомъ гораздо болѣе настаиваютъ на правахъ власти, и гораздо менѣе заботятся объ индивидуальныхъ притязаніяхъ. Духъ этой системы мы видимъ повсюду. Такъ напримѣръ, онъ очень ясно выраженъ въ начертаніи и въ выполненіи актовъ о заразныхъ болѣзняхъ,—актовъ, вышедшихъ изъ военного и морскаго вѣдомствъ и нарушающихъ всѣ тѣ гарантіи индивидуальной свободы, которыя содержатся въ нашихъ конституціонныхъ формахъ; причемъ выполненіе этихъ актовъ ввѣрено центральной полиціи, не отвѣтственной передъ мѣстными властями. Да и нашъ общій санитарный надзоръ родствененъ по духу съ этими актами; за послѣдніе нѣсколько лѣтъ онъ постоянно расширялся и заключился теперь сформированіемъ нѣсколькихъ сотенъ округовъ, состоящихъ подъ управленіемъ лицъ медицинскаго вѣдомства, которые получаютъ свое вознагражденіе частью отъ центральнаго правительства и которые подчинены ему въ своихъ дѣйствіяхъ. Соответственная перемѣна произошла и во внутренней организаціи самой медицинскій профессіи: мы не находимъ уже возможнымъ терпѣть независимыхъ медицинскихъ обществъ, выдающихъ дипломы; но мы требуемъ объединенія всей профессіи и единой экзаменаціонной программы. Администрація, завѣдующая приложеніемъ закона о бѣдныхъ, также стала болѣе централизованной: свобода дѣйствій совѣтовъ попечителей постепенно все болѣе и болѣе ограничивалась распоряженіями мѣстнаго правительственнаго совѣта. Этого мало. Въ то время, какъ регулятивные центры Лондона поглощали функціи провинціальныхъ регулятивныхъ центровъ, эти послѣдніе, въ свою очередь, узурпировали функціи мѣстныхъ торговыхъ компаній: во многихъ городахъ городскіе совѣты сдѣлались распредѣлителями газа и воды; а теперь нѣкоторые стараются достигнуть того же для Лондона (не лишено значенія, что эта мѣра предложена и поддерживается здѣсь энтузіастомъ изъ военнаго сословія). Но эти общественныя учрежденія не удовольствовались этимъ, и взяли еще на себя и роль домостроителей. Когда законодательное вниманіе увеличило излишніе расходы при построеніи домовъ въ такой мѣрѣ, что возведеніе маленькихъ домовъ стало невыгоднымъ для частныхъ предпринимателей, то провинціальныя городскіе совѣты взяли на себя постройку такихъ домовъ; и когда Лондонскій Столичный Совѣтъ предложилъ плательщикамъ налоговъ опредѣлить такую-то сумму на постройку домовъ для бѣдныхъ въ Гоборнскомъ округѣ, то государственный секретарь заявилъ, что этого мало и что они должны вотировать болѣе большую сумму! Подобное же значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что наша си-

стема телеграфовъ, развившаяся какъ часть промышленной организаціи, стала теперь частью правительственной организаціи. Подобное же стремленіе къ увеличенію правительственнаго аппарата насчетъ промышленнаго обнаруживаютъ и ярые защитники покушки государствомъ желѣзныхъ дорогъ; если ихъ ходатайства и не имѣли пока успѣха, то только потому, что у всѣхъ еще свѣжи въ памяти тѣ потери, которыя понесло государство при покупкѣ телеграфовъ. Какъ глубоко проникають подобныя вліянія, мы можемъ видѣть изъ проектовъ насильственной филантропіи, которые требуютъ вмѣшательства государственной власти въ дѣло исправленія народныхъ нравовъ и совершенно забываютъ, что тѣ стѣсненія, которыя налагались встарину законами на поведеніе людей, и которыя были уничтожены въ позднѣйшее время какъ тиранническія, исходили обыкновенно изъ подобныхъ же соображеній. Они хотятъ сдѣлать людей болѣе умѣренными посредствомъ затрудненія имъ возможности напиваться, т. е. для достиженія своей цѣли они дѣлають ихъ менѣе свободными чѣмъ прежде въ дѣлѣ покупки и продажи нѣкоторыхъ товаровъ. Вмѣсто того, чтобы расширять общій принципъ, лежащій въ основаніи промышленнаго типа, и состоящій въ доставленіи каждому быстрого и дароваго удовлетворенія за тотъ крупный или мелкій вредъ, который граждане наносятъ другъ другу, наши законодатели расширяють принципъ, состоящій въ предупрежденіи нанесенія вреда путемъ правительственнаго надзора. Устройство рудниковъ, фабрикъ, морскихъ судовъ, отдаваемыхъ въ наймы домовъ, хлѣбопекаренъ, вплоть до ватерклозетовъ въ частныхъ домахъ, предписывается у насъ законами, и за выполненіемъ этихъ законовъ наблюдаютъ офиціальныя должностныя лица. Вмѣсто того, чтобы бороться съ поддѣлкою товаровъ путемъ быстрыхъ и неизбежныхъ наказаній за нарушеніе контракта, они хотятъ уничтожить ее съ помощью государственныхъ инспекторовъ, обязанныхъ анализировать разные продукты. Вмѣсто того, чтобы поддерживать основной законъ добровольной коопераціи, состоящій въ томъ, что каждая выгода должна быть куплена человѣкомъ на деньги, добытыя имъ путемъ производительнаго труда, они стремятся сдѣлать многія выгоды доступными всѣмъ, независимо отъ усилій, потраченныхъ на ихъ приобрѣтеніе: даровые музеи, даровыя бібліотеки и т. п. должны быть устраиваемы на общественный счетъ и сдѣланы доступными каждому, независимо отъ его заслугъ; такимъ образомъ, сбереженія болѣе достойныхъ должны быть отобраны сборщиками налоговъ и сдѣланы средствомъ доставленія извѣстныхъ удобствъ менѣе достойнымъ, которые ничего не сберегаютъ. Параллельно безмолвному допущенію положенія, — что власть государства надъ гражданами не имѣетъ опредѣленныхъ предѣловъ, — положенія, свойственнаго военному общественному типу, — начинается устанавливаться непоколебимая вѣра въ сужденіе государ-

ства, — вѣра, также свойственная военному общественному типу. Люди представляютъ государству распоряжаться ихъ тѣлеснымъ и душевнымъ благосостояніемъ, и не питаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его способности къ этому. Послѣ многолѣтней борьбы съ властью, которая навязывала людямъ силою свои ученія, яко бы ради ихъ вѣчнаго блага, мы приглашаемъ теперь другую власть навязывать намъ силою свои ученія, якобы въ интересахъ нашего временнаго, земнаго блага. Въ оправданіе принудительности религіознаго обученія мы ссылались въ прежнее время на непогрѣшимое сужденіе папы; а теперь мы оправдываемъ принудительность свѣтскаго обученія непогрѣшимымъ сужденіемъ парламента; и, такимъ образомъ, подъ угрозою тюремнаго заключенія за ослушаніе, мы устанавливаемъ у себя воспитаніе, плохое по своему содержанию, плохое по способу преподаванія, и не менѣе плохое со стороны порядка, въ которомъ преподаются предметы обученія.

Такое возвращеніе къ принудительной общественной системѣ, сопровождающее возвращеніе къ военному типу общественнаго устройства, неизбежно порождаетъ и соответственную перемену въ чувствахъ. Сущность торизма состоитъ въ поддержаніи государственной власти противъ свободы личности; а сущность либерализма состоитъ въ отстаиваніи свободы личности противъ государственной власти. Но что-же мы видимъ? Во все продолженіе прошлаго мирнаго періода, индивидуальная свобода дѣйствительно все расширялась: посредствомъ уничтоженія религіозныхъ помѣхъ къ пользованію политическими правами, установленія свободной торговли, уничтоженія препятствій, мѣшающихъ развитію печати, и пр.; но съ того момента, когда началось это возвращеніе вспять, партія, выполнившая эти перемены, начала соперничать съ оппозиціонной партіей въ дѣлѣ умноженія государственныхъ вмѣшательствъ, уменьшающихъ индивидуальную свободу. Чтобы видѣть, до какой степени игнорировались основные при этомъ принципы свободнаго правленія, и до какой степени эта перемена представляетъ прямое слѣдствіе чувствъ, питаемыхъ воинственною дѣятельностью, стоитъ обратить вниманіе на дѣло о Суэзскомъ каналѣ, доказывающее это самымъ убѣдительнымъ образомъ. Этотъ важный шагъ, — который, не говоря уже о денежныхъ затратахъ, ставилъ націю въ крайне серьезное и шекотливое положеніе по отношенію къ остальнымъ державамъ, — былъ сдѣланъ министерствомъ такимъ образомъ, что за представительнымъ собраніемъ народа осталась только номинальная, но ничуть не реальная, власть передѣлать его; и что же? вмѣсто протеста противъ такого презрѣнія къ конституціоннымъ принципамъ, этотъ поступокъ министерства вызвалъ только всеобщее одобреніе. Всѣ признали, что военная необходимость вполне извиняетъ такой образъ дѣйствій. Всѣ говорили, что для быстроты дѣйствій

координирующаго центра, съ помощью которой только и могутъ быть успешно направляемы оборонительныя и наступательныя мѣры, необходимо это игнорированіе парламента, или, что тоже самое, это временное прекращеніе самоуправленія. А потому, общественное мнѣніе и чувство, отвѣчая на представленныя ему увѣренія въ необходимости удержатъ покоренныя нами области, не только простило это возвращеніе къ военному способу правленія, но еще порадовалось ему.

§ 267. Понятно, что общественныя метаморфозы усложняются и затемняются въ каждомъ случаѣ многочисленными спеціальными вліяніями, которыя не бываютъ вполнѣ сходными даже въ двухъ отдѣльныхъ случаяхъ. Когда общественный ростъ совершается съ большою быстротою, то измѣненія въ устройствѣ, сопровождающія увеличеніе общей массы, сильно усложняютъ тѣ измѣненія, которыя являются результатомъ преобразованія въ типѣ. Затѣмъ, распутываніе фактовъ бываетъ сильно затруднено также и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ главныя системы органовъ (органовъ поддержанія жизни и органовъ обороны и нападенія) развиваются одновременно. Таковъ, напримѣръ, нашъ собственный случай. Развитіе сѣзнова аппаратовъ для внѣшней дѣятельности, только-что прослѣженное на предыдущихъ страницахъ, и нѣкоторое возвращеніе къ общественной системѣ, соответствующей преобладанію этихъ аппаратовъ въ обществѣ, не остановили у насъ развитія системы органовъ поддержанія жизни и того общественного строя, который обусловливается преобладаніемъ этой послѣдней системы. Отсюда объясняются многія измѣненія, совершенно противоположныя по своему духу тѣмъ, которыя были перечислены нами выше. Въ то время какъ оживленіе въ нашей церкви извѣстныхъ тенденцій, имѣвшихъ своимъ основнымъ принципомъ утвержденіе іерархической власти, гармонировало съ возвращеніемъ назадъ къ военному типу, умноженіе раздѣленій въ нѣдрахъ церкви, отстаиваніе личнаго сужденія и ослабленіе догмы гармонировали съ движеніемъ противоположнаго характера. Въ то время какъ новая система воспитанія, стремящаяся къ военному единообразію, подкрѣпляется каждымъ актомъ парламента, дѣлающимъ ее все болѣе и болѣе строгою и все менѣе и менѣе гибкою, древняя система воспитанія нашихъ общественныхъ школъ и университетовъ становится все болѣе пластичною и менѣе единообразною. Хотя все болѣе и болѣе усиливающееся вмѣшательство государства въ способы обращенія съ наемнымъ трудомъ находится въ полномъ противурѣчій съ принципами добровольной коопераціи; тѣмъ менѣе это вмѣшательство не дошло до того, чтобы совершенно извратить политику свободной торговли, которая постоянно расширялась подъ вліяніемъ промышленнаго развитія. Объясненіе этихъ фактовъ заключается, какъ кажется, въ слѣдующемъ: въ то время

какъ старая принудительная система регулированія была упраздняема повсюду, гдѣ ея давленіе становилось невыносимымъ, она была переносима, — подѣ влияніемъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ ея оживленію, — въ тѣ области, гдѣ давленіе ея еще не было хорошенъко прочувствовано.

Сверхъ того, обширныя преобразованія, внезапно вызванныя появленіемъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, прибавляютъ еще болѣе трудностей къ различенію метаморфозъ того рода, который насъ занимаетъ здѣсь. Вслѣдствіе этихъ нововведеній, общественный организмъ перешелъ, въ продолженіе одного поколѣнія, отъ такого состоянія, при которомъ онъ походилъ на холодно-кровоное животное, съ слабымъ кровообращеніемъ и съ зачаточными нервами, къ такому состоянію, при которомъ онъ походитъ на тепло-кровоное животное, съ обширной сосудистой системой и съ развитымъ нервнымъ аппаратомъ. Этой-то причинѣ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ сильныя перемѣны въ нравахъ, вѣрованіяхъ и чувствахъ, которыя характеризуютъ наше поколѣніе. Ясно, что это быстрое развитіе распредѣлительныхъ и посредническихъ аппаратовъ помогало заразъ и развитію промышленной организаціи, и развитію военной организаціи. Облегчая въ громадной степени производительныя дѣятельности, оно, въ то же самое время, способствовало той централизациі, которою характеризуется общественный типъ, приспособленный для оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій.

Но, не смотря на всѣ эти усложненія, замаскировывающія занимающее насъ отношеніе, мы не можемъ не замѣтить, — сравнивая періодъ съ 1815 по 1850 съ періодомъ съ 1850 по настоящее время, — что усиленіе вооруженій, учащеніе международныхъ столкновеній и возрожденіе воинственныхъ чувствъ сопровождалось усиленіемъ принудительной регулятивной системы. Не смотря на номинальное расширеніе индивидуальной свободы, выразившееся въ расширеніи избирательныхъ правъ, эта свобода потерпѣла въ дѣйствительности уменьшеніе со многихъ своихъ сторонъ: какъ вслѣдствіе многочисленныхъ ея ограниченій, ввѣренныхъ надзору все болѣе и болѣе возростающей толпы должностныхъ лицъ; такъ и вслѣдствіе насильственнаго отбиранія денегъ у гражданъ съ цѣлью доставленія, или имъ самимъ, или другимъ на ихъ счетъ, такихъ выгодъ, которыя прежде пріобрѣтались каждымъ для себя на свой счетъ. Невозможно отрицать, что это есть настоящее возвращеніе къ тому принудительному порядку, который проникаетъ насквозь всю общественную жизнь тамъ, гдѣ преобладаетъ военный типъ.

Итакъ, въ общественныхъ метаморфозахъ, поскольку онѣ могутъ быть прослѣжены, мы открываемъ такіа общія истины, которыя вполне гармонируютъ съ истинами, открытыми нами при сравненіи между собою общественныхъ ти-

Российская академия наук
Библиотека Академии наук
302.001.013.33

повъ. Въ общественныхъ организмахъ, какъ и въ индивидуальныхъ, строение постоянно приспосабливается къ роду дѣятельности. Коль скоро обстоятельства вызываютъ основное измѣненіе въ формѣ дѣятельности, то, и въ томъ случаѣ, и въ другомъ, результатомъ такого измѣненія является мало по малу основное измѣненіе и въ формѣ устройства. Въ обоихъ случаяхъ, существуетъ также возвращеніе къ старому типу устройства, вслѣдъ за возвращеніемъ къ прежней формѣ дѣятельности.

ГЛАВА XII.

ОГРАНИЧЕНИЕ СКАЗАННАГО И ОБЩІЙ СВОДЪ ВСЕГО ПРЕДЫДУЩАГО.

§ 268. Всякій, кто пожелалъ бы сдѣлать аналогіи между организаціями, индивидуальной и общественной, спеціальнымъ предметомъ своего изслѣдованія, могъ бы продолжить эти аналогіи еще далѣе, по многимъ направленіямъ.

Онъ могъ бы легко подтвердить фактами ту общую истину, что, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, съ законченностью строенія, или съ приближеніемъ къ такой законченности, способность къ видоизмѣненіямъ въ строеніи уменьшается, и дальнѣйшій ростъ прекращается. Вполнѣ законченное животное, совершенно сложившееся во всѣхъ своихъ подробностяхъ, противится новымъ измѣненіямъ всею суммою тѣхъ силъ, которыя придали его различнымъ частямъ ихъ различныя формы; тоже самое справедливо и для вполнѣ законченнаго общества. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, организація утрачиваетъ подъ конецъ всякую гибкость. Каждый органъ животнаго и каждое общественное учрежденіе становится, съ приближеніемъ зрѣлости, болѣе связнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ и болѣе опредѣленнымъ, а потому, представляетъ гораздо болѣе сильное сопротивленіе тѣмъ измѣненіямъ, которыхъ требуетъ дальнѣйшее увеличеніе въ объемѣ или измѣненіе окружающихъ условій.

Затѣмъ, онъ могъ бы распространиться по поводу того общаго факта, что, какъ въ индивидуальныхъ, такъ и въ общественныхъ организамахъ, вслѣдъ за полнымъ развитіемъ всѣхъ свойственныхъ данному типу аппаратовъ, наступаетъ медленный упадокъ и смерть. Конечно, онъ не могъ бы представить удовлетворительныхъ доказательствъ этого положенія, такъ какъ древнія общества, принадлежавшія по сущности своей дѣятельности къ военному типу, погибали обыкновенно вслѣдствіе покоренія ихъ другими обществами, и эта насильственная гибель мѣшала въ большинствѣ случаевъ прохожденію каждымъ изъ нихъ полного цикла перемѣнъ; а новыя общества еще проходятъ пока че-

резь свои циклы. Но онъ могъ бы пояснить и доказать свое положеніе примѣрами, почерпнутыми изъ разсмотрѣнія судьбы различныхъ отдѣльныхъ частей новѣйшихъ обществъ, въ особенности же примѣрами, взятыми изъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда мѣстное развитіе имѣло лишь самую малую связь съ общимъ развитіемъ. Такъ, напримѣръ, онъ могъ бы указать на то, что многіе старинные корпоративные города, съ ихъ гильдіями и промышленными регламентаціями, становившимися постепенно все болѣе многочисленными и строгими, медленно впадали въ упадокъ и уступали свое мѣсто и роль новымъ городамъ, въ которыхъ отсутствіе привилегированныхъ классовъ дѣлало возможной большую свободу промышленности: это значить, что функція старыхъ аппаратовъ, потерявшихъ всякую гибкость, постепенно узурпировалась новыми, болѣе пластичными аппаратами. При разсмотрѣніи всякаго учрежденія, общественнаго или частнаго, онъ могъ бы показать, что постоянное умноженіе разныхъ постановлений и правилъ, вводимыхъ одно за другимъ ради приспособленія дѣйствій учрежденія къ требованіямъ настоящей минуты, дѣлаетъ подъ конецъ совершенно невыполнимыми дальнѣйшія приспособленія къ требованіямъ будущаго времени. И онъ могъ бы заключить изъ этого, что такая же судьба ожидаетъ и каждое общество, во всемъ его цѣломъ; т. е., что каждое общество, доведши свои приспособленія къ настоящимъ условіямъ до полной законченности, теряетъ способность приспособляться съизнова къ будущимъ условіямъ; а потому подъ конецъ исчезаетъ со сцены, если не путемъ насилія, то путемъ медленнаго упадка, обусловленнаго его неспособностью соперничать съ болѣе молодыми и болѣе видоизмѣняемыми обществами.

При достаточной смѣлости въ сферѣ подобныхъ умозрѣній, онъ могъ закончить свое изслѣдованіе проведеніемъ параллели между процессами размноженія въ этихъ двухъ случаяхъ. Первобытныя общества размножаются обыкновенно путемъ дѣленія; но войны и покоренія нерѣдко ведутъ здѣсь къ сліянію одной группы съ другою; послѣ чего, съ теченіемъ времени, снова наступаетъ актъ дѣленія; очевидно, что онъ могъ бы прослѣдить аналогію этихъ процессовъ съ тѣмъ, что мы видимъ у низшихъ типовъ индивидуальныхъ организмовъ, которые обыкновенно размножаются путемъ дѣленія, но у которыхъ, отъ времени до времени наблюдается и обратный процессъ, т. е. сліяніе двухъ индивидовъ въ одинъ, — сліяніе, извѣстное у натуралистовъ подъ именемъ конъюгаціи (conjugatio). Затѣмъ, онъ могъ бы показать, что, въ обоихъ случаяхъ, болѣе крупныя типы, тамъ, гдѣ они стали осѣдлыми, размножаются путемъ отдѣленія отъ себя и разсѣянія по сторонамъ зародышей, или сѣмянъ. Взрослые организмы, ставъ неподвижными, рассылаютъ во всѣ стороны группы такихъ единицъ, изъ которыхъ составлены они сами; и эти группы, укрѣпившись въ тѣхъ мѣстахъ,

куда онѣ попали, вырастаютъ въ организмы, совершенно сходные съ родителями; но и осѣдлыя общества поступаютъ подобнымъ же образомъ, т. е. отсылаютъ изъ себя въ разныя стороны группы колонистовъ. Онѣ могъ бы даже сказать, что, какъ для успѣшнаго развитія новаго организма необходимо, или по крайней мѣрѣ полезно, чтобы зародышевая группа, отдѣлившаяся отъ одного организма, соединилась съ подобной же группой, отдѣлившейся отъ другого организма подобнаго же рода, такъ точно и смѣшеніе колонистовъ, происходящихъ отъ одного общества, съ колонистами, происходящими отъ другаго подобнаго же общества, если и не необходимо, то крайне благопріятно, для развитія новаго общества, отличающагося большею пластичностью, чѣмъ тѣ старыя общества, изъ которыхъ вышли эти соединившіяся между собою единицы.

Но мы не намѣрены пускаться въ дальнѣйшія догадки болѣе или менѣе рискованнаго характера, и потому оставляемъ наше сравненіе на той ступени, до которой мы его довели въ предшествующихъ главахъ.

§ 269. Результаты этого сравненія оправдываютъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ можно было ожидать, идею объ аналогіи между обществомъ и организмомъ, — идею, высказанную не однажды философами и подразумеваемую даже въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ.

Эта идея, весьма естественнымъ и даже необходимымъ образомъ, была облечена сначала въ очень грубыя формы. Взглянемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ Республикѣ Платона, Сократъ утверждаетъ, что „государства таковы, каковы люди, ибо въ основаніи ихъ лежатъ людскіе характеры“, — фактъ, еще и нынѣ не признанный, какъ слѣдуетъ, во всей его силѣ. Высказавъ эту истину, Сократъ продолжаетъ рассуждать: „слѣдовательно, если существуетъ пять различныхъ формъ государственнаго устройства, то и число различныхъ расположеній индивидуальнаго ума также равно пяти“, — нелѣпый выводъ изъ совершенно раціональнаго положенія. Раздѣленіе труда описывается въ этомъ сочиненіи какъ общественная необходимость; но оно изображается скорѣе какъ вещь, которую слѣдуетъ установить, чѣмъ какъ вещь, устанавливающаяся сама собою. И вообще, повсюду мы видимъ тутъ понятіе, — отъ котораго, впрочемъ, мы не отрѣшились вполне даже и до настоящей минуты, — что общество можетъ быть искусственно устроено такимъ-то или такимъ-то образомъ. Утверждая, что сходство между гражданами и государствами таково, что свойства послѣднихъ могутъ быть выведены изъ свойствъ первыхъ, Платонъ, не смотря на вышеприведенное его убѣжденіе, что въ основаніи государствъ „лежатъ людскіе характеры“, и что государства таковы, „каковы люди“, все-таки думаетъ, что эти государства, характеръ которыхъ опредѣ-

ляется характеромъ гражданъ, могутъ тѣмъ не менѣе сами опредѣлять характеръ своихъ гражданъ. Впрочемъ, главная ошибка той аналогіи, которая существуетъ, по мнѣнію Платона, между индивидомъ и государствомъ, заключается въ томъ, что онъ сравниваетъ разумъ, страсть и желаніе, въ-первомъ изъ нихъ, съ совѣтниками, исполнителями и торговцами, въ другомъ. Т. е., взаимно-зависимыя части политической организаціи аналогичны у него не взаимно-зависимымъ частямъ индивидуальной организаціи, а различнымъ кооперирующимъ другъ съ другомъ силамъ духа.

Понятіе Гоббса объ этомъ предметѣ только съ одной стороны подходитъ ближе къ дѣйствительно раціональному представленію. Подобно Платону, онъ смотритъ на общественную организацію не какъ на естественную, но какъ на искусственную: онъ даже вводитъ понятіе объ общественномъ договорѣ, изъ котораго, будто-бы, берутъ начало правительственныя учрежденія, и который придаетъ верховной власти ея неотъемлемый авторитетъ. Аналогія, представляемая имъ себѣ, можетъ всего лучше быть выражена его-же собственными словами: „Ибо искусствомъ сотворенъ тотъ великій Левіюанъ, котораго называютъ Обществомъ, Народомъ (Commonwealth), Государствомъ, а по латынѣ *Civitas*, и который есть ничто иное, какъ искусственный человѣкъ, хотя и превышающій по своимъ размѣрамъ и силѣ естественнаго человѣка, для охраненія и защиты котораго онъ придуманъ. Верховная власть есть его искусственная душа, придающая жизнь и движеніе всему тѣлу; судьи и другіе чины судебнаго вѣдомства суть его искусственные сочлененія; награды и наказанія, понуждающія къ дѣйствію и къ выполненію своей обязанности каждое сочленіе и каждый членъ, связанный съ сѣдалищемъ верховной власти, суть нервы, исполняющіе ту же самую роль въ естественномъ человѣческомъ тѣлѣ“, ... и пр. Это сравненіе, — по скольку оно есть сравненіе главнымъ образомъ между аппаратами того и другаго, — оказывается болѣе защитимымъ, чѣмъ сравненіе Платона, которое есть сравненіе между аппаратами одного и функциями другаго. Но поименованныя тутъ спеціальныя аналогіи ошибочны; да и общая аналогія страдаетъ тою-же ошибкою, какъ и у Платона; ибо общественная организація приравнивается тутъ къ организаціи человѣка, а такая аналогія должна считаться черезъ-чуръ спеціальной.

Принадлежитъ болѣе новому времени, когда біологи уже открыли и установили до очень значительной степени общія основанія всякой организаціи, и когда было уже признано, что общественное устройство не создается искусственно, но постепенно развивается само собою, От. Контъ избѣгъ этихъ ошибокъ: онъ не сравнивалъ общественнаго организма съ какимъ-либо особеннымъ родомъ индивидуальнаго организма, но утверждалъ просто, что основанія организаціи одинаковы въ обоихъ этихъ случаяхъ. Онъ смотрѣлъ

на каждую ступень общественнаго прогресса, какъ на слѣдствіе предшествовавшихъ ступеней, и признавалъ, что развитіе строенія идетъ отъ общаго къ спеціальному. Однако онъ не избѣгъ въполнѣ стараго ошибочнаго взгляда на учрежденія, какъ на искусственныя распоряжки; ибо онъ, противорѣча самому же себѣ, считалъ возможнымъ для обществъ переорганизоваться на будущее время согласно съ принципами его позитивной философіи.

Да будетъ мнѣ позволено указать здѣсь еще разъ на то, что между политическимъ тѣломъ и живымъ тѣломъ не существуетъ никакихъ другихъ аналогій, кромѣ тѣхъ, которыя составляютъ необходимое послѣдствіе взаимной зависимости между частями, обнаруживаемой одинаково и тѣмъ, и другимъ. Хотя, въ предыдущихъ главахъ, мы во многихъ случаяхъ сравнивали общественныя аппараты и функціи съ аппаратами и функціями человѣческаго тѣла; но это дѣлалось нами только потому, что аппараты и функціи человѣческаго тѣла доставляютъ намъ наиболѣе хорошо знакомыя иллюстраціи аппаратовъ и функцій вообще. Общественный организмъ, будучи раздѣльнымъ (discrete), а не конкретнымъ, асимметричнымъ, а не симметричнымъ, чувствительнымъ во всѣхъ своихъ единицахъ, а не въ одномъ чувственномъ центрѣ, не можетъ быть сравниваемъ ни съ однимъ особеннымъ типомъ индивидуальнаго организма, растительнаго или животнаго. Всѣ роды индивидуальныхъ организмовъ сходятся между собою по столько, по сколько каждый изъ нихъ обнаруживаетъ кооперацію между составляющими его частями для блага цѣлаго; и эта черта, общая всѣмъ имъ, есть черта, общая также и для всѣхъ обществъ. Далѣе, сравнивая различные типы индивидуальныхъ организмовъ, мы находимъ, что степень этой коопераціи измѣряетъ собою степень развитія въ каждомъ случаѣ; та же самая общая истина обнаруживается также и между общественными организмами. И еще далѣе: для выполненія все болѣе и болѣе совершенной коопераціи, мы находимъ въ индивидуальныхъ организмахъ всевозможныхъ порядковъ все болѣе и болѣе сложныя приспособленія для передачи другъ другу взаимныхъ вліяній; соотвѣтственные этому явленія видимъ мы и въ обществахъ всевозможныхъ порядковъ. И такъ, единственная общность между двумя сравниваемыми нами родами организмовъ есть общность основныхъ принциповъ организаціи ¹⁾.

¹⁾ Я имѣю свои причины отрицать съ такою силою существованіе какой-либо спеціальной аналогіи между общественнымъ организмомъ и организмомъ чловѣка. Грубый очеркъ того общаго взгляда, который былъ развиваемъ въ послѣднихъ одиннадцати главахъ, былъ напечатанъ мною въ Westminster Review еще въ январѣ 1860 года. Въ немъ я прямо и ясно отвергалъ представленіе Платона и Гоббса о сходствѣ между общественною организаціею и

944935940
на 191933

§ 270. Теперь наступает минута — бросить рассмотрѣнный нами параллелизмъ между организаціями, индивидуальной и общественной. Если я и остановился на разработкѣ этихъ аналогій, то только для того, чтобы употребить ихъ, какъ лѣса, для постройки стройнаго зданія социологическихъ индукцій. Убегая теперь прочь эти лѣса; они уже не нужны намъ болѣе: добытыя нами индукціи будутъ стоять прочно и безъ ихъ помощи.

Мы видѣли, что общества суть агрегаты, которые растутъ; что степень роста, достигаемая ихъ различными типами, крайне разнообразна; что типы послѣдовательно все болѣе и болѣе обширныхъ размѣровъ возникаютъ путемъ агрегаций и реагрегаций типовъ меньшихъ размѣровъ; и что это возрастаніе путемъ сліяній, въ соединеніи съ возрастаніемъ путемъ заполнения внутреннихъ промежутковъ, и есть тотъ процессъ, посредствомъ котораго возникли обширныя цивилизованныя націи.

Возрастаніе въ объемѣ сопровождается возрастаніемъ сложности строенія. Первобытныя кочевыя орды не представляютъ никакихъ постоянныхъ несходствъ между своими частями. Съ переходомъ такихъ ордъ въ племена, возникаютъ обыкновенно нѣкоторыя различія какъ между занятіями, такъ и между степенью власти отдѣльныхъ членовъ. Соединеніе племенъ въ союзы сопровождается появленіемъ еще большихъ различій, правительственнаго и промышленнаго характера: вся масса общества распадается на нѣсколько кастъ, или іерархическихъ ступеней; въ то же время, появляются извѣстные контрасты между отдѣльными частями общества, предающимися различнымъ занятіямъ и обитающими различныя мѣстности. Съ прогрессомъ усложненія, эти дифференціаціи умножаются все болѣе и болѣе. Онѣ идутъ всегда отъ общаго къ специальному: вначалѣ появляется самое крупное раздѣленіе между управляющими и управляемыми; затѣмъ, внутри правящаго отдѣла, появляются раздѣленія между политическимъ, религіознымъ и военнымъ управленіемъ; а внутри управляемаго отдѣла, возникаютъ различія между классами, занятыми добываніемъ пищи, и ремесленными классами; затѣмъ, внутри каждаго изъ этихъ второстепенныхъ отдѣловъ, появляются новыя, болѣе мелкія, подраздѣленія; и такъ далѣе.

Переходя отъ строенія къ управленію, мы видимъ, что пока всѣ части общества сходны и по своему строенію, и по своей дѣятельности, между ними едва-ли существуетъ хотя какая-нибудь взаимная зависимость; и весь агрегатъ едва-ли можетъ считаться составляющимъ нѣкоторое жизненное цѣлое. Но, по

организацію чловѣка, говоря, что «мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для допущенія такого сходства». Тамъ не менѣе критики, разбиравшіе эту статью, приписали мнѣ ту самую идею, которую я такъ ясно осудилъ.

мѣръ того, какъ разныя части агрегата принимаютъ на себя различныя отправленія, онѣ становятся все болѣе и болѣе зависимыми одна отъ другой, такъ что вредъ, нанесенный одной изъ нихъ, вредитъ и остальнымъ; пока, наконецъ, у очень высоко развитыхъ обществъ, эта взаимозависимость не достигнетъ до такой степени, что всякое разстройство въ одной какой-либо части вызываетъ общій беспорядокъ въ цѣломъ обществѣ. Этотъ контрастъ между развитыми и не развитыми обществами зависитъ отъ того, что возрастаніе специализаціи отправленій ведетъ къ возрастанію неспособности каждой части выполнять функціи другихъ частей.

Организація каждаго общества начинается съ возникновенія контраста между тѣмъ отдѣломъ, который ведетъ сношенія, въ большинствѣ случаевъ враждебныя, съ окружающими обществами, и тѣмъ отдѣломъ, который занимается добываніемъ всѣхъ житейскихъ потребностей; причемъ эти два отдѣла, на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія, исчерпываютъ собою всю организацію. Впослѣдствіи возникаетъ промежуточный отдѣлъ, служащій для перенесенія продуктовъ и вліяній отъ одной части къ другой; послѣ чего, на всѣхъ послѣдующихъ ступеняхъ прогресса, развитіе двухъ самыхъ раннихъ системъ аппаратовъ зависитъ уже всегда отъ развитія этой добавочной системы.

Общій характеръ всей системы органовъ поддержанія жизни опредѣляется общимъ характеромъ неорганической и органической среды, окружающей данное общество; отдѣльныя же части этой системы дифференцируются соотвѣтственно различіямъ разныхъ мѣстностей; послѣ локализованія и специализированія первичныхъ промысловъ, начинаютъ возникать вторичные промыслы, находящіеся въ зависимости отъ первыхъ; причемъ они слѣдуютъ въ своей дифференціаціи тому же самому пути и соотносятся съ тѣми же самыми принципами, какъ и первые. Съ усложненіемъ и переусложненіемъ общества, и съ развитіемъ распределительной системы, общественныя части, посвященныя одному и тому же промыслу, бывшія первоначально разбѣянными тамъ и сямъ, начинаютъ стягиваться другъ къ другу и агрегироваться между собою въ наиболѣе благоприятныхъ для того мѣстностяхъ; при этомъ, локализовавшіеся промышленныя аппараты, въ отличіе отъ правительственныхъ аппаратовъ, разрастаются безъ всякаго отношенія къ первоначальнымъ границамъ территоріально-политическихъ отдѣловъ.

Увеличеніе въ размѣрахъ, являющееся результатомъ сліянія общественныхъ группъ въ одинъ агрегатъ, дѣлаетъ необходимыми средства сообщенія, какъ для комбинированія дѣйствій оборонительнаго и наступательнаго характера, такъ и для обмѣна продуктами. Сначала появляются едва замѣтныя тропинки, потомъ битыя тропы, грубыя дороги и, наконецъ, хорошіе пути;

 041935940
 002 000000000

такое облегченіе сообщеній ведетъ къ переходу отъ прямого обмена къ торговлѣ, составляющей занятіе особаго класса, изъ котораго развивается съ теченіемъ времени сложный меркантильный аппаратъ оптовыхъ и розничныхъ распределителей. Передвиженіе товаровъ, производимое этимъ аппаратомъ, начинаясь въ видѣ медленныхъ приливовъ и отливовъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ, черезъ извѣстные, длинные промежутки времени, переходитъ въ ритмическіе, правильные и быстрые потоки; также и матерьялы для поддержанія жизни, распределяемые этими потоками, будучи вначалѣ крайне не многочисленными и почти вовсе не обработанными, становятся постепенно все болѣе и болѣе многочисленными и все болѣе и болѣе обработанными и пригодными для непосредственнаго потребленія. Возрастающая успѣшность перевозки и возрастающее разнообразіе перевозимыхъ продуктовъ увеличиваютъ взаимную зависимость частей и, въ то же самое время, даютъ каждой части возможность лучше исполнять свою функцію.

Въ то время какъ система органовъ поддержанія жизни развивается подъ вліяніемъ сношеній съ неорганическою и органическою средою, регулятивная система развивается подъ вліяніемъ оборонительныхъ и наступательныхъ сношеній съ окружающими обществами. У первобытныхъ группъ, живущихъ въ полнѣйшемъ безначаліи, временная война вызываетъ временное подчиненіе временному вождю, или временное главенство; хроническія войны порождаютъ постоянное главенство; а затѣмъ, изъ военнаго контроля развивается постепенно и политическій контроль. Постоянныя войны, требуя быстрого комбинированія дѣйствій отдѣльныхъ частей, дѣлаютъ необходимымъ умѣнье подчиняться власти. Общества съ малою способностью къ подчиненію исчезаютъ, оставляя мѣсто тѣмъ, у которыхъ эта способность къ повиновенію достаточно велика; такимъ образомъ, мало-по-малу устанавливаются общества, у которыхъ эта привычка къ повиновенію, вырабатываемая войною и сохраняющаяся затѣмъ и во время мира, переходитъ въ постоянное подчиненіе правительственной власти. Централизованная регулятивная система, развившаяся этимъ путемъ, есть единственная регулятивная система, какую мы находимъ на раннихъ ступеняхъ общественнаго прогресса. Но у обширныхъ обществъ, съ преобладаніемъ промышленной дѣятельности, въ добавокъ къ ней, является еще децентрализованная регулятивная система, управляющая промышленными аппаратами; и эта система, вначалѣ сильно подчиненная первоначальной системѣ, становится современемъ существенно независимой. Наконецъ, и распределительные аппараты получаютъ для себя свою собственную, независимую регулятивную систему.

Классифицируя общества, мы можемъ раздѣлить ихъ прежде всего на простые, сложные, вдвойнѣ-сложныя и втройнѣ-сложныя; переходъ отъ самыхъ

низшихъ обществъ къ самымъ высшимъ можетъ совершиться не иначе, какъ черезъ эти послѣдовательныя ступени усложненія. Съ другой точки зрѣнія, мы можемъ раздѣлить общества, хотя и съ меньшей опредѣлительностью, на воинственныя и промышленныя; причемъ первый изъ этихъ типовъ, въ его вполне развитой формѣ, бываетъ организованъ на основаніи принципа принудительной коопераціи, а второй, тоже въ его вполне развитой формѣ, — на основаніи принципа добровольной коопераціи; первый изъ нихъ характеризуется не только деспотической центральной властью, но также и отсутствіемъ всякихъ предѣловъ для контроля власти надъ поведеніемъ личности; а второй характеризуется не только демократической, или представительной, центральной властью, но также и ограниченіемъ ея контроля надъ поведеніемъ отдѣльныхъ личностей.

Наконецъ, мы видѣли, что перемѣны въ господствующей общественной дѣятельности влекутъ за собою общественныя метаморфозы, т. е. перемѣны въ общественномъ устройствѣ. Пока военный типъ не облеченъ еще въ такія законченныя и заковченныя формы, которыя противятся всякому новому видоизмѣненію, возникновеніе въ немъ значительной промышленной системы всегда ведетъ къ смягченію принудительныхъ стѣсненій, характеризующихъ хищническій типъ, и къ ослабленію его специфическихъ аппаратовъ. И наоборотъ, тамъ, гдѣ широко-развитая промышленная система установила свободныя общественныя формы, возобновленіе оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій ведетъ за собой возвращеніе назадъ, къ военному типу.

§ 271. Суммируя результаты этого общаго обзора, посмотримъ теперь, на сколько онъ подготовилъ насъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Всѣ разсмотрѣнныя нами факты согласно свидѣлствуютъ въ пользу того, что общественное развитіе составляетъ часть развитія вообще. Подобно всѣмъ вообще развивающимся агрегатамъ, общества обнаруживаютъ интеграцію, проявляющуюся, какъ въ простомъ возрастаніи массы, такъ и въ сліяніи отдѣльныхъ массъ между собою, и затѣмъ въ новомъ сліяніи этихъ сложныхъ массъ. Переходъ отъ однородности къ разнородности обнаруживается тутъ на множествѣ примѣровъ, — въ цѣломъ длинномъ ряду, начинающемся простымъ племенемъ, сходнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и кончающемся цивилизованной націей, преисполненной безчисленныхъ структурныхъ и функціональных несходствъ. Возрастаніе интеграціи и разнообразности сопровождается тутъ одновременнымъ возрастаніемъ связи между частями. Первобытная кочевая группа, распадающаяся на части и разсѣивающаяся въ стороны, не сдерживается вмѣстѣ никакими узами; части племени уже тѣснѣе связаны другъ съ другомъ повиновеніемъ общему главѣ, или вождю; группа племенъ, соединившихся въ политическій союзъ, подъ управленіемъ главнаго

вождя и второстепенных вождей, представляет еще болѣе прочное, такъ далѣе, вплоть до цивилизованной націи, сплоченной на столько крѣпко, чтобы сохранять свою цѣльность въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія или даже болѣе. Одновременно съ этимъ, обнаруживается возрастаніе опредѣленности. Организациа, проявляемая первобытными ордами, крайне смутна и неопредѣленна; дальнѣйшій прогрессъ приносить съ собою болѣе прочно-установившіяся особенности общественнаго склада, которыя постепенно становятся все болѣе и болѣе точно-опредѣленными; обычаи переходятъ въ законы, которые, становясь болѣе постоянными, становятся въ то же время и болѣе специфичными, въ своихъ приложеніяхъ къ все болѣе и болѣе разнообразнымъ дѣйствіямъ; наконецъ, всѣ общественныя учрежденія, вначалѣ перепутанныя между собою самымъ сбивчивымъ образомъ, мало по малу отдѣляются одни отъ другихъ; и, въ то же самое время, внутри каждаго изъ нихъ происходитъ болѣе рѣзкое отдѣленіе другъ отъ друга его отдѣльныхъ составныхъ частей. Такимъ образомъ, общественное развитіе выполняетъ со всѣхъ сторонъ общую формулу развитія, — въ смыслѣ прогресса къ большому объему, къ болѣеи связности, къ большому многообразію и къ болѣеи опредѣлительности.

Кромѣ этихъ общихъ истинъ, нашъ обзоръ открылъ передъ нами не мало истинъ болѣе спеціального свойства. Сравненія обществъ, на постепенно восходящихъ ступеняхъ ихъ развитія, познакомили насъ со многими основными фактами касательно ихъ роста, строенія и отправления; касательно тѣхъ системъ органовъ, изъ которыхъ слагаются общества (система органовъ поддержанія жизни, система распределительная и система регулятивная); касательно отношеній этихъ аппаратовъ къ окружающимъ условіямъ и къ господствующей формѣ общественной дѣятельности; и, наконецъ, касательно метаморфозъ, претерпѣваемыхъ типами, подъ вліяніемъ измѣненій въ характерѣ общественной дѣятельности. Тѣ индукціи, къ которымъ мы пришли во время этого обзора, и которыя составляютъ такимъ образомъ грубый очеркъ Эмпирической Соціологіи, вполне достаточны для доказательства того, что въ общественныхъ явленіяхъ имѣется нѣкоторый общій порядокъ со-существованія и послѣдовательности, и что поэтому общественныя явленія составляютъ предметъ науки, которая можетъ быть сведена, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, къ дедуктивной формѣ.

Итакъ, руководясь закономъ развитія вообще и тѣми индукціями, которыя были добыты нами выше, въ согласіи съ этимъ закономъ, мы можемъ считать себя теперь достаточно подготовленными для того, чтобы приступить къ синтезу общественныхъ явленій. Мы должны начать этотъ синтезъ съ самыхъ простѣйшихъ изъ этихъ явленій, т. е. съ тѣхъ, которыя представляетъ намъ развитіе семьи.

POST-SCRIPTUM

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Нѣкоторыя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ, въ „Revue Philosophique“ (май, 1877), тонкимъ, но сочувственнымъ критикомъ, Генри Маріономъ, показали мнѣ необходимость прибавить здѣсь одно объясненіе, которое предупредить, со стороны другихъ читателей, возможность подобныхъ-же недоумѣній, вызванныхъ моею кажущейся непоследовательностью.

Маріонъ указываетъ на контрастъ, проводимый мною между тѣми типами индивидуальныхъ организмовъ, у которыхъ, рядомъ съ развитою системою организмовъ питанія, существуетъ неразвитая нервная система, и тѣми типами, у которыхъ хорошо развитая нервная система даетъ организму возможность координировать свои виѣшнія дѣйствія такимъ образомъ, чтобы успѣшно схватывать добычу и избѣгать самому враговъ; причемъ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что я считаю первые типы относительно низкими, а вторые —относительно высокими. Затѣмъ онъ указываетъ, что я считаю аналогичными этимъ типамъ индивидуальныхъ организмовъ тѣ типы общественныхъ организмовъ, которые отличаются:—одни широко развитою системою органовъ поддержанія жизни, или промышленною системою, при слабомъ развитіи регулятивной, или правительственной системы; а другіе —менѣ развитою промышленною системою, въ соединеніи съ централизованною правительственною системою, дѣлающей общество способнымъ къ успѣшной комбинаціи своихъ силъ, въ борьбѣ съ другими обществами. Послѣ чего онъ старается показать, что хотя, при классификаціи животныхъ типовъ, я ставлю типы съ неразвитою нервною системою ниже, а типы съ развитою нервною системою выше остальныхъ, но что, при классификаціи обществъ, я отступаю отъ этого принципа и безмолвно допускаю повсюду, что типы, съ преобладаніемъ промышленной системы, или системы органовъ поддержанія жизни, стоятъ выше тѣхъ типовъ, которые обнаруживаютъ высокоцентрализованную и могущественную регуля-

04135340
2022090933

тивную систему. Онъ говорить:— „какъ истинный натуралистъ, онъ очевидно считаетъ наиболѣе централизованныя состоянія болѣе высокими, чѣмъ всѣ остальные“. Затѣмъ, распространившись на счетъ того отвращенія, съ которымъ я, „какъ англичанинъ либеральной школы“, смотрю на такія централизованныя общества, и на счетъ того восхищенія, съ которымъ я отношусь къ свободнымъ, меньше-управляемымъ, промышленнымъ обществамъ, онъ съ силою выставляетъ мою непослѣдовательность, говоря: — „но вскорѣ, внутри его, моралистъ вступаетъ въ борьбу съ натуралистомъ; и индивидуальная свобода,—представляющая, однако, принципъ анархіи, — находить въ немъ столько же горячаго, сколько и неожиданнаго защитника“.

Я очень сожалѣю, что, при написаніи предшествующихъ главъ, мнѣ не пришло въ голову противопоставить жизнь индивидуальныхъ организмовъ жизни общественныхъ организмовъ, послѣ чего происхожденіе этой кажущейся непослѣдовательности стало бы ясно само собою. Этотъ контрастъ между жизнью индивидуальныхъ и общественныхъ организмовъ состоитъ въ слѣдующемъ: — индивидуальные организмы, какъ низшаго, такъ и высшаго порядка, принуждены поддерживать свою жизнь посредствомъ оборонительныхъ или наступательныхъ дѣятельностей, или же и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ: добываніе пищи и защита отъ враговъ всегда остаются для нихъ существенными требованіями жизни. Отсюда является необходимость въ регулятивной системѣ, которая могла бы координировать дѣятельности ихъ чувствъ и членовъ. Отсюда же объясняется и превосходство, вытекающее для нихъ изъ обладанія централизованнымъ нервнымъ аппаратомъ, которому были бы вполнѣ подчинены всѣ внѣшніе ихъ органы. Но, по отношенію къ обществамъ, дѣло стоитъ иначе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, на первыхъ, воинственныхъ ступеняхъ общественного развитія, жизнь обществъ, какъ и жизнь животныхъ, зависитъ въ очень значительной степени, — а, можетъ быть, даже и главнымъ образомъ, — отъ ихъ способности къ самооборонѣ и нападенію; а потому, на этихъ ступеняхъ, общества, обладающія наиболѣе централизованною регулятивною системою, а слѣдовательно, способныя пользоваться своими силами съ наибольшею успѣшностью, должны считаться наиболѣе высокими, по отношенію къ этимъ временнымъ требованіямъ жизни. Но эти требованія имѣютъ лишь временный характеръ. Образованіе болѣе крупныхъ общественныхъ агрегатовъ, возрастаніе промышленности и ослабленіе военныхъ дѣятельностей постепенно приводятъ за собою такое состояніе, при которомъ жизнь обществъ уже не зависитъ главнымъ образомъ отъ успѣшности ихъ оборонительныхъ и наступательныхъ дѣятельностей по отношенію къ другимъ обществамъ, но зависитъ главнымъ образомъ

отъ тѣхъ качествъ, которыя позволяютъ имъ устоять въ борьбѣ промышленнаго соперничества. Такъ что высота положенія, занимаемаго обществомъ, по отношенію къ этимъ конечнымъ требованіямъ, будетъ пропорціональна развитію въ немъ промышленной системы, а никакъ не пропорціональна развитію въ немъ той централизованной, регулятивной системы, которая дѣлаетъ общества годными къ веденію войнъ. И такъ, у животныхъ, мѣрило превосходства остается повсюду одно и тоже; потому что тѣ цѣли, которыя приходится достигать, остаются повсюду тѣми же самыми; но, въ обществахъ, мѣрило превосходства совершенно измѣняется, такъ какъ подлежащія достиженію цѣли тоже претерпѣваютъ полнѣйшее измѣненіе.

Этотъ отвѣтъ подготавливаетъ намъ путь къ отвѣту и на другое замѣчаніе Маріона, сдѣланное имъ прежде этого. Я указалъ, въ своемъ мѣстѣ, что единицы, изъ которыхъ слагается индивидуальный организмъ, будучи лишены по большей части способности къ чувствованію, выполняютъ свои дѣятельности для блага известной группы единицъ (образующихъ нервныя центры), монополизировавшей въ свою пользу всю чувствительность; тогда какъ, въ обществахъ, всѣ единицы одарены способностью чувствовать. И я вывелъ изъ этого заключеніе, что, въ индивидуальномъ организмѣ, единицы существуютъ для блага агрегата, тогда какъ, въ общественномъ организмѣ, самый агрегатъ существуетъ только для блага единицъ. Генри Маріонъ, указавъ на эти взгляды, выражаетъ свое удивленіе тому, что я, не смотря на такое ясное признаваніе этого различія, такъ мало принимаю его въ соображеніе во всемъ послѣдующемъ изслѣдованіи, и не замѣчаю, что оно имѣетъ огромное вліяніе на всѣ выводимыя мною аналогіи. Я могу возразить на это, что именно мое признаваніе этого глубокаго различія между цѣлями, которымъ должна служить индивидуальная организація, и цѣлями, которымъ должна служить общественная организація, и вызвало ту кажущуюся аномалію въ оцѣнкѣ общественныхъ типовъ, которая была объяснена выше. Общественная организація должна считаться тѣмъ выше, чѣмъ успѣшнѣе она служитъ благосостоянію индивидовъ, потому что, въ обществѣ, единицы обладаютъ чувствованіемъ, тогда какъ самъ агрегатъ безчувственъ; на этомъ основаніи, индустріальный типъ долженъ считаться болѣе высокимъ, потому что онъ служитъ благу индивидовъ лучше, чѣмъ милитарный типъ. На прогрессивныхъ ступеняхъ развитія милитаризма, благосостояніе агрегата имѣетъ преимущество передъ благосостояніемъ индивида, потому что тутъ жизнь самаго индивида зависитъ отъ сохраненія агрегата отъ уничтоженія его разными врагами; а потому, при воинственномъ общественномъ строѣ, на индивида смотреть, какъ на существующаго для блага государства, и его личное благосостояніе принимается въ расчетъ лишь по

304135340
30243110330

стольку, по скольку оно оказывается согласимымъ съ поддержаніемъ могущества государства. Но, по мѣрѣ того какъ необходимость самосохраненія для общества, въ его борьбѣ съ другими обществами, все уменьшается, а промышленность все возрастаетъ, подчиненіе индивидуальнаго благосостоянія благосостоянію корпораціи все уменьшается и уменьшается; и, наконецъ, когда агрегату не приходится уже болѣе бороться съ внѣшними опасностями, приобретаемая имъ организація, свойственная полному господству индустріализма, приводитъ къ индивидуальному благосостоянію въ самой высокой степени. И такъ, индустріальный типъ, съ его децентрализованными аппаратами, представляетъ самый высшій типъ потому, что онъ всего лучше служить тѣмъ цѣлямъ, къ достиженію которыхъ должна стремиться общественная организація,—въ отличіе отъ тѣхъ цѣлей, которымъ должна служить индивидуальная организація, съ ея централизованными аппаратами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОМАШНІЯ ОТНОШЕНІЯ.

ГЛАВА I.

СОХРАНЕНИЕ ВИДА.

§ 272. Какъ полное пониманіе общественныхъ отношеній не можетъ быть достигнуто безъ изученія ихъ генезиса, такъ и полное пониманіе домашнихъ отношеній можетъ явиться только этимъ путемъ, а чтобы понять вполне генезисъ домашнихъ отношеній нужно отступить назадъ гораздо далѣе того, куда въ состояніи довести насъ исторія человѣка.

Для каждаго вида совершенно необходимо, чтобы умирающіе индивиды замѣщались новыми; иначе видъ, какъ цѣлое, долженъ умереть. Не менѣе очевидно и то, что если норма смертности въ какомъ-нибудь видѣ высока, то и норма размноженія должна быть также высока, и наоборотъ. Такъ какъ сохраненіемъ должной пропорціи между размноженіемъ и смертностью столь же необходимо и для человѣческаго рода, какъ и для всякаго другаго вида, то не трудно видѣть, что полному пониманію фактовъ, обнаруживаемыхъ человѣческими существами, должно предшествовать разсмотрѣніе фактовъ, обнаруживаемыхъ всѣми живыми существами вообще.

§ 273. Очевидно, что сохраненіе жизни вида представляетъ въ каждомъ случаѣ ту цѣль, которой подчинены всѣ остальные (ибо, съ исчезаніемъ вида, исчезаютъ и всѣ другія цѣли); взглянемъ же на тѣ различные способы, помощью которыхъ достигается эта цѣль. Для сохраненія вида требуется, чтобы каждое поколѣніе давало достаточное число взрослыхъ индивидовъ; понятно, что это требованіе можетъ быть выполнено самыми разнообразными путями; а потому и стоимость сохраненія вида можетъ распределяться между существующими индивидами (родителями) и ихъ непосредственными замѣстителями (потомками) въ самой разнообразной пропорціи.

Низшія творенья, обладающія лишь очень малою силою для сопротивленія жизнеразрушающимъ дѣйствіямъ окружающей среды, и еще меньшею силою для

УДК 37.000.000
0411359411

охраненія своего потомства, могутъ поддержать жизнь вида только въ тѣхъ условіяхъ, если взрослые индивиды будутъ производить зародыши новыхъ индивидовъ въ безчисленномъ количествѣ, такъ чтобы, не смотря на всю беззащитность этихъ зародышей и на отсутствіе всякой охраны, одинъ или два изъ нихъ могли избѣгнуть преждевременной гибели. Очевидно, что чѣмъ значительнѣе часть родительскаго существа, которая превращается въ зародыши (а эта часть часто составляетъ большую половину всей массы родителя), тѣмъ меньше та его часть, которая можетъ быть посвящена индивидуальной жизни.

Съ каждымъ зародышемъ, обыкновенно заключеннымъ въ яйцѣ, кладется нѣкоторое количество питательныхъ веществъ, на счетъ которыхъ совершается его ростъ въ продолженіи того времени, пока онъ еще не въ состояніи начать самостоятельной борьбы за существованіе. Понятно, что изъ даннаго количества вещества, отдаваемого организмомъ-родителемъ на размноженіе, можетъ быть образовано или большое число зародышей, съ небольшимъ количествомъ питательнаго вещества при каждомъ, или небольшое число зародышей, съ большимъ запасомъ питательнаго вещества при каждомъ. Отсюда происходятъ значительныя различія въ нормѣ смертности между потомствомъ. Въ однихъ случаяхъ, изъ милліона крошечныхъ яичекъ, оставленныхъ безъ всякаго попеченія, большинство погибаетъ ранѣе того момента, когда изъ нихъ выклюнутся молодыя животныя; изъ числа выклюнувшихся созданий, обладающихъ лишь въ самой слабой степени способностью добывать себѣ пищу и избѣгать враговъ, большинство опять-таки умираетъ или пожирается врагами вскорѣ по вылупленіи изъ яйца; такъ что очень немногіе изъ всего выводка способны наслаждаться сколько-нибудь длиною индивидуальною жизнью. И наоборотъ, въ другихъ случаяхъ, гдѣ условія существованія даннаго вида дѣлаютъ выгоднымъ для него класть меньшее число яицъ, но за то снабжать каждый зародышъ большимъ запасомъ питательныхъ веществъ, молодые индивиды, начиная свою самостоятельную жизнь на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, выживаютъ гораздо долѣе; такимъ образомъ сохраненіе вида не требуетъ здѣсь пожертвованія огромнымъ числомъ индивидовъ, ранѣе достиженія ими зрѣлости.

Пропорція между этими факторами допускаетъ крайнее разнообразіе. Взрослый индивидъ, единственный оставшійся въ живыхъ изъ цѣлыхъ сотенъ тысячъ погибшихъ зародышей, можетъ и самъ быть принесенъ цѣликомъ въ жертву произведенію новыхъ зародышей; въ этомъ случаѣ можно сказать, что сохраненіе вида покупается и взрослыми, и молодыми индивидами огромною цѣною, — цѣною почти полнаго отсутствія индивидуальной жизни. Или же взрослый индивидъ, посвящая лишь умѣренную часть своего вещества на произве-

деніе зародышей, можетъ наслаждаться довольно большимъ количествомъ жизни; въ этомъ случаѣ можно сказать, что сохраненію вида покупается лишь на счетъ громадной смертности молодыхъ. Или же, наконецъ, взрослое созданіе, посвящая почти все свое вещество цѣликомъ на произведеніе зародышей, кладетъ умѣренное число яицъ, хорошо снабженныхъ пищею и хорошо предохраненныхъ отъ разрушительныхъ вліяній; вслѣдствіе чего смертность между молодыми не такъ велика, какъ въ предыдущихъ случаяхъ; въ этомъ случаѣ можно сказать, что сохраненіе вида достигается болѣе на счетъ родителей и менѣе на счетъ дѣтей.

§ 275. И такъ, если, съ одной стороны, благосостояніе вида зависитъ отъ благосостоянія составляющихъ его индивидовъ, то, съ другой стороны, благосостояніе вида идетъ въ разрѣзъ съ благосостояніемъ индивидовъ; при этомъ слѣдуетъ прибавить, что пожертвованія, требующіяся отъ индивидовъ ради сохраненія вида, могутъ падать на взрослыхъ и молодыхъ въ очень неравныхъ пропорціяхъ.

Антагонизмъ между индивидуальностью и генезисомъ былъ уже рассмотрѣнъ, съ общихъ его сторонъ, въ Основаніяхъ Біологіи, §§ 319—51. Здѣсь же для насъ важны лишь нѣкоторыя спеціальныя его стороны. Чтобы понять ихъ вполне ясно, — что, какъ мы увидимъ, очень важно для насъ, — слѣдуетъ рассмотреть ихъ поподробнѣе.

ГЛАВА II.

СТОЛБНОВЕНІЕ ИНТЕРЕСОВЪ ВИДА, РОДИТЕЛЕЙ И ДѢТЕНЫША.

§ 275. У микроскопическихъ Protozoa наблюдается постоянное самопроизвольное дѣленіе. Послѣ немногихъ часовъ независимаго существованія, каждый индивидъ тратится сполна на произведеніе двухъ новыхъ индивидовъ, которые очень скоро достигаютъ полнаго роста и сейчасъ же повторяютъ тотъ же самый процессъ. Кромѣ того, отъ времени до времени, тутъ имѣетъ мѣсто форма болѣе крайняго дѣтдопроизводительнаго распада: по истеченіи нѣкотораго періода покоя, все тѣло индивида распадается сразу на множество зародышей, изъ которыхъ возникаетъ новое поколѣніе. Ясно, что здѣсь жизнь родителей чрезвычайно коротка и такъ сказать совершенно исчезаетъ въ жизни потомства.

У животныхъ агрегатовъ втораго порядка, это настоящее превращеніе родительскаго тѣла въ тѣла потомковъ совершается различными путями; хотя, конечно, оно происходитъ здѣсь черезъ гораздо болѣе длинные промежутки времени. Между Coelenterata, а именно у нѣкоторыхъ Medusae, полипообразное тѣло родителя, или quasi-родителя, достигнувъ извѣстнаго роста, превращается въ рядъ сегментовъ, похожій на столбикъ чайныхъ блюдечекъ, положенныхъ одно на другое; каждое изъ этихъ блюдечекъ, развивающихся поочередно, въ извѣстный моментъ своего развитія отрывается отъ остальныхъ, упиливаетъ прочъ и становится медузою. Впрочемъ, въ этихъ и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ циклическаго размноженія, можно считать, что тѣло незрѣлага индивида (такъ какъ взрослая форма имѣетъ тутъ видъ медузы) тратится на произведеніе этихъ отчасти-развитыхъ зрѣлыхъ индивидовъ.

У Entozoa, а именно у нѣкоторыхъ Trematoda, подобный же результатъ достигается нѣсколько инымъ способомъ. Послѣ достиженія церкаріей (сегсаріа) до той ступени развитія, на которой у ней имѣется уже голова, при-

датки и пищеварительная система, все внутреннее ея существо превращается въ молодыхъ церкарій, существенно-сходныхъ съ нею самою; затѣмъ она лопається и освобождаетъ заключенныхъ въ ней церкарій, изъ которыхъ каждая повторяетъ съизнова исторію произведшей ее церкаріи; наконецъ, послѣ двухъ или трехъ преисшедшихъ такимъ образомъ поколѣній, развиваются совершенные индивиды.

Въ другомъ отдѣлѣ *Entozoa*, а именно у *Cestoidae*, размноженіе вызываетъ подобное же распаденіе родительскаго тѣла на части, предназначенныя для продолженія расы; т. е. пожертвованія, приносимыя родителями для поддержанія вида, здѣсь столь же велики, какъ и въ предыдущемъ случаѣ; и только самый способъ размноженія имѣетъ тутъ нѣсколько иную форму. Каждый членникъ ленточной глисты, извѣстный въ своемъ зрѣломъ и отдѣльномъ состояніи подъ именемъ *proglottis*, обваруживаетъ въ этомъ состояніи присутствіе въ немъ жизни лишь самыми слабыми движеніями. Онъ является на свѣтъ, быть можетъ, изъ единственнаго яйца, уцѣлѣвшаго изъ числа цѣлыхъ мириадъ такихъ яицъ, положенныхъ предыдущей ленточной глистой; да и самъ онъ, въ моментъ своего превращенія въ независимый индивидъ представляетъ ничто иное, какъ простое вмѣстилище для безчисленнаго множества яицъ. Не имѣя ни членовъ, ни органовъ чувствъ, ни даже пищеварительнаго канала, онъ обладаетъ не болѣе высокой степени жизненностью, чѣмъ растеніе, и умираетъ, какъ только содержащіяся въ немъ массы яицъ вполнѣ созрѣвають. Такимъ образомъ, мы имѣемъ тутъ крайній примѣръ подчиненія интересовъ, какъ взрослыхъ, такъ и молодыхъ индивидовъ, интересамъ вида.

Переходя теперь къ болѣе высокимъ типамъ, остановимся прежде всего на нѣсколькихъ примѣрахъ, взятыхъ между *Articulata*. Многие роды паразитныхъ ракообразныхъ, какова напримѣръ *Lerneae*, проходятъ, въ ранней молодости, черезъ такой періодъ развитія, — правда, очень краткій, — въ продолженіи котораго молодое животное свободно плаваетъ туда и сюда. Въ большинствѣ случаевъ оно погибаетъ уже во время этого періода развитія; но если ему удастся встрѣтить рыбу и прикрѣпиться къ ней, оно начинаетъ новый періодъ жизни: а именно, оно утрачиваетъ свои члены и органы чувствъ, перестаетъ дѣлать что-либо либо другое, кромѣ высасыванія изъ рыбы питательнаго сока, и развиваетъ огромные мѣшки съ яйцами. Мѣшки эти, начинаясь въ видѣ двухъ бугорковъ, по обѣимъ сторонамъ тѣла, черезъ нѣсколько времени вырастаютъ такъ сильно, что значительно превосходятъ по своему объему самое тѣло: такимъ образомъ жизнь родителя уходитъ здѣсь на произведеніе многочисленныхъ яицъ. Подобные же результаты могутъ быть наблюдаемы даже между насѣкомыми, хотя тутъ они облакаются нѣсколько въ

другую форму. Вся жизнь самки кошенили заключается въ медленном ползаніи по кактусу и въ высасываніи изъ него сока; ничего болѣе высокаго эта жизнь не представляетъ; съ достиженіемъ зрѣлости, самка развиваетъ множество яицъ, которыя подѣ конецъ совершенно выполняютъ ея внутренность; потративъ постепенно все свое вещество на образованіе яицъ, она умираетъ, оставивъ свою наружную оболочку въ видѣ предохранительной покрывки надъ яйцами; причемъ, изъ каждой сотни молодыхъ, выдупляющихся изъ этихъ яицъ, выживаетъ только одинъ, а остальные девяносто-девять пожираются врагами.

У высшихъ насѣкомыхъ, сохраненіе вида покупается цѣною гибели, быть можетъ, столь же значительнаго числа молодыхъ; но за то взрослые приносятся въ жертву этой цѣли уже не въ столь значительной мѣрѣ. Послѣ личиночнаго состоянія, въ продолженіи котораго жизнедѣятельность относительно низка, а смертность велика, здѣсь наступаетъ, — по крайней мѣрѣ хотя для одного изъ сотни, — дѣятельная взрослая жизнь. Впрочемъ, эта взрослая жизнь довольно коротка; иной разъ она длится всего лишь нѣсколько дней; и вообще, она прекращается обыкновенно вскорѣ послѣ того, какъ насѣкомое положить свои яйца.

Дальнѣйшіе нужны намъ пояснительные примѣры мы можемъ позаимствовать у *Vertebrata*. Въ этомъ классѣ, сохраненіе вида покупается цѣною прямого пожертвованія жизнью родителя лишь въ очень немногихъ случаяхъ, — если только это бываетъ вообще хотя въ одномъ случаѣ. Треска мечетъ за разъ около милліона яицъ и, продолжая сохранять свою жизнь, повторяетъ этотъ процессъ изъ году въ годъ; но, хотя жизнь родителя сохраняется здѣсь очень долго, за то изъ милліона дѣтенышей болѣе девятисотъ девяносто девяти тысячъ погибаютъ, не достигнувъ зрѣлости, на разныхъ ступеняхъ своего развитія. У болѣе высокихъ типовъ этого класса (*pisces*), производящихъ сравнительно небольшое число яицъ, снабженныхъ сравнительно лучше всѣмъ необходимымъ, такое пожертвованіе молодымъ поколѣніемъ интересамъ вида значительно меньше; а у слѣдующей, болѣе высокой, группы позвоночныхъ, — *Amphibia*, — тѣ же причины уменьшаютъ его еще въ большей степени. Переходя къ птицамъ, мы находимъ, что здѣсь сохраненіе расы стоитъ еще меньшихъ издержекъ, какъ для родителей, такъ и для дѣтенышей. Молодые вскармливаются тутъ такъ хорошо, что большинство ихъ успѣваетъ вырасти, хотя число ихъ въ каждомъ случаѣ и велико; такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ, около половины, въ другомъ, — около четверти всего числа молодыхъ достигаетъ до того возраста, въ которомъ они сами становятся способными къ размноженію. Затѣмъ, во все время высиживания и вскармливанія молодыхъ, жизнь родителей подчинена интересамъ

расы лишь отчасти, а не поглощается ими цѣликомъ. Кромѣ того, періоды дѣторожденія раздѣлены между собою довольно длинными промежутками, въ продолженіи которыхъ родители живутъ исключительно для самихъ себя.

Самый высшій классъ позвоночныхъ, — *Mammalia*, — разсматриваемый во всемъ своемъ цѣломъ, представляетъ еще большій шагъ впередъ относительно этого соглашенія интересовъ вида, родителей и дѣтенышей; да и внутри самого этого класса не трудно прослѣдить постепенный прогрессъ такого соглашенія, путемъ сравнительнаго разсмотрѣнія его типовъ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ. Мелкіе грызуны достигаютъ зрѣлости уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; они мечутъ дѣтенышей часто и помногу; рано умираютъ; самка живетъ у нихъ въ молодости для самой себя лишь самое непродолжительное время и, въ большинствѣ случаевъ, она теряетъ свою жизнь ранѣе окончанія того возраста, въ которомъ она еще способна къ размноженію; такъ что ей не удастся пожить, по окончаніи періода дѣторожденія, на саму себя, не будучи обремененной дѣтенышами. Обратившись теперь сразу къ другой крайности, мы найдемъ огромный контрастъ съ этой стороны. Первые двадцать или тридцать лѣтъ жизни молодого слона посвящаются сполна индивидуальному развитію и дѣятельности. Жизнь взрослой самки отягощается бременемъ возвращенія дѣтенышей въ самой умѣренной степени, ибо число дѣтенышей тутъ относительно не велико и появляются они черезъ длинные промежутки времени. И хотя наши свѣдѣнія недостаточны для того, чтобы сказать точно, сколько времени продолжается жизнь самки по окончаніи періода дѣторожденія, тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе, что силы ея, по окончаніи этого періода, оказываются вполне достаточными для снискиванія себѣ пропитанія и для самообороны, мы имѣемъ поводъ думать, что самка слона наслаждается обыкновенно еще многими заключительными годами чисто индивидуальной жизни. Что же касается до самца, то онъ въ теченіи всей своей жизни не несетъ почти никакой тягости въ интересахъ сохраненія вида.

§ 276. Впрочемъ, развитіе уменьшаетъ пожертвованіе индивидуальной жизнью жизни вида еще и другимъ путемъ. Матерьяльныя издержки на размноженіе обусловливаютъ равносильный вычетъ изъ того, что идетъ на индивидуальное развитіе и дѣятельность; причемъ у низшихъ типовъ не существуетъ никакого вознагражденія за этотъ вычетъ; но, восходя къ болѣе высокимъ типамъ, мы находимъ все большее и большее вознагражденіе за этотъ вычетъ въ формѣ родительскихъ радостей.

Ограничивъ наши иллюстраціи одними позвоночными животными, мы находимъ, что большинство рыбъ и пресмыкающихся, выметавъ однажды икру, предоставляютъ ее вслѣдъ за тѣмъ своей собственной судьбѣ: т. е. они употребляютъ на размноженіе значительную матерьяльную затрату; и хотя послѣдую-

УДК 302.3:019.019.33
302.3:019.019.33

шая судьба молодого поколѣнія не требуетъ отъ нихъ никакихъ дальнѣйшихъ заботъ, за то у нихъ не имѣется и ни одного изъ тѣхъ удовольствій, которыми сопровождаются обыкновенно такія заботы. Совершенно другое видимъ мы у птицъ и у млекопитающихъ. Возращеніе дѣтенышей требуетъ тутъ труда со стороны одного изъ родителей, или даже ихъ обоихъ, и, такимъ образомъ, стѣсняетъ въ извѣстной мѣрѣ родительскую жизнь; но за то, съ другой стороны, оно расширяетъ эту жизнь; ибо весь складъ животныхъ этихъ типовъ до такой степени приспособленъ къ требованіямъ ихъ жизни, что ихъ дѣятельность на пользу дѣтенышей служить для нихъ источникомъ пріятныхъ душевныхъ волненій; точъ въ точъ такъ, какъ ихъ дѣятельность для поддержанія собственной жизни служить для нихъ въ то же время и источникомъ удовольствій.

Если отъ менѣе смысленныхъ изъ этихъ высшихъ позвоночныхъ, производящихъ значительное число молодыхъ, черезъ короткіе промежутки времени, и покидающихъ ихъ въ сравнительно раннемъ возрастѣ, мы перейдемъ теперь къ наиболѣе смысленнымъ изъ нихъ, производящимъ небольшое число молодыхъ, черезъ длинные промежутки времени, и окружающимъ ихъ попеченіями въ теченіи болѣе продолжительнаго срока, то мы замѣтимъ, что, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ смертности между молодыми, обусловленнымъ этими обстоятельствами, тутъ имѣется заразъ и уменьшеніе матеріальной стоимости сохраненія вида, и увеличеніе удовольствій, произтекающихъ изъ родительскихъ привязанностей.

§ 277. И такъ, мы имѣемъ здѣсь вполне опредѣленное мѣрило для рѣшенія того, что составляетъ прогрессъ въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и другъ къ другу. По мѣрѣ того какъ организмы поднимаются все выше и выше въ своемъ развитіи, какъ со стороны своего устройства, такъ и со стороны своихъ силъ и способностей, ихъ индивидуальность все въ меньшей и меньшей мѣрѣ приносится въ жертву дѣлу сохраненія вида; откуда само собою слѣдуетъ, что въ самомъ высокому типѣ, — въ типѣ человѣка, такое пожертвованіе интересами индивидуальности интересамъ расы доходитъ до минимума.

Обыкновенно, при обсужденіи домашнихъ отношеній, мы обращаемъ почти все наше вниманіе на благосостояніе лишь тѣхъ, до кого эти отношенія касаются самымъ непосредственнымъ образомъ. Рѣшая вопросъ о томъ, хороши или дурны данныя отношенія между мужчинами и женщинами, мы выражаемся такъ, какъ будто-бы главнѣйшее наше вниманіе должно быть сосредоточено на томъ вліяніи, какое они оказываютъ на существующее взрослое поколѣніе; если мы и принимаемъ еще въ расчетъ ихъ вліяніе на подростующее поколѣніе, то мы не думаемъ вовсе, или думаемъ лишь очень мало о томъ, какъ они

отразятся на будущихъ поколѣніяхъ. Но изъ всего сказаннаго выше мы видимъ теперь, что порядокъ изслѣдованія этихъ отношеній долженъ быть совершенно обратный.

При обсужденіи семейной организаціи того или другаго рода, мы должны смотрѣть прежде всего на то, въ какой степени она помогаетъ сохраненію того общественнаго агрегата, въ которомъ она существуетъ; ибо каждый общественный агрегатъ играетъ, по отношенію къ составляющимъ его личностямъ, ту же самую роль, какую играетъ видъ по отношенію къ составляющимъ его индивидамъ. Человѣческій родъ продолжаетъ сохранять свое существованіе не въ силу какихъ-либо приспособленій, имѣющихъ отношеніе къ нему, какъ къ цѣлому, но въ силу выживанія отдѣльныхъ его обществъ. И такъ какъ выживаніе расы, достигаемое посредствомъ выживанія составляющихъ ее обществъ, есть самое первое и самое главное требованіе, то относительно-годными домашними отношеніями мы должны считать тѣ, которыя наиболѣе способствуютъ выживанію даннаго общества.

Слѣдующая за этимъ наивысшая цѣль удовлетворительныхъ домашнихъ отношеній состоитъ въ возвращеніи отъ рожденія до зрѣлости наибольшаго числа здоровыхъ дѣтей, по скольку ихъ многочисленность не мѣшаетъ сохраненію общества. Эта послѣдняя оговорка можетъ показаться излишнею; но мы увидимъ вполнѣ въ доказательство того, что она нужна. Мы увидимъ, что общества, а въ особенности первобытныя группы, не всегда извлекаютъ выгоды изъ ничѣмъ не стѣсняемаго размноженія ихъ членовъ; и что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они избѣгаютъ вымиранія только на счетъ усиленной смертности дѣтей.

За благосостояніемъ общества и благосостояніемъ потомства слѣдуетъ благосостояніе родителей. Мы должны считать въ каждомъ случаѣ наилучшею ту форму супружескихъ отношеній, которая, удовлетворяя только что высказаннымъ условіямъ, оказывается наиболѣе благопріятной и наименѣе обременительной для жизни взрослыхъ мужчинъ и женщинъ.

Наконецъ, послѣдняя цѣль удовлетворительныхъ домашнихъ отношеній должна заключаться въ томъ способствованіи индивидуальной жизни, которое является въ тѣхъ случаяхъ, когда преклонный возрастъ родителей удлиняется и дѣлается болѣе пріятнымъ вслѣдствіе попеченій о нихъ ихъ собственныхъ дѣтей, и когда эти попеченія становятся источникомъ удовольствія для этихъ дѣтей.

Соединяя вмѣстѣ всѣ эти условія, мы находимъ, что наивысшая форма семейнаго строя достигается тогда, когда существуетъ такое соглашеніе между

УДК 364.01
ББК 364.01

нуждами общества и нуждами его членовъ, старыхъ и молодыхъ, при которой смертность между рожденьемъ и брачнымъ возрастомъ понижается до минимума, и при которомъ подчиненіе жизни взрослыхъ дѣлу возвращенія молодыхъ низводится до наименьшей степени. Уменьшеніе этого подчиненія совершается тремя путями: во-первыхъ, удлинненіемъ періода, предшествующаго размноженію; во-вторыхъ, уменьшеніемъ числа рождаемыхъ и воспитываемыхъ дѣтей, а также увеличеніемъ радостей, почерпаемыхъ въ попеченіяхъ о нихъ; и, въ третьихъ, удлинненіемъ жизненнаго періода, слѣдующаго за прекращеніемъ способности къ дѣторожденію.

Этотъ идеаль семьи, внушенный намъ нашимъ обзоромъ половыхъ и родительскихъ отношеній во всемъ органическомъ мірѣ, есть въ то же время и тотъ идеаль, къ которому приводятъ насъ сравненія между низшими и высшими ступенями человѣческаго прогресса. У дикихъ племенъ, мы обыкновенно находимъ сильную смертность между дѣтьми: въ большинствѣ случаевъ, тутъ существуютъ болѣе или менѣе частыя дѣтоубійства; или же дѣти просто умираютъ въ раннемъ возрастѣ отъ неблагопріятныхъ условій; или, наконецъ, наблюдается одновременно и то, и другое. Затѣмъ, эти низшія расы характеризуются раннимъ наступленіемъ зрѣлости и раннимъ началомъ дѣторожденія, — т. е. краткостью того перваго періода, въ продолженіи котораго индивидуальная жизнь ведется собственно для себя. Во все продолженіе періода дѣторожденія, бремя, налагаемое имъ на взрослыхъ, а въ особенности на женщинъ, которыя истощаются сверхъ того домашними работами, бываетъ очень велико. Удовольствія, доставляемые здѣсь супружескими и родительскими отношеніями, и не такъ высоки по своему качеству, и не такъ продолжительны, какъ у цивилизованныхъ расъ. Наконецъ, тотъ періодъ жизни, который слѣдуетъ за окончаніемъ вскармливанія дѣтей, не продолжителенъ для обоихъ половъ: жизнь стариковъ часто прекращается насиліемъ; или же они умираютъ вслѣдствіе умышленнаго оставленія ихъ своими дѣтьми; или же они быстро угасаютъ вслѣдствіи другихъ причинъ, не предотвращаемыхъ заботливыми попеченіями дѣтей.

Такимъ образомъ у насъ оказывается и относительное и абсолютное мѣрило для опредѣленія степени удовлетворительности домашнихъ отношеній на каждой ступени общественнаго прогресса. Судя о нихъ относительно, съ точки зрѣнія ихъ приспособленности къ сосуществующимъ съ ними общественнымъ требованіямъ, мы часто должны будемъ признать необходимыми для даннаго мѣста и времени такія семейныя отношенія, которыя возмущаютъ наши теперешнія чувства; но, въ то же время, судя о нихъ абсолютно, по отношенію къ наиболѣе развитому типу индивидуальной и національной жизни, мы найдемъ достаточно причинъ для того, чтобы отнести къ нимъ съ неодобреніемъ. Ибо

уже этотъ предварительный обзоръ вполне выяснилъ намъ тотъ фактъ, что тѣ домашнія отношенія, которыя могутъ считаться наивысшими съ этической точки зрѣнія, должны также считаться наивысшими и съ точки зрѣнія біологической и социологической ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь, какъ мнѣ кажется, будетъ всего уместнѣе упомянуть объ одномъ важномъ соображеніи, высказанномъ однимъ изъ моихъ Американскихъ приверженцевъ, Джономъ Фискомъ, читавшимъ недавно лекціи по философіи въ Гарвардскомъ университетѣ, — а именно о томъ, что переходъ отъ стадности челоѡкообразныхъ животныхъ къ общежителности людей могъ быть вызванъ измѣненіемъ отношеній родителей къ дѣтенышамъ. (Смотри *Outlines of Cosmic Philosophy*, т. II, стр. 342 — 4). Исходя изъ того общаго закона, что чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ медленнѣе онъ развивается, г. Фискъ выводитъ, что удлинненіе дѣтства, необходимо сопровождавшее развитіе менѣе интеллигентныхъ приматовъ въ болѣе интеллигентныхъ, необходимо требовало и болѣе продолжительности родительскихъ попеченій. Съ постепеннымъ отодвиганіемъ способности молодыхъ заботиться о самихъ себѣ на болѣе и болѣе зрѣлый возрастъ, родители-самки принуждены печись о нихъ въ теченіи все болѣе и болѣе продолжительнаго періода времени, причемъ имъ помогаютъ въ этомъ до извѣстной степени и родители-самцы, индивидуально или сообща; а отсюда возникаетъ союзъ, удерживающій вмѣстѣ родителей и дѣтеныша въ теченіи болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ прежде, и стремящійся породить семью. Я также считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что это обстоятельство было однимъ изъ факторовъ общественнаго развитія.

ГЛАВА III.

Первобытныя отношенія половъ.

§ 278. Большинству читателей можетъ показаться страннымъ, что я начинаю изслѣдованіе домашнихъ отношеній съ обзора самыхъ общихъ явленій изъ области поддержанія расы. Но они скоро поймутъ необходимость исходить при подобномъ изслѣдованіи изъ чисто естественно-научнаго взгляда на вещи, когда имъ будетъ показано, что у низшихъ дикарей отношенія между полами не отличаются рѣзко-замѣтнымъ образомъ отъ того, что мы находимъ съ этой стороны у низшестоящихъ животныхъ.

Самцы стадныхъ животныхъ обыкновенно дерутся между собою за обладаніе самками; но и первобытные люди не отличаются въ этомъ отношеніи отъ прочихъ стадныхъ животныхъ. Гирнъ говоритъ о Чипшеуэйцахъ: „мужчины здѣсь вступаютъ въ борьбу между собою за обладаніе женщиною, которая имъ нравится; таковъ ужъ изстаринный обычай этого народа“. По словамъ Гупера, приводимымъ Банкрофтомъ, мужчина изъ племени Туски, желая взять себѣ чужую жену, вступаетъ въ драку съ ея мужемъ. О Бушменахъ Лихтенштейнъ пишетъ: „болѣе сильный мужчина частенько отвиваетъ жену у болѣе слабаго“. Точно также и Нарциссъ Пельтье, прожившій съ двѣнадцати до двадцатидевятилѣтняго возраста между дикарями одного австралійскаго племени Квинслэнда, сообщаетъ, что мужчины „нерѣдко сражаются между собою на копьяхъ за обладаніе женщиною“. А Серъ Джонъ Лѣббокъ, сводя вмѣстѣ всѣ отчеты объ индѣйскомъ племени Догрибъ, говоритъ: „въ дѣйствительности, мужчины дерутся у нихъ за обладаніе женщинами какъ дикіе олени“.

Впрочемъ такой обычай существуетъ не между одними только мужчинами. Пельтье рассказываетъ намъ, что въ вышеупомянутомъ австралійскомъ племени женщины, принадлежація одному и тому же мужчине, который обыкновенно имѣетъ ихъ отъ двухъ до пяти, дерутся изъ за него между собою: „ихъ оружіе

состоитъ изъ тяжелыхъ палокъ, которыми онѣ дубасятъ одна другую не только, пока не обольются кровью“. Эта черта дикой женской натуры находится въ полной гармоніи съ другой ея чертою, указанной Митчелемъ, который говоритъ: „между туземными племенами Австраліи часто случается, что, послѣ битвы, женщины побѣжденныхъ перебѣгаютъ по своей собственной доброй волѣ къ побѣдителямъ“. Это замѣчаніе невольно напоминаетъ намъ о львицѣ, которая спокойно ожидаетъ исхода боя между двумя львами и потомъ удаляется съ побѣдителемъ.

И такъ, намъ приходится начать съ такого общественнаго состоянія, при которомъ семья, какъ мы понимаемъ ее теперь, едва ли можетъ считаться существующею. Въ рыхлыхъ людскихъ группахъ, слагающихся въ самомъ началѣ, не существуетъ ни малѣйшаго установленнаго порядка какого бы то ни было рода: все здѣсь неопредѣленно и не стойко. Какъ неопредѣленны отношенія мужчинъ между собою, также точно неопредѣленны тутъ и отношенія между мужчинами и женщинами. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ, не имѣется никакихъ другихъ руководителей, кромѣ минутныхъ страстей, сдерживаемыхъ только страхомъ послѣдствій. Посмотримъ же теперь на факты, показывающіе намъ, что отношенія между полами не были регулируемы первоначально тѣми учрежденіями и идеями, на которыя мы привыкли смотрѣть какъ на естественныя, коренящіяся въ самой натурѣ человѣка.

§ 279. По свидѣтельству Спармана, у Бушменовъ брачный союзъ не нуждается ни въ какихъ формахъ, кромѣ „согласія заинтересованныхъ сторонъ и фактическаго сближенія“. Киттингъ рассказываетъ, что у Чипшеузовъ не существуетъ никакихъ брачныхъ обрядовъ. Голль говоритъ тоже самое объ Эскимосахъ, Банкрофтъ объ Алеутахъ, Бреттъ объ Арауаксахъ, Теннентъ о Веддахъ; а о Нижнихъ Калифорнцахъ Банкрофтъ говоритъ: „у нихъ нѣтъ никакихъ брачныхъ обрядовъ; въ ихъ языкѣ даже не существуетъ слова для обозначенія брака; подобно птицамъ или звѣрямъ, они спариваются по своей фантазіи“.

Даже тамъ, гдѣ мы находимъ брачный обрядъ, онъ часто заключается ни въ чемъ иномъ, какъ только въ насильственномъ или добровольномъ началѣ взаимнаго сожительства. Насильственное овладѣніе женщиною, или похищеніе, представляетъ явленіе весьма общаго характера; и бракъ заключается въ такихъ случаяхъ посредствомъ простаго завершенія такого похищенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мужчина и женщина зажигаютъ огонь и садятся подлѣ него; въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у Тодасовъ, союзъ считается заключеннымъ, когда невѣста выполнитъ „какую-нибудь пустяжную домашнюю обязанность“; въ нѣкоторыхъ же другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ,

04135340
04135340

между обитателями Новой Гвинеи, „женщина вручает своему мужу немножко табаку и листъ бетеля“. Дэвисъ говоритъ, что когда двое Наваховъ желаютъ вступить въ бракъ, „они садятся другъ противъ друга, по двѣ стороны корзины, въ которой обыкновенно держатъ воду, и которая на этотъ разъ бываетъ наполнена атолемъ или какою-нибудь другою пищею, и начинаютъ вкушать совмѣстно эту пищу. Этотъ простой обрядъ дѣлаетъ ихъ мужемъ и женою“. Мало того: мы имѣемъ нѣчто совершенно подобное этому даже въ одной древне-римской формѣ, извѣстной подъ названіемъ *confarreatio*, и состоявшей въ томъ, что лица, вступающія въ бракъ, выражали это тѣмъ, что ѣли совмѣстно одну лепешку. Всѣ эти указанія на то, что самый ранній брачный обрядъ заключался просто въ формальномъ приступленіи къ взаимному сожителству, необходимо предполагаютъ еще болѣе давнее время, когда такое сожителство начиналось безъ всякихъ формальностей.

Кромѣ того, домашній союзъ, являющійся результатомъ подобныхъ нравовъ, такъ слабъ и часто такъ непродолжителенъ, что съ трудомъ можетъ считаться шагомъ впередъ. У Чиппеуэйскихъ племенъ „разводъ состоитъ ни больше, ни меньше, какъ въ хорошей взлупкѣ жены и изгнаніи ея изъ дому“. Мужчина изъ племени Перикун (Нижняя Калифорнія) „беретъ себѣ столько женщинъ, сколько ему угодно; заставляетъ ихъ работать на себя какъ рабынь; а когда которая-нибудь надоѣстъ ему, прогоняетъ ее прочь“. Подобнымъ же образомъ, по свидѣтельству Соути, когда какому-нибудь Тупису „надоѣдала его жена, онъ выгонялъ ее вонъ и бралъ себѣ другую или столько другихъ, сколько ему было желательно“. Бонвикъ рассказываетъ, что не перемѣнять женъ было для Та-смайцнѣвъ „совершенно новостью, въ виду ихъ всегдашнихъ обычаевъ, и совершенно противорѣчило всѣмъ ихъ традиціямъ“. Юль говоритъ о Казіасахъ, что „разводы у нихъ на столько часты, что ихъ союзы едва ли могутъ быть почтены наименованіемъ брака“. Даже сравнительно болѣе высоко стоящіе народы, каковы Малайце-Полинезійцы, доставляютъ подобные же примѣры. Въ сочиненіи Томпсона Новая Зеландія, мы читаемъ: „мужчина считаетъ себя разведеннымъ, какъ скоро онъ вытолкалъ свою жену за дверь“. А Эллисъ, подтверждая свидѣтельство Кука, говоритъ, что у Таитянъ „брачныя узы разрываются всякій разъ, когда того пожелаетъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ“. Слѣдуетъ прибавить, что это беззаботное разрываніе супружескихъ узъ свойственно не однимъ только мужчинамъ. Тамъ гдѣ власть находится въ рукахъ женщинъ, какъ напримѣръ у только-что упомянутыхъ Казіасовъ, онѣ развязно выпроваживаютъ своихъ супруговъ за дверь, какъ только они перестаютъ имъ нравиться; а Геррера сообщаетъ намъ, что подобныя же вещи имѣли мѣсто у нѣкоторыхъ изъ Древнихъ Мехиканцевъ.

Эти факты, — которые могли бы быть подкрѣплены еще множествомъ другихъ, — показываютъ намъ достаточно ясно, что супружескія отношенія, подобно отношеніямъ политическимъ, представляютъ результатъ постепеннаго развитія; и что вначалѣ вовсе не существовало тѣхъ идей и чувствъ, которыя у цивилизованныхъ народовъ придаютъ браку его святость.

280. Отсутствие такихъ идей и чувствъ доказывается далѣе господствомъ въ грубыхъ обществахъ такихъ обычаевъ, которые кажутся намъ въ высшей степени возмутительными.

Многія нецивилизованныя и получивилизованныя общества считаютъ долгомъ гостепріимства снабжать своихъ гостей временными женами. Геррера рассказываетъ про обитателей Куманы: „знатные люди держали столько женщинъ, сколько имъ было угодно, и отдавали самыхъ красивыхъ изъ нихъ всякому страннику, котораго они хотѣли угостить“. Дикари обыкновенно уступаютъ при такихъ обстоятельствахъ своихъ женъ и дочерей. Изъ числа такихъ дикарей Сэръ Джонъ Лёббокъ называетъ Эскимосовъ, Индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки, Полинезійцевъ, Восточныхъ и Западныхъ Негровъ, Арабовъ, Абиссинцевъ, Кафровъ, Монголовъ, Чукчей, и пр. Спарманъ рассказываетъ, что жена Бушмена, получивъ позволеніе отъ мужа, можетъ идти, куда ей угодно, и вступать въ связь съ любымъ мужчиной. По свидѣтельству сэра Джона Лёббока, Эджидъ (Egede) говоритъ о Гренландскихъ Эскимосахъ совершенно опредѣлительно: „они считаютъ самыми лучшими и самыми благородными людьми тѣхъ, которые сужаютъ своихъ женъ своимъ друзьямъ безъ всякой досады или колебанія“.

Подобное же этому чувство обнаруживается въ легкомъ отношеніи многихъ нецивилизованныхъ и получивилизованныхъ народовъ къ цѣломудрію невѣсты. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что многіе народы вовсе не обращаютъ вниманія на это обстоятельство, или придаютъ ему лишь самое ничтожное значеніе. Въ Бенгуэла (Конго), по словамъ Бастіана, бѣдныхъ дѣвушекъ водятъ по странѣ до отдачи въ замужество, чтобы онѣ добывали себѣ деньги съ помощью проституціи. Геррера говоритъ, что у Мексиканцевъ существовалъ точно такой же обычай: „когда дѣвушки достигали брачнаго возраста, родители отсылали ихъ изъ дому добывать себѣ приданое; вслѣдствіе этого, они бродили по странѣ, занимаясь постыднымъ торгомъ, пока не добывали достаточно денегъ, чтобы выйти замужъ“. Банкрофтъ говоритъ о древнихъ обитателяхъ Даріанскаго перешейка: „проституція не считалась у нихъ постыдною; напротивъ того, благородныя патриціанки считали, что отказать въ какой бы то ни было просьбѣ значило выказать плебейство“, — идея, совершенно тождественная съ тѣмъ, что мы видимъ у Андаманцевъ, у которыхъ тоже изящныя манеры требуютъ согласія

041935940
УДК 303.3

на просьбы этого рода.

Не менѣ странны и супружескія чувства, проявляемыя нѣкоторыми изъ существующихъ и вымершихъ народовъ. Арабы Ассанайеха, по словамъ Петерика, заключаютъ свои браки на столько-то дней въ недѣлю, обыкновенно на четыре; но при этомъ, во время предварительныхъ переговоровъ, мать невѣсты протестуетъ заранѣ противъ „принужденія ея дочери къ строгому соблюденію той вѣрности, которой требуютъ брачныя узы, болѣе чѣмъ въ продолженіи двухъ дней въ недѣлю“; сообразно съ такими обычаями, со стороны мужчинъ явилось должное приспособленіе въ чувствахъ: такой мужъ не только дозволяетъ своей женѣ, въ теченіи выговоренныхъ дней, пренебрегать всѣми супружескими обязанностями, но даже смотритъ на связи ея съ другими мужчинами какъ на комплиментъ своему собственному вкусу. У нѣкоторыхъ Чипчасовъ древней Центральной Америки можно было наблюдать подобное же чувство. Они не только были равнодушны къ дѣвственности своихъ невѣстъ, но даже, когда невѣста оказывалась дѣвственницей, „считали ее несчастливцей, неимѣвшей въ жизни удачи и не умѣвшей ни разу внушить любви мужчинъ; а потому они не любили такой жены и смотрѣли на нее, какъ на ничего не стоящую дрянъ“.

Не обладая идеями и чувствами, регулирующими отношенія между полами у цивилизованныхъ народовъ, дикари нерѣдко обнаруживаютъ тутъ другія идеи и чувства, не менѣ сильныя чѣмъ тѣ, но только совершенно противоположнаго характера. Шувшопы Колумбіи считаютъ, что „отдать дѣвушку въ замужество даромъ — большое безчестье для ея семьи“. Подобнымъ же образомъ Модоки Калифорніи „смотреть на дѣтей жены, которая не стоила своему мужу ни гроша, не лучше чѣмъ на незаконнорожденныхъ; а потому все общество обращается съ ними съ презрѣніемъ“. Въ сочиненіи Бертона A b e o k u t a мы читаемъ: „люди, близко знакомые съ образомъ мыслей жителей Востока, хорошо знаютъ тотъ ужасъ и омерзѣніе, съ которымъ они обыкновенно взираютъ на обычай имѣть только одну жену“. Быть можетъ, мы поколебались бы повѣрить вполне этому утвержденію, если бы оно не подкрѣплялось свидѣтельствомъ Ливингстона о Негритянкахъ Замбези, которыя были ужасно шокированы, услышавъ, что въ Англіи каждый мужъ имѣетъ только одну жену; а также свидѣтельствомъ Бейли, описывающаго то отвращеніе, съ которымъ одинъ Кандіанскій вождь рассказывалъ ему о единоженствѣ Веддаховъ.

§ 281. Еще болѣе убѣдительное доказательство того, что правильныя отношенія между полами суть результатъ развитія, и что поддерживающія ихъ чувства сложились лишь постепенно, имѣемъ мы въ томъ фактѣ, что нецивилизованные и получивилизованные народы обращаютъ лишь самое ничтожное

вниманіе на тѣ ограниченія брака, которыя предписываются у цивилизованныхъ расъ существованіемъ кровнаго родства.

У дикарей, тѣ брачныя связи, которыя мы считаемъ въ высшей степени преступными, далеко не представляютъ рѣдкости. Гирнъ говоритъ о Чипшеу-эйцахъ, что многіе изъ нихъ „сожительствуютъ иной разъ съ своими собственными матерями, и часто женятся на своихъ сестрахъ и дочеряхъ“; а Банкрофтъ приводитъ такое же точно показаніе Лангсдорфа о Кадьякахъ. Подобнымъ же образомъ Гелеръ сообщаетъ намъ о Каренахъ Тенассерима, что „супружескіе союзы между братомъ и сестрой или отцомъ и дочерью не представляютъ у нихъ ничего необыкновеннаго даже и въ нынѣшнее время“. Къ этимъ примѣрамъ, взятымъ изъ Америки и Азіи, можно прибавить еще одинъ случай, относящійся къ Африкѣ. По свидѣтельству Бастіана, для сохраненія чистоты царской крови, короли мыса Гонзальва и Габуна женятся на своихъ собственныхъ взрослыхъ дочеряхъ, а королевы выходятъ замужъ за своихъ старшихъ сыновей“.

Кровосмѣшеніе нѣсколько менѣ возмутительнаго характера наблюдается у еще болѣе многочисленныхъ народовъ. По словамъ Клавиеро, бракъ между братомъ и сестрою не запрещался у Панучезовъ. Относительно обитателей Кали Пьедрагита говоритъ: „они женились на своихъ племянницахъ, а нѣкоторые изъ знатныхъ лицъ даже на своихъ сестрахъ“. Торквемада утверждаетъ, что „въ округѣ Новой Испаніи было открыто четыре или пять случаевъ брака съ сестрами“. Въ Перу, „Инки установили съ самаго начала, какъ очень строгій законъ и обычай, чтобы наслѣдникъ царства бралъ всегда въ замужество свою старшую сестру, которая должна была быть законною его сестрою какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери“. Въ своемъ сочиненіи о Полинезій, Эллисъ сообщаетъ, что на Сандвичевыхъ Островахъ браки между близкими родственниками весьма часты въ королевской семьѣ, причемъ даже братья и сестры нерѣдко вступаютъ въ супружество другъ съ другомъ. Описывая нравы Малагазцевъ, Друри говоритъ: „здѣсь вступаютъ въ бракъ между собою самыя близкіе родственники, даже братъ и сестра, если только они происходятъ не отъ одной матери“. Даже у древнихъ народовъ Стараго Свѣта нѣтъ недостатка въ подобныхъ примѣрахъ. „Это ограниченіе (запрещеніе брака съ единоутробною сестрою) не соблюдалось въ Египтѣ, достаточнымъ доказательствомъ чему могутъ служить браки многихъ изъ Птолмеевъ“, — говоритъ Вилькинсонъ. Даже наши собственные Скандинавскіе предки допускали кровосмѣшеніе этого рода. Въ *Heimskringla Saga* говорится, что Нюртъ взялъ въ супружество свою собственную сестру, „ибо это разрѣшалось“ законами Ваналанда.

Намъ могутъ сказать, что многіе изъ этихъ союзовъ должны считаться бра-

ками съ полусестрами (каковъ, напримѣръ, бракъ Авраама и Сарры); что такіе браки имѣли мѣсто у Ханаанитовъ, у Арабскихъ племенъ, у Египтянъ, Ассирійцевъ и Персовъ; и что они зависятъ просто отъ непризнаванія родства по мужской линіи. Но, допуская справедливость этого для нѣкоторыхъ случаевъ, — хотя, ясно, что не для всѣхъ, — мы все-таки видимъ, какъ мало мы имѣемъ основаній, чтобы приписывать запрещеніе браковъ между близкими родственниками какому-то первобытному инстинкту; ибо самыя слова, запрещающія бракъ съ полусестрою отъ одной матери, но не отъ одного отца, ясно подразумеваютъ, что родство по отцу въ большинствѣ случаевъ вводитъ извѣстно, но только его не находятъ нужнымъ принимать въ соображеніе.

Дальнѣйшее доказательство того, что чувства, сдерживающія у насъ половые инстинкты, не суть врожденные, можно почерпнуть изъ того страннаго факта, который сообщаетъ намъ Бейли относительно Веддаховъ. Ихъ обычай „освящаетъ бракъ съ младшею сестрою. Жениться на старшей сестрѣ или на теткѣ было бы, по ихъ понятіямъ, кровосмѣшеніемъ; такая связь возмутила бы ихъ во всѣхъ отношеніяхъ не менѣе, чѣмъ насъ самихъ; подобный союзъ вполнѣ недопустимъ и стоитъ внѣ всякаго вопроса; но бракъ съ младшею сестрою приличенъ и естествененъ. Собственно говоря, это самый приличный бракъ».

§ 282. Хотя факты показываютъ намъ существованіе извѣстной общей связи между самыми грубыми формами общественнаго быта и самыми низкими отношеніями между полами, однако тѣ же факты ничуть не показываютъ существованія тѣсной и постоянной связи между общественнымъ прогрессомъ и прогрессомъ къ болѣе высокому типу семейной жизни. Напротивъ того, мы встрѣчаемъ тутъ множество аномалій.

Непрочность брачныхъ союзовъ характеризуетъ множество наиболѣе низкихъ расъ; однако же жалкіе Веддахи, стоящіе по своему общественному быту ниже большинства человѣческихъ племенъ, вступаютъ въ необыкновенно прочные брачные союзы. Бейли пишетъ: „Разводъ неизвѣстенъ у нихъ... Я слышалъ, какъ одинъ Веддахъ сказалъ: только одна смерть можетъ разлучить мужа и жену“. Съ этой стороны они сильно отличаются отъ своихъ сосѣдей, Кандіанъ, которые въ другихъ отношеніяхъ стоятъ много выше ихъ.

Точно также мы не находимъ, чтобы уменьшеніе кровосмѣсительныхъ союзовъ стояло въ прямомъ и постоянномъ отношеніи съ общественнымъ развитіемъ. Тѣ крайнія формы подобныхъ союзовъ, которыя были указаны нами у наиболѣе низко-стоящихъ расъ Сѣверной Америки, встрѣчаются также въ царскихъ семействахъ Африканскихъ королевствъ весьма значительныхъ размѣровъ; а нѣсколько менѣе возмутительныя ихъ формы свойственны большинству дикихъ и полудивилизованныхъ народовъ.

Хотя тотъ типъ семейной жизни, при которомъ одна жена приходится на нѣсколько мужей, встрѣчается, какъ говорятъ, между нѣкоторыми изъ самыхъ низшихъ племенъ, каковы, напримѣръ, Огнеземельцы; однако онъ далеко не составляетъ общаго явленія для большинства наиболѣе низко-стоящихъ племенъ; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, мы встрѣчаемъ его у относительно высоко стоящихъ народовъ, каковы обитатели Цейлона, Малабара и Тибета. Точно также и обратное семейное устройство, при которомъ нѣсколько женъ приходится на одного мужа, — устройство, допускаемое и практикуемое между дикарями почти повсюду, — не только выживаетъ въ полудивилизованныхъ обществахъ, но сохраняло и сохраняетъ свою силу во множествѣ обществъ значительно развитаго типа, какъ въ прошлыя времена, такъ и теперь.

Точно такимъ же образомъ, и связь между половою распущенностью и общимъ пониженіемъ уровня нравственного и общественнаго развитія, и обратно, далеко не такъ ясна, какъ того слѣдовало бы ожидать. Отношенія между мужчинами и женщинами на Алеутскихъ островахъ принадлежать къ числу самыхъ распущенныхъ. Тѣмъ не менѣе Кукъ описываетъ этихъ островитянъ, какъ „самый мирный и безобидный народъ, съ какимъ мы когда-либо доводилось встрѣчаться. Что же касается до честности, то они могли бы служить хорошимъ образцомъ для подражанія большинству цивилизованныхъ націй на земномъ шарѣ“. Съ другой стороны, Тлинкиты, по словамъ наблюдателей, „обращаются съ своими жонами и дѣтьми съ большою нѣжностью“; а ихъ женщины выказываютъ „сдержанность, скромность и супружескую вѣрность“; а между тѣмъ всѣ описываютъ этотъ народъ явивымъ, склоннымъ къ воровству и чрезвычайно жестокимъ: они убиваютъ своихъ плѣнниковъ просто изъ удовольствія и убиваютъ своихъ рабовъ. Подобнымъ же образомъ, хотя общественный бытъ Бачассиновъ (одно изъ племенъ Бечуановъ) очень жалокъ и низокъ, и хотя ихъ упрекаютъ во „всеобщемъ презрѣніи къ правдѣ и въ равнодушіи къ убійству“, тѣмъ не менѣе ихъ женщины скромны и „почти всегда вѣрныя жоны“. Подобныя же аномаліи встрѣчаемъ мы и при сопоставленіи между собою обществъ, находящихся на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія. Стоитъ только прочесть рассказъ Кука о Таитянахъ, которые не только обнаруживали значительное развитіе со стороны искусствъ и общественнаго устройства, но и проявляли въ необыкновенной степени присутствіе у нихъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, чтобы придти въ рѣшительное изумленіе по поводу ихъ крайняго равнодушія ко всякимъ ограниченіямъ половыхъ инстинктовъ. И наоборотъ, Фиджійцы, — эти вѣроломные, кровожадные людоеды, совершающіе такіа жестокости, которыхъ Вильямсъ не рѣшается даже рассказывать, обнаруживаютъ значительное превосходство со стороны ихъ половыхъ отношеній: Эрскинъ утверждаетъ, что

„добродѣтель ихъ женщинъ должна быть поставлена очень высоко для такого варварскаго народа“.

Сверхъ того, въ противность всему, чего намъ слѣдовало бы ожидать, сильная половая распущенность въ извѣстныхъ направленіяхъ нерѣдко соединяется съ большою строгостью нравовъ въ другихъ направленіяхъ. У Коняговъ, „молодая, незамужняя женщина можетъ жить въ самыхъ свободныхъ сношеніяхъ съ мужчинами, не возбуждая ни чьего порицанія; но, какъ скоро она принадлежитъ одному мужчине, ея долгъ—быть вѣрной ему“. Геррера рассказываетъ намъ объ обитателяхъ Куманы: „дѣвушки.... мало заботились о своей дѣвственности. Но замужнія женщины.... вели цѣломудренную жизнь“. Подобнымъ же образомъ и П. Пизарро говоритъ о Перуанцахъ: „жены простаго народа были вѣрны своимъ мужьямъ.... но, до брака, отцы не заботились о томъ, какъ вели себя ихъ дочери, и распутное поведеніе дѣвушки не навлекало на нее безчестія“. Далѣе, тѣ оригинальные супруги изъ племени Чипчасовъ, о которыхъ мы упоминали выше, и которые были такъ странно равнодушны и даже менѣе, чѣмъ равнодушны, къ цѣломудрію женщины до брака, какъ говорить, оказывались, „не смотря на это, весьма чувствительными къ супружеской невѣрности“.

Итакъ, фактическія данныя не позволяютъ намъ заключить, какъ мы естественно склонны были бы сдѣлать, что прогрессъ въ формахъ половыхъ отношеній и прогрессъ въ общественномъ развитіи связаны между собою повсюду единообразнымъ и постояннымъ образомъ.

§ 285. Тѣмъ не менѣе, разсматривая факты во всей ихъ совокупности, мы видимъ, что прогрессъ по направленію къ болѣе высокому общественному типу находится въ соединеніи съ прогрессомъ по направленію къ болѣе высокому типу половыхъ отношеній. Сравненіе между собою крайнихъ предѣловъ развитія дѣлаетъ это несомнѣннымъ. Самыя низшія группы первобытныхъ людей, лишенная всякой политической организаціи, не имѣютъ также ничего, чтобы стоило назвать домашней организаціи: взаимныя отношенія половъ и отношенія родителей къ дѣтямъ стоятъ тутъ едва ли выше того, что мы видимъ у безсловесныхъ тварей. И наоборотъ, всѣ цивилизованныя націи, отличающіяся опредѣленнымъ, связнымъ общественнымъ порядкомъ, отличаются также опредѣленнымъ, связнымъ семейнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе этого, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что, не смотря на всѣ неправильности, развитія этихъ двухъ организацій связаны между собою нѣкоторымъ общимъ образомъ.

Покидая здѣсь этотъ общій обзоръ, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, мы должны прослѣдить теперь, по сколько это окажется возможнымъ для насъ, всѣ, послѣдовательно болѣе и болѣе высокія, формы семейнаго

устройства. Мы можем ожидать напередъ, что каждая изъ нихъ окажется въ зависимости отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ стоитъ данное общество; причемъ мы найдемъ, что основная причина, опредѣляющая въ каждомъ случаѣ ту или другую форму семейнаго строя, заключается въ наилучшемъ содѣйствіи этой формы общественному самосохраненію, при условіяхъ даннаго случая. Вначалѣ, мы имѣемъ вполне свободныя, ничѣмъ не стѣсненныя отношенія между полами; первые ограничительныя обычаи, которые установятся тутъ, будутъ такіе обычаи, которые наиболѣе благопріятствуютъ общественному выживанію; и это не потому, чтобы такова была сознательная цѣль заинтересованныхъ тутъ лицъ, или чтобы они даже видѣли ее, но потому, что общества съ обычаями, менѣе приспособленными къ этой цѣли, должны погибать и исчезать.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльных формъ половыхъ отношеній, мы должны разсмотрѣть предварительный вопросъ о томъ: — откуда берутся соединяющіяся бракомъ личности? Принадлежать ли они къ одному и тому же племени или къ разнымъ племенамъ? или же въ однихъ случаяхъ это бываетъ такъ, а въ другихъ иначе?

ГЛАВА IV.

ЭКЗОГАМИЯ И ЭНДОГАМИЯ.

§ 284. Слова экзогамия и эндогамия введены впервые въ употребленіе Макъ-Леннаномъ, въ его остроумномъ и интересномъ сочиненіи—Первобытны й Бракъ ¹⁾—для обозначенія двухъ противоположныхъ обычаевъ: а именно, обычая брать въ жены женщинъ, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ, и обычая брать въ жены женщинъ, принадлежащихъ къ тому же самому племени. Его вниманіе было привлечено къ этимъ различнымъ обычаямъ, какъ онъ самъ объясняетъ въ своемъ предисловіи, вслѣдствіе изслѣдованія „смысла и происхожденія формы похищенія въ брачныхъ обрядахъ“, — изслѣдованія, которое привело его подъ конецъ къ общей теоріи первобытныхъ отношеній между племенами. Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ его теоріи, я постарался, какъ умѣлъ, опутать ее отъ всѣхъ не вполне состоятельныхъ утвержденій.

Скудость пищи приводила группы первобытныхъ людей къ истребленію младенцевъ женскаго пола; ибо „такъ какъ храбрецы и охотники постоянно требовались обществу и очень цѣнились имъ, то для каждой орды дикарей было выгодно возвращать по возможности всѣхъ своихъ здоровыхъ младенцевъ мужскаго пола. Возращаніе же дѣвочекъ представляло менѣе выгоды, ибо женщины менѣе способны снискивать пропитаніе для себя самихъ и содѣйствовать своими трудами общему благу“ (стр. 165).

Макъ-Леннанъ утверждаетъ вслѣдъ за этимъ, что „существованіе въ древнія времена обычая умерщвлять дѣвочекъ, сдѣлавъ женщинъ рѣдкими, повело заразъ къ полиандріи (многомужеству) внутри племени и къ похищенію женщинъ извнѣ“ (стр. 138).

Перебирая сѣзнова указанныя причины, онъ выводитъ изъ нихъ неизбѣж-

¹⁾ Primitive Marriage By John F. M'Lennan, M. A., Edinburgh. 1865.

ность слѣдующаго результата:— „Недостаточность женщинъ внутри группы повела къ обычаю воровать женщинъ у другихъ группъ; а со временемъ, стали считать неприличнымъ бракъ мужчины съ женщиною изъ его собственной группы, какъ всегда считается неприличнымъ все необычное“ (стр. 289). Или, какъ онъ говорить на стр. 140: „обычай (экзогаміи), вошедшій въ силу необходимости, современемъ сложится у соблюдающихъ его племенъ въ настоящій предразсудокъ противъ брака съ женщинами своего собственного племени,—предразсудокъ, не менѣе сильный, чѣмъ любой религіозный догматъ, какъ это всегда бываетъ съ предразсудками, относящимися къ браку“.

Этому обычаю красть женъ и выкрадывать ихъ съизнова,—какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Австралійцевъ,—онъ приписываетъ ту сомнительность родства съ отцовской стороны, которая повела къ признаванію родства лишь съ материнской стороны. Хотя, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, онъ допускаетъ болѣе общую причину этой первобытной формы родства (стр. 159); однако же онъ смотритъ на похищеніе женщинъ, какъ на самую достовѣрную ея причину, говоря, что эта форма родства „должна была господствовать повсюду, гдѣ господствовала экзогамія и вытекающій изъ нея обычай похищенія чужихъ женщинъ“. Увѣренность въ происхожденіи отъ такого-то отца совершенно невозможна тамъ, гдѣ матери похищаются у ихъ первыхъ супруговъ, и гдѣ онъ часто переворачиваются съизнова ранѣе рожденія ребенка, (стр. 226).

Допуская, что племена, развившія у себя въ послѣдствіи обычай похищенія женщинъ, были вначалѣ каждое вполне однороднымъ по крови, или по крайней мѣрѣ признавали себя таковыми, Макъ-Леннанъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: введеніе женъ, чуждыхъ по крови данному племени, въ соединеніи съ возникновеніемъ перваго опредѣленнаго представленія о родствѣ (а именно, о родствѣ матери съ ребенкомъ) и съ установленіемъ въ слѣдствіе этого системы родства исключительно со стороны матери, повело къ признанію разнородности по крови внутри самаго племени: ибо внутри племени появились дѣти, на которыхъ смотрѣли, какъ на принадлежащихъ по крови къ племенамъ ихъ матерей. Изъ этого возникла новая форма экзогаміи. Первоначальное требованіе,—чтобы жена была выкрадена изъ другаго племени, весьма естественно стали постепенно смѣшивать съ требованіемъ,—чтобы жена принадлежала по крови къ другому племени; а отсюда,—дѣвочки, рожденныя хотя и въ данномъ племени, но отъ матерей принадлежащихъ къ другимъ племенамъ, стали считаться годными для женитьбы на нихъ. Первоначальная экзогамія, выполнявшаяся исключительно посредствомъ отнятія у другихъ племенъ ихъ женщинъ, уступила свое мѣсто, или вполнѣ, или отчасти, новой, видоизмѣненной экзогаміи, при которой разрѣшается брать женъ внутри своего племени, и требуется только,

чтобы фамильное имя жены указывало, что она чужда по крови своему брату, а не своему мужу.

Слѣдя за развитіемъ высшихъ формъ домашнихъ отношеній, Макъ-Леннанъ, какъ мы уже видѣли, исходитъ изъ предположенія, что недостатокъ въ женщинахъ „привелъ заразу и къ полиандріи внутри племени, и къ похищенію женщинъ извнѣ“. Описывая и поясняя примѣрами различныя формы полиандріи, завершающіяся той наиболѣе высокой ея формой, при которой мужья суть родные братья, онъ указываетъ, что, на этой ступени развитія, должно было возникнуть признаваніе родства не только со стороны матери, но и со стороны отца, такъ какъ отцовская кровь стала тутъ извѣстною, хотя самый отецъ оставался еще неизвѣстнымъ.

Затѣмъ, вслѣдствіе постепенно устанавливавшагося первенства старшаго брата, — который вступалъ въ бракъ первымъ изъ всѣхъ остальныхъ членовъ группы, а потому имѣлъ шансы первый породить ребенка, — возникла фикція, ставшая понемногу общепринятою, что всѣ дѣти суть дѣти старшаго брата: „старшій братъ сталъ чѣмъ-то вродѣ отца семейства (paterfamilias)“; и возникшая этимъ путемъ „идея объ отцовствѣ была шагомъ впередъ по отношенію къ родству по мужской линіи и шагомъ назадъ по отношенію къ родству по женской линіи“ (стр. 243—4).

Указавъ, что у нѣкоторыхъ полиандрическихъ народовъ, какъ, напримѣръ, у Кандіанъ, вожди стали моногамистами, (т. е. стали удерживать одну жену для своего исключительнаго пользованія), Макъ-Леннанъ заключаетъ (стр. 245), что ихъ примѣръ долженъ былъ находить подражателей, и что „такимъ образомъ возникъ понемногу обычай моногаміи или полигаміи“. Высказавъ это, онъ старается прослѣдить отсюда генезисъ патріархальной формы, системы агнаціи (родства по отцу) и кастовыхъ учрежденій.

Хотя, въ этомъ очеркѣ теоріи Макъ-Леннана, я старался выражаться, поскольку это допускала краткость изложенія, его же собственными словами; однако я считаю возможнымъ, что онъ найдетъ мою передачу не вполне удовлетворительной для себя; ибо, какъ я уже намекнулъ выше, въ его утвержденіяхъ нерѣдко попадаются взаимныя противорѣчія, и самый порядокъ ихъ изложенія довольно запутанъ. Что многія изъ описываемыхъ имъ явленій дѣйствительно существуютъ, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Нельзя также отрицать и того, что похищеніе женщинъ, находящееся еще и до сихъ поръ въ обычаяхъ у многихъ низко-стоящихъ расъ, было въ прежнія времена въ обычаяхъ у многихъ расъ, стоящихъ теперь на болѣе высокой ступени развитія; а также, что форма похищенія господствуетъ и доселѣ въ брачныхъ обрядахъ такихъ обществъ, у которыхъ въ настоящее время не существуетъ дѣйствительнаго похищенія женщинъ. Совершенно неопровержимо также и то, что род-

ство по женской линіи, для многихъ первобытныхъ народовъ, есть единствен-
ное родство, признаваемое явнымъ образомъ; и что такое понятіе о родствѣ
влечетъ за собою передачу имени, общественнаго сана и имущества исключи-
тельно по женской линіи. Наконецъ, невозможно отвергать и того, что во мно-
гихъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ или существовалъ обычай похищать жен-
щинъ, существуетъ и запрещеніе брака между лицами, которыя носятъ тоже
самое фамильное имя, и которыхъ считаютъ, вслѣдствіе этого, происходящими
отъ одного и того же корня. Но, допуская многія изъ приведенныхъ имъ дан-
ныхъ и принимая нѣкоторыя изъ его заключеній, мы тѣмъ не менѣе найдемъ
достаточно причинъ, чтобы усумниться въ состоятельности теоріи Макъ-Лен-
нана, взятой во всемъ ея цѣломъ. Разсмотримъ прежде всего менѣе важныя
возраженія противъ этой теоріи.

§ 285. Макъ-Леннанъ упоминаетъ самъ о многихъ фактахъ, не согласныхъ
съ его заключеніями; но онъ обходитъ эти факты молчаніемъ, какъ обстоятель-
ства, не имѣющія ни малѣйшаго вѣса для его теоріи. Онъ думаетъ, что мы
имѣемъ основанія вѣрить, что экзогамія и похищеніе женщинъ „имѣли мѣсто
на извѣстной ступени развитія у каждой человѣческой расы“ (стр. 138); и что
обрачикомъ этой ступени развитія могутъ служить въ настоящее время многія
низко-стоящія расы. Не смотря на это, онъ допускаетъ, что „отдѣльныя эндо-
гамическія племена почти столь же многочисленны и стоятъ въ нѣкоторыхъ
отношеніяхъ на столь же низкой ступени, какъ и отдѣльныя экзогамическія
племена“ (стр. 145). Но если, какъ онъ полагаетъ, экзогамія и похищеніе
женщинъ „имѣли мѣсто на извѣстной ступени развитія у каждой человѣческой
расы“; причемъ эта ступень была самою первобытною; и если, какъ онъ ста-
рается доказать, эндогамія представляетъ такую форму, которая достигается
лишь путемъ длиннаго ряда послѣдовательныхъ ступеней общественнаго раз-
витія, — то трудно понять, какимъ образомъ эндогамическія племена могутъ
„стоять на столь же низкой ступени“, какъ и племена экзогамическія.
Далѣе, онъ приводитъ тотъ фактъ, что „въ нѣкоторыхъ областяхъ, — какъ, на-
примѣръ, въ горахъ по сѣверо-восточной границѣ Индіи, на Кавказѣ, въ го-
ристой окраинѣ Сиріи, — мы находимъ множество различныхъ племенъ, кото-
рыя, какъ доказываютъ и ихъ физическія особенности, и сродство ихъ языковъ,
происходятъ отъ одного и того же первоначальнаго корня, но которыя, по от-
ношенію къ занимающему насъ теперь вопросу, отличаются другъ отъ друга,
какъ небо отъ земли: ибо одни изъ нихъ запрещаютъ бракъ внутри того же
самаго племени; а другія, наоборотъ, запрещаютъ браки внѣ своего племени“
(стр. 147 — 8). Очевидно, что такой фактъ ничуть не согласуется съ его ги-
потезой.

Если бы Макъ-Леннанъ отвѣтилъ на это, что на стр. 47 — 8 онъ допускаетъ возможность, или вѣроятность, существованія племенъ эндогамическихъ съ самаго начала; если бы онъ сказалъ, что, на стр. 144—5, читатель можетъ найти допущеніе того, что экзогамія и эндогамія, „быть можетъ, одинаково древни“, то мы возразили бы ему, что такое объясненіе противорѣчитъ его убѣжденію, что экзогамія „имѣла мѣсто на извѣстной ступени развитія у каждой человѣческой расы“; и что эта возможность постоянно отвергается имъ на практикѣ въ его разсужденіяхъ. На стр. 148—50 онъ дѣлаетъ очеркъ ряда перемѣнъ, путемъ которыхъ экзогамическія племена могутъ превращаться подъ конецъ въ эндогамическія; а въ послѣдующихъ главахъ, трактующихъ о „Развитіи Агнаціи“, и о „Возникновеніи и Развитіи Эндогаміи“, онъ все время безмолвно утверждаетъ, что эндогамія развилась именно такимъ образомъ, если и не безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, самое заглавіе одной изъ его главъ, — „Упадокъ Экзогаміи въ Прогрессирующихъ Обществахъ“, — ясно подразумѣваетъ, что экзогамія была, если и не всеобщимъ, то по крайней мѣрѣ общимъ явленіемъ для нецивилизованныхъ обществъ; и что эндогамія развилась вмѣстѣ съ цивилизаціей. Такимъ образомъ, противорѣчія между предложеніями, приведенными въ послѣднемъ параграфѣ, не могутъ быть устранены никакимъ образомъ.

Но и многія другія разсужденія Макъ-Леннана находятъ во взаимномъ противорѣчій. Допуская, что, на самой ранней ступени развитія, племена представляли родовыя группы, „организованныя на принципѣ экзогаміи“, онъ говоритъ, что они обладали „первобытнымъ инстинктомъ всякой расы противъ браковъ между членами одного и того же рода“ (стр. 118). Но мы видѣли выше, что, въ другихъ мѣстахъ, онъ говоритъ, что похищеніе женщинъ было вызвано недостаточностью ихъ въ самомъ племени; и затѣмъ приписываетъ этому „обычаю, вызванному необходимостью“, позднѣйшее предубѣжденіе противъ „браковъ женщинъ съ членами того же рода“. Кромѣ того, коль скоро онъ самъ же говоритъ, на стр. 145 (и, какъ я думаю, говоритъ совершенно справедливо), что „вначалѣ люди долженствовали быть совершенно свободными отъ всякаго предубѣжденія противъ браковъ между родственниками“, то всякому должно показаться крайне непоследовательнымъ съ его стороны утверждать послѣ этого существованіе какого-то „первобытнаго инстинкта“ „противъ браковъ между членами одного и того же рода“.

Далѣе: въ то время какъ, въ однихъ мѣстахъ, онъ приписываетъ установленіе экзогамическаго предубѣжденія обычаю воровать женъ (стр. 53 — 4 и 136), въ другихъ мѣстахъ, онъ высказываетъ мнѣніе, что это предубѣжденіе предшествовало этому обычаю, и что запрещеніе браковъ внутри племени было

явленіемъ первичнаго свойства. Но если Макъ-Леннанъ придерживается въ дѣйствительности этого послѣдняго взгляда, то я принужденъ буду согласиться съ сэромъ Джономъ Лёббокомъ, что взглядъ его рѣшительно не выдерживаетъ критики. Нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы у тѣхъ древнѣйшихъ людскихъ группъ, съ которыхъ начинается Макъ-Леннанъ, могли существовать какія-либо установленныя правила по отношенію къ браку. Половые связи должны были предшествовать всѣмъ общественнымъ законамъ. Возникновеніе всякаго общественного закона предполагаетъ нѣкоторое предварительное продолженіе общественного существованія; а такое предварительное продолженіе общественного существованія опять-таки предполагаетъ смѣну нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній, т. е. предварительное существованіе размноженія. А потому, въ самомъ началѣ, должно было стоять размноженіе, воплѣтъ свободное и не стѣсняемое никакими запрещеніями.

Впрочемъ, — даже допуская, что, изъ двухъ высказанныхъ имъ взглядовъ, Макъ-Леннанъ остановится на томъ, который болѣе способенъ выдержать критику, а именно на томъ, что воровство женщинъ повело къ экзогаміи, — спросимъ себя теперь, на сколько оправдывается его мнѣніе, что воровство женщинъ возникло вслѣдствіе умерщвленія младенцевъ женскаго пола и вслѣдствіе явившагося отсюда недостатка въ женщинахъ. На первый взглядъ, можетъ показаться неопровержимымъ, что умерщвленіе младенцевъ женскаго пола, при сколько-нибудь частомъ его повтореніи, должно было повести къ недостатку во взрослыхъ женщинахъ; а потому, многимъ можетъ показаться страннымъ подвергать сомнѣнію законность этого заключенія. Но Макъ-Леннанъ просмотрѣлъ одно сопутствующее обстоятельство. Племена, находящаяся въ состояніи хронической войны между собою, постоянно терпятъ потери во взрослыхъ мужчинахъ; и мужская смертность, обусловленная этою причиною, обыкновенно бываетъ весьма значительна. А потому, умерщвленіе, хотя бы и множества дѣвочекъ, не вызоветъ необходимымъ образомъ недостатка во взрослыхъ женщинахъ; оно можетъ иногда только предупредить избытокъ въ женщинахъ. Въ самомъ дѣлѣ, такой избытокъ долженъ быть неизбежнымъ, при вскармливаніи одинаковаго числа мальчиковъ и дѣвочекъ, коль скоро мужчины умерщвляются отъ времени до времени въ сраженіяхъ. И такъ, предположеніе, изъ котораго исходитъ Макъ-Леннанъ въ своихъ разсужденіяхъ, не можетъ быть допущено.

Недопустимость этого предположенія станетъ еще болѣе очевидною для насъ, когда мы найдемъ, что тамъ, гдѣ еще и теперь держится обычай женокрадства, онъ встрѣчается обыкновенно въ соединеніи съ многоженствомъ. Огнеземельцы, упоминаемые Макъ-Леннаномъ въ числѣ народовъ — женокра-

344935940
302 66490333

довъ, суть многоженцы. По свидѣтельству Дѡва, Тасманійцы были многоженцами, а Лойдъ говоритъ, что многоженство имѣло у нихъ всеобщее распространеніе; но Тасманійцы были женокрадами. Австралійцы доставляютъ Макъ-Леннану его наиболѣе типическіе примѣры женокрадства въ соединеніи съ экзогаміей; и хотя Ольдфилдъ дѣйствительно свидѣтельствуеъ о недостаточности женщинъ у нихъ; однако свидѣтельства другихъ лицъ находятся въ полномъ противорѣчій съ его собственнымъ. Митчель говоритъ: „повидимому, большинство мужчинъ обладаетъ двумя женами, причемъ каждая такая парочка обыкновенно состоитъ изъ жирной, пухлой бабы (g i n) и изъ другой, гораздо моложе ея“. Французъ Пельтье, о которомъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ, что онъ прожилъ семнадцать лѣтъ въ Квинслэндѣ, съ племенемъ Макадама, также свидѣтельствуеъ, что „женщины были у нихъ многочисленнѣе мужчинъ, такъ что каждый мужчина имѣлъ въ своей свитѣ отъ двухъ до пяти женщинъ“. Дакоты Сѣверной Америки, по показаніямъ Бѣртонъ, одновременно женокрады и многоженцы. Въ Южной Америкѣ, Бразилцы подобнымъ же образомъ соединяютъ въ себѣ оба эти свойства; но въ особенности тѣсно соединяются они у Карибовъ. Гумбольдтъ, говоря о распространенности многоженства по Ориноко, прибавляетъ: „но всего значительнѣе оно у Карибовъ и у всѣхъ тѣхъ народовъ, которые сохранили обычай похищать молодыхъ дѣвушекъ у сосѣднихъ племенъ“. Какимъ же образомъ послѣ этого женокрадство можетъ быть приписываемо недостатку въ женщинахъ?

Кромѣ этого, теорія Макъ-Леннана наталкивается еще на одно противорѣчіе съ фактами. Основное его положеніе состоитъ въ томъ, что истребленіе младенцевъ женскаго пола, „сдѣлавъ женщинъ рѣдкими, повело заразъ къ многомужеству (полиандріи) внутри племени и къ похищенію женщинъ извнѣ“. Но многомужество, на сколько мнѣ извѣстно, вовсе не представляетъ отличительной черты племенъ, преданныхъ женокрадству. Мы не находимъ многомужества у поименованныхъ выше Тасманійцевъ, Австралійцевъ, Дакотовъ и Бразилцевъ; и хотя оно и встрѣчается, какъ говорятъ, у Огнеземельцевъ, а также характеризуетъ и нѣкоторыхъ изъ Карибовъ, однако оно гораздо менѣе замѣтно здѣсь, чѣмъ ихъ многоженство. И наоборотъ, не составляя отличительной черты народовъ, похищающихъ другъ у друга женщинъ, оно отличаетъ нѣкоторые низко стоящіе народы, извѣстные своимъ постояннымъ миролюбіемъ. Такъ многомужество существуетъ между Эскимосами, которые даже не знаютъ, что значить война. Оно существуетъ также и у Тодасовъ, которые никогда не задираютъ своихъ сосѣдей.

Мы могли бы пожалуй остановиться и на другихъ затрудненіяхъ менѣе важнаго свойства. Такъ, на примѣръ, существуетъ фактъ, что во многихъ слу-

чаяхъ экзогаміа и эндогаміа сосуществуютъ одна съ другой, какъ это можно видѣть у Команчей, у Ново-Зеландцевъ, у Лепчасовъ и Калифорнцевъ. Существуетъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ многоженство и многомужество также сосуществуютъ другъ съ другомъ, какъ это можно видѣть у Огнеземельцевъ, Карибовъ, Эскимосовъ, Урановъ, Готтентотовъ и древнихъ Бриттовъ. Далѣе, извѣстно, что существуютъ нѣкоторыя экзогамическія племена, у которыхъ форма брачнаго обряда не представляетъ подобія похищенія, какъ-то, напримѣръ, Ирокезы и Чиппеуозы. Но, не останавливаясь на этихъ мелочахъ, я обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ основнымъ затрудненіямъ, которыя очевидны уже *à priori* и которыя кажутся мнѣ непреодолимыми.

§ 286. Исходя, въ своемъ разсужденіи, отъ первичныхъ однородныхъ группъ, Макъ-Леннанъ утверждаетъ, что недостатокъ въ женщинахъ, вызванный истребленіемъ младенцевъ женскаго пола, принудилъ людей къ похищенію чужихъ женщинъ, и думаетъ, что такое женокрадство имѣло мѣсто „на извѣстной ступени развитія у каждой человѣческой расы“ (стр. 138). Въ этихъ словахъ, очевидно, подразумѣвается, что извѣстное число сосѣднихъ племенъ, обыкновенно принадлежащихъ къ одной и той же разновидности человѣка и стоящихъ на одной и той же ступени прогресса, было приведено такимъ образомъ, въ одно и то же время, къ необходимости грабить другъ друга по части женщинъ. Но какъ только мы представимъ себѣ женокрадство не какъ обычай одного только племени, а какъ обычай многихъ племенъ, составляющихъ вмѣстѣ извѣстную группу, такъ у насъ сейчасъ же самъ собою явится вопросъ: — какимъ же образомъ этотъ обычай можетъ помочь недостатку въ женщинахъ? Если въ каждомъ племени женщинъ менѣе, чѣмъ мужчинъ, то какимъ образомъ эти племена могутъ добывать себѣ достаточное число женъ посредствомъ похищенія женщинъ другъ у друга? Очевидно, что недостатокъ въ женщинахъ будетъ оставаться все тотъ же: все, что пріобрѣтетъ одно племя, потеряетъ другое. Памятуя слабую плодovitость дикарей и значительную смертность между ихъ дѣтьми, мы увидимъ, что, при хроническомъ недостаткѣ въ женщинахъ и при равномерномъ ограбленіи другъ друга всѣми племенами, въ результатъ должно оказаться уменьшеніе численности всѣхъ этихъ племенъ. Если же нѣкоторыя изъ этихъ племенъ будутъ похищать болѣе женщинъ, чѣмъ они сами теряютъ, и будутъ добывать себѣ такимъ образомъ достаточное число женъ, оставляя нѣкоторыя изъ остальныхъ племенъ лишь при очень незначительномъ числѣ женщинъ, то эти послѣднія племена будутъ стремиться къ вымиранію. И если выжившія племена будутъ продолжать непрерывно тотъ же самый процессъ, то дѣло кончится тѣмъ, что самое сильное племя, продолжая добывать себѣ женъ отъ менѣе сильныхъ племенъ, наконецъ, останется одно

061935940
30200000000

въ живыхъ и не будетъ уже имѣть вокругъ себя другихъ племенъ, у которыхъ оно могло бы похищать себѣ женщинъ.

Если намъ возразятъ, что истребленіе младенцевъ женскаго пола, въ среднемъ числѣ случаевъ, не заводится такъ далеко, чтобы сдѣлать число женъ недостаточнымъ для сохраненія данной численности общественнаго агрегата; если намъ скажутъ, что только нѣкоторые исключительныя племена вскармливаютъ такъ мало дѣвочекъ, чтобы не имѣть достаточнаго числа матерей для произведенія слѣдующаго поколѣнія, то мы натолкнемся на еще большее затрудненіе. Если въ каждомъ изъ экзогамическихъ племенъ, входящихъ въ составъ воображаемой нами группы, мужчинамъ запрещено жениться на женщинахъ своего собственнаго племени, а потому они должны красть женщинъ у другихъ племенъ, то такой порядокъ требуетъ, чтобы каждое племя завѣдомо вскармливало женъ для сосѣднихъ племенъ, но не для себя. Хотя каждое племя умерщвляетъ много младенцевъ женскаго пола, чтобы избѣжать издержекъ на ихъ воспитаніе для своей же собственной выгоды, однако же оно сознательно вскармливаетъ остальныхъ на пользу своимъ врагамъ. Ясно, что подобное предположеніе не можетъ быть допущено. Чѣмъ безусловнѣе будетъ запрещеніе браковъ съ женщинами своего племени, тѣмъ бесполезнѣе будетъ сохраненіе дѣвочекъ, и даже хуже чѣмъ бесполезнѣе, ибо сохраненіе ихъ будетъ только усиливать сосѣднія враждебныя племена, которыя заберутъ ихъ себѣ въ жены. И такъ какъ всѣ племена, живя подъ игомъ одинаковаго запрещенія эндогамическихъ браковъ, будутъ имѣть одинаковыя мотивы противъ сохраненія дѣвочекъ, то всѣ они перестанутъ возвращать младенцевъ женскаго пола.

И такъ, очевидно, что экзогамія, въ своей первоначальной формѣ, никогда не могла господствовать сколько-нибудь безусловно между всѣми племенами, составлявшими извѣстную группу; но могла быть закономъ только для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

§ 287. Въ своей заключительной главѣ, Макъ-Леннанъ говоритъ: „въ цѣломъ, данное нами объясненіе происхожденія экзогамии представляется единственнымъ, могущимъ выдержать изслѣдованіе“ (стр. 289). Но мнѣ кажется, что, исходя изъ его же собственнаго основнаго положенія, что первобытныя людскія группы отличаются обыкновенно взаимною враждою, мы можемъ, принимая въ соображеніе послѣдствія взаимныхъ войнъ, придти совсѣмъ къ другому объясненію, которое не будетъ открыто ни для одного изъ вышеразсмотрѣнныхъ возраженій.

Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, и у дикарей, и у цивилизованныхъ народовъ, за побѣдою всегда слѣдуетъ грабежъ. Побѣдители забираютъ обыкновенно всѣ цѣнныя вещи, какія только попадутся имъ на глаза,

и которыя они въ состояніи унести. Враги Огнеземельцевъ отнимаютъ у нихъ ихъ собакъ и оружіе; Африканскіе мародеры угоняютъ у пастушескихъ племенъ ихъ скотъ; болѣе цивилизованные народы обираютъ у побѣжденных враговъ деньги, украшенія и всѣ цѣнные вещи, которыя не особенно тяжелы. Очевидно, что похищеніе женщинъ составляетъ лишь часть этого процесса ограбленія побѣжденных. Женщины цѣнятся какъ жены, какъ наложницы и какъ домашнія работницы; а потому, послѣ избіенія мужчинъ, женщины забираются вмѣстѣ съ прочею движимостью. Мы находимъ это повсюду у нецивилизованныхъ народовъ. Тернеръ рассказываетъ, что „на островѣ Самоа, при раздѣлѣ добычи, взятой у побѣжденного народа, женщины не умерщвляются, но берутся въ жены“. Въ своемъ описаніи Австраліи, Митчелъ рассказываетъ, что „когда нѣсколько бѣлыхъ сказали туземцу, что они застрѣлили человѣка другаго племени, то единственнымъ замѣчаніемъ его было: „Болваны бѣлые! зачѣмъ вы не увели женщинъ“? А П. Мартиръ говоритъ, что у людоѣдовъ Карибовъ, въ его время, „считалось противузаконнымъ ѣсть женщинъ... Забравъ въ плѣнъ женщинъ, они держали молодыхъ изъ нихъ на разводъ, какъ мы держимъ домашнюю птицу“, и пр. Древнія легенды получивилизованныхъ народовъ обнаруживаютъ тотъ же самый фактъ; такъ въ *Иліадѣ*, мы читаемъ, что Греки ограбили „священный градъ Пріама“, и что въ числѣ добычи, которую „они раздѣлили между собою“, были и женщины.

Я не думаю, чтобы нужно было приводить примѣры для напоминовенія читателю, что, даже въ новыя, болѣе цивилизованныя времена, за каждую успѣшною битвою слѣдовали такіе поступки побѣдителей, которые, при нѣкоторой разницѣ въ формѣ, представляютъ въ сущности тотъ же самый характеръ. Изъ всего этого ясно вытекаетъ, что, съ самаго начала и до сравнительно новыхъ временъ, овладѣніе женщинами всегда было однимъ изъ *попутныхъ обстоятельствъ* всякой успѣшной войны.

Замѣтимъ далѣе, что, изъ числа добычи, доставшейся путемъ побѣды, нѣкоторыя вещи цѣнятся сами по себѣ, а нѣкоторыя лишь какъ побѣдные трофеи. Доказательства военной доблести цѣнятся дикаремъ выше всего на свѣтѣ. Онъ приноситъ домой скальпъ своего врага, какъ это дѣлаетъ Сѣверо-Американскій Индѣецъ. Онъ высушиваетъ и сохраняетъ голову своего врага, какъ это дѣлаетъ Ново-Зеландецъ. Онъ обшиваетъ свою одежду пучками волосъ, срѣзанными съ головы убитаго непріятеля. Къ числу другихъ доказательствъ успѣшной битвы принадлежитъ и возвращеніе домой съ женщиною побѣжденного племени. Кромѣ своей внутренней цѣнности, она имѣетъ еще и внѣшнюю цѣнность. Подобно женѣ-туземкѣ, она служитъ ему рабою; но она отличается выгодно отъ жены-туземки тѣмъ, что служить въ то же время и военнымъ трофеемъ. Такъ какъ, у дикарей, воины

представляют самых почетных членов племени; и такъ какъ, изъ числа воиновъ, наиболѣе почитаются тѣ, которыхъ воинская доблесть наилучше доказана свидѣтельствами ихъ военныхъ подвиговъ, то обладаніе женою, добытой на войнѣ, становится залогомъ общественнаго отличія. А потому, члены племени, оженившіеся такимъ образомъ на иноплеменныхъ женщинахъ, начинаютъ считаться состоящими въ болѣе почетномъ бракѣ, чѣмъ члены племени, женатые на женщинахъ-туземкахъ. Какія же послѣдствія произтекутъ отсюда?

У племени, не находящагося въ постоянной войнѣ съ другими, или у племени, не одерживающаго постоянныхъ военныхъ успѣховъ, это обстоятельство не произведетъ, по всей вѣроятности, сколько нибудь замѣтнаго вліянія на брачные обычаи. Пока значительное большинство мужчинъ живетъ съ женами-туземками, присутствіе посреди ихъ небольшого числа людей, обнаруживающихъ свое превосходство надъ остальными обладаніемъ женами-иноплеменницами, не будетъ въ силахъ измѣнить обычая брать въ жены туземныхъ женщинъ; потому что большинство будетъ сдерживать другъ друга въ этомъ отношеніи. Но когда племя, сдѣлавшись болѣе успѣшнымъ въ своихъ войнахъ, начнетъ отнимать у сосѣднихъ племенъ ихъ женщинъ все чаще и чаще, тогда у него начнетъ слагаться идея, что люди, которые женаты на иноплеменницахъ, — и число которыхъ теперь уже довольно значительно, — составляютъ почетный классъ; а люди, не доказавшіе своего мужества приведеніемъ домой этихъ живыхъ трофеевъ, не заслуживаютъ уваженія; такимъ образомъ неимѣніе жены-иноплеменницы начнетъ считаться подъ конецъ признакомъ трусости. Отсюда возникнетъ усиленное стремленіе къ приобрѣтенію женъ иного племени; и такъ какъ число людей, не обладающихъ такими женами, еще болѣе уменьшится вслѣдствіе этого, то клеймо общественного презрѣнія ляжетъ на нихъ еще съ большею силою; и такъ дѣло будетъ идти до тѣхъ поръ, пока, въ самыхъ воинственныхъ племенахъ, не явится принудительное требованіе, чтобы жена непременно бралась изъ другаго племени, если не въ открытой войнѣ, то посредствомъ частнаго похищенія.

Нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ часто дикари требуютъ извѣстныхъ доказательствъ мужества, прежде чѣмъ признають молодого человѣка способнымъ вступить въ бракъ, помогутъ намъ привести наше заключеніе къ желанному концу. Герндонъ рассказываетъ, что у Магуэсовъ мужчина не можетъ взять себѣ жену, пока онъ не рѣшится подвергнуть себя жестокой пыткѣ. Бэтсъ, рассказывая о Пассесахъ Верхней Амазонки, говоритъ, что прежде „молодые люди заслуживали своихъ невѣстъ блестящими военными подвигами“. Молодой Дайякъ, получаетъ дозволеніе на бракъ не прежде, чѣмъ докажетъ свою храбрость, принеся домой голову убитаго непріятеля. Банкрофтъ приво-

дять слова полковника Кремени, который говоритъ, что когда воины Анаховъ возвращались домой изъ безуспѣшной экспедиціи, „женщины отворачивались отъ нихъ съ полифѣйшимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ. Онѣ упрекали ихъ въ трусости или въ недостаткѣ искусства и такта и говорили, что такіе люди не заслуживаютъ имѣть женъ“. Очевидно, что въ числѣ другихъ результатовъ тѣхъ чувствъ, которые обнаруживаются изъ этихъ примѣровъ, окажется и похищеніе женщинъ: ибо человѣкъ, которому отказываютъ въ женѣ, пока онъ не докажетъ своего мужества, укравъ себѣ жену, достигнетъ заразъ двухъ цѣлей: удовлетворить свое желаніе и, въ тоже время, прибрѣтетъ себѣ репутацію. Но если, какъ мы это видѣли, доказательствомъ того, что человѣкъ заслуживаетъ имѣть жену, бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибрѣтеніе какого нибудь военного трофея, то можетъ ли быть что либо естественнѣе того, что такимъ трофеемъ будетъ часто сама выкраденная жена? Можетъ ли что либо быть естественнѣе того, что, коль скоро многіе воины племени уже отличаются украденными женами, такое похищеніе жены станетъ тѣмъ самымъ доказательствомъ, котораго будутъ требовать отъ мужчины, чтобы убѣдиться, что онъ достоинъ имѣть жену? а отсюда постепенно возникнетъ законъ обь обязательности экзогаміи.

Предполагаемое нами объясненіе сходно съ объясненіемъ Макъ-Леннана въ томъ, что и оно предполагаетъ развитіе закона изъ предшествовавшего ему обычая. Но оно отличается отъ него тѣмъ, что оно не предполагаетъ ни того, чтобы этотъ обычай имѣлъ свое начало въ нѣкоторомъ первобытномъ инстинктѣ, ни того, чтобы онъ явился вслѣдствіе недостатка въ женщинахъ, вызваннаго истребленіемъ младенцевъ женскаго пола. Кромѣ того, это объясненіе отличается отъ объясненія Макъ-Леннана тѣмъ, что оно можетъ быть согласовано, какъ съ тѣмъ фактомъ, что экзогамія и эндогамія во многихъ случаяхъ сосуществуютъ другъ съ другомъ, такъ и съ тѣмъ фактомъ, что экзогамія часто сосуществуетъ съ многоженствомъ. Далѣе, оно не приводитъ къ непреодолимому затрудненію, вытекающему изъ предположенія существованія безусловнаго закона экзогаміи въ цѣлой группѣ сосѣднихъ племенъ.

§ 288. Но можетъ ли это толкованіе объяснить преобладаніе формы похищенія въ значительномъ числѣ брачныхъ обрядовъ? Макъ-Леннанъ думаетъ, что всюду, гдѣ мы находимъ теперь эту форму, господствовала прежде полифѣйшая экзогамія. Но ближайшее изслѣдованіе, какъ я думаю, покажетъ, что такое заключеніе ничуть не необходимо. Форма похищенія можетъ явиться разными путями, или, лучше сказать, есть нѣсколько причинъ, стремящихся породить ее въ результатѣ ихъ совокупной дѣятельности.

Мы уже видѣли, что еще и теперь существуютъ грубыя племена, у кото-

041935940
19101935

рыхъ мужчины дерутся между собою за обладаніе женщинами; очевидно, что обладаніе женщиною является въ этихъ случаяхъ послѣдствіемъ акта отнятія, или похищенія. То монопольное пользованіе женщиною, которое дѣлаетъ изъ нея жену, въ единственномъ смыслѣ, какой только извѣстенъ дикарю, является тутъ результатомъ успѣшнаго насилія. Такимъ образомъ форма похищенія можетъ иногда брать свое начало изъ дѣйствительнаго похищенія внутри племени, вмѣсто того чтобы происходить отъ дѣйствительнаго похищенія женщинъ у чужихъ племенъ.

Кромѣ того сопротивленію овладѣнію женщиною, которое мужчина встрѣчаетъ со стороны другихъ мужчинъ, онъ можетъ еще наткнуться на сопротивленіе со стороны самой женщины. Сэръ Джонъ Лѣббокъ выражаетъ мнѣніе, что женская стыдливость, или застѣнчивость, не можетъ считаться достаточною причиною для установленія формы похищенія; и дѣйствительно, весьма возможно, что, взятая въ одиночку, она недостаточна для объясненія рѣшительно всего. Но мы имѣемъ основанія считать ее довольно важнымъ факторомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ основаній. Кранцъ рассказываетъ объ Эскимосахъ, что когда дѣвушка услышитъ, что ее просятъ въ замужество, „она немедленно впадаетъ по внѣшности въ величайшее оцѣпененіе и, затѣмъ, выбѣгаетъ за дверь, теребя себя за косу; ибо незамужнія женщины всегда выказываютъ чрезвычайную застѣнчивость и отвращеніе ко всякому брачному предложенію, чтобы не потерять репутаціи скромности“. Подобнымъ же образомъ ведутъ себя и дѣвушки Бушменовъ. „Если дѣвушка не обручена еще въ дѣтскомъ возрастѣ, искатель ея руки долженъ добиться ея собственнаго одобренія и согласія родителей; но всѣ его ухаживанія въ этомъ направленіи принимаются съ притворными выраженіями величайшаго страха и нежеланія со стороны невесты и съ порядочной бранью со стороны ея друзей“. Бурггардтъ говоритъ, что у синайскихъ Арабовъ невеста „защищается камнями и нерѣдко довольно чувствительно ранитъ молодыхъ людей, даже и въ томъ случаѣ, когда искатель ея руки ничуть не противенъ ей; ибо здѣшній обычай таковъ, что чѣмъ болѣе она кобенится, вырывается, кусается, брыкается, кричитъ, борется и дерется, тѣмъ болѣе расхваливаютъ ее впослѣдствіи ея подруги“. Во все время шествія къ стану мужа, „приличіе обязываетъ ее горько плакать и рыдать самымъ раздирающимъ образомъ“. Описывая Музосовъ, Пьедрагита рассказываетъ, какъ, по окончаніи переговоровъ съ родителями невесты, „женихъ взомель къ ней самой и оставался подлѣ нея три дня, постоянно лаская ее; она же отвѣчала на это тѣмъ, что колотила его то кулаками, то палками. По окончаніи этихъ трехъ дней, она стала смирнѣе и сготовила ему пищу“. И такъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, застѣнчивость, дѣйствительная или притворная, разыгрываемая ради

репутаціи, заставляетъ защищаться самое женщину. Въ другихъ случаяхъ, къ этому присоединяется еще сопротивленіе ея подругъ. Извѣстно, что, на Суматрѣ „какъ сама невѣста, такъ и ея родственницы, считаютъ долгомъ чести помѣшать (или притвориться, что мѣшаютъ) жениху овладѣть своей невѣстою“. Описывая бракъ у Арауканцевъ, Смитъ говоритъ: „женщины вскакиваютъ всѣ разомъ, вооружаются дубинами, камнями и вообще всѣмъ, что попадется подъ руку, и бросаются на защиту бѣдствующей дѣвушки... Невѣста считаетъ долгомъ чести сопротивляться и бороться, какъ бы ей ни правился на самомъ дѣлѣ женихъ“. Въ своемъ описаніи Камчадаловъ, Гривъ говоритъ: „получивъ разрѣшеніе похитить невѣсту, женихъ сторожитъ всякій случай застать ее одну или въ сообществѣ лишь съ немногими лицами; ибо въ теченіи этого времени всѣ женщины деревни обязаны защищать ее“.

Эти факты, какъ я думаю, доказываютъ, что одно изъ началъ формы похищенія заключается въ женскомъ сопротивленіи: прежде всего—въ сопротивленіи самой женщины, а потомъ, — ея подругъ, которыя естественно сочувствуютъ ей. Хотя нравы низшихъ расъ не даютъ повода предполагать у нихъ слишкомъ большой стыдливости, или застѣнчивости, однако же мы не имѣемъ также права предполагать, чтобы они вовсе были лишены застѣнчивости. Во всякомъ случаѣ, то количество ея, которое существуетъ дѣйствительно, въ соединеніи съ тѣмъ, которое выражается притворно, ради репутаціи, вполне достаточно, чтобы сдѣлать сопротивленіе женщины, а слѣдовательно и похищеніе ея, явленіями вполне естественными. Кромѣ того, такъ какъ дикарь дѣлаетъ жену свою рабою и обыкновенно обращается съ ней грубо, то у невѣсты является вслѣдствіе этого еще одинъ лишній поводъ для сопротивленія.

Впрочемъ, насильственное сопротивленіе можетъ являться не со стороны одной только дѣвушки и ея подругъ: мужскіе члены семьи также могутъ оказаться часто противными браку. Женщина имѣетъ свою цѣну не только какъ жена, но также какъ дочь; а потому, отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ ступеней общественнаго прогресса, мы постоянно находимъ опредѣленно-выраженныя или безмолвныя притязанія на ея услуги со стороны отца. Мы видимъ это даже у низко-стоящихъ Огнеземельцевъ, у которыхъ молодой чловѣкъ долженъ заплатить за невѣсту чѣмъ нибудь равноцѣннымъ, въ формѣ услуги, „такъ, напримѣръ, — помочь ея отцу въ постройкѣ лодки“. Тоже самое мы находимъ у множества болѣе высоко-стоящихъ дикарей на всемъ земномъ шарѣ: повсюду требуется, или выполнить, какъ здѣсь, заранѣе условленную работу, или внести извѣстную плату. Мы имѣемъ даже доказательства того, что тоже самое было когда-то и у насъ: въ самомъ дѣлѣ, при судебномъ преслѣдованіи за обольщеніе дѣвушки, истецъ требуетъ удовлетворенія за убытки, при-

чиненныя ему лишеніемъ его дочернихъ услугъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что, при грубомъ общественномъ состояніи, когда никто не обращалъ особеннаго вниманія на права и притязанія другихъ, между прочимъ и родителей, завладѣніе дочерью должно было давать поводъ къ дракѣ. Факты подтверждаютъ это заключеніе. Смитъ рассказываетъ намъ объ Арауканцахъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда родители бываютъ противъ брака, „они немедленно собираютъ сосѣдей, трубя въ рогъ, и начинается горячая охота за бѣглецами“. „У Гондоровъ,—племя, живущее у южныхъ береговъ Каспійскаго моря,—женихъ долженъ украсть свою невѣсту и бѣжать съ нею, хотя онъ подвергается себя этимъ поступкомъ мщенію ея родителей, которые могутъ по закону предать его смерти, если успѣютъ розыскать его въ теченіи трехъ дней.“ О Гондахъ мы читаемъ: „искатель руки дѣвушки, при отказѣ родителей, обыкновенно похищаетъ ее“. Такимъ образомъ, мы находимъ еще одну естественную причину къ похищенію женщинъ,—причину, которая должна была имѣть очень широкое распространеніе у всѣхъ племенъ во времена, предшествовавшія прочному установленію общественныхъ обычаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, читая, что у Манучесовъ мужчина нерѣдко „схватываетъ дѣвушку силою и уводитъ ее“, и что „во всѣхъ такихъ случаяхъ уплачивается въслѣдствіи отцу обычное вознагражденіе“, мы имѣемъ полное право заподозрить, что похищеніе дѣвушки, безъ вѣдома родителей, было первичною формою; что вслѣдъ за тѣмъ явилась уплата вознагражденія для избѣжанія мщенія ея родителей; что эта уплата вознагражденія развилась въслѣдствіи въ одѣленіе подарками заранѣе; и что такимъ образомъ явилась подъ конецъ система пріобрѣтенія жены покупкою (калымъ).

И такъ, если внутри самаго племени имѣются уже три источника сопротивленія присвоенію женщины мужчиною, то нѣтъ причины считать, что существованіе формы похищенія въ брачномъ обрядѣ не можетъ быть объяснено иначе, какъ только предположеніемъ существованія въ прежнія времена похищенія женщинъ у другихъ племенъ.

Но даже допуская, что эта форма имѣла свое начало въ похищеніи ино-племенныхъ женщинъ, мы найдемъ, что выживаніе ея въ брачныхъ обрядахъ какого либо общества ничуть не доказываетъ, чтобы экзогамія была когда-то рѣшительнымъ закономъ для этого общества. Коль скоро многіе воины даннаго племени обладаютъ женами, отнятыми у непріятелей, и коль скоро племя взираетъ на эгихъ воиновъ, добывшихъ себѣ женъ путемъ похищенія, какъ на состоящихъ въ болѣе почетномъ бракѣ, чѣмъ остальные, въ племени непременно возникнетъ честолюбивое стремленіе, если не похищать дѣйствительно себѣ женъ, то хоть казаться похищающими ихъ. Въ каждомъ обществѣ низшіе перedразниваютъ высшихъ; и такимъ образомъ извѣстные обычаи распростра-

яются на такі классы, которыхъ предки вовсе не соблюдали ихъ. Старинные портреты, украшающіе собою многіе новые, богатые дома, ничуть не доказываютъ происхожденія владѣльца дома отъ знаменитыхъ предковъ: они могутъ быть часто простою поддѣлкою подъ знатное происхожденіе. Гербъ, носимый богатымъ человѣкомъ, ничуть не предполагаетъ необходимымъ образомъ, что нынѣшній владѣлецъ этого герба происходитъ отъ людей, щиты и значки которыхъ были украшены этими отличительными знаками. Перья, развѣвующіяся надъ погребальною колесницею, нисколько не доказываютъ, что предки лежащаго на ней покойника носили это рыцарское украшеніе. Подобнымъ же образомъ, существованіе въ брачныхъ обрядахъ извѣстнаго племени подобія похищенія невѣсты ничуть не доказываетъ, чтобы всѣ члены этого племени были потомками людей, которые въ прежніе времена дѣйствительно похищали себѣ женъ. Самъ же Макъ-Леннанъ указываетъ на то, что, у многихъ древнихъ народовъ, похищать себѣ женъ дозволялось только военному классу, но никакъ не другимъ классамъ общества. Если мы представимъ себѣ теперь общество, состоящее изъ господствующаго военного класса, происходящаго отъ прежнихъ покорителей и удержавшаго обычай похищать своихъ женъ, и изъ подчиненнаго класса, происходящаго отъ покореннаго племени и не пользующагося этимъ правомъ; и если мы спросимъ себя, что произойдетъ въ этомъ обществѣ, когда оно вступитъ въ болѣе мирныя отношенія съ подобными же сосѣдними обществами и начнетъ получать отъ нихъ женъ уже не силою, но съ помощью покупки или какихъ либо другихъ дружелюбныхъ сдѣлокъ, то мы увидимъ, что, прежде всего, притворное похищеніе замѣнитъ дѣйствительное похищеніе при бракахъ этого господствующаго класса; ибо, какъ совершенно справедливо утверждаетъ Макъ-Леннанъ, стремленіе сообразоваться съ обычаями предковъ вызоветъ необходимость комедіи похищенія, какъ скоро дѣйствительныя похищенія прекратятся на дѣлѣ. Но какъ скоро похищеніе невѣстъ перейдетъ такимъ образомъ у господствующаго класса въ простую форму, члены подчиненнаго класса начнутъ подражать этой формѣ, какъ наиболѣе почетной. Прежде всего усвоятъ ее себѣ тѣ изъ членовъ низшаго класса, которымъ удастся добратъся до высокаго общественнаго положенія, а за ними постепенно потянутся и другіе, ниже ихъ стоящіе члены. Такимъ образомъ, если бы даже не существовало ни одного изъ указанныхъ выше вѣроятныхъ началъ для формы похищенія, то все-таки выживаніе этой формы въ брачныхъ обрядахъ какого-либо общества ничуть не доказывало бы необходимымъ образомъ, что это общество было когда-то сплошь экзогамическимъ; но только показывало бы, что похищеніе женщинъ практиковалось въ древнія времена наиболѣе вліятельными его членами.

§ 289. Продолжая далѣе наши разсужденія, посмотримъ теперь, не могутъ ли экзогамія и эндогамія быть истолкованы одновременно, какъ соотносительные результаты одного и того же процесса дифференціаціи. Исходя изъ такого общественнаго состоянія, при которомъ отношенія между племенами крайне неопредѣленны, измѣнчивы и зависимы только отъ страстей и отъ случайныхъ обстоятельствъ, мы должны объяснить теперь, какимъ образомъ могли возникнуть: въ одномъ мѣстѣ—экзогамія, а въ другомъ—эндогамія, какъ послѣдствія тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условій. Самыми важными изъ этихъ условій были отношенія къ другимъ племенамъ, иногда мирныя, но въ большинствѣ случаевъ враждебныя, причемъ эти другія племена оказывались иныя сильными, а иныя слабыми.

Первобытная группа, не ведущая частыхъ войнъ съ сосѣдними группами, необходимо должна быть группою эндогамическою: ибо забираіе женщинъ у другихъ племенъ всегда бываетъ или послѣдствіемъ открытой войны, или актомъ частной войны, который можетъ повлечь за собою открытую войну. Впрочемъ, происходящая этимъ путемъ чистая эндогамія, по всей вѣроятности, очень рѣдка: ибо враждебность сосѣднихъ племенъ другъ съ другомъ представляетъ явленіе почти всеобщаго характера. Но эндогамія будетъ, по всей вѣроятности, отличать не одни только миролюбивыя группы, но также и тѣ группы, которымъ обыкновенно несчастливится въ войнахъ. Какая-нибудь изрѣдка похищенная женщина, взятая въ видѣ возмездія, не будетъ составлять достаточнаго прецедента, чтобы установить у слабаго племени обычай похищать себѣ женъ; но, наоборотъ, всякій членъ такого племени, укравшій себѣ жену у болѣе сильнаго сосѣда и навлекшій за это месть ограбленнаго племени, заслужить, по всей вѣроятности, общее порицаніе ¹⁾. А потому, бракъ внутри своего племени не только будетъ обычнымъ для такого общества, но мало по малу тутъ возникнетъ даже предубѣжденіе, а подъ конецъ и законъ, противъ взятія въ замужество женщинъ другихъ племенъ: т. е., требованія самосохраненія

¹⁾ Послѣ того, какъ эти строки были уже написаны, я натолкнулся, по счастливой случайности, на подтверждающій ихъ фактъ, въ только что вышедшемъ сочиненіи Джилля: Жизнь на южныхъ островахъ (стр. 47). Человѣкъ, принадлежавшій къ одному изъ племенъ Мангайцевъ, укралъ кое-какіе съѣстные припасы у сосѣднаго племени. Это сосѣднее племя, въ отместку, разрушило жилища и пр. того племени, къ которому принадлежалъ воръ. Тогда соплеменники вора, разсерженные тѣми бѣдствіями, которыя онъ навлекъ на нихъ, убили его. Если это случилось съ воромъ съѣстныхъ припасовъ, тѣмъ вѣроятнѣе могло это случиться съ похитителемъ женщины, коль скоро ограбленное племя было сильнѣе того, къ которому принадлежалъ воръ.

сдѣлають такое племя эндогамическимъ. Это толкованіе вполне гармонируетъ съ фактомъ, допускаемымъ и Макъ-Леннаномъ, что эндогамическія племена столь же многочисленны какъ и экзогамическія; а также и съ тѣмъ фактомъ, тоже допускаемымъ имъ, что, во многихъ случаяхъ, группа племенъ, родственныхъ между собою и по крови, и по языку, заключаетъ въ себѣ заразъ и экзогамическія и эндогамическія племена.

Надо думать, что у племенъ, не отличающихся значительно другъ отъ друга по силѣ, будутъ происходить постоянныя задиранія и возмездія, сопровождаемыя взаимными похищеніями женщинъ. Ни одно изъ нихъ не будетъ способно снабжать себя женами исключительно на счетъ сосѣднихъ племенъ; а потому въ каждомъ изъ нихъ будутъ имѣться заразъ и жены-туземки, и жены-ино-племенницы: т. е., экзогамія и эндогамія будутъ держаться тутъ рядомъ другъ съ другомъ. Похищеніе женщинъ не будетъ считаться предосудительнымъ, потому что ограбленныя племена не такъ уже сильны, чтобы опасаться вызвать ихъ гнѣвъ; но его не будутъ и требовать слишкомъ настоятельно, потому что люди, владѣющіе выкраденными женами, не такъ многочисленны, чтобы повліять рѣшающимъ образомъ на общественное мнѣніе.

Но какъ скоро одно изъ племенъ данной группы получить преобладаніе надъ другими, вслѣдствіе частыхъ военныхъ успѣховъ, какъ скоро число людей, владѣющихъ выкраденными женами, возрастетъ до значительной степени, какъ скоро обладаніе краденой женою станетъ признакомъ храбрости, отсутствіе котораго станетъ считаться доказательствомъ того, что человѣкъ недостойнъ имѣть жену, — тогда безславность брака съ туземкою перейдетъ мало по малу въ безчестіе и позоръ; пока, наконецъ, не установится рѣшительное требованіе брать въ замужество исключительно женщинъ чужихъ племенъ, добытыхъ если не въ открытой войнѣ, то путемъ частнаго похищенія: т. е. племя сдѣлается экзогамическимъ.

Прослѣдимъ одно изъ послѣдствій такой перемѣны. Возникшее такимъ образомъ экзогамическое племя, постоянно возрастаая и принуждая сосѣднія племена къ вымиранію, вслѣдствіе систематическихъ ихъ ограбленій, подъ конецъ само раздѣлится на части; и эти части, овладѣвъ мѣстообитаніями сосѣднихъ племенъ, унесутъ съ собою твердо установившіеся между ними экзогамическіе нравы. Когда эти разошедшіяся подплемена, ставъ враждебными другъ другу, начнутъ похищать другъ у друга женщинъ, то между ними вскорѣ возникнутъ условія, ведущія къ появленію той внутренней экзогаміи, которая, по предположенію Макъ-Леннана, кажущаяся мнѣ весьма вѣрнымъ, замѣщаетъ мало по малу внѣшнюю экзогамію. Ибо, если только мы не захотимъ допустить существованія такой группы племенъ, въ которой каждое племя сознательно беретъ на себя трудъ выращивать жен-

94135340

щинъ для раскрадыванія ихъ сосѣдными племенами, то намъ придется считать, что эти племена найдутъ какой либо измѣненный способъ для выполнения своихъ экзогамическихъ требованій. Женщины, родившіяся внутри племени, но чуждыя ему по материнской крови, стануть считаться годными въ жены и способными замѣнять дѣйствительно выкраденныхъ женъ. А это поведетъ къ прочному установленію того родства по женской линіи, которое явилось сперва изъ первоначальной неправильности отношеній между полами, и которое будетъ поддерживаться теперь, даже при извѣстности родства по мужской линіи; ибо это истолкованіе родства дѣлаетъ возможнымъ выполнение требованій закона о брачномъ сожителствѣ (*с о п п и ъ и ѹ*), которыя, въ противномъ случаѣ, не могли бы быть выполнены ни коимъ образомъ.

§ 290. Общее значеніе экзогаміи и эндогаміи для общественной жизни таково, что о немъ нельзя сказать ничего особенно важнаго.

Очевидно, что экзогамія, въ своей первичной формѣ, представляетъ спутника самого грубаго варварства, и что она уменьшается съ уменьшеніемъ постоянства враждебныхъ отношеній между обществами и съ смягченіемъ военныхъ обычаевъ. Что взаимное скрещиваніе различныхъ родовыхъ группъ извѣстнаго племени было полезно, особенно тамъ, гдѣ эти группы были очень мелки,—это правда; и экзогамія дѣйствительно могла доставлять такимъ образомъ ту выгоду, которая обезпечивается на позднѣйшихъ ступеняхъ прогресса смѣшеніемъ побѣдившаго и побѣжденнаго племенъ; хотя ни одинъ человѣкъ, помнящій умственную бездѣятельность дикаря, никогда не вообразить, что онъ сознательно имѣлъ въ виду этотъ результатъ. Но экзогамическіе нравы, при первомъ ихъ установленіи, предполагаютъ чрезвычайно низкое положеніе женщинъ, грубое обращеніе съ ними и полное отсутствіе тѣхъ высшихъ чувствъ, которыя сопровождаютъ впослѣдствіи отношенія между полами. Будучи связана органически съ самымъ низшимъ типомъ политической жизни, экзогамія связана также и съ самымъ низшимъ типомъ домашней жизни.

Очевидно, что эндогамія, характеризующая съ самого начала болѣе мирныя группы и получающая потомъ преобладаніе въ такихъ обществахъ, враждебность которыхъ съ другими ослабѣла противъ прежняго, представляетъ спутника болѣе высокихъ формъ семьи.

[Эта глава, написанная около половины сентября, лежала въ наборѣ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль: я все не рѣшался пустить ее въ печать, въ виду объявленія о скоромъ выходѣ втораго изданія сочиненія Макъ-Леннана: я ожидалъ встрѣтить въ немъ исправленія, которыя могли вызвать соотвѣтственные измѣненія моихъ критическихъ замѣчаній. Но обстоятельства помѣ-

шали Макъ-Леннану передѣлать свое изложеніе. Въ предисловіи къ этому второму изданію онъ говоритъ:—

„Хотя я снова свободенъ и могъ бы предаться снова тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя необходимы для пересмотра этой книги; но я рѣшительно не увѣренъ въ томъ, какъ скоро я могъ бы пересмотрѣть ее удовлетворительнымъ образомъ; а потому мнѣ нечего отвѣтить на представленныя мнѣ увѣщанія, что лучше сдѣлать ее доступною для лицъ, интересующихся этимъ предметомъ, хотя бы со всѣми ея несовершенствами, чѣмъ оставлять ее надолго недоступною для нихъ. Я согласился съ этими увѣщаніями тѣмъ охотнѣе, что, въ цѣломъ, я все еще держусь тѣхъ заключеній, къ которымъ пришелъ, болѣе чѣмъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, по отношенію къ различнымъ вопросамъ, разсматривавшимся въ „Первобытномъ Брактѣ“.

И такъ, я посылаю эти страницы въ печать безъ всякаго измѣненія. Всѣ ссылки относятся, конечно, къ первому изданію, нумерація страницъ котораго отлична отъ нумераціи втораго. Я не считалъ измѣненія указаній ни нужнымъ, ни даже желательнымъ, такъ какъ первое изданіе въ настоящую минуту гораздо болѣе распространено, чѣмъ второе, что вѣроятно, будетъ продолжаться и еще нѣкоторое время].

ГЛАВА V.

БЕЗПОРЯДОЧНОЕ ПОЛОВОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО.

§ 191. Въ главѣ о „первобытныхъ отношеніяхъ половъ“, мы уже привели примѣры неопредѣленности и непостоянства связей между мужчинами и женщинами въ низшихъ обществахъ. Воля сильнѣйшаго, не сдерживаемая никакими политическими стѣсненіями и не руководимая нравственными чувствами, опредѣляетъ одна все поведеніе людей въ этихъ обществахъ. Отымая женщина другъ у друга силою, мужчины не признаютъ здѣсь никакихъ другихъ узъ между полами, кромѣ тѣхъ, которыя устанавливаются насиліемъ и поддерживаются склонностью. Къ примѣрамъ, приведеннымъ въ этой главѣ, мы можемъ прибавить здѣсь еще нѣсколько новыхъ, показывающихъ, что, въ началѣ, бракъ, какъ мы понимаемъ его теперь, едвали даже существовалъ.

Банкрофтъ приводитъ показаніе Пуля о Гайдахкахъ, у которыхъ, по его словамъ, женщины „сожительствуютъ почти безъ всякаго разбора съ мужчинами своего племени, хотя рѣдко съ мужчинами другихъ племенъ“. По свидѣтельству капитана Тэйлора, у горныхъ племенъ хребта Пипэ, въ округѣ Мадурѣ, беспорядочное половое сожительство встрѣчаетъ очень мало стѣсненій. Описывая одинъ народецъ, обитающій въ горахъ Нейльгерри, капитанъ Гаркнесъ говоритъ: „Двое изъ Эрुляровъ сообщали мнѣ, что у нихъ не имѣется никакого брачнаго договора; что мужчины и женщины вступаютъ между собою въ связи почти безъ всякаго разбора; и что рѣшеніе того, продолжать ли связь или разстаться, зависитъ главнымъ образомъ отъ женщины“. Про другой Индійскій народецъ, — про Тихуровъ, говорятъ, что они „живутъ большими общинами, въ беспорядочномъ половомъ сожительствѣ между собою; и что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда двое лицъ считаются состоящими въ бракѣ, эти узы бываютъ только номинальными“. А по словамъ одного сипая, прожившаго болѣе года между Андаманцами, беспорядочное половое сожительство настолько

освящено у них общественнымъ мнѣніемъ, что мужчина, получившій отказъ отъ незамужней женщины, „смотреть на него какъ на оскорбленіе“ и нерѣдко прибѣгаетъ къ немедленному отмщенію.

Всѣ приведенные нами примѣры показываютъ, что, у многихъ низшихъ племенъ, беспорядочное половое сожителство ограничено лишь въ очень незначительной степени тою формою союза, которая замѣняетъ у нихъ бракъ, причемъ этотъ послѣдній у нѣкоторыхъ изъ нихъ не имѣетъ даже слова для своего выраженія. Временная склонность опредѣляетъ заключеніе связей, и простая прихоть разрываетъ ихъ. Типическимъ примѣромъ отношеній этого рода можетъ служить то, что разсказывается о Мантрасахъ, которые женятся, не зная другъ друга, и разводятся изъ-за пустяковъ, и у которыхъ нѣкоторые мужчины бывали женаты разъ „сорокъ или пятьдесятъ“.

§ 292. Факты этого рода были приняты нѣкоторыми писателями за указаніе на то, что первобытное состояніе человѣчества было состояніемъ неограниченнаго гетеризма. Эти писатели считаютъ, что полнѣйшая беспорядочность половыхъ связей не просто практиковалась въ самомъ началѣ, но была въ нѣкоторомъ родѣ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, сэръ Джонъ Лэббокъ предложилъ даже для этой самодревнѣйшей фазы половыхъ отношеній особое названіе „коммунальнаго брака“, которое подразумѣваетъ признаваніе нѣкоторыхъ правъ и обязательствъ. Я не думаю, что бы факты оправдывали заключеніе, будто бы беспорядочное половое сожителство существовало когда-либо въ совершенно неограниченной формѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что если бы оно даже и существовало когда-нибудь въ этой формѣ, то все-таки названіе „коммунальнаго брака“ не дало бы намъ вѣрнаго представленія о немъ.

Мы уже доказывали ранѣе, что начальное общественное состояніе должно было представлять такое состояніе, при которомъ не существовало еще никакихъ общественныхъ законовъ. Общественные законы предполагаютъ нѣкую продолжительность общественнаго существованія; а продолженіе общественнаго существованія предполагаетъ смѣну нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній. Вслѣдствіе этого, въ самомъ началѣ, не могло существовать такого общественнаго закона, какъ законъ „коммунальнаго брака“, въ силу котораго каждый мужчина и каждая женщина извѣстнаго маленькаго племени считались въ одинаковой степени принадлежащими другъ другу, какъ мужъ и жена; въ самомъ началѣ, не могло существовать ни малѣйшаго представленія о „правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака“. Слова „бракъ“ и „права“, въ приложеніи къ подобному общественному состоянію, могутъ, какъ мнѣ кажется, привести насъ, вслѣдствіе своихъ соозначеній, къ весьма ошибочнымъ представленіямъ. Каждое изъ этихъ словъ подразумѣваетъ нѣкоторое притязаніе и нѣ-

 041935941
 041935941

которое ограниченіе. Но коль скоро притязаніе сопротязженно со всѣми членами даннаго племени, то единственнымъ ограниченіемъ можетъ быть ограниченіе, исключающее членовъ другихъ племенъ; но мнѣ кажется невозможнымъ утверждать, чтобы идея о бракѣ внутри племени явилась изъ отрицанія притязаній личностей, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ. Но оставимъ вопросъ о терминологіи и перейдемъ къ рассмотрѣнію существеннаго вопроса, а именно, того — предшествовало ли то, что мы могли бы назвать племенной монополіей на своихъ женщинъ, т. е. общимъ владѣніемъ имъ, съ исключеніемъ другихъ племенъ, индивидуальной монополіи на женщину внутри самаго племени. Сэръ Джонъ Леббокъ полагаетъ, что отсутствіе индивидуальнаго супружескаго обладанія шло параллельно съ отсутствіемъ индивидуальнаго обладанія вообще: т. е., пока не существовало понятія объ индивидуальной собственности на другія вещи, не существовало и понятія объ индивидуальной собственности на женщину. Онъ полагаетъ, что какъ территорія даннаго племени была общей собственностью всѣхъ его членовъ, такъ точно и женщины племени были общей собственностью всѣхъ мужчинъ этого племени. Онъ думаетъ, что частная собственность на женщину установилась только какъ результатъ похищенія женщинъ, вслѣдствіе того, что женщины, добытыя этимъ путемъ, начали считаться принадлежащими своимъ похитителямъ. Хотя я тоже вполне согласенъ съ тѣмъ, что развитіе понятія о собственности вообще имѣло большое вліяніе на развитіе понятія о супружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе я нахожу вполне возможнымъ не раздѣлять мнѣнія сэра Джона Леббока, что бы понятіе о собственности находилось хотя когда-нибудь въ такомъ неразвитомъ состояніи, какое предполагается его заключеніемъ. Совершенно справедливо, что идея о собственности, которую имѣетъ первобытное племя по отношенію къ занимаемой имъ территоріи, очень похожа на идею объ этомъ предметѣ многихъ одиночно-живущихъ и стадныхъ животныхъ, которыя ревниво отгоняютъ чужаковъ отъ своихъ логовищъ и обиталищъ: даже лебеди, живущіе на извѣстномъ плесѣ Темзы, сопротивляются вторженіямъ лебедей, живущихъ въ другихъ ея частяхъ; а общественныя собаки каждаго квартала Константинополя яростно нападаютъ на собакъ другихъ кварталовъ, когда тѣ забѣгаютъ въ ихъ владѣнія. Правда также, что большинство дикарей относится къ пойманной добычѣ отчасти какъ къ общей собственности, хотя и не считаютъ ее вполне общей собственностью. Но причины всего этого слишкомъ очевидны. Охотники владѣютъ страной сообща потому, что ею и нельзя владѣть иначе; а такое владѣніе порождаетъ и общность притязаній на доставляемую ею пищу. Выводить изъ этого, что, на самой древней ступени развитія, не существуетъ признаванія индивидуальной собственности и на другіе предметы, значитъ, по

моему мнѣнію, заходить далѣе, чѣмъ то позволяютъ вѣроятность и факты. Даже собака обнаруживаетъ нѣкоторое понятіе о собственности: она не только вступаетъ въ драку за пойманную ею добычу или за свою конуру, но даже сторожитъ одежду и другія вещи своего господина. Мы не можемъ предположить, чтобы человѣкъ, на самой низкой ступени своего развитія, имѣлъ меньшее понятіе о собственности, чѣмъ собака. Напротивъ того, слѣдуетъ предположить, что его понятія на этотъ счетъ были обширнѣе; и факты, дѣйствительно, подтверждаютъ такое предположеніе. Обыкновенно дикари владѣютъ индивидуально своимъ оружіемъ и утварью, своими украшеніями и одеждою. Даже у низкостоящихъ Огнеземельцевъ существуетъ частная собственность по отношенію къ лодкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, то самое представленіе о будущихъ выгодахъ, которое побуждаетъ разумное существо овладѣть какою-нибудь полезною вещью, или изготовить ее для себя, побуждаетъ его и сопротивляться отнятію этой вещи. Въ большинствѣ случаевъ, ему не мѣшаютъ владѣть своей вещью, потому что самая вещь не стоитъ того, чтобы отваживаться изъ за нея на драку; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь, несмотря на сопротивленіе хозяина, отбирается у него другимъ, этотъ другой опять-таки владѣетъ ею индивидуально, такъ что она снова становится частной собственностью. Побужденія, приводившія первобытныхъ людей къ монополизированію другихъ цѣнныхъ предметовъ, должны были приводить ихъ и къ монополизированію женщинъ. Между ними должна была возникнуть частная собственность на женщинъ, непризнаваемая только сильнѣйшими, которые устанавливаютъ частную собственность по другому.

Мнѣ кажется, что это заключеніе вполне подтверждается фактами. Беспорядочное половое сожителство, какъ бы рѣзко ни было оно выражено въ томъ или другомъ случаѣ, всегда и повсюду оказывается ограниченнымъ союзами, имѣющими нѣкоторую продолжительность. Хотя въ многочисленныхъ вышепоименованныхъ случаяхъ, а также у Алеутовъ, у Куриновъ Сѣверной Америки, у Бидагасовъ, Курумбаговъ и Керіаховъ Индіи, у Готтентотовъ и многихъ другихъ народовъ Африки, дѣйствительно не существуетъ никакихъ брачныхъ обрядовъ; однако въ самомъ этомъ утвержденіи подразумѣвается, что у нихъ есть нѣчто, имѣющее природу брака. Хотя у всѣхъ вообще сѣверо-американскихъ племенъ не требуется для брачнаго союза ни освященія, ни свидѣтелей, однимъ словомъ „ничего, кромѣ личнаго согласія заинтересованныхъ сторонъ“; однако самыя эти слова указываютъ на существованіе у нихъ какого то рода союза. Хотя у Бушменовъ и калифорнскихъ Индѣйцевъ не существуетъ даже слова для обозначенія этого отношенія между полами; однако существуютъ доказательства, что самое отношеніе имъ извѣстно. Хотя у такихъ народовъ, какъ

Тихуры Ауда, беспорядочность полового сожительства такъ всеобща и такъ сильна, что „даже въ тѣхъ случаяхъ, когда двое лицъ считаются состоящими въ бракѣ, эти узы бываютъ только номинальными“; однако же нѣкоторые изъ нихъ все-таки „считаются состоящими въ бракѣ“. У самыхъ низшихъ изъ существующихъ нынѣ расъ,—у Огнеземельцевъ, у Австралійцевъ, у Андаманцевъ,—мы постоянно находимъ болѣе или менѣе продолжительныя и прочныя половыя отношенія, хотя завязываются они часто безъ всякихъ формальностей; и я не вижу причинъ принимать, что бы въ общественныхъ группахъ, стоящихъ еще ниже этихъ, не существовало индивидуальнаго обладанія женщинами со стороны мужчинъ. Мнѣ кажется, что мы должны допустить, что, даже въ доисторическія времена, беспорядочное половое сожительство сдерживалось установленіемъ индивидуальныхъ связей, являвшихся слѣдствіемъ мужскихъ вкусовъ и склонностей и поддерживавшихся противъ другихъ мужчинъ открытою силою.

§ 293. Впрочемъ, допуская вполне, что, на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія, беспорядочное половое сожительство ограничивалось этимъ способомъ лишь въ очень слабой степени, посмотримъ теперь прежде всего на вытекающія изъ него идеи о родствѣ.

Прямые и косвенныя причины, дѣйствующія въ этомъ случаѣ, будутъ согласно стремиться къ установленію признаванія родства только по женской линіи. Когда беспорядочное половое сожительство имѣетъ самое широкое распространеніе, когда число дѣтей отъ неизвѣстныхъ отцовъ болѣе числа дѣтей отъ извѣстныхъ отцевъ, то, въ силу того обстоятельства, что связь между матерью и ребенкомъ очевидна во всѣхъ случаяхъ, между тѣмъ какъ связь между отцемъ и ребенкомъ можетъ быть выведена только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ племени необходимо возникнетъ привычка принимать въ соображеніе скорѣе родство по матери, чѣмъ родство по отцу. А потому, даже въ тѣхъ менѣе многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ родство по отцу вполне извѣстно, о дѣтяхъ будутъ думать и говорить тѣмъ же самымъ способомъ, т. е. какъ о дѣтяхъ такой-то матери. Мы сами, въ обыкновенномъ разговорѣ, обыкновенно называемъ извѣстнаго мальчика сыномъ такого-то, г. хотя и признаемъ вполне его происхожденіе отъ такой-то матери; очевидно, что обратный обычай, сложившійся подъ вліяніемъ преобладанія у дикарей беспорядочнаго сожительства между полами, заставитъ говорить о ребенкѣ, какъ о сынѣ или дочери такой-то женщины, даже тогда, когда отецъ его вполне извѣстенъ.

Есть еще и другая причина для установленія этого обычая. Хотя мы имѣемъ право думать, что беспорядочное половое сожительство бываетъ ограничено во всѣхъ рѣшительно случаяхъ союзами, имѣющими нѣкоторую продол-

жительность; однако же мы видимъ, что на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, какъ, напримѣръ, у Андаманезцевъ, каждый изъ такихъ союзовъ оканчивается съ отнятіемъ ребенка отъ груди; вслѣдствіе чего связь между ребенкомъ и отцомъ скоро прекращается, тогда какъ связь между ребенкомъ и матерью продолжаетъ существовать. А потому, даже при извѣстности происхождения по отцу, общество будетъ думать о ребенкѣ по преимуществу въ связи съ матерью и, такимъ образомъ, будетъ укрѣпляться въ обычай, вызванномъ вначалѣ иными обстоятельствами.

Какъ скоро эта привычка уже возникла, вытекающая изъ нея система родства по женской линіи, какъ мы уже видѣли выше, будетъ еще болѣе укрѣпляться обычаемъ экзогаміи, разъ что этотъ обычай перейдетъ изъ формы вѣнчанной экзогаміи въ форму внутренней экзогаміи. Требованіе брать жену изъ чужаго племени легко станетъ смѣшиваться съ требованіемъ брать жену чужой крови. Но какъ скоро въ обществѣ признается происхожденіе только по материнской линіи, дочери иноплеменныхъ женщинъ, хотя бы и рожденныя внутри племени, стануть, какъ доказываетъ Макъ-Леннанъ, считаться удовлетворяющими требованіямъ экзогаміи, т. е. годными въ жены; и этотъ взглядъ на нихъ будетъ постоянно укрѣпляться уже тѣмъ самымъ, что онъ дѣлаетъ возможнымъ выполненіе закона экзогаміи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выполненіе его невозможно никакимъ инымъ способомъ. Въ концѣ концовъ тутъ сложится прочно-установленная система родства по женской линіи, съ запрещеніемъ браковъ между лицами, носящими одно и тоже семейное имя, или принадлежащими къ тому же самому клану.

Примѣры, собранные Макъ-Леннаномъ и сэромъ Джономъ Лёббокомъ, показываютъ, что эта система господствуетъ въ Западной и Восточной Африкѣ, между Кавказскими Горцами, въ Индустанѣ, Татаріи, Сибири, Китаѣ и Австраліи, равно какъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Есть нѣсколько добавочныхъ причинъ, чтобы истолковывать эту систему именно такъ, какъ сказано выше. Одна изъ этихъ причинъ заключается въ томъ, что это толкованіе избавляетъ насъ отъ необходимости допускать изумительное предположеніе, что родство по отцу проходило вначалѣ совершенно незамѣченнымъ. Вторая причина состоитъ въ томъ, что мы устраняемъ такимъ образомъ одно противорѣчіе въ нашихъ взглядахъ на этотъ предметъ. Во всѣхъ обществахъ, гдѣ существуетъ система родства по женской линіи, родство по мужской линіи обыкновенно бываетъ извѣстнымъ, но только имъ пренебрегаютъ; ибо, во-первыхъ, даже у самыхъ низшихъ расъ, существуютъ союзы между мужчинами и женщинами достаточно продолжительные, чтобы сдѣлать родство по отцу вполне очевиднымъ; а во-вторыхъ, самое утвержденіе этихъ расъ, что они принимаютъ въ расчетъ толь-

 041935941
 041935941

ко родство по матери, не можетъ быть высказано, безъ подразумѣванія признанія родства по отцу; да, къ тому же, развѣ всѣ эти расы, вплоть до самыхъ низшихъ, не имѣютъ всегда слова для обозначенія отца, на равнѣ со словомъ для обозначенія матери? Наконецъ, третья причина видна изъ того, что, въ большинствѣ случаевъ, такія имена, какъ Волкъ, Медвѣдь, Орель, Китъ и пр.,—суть имена, даваемые мужчинамъ и показывающія, какъ я уже доказывалъ это выше (§ 170—3), происхожденіе отъ знатнаго предка—мужчины, носившаго это имя; значить, не смотря на систему родства по женской линіи, племя воспоминаетъ свое происхожденіе отъ предка-мужчины, когда такая связь льститъ его гордости ¹⁾).

§ 204. Разсматривая вліяніе неправильныхъ отношеній между полами, я нѣсколько уклонился отъ непосредственно занимающаго насъ предмета; поспѣшимъ-же перейти къ разсмотрѣнію вліянія подобныхъ отношеній на общество и на составляющихъ его индивидовъ.

Чѣмъ сильнѣе беспорядочность полового сожителства, тѣмъ малочисленнѣе и слабѣе родственныя узы. Рождающіяся дѣти не только не имѣютъ доподлинно-извѣстнаго отца, но еще вдобавокъ дѣти каждой матери оказываются менѣе тѣсно связанными другъ съ другомъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Они могутъ считаться здѣсь только полу-братами и полу-сестрами. Слѣдовательно, семейныя узы здѣсь не только слабы, но и не могутъ распространяться особенно далеко; а это обстоятельство предполагаетъ менѣе тѣсную связь между членами общества. Хотя они имѣютъ кое-какіе общія интересы и нѣкоторое смутное представленіе о взаимномъ родствѣ, но имъ не достаетъ того элемента силы

¹⁾ Я могу прибавить здѣсь весьма убѣдительное доказательство того, что открытое признаніе родства по одной только женской линіи ничуть не показываетъ несознанаго родства по мужской линіи. Это доказательство мы можемъ почерпнуть изъ обратнаго обычая нѣкоторыхъ древнихъ Аріицевъ, которые признавали только родство по отцу и совершенно игнорировали родство по матери. Извѣстно, что Орестъ, убившій свою мать, за умерщвленіе его отца, былъ признанъ богами невиновнымъ послѣ того, какъ онъ привелъ въ свое оправданіе, что человѣкъ находится въ прямомъ родствѣ съ своимъ отцемъ, а не съ матерью; этотъ случай даетъ неопровержимое доказательство того, что господствующее ученіе о родствѣ можетъ пренебрегать такою связью, которая очевидна для всѣхъ и каждого,—связью, болѣе очевидною, чѣмъ всякая другая. Понятно, что мы никакъ не можемъ допустить, чтобы эта система исключительнаго родства по мужской линіи была связана у Грековъ съ дѣйствительнымъ несознаниемъ родства по матери; а потому мы не имѣемъ также никакихъ данныхъ предполагать, что система исключительнаго родства по женской линіи связывается у дикарей съ дѣйствительнымъ несознаниемъ родства по отцу.

который возникает из общности интересовъ внутри группы, ясно связанной между собою единствомъ крови. Въ тоже самое время, установленіе подчиненія сильно затруднено. При отсутствіи определенной семьи и определеннаго происхожденія, нѣтъ никакой вѣроятности для установленія какой-либо власти, кромѣ временнаго преобладанія сильнѣйшаго: т. е., тутъ не можетъ возникнуть прочнаго политическаго контроля. Также самая причина препятствуетъ тутъ развитію поклоненія предкамъ и вытекающей отсюда религіозной связи. Такимъ образомъ, неопредѣленность половыхъ отношеній мѣшаетъ многими различными путями общественному развитію.

Едва-ли стоитъ объяснять, какъ неблагопріятно вліяютъ такіа отношенія на благосостояніе ребенка. Коль скоро родство по отцу не признается въ обществѣ, дѣтямъ приходится зависть почти вполнѣ отъ материнскихъ попеченій. У дикарей, подверженныхъ всевозможнымъ лишеніямъ, возвращеніе дѣтей бываетъ затруднительно во всѣхъ рѣшительно случаяхъ; тѣмъ затруднительнѣе оно должно быть въ тѣхъ случаяхъ, когда мать не встрѣчаетъ помощи со стороны отца. Также самое можетъ быть сказано, хотя и въ меньшей степени, даже о потомствѣ краткосрочныхъ браковъ, каковы, напримѣръ, браки Андаманезцевъ, по обычаю которыхъ мужъ и жена расходятся тотчасъ по отнятій ребенка отъ груди. Часто дитя умираетъ очень скоро послѣ такой разлуки, отъ недостатка необходимой поддержки и покровительства, которыя не могутъ быть доставлены ему одною только матерью. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при подобныхъ условіяхъ, ребенокъ получаетъ смѣшанную помощь отъ разныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что Андаманезскія женщины помогаютъ другъ другу даже въ кормленіи грудью; вѣроятно также, что пища и другія необходимыя вещи доставляются мужчинами; такъ что дитя становится въ извѣстной мѣрѣ ребенкомъ всего племени. Но неопредѣленные попеченія племени могутъ замѣнить лишь отчасти опредѣленное родительское попеченіе. Впрочемъ, мы имѣемъ прямые доказательства того, какъ неблагопріятны для сохраненія расы эти неопредѣленные отношенія между полами. Одинъ изъ недавнихъ наблюдателей, врачъ Френсисъ Дэй, говоритъ, что Андаманезцы, повидимому, постепенно вымираютъ. Ему удалось видѣть только одну женщину, имѣвшую троихъ живыхъ дѣтей. Въ продолженіи года, у семей, живущихъ по близости Европейскихъ поселеній, имѣло мѣсто только четырнадцать рожденій на тридцать-восемь смертей.

Обращаясь отъ дѣтей къ родителямъ, мы видимъ ясно, что отсутствіе прочныхъ супружескихъ отношеній чрезвычайно вредно также и для нихъ. Сохраненіе расы, по сколько оно дѣйствительно достигается, достигается цѣною чрезмѣрныхъ затратъ со стороны женщинъ; и хотя мужчины и не страдаютъ

прямымъ образомъ, но косвеннымъ образомъ и на ихъ долю приходится не мало страданій. Какъ только пройдетъ для нихъ сила и мощь зрѣлаго возраста, наступаютъ многочисленныя лишенія ранняго упадка силъ, не смягчаемыя пощеченіями домашнихъ. Френсисъ Дэй говоритъ объ Андаманезцахъ, что, повидимому, лишь немногіе изъ нихъ переживаютъ сорокалѣтній возрастъ, и что они подвержены многочисленнымъ болѣзнямъ. Нельзя пропустить здѣсь безъ вниманія и еще одного попутнаго бѣдствія, заключающагося въ отсутствіи тѣхъ высшихъ радостей, которыми сопровождается развитая семейная жизнь.

Такимъ образомъ, неправильныя отношенія между полами находятся въ противорѣчіи съ благосостояніемъ общества; причемъ они оказываются вредными и для молодыхъ, и для взрослыхъ его членовъ. Мы уже видѣли выше, что всѣ физическія, эмоциональныя и умственныя особенности, отличающія первобытнаго человѣка, представляютъ со всѣхъ сторонъ громадныя препятствія общественному развитію; а теперь мы видимъ, что отсутствіе у него тѣхъ чувствъ, которыя ведутъ къ прочнымъ брачнымъ союзамъ, представляетъ новую помѣху въ этомъ направленіи.

§ 295. Но изъ этого наиболѣе низкаго состоянія стремятся возникнуть болѣе высокія состоянія. Группы, отличающіяся такою рыхлостью половыхъ отношеній, развиваются въ группы, отличающіяся болѣе опредѣленными половыми отношеніями, двумя путями.

Когда господствующая беспорядочность полового сожителства сопровождается уже съ самаго начала союзами, имѣющими нѣкоторую продолжительность, что, какъ мы видѣли, должно имѣть мѣсто во всѣхъ случаяхъ; — когда потомство такихъ союзовъ, на основаніи весьма понятныхъ причинъ, имѣетъ болѣе вѣроятность достигнуть до зрѣлаго возраста и оказаться болѣе сильнымъ и здоровымъ, чѣмъ остальные, — тогда, въ среднемъ выводѣ, должно произойти умноженіе и преобладаніе индивидовъ, происходящихъ отъ такихъ союзовъ. Принимая въ соображеніе, что эти индивиды унаслѣдуютъ болѣе сильную склонность къ вступленію въ такіе союзы, чѣмъ остальные, мы должны заключить, что, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, будетъ замѣчаться, по нѣкоторымъ родовымъ линіямъ, все большее и большее усиленіе стремленія къ такимъ союзамъ. Понятно, что выживаніе приспособленнѣйшихъ будетъ стремиться къ установленію подобныхъ союзовъ повсюду, гдѣ они благопріятствуютъ сохраненію расы. Я сказалъ нарочно, — повсюду, гдѣ они благопріятствуютъ сохраненію расы, потому что не трудно понять, что въ безплодныхъ обиталищахъ они могутъ оказаться вовсе неблагопріятными для этого. Половыя отношенія, ведущія къ возвращенію большаго числа дѣтей, не представляютъ тутъ никакой выгоды, такъ какъ на нихъ можетъ не хватить имѣющейся пищи. Мы можемъ

также представить себѣ, что, въ очень суровыхъ климатахъ, болѣе заботливое попеченіе о дѣтяхъ можетъ оказаться бесполезнымъ; такъ какъ тамъ, гдѣ взрослые принуждены переносить самыя суровыя испытанія, возвращеніе дѣтей, не способныхъ къ ихъ перенесенію, не можетъ помогать сохраненію общества, и можетъ оказаться даже вредныхъ для него, какъ бесполезное расточеніе пищи и трудовъ. Способность ребенка выживать, при отсутствіи всякихъ другихъ попеченій, кромѣ попеченій его собственной матери, можетъ служить, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствомъ его годности для предстоящей ему жизни. Но, за исключеніемъ этихъ крайнихъ случаевъ, благоприятное вліяніе такихъ союзовъ на дѣтей должно стремиться къ установленію въ общественной группѣ прочныхъ отношеній между полами.

Взаимная борьба обществъ за существованіе ведетъ къ тому же самому результату. За исключеніемъ тѣхъ крайнихъ случаевъ, о которыхъ сказано выше, все, что увеличиваетъ могущество племени, какъ со стороны числа, такъ и со стороны силы его членовъ, доставляетъ ему превосходство въ войнѣ; такъ что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, общества, отличающіяся менѣе неправильными половыми отношеніями, имѣютъ болѣе шансовъ на побѣду. Я говорю, — при прочихъ равныхъ условіяхъ, — потому что сюда вѣшиваются и другія причины. Успѣхъ въ битвѣ зависитъ не отъ одной только сравнительной численности или сравнительной силы. Тутъ являются на сцену храбрость, быстрота, выносливость, проворство, искусство во владѣніи оружіемъ и пр. Племя, въ другихъ отношеніяхъ стоящее гораздо ниже, можетъ побѣдить своего врага быстротою преслѣдованія, хитрою засадою и т. п. Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда сосѣднія племена не сильно отличаются другъ отъ друга по степени безпорядочности половыхъ отношеній, ихъ взаимныя столкновенія не могутъ стремиться къ установленію болѣе высокихъ половыхъ отношеній. А потому, являющіяся тутъ улучшенія въ этомъ направленіи могутъ быть только случайными; и мы можемъ предвидѣть напередъ, что, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, уменьшеніе безпорядочности половыхъ отношеній будетъ идти очень медленно и крайне неправильно, что и дѣйствительно подтверждается извѣстными намъ фактами. Въ другихъ случаяхъ, изобиліе пищи и благоприятный климатъ опять таки могутъ сдѣлать менѣе важными тѣ выгоды, которыя проистекаютъ для ребенка изъ правильныхъ половыхъ отношеній взрослыхъ, сравнительно съ неправильными. Быть можетъ, въ этомъ заключается объясненіе того факта, что въ такой мѣстности, какъ Таити, гдѣ поддержаніе жизни и выращиваніе дѣтей такъ легки, значительная половая распущенность оказалась сосуществующей съ обширнымъ населеніемъ и съ значительнымъ общественнымъ прогрессомъ.

Но такъ какъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, болѣе правильныя половыя

УДК 302.3
302.3:010.033

отношенія должны непремѣнно благопріятствовать возвращенію болѣе многочисленныхъ и болѣе сильныхъ дѣтей, то мы имѣемъ право думать, что общества, характеризующіяся въ наибольшей степени беспорядочностью полового сожителства, должны были всегда стремиться исчезать и уступать свое мѣсто обществамъ, характеризующимся беспорядочностью полового сожителства въ меньшей степени.

§ 296. Разсматривая факты съ точки зрѣнія теоріи развитія, мы видимъ, что вначалѣ домашнія отношенія развиты лишь немногимъ болѣе, чѣмъ отношенія политическія: и что какъ тѣ, такъ и другія, одинаково характеризуются недостаткомъ связности и опредѣленности.

Отправляясь отъ этой первобытной ступени, домашнее развитіе начинаетъ обнаруживаться въ возрастаніи связности и опредѣленности по нѣсколькимъ различнымъ направленіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, связи болѣе или менѣе прочнаго характера образуются между одною женщиною и нѣсколькими мужчинами. Въ другихъ случаяхъ, и это всего чаще, такія связи обнаруживаются между однимъ мужчиною и нѣсколькими женщинами. Такія отношенія могутъ или сосуществовать въ нѣдрахъ одного и того же племени, или же могутъ характеризовать собою различныя племена. Наконецъ, рядомъ съ ними, существуютъ обыкновенно еще связи между однимъ мужчиною и одною женщиною. Факты указываютъ, что всѣ эти супружескія формы, ограничивающія беспорядочное половое сожителство, имѣютъ одинаково древнее происхожденіе.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть возникающіе такимъ образомъ различные типы семьи. Мы сдѣлаемъ это въ томъ порядкѣ, въ которомъ мы только-что перечислили ихъ.

ГЛАВА VI.

МНОГОМУЖЕСТВО.

§ 297. Беспорядочное половое сожителство можетъ быть разсматриваемо, какъ неопредѣленное многомужество (полиандрія), въ соединеніи съ неопредѣленнымъ многоженствомъ (полигиніей); и одинъ изъ способовъ прогресса будетъ состоять для него въ уменьшеніи этой неопредѣленности.

Описывая Огнеземельцевъ, адмиралъ Фипрой говоритъ:— „мы имѣемъ основанія думать, что между ними попадаютъ группы, состоящія изъ немногихъ женщинъ и многихъ мужчинъ, которые всѣ находятся въ беспорядочномъ половомъ сожителствѣ между собою“. Очевидно, что мы должны смотрѣть на такое состояніе, какъ на беспорядочное половое сожителство, ограниченное въ нѣкоторой слабой степени обособленіемъ въ нѣдрахъ племени этихъ какъ бы семейныхъ группъ. Но, не останавливаясь на этомъ неувѣренно-выраженномъ утвержденіи, перейдемъ къ положительнымъ показаніямъ, описывающимъ такое состояніе, которое бы могло быть названо опредѣленнымъ многомужествомъ, въ соединеніи съ опредѣленнымъ многоженствомъ. Шортъ рассказываетъ намъ о Тодасахъ слѣдующее:— „Когда имѣется четверо или пятеро братьевъ, и когда старшій изъ нихъ, достигнувъ брачнаго возраста, возьметъ себѣ жену, то эта жена заявляетъ притязаніе и на всѣхъ его остальныхъ братьевъ, какъ на своихъ мужей; такъ что, подрастая и достигая возраста половой зрѣлости, всѣ они послѣдовательно сожителствуютъ съ нею, какъ мужья; точно также, когда у жены имѣется сестра или нѣсколько сестеръ, эти сестры, по мѣрѣ достиженія ими брачнаго возраста, становятся поочередно женами мужа или мужей своей старшей сестры; такимъ образомъ, семья, состоящая изъ нѣсколькихъ братьевъ, можетъ смотря по обстоятельствамъ, имѣть или одну жену на нихъ на всѣхъ, или нѣсколько женъ; но будетъ ли ихъ одна или нѣсколько, во всякомъ случаѣ вся семья живетъ подъ одною кровлею, и всѣ они сожителствуютъ другъ

съ другомъ безъ всякаго разбора“. Сходное съ этимъ семейное устройство существуетъ у Неровъ (Nairs), отличаясь отъ предыдущаго только тѣмъ, что мужья тутъ не братья между собою. Макъ-Леннанъ извлекаетъ изъ многихъ источниковъ слѣдующія свѣдѣнія о нихъ: — „по здѣшнему обычаю, каждая женщина беретъ себѣ двухъ мужчинъ, или четырехъ, или, можетъ быть, и больше, и они сожительствуютъ съ нею по извѣстнымъ правиламъ“. Показанія Гамильтона вполне согласны съ этимъ, но только онъ прибавляетъ, что Нерская женщина не можетъ имѣть болѣе двѣнадцати мужей, и что, при выборѣ ихъ, она должна подчиняться извѣстнымъ ограниченіямъ со стороны касты и занимаемаго въ ней ранга. Съ другой стороны, Бухананъ утверждаетъ, что Нерская женщина, послѣ выхода въ замужество, свободна сожительствовать съ любымъ числомъ мужчинъ, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями по отношенію къ племени и кастѣ. Всѣ эти три показанія согласно допускаютъ, а Гамильтонъ даже прямо утверждаетъ, что каждый мужчина Неръ можетъ состоять одновременно въ нѣсколькимъ группахъ супруговъ“. И такъ, мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ до нѣкоторой степени опредѣленное многомужество, въ соединеніи до нѣкоторой степени съ опредѣленнымъ многоженствомъ. Между нѣсколькими формами половыхъ отношеній, существовавшими у полу-цивилизованныхъ Таитянъ, одна форма была сродни тому, что мы только что видѣли. Эллисъ говоритъ, что „тѣ изъ людей среднихъ и высшихъ классовъ, которые придерживались многоженства, разрѣшали своимъ женамъ имѣть и другихъ мужей“.

Отъ этихъ формъ семьи, — если только это слово можетъ быть распростра-
нено на нихъ, — представляющихъ соединеніе многомужества съ многоженствомъ, мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію такихъ формъ, которыя подходятъ подъ рубрику настоящаго многомужества. Въ одной изъ этихъ формъ, мужья не состоятъ въ родствѣ между собою; въ другой, — они родственники другъ съ другомъ, обыкновенно — братья.

§ 298. Мы уже видѣли, что полиандрическія семьи, и притомъ, повидимому, болѣе грубаго рода, встрѣчаются у многихъ племенъ, имѣющихъ также и полигиническія семьи: таковы, напримѣръ, Карибы, Эскимосы и Уараны, о которыхъ было уже упомянуто выше. Подобный же случай представляютъ Алеуты, которые собственно говоря многоженцы, но у которыхъ, по свидѣтельству Бастіана, „женщина можетъ вступить въ двойной бракъ, такъ какъ она имѣетъ право взять добавочнаго мужа“. У туземцевъ Канарскихъ острововъ существовало многомужество, и, по всей вѣроятности, не братское. Гумбольдтъ рассказываетъ, что когда Испанцы прибыли въ Лансероту, они нашли тамъ „очень странный обычай... одна женщина имѣла по нѣскольку мужей... каждый мужъ считался таковымъ только въ продолженіи одного луннаго мѣсяца“.

Къ этимъ примѣрамъ грубой полиандріи, имѣющимся въ числѣ собранныхъ мною данныхъ, я могу прибавить еще нѣкоторые другіе, указанные Макъ-Леннаномъ, который называетъ въ числѣ полиандрическихъ обществъ Казіасовъ и запорожскихъ казаковъ.

Что касается до болѣе высокой формы многомужества, то она существуетъ во многихъ случаяхъ; причемъ иной разъ она сосуществуетъ въ одномъ и томъ же обществѣ съ болѣе низкою формою, а иной разъ существуетъ отдѣльно, безъ примѣси болѣе низкихъ формъ. Тенненъ рассказываетъ, что „многомужество господствуетъ во внутренности Цейлона, въ особенности же между болѣе богатыми классами, у которыхъ одна женщина имѣетъ часто трехъ или четырехъ мужей, а иной разъ даже цѣлыхъ семь... Въ большинствѣ случаевъ, мужья суть члены одной и той же семьи, всего же чаще—братья“. Изъ другихъ народовъ, придерживающихся, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, этого рода многомужества, Макъ-Леннанъ называетъ: въ Америкѣ: Аваросовъ и Мейпуровъ; а въ Азіи: — обитателей Кашмира, Ладака, Кинавера, Кистевара и Сирмора. Мы имѣемъ также указанія на то, что, въ древнія времена, оно существовало даже тамъ, гдѣ теперь оно уже неизвѣстно. Страбонъ рассказываетъ о племенахъ, населявшихъ счастливую Аравію, что у нихъ члены одной и той же семьи брали себѣ сообща одну жену. А въ древней Индійской эпопее, Магабгаратѣ, разсказывается про одну царевну, что она вышла замужъ за пятерыхъ братьевъ. Наконецъ, по свидѣтельству Цезаря, братское многомужество существовало также у древнихъ Бриттовъ.

§ 299. Что же мы можемъ сказать относительно происхожденія и развитія этого типа домашнихъ отношеній?

Мы уже доказывали выше, что факты не поддерживаютъ того мнѣнія, будто-бы онъ явился вслѣдствіе истребленія младенцевъ женскаго пола и вслѣдствіе возникающаго отсюда недостатка въ женщинахъ. Мы видѣли, что многомужество вовсе не составляетъ отличительной черты тѣхъ обществъ, гдѣ господствуетъ похищеніе женщинъ, которое, по увѣренію приверженцевъ этого мнѣнія, также представляетъ результатъ недостатка въ женщинахъ; но что, въ этихъ случаяхъ, гораздо чаще встрѣчается многоженство. Мы видѣли также, что частое сосуществованіе многомужества съ многоженствомъ опровергаетъ мнѣніе, будто бы первое происходитъ отъ избытка въ мужчинахъ. Правда, мы читаемъ о Тодасахъ, что „благодаря сильному недостатку въ женщинахъ у этого племени, нѣсколько мужей имѣютъ чаще всего только одну жену“. Но мы можемъ выставить противъ этого примѣръ Тайтянъ, по отношенію къ которымъ нѣтъ никакихъ данныхъ вѣрить недостатку въ женщинахъ, и у которыхъ многомужество сосуществовало со многоженствомъ и съ другими распущенными по-

ловыми отношеніями; здѣсь „братья или вообще члены одной и той же семьи иногда мѣнялись своими женами; кромѣ того жена каждого человѣка была также женою и его т а й о, или друга“.

Точно также я не думаю, что бы мы могли приписывать возникновеніе многомужества бѣдности; хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бѣдность можетъ быть причиною его продолженія и распространенія. Мы имѣемъ прямые свидѣтельства за то, что оно составляетъ всеобщее правило въ такихъ общинахъ, которыя пользуются относительно большимъ благосостояніемъ. Мы знаемъ также, что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно господствуетъ по преимуществу между бѣдными классами, за то въ другихъ случаяхъ дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. Такъ напримѣръ, мы уже приводили выше свидѣтельство Теннента касательно того, что на Цейлонѣ многомужество господствуетъ „въ особенности между болѣе богатыми классами“; что показываетъ, что въ бѣдныхъ классахъ каждый мужчина имѣетъ обыкновенно одну жену, если не болѣе; такъ что причина многомужества не лежитъ ни въ недостаткѣ женщинъ, ни въ недостаткѣ возможности содержать жену или женъ.

Я полагаю, что, исходя изъ добытыхъ нами выше заключеній, мы должны смотрѣть на многомужество, скорѣе какъ на одинъ изъ типовъ супружескихъ отношеній, возникающихъ изъ первобытнаго, безпорядочнаго состоянія; какъ на типъ, успѣвшій выжить повсюду, гдѣ соперничающія съ нимъ формы, не встрѣчая себѣ благопріятныхъ условій, не успѣли вытѣснить его до полного уничтоженія.

§ 300. Когда отъ этой формы многомужества, въ которой каждая жена имѣетъ нѣсколько неродственныхъ между собою мужей, а каждый мужъ имѣетъ еще другихъ неродственныхъ между собою женъ, и которая стоитъ немногимъ выше безпорядочнаго сожительства между полами, мы перейдемъ къ той формѣ многомужества, гдѣ нѣсколько неродственныхъ между собою мужей имѣютъ лишь одну жену, а отсюда — къ той формѣ, гдѣ мужья суть родственники между собою, и, наконецъ, къ той, гдѣ они — братья, то мы найдемъ, что эти послѣдовательныя ступени представляютъ несомнѣнный прогрессъ со стороны семейнаго устройства. Я уже приводилъ выше указанія Макъ-Леннана на возникающіе отсюда различные результаты.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ у Неровъ, каждая женщина имѣетъ нѣсколькихъ неродственныхъ между собою мужей, и гдѣ каждый изъ этихъ мужей имѣетъ нѣсколькихъ неродственныхъ между собою женъ, не только отцовская кровь ребенка остается неизвѣстною, но еще дѣти каждого мужчины оказываются въ большинствѣ случаевъ разбросанными по нѣсколькимъ домамъ. Кромѣ того, что единственнымъ извѣстнымъ родствомъ можетъ быть тутъ только род-

ство по матери, мы имѣемъ здѣсь еще тотъ фактъ, что домашніе интересы каждаго мужчины, не будучи сосредоточенными на извѣстной группѣ дѣтей, совершенно утрачиваются, вслѣдствіе своей разсѣянности. Такъ какъ сосредоточенность родительскихъ чувствъ существуетъ тутъ только для однихъ матерей, родительскія же чувства отецъ крайне разсѣянны, ту существующія тутъ семейныя узы лишь немногимъ сильнѣе тѣхъ, которыя мы находимъ при полной безпорядочности половыхъ отношеній. Единственными извѣстными родственниками человѣка, кромѣ его матери, могутъ быть тутъ только его полу-братья и полу-сестры, да дѣти его полу-сестеръ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько неродственныхъ между собою мужей ограничиваются лишь одною женою, и когда дѣти, хотя и не могущія быть приуроченными каждое къ своему отцу, составляютъ тѣмъ не менѣ одну домашнюю группу, является уже нѣкоторая сфера для отцовскихъ чувствъ. Въ этихъ случаяхъ, каждый мужъ имѣетъ уже нѣкоторый интересъ въ потомствѣ, такъ какъ нѣкоторыя изъ дѣтей могутъ быть, да, вѣроятно, и есть, его собственныя: иногда принадлежность ребенка тому или другому отцу даже вполне ясна, или вслѣдствіе очевиднаго сходства, или на основаніи свидѣтельства матери. Хотя положительно-извѣстное родство человѣка остается тутъ тѣмъ же самымъ, что и въ предыдущемъ случаѣ; тѣмъ не менѣ тутъ является уже нѣкоторый прогрессъ со стороны образованія домашнихъ группъ.

Когда же мужья одной жены бываютъ братьями между собою, то дѣти отъ такого брака, какъ это указалъ уже Макъ-Леннанъ, имѣютъ въ своихъ жилахъ извѣстную кровь, не только по женской линіи, но и по мужской. Каждый мальчикъ или дѣвочка въ такой семьѣ доводится, если не сыномъ или дочерью, то по крайней мѣрѣ племянникомъ или племянницей каждому изъ мужей. Такая опредѣленность происхожденія по обѣимъ линіямъ, очевидно, укрѣпляетъ семейный союзъ. Кромѣ болѣе тѣснаго родства внутри каждой отдѣльной группы, тутъ возникаютъ, черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ поколѣній, родственныя связи между отдѣльными группами, и не съ одной только женской стороны, но и съ мужской. А это развѣтвленіе родственныхъ связей становится элементомъ общественной силы *).

*) Я нахожу вполне умѣстнымъ указать здѣсь на то, что слово «братское многомужество» не вполне точно выражаетъ описываемый имъ фактъ, и что въ действительности вовсе не существуетъ такого учрежденія. Многомужество строго-братскаго характера требовало бы, чтобы всѣ мужья происходили отъ одного моногамическаго союза, т. е. отъ брака одной женщины съ однимъ мужчиною; ибо только въ этомъ случаѣ они могли бы быть братьями въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ полиандрическомъ же

Такъ что, какъ при переходѣ отъ безпорядочнаго полового сожитія къ многомужеству мы переходимъ къ болѣе связнымъ и опредѣленнымъ домашнимъ отношеніямъ, такъ точно и при переходѣ отъ низшихъ формъ многомужества къ высшимъ мы наблюдаемъ точно такой же прогрессъ съ этой стороны.

§ 301. Спрашивается теперь, — какъ вліяетъ многомужество на общественное самосохраненіе, на выращиваніе дѣтей и на жизнь взрослыхъ? Нѣкоторые наблюдатели, находившіеся въ очень хорошихъ условіяхъ, чтобы судить объ этомъ вопросѣ, утверждаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ многомужество положительно выгодно. Извѣстно, что существуютъ такія обиталища, въ которыхъ могутъ жить только низшія формы животныхъ; повидимому, нѣчто подобное приложимо съ этой стороны и къ обществамъ: т. е. существуютъ общества, поставленныя въ такія физическія условія, при которыхъ способны выживать только низшія формы домашней жизни, потому что онѣ однѣ только оказываются пригодными для этихъ условій.

Въ своемъ недавнемъ сочиненіи, — Страна Снѣговъ, — Вильсонъ, обсуждая тибетское многомужество, въ его связи съ безплодностью Гималайской области, говоритъ: — „населеніе стремится увеличиваться въ своей численности быстрѣе, чѣмъ возрастаетъ способность производить пищу; и трудно было бы придумать болѣе успѣшное средство для сдерживанія этого стремленія, чѣмъ система тибетской полиандріи, въ соединеніи съ ламайскими мужскими и женскими монастырями. Весьма вѣроятно, что никто никогда не преслѣдовалъ сознательно этой цѣли, и что эта система дошла до нашего времени отъ самаго грубаго состоянія общества; но, во всякомъ случаѣ, ее не могли не найти чрезвычайно пригодной для сдерживанія размноженія населенія въ этихъ странахъ, которыя Коппенъ такъ прекрасно называлъ снѣжными областями Азіи. Если бы населеніе умножалось здѣсь хотя бы въ той пропорціи, въ какой оно возрастало въ Англіи въ продолженіи этого столѣтія, то это могло бы повести къ ужаснымъ результатамъ или для самихъ Тибетцевъ, или для ихъ ближайшихъ сосѣдей. При нынѣшнихъ же порядкахъ, почти каждый житель Гималайя имѣетъ или собственный участокъ земли съ домомъ, или долю въ участкѣ земли и въ

обществѣ, такъ называемые братья, становящіеся потомъ мужьями одной и той же жены, суть дѣти одной матери отъ отцовъ, которые опять таки были братьями только съ материнской стороны, съ отцовской же стороны были нѣсколько менѣе даже чѣмъ двоюродными братьями. Слѣдовательно, здѣсь такъ-называемые братья суть немногимъ болѣе, чѣмъ полу-братья, или сводные братья. Впрочемъ, это ограниченіе ничуть не отрицаетъ того факта, что кровь дѣтей по мужской линіи тутъ извѣстна.

домѣ, — долю, которая обезпечиваетъ ему кровь и все необходимое для поддержанія жизни... я былъ не мало изумленъ, когда узналъ, что одинъ изъ моравскихъ миссіонеровъ защищалъ многомужество Тибетцевъ; конечно, онъ не одобрялъ его съ абсолютной точки зрѣнія и не считалъ его дозволительнымъ или даже терпимымъ между христіанами; но онъ находилъ его очень хорошимъ для язычниковъ, живущихъ въ столь бесплодной странѣ. Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ доказывалъ, что слишкомъ многочисленное населеніе, въ бесплодной странѣ, должно считаться большимъ бѣдствіемъ и не можетъ не привести „къ вѣчной войнѣ или къ вѣчной нуждѣ“. Тёрнеръ сталъ также на подобную же точку зрѣнія“.

Касательно вліянія многомужества на благосостояніе потомства, я не нахожу достаточнаго числа опредѣленныхъ данныхъ. Впрочемъ, если считать справедливымъ, что, въ очень бесплодномъ обиталищѣ, будетъ наиболѣе выгодною такая форма брака, которая сдерживаетъ умноженіе населенія, то придется заключить, что дѣти полиандрической семьи, при этихъ условіяхъ, будутъ лучше обставлены съ матерьяльной стороны, чѣмъ они могли бы быть обставлены при моногамической формѣ брака: т. е. они будутъ болѣе сыты и лучше одѣты, а потому и смертность между ними будетъ меньше и сами они будутъ вырастать болѣе сильными и здоровыми. Что же касается до вліянія многомужества на ихъ духовную природу, то мы можемъ только подозрѣвать, что столкновенія многихъ властей и отсутствіе специфическаго отцовства должны причинять серьезный вредъ.

Относительно вліянія многомужества на жизнь взрослыхъ слѣдуетъ сказать, что, если вѣрить свидѣтельству путешественниковъ, такъ эта форма брака оказываетъ, повидимому, на жизнь взрослого поселенія далеко не такое вредное вліяніе, какъ можно было бы предугадывать заранее. Вильсонъ говоритъ: — „При первобытномъ и не слишкомъ прочно-осѣдломъ общественномъ бытѣ, когда глава семьи принужденъ безпрестанно отлучаться изъ дому, то въ долгія торговыя странствованія, то для присутствія при Дворѣ, то для военныхъ надобностей, нельзя не считать извѣстною выгодною того обстоятельства, что онъ можетъ оставить вмѣсто себя такого родственника, интересы котораго тѣсно связаны съ его собственными. Тальбойсъ Вилеръ высказывалъ предположеніе, что многомужество возникло у пастушескаго народа, гдѣ мужчины отсутствуютъ изъ дому по цѣлымъ мѣсяцамъ, и гдѣ братья берутъ на себя по очереди обязанности охранять домъ и семью во время отсутствія остальныхъ. Конечно, эта система вполне соотвѣтствуетъ такой цѣли; и я не знаю ни одного случая, когда бы полиандрическая жена осталась совсѣмъ одна, такъ чтобы при ней не находилось по крайней мѣрѣ одного изъ ея супруговъ“. Вильсонъ при-

водить также слѣдующія слова Тёрнера: — „На сколько я могъ убедиться, этотъ обычай не имѣлъ неблагоприятнаго вліянія на народныя нравы... Съ привилегіей неограниченней свободы здѣшняя жена соединяетъ роль хозяйки въ семьѣ и товарища своихъ супруговъ. Но, чтобы эта пріятная картина не соблазнила нѣкоторыхъ изъ нашихъ (американскихъ) передовыхъ женщинъ (strong-minded ladies), и не побудила ихъ приняться за агитацію въ пользу введенія полиандріи у насъ на Западѣ, я долженъ прибавить, что обладаніе нѣсколькими мужьями нерѣдко сводилось, на мой взглядъ, на подчиненіе нѣсколькимъ господамъ заразъ и на увеличеніе домашнихъ трудовъ и заботъ“. Точно также, въ недавно перепечатанномъ разсказѣ о посольствѣ Джорджа Богля въ Тибетъ, во времена Уоррена Гастингса, мы читаемъ слѣдующее: „они вступаютъ для брачныхъ цѣлей въ такія же компаніи, въ какія вступаютъ купцы для торговыхъ цѣлей. И я не находилъ, чтобы этотъ предметъ ихъ общихъ заботъ вызывалъ сцены ревности между участниками такой компаніи. Вообще они мало склонны къ ревности. Дѣйствительно, иной разъ между ними возникаютъ споры изъ-за дѣтей, происшедшихъ отъ такого брака; но всѣ такіе споры скоро разрѣшаются или сравненіемъ наружности ребенка съ наружностью его различныхъ отцевъ, или показаніями матери“.

§ 302. Коль скоро мы смотримъ на многомужество, какъ на одну изъ различныхъ формъ супружества, возникшихъ независимо одна отъ другой въ нѣдрахъ самодревнѣйшихъ обществъ, то мы не можемъ объяснять себѣ его упадка тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ мы объяснили бы его если бы считали многомужество переходною формою, черезъ которую прошла нѣкогда каждая раса, какъ то, повидимому, думаетъ Макъ-Леннанъ.

Впрочемъ, съ одною изъ причинъ его упадка, указанныхъ Макъ-Леннаномъ, и мы не можемъ не согласиться. А именно, Макъ-Леннанъ указываетъ на то, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, у Кандіанъ, вождь имѣетъ особую жену для своего исключительнаго пользованія, тогда какъ простой народъ придерживается многомужества. Изъ недавно перепечатаннаго разсказа Гораса делла Пенны о Тибетѣ мы узнаемъ, что, въ его время, подобное же различіе существовало и въ этой странѣ. Онъ говоритъ, что многомужество „рѣдко встрѣчается между знатью или у людей, живущихъ въ довольствѣ: у нихъ, на каждого мужчину приходится одна жена, а иногда и болѣе, хотя это уже рѣдкость“. Принявъ въ соображеніе эти факты, а также и то, что обычаи высшихъ классовъ, во всѣхъ обществахъ, распространяются понемногу книзу, мы можемъ заключить отсюда, вмѣстѣ съ Макъ-Леннаномъ, что подражаніе высшимъ должно стремиться замѣстить полиандрію моногаміей повсюду, гдѣ этому не препятствуютъ какія-нибудь обстоятельства. Но Макъ-Леннанъ не считаетъ

этого вымирания низших формъ въ присутствіи высшихъ единственной причиной упадка многомужества; онъ старается показать, что высшія формы возникаютъ также и путемъ преобразованія низшей. Принявъ за типическій примѣръ многомужество Ладака, гдѣ старшій братъ пользовался извѣстными правами первородства, и гдѣ, послѣ его смерти, „все его имущество, власть и вдова переходили къ слѣдующему за нимъ брату“, онъ старается приурочить къ этому, какъ филиальную форму, извѣстный обычай древнихъ Евреевъ, въ силу котораго „для слѣдующаго по возрасту брата умершаго не оставалось никакого другого исхода, какъ взять за себя его вдову; на дѣлѣ, она считалась прямо его женою, безъ всякихъ брачныхъ формальностей, или обрядовъ“. И онъ выводитъ отсюда, что моногамія и многоженство, въ той формѣ, какъ они существуютъ у Евреевъ, имѣли своимъ предшественникомъ многомужество. Онъ говоритъ:— „Невозможно не видѣть, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою послѣдовательныя ступени упадка одного и того же общественнаго учрежденія; невозможно не связать этого еврейскаго обязательства, въ его различныхъ фазахъ, съ обычаемъ, господствующимъ въ Ладакѣ; невозможно не видѣть, что это обязательство было вначалѣ просто правомъ на наслѣдство, или обратной стороной такого права, возникшаго подъ вліяніемъ обычнаго многомужества“.

Но мнѣ кажется, что можно найти въ нравахъ первобытныхъ народовъ другое, гораздо болѣе естественное, объясненіе этого еврейскаго обычая. Въ древнихъ общественныхъ системахъ, на женщинъ смотрѣли какъ на собственность, а потому и наслѣдовали ихъ точь въ точь такъ, какъ всякую другую собственность. Когда мы читаемъ, что у „Беллаболаховъ (Гайдаховъ) вдова покойнаго переходитъ въ гаремъ его брата“; что у Зулусовъ „вдова переходитъ къ брату своего покойнаго мужа, немедленно послѣ его смерти“, что у Дамаровъ „послѣ смерти вождя, всѣ оставшіяся въ живыхъ его жены переходятъ къ его брату или къ его ближайшему родственнику“, то у насъ невольно возникаетъ подозрѣніе, что такое вступленіе во владѣніе женою покойнаго брата не имѣетъ никакой связи съ многомужествомъ. Это подозрѣніе укрѣпляется въ насъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, что въ Конго, „если имѣется три брата, и если одинъ изъ нихъ умираетъ, то остальные два дѣлятъ между собою его наложницъ“, или что на Самоа „братъ умершаго считаетъ себя въ правѣ взять себѣ его жену“, или что въ древнемъ Вера-Пацѣ „братъ покойнаго немедленно бралъ ее (вдову) себѣ въ жены, хотя бы онъ былъ уже женатъ; если же онъ не дѣлалъ этого, то право на нее переходило къ другому родственнику“. Всѣ эти факты показываютъ, что тамъ, гдѣ жены считаются просто цѣнными вещами (и приобрѣтаются обыкновенно покуп-

кою), наслѣдованіе ихъ братьями входитъ въ наслѣдованіе вообще и разсматривается лишь какъ часть правъ на наслѣдство. Если бы отъ меня потребовали дальнѣйшихъ доказательствъ этого мнѣнія, то я могъ бы указать на то, что во многихъ мѣстахъ наслѣдуются даже жены отца. Томсонъ говоритъ, что у Ново-Зеландцевъ „жены отца переходятъ къ его сыновьямъ, а жены умершихъ братьевъ достаются оставшимся въ живыхъ братьямъ“. Роулаттъ утверждаетъ о Мишмисахъ, что когда какой-нибудь человѣкъ умираетъ или старится, то здѣшній обычай требуетъ раздачи его женъ его сыновьямъ, которые берутъ ихъ себѣ въ жены“. Токрвемада упоминаетъ о нѣкоторыхъ областяхъ Мексики, гдѣ сыновья наслѣдовали тѣхъ изъ женъ своихъ покойныхъ отцевъ, отъ которыхъ тѣ не имѣли ни одного сына. Въ своей *Abeokuta*, Бертонъ рассказываетъ, что у Эгбасовъ „сынъ наслѣдуетъ всѣхъ женъ своего отца, за исключеніемъ своей собственной матери“. Босманъ говоритъ, что на Невольничьемъ Берегу, „послѣ смерти отца, сынъ наслѣдуетъ не только все его имущество и скотъ, но даже и его женъ... за исключеніемъ своей собственной матери“. Въ Дагомеѣ, старшій сынъ короля „наслѣдуетъ женъ своего покойнаго отца и дѣлаетъ ихъ своими собственными, за исключеніемъ, конечно, той женщины, которая произвела на свѣтъ его самого“.

И такъ, мы не можемъ допустить, чтобы обычай жениться на вдовѣ умершаго брата предполагалъ непременно предсуществованіе многожества; и не можемъ принять заключеніе Макъ-Леннана, что изъ упадка многожества выросли другія, болѣе высокія, формы брака.

§ 303. Разсматривая различныя формы многожества, какъ типы домашнихъ отношеній, возникшіе изъ послѣдовательныхъ ограниченій беспорядочнаго полового сожителства, мы можемъ сказать, что эти формы развивались, выжили, вымирали въ томъ или другомъ обществѣ, сообразно со всей совокупностью имѣвшихся на лицо условій. По всей вѣроятности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе низкая форма многожества не была вытѣснена болѣе высокою, вслѣдствіе того, что, при данныхъ условіяхъ, болѣе благопріятные результаты этой послѣдней не могли быть почувствованы, а потому эти двѣ формы не могли вступить въ дѣятельное состязаніе между собою. Въ другихъ случаяхъ, въ борьбѣ съ многоженствомъ и моногаміей, многожество могло имѣть перевѣсъ на основаніи тѣхъ причинъ, которыя были уже указаны нами выше, а именно на основаніи того, что дѣти полигиническихъ и моногамическихъ семей вымирали въ силу относительно плохаго питанія.

Съ другой стороны, вліянія, подобныя тѣмъ, которыя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, помогали болѣе высокимъ формамъ многожества вытѣснять болѣе низкія его формы, должныствовали, въ другихъ мѣстахъ, стремиться къ полному

уничтоженію многомужества. За исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ значительная скудость пищи на большомъ пространствѣ дѣлала не выгоднымъ умноженіе населенія, поландрическія общества, производившія меньшее число новыхъ членовъ для своей обороны и для нападеній, естественно должны были уступать свое мѣсто такимъ обществамъ, семейный бытъ которыхъ оказывался болѣе благопріятнымъ для умноженія численности общества. Въ этомъ заключается, вѣроятно, главная причина того, почему многомужество, когда-то столь общераспространенное, стало въ настоящее время сравнительно столь рѣдкимъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ, этотъ низкій семейный типъ постоянно уступалъ мѣсто высшимъ семейнымъ типамъ, какъ вслѣдствіе своей меньшей плодovitости, такъ и вслѣдствіе меньшей связности семейныхъ узъ, а слѣдовательно, и меньшей связности общественныхъ узъ, при такой формѣ отношеній между полами.

ГЛАВА VII.

Многोजенство.

§ 304. Если бы исторія Евреевъ не познакомила насъ съ самаго дѣтства съ примѣрами многोजенства и не облекла ихъ въ нашихъ глазахъ особеннымъ характеромъ, то мы почувствовали бы, вѣроятно, не меньшее изумленіе и отвращеніе, прочитавъ впервые о многोजенствѣ, какъ и то, которое мы испытывали, читая впервые о многомужествѣ. Впрочемъ, полученное нами образованіе позволяетъ намъ услышать безъ всякаго изумленія, что многोजенство составляетъ общераспространенное явленіе въ цѣломъ свѣтѣ, за исключеніемъ странъ, занятыхъ наиболѣе цивилизованными народами.

Многोजенство господствуетъ во всѣхъ климатахъ: и въ полярныхъ областяхъ, и въ сухихъ, раскаленныхъ пустыняхъ, и на плодоносныхъ океаническихъ островахъ, и въ тропическихъ областяхъ континентовъ, гдѣ воздухъ переполненъ горячими испареніями. Оно встрѣчается у всѣхъ расъ. Мы уже упоминали о его существованіи у самыхъ низшихъ изъ людскихъ племенъ, — у Огнеземельцевъ, Австралійцевъ и Тасманійцевъ. Оно составляетъ обычное явленіе у Негритосовъ Новой-Каледоніи и острововъ: Танны, Вата, Эроманги и Лифу. Народы Малайо-Полинезійской расы обнаруживаютъ его повсюду: на Таити, на Сандвичевыхъ островахъ, на Тонгѣ, Новой-Зеландіи, Мадагаскарѣ и Суматрѣ. Въ Америкѣ, мы находимъ его у грубыхъ племенъ сѣвернаго континента, — начиная съ Эскимосовъ и кончая Москитосами Панамскаго перешейка, и у столь же грубыхъ племенъ южнаго континента, — начиная съ Карибовъ, и кончая Патагонцами. Оно господствовало въ древнихъ полу-цивилизованныхъ американскихъ государствахъ: Мехико, Перу и Центральной Америкѣ. Оно составляетъ общее явленіе для всѣхъ народовъ Африки: для Готтентотовъ, Дамаровъ и Каффровъ южной ея оконечности; для Восточныхъ Африканцевъ обитателей Конго, для Береговыхъ Негровъ, Внутреннихъ Негровъ, Дагомей-

цевъ и Ашантиевъ средней Африки; для Фулаховъ и Абиссинцевъ на сѣверѣ. Въ Азіи, оно свойственно заразъ и осѣдлымъ Сингалезцамъ, и полу-кочевымъ горнымъ племенамъ Индіи, и кочевымъ Якутамъ. Что касается до господства его въ древнихъ восточныхъ государствахъ, то объ этомъ едва ли нужно даже и напоминать. Такъ что, принявъ въ расчетъ всѣ народы, дикіе и цивилизованные, прошедшіе и настоящіе, окажется, что полигиническіе народы значительно превосходятъ по числу всѣ остальные.

Множественность женъ была бы даже еще болѣе распространенною, если бы она не сдерживалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ разными неблагоприятными условіями. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что у живущихъ въ крайней бѣдности Бушменовъ многоженство вполне дозволительно, но очень рѣдко. Форсайтъ утверждаетъ, что у Гондовъ „многоженство не запрещено; но женщины составляютъ тутъ такую дорогую движимость, что оно встрѣчается рѣдко“. Теннентъ говоритъ, что „общины Веддаховъ слишкомъ бѣдны, чтобы допускать многоженство“. А Латамъ пишетъ объ Остякахъ: „многоженство здѣсь дозволено, но не особенно распространено, ибо страна слишкомъ бѣдна, чтобы допускать множественность женъ“. И хотя существованіе многоженства у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе бѣдныхъ народовъ, каковы напримѣръ Австралійцы и Огнеземельцы, показываетъ, что бѣдность не препятствуетъ ему, коль скоро женщины могутъ собирать достаточно пищи для поддержанія своей жизни, тѣмъ не менѣе не трудно понять, что оно не можетъ существовать здѣсь при такомъ образѣ жизни, который не дозволяетъ женщинамъ удовлетворять самолично всѣмъ своимъ нуждамъ.

Это натуральное ограниченіе многоженства бѣдностью не есть единственное естественное его ограниченіе. Есть еще и другое такое ограниченіе его, которое значительно видоизмѣняетъ тѣ идеи о полигиническихъ обществахъ, которыя внушаются намъ обыкновенно разсказами путешественниковъ. Ихъ разсказы часто наводятъ на мысль, что множественность женъ, если и не составляетъ всеобщаго правила для описываемыхъ ими обществъ, то все таки представляетъ въ нихъ наиболѣе частый и общій случай. Однако самое кратковременное размышленіе не можетъ не поколебать нашего довѣрія къ подобнымъ увѣреніямъ. Тёрнеръ говоритъ, напримѣръ, что на островѣ Лифу „вождь имѣетъ сорокъ женъ, простые же люди отъ трехъ до четырехъ“. Какже это возможно? Мы невольно спрашиваемъ себя: — откуда же можетъ взяться такое множество женщинъ? Сомнѣніе, возбуждаемое этимъ показаніемъ, возбуждается, хотя и въ меньшей степени, немалымъ числомъ и другихъ показаній касательно этого предмета. Мы читаемъ у Парка, что всѣ „Мандинги многоженцы, ничто каждая изъ „женъ“ бываетъ по очереди хозяйкою дома“. Андерсонъ го-

 341935940
 30230101033

ворить о Дамарахъ: „многоженство распространено здѣсь очень сильно... каждая жена строить для себя особую хижину“. Лессенсъ говоритъ, что „Якутъ, вынужденный къ частымъ и долговременнымъ отлучкамъ, имѣть жену въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ онъ останавливается на время“. Банкрофтъ приводитъ свѣдѣтельства другихъ наблюдателей о Гайдахакъ, изъ которыхъ явствуется, что „многоженство имѣетъ тутъ всеобщее распространѣніе и регулируется только способностью доставать средства для пропитанія“. Допущеніе всѣхъ этихъ свѣдѣтельствъ требуетъ допущенія того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ существуетъ огромный численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами. Но если только мы не примемъ, что число рождающихся дѣвочекъ значительно больше числа рождающихся мальчиковъ, за что у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, или что война вызываетъ такую чудовищную смертность между мужчинами, которая представляется совершенно невѣроятною, то у насъ невольно явится подозрѣніе, что полигиническое устройство семьи представляетъ явленіе гораздо менѣе общаго характера, чѣмъ то можно было бы думать, на основаніи приведенныхъ выше свѣдѣтельствъ путешественниковъ и наблюдателей. Внимательное изслѣдованіе дѣйствительно подтверждаетъ это подозрѣніе. Ибо обыкновенно, во всѣхъ этихъ показаніяхъ или говорится прямо, или по крайней мѣрѣ подразумѣвается, что число женъ сообразуется со средствами, которыми можетъ располагать мужчина для ихъ покупки и дальнѣйшаго содержанія; а такъ какъ, во всѣхъ обществахъ, большинство населенія сравнительно бѣдно, то приходится заключить, что только меньшинство можетъ позволить себѣ имѣть болѣе, чѣмъ одну жену. Читая, — что у Команчей „каждый можетъ имѣть столько женъ, сколько онъ въ состояніи купить“; что у племени Нуффи „всякій можетъ жениться на столькохъ женахъ, сколько онъ въ состояніи приобрѣсть“; что число женъ Огнеземельца ограничивается только тѣми средствами, которыми онъ располагаетъ на ихъ содержаніе“; что „отсутствіе средствъ составляетъ единственный предѣлъ числу женъ Мишмиса“, — мы не можемъ не видѣть, что всѣ эти показанія подтверждаютъ наше заключеніе, что менѣе состоятельные люди, которые повсюду должны составлять большинство населенія, или вовсе не имѣютъ женъ, или имѣютъ каждый лишь по одной женѣ; и что, слѣдовательно, въ дѣйствительности вовсе не существуетъ такого громаднаго избытка женщинъ надъ мужчинами, какой подразумѣвается приведенными нами выше показаніями.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, это заключеніе находитъ себѣ и прямые подтвержденія въ показаніяхъ наблюдателей. Многочисленные свѣдѣтельства показываютъ намъ, прямо или косвенно, что, въ полигиническихъ обществахъ, многоженство преобладаетъ только между болѣе богатыми или болѣе знатными

изъ ихъ членовъ. Лихтенштейнъ говоритъ: „большинство Куассавъ имѣютъ лишь по одной женѣ; только короли да повелители краалей (селеній) имѣютъ по четыре и по пяти“. Раффль утверждаетъ, что многоженство дозволяется на Явѣ, но встрѣчается рѣдко, за исключеніемъ высшихъ классовъ. Марсденъ говоритъ: „обычаи Суматранцевъ позволяютъ каждому имѣть столько женъ, сколько онъ можетъ купить или въ силахъ содержать; но, не смотря на это, чрезвычайно рѣдко можно увидѣть, чтобы кто-нибудь имѣлъ болѣе одной жены; да и то такіе примѣры можно встрѣтить только между немногими изъ вождей. Францискъ Болонскій пишетъ о древнихъ Мехиканцахъ: „народъ довольствовался у нихъ одною законною женою; и только знать держала по множеству наложницъ; иной изъ знати имѣлъ ихъ болѣе 800“. Геррера утверждаетъ о Гондурасахъ, что „простонародъ имѣло обыкновенно по одной женѣ, но ихъ господа держали по столько женъ, сколько имъ было угодно“. По свидѣтельству Овiedo объ обитателяхъ Никарагуа, „лишь немногіе изъ нихъ имѣли болѣе одной жены, за исключеніемъ знатнѣйшихъ, да еще тѣхъ, которые по своимъ средствамъ могли содержать большее ихъ число“.

Эти свидѣтельства, въ соединеніи съ другими, которыя будутъ приведены ниже, предостерегаютъ насъ противъ ошибочныхъ впечатлѣній, которыя такъ легко составить себѣ объ обществахъ, описываемыхъ намъ, какъ полигиническія. Мы имѣемъ полное право заключать, что въ большинствѣ случаевъ, гдѣ существуетъ многоженство, одновременно сосуществуетъ съ нимъ и моногамія, и притомъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ самое многоженство; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ моногамія сосуществуетъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ, до очень значительной степени.

§ 305. Распространенность многоженства ничуть не удивить насъ, если, начавъ съ первобытнаго, беспорядочнаго состоянія, мы спросимъ себя,—каковы должны были быть его естественныя послѣдствія.

Превосходство въ тѣлесной силѣ и въ душевной энергіи, доставившее нѣкоторымъ людямъ преобладаніе надъ своими соплеменниками, въ качествѣ воиновъ и вождей, давало имъ также возможность обезпечивать за собою большее число женщинъ, путемъ ли похищенія ихъ у другихъ племенъ, или посредствомъ отнятія у мужчинъ своего собственнаго племени. И какъ обладаніе краденою женою стало съ теченіемъ времени считаться знакомъ превосходства надъ другими, такъ точно стало считаться признакомъ превосходства и обладаніе нѣсколькими женами, иноплеменными или туземными. По словамъ Кремони, приводимымъ Банкрофтомъ, у Апаховъ, „тотъ человѣкъ, который можетъ пропитывать или содержать, или привлечь къ себѣ своей способностью содержать, наибольшее число женщинъ, считается имѣющимъ право на наибольшее ува-

женіе и почетъ“. Этотъ примѣръ типиченъ. Множественность женъ стремилась повсюду сдѣлаться болѣе или менѣе опредѣленнымъ отличительнымъ признакомъ высшихъ классовъ. Мы знаемъ отъ Клавигеро, что въ Мексикѣ „предшественники Агуицотля имѣли по многу женъ, вслѣдствіе того убѣжденія, что ихъ власть и величіе возвышаются многочисленностью личностей, служащихъ ихъ удовольствіямъ“. Эллисъ утверждаетъ, что на Мадагаскарѣ, гдѣ многоженство распространено между вождями и богатыми людьми, „существуетъ, по видимому, лишь одинъ законъ, регулирующий число женъ, а именно, что никто не имѣетъ права держать двѣнадцати женъ, за исключеніемъ государя“. Описывая Восточныхъ Африканцевъ, Бертонъ говоритъ: „повелители гордятся многочисленностью своихъ женъ, число которыхъ колеблется между двѣнадцатью и тремя стами“. По свидѣтельству Бичама, у Ашантиевъ, „число женъ, которыми могутъ владѣть кабосиры и другія личности, зависитъ отчасти отъ ихъ общественнаго положенія, а отчасти отъ тѣхъ средствъ, которыми они располагаютъ на покупку женъ“. Присоединяя сюда тѣ факты, которые мы находимъ въ исторіи Евреевъ, цари и судьи которыхъ,—Гедеонъ, Давидъ, Соломонъ,—обнаруживали свое величіе между прочимъ и этимъ способомъ; а также тѣ факты, которые доставляютъ намъ нынѣшніе народы Востока, главные и второстепенные повелители которыхъ отличаются этимъ способомъ отъ толпы, мы можемъ видѣть, что установленіе и сохраненіе многоженства должно быть приписано въ значительной мѣрѣ тому почтенію, съ которымъ относились къ нему въ обществѣ, сначала какъ къ свидѣтельству силы и храбрости, а потомъ какъ къ свидѣтельству высокаго общественнаго положенія. Это заключеніе подтверждается даже исторіей Европы. Такъ Тацитъ говоритъ о древнихъ Германцахъ, что они „почти одни между всѣми варварами довольствовались одною женою“, за исключеніемъ очень небольшого числа лицъ благороднаго происхожденія. Также и Монтескье говоритъ, что многоженство Меровингскихъ королей было однимъ изъ атрибутовъ ихъ достоинства.

Въ началѣ, къ числу другихъ побужденій къ многоженству, присоединялись обыкновенно еще и экономическія побужденія, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, гдѣ мѣстныя условія не допускали утилизаціи женскаго труда для производительныхъ цѣлей. Такъ, мы читаемъ, что въ Новой Каледоніи „вожди имѣютъ по десяти, по двадцати и по тридцати женъ. Чѣмъ больше женъ, тѣмъ лучше плантаціи, тѣмъ больше пищи“. Подобная же утилизація женъ побуждаетъ къ ихъ множественности во всей Африкѣ. Такъ, Калле сообщаетъ, что „жены Мандинговъ ходятъ очень далеко за дровами и за водою; мужья заставляютъ ихъ заѣзывать и пропалывать воздѣлываемыя земли и убирать жатву“. А Шутеръ говоритъ, что у Каффровъ, „кромѣ своихъ домаш-

725
941935940
30200000335

нихъ обязанностей, женщина должна выполнять всю тяжелую работу; она есть воля своего мужа, какъ сказалъ мнѣ однажды одинъ Каффръ; вѣдь она куплена, — прибавилъ онъ, — слѣдовательно она должна трудиться“. Читая эти показанія, мы не можемъ не видѣть, что одно изъ побужденій къ обладанію многими женами заключается въ желаніи имѣть побольше рабовъ.

Припоминая, что дѣйствія могущественныхъ, знатныхъ и богатыхъ доставляютъ въ каждомъ обществѣ мѣрило для оцѣнки хорошаго и дурнаго; такъ-что даже самыя слова „благородный“ и „подлый“, означавшія въ началѣ просто общественное положеніе, стали обозначать потомъ хорошее и дурное поведение; мы легко можемъ понять, какимъ образомъ множественность женъ, тамъ гдѣ она господствуетъ, приобрѣтаетъ понемногу этическую санкцію, т. е. нравственное освященіе. Будучи связано съ величіемъ, многоженство начинаетъ считаться похвальнымъ; а одноженство, связанное обыкновенно съ бѣдностью, начинаетъ считаться низостью. Отсюда происходитъ то неодобреніе, съ которымъ, какъ мы видѣли, полигамическія общества смотрятъ на систему одноженства. Къ этической санкціи присоединяется потомъ иногда даже религіозная санкція. Китингъ рассказываетъ, что Чиншеуэйяны „считаютъ многоженство пріятнымъ въ глазахъ Великаго Духа, такъ какъ человѣкъ, имѣющій наибольшее число дѣтей, заслуживаетъ наибольшаго уваженія“, — вѣрованіе, сильно напоминающее то, которое мы находимъ теперь у Мормоновъ. Мы знаемъ также, что и у Евреевъ множественность женъ не противорѣчила ни господствовавшимъ между ними нравственнымъ чувствамъ, ни предполагаемымъ божественнымъ повелѣніямъ, что можно видѣть, во первыхъ, изъ отсутствія всякаго, прямаго или косвеннаго, неодобренія ея въ ихъ законахъ; а, во вторыхъ, изъ разсказовъ объ особенной благосклонности бога къ нѣкоторымъ изъ ихъ правителей, имѣвшихъ множество женъ и наложницъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ обществахъ, отличающихся многоженствомъ, эта форма супружескихъ отношеній одобряется не только мужчинами, но и женщинами, если не вообще, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ навѣрно. Банкрофтъ приводитъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что у Команчей „многоженство обуславливаетъ значительное раздѣленіе труда, а потому женщины не возражаютъ противъ него“. А о женщинахъ изъ племени Маколодо Ливингстонъ говоритъ: „услышавъ, что въ Англіи мужчина можетъ взять себѣ только одну жену, многія дамы воскликнули, что онѣ не желали бы жить въ такой странѣ; онѣ не могли представить себѣ, какимъ образомъ подобный обычай могъ нравиться англійскимъ женщинамъ; такъ какъ, съ ихъ точки зрѣнія, каждый уважаемый человѣкъ долженъ обладать нѣсколькими женами, какъ доказательствомъ своего богатства. Подобныя же идеи господствуютъ повсюду, внизъ по Замбези“.

304135340
30200010133

И такъ, беря свое начало въ ничѣмъ не ограниченныхъ половыхъ инстинктахъ дикарей, многоженство претерпѣвало въ значительномъ большинствѣ случаевъ свое дальнѣйшее развитіе подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя вели къ установленію политическаго и промышленнаго контроля. Оно было обыкновенно однимъ изъ случайныхъ и спонутныхъ элементовъ правительственной власти въ нецивилизованныхъ и полудивилизированныхъ обществахъ.

§ 306. Сравнивая многоженство съ тѣми типами супружескихъ отношеній, которые были рассмотрѣны въ предыдущихъ главахъ, мы найдемъ, что оно представляетъ нѣкоторый прогрессъ. Что оно лучше безпорядочнаго полового сожителства, — этого нѣтъ надобности и доказывать; но оно лучше и многому-жества по многимъ причинамъ, которыя мы сейчасъ увидимъ.

При этой формѣ брачныхъ отношеній возникаетъ болѣе опредѣленное родство. При самыхъ низкихъ формахъ союза между полами бываетъ извѣстною только материнская кровь. Переходя отъ болѣе грубой формы многомужества, когда мужья не родственники между собою, къ болѣе высокой его формѣ, когда мужья нѣсколько болѣе чѣмъ полубратья, мы достигаемъ до такой ступени, на которой извѣстна уже и отцовская кровь, хотя самый отецъ и неизвѣстенъ еще достовѣрно. Но, при многоженствѣ, и отцовство и материнство одинаково очевидны. И такъ, по скольку отцовскія чувства укрѣпляются яснымъ сознаніемъ своего отцовства, многоженство укрѣпляетъ связь между родителями и дѣтьми: ибо союзъ между ними становится тутъ двойнымъ. Дальнѣйшій результатъ многоженства состоитъ въ установленіи опредѣленныхъ линій происхожденія съ мужской стороны, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кромѣ опредѣленной связи между отцемъ и сыномъ, тутъ является еще опредѣленная связь между рядомъ послѣдовательныхъ отцовъ и сыновей.

Но возрастаніе связности семьи по нисходящей линіи сопровождается тутъ лишь очень малымъ возрастаніемъ связности ея по боковымъ линіямъ, или даже вовсе не сопровождается возрастаніемъ связности въ этомъ направленіи. Хотя нѣкоторыя изъ дѣтей могутъ быть братьями и сестрами, однако большинство изъ нихъ только полубратья и полусестры, и потому ихъ братскія чувства, быть можетъ, еще слабѣе, чѣмъ въ полиандрической семьѣ. Въ группѣ дѣтей, происходящихъ отъ одного отца, но отъ разныхъ, неродственныхъ другъ съ другомъ матерей, взаимная ревность поощряемая матерями, должна, по всей вѣроятности, быть болѣе значительною, чѣмъ въ группѣ дѣтей, происходящихъ отъ одной и той же матери и отъ группы отцовъ — полубратьевъ. И такъ, съ этой стороны, полигамическая семья остается столь же малосвязною, или, можетъ быть, становится еще менѣе связною, чѣмъ полиандрическая семья. Этой причинѣ, вѣроятно, слѣдуетъ припи-

сать большую часть ссоръ, заговоровъ и кровопролитій между сыновьями восточныхъ правителей.

Впрочемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ соперничество изъ-за власти приводитъ сыновей къ борьбѣ между собою, мы можемъ принять, что, вслѣдствіе опредѣленности происхожденія дѣтей, полигамическая семья дѣлается болѣе связною, допускаетъ болѣе обширныя развѣтвленія родства, а потому принадлежитъ вообще къ болѣе высокому типу.

§ 307. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вліяніе многоженства на самосохраненіе общества, на благосостояніе ребенка и на жизнь взрослыхъ.

Для варварскихъ обществъ, окруженныхъ враждебными имъ обществами, многоженство представляетъ извѣстныя выгоды. Лихтенштейнъ говоритъ о Каффахъ, что „между ними мужчинъ менѣе, чѣмъ женщинъ, вслѣдствіе того, что множество мужчинъ падаетъ жертвами ихъ непрерывныхъ войнъ. Отсюда является многоженство и обычай взваливать на женщинъ всѣ домашнія работы“. Не соглашаясь съ мнѣніемъ Лихтенштейна относительно возникновенія многоженства изъ гибели на войнѣ значительнаго числа мужчинъ и относительно такого же происхожденія рабскаго положенія женщинъ, мы можемъ однако почерпнуть изъ его словъ одинъ полезный для насъ фактъ, хотя и не выраженный имъ прямо, а именно, что тамъ, гдѣ смертность мужчинъ значительно превосходитъ смертность женщинъ, множественность женъ становится средствомъ для поддержанія численности населенія. Если-бы, при постоянномъ разрѣженіи мужскаго населенія, вслѣдствіе войнъ, остающіеся въ живыхъ имѣли только по одной женѣ; и если-бы, вслѣдствіе этого, множество женщинъ принуждено было оставаться безъ мужей, то въ результатѣ получилось бы уменьшеніе числа дѣтей; и размноженіе оказалось бы недостаточнымъ для уравниванія смертности. При достаточномъ изобиліи пищи и при прочихъ равныхъ условіяхъ, народъ, не утилизирующій всѣхъ своихъ женщинъ въ качествѣ матерей, никогда не будетъ въ состояніи выдержать борьбы съ народомъ, утилизирующимъ всѣхъ своихъ женщинъ въ этомъ направленіи: т. е. народъ, придерживающійся системы одноженства долженъ будетъ погибнуть въ борьбѣ съ народомъ, придерживающимся многоженства. Въ этомъ, вѣроятно, заключается главнѣйшая причина такой сильной распространенности многоженства у всѣхъ грубыхъ и малоразвитыхъ обществъ, гдѣ всѣ мужчины — воины, и гдѣ множество ихъ постоянно погибаетъ въ безчисленныхъ войнахъ.

Въ ранній періодъ цивилизаціи многоженство ведетъ къ общественному самосохраненію еще и другимъ путемъ. Въ варварскомъ обществѣ, состоящемъ отчасти изъ неженатыхъ мужчинъ, отчасти изъ мужчинъ, имѣющихъ по одной женѣ, и отчасти изъ мужчинъ, имѣющихъ по нѣскольکو женъ, всегда ока-

34135940
302 00000000

жестя въ среднемъ выводѣ, что этотъ послѣдній классъ качественно выше остальныхъ: у дикарей, это будутъ самые сильные и самые храбрые изъ мужчинъ; а у полудивилизованныхъ народовъ, это будутъ также и самые богатые, которые въ большинствѣ случаевъ бываютъ и самыми способными. А потому, большее число дѣтей будетъ оставлено здѣсь именно такими людьми, которые по своимъ качествамъ наиболѣе пригодны для данныхъ общественныхъ условий. Такимъ образомъ, многоженство не только дѣлаетъ данное общество численно сильнѣе, но еще ведетъ къ умноженію въ немъ единицъ, могущихъ считаться хорошими воинами, т. е. улучшаетъ его еще качественно.

Многоженство ведетъ также и къ структурному прогрессу. По сравненію съ низшими типами семьи, многоженство, устанавливая извѣстность происхожденія по мужской линіи, ведетъ этимъ самымъ къ политической стойкости. Правда, что во многихъ полигиническихъ обществахъ сохраняется наслѣдованіе престола по женской линіи (очевидное выживаніе системы родства, существовавшей еще при дикомъ состояніи); такъ что здѣсь многоженство не приводитъ ни къ какимъ выгодамъ съ этой стороны. Быть можетъ, по этой именно причинѣ общественная сплоченность такъ слаба въ Африкѣ, гдѣ этотъ законъ наслѣдованія имѣетъ повсемѣстное распространеніе; въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что здѣсь королевства то возникаютъ отъ времени до времени, то снова распадаются, послѣ краткаго періода существованія. Но тѣмъ не менѣе, при многоженствѣ, становится по крайней мѣрѣ возможнымъ наслѣдованіе власти сыновьями умершаго повелителя; и гдѣ оно возникаетъ, оно ведетъ къ лучшему поддержанію существующаго правленія. Впрочемъ, въ дѣйствительности, прочность правленія поддерживается тутъ всетаки не особенно хорошо; ибо мы читаемъ, что у Дамаровъ, „старшій сынъ любимой жены повелителя наслѣдуетъ своему отцу“; а у Каффровъ Кусса наслѣдникомъ короля „не всегда бываетъ самый старшій изъ его сыновей; обыкновенно ему наслѣдуетъ сынъ той его жены, которая богаче и знатнѣе всѣхъ остальныхъ его женъ“. Эти примѣры показываютъ, что многоженство вводитъ въ наслѣдованіе престола элементъ неувѣренности, который противенъ устойчивости правительства.

Далѣе, эта опредѣленность происхожденія по мужской линіи помогаетъ развитію поклоненія предкамъ и, такимъ образомъ, ведетъ еще и другимъ путемъ къ общественному сплоченію. Къ подчиненію живымъ тутъ присоединяется подчиненіе усопшимъ. Всяческія правила, запрещенія, повелѣнія, и пр., ведущія свое начало отъ вліятельныхъ людей прошедшихъ временъ, получаютъ священный характеръ; и возникающій такимъ образомъ культъ, какъ это мы можемъ видѣть изъ исторіи всѣхъ древнихъ цивилизацій, помогаетъ поддержанію порядка и увеличиваетъ успѣшность оборонительной и наступательной организаціи.

Вліяніе многоженства на ребенка, въ тѣхъ странахъ, гдѣ пища скудна, вѣроятно, не лучше, а, можетъ быть, даже и хуже вліянія многомужества; но, въ теплыхъ и плодоносныхъ странахъ, смертность между дѣтьми отъ недостаточнаго питанія не можетъ быть высока; а установленіе опредѣленнаго отцовства обезпечиваетъ имъ болѣе заботливое покровительство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, многоженство стремится даже прямо къ уменьшенію смертности между дѣтьми: а именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда обычай дозволяетъ, или даже требуетъ отъ человѣка жениться на вдовѣ своего брата и усыновить его дѣтей. Ибо то, что было вначалѣ правомъ (какъ мы это видѣли выше), становится впоследствии, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обязательствомъ. Даже низшія расы, какъ, напримѣръ, Чинпеуозы, требующіе отъ человѣка взять за себя жену своего умершаго брата, приводятъ въ основаніе этого требованія тотъ доводъ, что человѣкъ долженъ печись о дѣтяхъ своего брата. Читая,—что многоженство не распространено у Остяковъ, потому что „страна ихъ слишкомъ бѣдна для этого“, но что „братья женятся на вдовахъ своихъ братьевъ“, мы имѣемъ право заключить, что, при подобныхъ условіяхъ, этотъ обычай ведетъ къ уменьшенію смертности между дѣтьми. Весьма возможно, что и требованіе Евреевъ, чтобы человѣкъ „возставилъ сѣмя умершему брату своему“, было вначалѣ требованіемъ возрастить дѣтей своего умершаго брата, хотя впоследствии оно стало истолковываться иначе; ибо, мы знаемъ, что требованіе къ живому брату было предъявляемо самою вдовою, которая, въ случаѣ отказа, плевала ему въ лице въ присутствіи старѣйшинъ. Наше подозрѣніе, что обязанность заботиться объ осиротѣвшихъ племянникахъ и племянницахъ стала причиною сохраненія этой формы многоженства, подтверждается и фактами настоящаго времени, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка изъ Писемъ изъ Египта леди Дѣффъ-Гордонъ: — „я встрѣтилась съ Гассаномъ, янычаромъ американскаго консульства, очень почтеннымъ и хорошимъ человѣкомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что съ годъ тому назадъ, онъ взялъ за себя вторую жену. Зачѣмъ? спросила я. Она была вдова его брата, который всегда жилъ въ одномъ-домѣ съ нимъ, какъ будто членъ одной и той же семьи, и который, умирая, оставилъ послѣ себя двухъ мальчиковъ. Новая жена его и не молода, и не красива; но онъ счелъ своей обязанностью взять на свое попеченіе ее и дѣтей и не дозволить ей выйти вторично замужъ за чужаго“.

Хотя, въ большей части грубыхъ обществъ, многоженство можетъ не имѣть неблагопріятнаго вліянія на выращиваніе дѣтей; а иной разъ можетъ даже ослаблять дѣтскую смертность въ такихъ обществахъ, гдѣ филантропическія чувства еще не развиты; однако ея нравственное вліяніе на дѣтей едва ли можетъ быть лучше вліянія еще болѣе низкихъ формъ супружескихъ отношеній. Тамъ, гдѣ всѣ жены живутъ въ одномъ

домѣ и составляютъ одну семейную группу, постоянные раздоры между дѣтьми, обусловленные различіемъ матерей и интересовъ, не могутъ не дѣйствовать вреднымъ образомъ на ихъ характеръ. Но даже и тамъ, гдѣ матери живутъ отдѣльными хозяйствами, какъ это бываетъ во многихъ мѣстахъ, нѣтъ никакой возможности предотвратить бѣдственныхъ послѣдствій взаимной ревности между отдѣльными хозяйственными группами; кромѣ того, тутъ остаются во всей своей силѣ дурныя послѣдствія слишкомъ широкой расплывчивости отцовскихъ попеченій.

Дѣйствіе многоженства на жизнь взрослыхъ не можетъ считаться дурнымъ со всѣхъ сторонъ. Тамъ, гдѣ общественное обиталище таково, что женщины неспособны поддерживать себя сами, а между тѣмъ число мужчинъ меньше числа женщинъ, отсутствіе многоженства поведетъ къ тому, что многія женщины, будучи лишены мужскихъ попеченій, будутъ вести бѣдственную жизнь. Примѣры такого рода представляютъ намъ Эскимосы. Подходящая къ ихъ климатическимъ условіямъ пища и одежда можетъ быть добыта здѣсь только мужчинами; а потому вдовы, не разобранныя остающимися въ живыхъ мужчинами, въ качествѣ добавочныхъ женъ, скоро умираютъ отъ голода и холода. Даже тамъ, гдѣ пища добывается безъ особеннаго труда, но гдѣ много мужчинъ погибаетъ на войнѣ, отсутствіе многоженства должно привести къ тому, что многія женщины будутъ лишены того покровительства, безъ котораго онѣ не могутъ обойтись при первобытныхъ общественныхъ условіяхъ. Итакъ, многоженство смягчаетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ бѣдствій, которыя составляютъ неизбежную участь взрослыхъ женщинъ въ грубыхъ обществахъ; и смягчаетъ ихъ единственнымъ способомъ, который можетъ считаться возможнымъ у варваровъ, съ ихъ слабымъ развитіемъ симпатическихъ чувствъ.

Понятно, что бѣдствія, причиняемая многоженствомъ взрослымъ, и въ особенности женщинамъ, очень велики. На Мадагаскарѣ, слово, обозначающее многоженство, — „фамповафезана“, — значить буквально — „средство поражать вражду“; что подобныя же названія прилагались къ этому учрежденію и въ большинствѣ другихъ случаевъ, мы можемъ видѣть изъ употребленія ихъ у Евреевъ: такъ въ Мишнѣ, жены одного и того же мужчины носятъ названіе „царотъ“, что значить — „дразни, противницы или соперницы“. Весьма часто раздоры между женами смягчаются раздѣльнымъ ихъ жительствомъ. Марсденъ говоритъ о Баттасахъ Суматры, что „мужъ находитъ здѣсь необходимымъ дать каждой изъ своихъ женъ особый очагъ и кухонныя принадлежности, такъ что каждая изъ нихъ готовитъ для себя особо; его же пища готовится ему его женами поочередно“. Разсказывая о женахъ вожда Мишмисовъ, Вилькоксъ говоритъ: — „остальныя же, для избѣжанія домашнихъ ссоръ,

имѣють свои особые дома, находящіяся неподалеку, или же живутъ у своихъ родныхъ“. Такой распорядокъ составляетъ обыкновеннѣйшее явленіе по всей Африкѣ. Но, очевидно, что онъ уменьшаетъ лишь въ малой степени тотъ нравственный вредъ, который наносится многоженствомъ взрослымъ индивидамъ.

Кромѣ того, хотя многоженство и не исключаетъ абсолютнымъ образомъ тѣхъ высшихъ чувствъ, которыя поражаются и поддерживаются половыми связями, тѣмъ не менѣе оно значительно подавляетъ ихъ. Вытекая изъ побужденій мужчинъ, и не обращая вниманія на предпочтенія, или вкусы, женщинъ, многоженство можетъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и то лишь въ слабой степени, допускать отношенія лучшія тѣхъ, которыя существуютъ между животными. Многоженство связано съ представленіемъ о женщинѣ, какъ о собственности, которая можетъ быть продаваема отцами и покупаема мужьями, чтобы послѣ того быть считаемою за рабыню и переносить соотвѣтственное обращеніе; а потому многоженство отрицаетъ тѣ чувства къ женщинамъ, въ которыя входятъ, какъ ихъ необходимые элементы, симпатія и уваженіе. Какъ глубоко портится вслѣдствіе этого жизнь взрослыхъ, можно заключить изъ той характеристики полигиническихъ народовъ Африки, которую даетъ намъ Монтейро: „Негръ не знаетъ любви, привязанности или ревности... Въ теченіи всѣхъ тѣхъ долгихъ лѣтъ, которыя я провелъ въ Африкѣ, я никогда не видалъ, чтобы Негръ обнаружилъ хотя малѣйшую нѣжность къ Негритянкѣ... Я никогда не видалъ, чтобы Негръ обнялъ Негритянку за талію, или чтобы онъ приласкалъ ее какъ-нибудь, или чтобы она ластилась къ нему; однимъ словомъ, я никогда не видалъ ни съ той, ни съ другой стороны, ничего такого, что указывало бы хотя сколько нибудь на любящее вниманіе или привязанность. Въ ихъ языкѣ не существуетъ даже словъ для выраженія привязанности или любви“. Это показаніе вполне гармонируетъ со свидѣтельствами, приводимыми сэромъ Джономъ Лёббокомъ относительно Готтентотовъ, которые „такъ холодны и равнодушны другъ къ другу, что можно подуматъ, что между ними не существуетъ ничего похожаго на любовь“. Онъ также приводитъ свидѣтельство за то, что у Кафровъ Кусса „чувство любви не играетъ никакой роли въ бракѣ“; а у Ярибовъ „человѣкъ, беря себѣ жену, столь же мало думаетъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, какъ если бы онъ срывалъ хлѣбный колосъ: о взаимной привязанности тутъ нѣтъ и рѣчи“. Конечно, мы не можемъ считать многоженство причиною этого отсутствія тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, которыя связаны у насъ съ отношеніями между полами; ибо недостатокъ такихъ чувствъ характеризуетъ обыкновенно всѣхъ людей низшихъ типовъ, имѣють ли они каждый по одной женѣ, или по нѣскольку, — все равно. Мы можемъ только сказать, что обычай многоженства не благоприятствуетъ развитію такихъ чувствъ.

 04135940
 20221110133

Едва ли нужно прибавлять, что, кромѣ болѣе низкаго качества взрослой жизни, обусловливаемаго многоженствомъ, оно ведетъ еще къ сокращенію того періода жизни, который наступаетъ послѣ истеченія періода дѣторожденія. Весьма естественно, что женщины, и безъ того уже третируемыя почти безъ всякаго вниманія къ нимъ, лишаются тогда и послѣднихъ заботъ; и что мужчины также терпятъ, хотя и въ меньшей степени, отъ недостатка попеченій, вызываемыхъ семейными привязанностями. А отсюда вытекаетъ преждевременное прекращеніе смертью бѣдственной старости.

§ 308. Мы должны теперь прибавить еще нѣсколько словъ касательно тѣхъ видоизмѣненій, которыя претерпѣваетъ многоженство въ прогрессирующихъ обществахъ, и которыми сопровождается распространеніе одноженства.

Между двумя или болѣе женами, находящимися во владѣніи каждаго изъ сильнѣйшихъ между дикарями, не существуетъ вначалѣ никакихъ различій, кромѣ тѣхъ, которыя являются результатомъ мужняго каприза; но современемъ между ними возникаютъ извѣстные различія. Въ одномъ случаѣ, дикарь имѣетъ болѣе старую и болѣе молодую жену, какъ это бываетъ у Австралійцевъ и, иногда, у Бушменовъ. Въ другой разъ, изъ числа нѣсколькихъ женъ, купленныхъ имъ въ различные промежутки времени, онъ дѣлаетъ ту или другую своей особенной любимицей, какъ это мы видимъ у Дамаровъ и Фиджійцевъ. Въ иныхъ случаяхъ, изъ всѣхъ женъ дикаря, считается законною только первая по времени, какъ это было у знатныхъ Таитянъ и у Чипчасовъ. Наконецъ, еще въ иныхъ случаяхъ, главною женою считается та, которая пожалована королемъ. Весьма естественно, что уже съ самаго начала существовало стремленіе къ установленію различій между женами; и эти различія стремились опять таки сдѣлаться съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе опредѣлительными.

Затѣмъ является также на сцену контрастъ между женами-туземками и женами, пріобрѣтенными въ качествѣ военной добычи. Отсюда, вѣроятно, объясняется первоначальное установленіе различія между женами-собственно и наложницами. Этотъ первоначальный способъ различенія между ними видѣнъ даже у Евреевъ: Такъ, напримѣръ, имъ, разрѣшалось каждому при своихъ себѣ женщинъ, взятыхъ у непріятели; и эти женщины, которыхъ можно было устранять отъ своего ложа по произволу, безъ формальнаго развода, стояли скорѣе въ положеніи наложницъ, чѣмъ женъ. Разъ появившись, различіе этого рода распространилось еще далѣе, вслѣдствіе начавшагося различенія того, изъ какого класса общества происходитъ взятая жена: женщины изъ высшаго класса стали считаться женами, женщины изъ низшаго класса — наложницами; первыя освобождались отъ труда; вторыя были рабынями.

Затѣмъ, это стремленіе къ установленію первенства въ положеніи

между женами повело подъ конецъ въ болѣе передовыхъ обществахъ къ признанію званія главной жены; а еще позднѣе главная жена короля стала считаться королевою, дѣти которой были законными наслѣдниками престола.

Упадокъ многоженства, вслѣдствіе распространенія одноженства, вторгавшагося въ общество различными путями, будетъ описанъ ниже; теперь же мы желаемъ только указать, что упадокъ многоженства былъ отчасти послѣдствіемъ и этого видоизмѣненія, которое все болѣе и болѣе возвышало одну изъ женъ и низводило всѣхъ остальныхъ до сравнительно рабской роли, переходившей постепенно въ роль, все менѣе и менѣе разрѣшавшуюся измѣнявшимися общественными правами. Различныя ступени этого превращенія мы можемъ видѣть, напримѣръ, у Персовъ, цари которыхъ, кромѣ наложницъ, имѣли трехъ или четырехъ женъ, причемъ лишь одна изъ нихъ была королевою и „считалась женою, въ отличномъ смыслѣ отъ всѣхъ другихъ“; или у Ассиріянъ, гдѣ царь имѣлъ только одну жену и извѣстное число наложницъ; или у Египтянъ, стѣнные рисунки которыхъ изображаютъ царя сидящимъ рядомъ съ своею законною женою, въ то время какъ незаконныя его жены пляшутъ передъ ними для ихъ увеселенія. Тоже самое было у повелителей древняго Перу и у властителей Чипчасовъ; тоже самое находимъ мы, наконецъ, еще и теперь, у повелителей Абиссиніи.

Весьма естественно, что многоженство, при своемъ упадкѣ, всего долѣе держалось въ связи съ правительственной организаціей, которая повсюду и всегда обнаруживаетъ болѣе архаическій складъ, чѣмъ остальные части общественного организма. Признавъ эту истину, мы не будемъ удивляться тому, что многоженство, въ болѣе или менѣе измѣненныхъ формахъ, держалось между монархами Европы въ теченіи первыхъ временъ европейской цивилизаціи. Какъ мы уже упоминали выше, его придерживались, напримѣръ, Меровингскіе короли, въ доказательство чего могутъ быть приведены Клотарь и его сынъ. Послѣ того какъ церковь изгнала постепенно множественность женъ и наложницъ изъ всѣхъ классовъ общества, многоженство долго еще продолжало выживать въ обычаѣ королей имѣть множество признанныхъ и непризнанныхъ любовницъ: извѣстно, что многоженство, въ этой видоизмѣненной формѣ, продолжало терпѣться, въ качествѣ привилегіи королевскаго сана, вплоть до самыхъ новѣйшихъ временъ.

§ 309. Суммируя все вышеизложенное, мы должны сказать, во первыхъ, что, въ порядкѣ развитія, полигамическій типъ семьи долженъ быть поставленъ выше тѣхъ типовъ, которые мы разсматривали до сихъ поръ. Устанавливаемые имъ родственныя связи столь же опредѣленны въ боковомъ направленіи, какъ и въ тѣхъ типахъ, и болѣе опредѣленны въ низходящемъ направленіи.

Здѣсь существуетъ болѣе тѣсная сплоченность между родителями и дѣтьми, вызываемая сознаниемъ единства крови какъ съ мужской, такъ и съ женской стороны; и непрерывность этой сплоченности, черезъ рядъ послѣдовательныхъ поколѣній, дѣлаетъ болѣе обширную семейную интеграцію.

Въ большинствѣ случаевъ, многоженство взяло перевѣсъ надъ безпорядочнымъ половымъ сожителствомъ и многомужествомъ потому, что оно лучше удовлетворяло общественнымъ нуждамъ. Оно достигало этого, прибавляя къ другимъ причинамъ общественной сплоченности, еще болѣе широко развѣтвляющіяся семейныя связи. Оно достигало этого также тѣмъ, что способствовало политической устойчивости, сдѣлавъ возможнымъ установленіе преемственности престола въ одной и той же семьѣ. Оно достигало этого, наконецъ, дѣлая возможною болѣе развитую форму поклоненія предкамъ.

Распространяясь все шире и шире, и замѣщая собою низшіе типы супружескихъ отношеній, оно устояло, въ большинствѣ случаевъ, даже протѣвъ болѣе высокаго типа этихъ отношеній; потому что, при грубыхъ условіяхъ жизни оно вело лучше къ общественному самосохраненію: дѣлая возможнымъ болѣе быстрое замѣщеніе павшихъ въ битвахъ людей, и увеличивая, такимъ образомъ, шансы общества на выживаніе.

Но, хотя оно оказывается, такимъ образомъ, хорошо приспособленнымъ къ извѣстнымъ, низкимъ ступенямъ общественнаго развитія, — хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно уменьшаетъ дѣтскую смертность, а также служитъ къ уменьшенію смертности между остающимися въ излишкѣ женщинами, за то оно, въ тоже самое время, поддерживаетъ внутри семьи точно такое-же варварство, какимъ характеризуется внѣ-семейная жизнь дикихъ обществъ.

ГЛАВА VIII.

Моногамія ¹⁾.

§ 310. Мы уже приводили выше основанія, позволяющія думать, что моногамія беретъ свое начало также далеко въ прошедшемъ, какъ и всякая дру-

¹⁾ Въ настоящее время, когда слово полиандрія вошло во всеобщее употребленіе для обозначенія многомужества, приходится употреблять для обозначенія обратнаго семейнаго склада, т. е. многоженства, слово полигинія *). Съ перваго взгляда, можетъ показаться, что настоящимъ соотносительнымъ слова полигинія будетъ слово моногинія (одноженство). Но моногинія не выражаетъ вполнѣ союза одного мужчины съ одною женщиною, въ противоположность союзу одной женщины со многими мужчинами и союзу одного мужчины со многими женщинами, такъ какъ въ этомъ словѣ указано только единство женскаго элемента, и не указано заразъ и единства мужскаго элемента. Поэтому, мы можемъ съ удобствомъ удержать въ этихъ видахъ слово моногамія (однобрачіе), выражающее единство брака. **).

*) Въмѣсто употреблявшагося прежде слова полигамія, которое, означая собственно многобрачіе, т. е. множественность мужскихъ и женскихъ элементовъ въ одномъ и томъ же союзѣ, можетъ употребляться теперь для обозначенія полиандрія, полигаміи и беспорядочнаго полового сожителства (promiscuity, по Спенсеру) вмѣстѣ, въ видѣ протівуположенія моногаміи; или же, въ частности, для обозначенія такого союза, въ которомъ многочисленность супруговъ обоихъ половъ все таки ограничена какимъ нибудь обычаемъ (въ отличіе отъ совершенно беспорядочнаго сожителства),—какъ, напримѣръ, въ той формѣ полиандріи, гдѣ всѣ братья известной семьи живутъ въ бракѣ, безъ разбора, со всѣми сестрами другой семьи.

Примѣч. перев.

**) Мы удержали и по русски слово моногамія, такъ какъ слово однобрачіе, или единобрачіе, извѣстное только занимавшимся ботаникой, не даетъ сразу реальнаго представленія объ обозначаемомъ имъ явленіи и можетъ повести даже къ сомнѣнію относительно вѣрнаго его пониманія: дѣйствительно, слово однобрачіе (единобрачіе) можетъ обозначать одинаково и единство брака во все время его продолженія (т. е. запрещеніе вступленія въ новый бракъ при существованіи стараго), и единство брака на всю жизнь (т. е. запрещеніе вступать въ бракъ болѣе одного раза въ жизни).

Прим. перев.

гая форма супружескихъ отношеній. При состояніи, предшествовавшемъ всякимъ общественнымъ распорядамъ, въ числѣ другихъ союзовъ мужчинъ съ женщинами, должны были возникать и союзы, состоявшіе каждый изъ одного мужчины и одной женщины.

Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ образѣ жизни, который дѣлаетъ необходимой сильную разсѣянность населенія, какъ, напримѣръ, при томъ образѣ жизни, который ведутъ низко-стоящія лѣсныя племена Бразиліи и внутренности Борнео,—а такой образъ жизни на древнѣйшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія былъ много обыкновеннѣе, чѣмъ теперь,—всѣ другія отношенія между полами должны были встрѣчать сильныя препятствія. Лѣсные Веддахи представляютъ намъ очень хорошій примѣръ такой связи между моногаміей и сильной разсѣянностью населенія. Точно также Бушмены, у которыхъ не существуетъ запрещенія многоженства, но у которыхъ оно тѣмъ не менѣе встрѣчается очень рѣдко, показываютъ намъ, какимъ образомъ распаденіе людей на очень мелкія группы, ради преслѣдованія крайне разсѣянной добычи, стремится породить болѣе или менѣе прочныя, парныя союзы между мужчинами и женщинами. Но и тамъ, гдѣ страна допускаетъ существованіе болѣе обширныхъ группъ, безпорядочныя отношенія между полами все таки ограничиваются зачаточными моногамическими союзами въ столь же раннія времена, какъ и союзами полиандрическими и полигамическими, если еще не ранѣе. Это можно вывести уже изъ существующаго повсюду у низшихъ расъ стремленія мужчинъ овладѣвать женщинами силою: ибо монополія, являющаяся результатомъ каждаго акта насилія, есть монополія на одну женщину, а не на нѣсколькихъ. Повсюду и всегда обладанію двумя женами должно было предшествовать обладаніе одною женою. И это обладаніе одною женою, во многихъ случаяхъ, должно было продолжаться болѣе или менѣе долго, уже вслѣдствіе трудности добыть себѣ вторую жену тамъ, гдѣ избытокъ въ женщинахъ не особенно великъ.

Понятно, что союзъ между однимъ мужчиною и одною женщиною, въ своемъ первоначальномъ видѣ, представляетъ лишь зачаточную форму моногамическаго брака, какъ мы понимаемъ его теперь. Тамъ, гдѣ, какъ въ приведенныхъ нами выше случаяхъ, заключеніе и продолженіе подобнаго союза зависитъ исключительно отъ воли сильнѣйшаго,—тамъ, гдѣ, какъ у Индѣйцевъ Гудзоновскаго залива, (по словамъ Гирна, приводимымъ сэромъ Дженомъ Лѣббокомъ), „слабый человѣкъ, если только онъ не хорошій охотникъ, очень любимый своимъ племенемъ, рѣдко можетъ сохранить жену, которую болѣе сильный человѣкъ сочтетъ достойною своего вниманія“,—тамъ, гдѣ, какъ у Мѣдныхъ Индѣйцевъ, Ричардсонъ „видалъ не разъ, какъ сильнѣйшій заявлялъ на фактъ свое право—отобрать жену у болѣе слабаго соотечественника“,—моногамія не мо-

жетъ быть устойчивою. Ея неустойчивость, вызываемая такими чисто внѣшними причинами, усиливается еще болѣе въ силу внутреннихъ причинъ, т. е. въ силу разрушительнаго вліянія ничѣмъ не сдерживаемыхъ порывовъ различныхъ чувствъ. Когда даже у высшихъ расъ, какъ, напримѣръ, у Семитовъ, мы находимъ чрезвычайно частую отсылку отъ себя женъ, — такъ что у нѣкоторыхъ Бедуинскихъ племенъ, по свидѣтельству Буркгардта, иной человѣкъ перемѣнитъ въ теченіи жизни до пятидесяти женъ, — то мы имѣемъ полное право заключить, что прочные моногамическіе союзы могли установиться только путемъ длиннаго ряда медленныхъ ступеней развитія.

§ 311. Многія обстоятельства содѣйствовали установленію такихъ союзовъ. Однимъ изъ важныхъ обстоятельствъ такого рода было большее развитіе понятія о собственности и вытекшія отсюда мѣна и купля. Отыманіе женщинъ другъ у друга мужчинами того же самаго племени, сдерживавшееся всегда до извѣстной степени сопряженною съ нимъ опасностью, стало сдерживаться еще болѣе, когда жены стали покупаться или зарабатывать трудомъ. Человѣкъ, заплатившій за свою жену ея отцу извѣстную цѣну, или работавшій ему за нее по договору въ теченіи извѣстнаго времени, будетъ сопротивляться отнятію ея гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ тогда, когда жена досталась ему безъ такого пожертвованія; кромѣ того, и другіе мужчины племени, купившіе подобнымъ же образомъ своихъ женъ, въ силу весьма естественныхъ побужденій, станутъ сочувствовать ему, поддержать его въ его сопротивленіи и отнесутся съ неодобреніемъ къ нарушителю его правъ. Эта же самая причина порождаетъ ограниченія развода. Коль скоро жена досталась человѣку покупкою или заработана имъ долгимъ трудомъ, и коль скоро другая жена можетъ быть добыта только этою же цѣною, то это обстоятельство не можетъ не воздвигнуть препятствій стремленіямъ къ разрыву брака.

Далѣе, на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, господство этой высшей формы супружескихъ отношеній встрѣчаетъ себѣ содѣйствіе со стороны прогрессивнаго уравниванія численности половъ. По мѣрѣ того какъ войны становятся все менѣе и менѣе частыми, по мѣрѣ того какъ все большая и большая часть мужскаго населенія обращается къ промышленности, смертность между мужчинами также уменьшается все болѣе и болѣе, что, конечно, благоприятствуетъ распространенію одноженства, потому что многоженство начинаетъ теперь наталкиваться на положительное сопротивленіе. Тамъ, гдѣ число мужчинъ и число женщинъ находятся въ приблизительномъ равновѣсіи, многоженство не можетъ имѣть широкаго распространенія, не оставляя множества мужчинъ совѣмъ безъ женъ; а отъ этихъ лишенныхъ женъ мужчинъ должно явиться общественное мнѣніе, противное многоженству и стремящееся огра-

ничить и уменьшить его. Что общественное мнѣніе дѣйствительно дѣйствуетъ такимъ образомъ, на извѣстной ступени развитія, даже на правителей, можно видѣть изъ замѣчанія Лау по поводу рѣдкости многоженства у земледѣльческихъ Дайяковъ: „вожди иногда дозволяютъ себѣ его; но они рискуютъ при этомъ потерять свое вліяніе на своихъ приверженцевъ“.

Къ этимъ отрицательнымъ причинамъ распространенія моногаміи, съ теченіемъ общественнаго развитія, слѣдовало бы прибавить теперь обзоръ положительныхъ причинъ ея распространенія. Но, прежде чѣмъ обратиться къ этимъ причинамъ, мы должны сравнить сначала моногамическій типъ семьи съ тѣми ея типами, которые уже рассмотрѣны нами ранѣе.

§ 312. По опредѣленности и силѣ связей между ея членами, моногамическая семья, очевидно, должна считаться наиболѣе развитою. При многомужествѣ, единственная опредѣленно-достоверная связь есть связь съ матерью, и дѣти суть лишь отчасти родственники между собою. При многоженствѣ, связь съ родителями вполне опредѣленна съ обѣихъ сторонъ, но изъ дѣтей лишь нѣкоторые вполне родные другъ другу; остальные же — родственники между собою только по отцу. При моногаміи, мы находимъ не только вполне-опредѣленную связь съ родителями съ обѣихъ сторонъ, но и всѣ дѣти оказываются родными съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, семейная группа сдерживается здѣсь болѣе многочисленными узами; но, кромѣ большей сплоченности, вызываемой этимъ путемъ, тутъ прибавляется еще отсутствіе тѣхъ причинъ разединенія, которыя лежатъ въ чувствѣ взаимной ревности, совершенно неизбѣжномъ въ полигинической семьѣ.

Эта большая интегрированность продолжаетъ характеризовать моногамическую семью во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ черезъ рядъ послѣдовательныхъ поколѣній. Какъ и въ полигинической семьѣ, мы имѣемъ тутъ достоверность происхожденія отъ того же самаго отца, дѣда, прадѣда, и т. д.; но къ этому тутъ прибавляется еще достоверность происхожденія отъ той же самой матери, бабушки, прабабушки, и т. д. Вслѣдствіе этого, расходящіяся вѣтви семьи связаны здѣсь еще добавочными узами. Гдѣ, какъ у Римлянъ, законъ признаетъ происхожденіе по одной только мужской линіи, — такъ что изъ всѣхъ *agnates* (сродниковъ по мужской или по женской линіи), составляющихъ всю совокупность потомковъ одной пары, признаются состоящими въ опредѣленномъ родствѣ только *agnates* (родственники по мужской линіи), — тамъ развѣтвляющееся потомство извѣстной семьи связано между собою лишь несовершеннымъ образомъ; но гдѣ, какъ у насъ, въ число родственниковъ включаются и потомки женскихъ членовъ семьи, тамъ родственная группа бываетъ связана вполне совершенными узами.

§ 313. Несомнѣнно, что моногамія, на тѣхъ позднѣйшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, которыя характеризуются ею, служить гораздо лучше интересамъ общества, ребенка и родителей, чѣмъ всѣ другія формы супружескихъ отношеній; и если мы и указываемъ ниже на ея вліянія въ этихъ направленіяхъ, то только ради соблюденія формы, такъ какъ они и безъ того очевидны для каждаго.

Хотя въ тѣ времена, когда частыя войны и усиленная смертность мужчинъ оставляютъ постоянно значительный избытокъ женщинъ, многоженство дѣйствительно благоприятствуетъ сохраненію численности населенія; за то позднѣе, когда избытокъ въ женщинахъ перестаетъ быть столь значительнымъ, моногамія обуславливаетъ болѣе высокую общественную плодовитость. Ибо, принимая число женщинъ за мѣру того числа дѣтей, которое можетъ быть произведено даннымъ поколѣніемъ, мы не можемъ усомниться въ томъ, что число дѣтей будетъ больше въ томъ случаѣ, когда каждый человѣкъ имѣетъ одну жену, чѣмъ въ томъ, когда у нѣкоторыхъ людей имѣется по нѣскольکو женъ, а у другихъ—ни одной. Такъ что, какъ только уменьшеніе излишней смертности мужчинъ достигнетъ до извѣстной ступени, моногамическое общество начнетъ имѣть перевѣсъ надъ полигамическимъ со стороны плодовитости; а потому общественное выживаніе, поскольку оно зависитъ отъ умноженія численности населенія, начнетъ встрѣчать себѣ содѣйствіе со стороны моногаміи.

Болѣе сильныя и болѣе широко-развѣтвленныя семейныя связи, характеризующія моногамическое общество, сплачиваютъ его тѣснѣе, чѣмъ тѣ, которыя мы находимъ при всѣхъ другихъ формахъ семейнаго союза. Многочисленное и разнообразное родство, могущее быть прослѣженнымъ каждою семьею по обѣимъ линіямъ и постоянно усложняющееся, вслѣдствіе браковъ между различными семьями, новыми двойными рядами родства, производить обширную и сложную сѣть взаимныхъ связей, увеличивающую общественную сплоченность, производимую здѣсь и другими путями.

Моногамія благоприятствуетъ также политической устойчивости въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякая другая система. Многоженство, какъ и моногамія, дѣлаетъ возможнымъ наслѣдованіе власти по мужской линіи; но, при многоженствѣ, эта выгода подрывается въ извѣстной мѣрѣ соперничествомъ изъ-за власти, имѣющимъ вѣроятность возникнуть между дѣтьми различныхъ матерей. При моногаміи, этотъ элементъ раздоровъ исчезаетъ, и опасности, угрожающія устойчивости власти, становятся менѣе частыми.

Въ силу подобныхъ же причинъ, моногамія помогаетъ развитію поклоненія предкамъ. Все, что способствуетъ устойчивости династій древнихъ правителей, способствуетъ въ такой же мѣрѣ уста-

УДК 316.77
316.77.01.01.01.01

новленію прочныхъ династій божествъ, откуда опять-таки является священ-
ная санкція господствующаго кодекса поведенія.

Мы имѣемъ полное право думать, что въ обществахъ, переросшихъ состоя-
ніе варварства, моногамія ведетъ къ уменьшенію смертности между дѣтьми.
Мы уже допустили выше возможность того, что въ крайне безплодныхъ стра-
нахъ, подобныхъ снѣговымъ областямъ Азіи, дѣти полиандрической семьи, пи-
таемыя и охраняемыя нѣсколькими мужчинами заразъ, могутъ находиться въ
лучшихъ условіяхъ, чѣмъ дѣти моногамической семьи. Весьма возможно также,
что у дикарей, обращающихся съ своими женами крайне грубо и обременяю-
щихъ ихъ свыше ихъ силъ, и даже у нѣкоторыхъ болѣе передовыхъ наро-
довъ, — каковы, напримѣръ, народы Африки, — заставляющихъ своихъ женъ вы-
полнять не только домашнія, но и полевые работы, жена, могущая раздѣлить
бремя своихъ трудовъ съ другими женами того же мужа, будетъ болѣе способна
выращивать дѣтей, чѣмъ жена, которой не съ кѣмъ раздѣлить лежащихъ на
ней многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ. Но какъ только мы подни-
мемся до такого общественнаго состоянія, при которомъ мужчины перестаютъ
раздѣлять свое время исключительно между отсутствіемъ изъ дому для воен-
ныхъ цѣлей и празднымъ препровожденіемъ его дома, во время мира, но при
которомъ они начинаютъ все болѣе и болѣе предаваться промышленности, —
какъ только женщины, менѣе обремененныя всевозможными работами, начи-
наютъ посвящать болѣе вниманія семейнымъ дѣламъ, въ то время какъ муж-
чины становятся добывателями насущнаго хлѣба, — моногамическій союзъ не-
медленно становится приспособленнымъ лучше, чѣмъ всякій другой, для воспи-
танія дѣтей. Кромѣ тѣхъ выгодъ, которыя онъ представляетъ для нихъ со сто-
роны постоянныхъ материнскихъ попеченій, они пользуются тутъ еще выгодами
сосредоточенной отцовской заботливости. А потому, сохраненіе общества начи-
наетъ выполняться въ гораздо меньшей степени насчетъ дѣтской смертности.

Благодѣтельные дѣйствія моногаміи на жизнь взрослыхъ, какъ физическія,
такъ и нравственныя, еще болѣе значительны. Хотя, въ первобытныхъ обществахъ,
моногамическій союзъ не порождаетъ какихъ-либо болѣе высокихъ чувствъ по
отношенію къ женщинѣ или какихъ-либо улучшеній въ ея участи, но, въ бо-
лѣе позднихъ обществахъ, онъ составляетъ необходимаго и неизбѣжнаго спут-
ника этихъ болѣе высокихъ чувствъ и этихъ улучшеній. Въ особенности, когда
система покупки женъ начинаетъ приходить въ упадокъ, и, на мѣсто ея, ста-
новится свободное согласіе женщины, обусловленное направленіемъ ея склон-
ностей, въ обществѣ начинается усиленное развитіе тѣхъ чувствъ, которыми
характеризуются отношенія между полами у цивилизованныхъ народовъ. Дѣй-
ствія этихъ чувствъ гораздо обширнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго

взгляда. Что касается до ихъ вліянія на домашнія отношенія, т. е. до ихъ прямого стремленія къ улучшенію матерьяльныхъ и духовныхъ качествъ взрослой жизни, то оно слишкомъ очевидно. Но они стремятся еще не въ малой степени къ непрямому качественному улучшенію взрослой жизни тѣмъ, что они представляютъ постоянный и глубокий источникъ эстетическихъ наслажденій. Припоминая многочисленность и силу наслажденій, почерпаемыхъ нами изъ музыки, поэзіи, романа, драмы и пр., и припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ, что главною темою всѣхъ этихъ произведеній служить обыкновенно любовная страсть, мы увидимъ, что мы обязаны моногаміи, послужившей развитію этой страсти огромною долею тѣхъ удовольствій, которыя наполняютъ наши часы досуга.

Мы не должны забывать также, въ числѣ благодѣтельныхъ результатовъ моногамической формы брачнаго союза, того обстоятельства, что она содѣйствуетъ въ очень высокой степени сохраненію индивидуальной жизни по окончаніи періода дѣторожденія. Обусловливая большую продолжительность и силу супружеской привязанности и вызывая болѣе сильную дѣтскую любовь, моногамическій союзъ содѣйствуетъ обоими этими путями удлинненію преклонныхъ лѣтъ и смягченію связанныхъ съ ними бѣдствій.

§ 314. Можемъ ли мы, въ заключеніе разсужденій, занимавшихъ насъ въ этой и въ предыдущихъ главахъ, сказать, что моногамія есть естественная форма половыхъ отношеній для человѣческой расы? И если это такъ, то какимъ же образомъ случилось, что во все продолженіе болѣе древнихъ ступеней человѣческаго прогресса, отношенія между полами были такими неопредѣленными?

У низшихъ животныхъ, отношенія между полами опредѣляются унаслѣдованнымъ инстинктомъ, причемъ эти отношенія всегда оказываются такими, которыя всего лучше ведутъ къ сохраненію вида. Въ одномъ случаѣ, связь между самцомъ и самкой не представляетъ ни малѣйшаго постоянства; въ другомъ, мы находимъ полигиническую группу; въ третьемъ, — моногамическій союзъ, продолжающійся въ теченіи одного сезона. Можно было бы привести не мало доказательствъ того, что у приматовъ, стоящихъ ниже человѣка, существуютъ моногамическія отношенія между полами довольно значительнаго постоянства. Какимъ же образомъ, послѣ этого, въ группахъ первобытныхъ людей явились отклоненія отъ этой семейной формы, сообразной съ врожденными стремленіями? Весьма возможно, что отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что ассоціированіе въ болѣе обширныя группы, чѣмъ тѣ, которыя образуются приматами, внесло въ жизнь разрушительныя для моногамическаго союза вліянія, которыя не существовали ранѣе этого; и что дѣйствія этихъ вліяній не были сдержаны потому, что вытекавшія изъ нихъ иныя супружескія формы оказывались, при тѣхъ условіяхъ, болѣе благопріятными для выживанія обществен-

Российская академия наук
Библиотека Академии наук
202 000 000 000

ныхъ группъ. Повидимому, въ продолженіи извѣстныхъ промежуточныхъ ступеней развитія, существовавшихъ по срединѣ между первымъ, чрезвычайно разсѣяннымъ, или мало стаднымъ, общественнымъ состояніемъ и послѣднимъ чрезвычайно агрегированнымъ, или въ высшей степени стаднымъ, общественнымъ состояніемъ, возникали различныя условія, благоприятствовавшія различнымъ формамъ брачнаго союза и причинявшія такимъ образомъ временныя отклоненія отъ первоначальнаго стремленія.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но для насъ вполне очевидно, что моногамія съ давнихъ временъ уже стремилась стать врожденнымъ побужденіемъ цивилизованнаго человѣка; такъ какъ всѣ тѣ идеи и чувства, которыя соединены у насъ съ бракомъ, всегда подразумѣваютъ необходимымъ образомъ исключительно парный союзъ, состоящій изъ одного мужчины и одной женщины.

ГЛАВА IX.

С Е М Ь Я.

§ 315. Взглянемъ теперь на тѣ связи, которыя могутъ быть подмѣнены между различными типами семьи и различными типами общественного устройства. Представляютъ ли общества различной степени сложности и различныя формы домашняго устройства? Обладаютъ ли военная система общественной организаціи и промышленная система такой организаціи каждая своею особенною формою домашняго быта?

На первый изъ этихъ вопросовъ не можетъ быть дано удовлетворительнаго отвѣта. Тоже самое супружеское отношеніе встрѣчается какъ въ самопростѣйшихъ общественныхъ группахъ, такъ и въ группахъ самой высокой сложности. Жалкіе лѣсные Веддахи, живущіе въ такой сильной разсѣянности другъ отъ друга, которая почти не дозволяетъ считать ихъ достигшими даже самыхъ первыхъ ступеней общественности, соблюдаютъ строгую моногамію; точно также и Бушмены, стоящіе столь же низко на лѣстницѣ общественности, хотя и не запрещаютъ у себя многоженства, однако же придерживаются обыкновенно одноженства. Къ числу одноженцевъ относятся также нѣкоторыя осѣдлыя и уже подвинувшіяся нѣсколько впередъ племена, каковы, напримѣръ, обитатели Новой Гвиней, а также Дайяки, достигшіе до той ступени развитія, которая можетъ считаться переходомъ отъ простой общественной группы къ сложной. И, въ тоже время, мы видимъ, что моногамія представляетъ обычную форму брачнаго союза у многихъ великихъ народовъ, достигшихъ до своихъ нынѣшнихъ размѣровъ путемъ многочисленныхъ агрегацій и реаггрегацій. Точно также и полиандрія (многомужество) не ограничивается обществами какого-либо одного порядка сложности. Мы находимъ ее у простыхъ общественныхъ группъ, каковы, напримѣръ, Огнеземельцы, Алеуты и Тодасы; но находимъ также и въ сложныхъ общественныхъ группахъ: на Цейлонѣ, на Малабарскомъ

344135341
3420000000000

берегу и въ Тибетѣ. Тоже самое приходится сказать и о распредѣленіи полигиніи (многоженства). Она представляетъ явленіе, свойственное въ одинаковой мѣрѣ какъ простымъ, такъ и сложнымъ обществамъ, и даже обществамъ двойной и тройной сложности.

Впрочемъ, мы можемъ указать по крайней мѣрѣ на одинъ родъ связи между типомъ семьи и степенью общественной сложности. Образованіе сложныхъ группъ, подразумевающее необходимымъ образомъ болѣе значительную координацію всѣхъ частей общества, а также усиленіе разныхъ взаимныхъ ограниченій между этими частями, подразумеваетъ въ тоже время и большую прочность и опредѣленность общественнаго и семейнаго уклада. Постоянное возрастаніе строгости обычая и постепенный переходъ его въ настоящій законъ, сопровождающіе расширеніе правительственной организаціи, сдерживающей вмѣстѣ все большія и большія массы людей, влияетъ не только на политическія, но и на домашнія отношенія, и дѣлаетъ такимъ образомъ семейное устройство, — будетъ ли оно полиандрическимъ, полигиническимъ или моногамическимъ, — болѣе и болѣе опредѣленнымъ.

Перейдемъ теперь ко второму вопросу и спросимъ себя, — можемъ ли мы утверждать существованіе какихъ-либо специальныхъ связей между различными типами семьи и различными общественными типами, разсматриваемыми съ точки зрѣнія преобладающей общественной дѣятельности, — т. е. воинственнымъ и промышленнымъ общественными типами? Вѣглый обзоръ не открываетъ намъ ничего похожаго на такія связи. Обратившись сначала къ простымъ племенамъ, мы находимъ у невоинственныхъ Тодасовъ смѣсь полиандріи съ полигиніей; у Эскимосовъ, отличающихся такимъ миролюбіемъ, что они даже не понимаютъ значенія слова война, мы находимъ, рядомъ съ моногамическими союзами, союзы полиандрическаго и полигиническаго характера. Въ тоже самое время, воинственные Карибы представляютъ намъ смѣсь полиандрическихъ браковъ съ еще большимъ числомъ браковъ полигиническихъ. Обратившись затѣмъ къ другой крайности, и сравнивая между собою крупные народы, древніе и новые, мы найдемъ, что воинственный характеръ сосуществуетъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ господствомъ полигиніи, въ другихъ же случаяхъ съ господствомъ или даже со всеобщностью моногаміи. Тѣмъ не менѣе, изслѣдуя факты болѣе тщательнымъ образомъ, мы будемъ въ состояніи различить извѣстную общую связь между воинственнымъ общественнымъ типомъ и полигиніей, съ одной стороны, и между промышленнымъ типомъ и моногаміей съ другой.

Но, прежде всего, мы должны выставить на видъ ту истину, что степень воинственности общества должна быть измѣряема не столько его арміями и одерживаемыми ими побѣдами, сколько степенью постоянства хищническихъ дѣятельностей. Контрастъ между военнымъ и промышленнымъ типами есть,

собственно говоря, контрастъ между такимъ состояніемъ, при которомъ жизнь поглощается борьбою съ другими существами, — животными или людьми, — и такимъ, при которомъ жизнь занята мирнымъ трудомъ; или такимъ, при которомъ вся энергія человѣка тратится на разрушеніе, и такимъ, при которомъ эта энергія тратится на производство. При такомъ пониманіи военного типа, мы найдемъ, что многоженство представляетъ его обычнаго спутника. Слѣдить за сосуществованіемъ этихъ двухъ явленій, начиная отъ Австралійцевъ и Тасманійцевъ и доходя, черезъ рядъ болѣе развитыхъ простыхъ обществъ, до обществъ сложныхъ и даже двойной сложности, было бы слишкомъ скучно да и бесполезно; ибо выше было уже показано (§ 304), что многоженство преобладаетъ у большинства менѣе прогрессивныхъ обществъ; а мы знаемъ, съ другой стороны, что состояніе, въ которомъ живутъ эти общества, есть состояніе непрерывной вражды съ своими сосѣдями; откуда само собою слѣдуетъ, какъ логическое заключеніе, что многоженство и военный общественный типъ сосуществуютъ одно съ другимъ. Что это сосуществованіе есть результатъ причинной связи, — можетъ быть выведено изъ нѣкоторыхъ случаевъ обратнаго порядка. У Доріановъ (одинъ изъ отдѣловъ Ново-Гвинейцевъ), живущихъ первобытными общинами сравнительно-невоинственного и — сравнительно промышленнаго характера, существуетъ строгая моногамія, съ запрещеніемъ развода. Другой примѣръ доставляютъ намъ Дайяки материка, у которыхъ моногамія настолько строга, что полигинія считается преступленіемъ, и у которыхъ, — хотя они и ссорятся между собою изъ-за земель и даже приносятъ домой изъ битвъ головы враговъ въ видѣ побѣдныхъ трофеевъ, — промышленное развитіе настолько значительно, что мужчины, вмѣсто того, чтобы ограничивать свои занятія войною и охотою, несутъ на себѣ много тяжелыхъ трудовъ; причемъ у нихъ существуетъ нѣкоторое раздѣленіе промысловъ и кое-какая торговая дѣятельность. Горныя племена Индіи также могутъ служить хорошими примѣрами на этотъ счетъ. Любезные Бодосы и Дималы не обладаютъ никакими военными приспособленіями и не имѣютъ даже никакого другаго оружія, кромѣ своихъ земледѣльческихъ инструментовъ; они настолько подвинулись впередъ въ промышленномъ отношеніи, что у нихъ существуетъ обмѣнъ услугами и ихъ мужчины выполняютъ всѣ внѣ-домныя работы; въ то же самое время, всѣ они моногамисты. Подобнымъ же образомъ, и моногамисты — Лепчасы отличаются полнымъ отсутствіемъ воинственности. Таково же отношеніе между этими двумя чертами и въ нѣкоторыхъ обществахъ Новаго Свѣта, отличающихся отъ остальныхъ своимъ вполне или отчасти промышленнымъ складомъ. Въ то время какъ большинство туземныхъ племенъ Сѣверной Америки преданы обыкновенно многоженству и живутъ почти исключительно только для охоты и войны, Прокезы

0611359-21
302 00000000

имѣютъ постоянныя селенія и воздѣланныя поля, причемъ каждый изъ нихъ обладаетъ только одною женою. Еще рѣзче замѣтно это соотношеніе у Пуэблосовъ, которые „огораживаются стѣною отъ чернаго варварства“, съ помощью своихъ искусно построенныхъ домовъ, собранныхъ въ одинъ общій конгломератъ жилищъ; которые дерутся только въ видахъ самозащиты; будучи же оставленными въ покоѣ, предаются исключительно земледѣлію и другимъ промысламъ, и у которыхъ супружескія отношенія имѣютъ строго моногамическій характеръ.

Эта связь между многоженствомъ и воинственностью, въ простыхъ обществахъ, не всегда можетъ быть прослѣжена прямымъ образомъ изъ неудовлетворительныхъ разсказовъ путешественниковъ; но за то мы часто можемъ выслѣдить ее непрямымъ образомъ. Мы уже видѣли (§ 250), что постоянныя войны и развитіе власти главы племени находятся въ прямомъ и очень естественномъ соотношеніи другъ съ другомъ; откуда слѣдуетъ само собою, что если въ какомъ-нибудь осѣдломъ племени власть вождя невелика, то такое племя не должно отличаться военнымъ складомъ и образомъ жизни. Но этотъ фактъ какъ разъ и замѣчается у вышепоименованныхъ обществъ, отличающихся меногомией. У Доріанъ нѣтъ вождей; у Дайяковъ подчиненіе вождямъ очень слабо; глава каждой Бодосской или Димальской деревни пользуется лишь номинальной властью; Лепчасъ бѣжитъ отъ всякаго принужденія; а правитель города Пуэблосовъ ежегодно избирается съизнова. И, наоборотъ, мы видимъ, что многоженство, господствующее у простыхъ хищническихъ племенъ, продолжаетъ держаться и въ сложныхъ общественныхъ агрегатахъ этого рода, т. е. и тогда, когда нѣсколько такихъ племенъ сплотятся путемъ войны въ одинъ небольшой народецъ, находящійся подъ властью прочно установившихся повелителей, причемъ оно получаетъ здѣсь часто весьма значительное развитіе. Въ Полинезій, многоженство рѣзко характеризуетъ собою воинственныхъ Фиджійцевъ, находящихся подъ тиранническимъ правительствомъ своихъ вождей; во всѣхъ Африканскихъ царствахъ, многоженство стоитъ рядомъ съ весьма развитымъ главенствомъ, причемъ наибольшей высоты оно достигаетъ у Ашантиевъ и Дагомейцевъ, у которыхъ принудительность верховной власти доходитъ до чрезвычайныхъ предѣловъ. Тоже самое можно сказать и о вымершихъ обществахъ Америки: у Перуанцевъ, Мексиканцевъ, Чипчасовъ и Никарагуанцевъ, находившихся подъ властью крайне суровыхъ правительствъ, многоженство считалось однимъ изъ атрибутовъ высокаго общественнаго сана. Наконецъ, древнія деспотическія государства Востока также отличались многоженствомъ.

Приведенныя выше свидѣтельства въ пользу существованія указанной нами связи подкрѣпляются еще свидѣтельствами нѣсколько иного рода; а именно тѣмъ фактомъ, что въ первобытномъ хищническомъ племени, всѣ муж-

чины которого — войны, многоженство имѣетъ всеобщее распространѣніе; тогда, какъ въ обществѣ, сложившемся изъ сліянiя такихъ племенъ, оно продолжаетъ отличать только военный классъ; промышленный же классъ начинаетъ отличаться одноженствомъ. Нѣкоторые проблески этой дифференціаціи могутъ быть подмѣчены даже у первобытныхъ хищническихъ племенъ; такъ какъ уже и тутъ наименѣе воинственнымъ изъ мужчинъ не удастся добыть себѣ болѣе одной жены. Но особенно замѣтно становится эта дифференціація лишь тогда, когда, вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенiя, возникаетъ раздѣленіе между воинами и работниками.

Связь между воинственностью и многоженствомъ выступить еще яснѣе, когда мы припомнимъ два факта, указанные въ главѣ, озаглавленной „Экзогамія и Эндогамія“. Члены дикихъ обществъ дѣлаютъ обыкновенно плѣнныхъ на войнѣ женщинъ своими добавочными женами или наложницами; и репутація воина обыкновенно возрастаетъ прямо пропорціонально числу добытыхъ имъ такимъ образомъ женщинъ (§ 305). Нѣкоторые древніе народы, какъ это было показано Макъ-Леннаномъ, позволяли членамъ военного класса имѣть женъ-чужеземокъ (по всей вѣроятности, вдобавокъ къ женамъ-единоплеменницамъ); но членамъ другихъ классовъ запрещалось брать за себя женъ чужой народности. Даже у Евреевъ законъ разрѣшалъ такое присвоеніе женщинъ, взятыхъ на войнѣ (§ 308). Второй фактъ, указывающій не менѣе прямо на ту же самую связь, былъ приведенъ нами въ § 307. А именно, тамъ было указано; что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ погибель значительнаго числа мужчинъ въ частыхъ битвахъ обусловливаетъ значительный избытокъ въ женщинахъ, обладаніе со стороны каждаго мужчины болѣе чѣмъ одною женою ведетъ къ поддержанію численности народонаселенiя и къ сохраненію общества; при этихъ условіяхъ, продолженіе многоженства будетъ поддерживаться самою этою безпрерывною борьбою между отдѣльными племенами; ибо такая борьба, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ вести къ изчезновенію племенъ, не придерживающихся многоженства. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить тотъ обратный фактъ, что по мѣрѣ того, какъ уменьшеніе воинственности и возрастаніе промышленности приводятъ за собою все большее и большее уравновѣшеніе обоехъ половъ со стороны ихъ численности, въ обществѣ начинаетъ возникать все большее и большее сопротивленіе многоженству; такъ какъ значительное число мужчинъ не можетъ обладать при этихъ условіяхъ многими женами, не оставляя столь же значительнаго числа мужчинъ совсѣмъ безъ женъ, и не вызывая такимъ образомъ взаимнаго антагонизма между мужчинами, несовмѣстнаго съ прочностью общественного строя. А потому, численное равновѣсіе половъ, являющееся слѣдствіемъ преобладанiя въ обществѣ промышлен-

04135340
302 00000000

ныхъ дѣятельностей, служить для такого общества весьма сильною побудительною причиною къ моногаміи.

Далѣе: естественное отношеніе между полигиніею и господствомъ воинственной дѣятельности и между моногаміею и господствомъ промышленной дѣятельности обнаруживается уже изъ того факта, что эти двѣ семейныя формы гармонируютъ порознь по своему принципу съ этими двумя политическими формами. Мы уже видѣли, что военный типъ общественнаго устройства основанъ на принципѣ принудительной коопераціи, между тѣмъ какъ промышленный типъ общественнаго устройства основанъ на принципѣ добровольной коопераціи. Но ясно, что множественность женъ, — будутъ ли то жены, добытыя на войнѣ, или купленныя у своихъ отцевъ, безъ всякаго вниманія къ ихъ собственнымъ желаніямъ, — предполагаетъ домашнее правленіе принудительнаго типа: тутъ мужъ всегда — деспотъ; а жены — рабыни. И наоборотъ, установленіе одноженства, — въ тѣхъ случаяхъ, когда все меньшее и меньшее число женщинъ можетъ быть добыто на войнѣ и когда все меньшее и меньшее число мужчинъ погибаетъ въ битвахъ, — сопровождается возрастаніемъ стоимости каждой отдѣльной женщины; такъ что если даже женщины все еще продолжаютъ покупаться у родителей, онѣ все таки имѣютъ теперь болѣе шансовъ встрѣтить лучшее обращеніе со стороны мужей. Когда же, съ дальнѣйшимъ общественнымъ прогрессомъ, женщины получаютъ нѣкоторое право выбора, то на сцену является мало по малу приближеніе къ тому добровольному сотрудничеству, которое характеризуетъ это брачное отношеніе въ самой высшей его формѣ. Домашній деспотизмъ, связанный съ многоженствомъ, находится въ полной гармоніи съ политическимъ деспотизмомъ, свойственнымъ обществамъ, отличающимся преобладаніемъ у нихъ военной дѣятельности; а уменьшеніе политическаго насилія, естественно сопровождающее развитіе промышленнаго типа, находится въ полной гармоніи съ уменьшеніемъ домашняго насилія, естественно слѣдующимъ за развитіемъ моногаміи, которымъ сопровождается развитіе промышленнаго типа.

Весьма возможно, что, въ видахъ опроверженія этого взгляда, намъ укажутъ на исторію Европейскихъ народовъ и будутъ утверждать, что всѣ эти народы, отъ Греческихъ до Римскихъ временъ, не смотря на свою воинственность, всегда были народами моногамическими. Но мы можемъ возразить на это, что въ каждомъ изъ древнихъ Европейскихъ обществъ, не смотря на частыя войны, всегда существовала весьма значительная часть населенія, преданная другимъ занятіямъ, и что каждое изъ нихъ обладало промышленною системою, отличавшеюся значительнымъ раздѣленіемъ труда и развитыми торговыми сношеніями. Кромѣ того, слѣдуетъ припомнить еще тотъ фактъ, что въ Римскія времена и позже, когда войны были постоянными, моногамія не была явленіемъ всеобщаго характера.

Тацитъ допускаетъ, что между Германскими вождями встрѣчалось многоженство. Меровингскіе короли также были многоженцами, какъ мы уже указывали это выше. Даже Каролингскій періодъ представляетъ намъ подобные факты, что можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: „Высокомѣріе Конана II поддерживалось невѣроятнымъ числомъ вооруженныхъ людей, которое доставляло ему его королевство; ибо, не говоря уже объ обширности этого королевства, читатель долженъ знать, что тамъ каждый воинъ способенъ породить пятьдесятъ новыхъ; такъ какъ каждый изъ нихъ, не будучи стѣсненъ законами благопристойности или религіи, имѣетъ по десяти и даже болѣе женъ“ — (Er mold. Nigellus, iii. ap. Scr. R. Fr. vi. 52). А Кёнигсвартеръ говоритъ: „такова была сила и живучесть законнаго наложничества (legal concubinage) въ нравахъ народа, что слѣды его могутъ быть найдены въ Тулузѣ даже въ тринадцатомъ столѣтіи“.

Такимъ образомъ,—принимая въ соображеніе многочисленность факторовъ, содѣйствовавшихъ видоизмѣненію формы супружескихъ союзовъ; а также принимая въ соображеніе и то, что многія общества, становясь относительно мирными, еще долгое время удерживали въ очень значительной мѣрѣ тѣ черты склада, которыя были приобрѣтены ими въ прежній періодъ преобладанія у нихъ воинственныхъ дѣятельностей; между тѣмъ какъ другія общества, развившія у себя промышленный складъ, въ очень значительной степени, въ послѣдствіи снова обращались въ общества по преимуществу воинственныя, послѣдствіемъ чего являлась смѣсь чертъ того и другаго склада,—мы можемъ, какъ мнѣ кажется, утверждать, что указанныя нами отношенія настолько ясны, насколько того можно ожидать. Что прогрессъ отъ первобытнаго хищническаго типа къ наивысшему промышленному типу сопровождался прогрессомъ отъ господства полигиніи къ царству исключительной моногаміи, — можетъ считаться несомнѣннымъ; а что уменьшеніе воинственности и возрастаніе промышленности были существенными причинами этого измѣненія въ типѣ семьи,—можно видѣть уже изъ того факта, что это измѣненіе являлось даже тамъ, гдѣ всѣ другія предполагаемыя причины,—каковы: культура, религіозныя вѣрованія, и пр.,—не имѣли никакого вліянія.

§ 316. До сихъ поръ мы разсматривали домашнія отношенія съ точки зрѣнія ихъ частнаго (private) значенія; теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть ихъ съ точки зрѣнія ихъ общественнаго (public) значенія. Ибо отъ устройства семьи, разсматриваемой, какъ составная часть общества, зависятъ многія общественныя явленія.

Многочисленные факты, сгруппированные нами въ предыдущихъ главахъ, показываютъ, что мы не можемъ достигнуть вѣрнаго пониманія высшихъ и-

повъ семьи, въ ихъ отношеніяхъ къ высшимъ общественнымъ типамъ, безъ предварительнаго изученія низшихъ типовъ семьи, въ ихъ отношеніяхъ къ низшимъ общественнымъ типамъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выведение заключеній изъ болѣе сложныхъ продуктовъ развитія и полнѣйшее игнорированіе болѣе простыхъ его продуктовъ, изъ которыхъ являются современемъ эти болѣе сложные продукты, неизбежно ведетъ къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Мы уже видѣли одинъ примѣръ такихъ приѣмовъ, съ ихъ послѣдствіями, при разсмотрѣніи объясненій первобытныхъ религій, даваемыхъ представителями господствующей школы міеологовъ. Находясь подъ властью идей, развившихся въ насъ подъ вліяніемъ цивилизаціи, и оглядываясь назадъ, на идеи, имѣвшія мѣсто у прародителей цивилизованныхъ расъ, они прибѣгли къ болѣе сложнымъ вещамъ для истолкованія вещей менѣе сложныхъ; когда же они принуждены были признать, что религіозныя идеи, приписанныя ими нашимъ древнимъ предкамъ, совершенно не сходны съ религіозными идеями,ходимыми нынѣ у современныхъ нецивилизованныхъ расъ, то они допустили существованіе фундаментальнаго различія между формою душевной дѣятельности у высшихъ расъ и формою душевной дѣятельности у низшихъ расъ; причемъ, ради поддержанія этого положенія, имъ пришлось отнести къ низшимъ расамъ и нѣкоторыя древнія расы, которымъ нашъ современный міръ обязанъ своимъ настоящимъ прогрессомъ. Хотя Арійцы и Семиты обязаны своей цивилизаціей ученіямъ такъ-называемыхъ Туранцевъ; — хотя Акадійцы Аобладали уже большими городами, прочно-установленными законами, разнообразными промыслами, многочисленными искусствами, употреблявшими для своихъ цѣлей четыре металла, и даже письменностью, достигшей уже до фонетической ступени развитія, въ то время какъ Семиты представляли еще простыя орды кочевниковъ; — хотя Египтяне жили уже въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій въ видѣ сложно-организованнаго народа, приближавшагося по многимъ чертамъ своего устройства къ новѣйшимъ народамъ и оставившаго послѣ себя памятники, возбуждающіе еще и до нынѣ удивленіе человѣчества, въ то время какъ Арійцы кочевали еще со своими стадами, въ видѣ мелкихъ, разсѣянныхъ группъ, въ окрестностяхъ Гинду-Куша; — тѣмъ не менѣе эти народы, въ обществѣ съ самыми низшими варварами, развязно относятся нашими міеологами къ группѣ расъ, радикально отличающихся отъ высшихъ расъ низшимъ складомъ своего духа; и все это лишь потому, что они обнаруживаютъ самымъ неопровержимымъ образомъ такой генезисъ религіозныхъ идей, который оказывается совершенно несогласимымъ съ тѣмъ генезисомъ, который эти міеологи находятъ возможнымъ приписывать высшимъ расамъ, на основаніи принятаго ими метода изслѣдованія.

Всякій, кто принимаетъ заключенія, изложенныя въ первой части этого труда, увидить въ этомъ примѣрѣ ничто иное, какъ результатъ ошибочнаго толкованія, явившагося вслѣдствіе анализа явленій сверху внизъ, вмѣсто синтеза ихъ снизу вверхъ. Онъ увидить также, что, въ видахъ отысканія настоящаго объясненія, мы должны спуститься ниже той ступени, на которой люди умѣли уже приручать домашнихъ животныхъ и обрабатывать землю.

§ 317. Я дѣлаю эти замѣчанія въ видѣ введенія къ критическому разбору ученій Сэра Генри Мэна. Хотя я высоко цѣню его труды; и хотя я принимаю истинность его взглядовъ по отношенію къ семьѣ, въ ея развитой формѣ, и по отношенію къ той роли, которую она играла въ развитіи Европейскихъ народовъ; тѣмъ не менѣе я нахожу возможнымъ не соглашаться съ тѣми предположеніями, которыя онъ дѣлаетъ по отношенію къ древнѣйшимъ общественнымъ состояніямъ, и съ тѣми понятіями, къ которымъ онъ приходитъ изъ этихъ предположеній.

Сэръ Генри Мэнъ осуждаетъ „высокомѣрное презрѣніе цивилизованнаго народа къ его сосѣдямъ-варварамъ“, какъ ведущее къ заблужденіямъ; ибо, говоритъ онъ, это презрѣніе „вызвало небрежность въ дѣлѣ наблюденія надъ ними“. Но онъ и самъ не избѣгъ въполнѣ вліянія этого чувства. Хотя онъ пользуется фактами, доставляемыми варварскими народами, принадлежащими къ высшимъ типамъ; и хотя онъ приводитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подтвердительные факты, доставляемые варварскими народами, принадлежащими къ болѣе низкимъ типамъ; тѣмъ не менѣе, съ практической точки зрѣнія, онъ оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ огромную массу нецивилизованныхъ расъ и не обратилъ рѣшительно никакого вниманія на обширный арсеналъ фактовъ, представляемыхъ этими расами въ опроверженіе его теоріи. Хотя замѣчанія критиковъ заставили его нѣсколько ограничить черезъ-чуръ широкоразмашистыя обобщенія, изложенныя въ его Древнемъ Законодательствѣ (Ancient Law); хотя, въ предисловіи къ послѣднему изданію этого труда, онъ ссылается на свое позднѣйшее сочиненіе о Сельскихъ Общинахъ (Village Communities), въ которомъ указаны нѣкоторые ограниченія по этой части; тѣмъ не менѣе эти ограниченія очень незначительны и въ значительной мѣрѣ гипотетичны. Онъ относится слишкомъ легко къ опровергающимъ его теорію фактамъ, представленнымъ Макъ-Леннаномъ и Сэромъ Джономъ Лэббокомъ, на томъ лишь основаніи, что та часть этихъ фактовъ, которую онъ считаетъ наиболѣе достовѣрною, доставлена горными племенами Индіи, которыя, по его мнѣнію, дошли до ненормальныхъ обычаевъ подъ вліяніемъ условій, въ которыя они были насильственно поставлены расами-побѣдительницами. И хотя, въ своихъ Древнихъ Учрежденіяхъ (Early Institutions), онъ

говорить: „могли или не могли всѣ вѣтви человѣческаго общества развиться изъ сложныхъ семей (joint families), выросшихъ въ каждомъ случаѣ изъ первоначальной патріархальной клѣточки“ ... но самая форма этого выраженія ясно показываетъ, что онъ отказывается признать, что, во многихъ случаяхъ, онъ не развились этимъ способомъ.

Онъ совершенно справедливо порицаетъ прежнихъ писателей за то, что они не достаточно расширяли область индукціи; но и самъ онъ пользуется индукціей недостаточно широко; а потому, та подстановка гипотезы на мѣсто факта, которую онъ приписываетъ своимъ предшественникамъ, можетъ быть поставлена въ упрекъ и его собственному труду. Обсуждая фактическія данныя, пригодныя для вывода обобщеній, онъ говоритъ: — „Первые зародыши обществъ, по скольку они могутъ вообще стать извѣстными намъ, могутъ быть почерпнуты нами изъ свидѣтельствъ троякого рода: изъ разсказовъ современныхъ наблюдателей, производившихъ свои наблюденія надъ цивилизаціями, менѣе совершенными, чѣмъ ихъ собственная; изъ письменныхъ памятниковъ, сохраненныхъ нѣкоторыми расами по отношенію къ ихъ первобытной исторіи, и изъ древняго законодательства“. Но такъ какъ, въ примѣръ „разсказовъ современныхъ наблюдателей, производившихъ свои наблюденія надъ цивилизаціями менѣе совершенными, чѣмъ ихъ собственная“, онъ приводитъ разсказъ Тацита о Германцахъ; и такъ какъ онъ не упоминаетъ при этомъ ни однимъ словомъ о разсказахъ новѣйшихъ путешественниковъ о разныхъ нецивилизованныхъ расахъ, то изъ этого ясно слѣдуетъ, что онъ не включаетъ показаній этихъ путешественниковъ въ число годныхъ фактическихъ данныхъ ¹⁾. Да бу-

¹⁾ Впрочемъ, на стр. 17 своихъ Сельскихъ Общинъ, онъ сознательно и прямо подвергаетъ сомнѣнію эти фактическія данныя, говоря о нихъ какъ о «сомнительныхъ» (slippery) свидѣтельствахъ, набранныхъ изъ сказокъ путешественниковъ. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что, въ глазахъ большинства, древность придаетъ свидѣтельству какой-то священный характеръ; такъ что тѣ самыя вещи, которыя, въ Римскія времена, т. е. въ тѣ времена, когда онъ были написаны, представляли ничто иное, какъ простыя «сказки путешественниковъ», въ наши дни, получили особую авторитетность, ставящую ихъ въ глазахъ большинства гораздо выше подобныхъ же сказокъ, написанныхъ недавно умершими или еще живущими путешественниками. Но я лично не вижу никакихъ причинъ, чтобы приписывать показаніямъ Тацита, позаимствованнымъ изъ вторыхъ рукъ, большую достоверность, чѣмъ самоличнымъ наблюденіямъ новѣйшихъ изслѣдователей, обладавшихъ нерѣдко строго-научнымъ образованіемъ, — наблюденіямъ Барроу, Барта, Гальтона, Бёртона, Ливингстона, Симана, Дарвина, Уоллеса, Гумбольдта, Буркгардта; и другихъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы перечислять ихъ здѣсь.

детъ мнѣ позволено привести здѣсь два примѣра того, какимъ образомъ это ограниченіе ведетъ къ подстановленію гипотезы на мѣсто наблюденія.

Принимая, что патріархальное состояніе есть самое древнѣйшее, Сэръ Генри Менъ говоритъ, что „слѣдное повиновеніе первобытныхъ людей своимъ родителямъ представляетъ, безъ сомнѣнія, фактъ первичнаго характера“. Но хотя, между низшими расами, сыновья и могутъ подчиняться своимъ родителямъ, въ періодъ ранней молодости, когда они лишены еще способности къ сопротивленію; однако же мы никакъ не можемъ утверждать, чтобы продолженіе такого подчиненія даже въ томъ возрастѣ, когда они уже становятся взрослыми мужчинами, представляло явленіе всеобщаго характера; а потому, мы не можемъ считать его за первичный фактъ. Обращаясь къ § 35, мы увидимъ, что склонность къ повиновенію далеко не отличаетъ собою всѣ людскіе типы. Читая, — что Мантрастъ „живетъ такимъ образомъ, какъ будто бы въ цѣломъ свѣтѣ не существуетъ никого другаго, кромѣ самаго его“; что Карибу „несносно малѣйшее стѣсненіе“ его независимости; что Манучестъ „не потерпитъ никакого приказанія“; что Бразильскій Индѣецъ, „съ достиженіемъ половой зрѣлости, начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе по отношенію ко всякому стѣсненію“, — мы никакъ не можемъ заключить, чтобы сыновнее подчиненіе представляло первобытную черту человѣческихъ нравовъ. Находя, — что Галлиномеросы „обращаются съ своими стариками, мужчинами и женщинами, оскорбительнѣйшимъ образомъ“; что Шошоны и Арауканцы не наказываютъ своихъ мальчиковъ, чтобы не убить въ нихъ мужества, — мы никакъ не можемъ предположить, чтобы подчиненіе взрослыхъ сыновей своимъ отцамъ характеризовало всѣ типы людей. Читая у Банкрофта, что для Навахоcовъ, „рожденныхъ и воспитанныхъ въ идеѣ полнѣйшей личной свободы, всякое стѣсненіе рѣшительно невыносимо“, и что у нихъ „всякій отецъ пользуется полнѣйшею и неоспоримою властью надъ своими дѣтьми до достиженія ими возраста половой зрѣлости“; читая, — что у Индѣйцевъ Нижней Калифорніи „какъ только дѣти становятся способными добывать себѣ пищу, имъ предоставляютъ жить по ихъ собственному усмотрѣнію“, и что у Команчей дѣти мужскаго пола „пользуются даже привилегіей возмущенія противъ своихъ родителей; родители же не имѣютъ даже права стѣчь ихъ иначе, какъ съ согласія племени“, — мы принуждены признать, что у нѣкоторыхъ расъ связь между родителями и дѣтьми разрывается очень рано. Даже болѣе дикіе члены той самой расы, которая сдѣлала патріархальное правительcтво столь хорошо знакомымъ намъ, доставляютъ подобныя же факты. Буркгардтъ говоритъ, что „молодой Бедуинъ“ продолжаетъ оказывать своему отцу „нѣкоторое почтеніе лишь до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ въ его палаткѣ“; но „какъ только ему удастся сдѣлаться владѣльцемъ своей соб-

3641353-21
302-00000000

ственной палатки“, „онъ не слушаетъ болѣе ничьихъ совѣтовъ и не пови-
нуется болѣе никакой земной власти, кромѣ своей собственной воли“. Такъ
что фактическія данныя не только не предполагаютъ того, что сыновнее по-
слушаніе есть врожденное свойство человѣка, а патріархальный типъ — есте-
ственное послѣдствіе этого свойства, но указываютъ скорѣе на то заключеніе,
что оба эти явленія развились рука объ руку, подъ вліяніемъ благоприятныхъ
условій.

Далѣе,—указывая на то, что, вначалѣ, общее происхожденіе отъ одного
предка было единственнымъ основаніемъ для общественнаго союза, для совокуп-
ной общественной дѣятельности, — Сэръ Генри Мэнъ говоритъ:— „Мы можемъ
быть увѣренными по крайней мѣрѣ въ томъ, что всѣ древнія общества считали
себя происходящими каждое отъ одного начальнаго корня и даже не были спо-
собны понять никакой другой причины, кромѣ этой, которая могла сдерживать
вмѣстѣ членовъ каждаго изъ нихъ и составлять изъ нихъ одинъ политическій
союзъ. На дѣлѣ, исторія политическихъ идей начинается предположеніемъ, что
кровное родство есть единственное возможное основаніе для общности полити-
ческихъ функцій“. Если подъ „древними обществами“ разумѣть только такія,
письменные памятники которыхъ дошли до нашихъ временъ; и если „исторія
политическихъ идей“ должна включатьъ въ себя только идеи такихъ обществъ,
то все это можетъ быть истиннымъ; но если принимать въ соображеніе и обще-
ства болѣе архаическія, чѣмъ эти; и если включать въ число политическихъ
идей и идеи другихъ народовъ, а не однихъ только Арійцевъ и Семитовъ, то
приведенныя слова Сэра Генри Мэна не могутъ быть поддерживаемы. Выше
(§ 250 — 252) были уже приведены доказательства того, что политическая
кооперация возникаетъ изъ взаимныхъ столкновеній общественныхъ группъ,
изъ ихъ войнъ другъ съ другомъ. Хотя установленіе ея и можетъ быть облег-
чено въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ „общество (commonwealth)“ представляетъ собра-
ніе личностей, связанныхъ между собою общимъ происхожденіемъ отъ пра-
родителя начальной семьи“; однако же, въ огромномъ числѣ случаевъ, она воз-
никаетъ и тамъ, гдѣ между личностями вовсе не существуетъ связи этого рода.
Члены Австралійскаго племени, сражающіеся вмѣстѣ, подъ начальствомъ вре-
меннаго вождя, съ членами другаго племени, не связаны между собою общимъ
происхожденіемъ, но чужды другъ другу по крови. Если намъ скажутъ, что, въ
этомъ случаѣ, едва ли возможно признавать существованіе политическихъ
функцій, то мы укажемъ на страну Сѣверо-Американскихъ Криковъ, гдѣ муж-
чины носятъ различныя тотемы, указывающіе на происхожденіе отъ различныхъ
предковъ, и гдѣ, однако, двадцать тысячъ человѣкъ, живущіе въ семидесяти от-
дѣльныхъ деревняхъ, не смотря на это, создали для себя правительство значи-

тельной сложности. Или, еще лучше, возьмемъ Ирокезовъ, отдѣльные племена которыхъ составлены подобнымъ же образомъ изъ смѣси клановъ различнаго происхожденія, и которые, вслѣдствіе совместной военной дѣятельности, слились въ лигу, состоящую изъ пяти (а впоследствии—изъ шести) народцевъ и находящуюся подъ управленіемъ республиканскаго правительства. Существующая тутъ система родства приводитъ на дѣлѣ къ тому, что родственники оказываются часто въ политическомъ антагонизмѣ между собою; такъ что, по словамъ Банкрофта (о Кучинахъ), „ни одна война между племенами не можетъ обойтись здѣсь безъ того, чтобы отцамъ не приходилось сражаться противъ своихъ же собственныхъ сыновей“. Но, даже независимо отъ послѣдствій этой системы смѣшанныхъ клановъ, уже одна та нестойкость, которую характеризуются, какъ мы видѣли, первобытныя отношенія между полами, отрицаетъ допущеніе того, чтобы политическая кооперація брала повсюду свое начало изъ семейной коопераціи; хотя бы, напримѣръ, у только-что упомянутыхъ нами Криковъ, у которыхъ, по словамъ Скулькрафта, „значительная часть старыхъ и пожилыхъ мужчинъ, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ, имѣла въ жизни по многу женъ; такъ что ихъ дѣти, разбросанныя по всей странѣ, въ большинствѣ случаевъ не извѣстны своимъ отцамъ“.

Показавъ, такимъ образомъ, имѣющіяся у насъ основанія подозрѣвать, что теорія семьи Сэра Генри Мэна не приложима ко всѣмъ обществамъ, обратимся теперь къ болѣе тщательному разсмотрѣнію этой теоріи.

§ 318. Сэръ Генри Мэнъ предполагаетъ, что уже на самыхъ древнихъ ступеняхъ общественнаго развитія существовали опредѣленные супружескія отношенія. То, что онъ называетъ „дѣтствомъ общества“, или то „положеніе, въ которомъ является передъ нами человѣчество на зарѣ своей исторіи“, есть такое положеніе, при которомъ „каждый пользуется верховною властью надъ своими женами и дѣтьми; сами же главы семействъ вполне независимы другъ отъ друга и не подчиняются никому другому“. Но, въ предыдущихъ главахъ,—о „Первобытныхъ Отношеніяхъ между Полами“, о „Безпорядочномъ Половомъ Сожителствѣ“, и о „Полиандріи“,—было уже приведено нами множество фактовъ, показывающихъ, что опредѣленнымъ, прочнымъ супружескимъ отношеніямъ предшествуютъ отношенія неопредѣленные и непрочныя; а также, что, въ числѣ супружескихъ отношеній, развивающихся изъ этихъ послѣднихъ, оказываются, во многихъ мѣстностяхъ, такіе типы семьи, въ которыхъ семья состоитъ не изъ мужа съ женою и дѣтьми, но изъ жены съ мужьями и дѣтьми; причемъ эта семейная форма встрѣчается не только въ обществахъ эмбрионическаго и дѣтскаго типовъ, но также и въ обществахъ, уже значительно подви-
нувшихся впередъ.

34135340
3022010033

Далѣ, онъ предполагаетъ, что происхожденіе повсюду и всегда велось по мужской линіи. Нельзя не признать, что у тѣхъ народовъ, съ которыми имѣть дѣло Сэръ Генри Мэнъ, это было дѣйствительно такъ, съ самыхъ древнихъ временъ, о какихъ только мы имѣемъ какія-либо свѣдѣнія; слѣдуетъ также признать, что родство по мужской линіи встрѣчается также у нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ народовъ и другихъ типовъ, каковы, напримѣръ, индійскіе Куки, Белучисы, Ново-Зеландцы и Готтентоты. Но все-таки этотъ способъ вести происхожденіе отнюдь не можетъ считаться общимъ правиломъ для большинства нецивилизованныхъ расъ. Макъ-Леннанъ, указавшій на несогласіе такого предположенія съ огромною массою фактовъ, доказываетъ, что родословная по женской линіи преобладаетъ во всѣхъ частяхъ свѣта; и, если бы это оказалось нужнымъ, я могъ бы подкрѣпить его многочисленныя доказательства еще множествомъ другихъ. Эта система вовсе не ограничивается такими общественными группами, которыя, вслѣдствіе своей малой организаціи, могли бы считаться группами до-дѣтскаго періода (если бы такая классификація была позволительной), или даже группами, стоящими на одномъ уровнѣ съ патриархальными, или такъ-называемыми дѣтскими обществами, находящимися въ самомъ началѣ организаціи; но встрѣчается и у такихъ группъ, или, лучше сказать, народовъ, которые развили у себя сложное общественное устройство. Эллисъ говоритъ, что родство по женской линіи господствовало у двухъ высшихъ классовъ Таитянъ; а Эркинъ сообщаетъ то же самое о Тонганцахъ. То же самое имѣло мѣсто, по словамъ Пьедрагиты, и у древнихъ Чипчасовъ, которые достигли не незначительныхъ успѣховъ въ цивилизаціи. Точно также и у Ирокезовъ „титуты, равно какъ и собственность, были наследственными въ племени; но они нисходили по женской линіи, такъ что сынъ никогда не могъ унаслѣдовать послѣ своего отца его титула сахема и даже не могъ получить въ наследство его томагаука“; а эти Ирокезы могли считаться ушедшими очень далеко отъ состоянія общественнаго дѣтства: они управлялись представительнымъ собраніемъ, состоявшимъ изъ пятидесяти сахемовъ и обладали отдѣльной военной организаціей, отдѣльной духовной организаціей, опредѣленными законами, воздѣланными землями, состоявшими въ личномъ владѣніи, и постоянными, укрѣпленными селеніями. Точно также и въ Африкѣ, общественный санъ и имущество наследуются по женской линіи у береговыхъ Негровъ, у внутреннихъ Негровъ, у обитателей Конго и пр., причемъ въ каждомъ изъ этихъ обществъ имѣются отдѣльная промышленная система, четыре или пять градацій со стороны общественного ранга, прочно установившееся земледѣліе, значительная торговля и города съ улицами. Чтобы видѣть, къ какимъ заблужденіямъ при-

водить ограниченность наблюдений надъ обществами, стоитъ взглянуть на замѣчанія Марседена о Суматранцахъ округа Батта; онъ говоритъ: „Званіе вождя наследуется здѣсь прежде всего не сыномъ покойника, но племянникомъ его отъ его сестры; это же необыкновенное правило господствуетъ также и у Малайцевъ этой части острова, причемъ оно прилагается къ наследованію всякой вообще собственности“. Это правило, которое онъ называетъ „необыкновеннымъ“, представляетъ, на самомъ дѣлѣ, обыкновенное правило для нецивилизованныхъ или мало цивилизованныхъ народовъ.

Затѣмъ, Сэръ Генри Мэнъ допускаетъ, уже съ самаго начала, существованіе правительства, состоящаго въ патріархальной власти надъ женою, дѣтьми, рабами и всѣми вообще личностями, входящими въ составъ первобытной общественной группы. Но всякій, кто прочелъ предыдущія главы, — о „Регулятивной Системѣ“ и объ „Общественныхъ Типахъ“, — едва ли нуждается въ напоминаніи о томъ, что въ различныхъ частяхъ свѣта имѣются общественныя группы безъ вождей, или главъ; таковы, напримѣръ, Огнеземельцы, нѣкоторые Австралійцы, большинство Эскимосовъ, Арафурасы и земледѣльческіе Дайяки, живущіе по Верхнему Сараваку; затѣмъ есть такія группы, въ которыхъ главенство имѣетъ временный, случайный характеръ; таковы, напримѣръ, Тасманійцы, нѣкоторые Австралійцы, нѣкоторые Карибы и нѣкоторые Уапы; наконецъ, во многихъ другихъ группахъ власть главы крайне неопредѣленна и непрочно; таковы: Андаманезцы, Абионы, Индѣйцы племени Змѣи, Чиппеузійцы, Чинуки, Чиппеузійцы, нѣкоторые Камчадалы, Гвианскія племена, Манданы, Корродасы, Ново-Гвинейцы и Таннезійцы. Хотя нельзя не признать, что нѣкоторые изъ этихъ обществъ принадлежатъ къ числу самыхъ низшихъ, однако я не вижу достаточной причины, чтобы исключать ихъ изъ нашего представленія объ „общественномъ дѣтствѣ“. Но, даже оставляя въ сторонѣ болѣе низкія изъ этихъ обществъ, мы не имѣемъ права смотрѣть на такіе народы, каковы Дайяки Верхняго Саравака, Арафурасы и Ново-Гвинейцы, какъ на общества, стоящія, по степени своего развитія, ниже дѣтскаго состоянія цивилизаціи; а между тѣмъ эти народы ведутъ мирную жизнь, безъ всякой правительственной власти, кромѣ власти общественнаго мнѣнія и обычая. Кромѣ того, въ § 250, было уже показано, что то главенство, которое существуетъ во многихъ простыхъ общественныхъ группахъ, не имѣетъ патріархальнаго характера. Такъ, напримѣръ, то главенство, которое являлось у Тасманійцевъ во время войны, обуславливалось чисто личными достоинствами вождя. То же самое было и у Карибовъ, по словамъ Эдвардса, равно какъ и у Криковъ, по свидѣтельству Свона. Затѣмъ, для еще болѣе убѣдительнаго доказательства того, что политическая власть не всегда беретъ свое начало изъ патріархальной власти, мы

можемъ указать на Ирокезовъ, у которыхъ самая система ихъ родства отрицала возможность возникновенія патріарховъ, и которые, однако, развили у себя сложное республиканское правительство. Наконецъ, мы имѣемъ Пуэблосовъ, которые, живя хорошо организованными общинами, подъ управленіемъ избираемыхъ ими самими правителей и совѣтовъ, не обнаруживаютъ въ своемъ прошедшемъ никакихъ слѣдовъ патріархальнаго правленія.

Другая важная часть ученія сэра Генри Мэна заключается въ томъ, что въ самомъ началѣ собственность принадлежитъ не отдѣльнымъ личностямъ, а семьѣ, какъ корпоративному цѣлому. По его словамъ, существуетъ „одна особенность, которая неизмѣнно отличаетъ собою дѣйство обществъ“, и эта особенность заключается въ томъ, что „люди считаются и третируются не какъ индивиды, но всегда только, какъ члены извѣстной группы“. Древнѣйшія общества „не смотрѣли на человѣка, какъ на него самого, какъ на отдѣльнаго индивида. Его индивидуальность поглощалась сполна семьей, къ которой онъ принадлежалъ“. Это первобытное поглощеніе индивида семьей, приписываемое древнѣйшимъ обществамъ, распространяется въ нихъ даже на самого самодержавнаго правителя каждой отдѣльной группы или семьи. „Хотя патріархъ,—ибо мы не должны еще называть его *paterfamilias*,—обладалъ такими обширными правами, однако же, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ состоялъ подъ бременемъ столь же обширныхъ обязательствъ. Если онъ управлялъ семьей, то для ея же блага. Если онъ былъ господиномъ всего имущества семьи, то онъ владѣлъ имъ въ качествѣ опекуна, на пользу своихъ дѣтей и родни... въ дѣйствительности семья была настоящей корпораціей, а онъ—ея представителемъ“. Выразивъ мимоходомъ сомнѣніе въ томъ, чтобы въ первобытномъ умѣ могли существовать такіа абстрактныя идеи, какъ идеи объ опекунствѣ и представительствѣ, я спѣшу замѣтить, что эта гипотеза заключаетъ въ себѣ понятіе, которое очень трудно себѣ представить. Съ одной стороны, намъ говорятъ, что патріархъ владѣлъ имуществомъ „скорѣе въ качествѣ представителя, чѣмъ въ качествѣ собственника“; съ другой же стороны, намъ говорятъ, что онъ имѣлъ неограниченную власть надъ своими дѣтьми и рабами, простиравшуюся на право жизни и смерти; такъ что оказывается, что, владѣя безусловно подчиненными ему личностями, онъ не владѣлъ безусловно имуществомъ, находившимся въ пользованіи его и этихъ личностей: т. е., обладая гораздо большимъ правомъ, онъ не обладалъ правомъ гораздо меньшимъ. Я могу прибавить къ этому, что, помимо трудности представить себѣ такое понятіе, оно оказывается еще не легко согласимымъ съ описаніемъ сэра Генри Мэна римскаго *Patria Potestas*, которое, по его словамъ, представляетъ „намъ типъ первобытной отече-

сознательно держать въ своемъ распоряженіи извѣстное имущество на пользу зависящихъ отъ него лицъ.

Есть еще одинъ элементъ, входящій въ теорію Сэра Генри Мэна, если не прямо, то косвенно, и заключающійся въ утвержденіи, что „дѣтство общества“ характеризуется постоянною опекою надъ женщинами. Въ то время, какъ каждый потомокъ мужскаго пола способенъ „сдѣлаться самъ главою новой семьи и стать, такимъ образомъ, новымъ источникомъ родительской власти и прерогативъ“, женщина, понятно, не обладаетъ подобной способностью, а потому не можетъ имѣть никакихъ притязаній на то освобожденіе, которое она влечетъ за собою. Такимъ образомъ, одна изъ особенностей архаической юриспруденціи состоитъ въ томъ, что она удерживаетъ женщину на всю жизнь въ семейной кабалѣ. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что рабство женщинъ, вытекавшее изъ самой сущности патріархальнаго строя и естественно сопровождавшееся неспособностью владѣть собственностью, начало медленно смягчаться лишь съ постепеннымъ упадкомъ первобытной семьи, и что лишь вслѣдствіе этого упадка женщина начала мало по малу приобрѣтать право на отдѣльную личную собственность. Но если мы оставимъ прародителей нынѣшнихъ цивилизованныхъ расъ и обратимся къ существующимъ еще и теперь нецивилизованнымъ расамъ, то мы встрѣтимся съ фактами, которые заставляютъ насъ внести нѣкоторыя ограниченія въ это положеніе. Хотя, для первобытныхъ племенъ, не знающихъ никакого другаго закона, кромѣ закона грубой силы, полнѣйшая подчиненность женщинъ можетъ считаться за правило; однако и въ этомъ отношеніи имѣются исключенія; причемъ въ числѣ такихъ исключеній попадаются какъ общества, стоящія по своей организаціи ниже патріархальнаго строя, такъ и общества, стоящія выше этого строя и не представляющія въ своемъ прошедшемъ никакихъ слѣдовъ прежняго патріархальнаго состоянія. Годжсонъ рассказываетъ, что у Кокчей, управляющихся главнымъ образомъ приговорами „собранія старѣйшинъ“, „семейная собственность, послѣ смерти женщины, переходитъ въ наслѣдство ея дочерямъ“. Въ своемъ описаніи Кареновъ, — у которыхъ вожди обыкновенно избираются народомъ и пользуются малою властью, а то и вовсе не имѣются вожди, — Масонъ говоритъ, что у нихъ „отецъ завѣщаетъ свое имущество дѣтямъ... Вдовѣ не дается ничего, но она имѣетъ право пользованія этимъ имуществомъ до самой своей смерти“. Рассказывая о Хазіасахъ, лейтенантъ Стилъ говоритъ: „домъ принадлежитъ женщинѣ; такъ что, въ случаѣ смерти мужа или развода съ нимъ, онъ остается ея собственностью“. Въ своемъ описаніи Дайяковъ, — у которыхъ законы о наслѣдствѣ не основаны на правѣ первородства, и у которыхъ званіе вождя, гдѣ оно существуетъ, приобрѣтается личными достоинствами, — Сентъ-Джонъ говоритъ: такъ какъ жена несетъ

одинаковую долю труда съ своимъ мужемъ, то „при разводѣ, она имѣтъ право на половину всего имущества, приобрѣтеннаго ихъ совокупными усиліями“; а Раджа Брукъ пишетъ объ одной общинѣ земледѣльческихъ Дайяковъ: „самыми могущественными личностями этой мѣстности были двѣ старыя женщины, которыя не разъ говорили мнѣ, что вся эта земля и всѣ ея обитатели принадлежатъ имъ“. Сѣверная Америка доставляетъ намъ подобные же факты. Банкрофтъ, согласно съ Бастіаномъ, свидѣтельствуетъ объ Алеутахъ, что „богатымъ женщинамъ у нихъ разрѣшается имѣть по два мужа“, — что показываетъ, что ихъ женщины владѣютъ собственностью. У Нуткасовъ, въ случаѣ развода, наблюдается „строгій раздѣлъ собственности“, причемъ жена беретъ не только то, что она принесла съ собою, но и то, что было сдѣлано ею въ продолженіе брака; подобнымъ же образомъ, и у Спокановъ, „вся домашняя утварь считается собственностью жены“; и разрывъ брака сопровождается у нихъ правильнымъ раздѣломъ имущества. Подобныя же вещи читаемъ мы и объ Ирокезахъ, которые, какъ мы видѣли, могутъ считаться значительно подвинувшимися по пути прогресса, и у которыхъ существующая еще и понынѣ система родства по женской линіи показываетъ, что они никогда не проходили черезъ патриархальное состояніе: и у нихъ имущественныя права мужа и жены постоянно сохраняютъ свою отдѣльность; кромѣ того, про нихъ рассказываютъ, что, въ случаѣ развода, дѣти отдаются у нихъ матери. Еще болѣе поразителенъ примѣръ, доставляемый намъ Пуэблосами, этимъ мирнымъ, трудолюбивымъ племенемъ, живущимъ подъ управленіемъ свободно избираемаго правительства: у нихъ женщины, стоящія и въ другихъ отношеніяхъ въ очень хорошемъ положеніи, не только наслѣдуютъ имущество, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пользуются даже исключительными правами. Африка, гдѣ положеніе женщинъ съ большей части своихъ сторонъ очень низко, но гдѣ продолжаетъ сохраняться родство по женской линіи, также представляетъ подобные примѣры. Шабини сообщаетъ, что, въ Тимбукту, доля сына въ имуществѣ, оставшемся послѣ отца, вдвое болѣе доли дочери. Описывая обычаи народа, живущаго на Конго, выше водопада Йеллала, Тѣки говоритъ, что домашняя птица, яйца, маньокъ и плоды „составляютъ, повидимому, исключительную собственность женщинъ; мужья никогда не распоряжаются этими вещами, не посоветывавшись предварительно съ своими женами, которымъ и передаются вымѣненные на эти вещи бусы“.

Такимъ образомъ, есть много вещей, которыя прямо противорѣчатъ теоріи, исходящей изъ предположенія, что патриархальная группа представляетъ намъ „дѣтство общества“. Въ главахъ о „Первобытныхъ Отношеніяхъ между Полами“, о „Безпорядочномъ Половомъ Сожительствѣ“, и о „Поліандріи“, по-

стойно указывалось, что древнѣйшія общества были лишены домашней организации, какъ они были лишены организации политической. На мѣсто группы, состоящей подъ отеческимъ управленіемъ и представляющей заразъ и семью, и зачаточное государство, вначалѣ существовалъ просто агрегатъ самцовъ и самокъ, не обладавшій никакимъ прочно установленнымъ строемъ и не представлявшій внутри себя никакихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, которыя устанавливались путемъ насилія и измѣнялись по волѣ сильнѣйшаго.

§ 319. Дойдя до этого мѣста въ нашемъ разборѣ, мы оказываемся лицомъ къ лицу съ фактомъ, на который косвенно мы указывали уже ранѣе, — а именно съ тѣмъ фактомъ, что гипотеза Сэра Генри Мэна не беретъ въ соображеніе ни одной изъ ступеней человѣческаго прогресса, предшествовавшихъ въ исторіи пастушескому или земледѣльческому состоянію. Описываемая имъ группа, состоящая изъ патріарха, его жены, домочадцевъ, рабовъ, стадъ и табуновъ, предполагаетъ уже существованіе домашнихъ животныхъ разнаго рода. Но прежде чѣмъ было достигнуто прирученіе животныхъ, прошло много длинныхъ ступеней развитія, теряющихся въ глубинѣ доисторическихъ временъ. Чтобы понять патріархальную группу, мы должны разсмотрѣть сначала, какимъ образомъ она выросла изъ тѣхъ менѣе организованныхъ группъ, которыя ей предшествовали.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ найденъ безъ особеннаго труда, если мы спросимъ себя, какой родъ жизни должно было повлечь за собою одомашненіе травоядныхъ животныхъ. Тамъ, гдѣ пастбища отличаются богатою растительностію, или гдѣ они покрываютъ значительныя пространства страны, содержаніе стадъ и табуновъ не влечетъ за собою необходимымъ образомъ распаденія на очень мелкія группы. Въ примѣръ такого порядка вещей могутъ быть приведены Команчи, которые къ охотѣ присоединяютъ еще скотоводство; причемъ скотъ охраняется совокупными усиліями всѣхъ членовъ племени. Но тамъ, гдѣ пастбища не особенно роскошны, или гдѣ они разбросаны отдѣльными клочками, скотъ не можетъ быть содержимъ въ одномъ мѣстѣ въ слишкомъ большомъ количествѣ; а потому владѣльцы скота должны разлучиться другъ съ другомъ. Весьма естественно, что хозяева скота разобьются на такія группы, которыя смутно обозначались уже въ первоначальномъ агрегатѣ: т. е. каждый отдѣльный мужчина отойдетъ въ сторону съ тѣми женщинами, которыми онъ обладаетъ, съ тѣми животными, которыхъ ему удалось пріобрѣсть или силою, или какимъ-либо инымъ путемъ, и съ остальнымъ своимъ имуществомъ; послѣ чего образовавшіяся такимъ образомъ мелкія группы будутъ кочевать по разнымъ направленіямъ, въ поискахъ за кормомъ для своихъ овецъ и коровъ. Выше было показано, что, уже при допастушескомъ состояніи, нерѣдко быва-

ютъ такіе случаи, когда скудость дикой пищи дѣлаетъ необходимымъ распределение племени на очень мелкія группы, — что мы можемъ видѣть, напримѣръ, у Бушменовъ; ясно, что когда, вмѣсто охоты за дичью, гадами и насѣкомыми, приходится прокармливать скотъ, то на сцену явится распределение пастбищъ; и это то распределение пастбищъ, здѣсь — крупными, а тамъ — мелкими оазисами, окажется тѣмъ элементомъ, который будетъ опредѣлять собою количество скота, а слѣдовательно, и число людей, могущихъ держаться вмѣстѣ въ извѣстной мѣстности. Исторія разлученія Авраама съ Лотомъ представляетъ намъ традиціонную иллюстрацію этого явленія пастушескаго быта.

Признавъ, такимъ образомъ, естественность происхожденія кочевой семейной группы, спросимъ себя теперь, какія отличительныя черты имѣютъ въ-роятность выработаться въ такой группѣ. Мы видѣли ранѣе, что регулятивная система развивается въ обществѣ путемъ враждебныхъ столкновеній съ окружающими обществами. Понятно, что и между пастушескими ордами, ставшими отдѣльными одна отъ другой, а съ теченіемъ времени, и чуждыми другъ другу, должны возникнуть современемъ враждебныя столкновенія, какъ и между всякими другими обществами; причемъ поводами къ такимъ столкновеніямъ будутъ служить иной разъ захваты заблудившагося скота, иной разъ потравы чужихъ пастбищъ, и пр. Но замѣтимъ тутъ одно важное различіе. Въ племени архаическаго типа, та власть надъ другими, которая, подъ вліяніемъ войны, попадаетъ отъ времени до времени въ руки человѣка, превосходящаго остальныхъ своею силою, или волею, или хитростію, оказывается обыкновенно неспособною перейти въ постоянное господство (§ 250), такъ какъ другіе члены группы, въ другихъ отношеніяхъ равные съ этимъ человѣкомъ, смотрятъ на его власть съ естественною ревностью. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло въ ордѣ кочевниковъ. То стремленіе къ созданію въ каждой группѣ распоряжающагося ею главы, которое порождается войною между отдѣльными группами, находитъ здѣсь человѣка, уже заранѣе приготовленнаго для этого мѣста. Здѣсь есть уже отецъ, который съ самаго начала, по праву сильнѣйшаго, былъ постоянно вождемъ, собственникомъ, господиномъ своей жены, дѣтей и всего, что онъ водитъ и возитъ за собою при своихъ перекочевкахъ. На предшествовавшей степени общественнаго развитія, его дѣйствія сдерживались въ нѣкоторой мѣрѣ другими мужчинами племени; теперь этого нѣтъ. Прежде его сыновья могли рано стать охотниками и начать вести независимую жизнь; теперь они этого не могутъ.

Замѣтимъ и второе различіе. Разлученіе съ другими мужчинами дѣлаетъ для cadaго крайне яснымъ тотъ фактъ, что его дѣти суть не только дѣти его жены, но именно его дѣти; далѣе, такъ какъ сосѣди естественно будутъ обозначать его группу его именемъ, то, говоря о его дѣтяхъ, какъ о членахъ

УДК 316.774
БПЗ 316.774

группы его имени, они будут говорить о них, другими-словами, какъ о его дѣтяхъ. Такимъ образомъ, облегчится установленіе признаванія происхожденія по мужской линіи. Въ то же самое время, тутъ являются обстоятельства, клонящіяся къ признанію превосходства, или главенства, старшаго сына надъ остальными. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ первый становится способнымъ оказывать своему отцу дѣятельную помощь, первый достигаетъ зрѣлости и первый же имѣетъ вѣроятность жениться и народить дѣтей, то понятно, что онъ становится обыкновенно тою личностью, къ которой переходятъ власть и права отца, по мѣрѣ того, какъ тотъ старѣется и, наконецъ, умираетъ. Такимъ образомъ, въ ряду послѣдовательныхъ поколѣній, будетъ обнаруживаться все болѣе и болѣе частое и сильное стремленіе къ тому, чтобы старшій сынъ становился, послѣ смерти отца, главою разрастающейся группы, — главою, представляющимъ заразъ и семейнаго правителя, и политическаго властителя, т. е. патріарха.

Въ то же самое время, новый порядокъ благоприятствуетъ развитію производительнаго, или промышленнаго, сотрудничества. Дикари самыхъ низшихъ типовъ собираютъ корни, ягоды, раковины, насѣкомыхъ, гадовъ и разныхъ мелкихъ животныхъ по-одиночкѣ, не прибѣгая къ взаимному содѣйствію. У тѣхъ изъ нихъ, которые достигли болѣе высокаго охотничьяго состоянія и охотятся на крупныхъ животныхъ, должна существовать уже значительная комбинація совмѣстныхъ усилій, хотя комбинація эта не имѣетъ еще здѣсь правильнаго характера. Но, съ достиженіемъ того состоянія, при которомъ требуется ежедневно пасти и охранять стада и табуны и ежедневно же собирать и обрабатывать доставляемые ими продукты, является необходимость въ много-различныхъ комбинированныхъ дѣятельностяхъ, причемъ патріархальное правленіе регулируетъ эти комбинированныя дѣятельности посредствомъ распредѣленія между различными членами группы различныхъ обязанностей. Эта координація функцій и вытекающая изъ нея взаимная зависимость между частями ведутъ къ сплоченію группы въ одно органическое цѣлое. Для каждаго отдѣльнаго члена группы становится постепенно совершенно невозможнымъ вести отдѣльную, независимую жизнь, ибо ему пришлось бы лишиться при этомъ не только помощи и покровительства семьи, но также и пищи и одежды, доставляемыхъ домашними животными. Такъ что промышленный складъ пастушеской группы стремится, согласно съ ея правительственнымъ складомъ, къ порожденію плотнаго агрегата, обладающаго внутренней прочностью и отиѣченнаго извнѣ вполне опредѣленнымъ образомъ отъ всѣхъ другихъ агрегатовъ этого рода.

Дальнѣйшій прогрессъ этого процесса будетъ находить себѣ содѣйствіе въ

вымираніи менѣ развитыхъ группъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ, группы, отличающіяся большимъ повиновеніемъ своимъ вождямъ, будутъ пользоваться большимъ успѣхомъ въ битвахъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ, группы, подчинившіяся власти втеченіе болѣе долгаго времени, а потому успѣвшія разростись въ болѣе обширные агрегаты, будутъ поставлены въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ остальные. При прочихъ равныхъ условіяхъ, извѣстныя выгоды выпадутъ на долю тѣхъ группъ, въ которыхъ производительная кооперація, подъ управленіемъ патріарха, сдѣлается болѣе успѣшною. Такъ что, въ силу закона выживанія наилучше приспособленныхъ, изъ числа разныхъ пастушескихъ группъ, борящихся между собою за существованіе, будутъ имѣть наиболѣе шансовъ на сохраненіе и распространеніе тѣ группы, у которыхъ повиновеніе главѣ и взаимная зависимость между частями будутъ сильнѣе, чѣмъ у остальныхъ. Такимъ образомъ, патріархальный типъ мало по малу получитъ свою, рѣзко-отличную фізіономію. Я не хочу этимъ сказать, что развитіе патріархальнаго типа повлечетъ за собою полное исчезновеніе менѣ организованныхъ группъ, такъ какъ области, благопріятствующія только-что описанному процессу, благопріятствуютъ въ тоже время выживанію болѣе мелкихъ ордъ, ведущихъ болѣе хищническую и менѣ пастушескую жизнь. Такъ что тутъ выростутъ заразъ и болѣе обширныя группы, которыя разовьются въ пастушескія племена, и болѣе мелкія группы, которыя будутъ жить, главнымъ образомъ, грабежомъ и разбойничьими нападеніями на эти племена.

Обратимъ теперь наше вниманіе на то, какимъ образомъ, подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, складываются здѣсь извѣстные, особенные порядки по отношенію къ собственности. Индивидуализація собственности предполагаетъ имущественные раздѣлы и счета; а эти раздѣлы и счета не могутъ заходить далеко безъ извѣстныхъ приспособленій, которыхъ дикая жизнь не въ состояніи доставить. Для этого требуются мѣры времени, мѣры количества, мѣры цѣнности. Когда отъ первобытнаго приобрѣтенія вещей путемъ находки, изловленія или изготовленія мы перейдемъ къ приобрѣтенію вещей путемъ вымѣна на другія вещи или на услуги, мы увидимъ, что эти новые способы приобрѣтенія предполагаютъ приблизительное равенство въ цѣнѣ между обмѣниваемыми одна на другую вещами; а потому, при отсутствіи признанной эквивалентности, которая должна представлять здѣсь исключительный случай, будутъ существовать большія препятствія для возникновенія мѣноваго торга. Вслѣдствіе этого, у дикарей, собственность почти не распространяется за предѣлы тѣхъ вещей, которыя человѣкъ можетъ добыть для себя самъ. Подобныя же помѣхи имѣютъ мѣсто и въ пастушеской группѣ. Какимъ образомъ можетъ быть измѣрена тутъ цѣнность работы, исполняемой каждымъ на общее благо? Сегодня, пастухъ,

стерегущій рогатый скоть, может пасти его по близости отъ жилья; завтра, ему приходится гнать его дальше и возвращаться домой позже. Здѣсь, пастухъ, пасущій овецъ, можетъ держать свое стадо въ одной кучѣ, пользуясь изобиліемъ травы на пастбищѣ; на слѣдующемъ становищѣ, его овцы разбѣиваются далеко одна отъ другой въ поискахъ за скуднымъ кормомъ, и ему стоитъ большихъ хлопотъ собрать отбившихся въ сторону и заблудившихся животныхъ. Нѣтъ никакой возможности отдать себѣ отчетъ относительно труда, потраченного каждымъ изъ нихъ въ томъ или въ другомъ изъ этихъ случаевъ; и въ обществѣ не имѣется еще установленныхъ нормъ жалованья, или заработной платы, которыя помогли бы составить себѣ идею о томъ, на какую часть продукта имѣть право каждый изъ этихъ людей въ томъ или другомъ случаѣ. Трудъ дочери или рабыни, которая доить коровъ и ходить за водою, то къ колодезю, находящемуся подъ рукою, то къ отдаленному роднику, измѣняется изо дня въ день, и цѣнность его, по сравненію съ цѣнностью другихъ трудовъ, выполняемыхъ другими лицами, не можетъ быть опредѣлена. Точно то же можетъ быть сказано и по отношенію къ обработкѣ кожъ, изготовленію одежды и разборкѣ и установкѣ шатровъ. Всѣ эти разнообразныя услуги, различающіяся другъ отъ друга и по трудности исполненія, и по продолжительности, и по степени искусства, не могутъ быть оплачены ни деньгами, ни продуктами, когда не существуетъ ни денежнаго обращенія, ни рынка, на которомъ относительныя цѣны разныхъ вещей и работъ могли бы устанавливаться путемъ соперничества другъ съ другомъ. Безъ сомнѣнія, люди могутъ входить и тутъ во взаимныя сдѣлки касательно услугъ, грубо оцѣняя ихъ такимъ-то количествомъ рогатаго или мелкаго скота. Но кромѣ того, что эта форма уплаты, допускающая лишь крайне грубое опредѣленіе равноцѣнности, не можетъ быть прилагается съ удобствомъ ко всѣмъ членамъ группы, здѣсь имѣется еще тотъ фактъ, что, даже при предполагаемомъ всеобщемъ примѣненіи такой расплаты, отдѣльные члены семьи не могли бы пользоваться индивидуально приходящимися на ихъ долю частями имущества. Пасты овецъ приходится всѣхъ вмѣстѣ; ибо посылка ихъ на паству отдѣльными маленькими стадами потребовала бы особаго надсмотрщика при каждомъ такомъ крошечномъ стадѣ. Молоко, доставляемое коровами, должно быть собираемо и обрабатываемо также заразъ, во всей его массѣ: иначе каждый отдѣльный хозяинъ или хозяйка должны бы были доить свою корову или коровъ отдѣльно и обрабатывать полученное молоко также отдѣльно, что не могло бы производиться безъ большой растраты задаромъ человѣческаго труда. Такъ и во всемъ прочемъ. Поэтому, члены пастушеской группы доходятъ самымъ естественнымъ путемъ до такой системы, при которой каждый вноситъ въ общее дѣло весь свой трудъ и удовлетворяетъ

изъ продукта всѣ свои потребности, т. е., при которой всѣ члены группы живутъ, какъ одно корпоративное цѣлое. Патріархъ, — представляющій въ одно и тоже время и главу семьи, и распорядителя надъ производствомъ, и господина надъ всѣми членами группы и надъ всѣмъ ея имуществомъ, — регулируетъ трудъ своихъ подчиненныхъ и содержитъ ихъ изъ общаго запаса, являющагося результатомъ этого труда; причемъ произволъ его въ распредѣленіи этихъ благъ, какъ и вообще все его поведеніе, ограничивается только традиціоннымъ обычаемъ да опасеніемъ сопротивленія и отпаденія его подчиненныхъ, если бы онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ неуваженіи къ мнѣнію большинства.

Упоминовеніе объ отпаденіи приводитъ насъ къ разсмотрѣнію еще одной черты патріархальнаго быта. Мелкія общества, состояція въ большинствѣ случаевъ во враждѣ съ окружающими ихъ обществами, постоянно заботятся объ увеличеніи у себя числа мужчинъ, чтобы быть сильнѣе въ случаѣ войны. Отсюда является иногда умерщвленіе младенцевъ женскаго пола, въ видахъ облегченія взращенія младенцевъ мужскаго пола; отсюда же объясняется тотъ фактъ, что, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки, женщинѣ готовы простить любую безпорядочность жизни, если только она приноситъ много дѣтей; отсюда же тотъ фактъ, что безплодіе ставилось Евреями женщинѣ въ упрекъ. Это желаніе усилить себя, путемъ увеличенія числа членовъ, способныхъ принимать участіе въ битвахъ, ведетъ къ тому, что каждая группа охотно принимаетъ къ себѣ перебѣжчиковъ изъ другихъ группъ. Дезертирство имѣетъ и имѣло мѣсто повсюду и во всѣ времена, — причемъ перебѣжчики бываютъ или мятежники, или преступники, или недовольные, вынужденные покинуть свое общество. Повѣсти изъ средневѣковаго феодальнаго быта, рассказывающія намъ о рыцаряхъ и воинахъ, покидавшихъ своихъ господъ, или вслѣдствіе дурнаго обращенія съ ними, или вслѣдствіе угрожавшаго имъ наказанія, и поступавшихъ на службу къ другимъ князьямъ и дворянамъ, доставляютъ намъ отличный образчикъ того, что происходитъ еще и въ настоящее время въ различныхъ частяхъ Африки, гдѣ подданные вождя, обращающагося съ ними черезъ-чуръ сурово, сплошь да рядомъ покидаютъ его и присоединяются къ одному изъ сосѣднихъ вождей; или того, что имѣетъ мѣсто у такихъ кочевыхъ Южно-Американскихъ племенъ, каковы Корродосы, члены которыхъ присоединяются то къ одной ордѣ, то къ другой, смотря по тому, куда ихъ влекутъ ихъ побужденія. Что тоже самое имѣло мѣсто и у пастушескихъ народовъ, на это у насъ есть прямые фактическія доказательства: а именно, Палласъ рассказываетъ о Калмыкахъ и Монголахъ, что, въ случаѣ притѣсненій со стороны вождя, недовольные бѣгутъ отъ него и присоединяются къ другимъ вождямъ. Это перебѣжничество отъ одного племени

944135341

къ другому, случающееся отъ времени до времени повсюду, порождаетъ обряды включенія чужеземца въ среду новаго племени, если только санъ и достоинства перебѣжчика заслуживаютъ подобныхъ церемоній. Къ числу такихъ церемоній принадлежатъ: обмѣнъ именами, смѣшиваніе крови и другіе обряды, имѣющие цѣлю измѣнить натуру перебѣжчика и сдѣлать ее единою съ натурою тѣхъ, къ кому онъ присоединился. Спросимъ себя теперь, что произойдетъ въ этомъ случаѣ, когда данная группа, вмѣсто того, чтобы быть группою охотничьяго типа, будетъ группою патріархальнаго типа? Принятіе въ члены племени становится теперь принятіемъ въ члены семьи. Семья и племя представляютъ здѣсь два названія одной и той же вещи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у Евреевъ, семья даже называется по другому „шатерь“; а потому политическая инкорпорація есть здѣсь ничто иное, какъ семейное усвоеніе. И это принятіе въ лоно семьи, явившееся, такимъ образомъ, какъ слѣдствіе принятія въ среду племени, продолжаетъ существовать въ производныхъ обществахъ еще долгое время послѣ того, какъ его первоначальное значеніе совершенно утратилось.

Теперь обратимся къ испытанію и провѣркѣ даннаго нами истолкованія сущности и происхожденія патріархальнаго строя. Какъ ни различны по своей природѣ многочисленныя расы, ведущія пастушескую жизнь, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ, будучи поставлены въ эти особенныя условія, развили у себя этотъ общественный типъ. Что этотъ типъ господствовалъ у древнихъ Семитовъ,—объ этомъ едва-ли стоитъ и говорить; такъ какъ, въ дѣйствительности, они именно и послужили намъ, главнымъ образомъ, для уясненія наиболѣе характеристическихъ чертъ этого типа. Что Арійцы, въ кочевой періодъ ихъ жизни, обнаруживали у себя тотъ же типъ,—это видно уже изъ того отчета, который былъ данъ нами выше касательно изслѣдованій и заключеній Сэра Генри Мэна. Потомъ, мы находимъ его у Монгольскихъ племенъ Азіи; а затѣмъ, у совершенно чуждыхъ имъ по происхожденію племенъ, обитающихъ въ Южной Африкѣ. О Готтентотахъ, представляющихъ исключительно пастушескій народъ и отличающихся отъ сосѣднихъ съ ними Бечуановъ и Каффровъ именно тѣмъ, что они совсѣмъ не воздѣлываютъ земли, Кольбенъ говоритъ, что у нихъ всѣ владѣнія „переходятъ къ старшему сыну; когда же не имѣется вовсе сыновей, то къ ближайшему родственнику мужскаго пола“; и что у нихъ „старшій сынъ, послѣ смерти отца, можетъ удерживать своихъ братьевъ и сестеръ въ состояніи, очень близкомъ къ рабству“. Замѣтимъ также, что у сосѣднихъ Дамаровъ, которые тоже представляютъ народъ исключительно пастушескій, но которые, въ отличіе отъ Готтентотовъ, сохранили отчасти еще и до-нынѣ рѣдство по женской линіи, патріархальная организація, какъ семьи, такъ и

племени, мало развита, и подчинение властямъ слабо. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что у Каффровъ, которые представляютъ, главнымъ образомъ, пастушескій, но отчасти и земледѣльческій народъ, патриархальное правленіе, какъ въ лонѣ семьи, такъ и въ нѣдрахъ общества, имѣетъ ограниченный характеръ.

Было бы небезопасно утверждать, что этотъ семейный типъ не можетъ возникать ни при какихъ другихъ условіяхъ, кромѣ какъ при условіяхъ пастушескаго образа жизни. Мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы онъ не могъ возникать при прямомъ переходѣ отъ охотничьей жизни къ земледѣльческой. Но, повидимому, такой прямой переходъ сопровождается обыкновенно совсѣмъ иною группою переменъ въ общественномъ и семейномъ строѣ. Тамъ гдѣ, какъ въ Полинезій, пастушеская жизнь была невозможною, или гдѣ, какъ въ Перу и Мексико, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы она когда-либо существовала, политическіе и домашніе порядки, все еще характеризующіеся въ большей или меньшей степени первобытною системою родства по женской линіи, приобрѣли тѣмъ не менѣе нѣкоторыя, ограниченные, формы родства по мужской линіи, а также и кое-какіе порядки, сопутствующіе такой переменѣ въ системѣ родства; но это произошло здѣсь, какъ кажется, подъ давленіемъ вліяній, оказываемыхъ обыкновенно непрерывною военною дѣятельностью. Мы имѣемъ указаніе на это въ словахъ Гомары о Перуанцахъ, у которыхъ, по его свидѣтельству, „наслѣдовали не сыновья, а племянники, за исключеніемъ однихъ Инковъ“, у которыхъ наслѣдованіе имѣло мѣсто по мужской линіи. Еще лучше показываютъ это намъ нѣкоторыя Африканскія государства. У береговыхъ Негровъ, — ведущихъ обыкновенно свое родство по женской линіи и живущихъ обществами, находящимися подъ самыми разнообразными управленіями и представляющими въ большинствѣ случаевъ очень нестойкіе агрегаты, — въ нѣкоторыхъ изъ королевствъ установилось родство по мужской линіи. Также и внутренніе Негры, удерживающіе подобнымъ же образомъ, въ большинствѣ случаевъ, систему родства по женской линіи и прилагающіе ее въ одинаковой мѣрѣ, какъ въ семейной, такъ и въ государственной сферѣ, приобрѣли въ своихъ общественныхъ и домашнихъ порядкахъ нѣкоторыя черты, сродныя съ тѣми, которыя вытекаютъ обыкновенно изъ патриархальной системы. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ Конго. Далѣе, въ могущественномъ королевствѣ Дагомеяцевъ, гдѣ монархія получила прочный и абсолютный характеръ, наслѣдованіе по мужской линіи и право первородства установились вполне; у Ашантиевъ же, управляемыхъ менѣе деспотически, они установились лишь отчасти.

Впрочемъ, можетъ ли, или не можетъ патриархальный типъ семьи возникать при какихъ-либо другихъ условіяхъ жизни, кромѣ пастушескихъ, во вся-

 04105540
 0024010000

комъ случаѣ мы можемъ съ увѣренностью сказать, что пастушеская жизнь наиболѣе благопріятна для его развитія. Одно изъ слѣдствій общаго закона развитія заключается въ томъ, что всякая группа, состоящая изъ сходныхъ единицъ, подверженныхъ одновременно дѣйствію силъ, сходныхъ по своему качеству, количеству и направленію, будетъ непреодолимо стремиться къ внутренней интеграціи (Основныя Начала, §§ 163, 168); а потому очевидно, что члены кочующей семьи, удерживаемые вмѣстѣ одинаковостью интересовъ и находящіеся въ совмѣстной враждѣ съ другими такими семьями, станутъ съ теченіемъ времени болѣе интегрированными между собою, чѣмъ члены семьи, находящейся въ ассоціаціи съ другими семьями, въ нѣдрахъ первобытнаго племени, всѣ члены котораго, безъ различія семей, имѣютъ нѣкоторые совмѣстные интересы и находятся въ совмѣстной враждѣ съ чуждыми племенами. Мы видѣли, что сплоченность болѣе крупныхъ общественныхъ агрегатовъ представляетъ результатъ сотрудничества ихъ членовъ въ дѣлѣ борьбы съ сосѣдними агрегатами подобнаго же рода; точь въ точь то же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ этому мельчайшему общественному агрегату, составляемому кочевой семьею. То же самое можетъ быть сказано и о возникающихъ одновременно съ этимъ дифференціаціяхъ. Какъ правительство болѣе крупнаго общества развивается изъ враждебныхъ столкновеній съ другими обществами, такъ точно развивается и правительство этого мельчайшаго общества. Но такъ какъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, общество и семья есть одно и то же, то развитіе общественнаго регулятивнаго аппарата становится здѣсь развитіемъ семейнаго регулятивнаго аппарата. Сверхъ того, аналогія учитъ насъ, что болѣе высокая организація, придаваемая такой семейной группѣ этою дисциплиною, должна сдѣлать ее лучшимъ составнымъ элементомъ для обществъ, имѣющихъ возникнуть впоследствии изъ подобныхъ группъ, чѣмъ семейныя группы, не прошедшія черезъ эту дисциплину. Мы уже видѣли, что крупные народы возникаютъ только путемъ ряда послѣдовательныхъ агрегацій и реагрегацій; что мелкія общества должны пріобрѣсть сначала нѣкоторую внутреннюю сплоченность и извѣстную опредѣленность строенія, послѣ чего они могутъ уже вступать въ союзы между собою для составленія сложныхъ обществъ, которыя, послѣ того какъ они хорошо интегрируются, могутъ снова вступать въ составъ еще болѣе сложныхъ и обширныхъ обществъ, и такъ далѣе. А теперь оказывается, что общественное развитіе встрѣчаетъ наиболѣе благопріятныя для себя условія именно тогда, когда этотъ процессъ начинается съ самыхъ мелкихъ общественныхъ группъ, — т. е. съ семей; и дѣйствительно, мы видимъ, что такія именно группы, пріобрѣтавшія внутреннюю сплоченность и опредѣленное строеніе описаннымъ выше путемъ, а затѣмъ слагавшіяся между

собою и сливавшіяся постепенно все въ болѣе и болѣе сложные агрегаты, породили самыя высшія изъ извѣстныхъ намъ обществъ.

Это заключеніе подтверждается одною поучительною аналогіею между организмами индивидуальнымъ и общественнымъ. Въ томъ отрывкѣ, нѣсколько строкъ котораго было уже приведено мною выше, Сэръ Генри Менъ, прибѣгая къ метафорѣ, позаимствованной изъ области біологіи, говоритъ: — „могли или не могли всѣ вѣтви человѣческаго общества развиваться изъ сложныхъ семей (joint-families), выросшихъ въ каждомъ случаѣ изъ первоначальной патриархальной клѣточки, — во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать одно: повсюду, гдѣ сложная семья (joint-family) представляетъ учрежденіе Арійской расы, она всегда оказывается развившейся изъ такой клѣтки; и каждый разъ, какъ она претерпѣваетъ распаденіе, мы видимъ, что она всегда распадается сьизнова на извѣстное число такихъ клѣтокъ“. Очевидно, что въ этихъ словахъ подразумевается убѣжденіе въ томъ, что какъ клѣточка есть ближайшій составной элементъ индивидуальнаго организма, такъ точно и семья есть ближайшій составной элементъ общественнаго организма. Но, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, это положеніе, будучи вѣрнымъ вообще, оказывается не вполне вѣрнымъ; и тѣ ограниченія, которыя требуется внести въ это положеніе, могутъ привести къ чрезвычайно поучительнымъ соображеніямъ. Въ самомъ низу животнаго царства, существуютъ твореньица, не обладающія яснымъ клѣточнымъ строеніемъ и представляющія просто маленькіе кусочки живой протоплазмы, безъ ограничительныхъ перепонокъ и даже безъ ядеръ. Существуютъ также нѣкоторые типы, происшедшіе путемъ агрегаціи такихъ Protozoa; и хотя въ настоящее время утверждаютъ, что составные элементы каждой изъ такихъ сложныхъ Foraminifera обладаютъ ядрами, однако же они не представляютъ ничего подобнаго опредѣленности строенія настоящихъ, развитыхъ клѣтокъ. Но въ типахъ, стоящихъ выше этихъ, строеніе животнаго тѣла имѣетъ совсѣмъ другой характеръ: а именно, каждое безкишечное, мягкотѣлое, кольчатое или позвоночное животное начинается въ видѣ группы ясноотличимыхъ, ядродержащихъ клѣтокъ. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ заключить, что неорганизованная частичка протоплазмы, составляющая самое низшее животное, не можетъ, путемъ соединенія съ другими такими же частичками, доставить базисъ для построенія болѣе высокаго животнаго; и что самопростѣйшіе агрегаты должны достигнуть нѣкотораго опредѣленнаго развитія, прежде чѣмъ они станутъ пригодными для образованія болѣе крупныхъ агрегатовъ, способныхъ къ значительному развитію. Подобный же законъ существуетъ, повидимому, и для обществъ. Племена, у которыхъ семья имѣетъ неопредѣленный и непрочный характеръ, остаются политически неорганизованными. Нѣкоторые от-

части цивилизованные народы, отличающиеся нѣкоторою опредѣленностью и прочностью семейнаго устройства, достигли въ то же время соотвѣтственной этому высоты общественнаго устройства. Но самая высокая общественная организація была достигнута только народами, сложившимися изъ такихъ семейныхъ группъ, которыя выработали предварительно высокую степень организаціи.

§ 320. Ограничивая теперь наше вниманіе только этими наивысшими обществами, намъ придется только благодарить Сэра Генри Мэна за показаніе того пути, по которому многія изъ ихъ идей, обычаевъ, законовъ и распоряжковъ вытекли изъ идей, обычаевъ, законовъ и распоряжковъ, характеризующихъ собою патріархальную группу.

Мы знаемъ, что, во всѣхъ случаяхъ, привычки жизни, продолжавшіяся въ теченіе многихъ поколѣній, дѣйствуютъ на складъ человѣческой натуры; и что возникшія изъ этихъ привычекъ традиціонныя вѣрованія и обычаи, вмѣстѣ съ сопутствующими имъ чувствами, получаютъ такую прочность, что трудно поддаются вполнѣ измѣненіямъ. Поэтому, даже послѣ перехода отъ кочевой, пастушеской жизни къ осѣдлому, земледѣльческому состоянію, патріархальный типъ семьи, со всѣми своими отличительными особенностями, продолжаетъ крѣпко держаться въ обществѣ и накладываетъ свою печать на всѣ постепенно возникающіе тутъ общественные распорядки и структурныя дифференціаціи общественнаго организма. Или, какъ говоритъ Сэръ Генри Мэнъ: „всѣ болѣе крупныя группы, составляющія собою первобытное общество, въ которомъ существуетъ патріархальная семья, являются результатами размноженія такой семьи и оказываются, на самомъ дѣлѣ, построенными болѣе или менѣе по ея образцу“. Подраздѣленія, возникающія въ нѣдрахъ семьи, по мѣрѣ ея размноженія, приобрѣтають, въ различныхъ случаяхъ, различную степень ясности и отдѣльности. „Въ сложной, нераздѣльной семьѣ Индусовъ, односельчанъ, или родичи, извѣстные Европейскому законодательству только какъ вѣтви болѣе или менѣе далекихъ наслѣдниковъ, представляютъ настоящія подраздѣленія одной общей семьи и живутъ всѣ вмѣстѣ, въ отдѣльных частяхъ одного общаго жилища“. Подобный же порядокъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы. Вотъ что говоритъ другой писатель: „Болгаре, подобно Русскимъ крестьянамъ, придерживаются древней патріархальной системы: у нихъ отцы и женатыя сыновья, вмѣстѣ съ своими дѣтьми и внуками, живутъ подъ одною и тою же кровлею до самой смерти дѣда. По мѣрѣ того, какъ каждый сынъ вступаетъ, въ свою очередь, въ бракъ, къ прежнему строенію прибавляется новая комната; такъ что здѣсь не рѣдко можно встрѣтить отъ двадцати до тридцати человѣкъ, считая и самое молодое поколѣніе, живущихъ подъ од-

ною кровлею; причемъ всѣ они слушаются и почитаютъ главу семьи. Изъ дальнѣйшаго размноженія подобной семьи возникаетъ деревенская община, въ которой можно уже бываетъ различить отдѣльные хозяйства, а отчасти и отдѣльные участки поземельной собственности. А затѣмъ, когда является еще болѣе многочисленное населеніе, и когда различные роды оказываются смѣшанными въ одной и той же мѣстности, слагаются постепенно и такія концентрическія группы, или такія группы внутри другихъ группъ, какъ тѣ, что были извѣстны у Римлянъ подъ названіями семьи, дома и племени; причемъ узами, связывающими между собою эти группы, служить во всѣхъ случаяхъ общее происхожденіе отъ однихъ и тѣхъ же предковъ.

Сохраненіе патріархальнаго устройства, при новыхъ условіяхъ жизни, естественно влечетъ за собою и сохраненіе патріархальныхъ принциповъ въ общественной и частной жизни. Превосходство старѣйшаго мужчины надъ, остальными членами семьи продолжаетъ сохраняться, доходя иной разъ, какъ, напримеръ, въ Римскомъ законодательствѣ, до права жизни и смерти надъ женою и дѣтьми. Не менѣе долго выживаетъ и та общая идея, что оскорбленіе или вредъ, наносимый личностью, есть оскорбленіе или вредъ, наносимый тою группою, къ которой эта личность принадлежитъ, вслѣдствіе чего въ обществѣ долго еще держится обычай дѣлать отвѣтственнымъ за преступленіе, совершенное членомъ какой-либо группы, всю эту группу, а потому и налагать наказаніе на всю эту группу цѣликомъ. Затѣмъ тутъ является система агнаціи: т. е. родства исключительно по мужской линіи, и вытекающіе отсюда законы о наслѣдствѣ. Наконецъ, тутъ развивается поклоненіе предкамъ; причемъ поклоненіе извѣстному предку можетъ охватывать цѣлую группу семей, цѣлый домъ ¹⁾, или племя, и вообще тѣмъ большее число личностей или отдѣльных группъ, чѣмъ отдаленнѣе этотъ предокъ. Но всѣ эти результаты, указанные здѣсь лишь самымъ краткимъ образомъ, не касаются пока до насъ; такъ какъ ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ явленія скорѣе общественнаго, чѣмъ домашняго порядка.

Но за то насъ близко касается другая общая истина, выставляемая на видъ Сэромъ Генри Мэномъ, — а именно послѣдующая дезинтеграція семьи. „Единицею древняго общества была семья“, говоритъ онъ, „единицею новаго общества служить индивидъ“, или личность. Если мы оставимъ въ сторонѣ тѣ архаическія общества, у которыхъ, какъ мы видѣли, семья находится въ неразвитомъ состояніи, то мы найдемъ, что это обобщеніе съ избыткомъ подкрѣп-

¹⁾ Въ римскомъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ родъ, или фамилія.

ляется фактами, и что оно представляет обобщеніе глубокой важности. Припомнивъ изложенныя нами выше соображенія касательно генезиса патриархальной семьи и спросивъ себя, что должно произойти, когда причины, содѣйствовавшія своимъ совокупнымъ вліяніемъ ея образованію, будутъ удалены и замѣщены противоположными вліяніями, мы и сами поймемъ, почему произошла такая перемѣна. Въ самыхъ низшихъ группахъ, при существованіи взаимной помощи въ военномъ и охотничьемъ дѣлѣ между личностями, принадлежащими къ разнымъ родамъ, семья сохраняетъ неопредѣленный и непрочный характеръ, и индивидъ, или личность, продолжаетъ оставаться общественной единицей. Но когда несовершенно-сложившіяся семьи, съ принадлежащими имъ животными, разобьются на отдѣльныя группы; когда семья и общество превратятся, такимъ образомъ, въ два названія одной и той же вещи; когда всякое сотрудничество внутри такой общественной группы станетъ сотрудничествомъ между личностями, связанными между собою заразы и семейными, и политическими узами, — тогда семья вскорѣ получитъ опредѣленную, сплоченную и организованную форму, и ея контролирующій аппаратъ пріобрѣтетъ значительную силу, такъ какъ онъ обладаетъ теперь въ одно и то же время и родительскимъ, и политическимъ характеромъ. Эта организація, пріобрѣтаемая патриархальною группою вслѣдствіе того, что она представляетъ одновременно и семью, и общество, и постепенно усовершенствуемая ею путемъ борьбы съ другими такими же группами, сопровождаемой выживаніемъ наилучше приспособленныхъ, переносится сначала и въ охотную жизнь. Но охотная жизнь приводитъ за собою размноженіе населенія и появленіе множества такихъ группъ, расположенныхъ по сосѣдству другъ съ другомъ; причемъ, при этихъ новыхъ условіяхъ жизни, каждая группа оказывается защищенной отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ вліяній, которыя породили ея организацію, и подверженной многимъ другимъ вліяніямъ, которыя стремятся дезорганизовать ее. Хотя тутъ все еще возникаютъ ссоры между размножившимися семьями, но такъ какъ ихъ кровное родство стало теперь общепризнаннымъ убѣжденіемъ, удерживающимъ въ мысли гораздо долѣе, чѣмъ тогда, когда такія группы разбредались въ разныя стороны другъ отъ друга, поколѣніе за поколѣніемъ, то помѣхи враждебнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга будутъ тутъ больше, чѣмъ прежде. Далѣе, поклоненіе общему предку, которому они могутъ легче предаваться теперь сообща, въ опредѣленные промежутки времени, также дѣйствуетъ сдерживающимъ образомъ на ихъ взаимныя ненависти и, такимъ образомъ, удерживаетъ ихъ вѣстѣ. Затѣмъ, семья уже не приходится здѣсь подвергаться въ одиночку нападеніямъ непріятеля; напротивъ того, — извѣстное число семей подвергается одновременно вражескому нападенію и отражаетъ его.

также одновременно, что предполагает съ ихъ стороны взаимное содѣйствіе другъ другу. На послѣдующихъ ступеняхъ общественнаго развитія это взаимное содѣйствіе возрастаетъ еще болѣе; и семьи, подверженныя сообща дѣйствію одинаковыхъ вышнихъ силъ, стремятся интегрироваться въ одно цѣлое. Мы уже видѣли, что, путемъ подобнаго же процесса, такія общественныя группы, какъ племена, какъ феодальныя графства, какъ маленькія королевства, сплавиваются постепенно въ болѣе обширныя общества; и что, рядомъ съ такимъ сплавиваніемъ, вызваннымъ взаимной коопераціей, сначала въ видахъ нападенія и обороны, а потомъ и для другихъ цѣлей, является постепенное сглаживаніе существующихъ между ними раздѣленій и, наконецъ, полное сліяніе. Здѣсь мы видимъ, что подобный же процессъ имѣетъ мѣсто и между этими самыми мелкими человѣческими группами. Это общее объясненіе находится въ полной гармоніи съ тѣми спеціальными объясненіями, которыя предлагаются Сэромъ Генри Мэномъ по отношенію къ упадку римскаго учрежденія *Patria Potestas*. Онъ указываетъ, какимъ образомъ отцу и сыну пришлось выполнять свои гражданскія и военныя обязанности на равной ногѣ, что совершенно противорѣчило ихъ взаимному положенію въ нѣдрахъ семьи; какимъ образомъ послѣдующее, совершенно самостоятельное приобрѣтеніе сыномъ власти, почета, добычи и пр., подкапывало постепенно отцовскій деспотизмъ. Вслѣдствіе того, что индивидуальныя члены семьи переставали дѣйствовать вмѣстѣ, исключительно при условіяхъ своихъ неодинаковыхъ отношеній другъ къ другу, а начинали все болѣе и болѣе дѣйствовать вмѣстѣ, при условіяхъ совершенно равныхъ отношеній къ государственной власти и къ врагамъ, общественное сотрудничество и подчиненіе стали возрастать на счетъ семейнаго сотрудничества и подчиненія. Въ сложившихся современемъ крупныхъ общественныхъ агрегатахъ, къ этому результату стали вести не только военныя, но и промышленныя дѣятельности. Въ своемъ недавнемъ сочиненіи о Босніи и Герцеговинѣ, Артуръ Дж. Эвансъ, описывая разложеніе Славянскихъ домовыхъ общинъ подъ давленіемъ промышленной конкуренціи, говоритъ: „сказать правду,—побужденіе къ труду и сбереженію постоянно ослабляется здѣсь сознаніемъ того, что результаты труда должны быть раздѣлены съ другими“.

Обратимъ теперь вниманіе на изумительную параллель между этою переменною въ строеніи общественнаго организма и подобною же переменною въ строеніи индивидуальнаго организма. Мы видѣли, что ясно-опредѣленныя, ядро-содержащія клѣтки представляютъ тѣ составныя элементы, изъ которыхъ слагается, путемъ агрегаціи, основаніе всякаго высшаго организма; подобно тому, какъ хорошо-развитыя, простыя, общественныя группы суть тѣ элементы, изъ

которыхъ, путемъ соединенія ихъ между собою, развиваются въ концѣ концевъ высшія общества. Теперь я желалъ бы прибавить къ этому, что какъ, въ высшихъ организмахъ, агрегированныя клѣтки, составляющія зародышъ и удерживающія въ теченіе нѣкотораго времени свою отдѣльность, постепенно уступаютъ свое мѣсто такимъ структурнымъ аппаратамъ, въ которыхъ клѣточное строеніе крайне затемнено или даже почти вовсе утрачено; такъ точно и въ общественномъ организмѣ, простыя и сложныя семейныя группы, представлявшія первоначальные составные элементы, постепенно теряютъ свою отдѣльность и различимость, а, на ихъ мѣсто, выступаютъ общественныя органы, составленные изъ смѣси индивидовъ, принадлежащихъ къ многимъ различнымъ родамъ.

§ 321. Остается еще одинъ вопросъ большой важности и имѣющій непосредственное отношеніе къ направленію нашихъ общественныхъ стремленій, а именно, — есть ли какой-нибудь предѣлъ этой дезинтеграціи семьи?

У наиболѣе передовыхъ народовъ, этотъ процессъ распаденія болѣе крупныхъ семейныхъ агрегатовъ, — какъ-то: рода, племени, и т. п., — завершился уже давно, оставивъ неприкосновенною одну только семью, въ собственномъ смыслѣ этого слова; впрочемъ, даже семья, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не осталась здѣсь совершенно неприкосновенною, такъ какъ и ея уже коснулся отчасти процессъ дезинтеграціи. Рядомъ съ тѣми переменами, которыя, на мѣсто отвѣтственности семьи, по отношенію къ преступленіямъ, поставили личную отвѣтственность, тутъ возникли и такія переменныя, которыя, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, освободили семью отъ отвѣтственности за ея членовъ и въ другихъ отношеніяхъ. Коль скоро „законы о бѣдныхъ“ (Poor-Laws) принимаютъ общественныя мѣры въ пользу дѣтей, которыхъ ихъ родители не желаютъ или не могутъ поддерживать надлежащимъ образомъ, мы можемъ сказать, что общество принимаетъ на себя въ этихъ предѣлахъ функціи семьи; точно то же мы имѣемъ право сказать и тогда, когда мы видимъ, что общество, при помощи законодательныхъ мѣръ, беретъ на себя попеченіе о родителяхъ, неподдерживаемыхъ своими дѣтьми. Въ недавнее время, законодательство еще болѣе ослабило семейныя узы, освободивъ родителей отъ заботы о духовномъ развитіи своихъ дѣтей и поставивъ, на мѣсто образованія подъ родительскимъ надзоромъ, образованіе подъ наблюденіемъ государства; когда же мы видимъ, вдобавокъ къ этому, что приставленные къ этому дѣлу власти нашли нужнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прежде чѣмъ приняться за обученіе дѣтей, снабжать въ извѣстной мѣрѣ одеждою тѣхъ изъ нихъ, которыя слишкомъ пренебрежены съ этой стороны своими родителями, и даже считаютъ себя въ правѣ сѣчь дѣ-

тей черезъ полицейское вѣдомство за непосѣщеніе школы ¹⁾), — то мы не можемъ не сказать, что они пошли еще далѣе по пути подстановленія національной ответственности на мѣсто родительской. Такое признаваніе индивида, хотя бы даже находящагося еще въ дѣтскомъ возрастѣ, за общественную единицу, на мѣсто признаванія за такую единицу семьи, зашло въ дѣйствительности такъ далеко, что многіе считаютъ обязательность для государства родительскихъ попеченій самоочевидною истиною, и называютъ преступниковъ плодами „нашей виновной безпечности“.

Представляютъ ли эти зачинающіяся попытки дезинтеграціи семьи необходимыя ступени нормальнаго прогресса? Находимся ли мы на пути къ тому состоянію, котораго достигли нѣкоторыя коммунистическія общины въ Америкѣ и въ другихъ мѣстностяхъ? Въ этихъ общинахъ, рядомъ съ общностью имущества и рядомъ съ чѣмъ-то очень близкимъ къ общности женъ, существуетъ и общность заботъ о потомствѣ: т. е. семья совершенно дезинтегрировалась, и одни только индивиды признаются за настоящіе общественныя единицы. Мы сдѣлали уже не мало шаговъ по направленію къ такой организаціи. Слѣдуетъ ли думать, что остающіеся еще шаги по этому пути представляютъ только вопросъ времени?

На этотъ вопросъ мы можемъ найти прямой и ясный отвѣтъ въ тѣхъ біологическихъ обобщеніяхъ, изъ которыхъ мы вышли въ нашемъ изслѣдованіи. Въ главѣ II были уже приведены факты, показывающіе, что прогрессъ по направленію къ наивысшимъ животнымъ типамъ сопровождается удлинненіемъ того періода, въ теченіе котораго родители пекутся о своемъ потомствѣ; что, у человѣческой расы, попеченія родителей, во все время дѣтства, становятся особенно многообразными и продолжительными; и что, у высшихъ представителей высшихъ расъ, эти попеченія простираются до наступленія зрѣлости, включаясь здѣсь то въ доставленія многочисленныхъ пособій по отношенію къ матеріальному благосостоянію, то въ принятіи множества предосторожностей съ цѣлю выработки нравственной дисциплины, то въ употребленіи очень сложныхъ средствъ для достиженія высокой умственной культуры. Кромѣ того, мы видѣли, что, рядомъ съ удлинненіемъ и усиленіемъ заботливости родителей о дѣтяхъ, возрастала и взаимная заботливость дѣтей о родителяхъ. Даже у высшихъ типовъ, изъ числа человѣкообразныхъ животныхъ, мы не находимъ и слѣдовъ этой помощи и попеченія о родителяхъ со стороны потомства. У низшихъ человѣческихъ расъ эта черта развита также очень слабо: ибо здѣсь дряхлые отцы и матери нерѣдко убиваются своими дѣтьми, или же оставляются

¹⁾ См. Times, 28 февр. 1877.

УДК 316.77
302.5:316.77

ими на жертву голодной смерти; но, по мѣрѣ того какъ мы поднимаемся къ высшимъ, цивилизованнымъ расамъ, эта черта постепенно вырисовывается все сильнѣе и сильнѣе. Неужели же, съ прогрессомъ дальнѣйшаго развитія, мы должны повернуть все это въ обратную сторону? Неужели же родительскія и сыновнія узы, становившіяся, съ каждой новой ступенью органическаго развитія, все тѣснѣе, крѣпче и сильнѣе, окажутся вдругъ недостаточно надежными, и намъ придется вѣрнуться на мѣсто ихъ общественнымъ узамъ? Неужели же тѣ сильныя чувства, которыя сдѣлали выполненіе родительскихъ обязанностей источникомъ высокаго наслажденія, должны считаться теперь не имѣющими никакой цѣны; а на мѣсто ихъ должно быть поставлено чувство общественнаго долга по отношенію ко всѣмъ вообще дѣтямъ, которое и слѣдуетъ развивать въ каждомъ мужчинѣ и женщинѣ, какъ чувство болѣе прекрасное и болѣе дѣйствительное, чѣмъ родительскіе инстинкты и симпатіи? Возможно, что отецъ Нойесъ и его ученики отвѣтятъ „да“ на каждый изъ этихъ вопросовъ; но весьма вѣроятно, что лишь очень немногіе другіе присоединятся къ этому „да“, — даже изъ числа тѣхъ, которые, ради послѣдовательности, были бы обязаны присоединиться къ этому отвѣту.

Я не только не ожидаю, чтобы дезинтеграція семьи могла пойти еще дальше; но, напротивъ того, имѣю данныя подозрѣвать, что она уже зашла слишкомъ далеко. По всей вѣроятности, ритмъ общественныхъ перемѣнъ, въ силу обыкновеннаго закона всякихъ ритмовъ, перенесъ насъ отъ одной крайней точки длиннаго пути къ другой его крайней точкѣ; такъ что мы должны ожидать теперь движенія по обратному направленію. Я могу указать по этому поводу на одну поучительную параллель. На древнѣйшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, единственной формально признававшейся связью между родителями и дѣтьми было родство матери съ ребенкомъ; послѣ того, путемъ медленнаго прогресса, было достигнуто ученіе о родствѣ исключительно по мужской линіи, причемъ родство матери съ ребенкомъ совершенно игнорировалось; наконецъ, еще позднѣе, послѣ новаго долгаго періода развитія, установилось родство ребенка съ обоими родителями. Подобнымъ же образомъ, отправившись отъ такого общественнаго состоянія, при которомъ признавались одни только семейныя группы, индивиды же игнорировались, мы движемся теперь къ противоположному состоянію, при которомъ игнорированіе семьи и признаваніе индивида доходятъ до такой крайности, что общественными единицами признаются не только зрѣлые, но также и незрѣлые индивиды; руководствуясь вышеприведенной аналогіей, мы должны ожидать теперь отступленія отъ этой новой крайности къ такому среднему, или промежуточному состоянію, при которомъ сложная семейная группа окажется окончательно утраченной; но собственно-семейная

группа, т. е. семья въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, состоящая изъ родителей и дѣтей, возстановится съизнова и даже претерпитъ дальнѣйшую интеграцію.

§ 322. Здѣсь мы наталкиваемся на истину, надъ которой не мѣшало бы хорошенько подумать нашимъ политикамъ и филантропамъ. Спасеніе всякаго общества, какъ и всякаго животнаго вида, зависитъ отъ поддержанія абсолютной противоположности между принципами семейной жизни и принципами государственной жизни.

Для того чтобы выжить, каждый видъ животнаго царства долженъ удовлетворить двумъ противоположнымъ требованіямъ. Въ продолженіе извѣстнаго періода, полученіе всяческихъ выгодъ каждымъ изъ его членовъ должно быть прямо пропорціонально его неспособности. Послѣ этого періода, выгоды, получаемыя каждымъ членомъ, должны быть пропорціональны его способностямъ. Взгляните на птицу, вскармливающую свой выводокъ, или на млекопитающее, выращивающее свой пометъ, и вы увидите, что несовершенство и неспособность вознаграждаются, и что, съ возрастаніемъ способности, родительская помощь со стороны доставленія пищи и теплоты становится меньше. Очевидно, что этотъ законъ, требующій, чтобы наименѣе достойный получалъ всѣхъ больше, есть существенный законъ для незрѣлаго состоянія: видъ долженъ бы былъ исчезнуть въ теченіе одного поколѣнія, если бы родители не сообразовались съ этимъ закономъ. И наоборотъ, замѣтимъ теперь—въ чемъ состоитъ законъ для зрѣлаго состоянія. Здѣсь, каждый индивидъ вознаграждается пропорціонально своимъ заслугамъ. Сильный, быстрый, дальнзоркій, смысленный извлекаютъ каждый извѣстныя выгоды изъ своего превосходства, какъ по отношенію къ изловленію добычи, такъ и по отношенію къ спасенію отъ враговъ. Менѣе способные преуспѣваютъ менѣе и, въ среднемъ выводѣ, возвращаютъ меньшее число потомковъ. Наименѣе способные исчезаютъ, по неумѣнію добывать себѣ пропитаніе и ускользать отъ враговъ. Съ помощью этого-то процесса только и поддерживается то среднее качество вида, которое дѣлаетъ его способнымъ выживать въ борьбѣ за существованіе съ другими видами. Такимъ образомъ, принципъ, управляющій зрѣлою жизнью, представляетъ совершенно обратную сторону того принципа, который управляетъ жизнью въ ея незрѣломъ состояніи.

Мы уже видѣли, что общество стоитъ къ своимъ гражданамъ въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ видъ стоитъ къ своимъ членамъ (§ 277); а потому только что разсмотрѣнная нами истина прилагается въ одинаковой мѣрѣ какъ къ одному, такъ и къ другому. Законъ, управляющій человѣческой жизнью, въ неразвитомъ ея состояніи, также гласитъ, что наибольшая сумма помощи должна быть оказываема тамъ, гдѣ имѣется наименѣе достоинствъ и

041935940
00240190330

заслугъ. Безпомощный, бесполезный младенецъ, чрезвычайно требовательный по отношенію къ своимъ нуждамъ, долженъ постоянно получать все ему нужное: каждый часъ родителямъ приходится то кормить, то согрѣвать, то забавлять его, то упражнять его силы. Во время дѣтства и отрочества, когда способность ребенка къ самосохраненію увеличивается, его требованія и оказываемыя ему попеченія становятся менѣе непрерывными, но все-таки они должны быть еще очень велики. И только съ приближеніемъ къ зрѣлости, когда молодое существо получаетъ до нѣкоторой степени свою цѣну въ обществѣ и можетъ дѣйствовать для себя съ извѣстною успѣшностію, этотъ образъ дѣйствій по отношенію къ нему значительно измѣняется. Когда же молодой человѣкъ вступитъ, наконецъ, въ битву жизни, съ нимъ немедленно начинаютъ обращаться по совершенно противоположной системѣ. Общій принципъ, прилагаемый теперь къ нему, гласитъ, что получаемыя имъ выгоды должны быть пропорціональны его заслугамъ. Хотя родительская помощь не прекращается внезапно и можетъ еще, въ теченіе нѣкотораго времени, смягчать послѣдствія этого общественнаго закона, однако же это смягченіе доходитъ лишь до извѣстной степени; внѣ же родительской поддержки, законъ этотъ парализуется лишь въ самой слабой степени великодушіемъ отдѣльныхъ личностей. Наконецъ, съ достиженіемъ средняго возраста жизни и съ совершеннымъ прекращеніемъ родительской помощи, напряженность борьбы становится еще большею и соотвѣтствіе получаемой платы съ оказываемой услугою еще болѣе строгимъ. Ясно, что для общества, какъ и для животнаго вида, выживаніе зависитъ отъ правильнаго соотношенія съ этими двумя противоположными принципами. Внесите въ семью законъ, имѣющій силу только въ обществѣ: заставьте дѣтей, съ младенческаго возраста, получать все необходимое для жизни въ строгой пропорціи съ тѣмъ трудомъ и искусствомъ, которые потрачены ими на пріобрѣтеніе всего этого, — и общество исчезнетъ путемъ вымиранія всѣхъ его молодыхъ членовъ. Внесите въ общество законъ, приложимый только въ семьѣ: пусть полученіе средствъ для жизни будетъ обратно пропорціонально затрачиваемому съ этой цѣлью труду, — и общество придетъ въ упадокъ, вслѣдствіе умноженія въ немъ наименѣе достойныхъ членовъ и исчезновенія наиболѣе достойныхъ: оно не будетъ въ состояніи удержать своего мѣста въ борьбѣ съ другими обществами, предоставляющими свободное дѣйствіе естественному закону, гласящему, что благосостояніе должно измѣняться прямо пропорціонально успѣшности затраченныхъ на его пріобрѣтеніе усилій.

Отсюда вытекаетъ необходимость постоянно имѣть въ виду это основное различіе между этикой семьи и этикой государства. Отсюда же объясняются тѣ роковые результаты, которые должны возникнуть, какъ только дезинтеграція

семьи дойдетъ до такой степени, что семейный образъ дѣйствій и государствен-
ный начнутъ смѣшиваться другъ съ другомъ. Неограниченное великодушіе
должно оставаться принципомъ семьи въ теченіе всего того времени, пока
ребенокъ проходитъ черезъ первыя ступени своего развитія; и великодушіе,
все болѣе и болѣе ограничиваемое справедливостію, должно быть ея прин-
ципомъ въ теченіе всего того періода, въ продолженіе котораго молодое су-
щество все болѣе и болѣе приближается къ состоянію зрѣлости. И, наобо-
ротъ, принципомъ общества всегда должны быть: справедливость, ограни-
ченная великодушіемъ, въ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ гражданъ, причемъ
степень этого ограниченія будетъ завистъ отъ силы великодушныхъ побужде-
ній въ той или другой отдѣльной личности, и совершенно неограниченная спра-
ведливость въ корпоративныхъ дѣйствіяхъ общества по отношенію къ своимъ
членамъ. Какъ ни хорошо приспособлена для битвы за жизнь между взрослыми
такая пропорціональность вознагражденія съ заслугой, она все-таки можетъ
умѣряться и смягчаться частною симпатіей въ пользу низшаго; но ничего кромѣ
зла не можетъ произойти въ томъ случаѣ, когда эта строгая пропорціональ-
ность будетъ парализоваться общественными мѣропріятіями, стремящимися
облагодѣтельствовать недостойныхъ на счетъ достойныхъ.

§ 323. Постараемся теперь свести вмѣстѣ тѣ, хотя и разнородныя, но
тѣмъ не менѣе тѣсно связанныя между собою, заключенія, къ которымъ мы
были приведены при нашемъ обзорѣ семьи.

Мы нашли хорошія фактическія доказательства въ пользу существованія
связи между полигаміей и военнымъ общественнымъ типомъ, съ одной стороны,
и моногаміей и промышленнымъ типомъ, съ другой. Это отношеніе между ми-
литаризмомъ и полигаміей порождается отчасти похищеніемъ женщинъ на войнѣ,
а отчасти другимъ послѣдствіемъ постоянныхъ войнъ, а именно — усиленною
смертностью мужчинъ и вытекающимъ отсюда избыткомъ женщинъ. У обществъ,
подвинувшихся настолько впередъ, чтобы обладать уже нѣкоторой промышлен-
ной организаціей, военные классы продолжаютъ оставаться многоженцами;
но промышленные классы становятся въ большинствѣ одноженцами; при этомъ
было замѣчено, что весьма обыкновенная черта для всякаго деспотическаго
правителя, сложившаяся вслѣдствіе почти постоянной военной дѣятельности,
состоитъ въ обладаніи многочисленными женами. Далѣе, мы нашли, что это
отношеніе можетъ быть прослѣжено даже и въ Европейской исторіи, хотя здѣсь
оно и не очевидно съ перваго взгляда. И, наоборотъ, мы видѣли, что съ воз-
растаніемъ промышленнаго образа жизни и съ вытекающимъ отсюда постепен-
нымъ приближеніемъ къ численному равенству между полами, моногамія стано-
вится все болѣе и болѣе общераспространенною, ибо полигамія дѣлается неосу-

ществимою здѣсь въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ. Мы видѣли также, что между принудительнымъ сотрудничествомъ, представляющимъ организующій принципъ военного общественнаго типа, и принудительнымъ сотрудничествомъ, характеризующимъ полигамическую семью, существуетъ взаимная гармонія; между тѣмъ, какъ промышленный общественный типъ, организованный на принципѣ добровольнаго сотрудничества, гармонируетъ, съ своей стороны, съ моногамическимъ семейнымъ союзомъ, существенное условіе котораго заключается въ добровольномъ домашнемъ сотрудничествѣ. Наконецъ, существованіе этихъ отношеній было ясно показано тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что, въ различныхъ частяхъ свѣта и между различными расами, имѣются первобытныя общества, стоящія въ другихъ отношеніяхъ очень низко, но имѣющія для насъ тотъ интересъ, что, представляя собою исключенія изъ всѣхъ остальныхъ со стороны своего миролюбія и преданности промышленности, они представляютъ въ то же самое время такое же исключеніе и со стороны своей преданности моногаміи.

Перейдя къ разсмотрѣнію семьи, съ ея общественныхъ сторонъ, мы изслѣдовали нѣкоторыя изъ ходячихъ теорій по этой части. Эти теоріи предполагаютъ, будто бы, уже въ самомъ началѣ, существовали опредѣленные, прочныя супружескія отношенія, — чего, какъ мы видѣли, не было на самомъ дѣлѣ; будто бы веденіе родословной по мужской линіи существовало опять-таки съ самаго начала, — что опровергается фактами; и будто-бы, въ самыхъ древнѣйшихъ человѣческихъ группахъ, имѣлось уже опредѣленное подчиненіе общему главѣ, — положеніе, не выдерживающее фактической провѣрки. Далѣе, въ этихъ теоріяхъ скрывалось допущеніе того, что, уже съ самаго начала, существовало врожденное чувство сыновняго послушанія, послужившее корнемъ патріархальной власти; и что, первоначально, семейная связь была единственною причиною для группировки людей въ одно политическое цѣлое; но, какъ мы видѣли, оба эти положенія находятся въ противорѣчій съ показаніями, имѣющимися у насъ по отношенію къ нецивилизованнымъ расамъ. Признавъ тотъ фактъ, что, для полнаго уразумѣнія высшихъ формъ семьи, мы должны прослѣдить ихъ отъ тѣхъ самыхъ низшихъ ея формъ, которыя сопутствуютъ самому низшему общественному состоянію, мы разсмотрѣли постепенно — какимъ образомъ, въ отдѣльных, мелкихъ группахъ, состоящихъ изъ старыхъ и молодыхъ личностей, связанныхъ между собою узами нѣкотораго родства, которыя только и удерживали ихъ вмѣстѣ, развивалось, подъ вліяніемъ условій пастушеской жизни, установленіе родства по мужской линіи, возрастаніе сплоченности, подчиненности, оборонительнаго и промышленнаго сотрудничества; и какимъ образомъ пріобрѣтеніе опредѣленнаго и прочнаго склада, или организациі, стало

тутъ сравнительно легкимъ, вслѣдствіе того, что домашнее и общественное правительства оказались здѣсь тождественными одно съ другимъ; такъ что вліянія, благопріятствовавшія развитію одного изъ нихъ, содѣйствовали развитію и другого, вмѣсто того чтобы оказывать ему враждебное противодѣйствіе. Отсюда намъ объяснился генезисъ простаго общества, болѣе развитаго, чѣмъ всѣ предшествовавшія ему простыя общества, а потому лучше приспособленнаго для послѣдующаго составленія болѣе высокихъ обществъ.

Зарождаясь, такимъ образомъ, вполне естественнымъ путемъ, подъ вліяніемъ специальныхъ условий, патриархальная группа, со свойственными ей идеями, чувствами, обычаями и порядками, подраздѣляясь въ теченіе послѣдовательныхъ поколѣній на подгруппы, продолжающія держаться вмѣстѣ, въ видѣ болѣе крупныхъ или болѣе мелкихъ агрегатовъ, смотря по тому, чему благопріятствуютъ болѣе условия окружающей среды, переносятъ современемъ съ собою свою собственную организацію и въ осядлое состояніе; причемъ та успѣшная координація, которая выработалась ранѣе внутри такой группы, благопріятствуетъ успѣшной координаціи и въ нѣдрахъ тѣхъ болѣе крупныхъ обществъ, которыя слагаются потомъ изъ такихъ группъ путемъ агрегаціи ихъ другъ съ другомъ. Хотя отчасти-цивилизованныя королевства, существующія въ Африкѣ, а также и вымершія Американскія царства показываютъ намъ, что первобытныя группы менѣе развитаго склада и съ совершенно другимъ типомъ семьи также могутъ служить для построенія сложныхъ обществъ значительнаго размѣра и большой внутренней сложности; тѣмъ не менѣе индукція доказываетъ, что патриархальная группа есть та именно группа, изъ которой возникаютъ самыя обширныя и наиболѣе передовыя общества.

Въ обществахъ, составлявшихся путемъ размноженія патриархальныхъ группъ, такая группа долго сохраняетъ свою индивидуальность, удерживая свой принципъ первородства, т. е. преимущественныхъ правъ старѣйшаго члена мужскаго пола, свою систему наслѣдства, свои законы о собственности, свое совмѣстное поклоненіе общему предку, свою кровную вражду и свою полную подчиненность женщинъ и дѣтей. Но, даже въ такихъ обществахъ, какъ и въ обществахъ, составившихся иначе, комбинированная общественная дѣятельность, медленно, но неуклонно, ведетъ къ взаимному сліянію отдѣльныхъ группъ; такъ что подъ-конецъ, какъ это показано Сэромъ Генри Мэнномъ, общества, имѣвшія своею общественною единицею семью, переходятъ въ общества, при знающія своею общественною единицею индивидъ, или личность.

Эта дезинтеграція, разлагающая сначала сложныя семейныя группы на болѣе простыя, начинаетъ дѣйствовать подъ-конецъ и на самопростѣйшія семейныя группы: даже члены собственно такъ называемой семьи пріобрѣтаютъ

041935940
012 00000000000

постепенно все большее и большее количество индивидуальных правъ и индивидуальной ответственности. У насъ, эта волна переменъ, сообразуясь съ общимъ закономъ ритма, успѣла уже разрушить въ нѣкоторой степени отношенія домашней (семейной) жизни и подставить, на мѣсто ихъ, отношенія общественной жизни. Государство у насъ не только признало индивидуальныя права и индивидуальную отвѣтственность молодыхъ, взрослыхъ членовъ каждой семьи, но еще и узурпировало до значительной степени родительскія функціи по отношенію къ дѣтямъ; и, признавъ ихъ притязанія на его попеченія, дозволяетъ себѣ, въ силу этого, употреблять по отношенію къ нимъ свою принудительную власть.

Но, оглядываясь назадъ, на общіе законы жизни, и замѣчая также существенную противоположность между принципами семейной жизни и принципами общественной жизни, мы приходимъ къ заключенію, что такая степень дезинтеграціи семьи представляетъ чрезмѣрную крайность, и что, поэтому, за ней должна послѣдовать вскорѣ новая интеграція ея до извѣстныхъ предѣловъ.

ГЛАВА X.

Положеніе женщинъ.

§ 324. Быть можетъ, ни въ одномъ случаѣ, нравственный прогрессъ чело-
вѣчества не обнаруживается съ большею ясностью, чѣмъ при сравненіи поло-
женія женщинъ у дикарей съ ихъ положеніемъ у наиболѣе передовыхъ изъ
цивилизованныхъ народовъ. На одной оконечности этой лѣстницы, жестокость
обращенія съ женщинами доходить до самой крайней степени, какая только
можетъ быть вынесена; на другой же ея оконечности, обращеніе съ женщинами
предоставляетъ имъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже преимущества надъ
мужчинами.

Единственный предѣлъ тому грубому обращенію, которому подвергаются
женщины со стороны мужчинъ у самыхъ низшихъ расъ, заключается въ не-
способности жить и размножаться при еще болѣе грубомъ обращеніи. Въ са-
момъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что побои, недостаточное питаніе и обремененіе
чрезмѣрною работою могутъ быть доведены до такого предѣла, при которомъ
они, если и не поведутъ къ непосредственной гибели женщинъ, то сдѣлаютъ
ихъ неспособными къ взращенію достаточнаго числа дѣтей для поддержанія
населенія, слѣдствіемъ чего будетъ исчезновеніе общества. Другими словами,
чрезмѣрная грубость обращенія съ женщинами въ какомъ либо племени умень-
шаетъ въ этомъ племени, какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ путемъ, способ-
ность удерживать свое мѣсто въ борьбѣ съ другими племенами; такъ какъ по-
добное обращеніе не только увеличиваетъ въ значительной мѣрѣ смертность
дѣтей, но и влечетъ еще за собой недостаточное питаніе, а слѣдовательно, и
несовершенное развитіе, даже тѣхъ дѣтей, которымъ удастся выжить при этихъ
условіяхъ. Но если обращеніе съ женщинами у дикарей и не доходитъ до этой
послѣдней крайности, то, во всякомъ случаѣ, подходитъ къ ней очень близко;
ибо, за исключеніемъ этого естественнаго предѣла, здѣсь не существуетъ ни-

какого другого элемента, который бы сдерживалъ тираннію сильнѣйшаго пола надъ слабѣйшимъ. Видя, какъ дикарь похищаетъ женщину другого племени, причѣмъ, чтобы устранить возможность сопротивленія, онъ не рѣдко оглушаетъ ее предварительно тяжелымъ ударомъ; какъ онъ не только колотитъ ее, но и колетъ своимъ копьѣмъ въ руки и ноги всякій разъ, какъ она не угодитъ ему; какъ онъ заставляетъ ее выполнять всѣ домашнія работы и таскать на себѣ пожитки, не смотря на то, что ей приходится еще при этомъ пешичь о дѣтяхъ и таскать ихъ тоже на себѣ; какъ онъ вынуждаетъ ее питаться только тѣмъ, что останется послѣ того, какъ мужчины уже насытятся и покончатъ съ трапезою,—мы не можемъ не согласиться, что страданія женщины доводятся здѣсь до послѣдняго предѣла, при которомъ еще возможно выживаніе ея и ребенка.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что такое обращеніе, путемъ своихъ дѣйствій и воздѣйствій, дѣлаетъ эти отношенія между полами трудноподающимися послѣдующимъ измѣненіямъ къ лучшему; ибо хроническое дурное обращеніе съ женщинами производитъ ухудшеніе ихъ физической природы, по сравненію съ мужскою; и это физическое ухудшеніе стремится, въ свою очередь, къ устраненію тѣхъ чувствъ, которыя могли бы сдерживать дурное обращеніе съ ними. У низшихъ расъ, женщины обыкновенно еще болѣе непривлекательны по своей наружности, чѣмъ мужчины. О Путтуагахъ, у которыхъ мужчины очень малы ростомъ, а женщины еще меньше, говорятъ: „мужчины здѣсь далеко не красивы; но пальма безобразія должна быть присуждена женщинамъ. Эти послѣднія сильно обременены работою и, повидимому, плохо кормятся“. Подобнымъ же образомъ, Гуцлафъ говоритъ объ обитателяхъ Кореи: „женщины здѣсь очень безобразны, тогда какъ мужчины принадлежатъ къ числу наилучше сложенныхъ во всей Азіи..... они обращаются съ женщинами какъ съ вьючнымъ скотомъ; для развода съ женою достаточно самаго пустаго предлога“. Подобный же контрастъ мы находимъ обыкновенно и въ другихъ случаяхъ, причѣмъ въ объясненіе его можетъ быть указана обыкновенно подобная же причина. Для большей полноты доказательства, мы можемъ указать на случаи обратнаго порядка, доставляемые намъ нѣкоторыми изъ нецивилизованныхъ народовъ, какъ, напримѣръ, Калмыками и Киргизами, у которыхъ женщины, будучи подвержены менѣе суровому обращенію, обладаютъ и болѣе пріятной наружностью.

Впрочемъ, мы не должны заключать изъ этого,—какимъ бы вѣроятнымъ ни казалось намъ на первый взглядъ такое заключеніе,—будто бы это низкое положеніе женщинъ у наиболѣе грубыхъ народовъ вызывается черствомъ себялюбіемъ, отличающимъ только мужчинъ и не существующимъ въ точно такой

же мѣръ у женщинъ. Когда мы слышимъ, что у тѣхъ племенъ, у которыхъ имѣется обычай подвергать плѣнниковъ мучительной пыткѣ, женщины превосходятъ по своей свирѣпости самихъ мужчинъ; когда мы читаемъ о жестокостяхъ, совершенныхъ двумя Дайякскими женщинами-вождями, описанными раджею Брукомъ; когда мы узнаемъ изъ разсказа Винвуда Рида объ ужасныхъ дѣлахъ одной Африканской королевы, — то мы не можемъ не убѣдиться изъ этого, что не недостатокъ воли, а лишь недостатокъ силы и возможности мѣшаетъ первобытнымъ женщинамъ обнаружить столь же грубую и свирѣпую природу, какъ и природа первобытныхъ мужчинъ. Дикость, свойственная здѣсь обоимъ поламъ, необходимо приводитъ къ тѣмъ результатамъ, которые мы находимъ при этихъ условіяхъ. Взглянемъ же теперь поближе на эти результаты.

§ 325. Обратимъ прежде всего наше вниманіе на нѣкоторыя, встрѣчающіяся тутъ, аномаліи. Даже у наиболее низко-стоящихъ дикарей, обращеніе которыхъ съ своими женщинами принадлежитъ къ числу самыхъ худшихъ, господство женщины надъ остальными своими соплеменниками не представляетъ совершенно неизвѣстнаго факта. Сноу, описывая Огнеземельцевъ, говоритъ, что, въ одномъ изъ посѣщенныхъ имъ племенъ, „власть находилась въ рукахъ одной изъ самыхъ старыхъ женщинъ этого племени“; а Митчелль говоритъ объ Австралійцахъ, что у нихъ старики и даже старухи пользуются значительною властью надъ остальными своими соплеменниками. Затѣмъ мы имѣемъ тутъ тотъ фактъ, что правители-женщины встрѣчаются у многихъ, очень различныхъ народовъ, держащихъ своихъ женщинъ въ очень низкомъ положеніи, такъ напримѣръ: у племени Батта, на Суматрѣ, у обитателей Мадагаскара и въ упомянутомъ уже нами выше Африканскомъ королевствѣ. Весьма возможно, что эта аномалія представляетъ результатъ системы родства по женской линіи. Ибо, хотя, при этой системѣ, имущество и власть переходятъ обыкновенно къ сыновьямъ сестры; однако же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда имѣется только одна сестра, и когда у этой сестры нѣтъ дѣтей-мальчиковъ, власть и имущество могутъ переходить иной разъ и къ ея дочери. Написавъ эти строки, я заглянулъ въ свои матерьялы и нашелъ тамъ слѣдующій знаменательный фактъ: Описывая Гайдаховъ Тихо-Океанскихъ Штатовъ, Банкрофтъ говоритъ: „почти у всѣхъ у нихъ, общественный санъ номинально наследственъ, по большей части — по женской линіи.... Женщины часто обладаютъ здѣсь званіемъ и правами главы племени“.

Но, оставляя въ сторонѣ эти исключительные факты и принимая въ соображеніе только средній выводъ, т. е. положеніе женщины у дикарей въ большинствѣ случаевъ, мы найдемъ, что это положеніе какъ разъ таково, какое должно было явиться результатомъ большей силы мужчинъ, на тѣхъ ступе-

ныхъ развитіи, на которыхъ раса не успѣла еще пріобрѣсти болѣе высокіхъ чувствъ. Многочисленные примѣры, уже приведенные нами выше, показываютъ, что, вначалѣ, мужчины смотрѣли на женщинъ просто какъ на имущество, и продолжали смотрѣть на нихъ такимъ образомъ въ продолженіе еще многихъ позднѣйшихъ ступеней развитія; они цѣнили ихъ просто какъ домашній скотъ. Одинъ изъ вождей Чиппеуэяйновъ говорилъ Гирну: „женщины сдѣланы для труда: каждая изъ нихъ можетъ нести или волочь столько, сколько двое мужчинъ. Онѣ также разбиваютъ наши шатры, изготовляютъ и чинятъ нашу одежду, заботятся, чтобы намъ было тепло ночью; короче сказать, ни одно сколько нибудь отдаленное путешествіе въ нашей странѣ невозможно безъ помощи женщинъ“. И это представленіе о роли женщинъ свойственно не однимъ только такимъ народамъ, которые стоятъ на одномъ уровнѣ съ этими Чиппеуэяйнами, но также и народамъ, значительно подвинувшимся впередъ по сравненію съ ними. Мы можемъ повторить здѣсь уже приведенную нами однажды цитату изъ Барроу: „женщина есть воля своего мужа,—какъ сказалъ мнѣ однажды одинъ Каффри; она куплена,—продолжалъ онъ доказывать,—слѣдовательно, она должна работать“. Подобный же смыслъ имѣетъ и показаніе Шутера, по словамъ котораго Каффри, убившій свою жену, „можетъ оправдаться, сказавъ въ свою защиту: «я купилъ ее разъ навсегда»“.

Изъ подобной защиты мы можемъ усмотрѣть, что добываніе женъ путемъ похищенія или покупки поддерживаетъ это отношеніе между полами. Женщина побѣжденнаго племени, не убитая послѣ его пораженія, но приведенная домой живою, весьма естественно считается безусловною собственностью взявшаго ее чловѣка; подобнымъ же образомъ смотритъ чловѣкъ и на ту женщину, за которую онъ заплатилъ извѣстную цѣну. Разсуждая о положеніи женщинъ у Чипчасовъ, Симонъ пишетъ:—„я думаю, что тотъ фактъ, что Индѣйцы такъ худо обходятся съ своими женами, обращаясь съ ними какъ съ рабами, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что они покупаютъ ихъ“. Впрочемъ, для полного выраженія истины, слѣдовало бы скорѣе сказать, что начальная причина этого факта заключается въ томъ состояніи нравственности и общественности, которое лежитъ въ основаніи торговли женщинами; ибо мы видимъ, что желанія и благополучіе дочери столь же мало принимаются въ соображеніе ея отцемъ, который ее продаетъ, какъ и ея будущимъ мужемъ, который ее покупаетъ. Описывая продажу отцемъ своей дочери у Мандановъ, Кэтлинъ говоритъ, что эта продажа „ведется имъ какъ настоящая торговая сдѣлка, причѣмъ онъ держится за самую высшую цѣну, какую онъ только можетъ назначить за нее“. О древнихъ Юкатанцахъ мы читаемъ: „если жена оставалась бездѣтною, мужъ могъ продать ее, если только ея отецъ не изъявлялъ согласія возвратить ему

обратно полученную за нее цѣну". Въ Восточной Африкѣ, „отецъ дѣвушки требуетъ за нее столько коровъ, одежды и браслетовъ изъ мѣдной проволоки, сколько соглашается дать ухаживатель.... Мужъ можетъ продать свою жену; или, если она будетъ взята у него другимъ, онъ имѣетъ право требовать съ него ея цѣну, которая опредѣляется тѣмъ, что можно было бы выручить за нее на рынкѣ, гдѣ продаютъ рабовъ". Понятно, что тамъ, гдѣ женщинъ мѣняютъ на быковъ и другихъ животныхъ, на нихъ и смотрятъ какъ на лишенныхъ личныхъ правъ въ такой же мѣрѣ, какъ и эти животныя.

Но вся обширность униженія, которому подвергаются женщины, на тѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, когда эгоизмъ не сдерживается еще альтруизмомъ, обнаруживается наиболѣе живо изъ факта перехода женъ умершаго человѣка къ его родственникамъ, наравнѣ съ остальнымъ его имуществомъ. Въ § 302 было уже приведено нѣсколько примѣровъ такого перехода, которые могли бы быть умножены еще многими другими. Смитъ говоритъ о Ману-чесахъ, что „вдова, послѣ смерти своего мужа, становится своею собственною госпожею, если только у него не осталось взрослыхъ сыновей отъ другой жены, въ каковомъ случаѣ она становится ихъ общею наложницею; ибо на нее смотрятъ здѣсь какъ на движимость, естественно принадлежащую наслѣдникамъ помѣстья".

Признавъ, такимъ образомъ, ту истину, что до тѣхъ поръ, пока женщины продолжаютъ похищаться или покупаться, ихъ человѣческая индивидуальность продолжаетъ не признаваться мужчинами, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того раздѣленія труда, которое возникаетъ между полами, опредѣляясь отчасти этимъ безграничнымъ деспотизмомъ мужчинъ, а отчасти тѣми ограниченіями, которыя возникаютъ изъ неспособности женщинъ къ нѣкоторымъ родамъ дѣятельности.

§ 326. Классъ рабовъ, въ первобытномъ обществѣ, состоитъ изъ женщинъ; и самое раннее раздѣленіе труда и есть то раздѣленіе, которое возникаетъ между ними и ихъ господами. Въ теченіе долгаго времени не существуетъ никакого другаго раздѣленія труда. Понятно, что мы не можемъ и ожидать чего-либо болѣе высокаго отъ такихъ низко-стоящихъ, кочевыхъ группъ, каковы Тасманійцы, Австралійцы, Огнеземельцы, Андаманезцы и Бушмены. Но мы не находимъ никакого прогресса въ этомъ отношеніи даже и у выше-стоящихъ, охотничьихъ расъ, каковы Команчи, Чиппеуозы, Дакоты и пр.

Изъ числа раздѣленныхъ такимъ образомъ занятій, мужчины взваливаютъ на женщинъ всѣ тѣ, которыя онѣ только въ состояніи выполнять, т. е. всѣ рѣшительно занятія, за исключеніемъ тѣхъ, для выполненія которыхъ у нихъ не хватаетъ или силы, или проворства, или искусства. У вымершихъ теперь

Тасманійцевъ, мужчины прибавляли отъ себя къ пищевымъ запасамъ только мясо кенгуру, за которыми они охотились; тогда какъ женщины, кромѣ ухаживанія за дѣтьми, должны были лазить по деревьямъ, чтобы отыскивать опосумовъ, выкапывать съ помощью заостренныхъ палокъ разныя съѣдобныя коренья, выщупывать и ловить раковъ между прибрежными скалами, нырять за устрицами и ловить рыбу. Подобное же распредѣленіе труда существуетъ еще и теперь у Огнеземельцевъ, Андаманцевъ и Австралійцевъ. Тамъ, гдѣ пища состоитъ сполна или главнымъ образомъ изъ мяса крупныхъ млекопитающихъ, мужчины ловятъ и убиваютъ добычу, а женщины притаскиваютъ ее домой. Мы читаемъ о Чипеуозахъ, что „когда мужчины убьютъ какое-нибудь крупное животное, они всегда посылаютъ женщинъ взять его трупъ и привести въ шалашъ“. Также и о Команчахъ мы читаемъ, что „женщины часто сопровождаютъ своихъ мужей на охоту. Мужчина убиваетъ добычу, а женщина рѣжетъ мясо на части и относитъ его домой, выдѣлываетъ шкуру и пр.“ Наконецъ, объ Эскимосахъ намъ сообщаютъ, что когда мужчина „приплылъ съ своею добычею къ берегу, онъ оставляетъ всякія дальнѣйшія заботы объ ея участи; ибо его репутація была бы неизгладимо запятнана, если бы онъ даже только вытащилъ убитаго тюленя изъ воды“. Хотя, во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ извиненіе мужчинъ приводятъ обыкновенно значительность утомленія, вызываемаго охотой; однако же, когда мы читаемъ, что Эскимосскія женщины, кромѣ разныхъ мелкихъ деревянныхъ подѣлокъ, „строятъ дома и шалаши, и что имъ приходится для этого таскать на себѣ такіе тяжелые камни, которые то и дѣло грозятъ переломить имъ спинной хребетъ, причемъ мужчины взираютъ на это съ величайшимъ равнодушіемъ и ни одинъ изъ нихъ не пошевелитъ даже пальцемъ, чтобы помочь имъ“; то мы не можемъ не видѣть, что это извиненіе едва ли можетъ быть принято за достаточное. Далѣе, у этихъ низкихъ расъ, ведущихъ кочевой или полукочевой образъ жизни, имѣется обычай взваливать на женщинъ трудъ перетаскиванія пожитковъ изъ одного мѣстожительства въ другое. Тасманійская женщина, во время такой перекочевки, не рѣдко взваливала, поверхъ всего прочаго навьюченнаго на ней скарба, еще нѣсколько копій и другаго оружія, не требовавшагося ей мужу въ эту минуту“; тоже самое имѣетъ мѣсто и у расъ, стоящихъ выше этихъ и ведущихъ уже пастушескій или даже полу-земледѣльческій образъ жизни. Жена Дамара „перетаскиваетъ его вещи всякій разъ, когда онъ переходитъ изъ одного мѣстожительства въ другое“. Когда Туписъ переселяется въ другое мѣсто, весь домашній скарбъ переносится въ новое жилище женщинами: „мужъ беретъ только свое оружіе“, говоритъ Маркграфъ, „за то жена бываетъ навьючена точно мулъ“. Подобнымъ же образомъ, перечисляя работы

женщинъ у туземцевъ Южной Бразиліи, Спиксъ и Марціусъ говорятъ: „они служатъ также и выючными животными“; а Добрицгоферъ пишетъ: „у Аби-поновъ, всѣ пожитки поручаются при этомъ женщинамъ; мужчина же идетъ, во время путешествія, вооруженный однимъ только копьемъ, для того чтобы не быть стѣсненнымъ ничѣмъ и имѣть возможность свободно вступить въ бой или заняться охотой, если бы представился къ тому случай“. Безъ всякаго сомнѣнія, причина, указанная въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ, можетъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ для этого обычая, столь общераспространеннаго между дикарями, при ихъ переселеніяхъ; ибо, при ихъ нравахъ, они дѣйствительно могутъ подвергнуться каждый моментъ неожиданному нападенію со стороны спрятавшагося въ засадѣ непріятеля, а потому они могли бы испытывать часто самыя гибельныя послѣдствія, если бы ихъ мужчины не были готовы къ бою во всякое данное мгновеніе. Весьма возможно, что сознаніе этого обстоятельства подкрѣпляетъ силу этого обычая и заставляетъ даже самихъ женщинъ поддерживать его, какъ это мы и видимъ въ дѣйствительности.

Восходя къ обществамъ, отчасти или вполне осѣдлымъ и нѣсколько болѣе сложнымъ, мы начинаемъ встрѣчаться съ значительнымъ разнообразіемъ въ дѣлѣ распредѣленія труда между полами. Обыкновенно, строительство выпадаетъ на долю мужчинъ; но нельзя сказать, чтобы это было всегда и повсюду: такъ, у Вечуановъ, Каффровъ и Дамаровъ, хижины строятся женщинами; тоже самое мы видимъ и у Утанатасовъ Новой Гвиней; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже рубка лѣса для построекъ лежитъ на обязанности женщинъ, хотя это занятіе почти всегда выпадаетъ на долю мужчинъ. Какою бы странною ни казалась намъ эта аномалія, но мы читаемъ о Короадасахъ, что „готовить обѣдъ и поддерживать огонь лежитъ здѣсь на обязанности мужчинъ“; подобнымъ же образомъ, и на Самоа „кухонныя обязанности лежатъ на мужчинахъ“, — причѣмъ отъ нихъ не свободны даже вожди. У большинства нецивилизованныхъ и полу-цивилизованныхъ народовъ, торговля ведется мужчинами; но это тоже не всегда. На Явѣ, по свидѣтельству Раффля, „однѣ только женщины посѣщаютъ рынки и ведутъ всѣ дѣла по покупкѣ и продажѣ“. Точно также и въ Анголѣ, по словамъ Астлея, женщины „покупаютъ, продаютъ и дѣлаютъ всѣ тѣ дѣла, которыя въ другихъ странахъ выполняются мужчинами; тогда какъ ихъ мужья остаются дома и занимаются пряденьемъ и тканьемъ хлопка и другими подобными же, чисто женскими, работами“. Въ древнемъ Перу, существовало подобное же раздѣленіе труда: мужчины пряли и ткали, а женщины занимались полевыми работами. Въ Абиссиніи, по свидѣтельству Брюса, „мужчина считаетъ постыднымъ отправиться на рынокъ, чтобы купить тамъ что-нибудь. Онъ не можетъ также носить воду и печь хлѣбъ. Но за то онъ

долженъ мыть одежду, принадлежащую лицамъ обоихъ половъ, и въ этомъ занятіи женщины не могутъ помогать ему". Петерикъ говоритъ, что у Арабовъ „женщины совершенно не занимаются шитьемъ; даже то небольшое количество шитья, которое требуется для нихъ же самихъ, выполняется ихъ мужьями и братьями“.

Единственное опредѣленное заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ общаго обзора многочисленныхъ и разнообразныхъ фактовъ, указанныхъ выше лишь самымъ краткимъ образомъ, состоитъ, повидимому, въ томъ, что мужчины монополизируютъ въ свою пользу такія занятія, которыя требуютъ силы и проворства, и притомъ требуютъ возможности располагать этими качествами постоянно, т. е. во всякое время, въ каждую данную минуту; эти занятія суть война и охота. Оставляя безъ обсужденія относительную способность женщинъ къ сраженію съ врагами и къ преслѣдованію дикихъ звѣрей, въ другіе періоды ихъ жизни, мы не можемъ не видѣть, что, въ продолженіе періода дѣтороженія, способность ихъ къ выполненію этихъ занятій встрѣчаетъ себѣ столько помѣхъ, какъ со стороны беременности, такъ и со стороны вскармливанья ребенка грудью, что женщины должны считаться, съ практической точки зрѣнія, исключенными изъ этихъ сферъ дѣятельности. Хотя Дагомейцы, съ ихъ арміей амазонокъ, показываютъ намъ, что женщины могутъ быть воинами; однако, уже самый этотъ примѣръ доказываетъ, что женщины могутъ становиться воинами только подъ условіемъ превращенія, съ практической точки зрѣнія, въ какія-то безполая существа; ибо, хотя эти амазонки и считаются номинально женами короля; но, въ дѣйствительности, всѣ онѣ — дѣвственницы, и всякое нарушеніе цѣломудрія влечетъ за собою для нихъ гибельныя послѣдствія. Но если мы оставимъ въ сторонѣ эти дѣятельности, къ которымъ женщины оказываются физически-неспособными въ продолженіе очень значительной части своей жизни, или за которыя онѣ не могутъ браться въ сколько-нибудь значительномъ числѣ безъ того, чтобы за этимъ не послѣдовало роковымъ образомъ уменьшенія населенности страны, мы увидимъ, что мы не въ состояніи опредѣлить сколько-нибудь общимъ образомъ раздѣленія труда между полами; а можемъ только сказать, что, до начала цивилизаціи, сильнѣйшій полъ принуждаетъ слабѣйшій къ выполненію всѣхъ домашнихъ работъ; и что, съ теченіемъ общественнаго прогресса, распредѣленіе труда между полами, претерпѣвая нѣкоторыя смягченія, принимаетъ очень разнообразныя спеціальныя формы, соответственно разнообразію спеціальныхъ условій той или другой страны.

Переходя къ разсмотрѣнію причинъ, влекущихъ за собою смягченіе этого несправедливаго раздѣленія труда между полами, замѣтимъ прежде всего, что женщины встрѣчаютъ гораздо лучшее обращеніе съ собою тамъ, гдѣ обстоятельства при-

вели къ одинаковости занятій для обоихъ половъ. Скулькрафтъ говоритъ о Чип-пеуэянахъ, что „они не замѣчательны, какъ дѣятельные и неутѣмимые охотники; что слѣдуетъ приписать той легкости, съ которою они добываютъ дичь силками и западнями и багрять рыбу; причемъ эти занятія, по степени требующейся для нихъ силы, совершенно доступны даже старикамъ, женщинамъ и юношамъ“; а затѣмъ онъ говоритъ о нихъ также: „хотя женщина состоитъ здѣсь во власти мужчины въ такой же точно мѣрѣ, какъ и остальные статьи его имущества; однако же мужчины всегда совѣщаются съ женщинами, которыя пользуются здѣсь очень значительнымъ вліяніемъ въ торговлѣ съ Европейцами и въ другихъ важныхъ дѣлахъ“. Мы читаемъ также у Льюиса и Кларка, что „у Клатсоповъ и Чинуконъ, которые питаются рыбою и кореньями, и у которыхъ женщины столько же искусны въ добываніи этихъ вещей, какъ и мужчины, первыя пользуются такимъ общественнымъ положеніемъ и такимъ вліяніемъ, которыя очень рѣдко встрѣчаются у Индѣйцевъ. Здѣсь женщины имѣютъ право говорить свободно передъ мужчинами, къ которымъ онѣ обращаются иной разъ даже авторитетнымъ тономъ“. Затѣмъ Банкрофтъ рассказываетъ намъ, что „въ провинціи Куэба, женщины сопровождаютъ мужчинъ, сражаются бокъ-о-бокъ съ ними, и даже предводительствуютъ иной разъ авангардомъ“; и онъ же приводитъ далѣе, по поводу этого же самаго народа, слова Вефера, который говоритъ: „ихъ мужья очень нѣжны и любящи къ нимъ. Я не знаю ни одного случая, чтобы Индѣецъ побилъ свою жену или даже обратился къ ней съ грубыми словами“. Подобное же значеніе можно прослѣдить и въ фактѣ, представляемомъ намъ Дагомейцами, у которыхъ, при всей ихъ кровожадности и полной безчувственности, участіе женщинъ въ войнѣ, наравнѣ съ мужчинами, существуетъ рядомъ съ болѣе высокимъ положеніемъ женщинъ, чѣмъ обыкновенно; ибо Бертонъ говоритъ намъ, что, въ Дагомейскомъ царствѣ, „женщина стоитъ официально выше мужчины, хотя, въ другихъ отношеніяхъ, ей все еще приходится терпѣть отъ мужской надменности“.

Другая причина улучшенія въ обращеніи съ женщинами заключается, по всей вѣроятности, въ установленіи обычая добывать себѣ женъ въ уплату за оказанныя услуги, вмѣсто того, чтобы покупать ихъ цѣною извѣстнаго имущества. Эта форма добыванія себѣ жены, извѣстная намъ изъ Еврейскаго преданія о женитбѣ Іакова, оказывается весьма широко распространеннымъ обычаемъ. Обычай этотъ существуетъ у Вилловъ, Гандовъ и горныхъ племенъ Непала; онъ существовалъ также на Явѣ, передъ введеніемъ туда магометанства; онъ былъ весьма распространенъ въ древнемъ Перу и въ Центральной Америкѣ и встрѣчается еще и теперь у многихъ нынѣшнихъ Американскихъ расъ. Очевидно, что жена, за которую приходится работать въ теченіе долгаго времени, будетъ

 304135340
 3023010033

цѣнится болѣе, чѣмъ украденная или купленная жена. Очевидно также, что то время, въ продолженіе котораго человѣкъ зарабатываетъ свою жену, и въ продолженіе котораго онъ смотритъ на дѣвушку, какъ на свою будущую жену, доставляетъ мѣсто для развитія нѣкотораго чувства, болѣе высокаго свойства, чѣмъ чисто половой инстинктъ, и порождаетъ нѣчто, похожее на ухаживаніе и обрученіе цивилизованныхъ народовъ. Но мы должны обратить здѣсь наше главнѣйшее вниманіе на слѣдующіе факты: во-первыхъ, что это видоизмѣненіе, выполнимое лишь съ трудомъ у дикихъ, хищническихъ племенъ, становится постепенно все болѣе и болѣе легкимъ для выполненія, по мѣрѣ установленія все большаго и большаго числа промысловъ, т. е. по мѣрѣ расширенія той сферы, въ которой могутъ быть оказываемы другъ другу производительныя услуги; и, во-вторыхъ, что такая подстановка личныхъ услугъ на мѣсто покупной платы будетъ господствовать по преимуществу между болѣе бѣдными членами и классами общества, занимающимися трудомъ и не могущими уплачивать за своихъ женъ имуществомъ; а изъ этого вытекаетъ тотъ выводъ, что эта высшая форма брака, къ которой приходитъ первымъ промышленный классъ, развивается вмѣстѣ съ развитіемъ промышленнаго типа.

Теперь, послѣ всего сказаннаго нами, въ видѣ введенія, мы можемъ считать себя достаточно подготовленными къ постановкѣ общаго вопроса о томъ, какая связь существуетъ между положеніемъ женщинъ и типомъ общественной организаціи?

§ 327. Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ уже достигнутъ нами въ извѣстной степени, когда, послѣ разсмотрѣнія относящихся сюда фактовъ, мы вывели заключеніе о существованіи естественной связи между воицтвенностью и многоженствомъ, съ одной стороны, и между промышленною дѣятельностью и одноженствомъ, — съ другой. Ибо, такъ какъ многоженство предполагаетъ низкое положеніе женщинъ, а одноженство составляетъ необходимое предварительное условіе для ихъ высокаго положенія, то изъ этого слѣдуетъ, что уменьшеніе воицтвенности и возрастаніе промышленности суть общія условія, сопутствующія возвышенію въ положеніи женщинъ. Это заключеніе оказывается, повидимому, въ полномъ соотвѣтствіи и съ только-что наблюдаемымъ нами фактомъ. А именно, та истина, — что положеніе женщинъ у народовъ, стоящихъ въ другихъ отношеніяхъ весьма низко, оказывается относительно хорошимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда женщины предаются почти тѣмъ же самымъ занятіямъ, какъ и мужчины, — можетъ считаться, повидимому, тѣсно-связанной съ тою, еще болѣе широкою, истиною, — что положеніе женщинъ улучшается прямо пропорціонально замѣщенію военныхъ дѣятельностей промышленными; ибо, когда мужчины сражаются, а женщины занимаются домашними работами

разница въ занятіяхъ половъ бываетъ большею, чѣмъ когда и женщины, и мужчины занимаются производительными работами, какъ-бы сильно ни различались эти работы между собою по своему роду. Но оставимъ общія соображенія, говорящія въ пользу существованія этой связи, и перейдемъ къ разсмотрѣнію болѣе специальныхъ соображеній и доказательствъ.

Какъ мы не нуждались въ нагроможденіи фактовъ для доказательства того, что хроническая военная дѣятельность, характеризующая низкія, простые племена, сосуществуетъ обыкновенно съ многоженствомъ; такъ мы не нуждаемся въ нагроможденіи фактовъ и для доказательства того, что эта хроническая военная дѣятельность сосуществуетъ также съ грубымъ обращеніемъ съ женщинами. Достаточно будетъ, если мы взглянемъ здѣсь на случаи обратнаго порядка, т. е. на такія простые племена, которыя, представляя исключеніе изъ всѣхъ остальныхъ со стороны развитія у нихъ промышленной дѣятельности, представляютъ въ то же самое время такое же исключеніе и со стороны болѣе высокаго положенія, занимаемаго у нихъ женщинами. Даже дикіе Тодасы,—при всей низкости своихъ половыхъ отношеній, о которой мы можемъ заключать изъ существованія у нихъ смѣси многомужества съ многоженствомъ, и при всемъ маломъ развитіи у нихъ промышленности, о которомъ мы можемъ заключать изъ ихъ полу-осѣдлой, полу-пастушеской жизни (они держатъ рогатый скотъ),—представляютъ намъ хорошій примѣръ этого рода: у нихъ, всѣ тяжелыя работы достаются на долю мужчинъ и юношей; жены же ихъ „не сдѣлають даже шагу за дверь своего дома, чтобы принести воды или дровъ, такъ какъ все это... приносится имъ однимъ изъ ихъ мужей“; и это обращеніе съ женщинами совпадаетъ здѣсь съ чрезвычайнымъ миролюбіемъ этого племени и съ полнѣйшимъ отсутствіемъ въ общественномъ его устройствѣ всякаго слѣда военнаго типа. Еще болѣе поразительныя свидѣтельства въ пользу этого соотношенія представляютъ намъ два другія горныя племена Индіи:—Бодосы и Дималы. Мы уже видѣли ранѣе, что, изъ всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ культуры, эти два племена представляютъ замѣчательный случай отсутствія всякой воинственности, отсутствія политической организаціи, развивающейся подъ вліяніемъ военной дѣятельности, отсутствія всякихъ различій между общественными классами и присутствія того добровольнаго обмѣна услугами, который предполагается промышленной жизнью; мы видѣли уже также, что всѣ они одноженцы; объ этихъ-то народцахъ мы читаемъ теперь: „Бодосы и Дималы относятся къ своимъ женамъ и дочерямъ хорошо; они обращаются съ ними съ довѣріемъ и съ нѣжностью. Ихъ жены свободны отъ всѣхъ рѣшительно занятій внѣ дома“. Возьмемъ также Дайяковъ, у которыхъ хотя и не обходится безъ ссоръ и дракъ между отдѣльными племенами, со всѣми послѣд-

ствіями такихъ ссоръ, но у которыхъ однако не выработалось ни прочнаго главенства, ни военной организаціи; приче́мъ у нихъ господствуютъ главнымъ образомъ промышленныя дѣятельности и имѣются хорошо развитыя права личной собственности. Хотя обычаи различныхъ разновидностей Дайяковъ и различаются нѣсколько между собою, однако для всѣхъ этихъ разновидностей существуетъ тотъ общій фактъ, что всѣ тяжелыя, видѣмныя работы исполняются главнымъ образомъ мужчинами; женщины же пользуются у нихъ значительными привилегіями, и обращеніе съ ними хорошо. Дайяки — моногамисты; у нихъ имѣется правильное ухаживаніе и сватовство, и ихъ дѣвушки сами выбираютъ себѣ своихъ будущихъ мужей. Сентъ-Джонъ говоритъ о Приморскихъ Дайякахъ: „здѣшніе мужья и жены проводятъ, повидимому, свою супружескую жизнь очень пріятнымъ образомъ“. А Раджа Брукъ говоритъ, что, въ Мукахъ, на Борнео, жена запираетъ дверь и не впускаетъ мужа, пока онъ не промыслитъ рыбы. Затѣмъ, мы имѣемъ тутъ замѣчательный случай простой общины, обладающей относительно высокой промышленной организаціей, съ выборнымъ главою, съ совѣтомъ народныхъ представителей и съ другими спутниками этого типа, — а именно, мы имѣемъ Пуэблосовъ, которыхъ всѣ путешественники описываютъ какъ „трудолюбивое, честное, миролюбивое“ племя, и у которыхъ, рядомъ съ моногаміей, характеризующей ихъ семейныя отношенія, наблюдается также замѣчательно высокое положеніе женщинъ. Ибо у нихъ не только существуетъ ухаживаніе и сватовство; не только выборъ мужа зависитъ здѣсь отъ вкусовъ самой дѣвушки; мы не только читаемъ про нихъ, что здѣсь „ни одну дѣвушку не принуждаютъ къ вступленію въ бракъ съ человѣкомъ, который ей не нравится, какою бы желательною ни казалась ея родителямъ представляющаяся партія“; но мы еще видимъ, изъ показаній Банкрофта, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, „обыкновенный порядокъ сватовства принимаетъ здѣсь совершенно обратную форму: когда дѣвушка чувствуетъ себя расположенной вступить въ замужество, она не ждетъ, чтобы какой-нибудь молодой человѣкъ предложилъ ей свою руку; но выбираетъ сама молодаго человѣка по своему собственному вкусу и, затѣмъ, совѣтуется съ своимъ отцемъ, который отправляется къ родителямъ молодаго человѣка и сообщаетъ имъ желаніе своей дочери“.

Обращаясь отъ простыхъ обществъ къ сложнымъ, мы находимъ, въ Полинезій, два сосѣднія общества, рѣзко отличающіяся одно отъ другаго по своему общественному типу: въ одномъ случаѣ — военному, а въ другомъ — промышленному; и, въ то же самое время, стольже рѣзко различающіяся между собою и по тому положенію, которое занимаютъ у нихъ женщины. Я говорю о Фиджійцахъ и Самоанцахъ. Фиджійцы обнаруживаютъ передъ нами военное

дали своей регулятивной организаціи рѣшительно военный складъ, между тѣмъ какъ Ирокезы не облекли своей регулятивной организаціи въ военную форму; такъ что, у однихъ, правительственныя власти, общая и мѣстная, имѣютъ личный и наслѣдственный характеръ, тогда какъ у другихъ онѣ имѣютъ характеръ представительный. Въ то же самое время, хотя оба эти народа стоятъ приблизительно на одномъ и томъ же уровнѣ по отношенію къ раздѣленію труда между полами, — т. е., хотя у обоихъ у нихъ мужчины ограничиваютъ свою дѣятельность войною, охотою и рыболовствомъ, предоставляя женщинамъ всѣ полевыя и домашнія работы; однако-же Ирокезы, рядомъ съ болѣе свободнымъ политическимъ типомъ, развили у себя и болѣе свободный домашній типъ; что можно видѣть уже изъ того, что ихъ женщины обладаютъ отдѣльными имущественными правами; что, въ случаѣ развода, дѣти отходятъ къ матери, и что браки у нихъ слаживаются матерями.

Древне-Американскія общества двойной сложности не доставляютъ опредѣленныхъ доказательствъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Политическая организація Мексики, по своему типу, могла считаться организаціей въ высшей степени военного характера; но, рядомъ съ этой военно-политической организаціей, тутъ существовала сложная промышленная организація, съ обширнымъ раздѣленіемъ труда и съ значительнымъ разнообразіемъ торговыхъ сношеній; въ то же самое время, мы видимъ, что, за исключеніемъ многоженства и наложничества у высшихъ классовъ, да наслѣдованія отъ времени до времени женъ, въ качествѣ имущества, положеніе женщинъ здѣсь было, повидимому, не особенно плохо. Перуанцы, хотя и менѣе кровожадные въ своихъ обрядахъ, обладали военнымъ устройствомъ, проведеннымъ черезъ весь общественный строй съ гораздо болѣею полнотою; такъ что даже промышленная организація представляла здѣсь часть общей политической организаціи; въ то же самое время, и положеніе женщинъ было у нихъ болѣе низкимъ: ихъ женщины выполняли всѣ трудныя работы и были обязаны, — по крайней мѣрѣ въ высшихъ классахъ, — приносить себя въ жертву, послѣ смерти мужа.

Изъ числа наиболѣе высокихъ обществъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, многія оказываются неудобными для подобныхъ сравненій, то по тѣмъ, то по другимъ причинамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, у насъ не хватаетъ достаточнаго числа данныхъ; въ другихъ случаяхъ, мы не знаемъ, — каковы были antecedentes разсматриваемаго нами общества; въ иныхъ случаяхъ, факты слишкомъ запутались, вслѣдствіе сліянія различныхъ обществъ въ одно цѣлое; и, наконецъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, имѣло мѣсто значительное умноженіе совмѣстно-дѣйствовавшихъ вліяній. Относительно самыхъ древнихъ изъ этихъ обществъ, о которыхъ мы знаемъ всего менѣе, мы едва ли въ состояніи ска-

затѣ болѣе того, что представляемыя ими особенности общественнаго быта не противорѣчатъ высказанному нами здѣсь взгляду. Памятники, оставленные Аккадійцами, показываютъ, что женщины занимали у нихъ относительно высокое положеніе: такъ, вдовы у нихъ могли владѣть имуществомъ, а ихъ законы предписывали особое почтеніе къ матерямъ; но очевидно, что, прежде чѣмъ достигнуть до той высоты цивилизаціи, на которой явилось фонетическое письмо, коимъ писаны ихъ памятники, они должны были существовать, въ теченіе обширнаго періода времени, въ видѣ осѣдлаго, многочисленнаго государства; а слѣдовательно, они должны были обладать, за долго до написанія своихъ памятниковъ, значительною промышленною организаціею; и такъ какъ они должны были быть весьма могущественными, по сравненію съ сосѣдними кочевыми племенами, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что ихъ общественная жизнь рѣдко нарушалась борьбою съ врагами, а потому представляла существенно мирный характеръ; поэтому фактъ относительно высокаго положенія женщинъ у Аккадійцевъ, почерпаемый нами изъ ихъ памятниковъ, ничуть не противорѣчитъ защищаемому нами взгляду. Подобныя же разсужденія могутъ быть приложены и къ Египтянамъ. Ихъ древнѣйшіе стѣнные рисунки показываютъ намъ народъ, подвинувшійся уже очень далеко въ искусствахъ, промыслахъ, обрядахъ и образѣ жизни. Отсюда мы неизбѣжно должны заключить, что этому высокому состоянію, обнаруживающемуся изъ ихъ рисунковъ, непремѣнно должна была предшествовать длинная эра постепенно возраставшей цивилизаціи; а такъ какъ эта эра была прожита ими на уединенной, плодородной полосѣ земли, окруженной по сторонамъ лишь такими кочевыми ордами, какихъ въ состояніи поддерживать окрестныя пустыни, то Египтяне должны были издавна оказаться очень сильными, по сравненію съ своими сосѣдями, а потому могли, по всей вѣроятности, вести, въ теченіе долгаго періода времени, мирную жизнь, по преимуществу промышленнаго характера. Такъ что, хотя военный типъ общественнаго устройства и развился у нихъ, въ періодъ ихъ сплоченія въ одно государство, и хотя, будучи освященъ ихъ религіозными формами, онъ продолжалъ держаться и впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе, развившаяся постепенно промышленность должна была стать понемногу важнымъ общественнымъ факторомъ, повліявшимъ въ сильной степени на всѣ общественныя распорядки и разлившимъ въ обществѣ соотвѣтственныя съ нимъ чувства и идеи. Поэтому, и положеніе женщинъ было тутъ относительно хорошо. Хотя многоженство и существовало, но оно не представляло обыкновеннаго явленія; супружескія правила были очень строги, а разводъ труденъ; „супружескія пары жили въ полномъ общеніи“; женщины участвовали въ общественныхъ собраніяхъ, какъ мы видимъ это въ нашихъ нынѣшнихъ обществахъ; во многихъ отношеніяхъ.

 304135340
 3022010033

женщинам отдавалось даже преимущество предъ мужчинами; и, какъ говорить Эберъ, — „много и другихъ фактовъ могло бы быть еще прибавлено въ доказательство высокаго уровня супружеской жизни“ въ этой странѣ.

Древнія Арійскія общества представляютъ очень хорошія иллюстраціи этого соотношенія между домашнимъ и политическимъ строемъ. Деспотизмъ безответственнаго главы, характеризующій военный типъ общественнаго устройства, характеризуетъ въ такой же мѣрѣ и первобытную патріархальную семью, и группу такихъ семей, ведущую свое начало отъ одного общаго предка, и союзъ такихъ группъ семей, составляющій древнюю Арійскую общину. По описанію Моммзена, древній Римскій правитель, находясь при отправленіи своей должности, стоялъ, по отношенію къ гражданамъ, въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ отецъ семейства стоялъ по отношенію къ своей женѣ, дѣтямъ и рабамъ: „царская власть не имѣла, и не могла имѣть, никакихъ внѣшнихъ ограниченій, наложенныхъ на нее закономъ: для повелителя общины не могло существовать внутри самой же общины никакого судьи надъ его дѣйствіями; все равно какъ внутри семьи, или дома, не могло существовать никакого судьи надъ дѣйствіями главы этой семьи. Одна только смерть клала конецъ его власти“. На этой ступени развитія, рядомъ съ безусловной властью политическаго главы общины, существовала столь же безусловная власть и главы семьи, простиравшаяся до права жизни и смерти надъ женою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прогрессъ отъ этой первой ступени къ болѣе высокому положенію женщинъ былъ вызванъ главнымъ образомъ, — какъ это доказываетъ Сэръ Генри Мэнъ, — тою дезинтеграціею семьи, которая сопровождала прогрессивное сліянiе болѣе мелкихъ обществъ въ болѣе крупныя, вслѣдствіе покоренія однихъ обществъ другими. Но хотя успѣшная военная дѣятельность благопріятствовала, такимъ образомъ, эмансипаціи женщинъ, однако она имѣла это вліяніе только вслѣдствіе того, что самая эта успѣшность уменьшала относительное количество военной дѣятельности общества; такъ что эмансипація женщинъ была связана въ дѣйствительности съ среднимъ возрастаніемъ промышленной дѣятельности и промышленнаго строя. Выше было уже показано, что милитаризмъ долженъ быть измѣряемъ не столько военными успѣхами, сколько тѣмъ, до какой степени военная дѣятельность поглощаетъ мужское населеніе общества. Тамъ, гдѣ всѣ мужчины — воины, а всѣ остальные работы исполняются одними только женщинами, милитаризмъ долженъ считаться достигшимъ наивысшей своей ступени. Введеніе класса мужчинъ, которые, присоединяясь къ производительному труду, кладутъ основаніе для будущей промышленной организаціи, ограничиваетъ милитаризмъ. По мѣрѣ же того, какъ промышленный классъ, состоящій вначалѣ сполна изъ однихъ только рабовъ, возрастаетъ все болѣе

801
 04/10/1920

и болѣе по отношенію къ военному классу, вся совокупность дѣятельности общества получаетъ все болѣе и болѣе промышленный и все менѣе и менѣе воинственный характеръ. Та же самая истина обнаруживается еще и другимъ путемъ, когда мы вглядимся въ послѣдствія сліянія нѣсколькихъ мелкихъ, враждебныхъ между собою, обществъ въ одно, болѣе крупное, вслѣдствіе постепеннаго покоренія всѣхъ этихъ обществъ самымъ сильнымъ изъ нихъ; очевидно, что количество дракъ, на всемъ протяженіи, занятомъ этими обществами, уменьшается, вслѣдствіе сліянія ихъ въ одно общество; хотя столкновения, возникающія отъ времени до времени между этими новымъ, крупнымъ обществомъ и сосѣдними, столь же крупными агрегатами, могутъ представлять гораздо большіе размѣры, чѣмъ прежнія драки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить отношеніе воиновъ къ общему числу населенія у древнихъ Римлянъ съ отношеніемъ между арміями Римской Имперіи и общей численностью населенія, заключавшагося въ этой имперіи. Затѣмъ, мы имѣемъ тутъ еще тотъ фактъ, что удерживаніе отъ распада этихъ сложныхъ и вдвойнѣ-сложныхъ обществъ, сложившихся путемъ послѣдовательныхъ покореній, и успѣшность коопераціи ихъ частей для военныхъ цѣлей уже сами по себѣ предполагаютъ увеличившееся развитіе промышленной организаціи. Большія арміи, дѣйствующія на отдаленныхъ границахъ обширной территоріи, предполагаютъ многочисленное трудящееся населеніе, значительное раздѣленіе труда и хорошія приспособленія для перевозки запасовъ: т. е. производительная и распредѣлительная системы должны быть хорошо развиты въ обществѣ, прежде чѣмъ явится возможность выработки крупныхъ военныхъ аппаратовъ. Такъ что эта дезинтеграція патріархальной семьи и вытекающая изъ нея эмансипація женщинъ, сопровождавшая возрастаніе Римской Имперіи, были связаны на самомъ дѣлѣ съ развитіемъ промышленной организаціи.

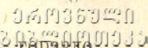
§ 328. То же самое причинное отношеніе обнаруживается и другимъ путемъ, изъ разсмотрѣнія исторіи Европейскихъ обществъ, послѣ паденія Римской Имперіи.

Касательно положенія женщинъ въ средневѣковой Европѣ, Сэръ Генри Мэнъ говоритъ: „Невозможно сомнѣваться сколько-нибудь серьезно въ томъ, что, въ своемъ конечномъ результатѣ, паденіе Римской Имперіи было очень неблагоприятно для личной и имущественной свободы женщинъ. Я нарочно говорю — „въ своемъ конечномъ результатѣ“ — для того, чтобы избѣжать ученаго препирательства касательно положенія женщинъ подъ господствомъ чисто-тевтонскихъ обычаевъ“. Прочитавъ эти слова Мэна, и оставивъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, приложимо ли это заключеніе только къ тѣмъ частямъ Европы, гдѣ учрежденія Римскаго происхожденія подверглись въ наименьшей степени

 041935940
 041935940

вліянію учреждений Германскаго происхожденія, или же оно приложено предѣлами этихъ частей, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, сопоставляя положеніе вещей до паденія Имперіи съ положеніемъ ихъ послѣ ея паденія, вывести заключеніе о прямой связи между этимъ пониженіемъ въ положеніи женщинъ и наступившимъ возвращеніемъ къ болѣе воинственному образу жизни. Ибо, пока власть Рима сдерживала вмѣстѣ населенія обширныхъ областей, на всемъ протяженіи этихъ областей царствовало состояніе сравнительнаго внутренняго мира; когда же она потеряла силу удерживать въ повиновеніи свои части, повсюду наступила всеобщая война, которая то вызывала отъ времени до времени къ существованію болѣе крупныя общественныя агрегаты, то снова разрушала ихъ; пока дезинтеграція не достигла до той ступени, на которой всѣ прежнія Римскія владѣнія распались на многочисленныя феодальныя правительства, находившіяся между собою въ постоянной взаимной враждѣ. Затѣмъ, вслѣдъ за пониженіемъ въ положеніи женщинъ, сопровождавшимъ это ретроградное возрастаніе милитаризма, наступило съизнова улучшеніе въ ихъ положеніи, вслѣдствіе послѣдующаго сліянія болѣе мелкихъ феодальныхъ владѣній въ болѣе крупныя, что имѣло своимъ результатомъ уменьшеніе количества постоянныхъ, мелкихъ дракъ на пространствахъ сложившихся такимъ образомъ территорій.

Сравненія между собою главнѣйшихъ изъ нынѣ существующихъ цивилизованныхъ націй доставляютъ новыя подтвержденія нашего положенія. Замѣтимъ прежде всего одинъ фактъ, указывающій очень знаменательнымъ образомъ на связь между политическимъ и семейнымъ деспотизмомъ, а именно, тотъ фактъ, что Наполеонъ I, по словамъ Легуве, сказалъ въ государственномъ совѣтѣ: „un mari doit avoir un empire absolu sur les actions de sa femme“ (мужъ долженъ пользоваться неограниченною властью надъ поступками своей жены); и что, по толкованію Потье, многія положенія французскаго кодекса проводятъ въ жизнь это изрѣченіе. Замѣтимъ далѣе, что, по свидѣтельству Сегюра, положеніе женщинъ во Франціи упало за время первой имперіи, и что „эта ничтожность значенія женщины утвердилась не въ однихъ только высшихъ слояхъ общества..... Привычка къ дракѣ преисполнила мужчинъ чѣмъ-то въ родѣ презрѣнія и какой-то жесткостью, которыя часто заставляли ихъ забывать даже то вниманіе, которое они обязаны питать къ слабости“. Оставляя въ сторонѣ менѣ существенныя контрасты, обнаруживаемыя въ настоящее время главнѣйшими изъ Европейскихъ народовъ, и сосредоточивая наше преимущественное вниманіе на томъ положеніи женщинъ, которое выступаетъ на видъ изъ обыденной жизни не столько богатыхъ, сколько бѣдныхъ классовъ общества, мы найдемъ очевидныя свидѣтельства того, что тамъ, гдѣ господствуютъ воен-

ная организація и дѣятельность, на долю массы женщинъ выпадаетъ гораздо болѣе тяжелая участь, чѣмъ тамъ, гдѣ въ обществѣ господствуютъ промышленная организація и дѣятельность. Положеніе, выведенное Африканскими путешественниками изъ своихъ наблюденій, — что чѣмъ болѣе мужчины заняты войною, тѣмъ большее количество труда падаетъ на долю женщинъ, — подтверждается сполна наблюденіемъ надъ современной Франціей и Германіей. Въ самомъ дѣлѣ: — поддержаніе общественной жизни должно имѣть мѣсто такъ или иначе; поэтому, чѣмъ большее число мужчинъ отвлекается для военной службы, тѣмъ болѣе является необходимости для женщинъ заполнить ихъ мѣста на полѣ труда. Отсюда объясняется крайнее обремененіе Нѣмецкихъ женщинъ грубыми тяжелыми работами внѣ дома: рытьемъ земли, уходомъ за лошадьми, тасканьемъ тяжестей и пр.; отсюда же объясняется значительность участія, принимаемого Французскими женщинами въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ. Что Англійская хозяйка представляетъ въ гораздо меньшей степени чернорабочую силу, чѣмъ ея Нѣмецкая сестра; что жены Англійскихъ лавочниковъ принимаютъ гораздо меньшее участіе въ веденіи торговли, чѣмъ жены Французскихъ лавочниковъ; и что, въ Англій, выполняемые женщинами внѣдомныя работы и меньше по количеству, и легче по качеству, чѣмъ во Франціи или въ Германіи, — это ясно для каждаго наблюдателя; не менѣе ясно и то, что это различіе связано здѣсь съ меньшимъ запросомъ на мужское населеніе для оборонительныхъ и наступательныхъ цѣлей. Наконецъ, мы можемъ прибавить къ этому еще одинъ фактъ подобнаго же значенія; а именно, тотъ фактъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ, до времени послѣдней войны, степень развитія военныхъ дѣятельностей была такъ ничтожна, и гдѣ промышленный типъ общественнаго устройства и промышленныя дѣятельности имѣютъ такое преобладающее значеніе, женщины достигли болѣе высокаго положенія, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ обществѣ.

Данныя, доставляемыя намъ современными Восточными народами, — по сколькоку эти данныя могутъ быть распутаны отъ затемняющихъ ихъ обстоятельствъ, — также подтверждаютъ защищаемый нами взглядъ. Китай, съ его длинною исторіею войнъ, вызывавшихъ то сліянія, то распаденія, то новыя сліянія и т. д., — исторіей, могущей быть прослѣженной назадъ, болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ до Р. Х.; этотъ Китай, продолжавшій, и подъ владычествомъ Татаръ и Монголовъ, свою военную дѣятельность и свои военные распорядки, удержалъ и донныѣ, не смотря на развитіе промышленности, военный типъ общественнаго строя; и этотъ абсолютизмъ, господствующій тутъ въ политической сферѣ, сопровождается такимъ же абсолютизмомъ и въ семейной сферѣ; причемъ какъ тотъ, такъ и другой ограничиваются только обычаями и чувствами, сложившимися

подо впливiємъ индустріалізма: жєны здѣсь покупаются; наложничество бѣтъ обыкновенно между лицами, обладающими достаточными средствами; вдовы нерѣдко продаются въ наложницы своими свекрами, и женщины участвуютъ въ тяжелыхъ работахъ до такой степени, что ихъ запрягаютъ иной разъ въ плугъ; тѣмъ не менѣе, это низкое состояніе возвышается на практикѣ общественнымъ мнѣніемъ, которое сдерживаетъ суровое обращеніе съ женщинами, хотя оно и дозволено по закону. Подобнымъ же образомъ и Японія, — прошедшая черезъ длинный періодъ внутреннихъ войнъ, заключившихся окончательной интеграціей, и пріобрѣтшая вполнѣ военную организацію, исключавшую всякую политическую свободу, — обнаруживала до послѣдняго времени точно такое же отсутствіе свободы и въ устройствѣ своего семейнаго быта: покупка женъ, наложничество, разводъ по простому желанію мужа, распятіе или обезглавленіе жены за невѣрность, — показываютъ это достаточно ясно. Но, съ развитіемъ промышленности, обнаружившимся въ Японіи въ послѣднее время, явились улучшенія и въ легальномъ положеніи женщинъ, такъ что мужъ не имѣетъ уже права судить самъ свою жену за прелюбодѣйство; и хотя и теперь еще можно видѣть иной разъ женщинъ, работающихъ цѣпомъ, однако же, въ большинствѣ случаевъ, по свидѣтельству Сэра Рутерфорда Алькока, мужчины „предоставляютъ женщинамъ болѣе легкія домашнія работы, а выполненіе болѣе трудныхъ вѣдомныхъ работъ берутъ на свою долю“.

§ 329. Конечно, трудно обобщать явленія, въ генезисъ которыхъ входятъ такіе многочисленныя и сложныя факторы, какъ характеръ расы, религіозныя вѣрованія, выжившіе обычаи и преданія, степень культуры и пр.; и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что многочисленность совместно дѣйствующихъ тутъ причинъ порождаетъ много несоотвѣтствій между теоретическими ожиданіями и фактами, ограничивающихъ въ нѣкоторой мѣрѣ добытое нами заключеніе. Тѣмъ не менѣе, суммируя приведенные выше доводы, мы убѣдимся, какъ мнѣ кажется, что защищаемое нами заключеніе можетъ считаться существенно вѣрнымъ.

Наименѣе запутанное изъ всѣхъ фактическихъ данныхъ и есть какъ разъ то, которое указываетъ намъ на это заключеніе съ наибольшей ясностью и силою. Припоминая, что почти всѣ простыя, нецивилизованныя общества, находясь въ хронической враждѣ съ своими сосѣдями, отличаются преобладаніемъ у нихъ военныхъ дѣятельностей; и что, въ то же самое время, положеніе женщинъ въ этихъ обществахъ чрезвычайно низко; а также припоминая вслѣдъ затѣмъ, что немногія простыя общества, представляющія исключенія изъ всѣхъ остальныхъ со стороны своего трудолюбія и миролюбія, представляютъ въ то же самое время точно такое же исключеніе изъ всѣхъ остальныхъ и со стороны

болѣе высокаго положенія ихъ женщинъ; мы не можемъ не видѣть, что одинъ этотъ послѣдній фактъ почти достаточенъ для доказательства нашего положенія, такъ какъ, въ этихъ случаяхъ, нельзя сослаться въ объясненіе ни на расу, ни на религію, ни на культуру.

Связь, существующая, какъ мы видѣли, между милитаризмомъ и многоженствомъ, съ одной стороны, и между индустриализмомъ и одноженствомъ, съ другой, обнаруживаетъ передъ нами ту же самую истину, только съ другой ея стороны: такъ какъ многоженство необходимо предполагаетъ низкое положеніе женщинъ, а одноженство, если и не предполагаетъ необходимо высокаго ихъ положенія, то представляетъ во всякомъ случаѣ существенное предварительное условіе для такого положенія.

Затѣмъ, приблизительное уравненіе численности половъ, являющееся слѣдствіемъ ослабленія военныхъ и усиленія промышленныхъ дѣятельностей, также ведетъ къ возвышенію положенія женщинъ; такъ какъ, пропорціонально возрастанію числа мужчинъ, могущихъ принимать участіе въ процессѣ поддержанія общественной жизни, эта работа все менѣе и менѣе тяжело ложится на женщинъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что тѣ общества, въ которыхъ являющійся такимъ образомъ избытокъ мужчинъ беретъ на себя болѣе тяжелыя работы, и въ которыхъ, вслѣдствіе этого, женщины, будучи облегчены отъ излишняго физическаго бремени, становятся способными къ произведенію большаго числа болѣе сильныхъ дѣтей, должны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, выигрывать въ борьбѣ за существованіе съ тѣми обществами, въ которыхъ мужчины не облегчаютъ такимъ образомъ своихъ женщинъ; а отсюда явится въ большинствѣ случаевъ стремленіе къ усиленію и распространенію обществъ съ улучшеннымъ положеніемъ женщинъ.

Затѣмъ, мы имѣемъ здѣсь тотъ фактъ, что деспотизмъ, отличающій собою общину, организованную для военныхъ цѣлей, находится въ тѣсной и существенной связи съ семейнымъ деспотизмомъ; и наоборотъ, — свобода, характеризующая общественную жизнь промышленной общины, естественно характеризуетъ также и домашнюю жизнь въ этой общинѣ. Въ первомъ случаѣ, въ обѣихъ областяхъ господствуетъ принудительная кооперація; во второмъ, въ обѣихъ областяхъ господствуетъ добровольная кооперація.

Другая сторона того же самаго факта обнаруживается передъ нами изъ разсмотрѣнія нравственнаго контраста, наблюдаемаго въ этихъ двухъ случаяхъ. Постоянная вражда съ врагами и постоянное ихъ истребленіе иссушаютъ источникъ симпатическихъ чувствъ; тогда какъ ежедневный обмѣнъ между гражданами взаимными продуктами и услугами не ставитъ никакихъ преградъ воз-

041935940

2024090933

растанію взаимнаго пониманія и сочувствія. И альтруизмъ, возрастающій вмѣстѣ съ возрастаніемъ мирнаго сотрудничества, улучшаетъ заразъ какъ жизнь внѣ семьи, такъ и жизнь внутри семьи ¹⁾.

¹⁾ На дняхъ, я натолкнулся на поразительное подтвержденіе высказанныхъ здѣсь взглядовъ въ только-что вышедшемъ сочиненіи Матъё Вилльямса: *Путешествіе съ Дами по Норвегіи* (W. Mattieu Williams, F. R. A. S., F. C. S.: *Through Norway with Ladies*). Къ сожалѣнію, это подтвержденіе явилось такъ поздно, что я не только не могъ вставить его на надлежащее мѣсто, но даже долженъ былъ испортить готовую уже стереотипную доску, чтобы привести его хотя въ сноскѣ. Онъ говоритъ: «изъ числа самыхъ утонченныхъ народовъ въ цѣломъ свѣтѣ, нѣтъ ни одного, у котораго относительное положеніе мужчины и женщины было бы болѣе благопріятнымъ для этой послѣдней, чѣмъ у Лапландцевъ». Приведа доказательства этихъ словъ изъ своихъ личныхъ наблюденій, онъ спрашиваетъ себя о причинѣ этого явленія и говоритъ: «Не оттого ли это, что мужчины не воинны?.... У нихъ нѣтъ солдатъ; у нихъ нѣтъ битвъ, ни съ чужеземцами, ни между различными племенами, ни между отдѣльными семьями. Не смотря на свои убогія хижины, на свои грязныя лица, на свое первобытное одѣяніе и на свое невѣжество въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ, они стоятъ выше насъ со стороны нравственнаго элемента,—этого наивысшаго элемента всякой истинной цивилизаціи; и всѣ воинственные народы свѣта должны бы были стоять передъ ними съ непокрытыми головами» (стр. 162—3).

ГЛАВА XI.

Положеніе дѣтей.

§ 330. Извѣстно, что самыя свирѣпыя звѣри обращаются съ своими дѣтенышами съ большою нѣжностью; подобнымъ же образомъ даже самыя грубыя человѣческія расы обнаруживаютъ нѣжную привязанность къ своимъ дѣтямъ. Объясненіе этой кажущейся аномаліи очевидно. Мы уже видѣли, что суровость обращенія мужчинъ съ женщинами не можетъ заходить за извѣстные предѣлы безъ того, чтобы не повлечь за собою исчезновенія самаго племени; подобнымъ же образомъ, и здѣсь мы видимъ, что племя должно неизбѣжно угаснуть, если любовь къ дѣтямъ не будетъ въ немъ достаточно сильна. Вслѣдствіе этого, мы не должны удивляться, когда Муать рассказываетъ намъ, что обитатели Андаманскихъ острововъ „обнаруживаютъ чрезвычайную нѣжность и привязанность къ своимъ дѣтямъ“; или когда мы читаемъ у Сноу, что Огнеземельцы обоюго пола сильно привязаны къ своимъ дѣтямъ; или когда мы узнаемъ отъ Стурта, что Австралійскіе отцы и матери обращаются съ своими малютками съ большою нѣжностью. Да и въ самомъ дѣлѣ, сильная любовь, дѣлающая человѣка готовымъ на большія самопожертвованія, особенно необходима именно при условіяхъ дикой жизни, гдѣ взрощеніе дѣтей представляетъ большія трудности, и поддержаніе такой любви обезпечивается здѣсь постояннымъ вымираніемъ тѣхъ семей, въ которыхъ она оказывается недостаточно сильною.

Но эта сильная родительская любовь дикарей, подобно родительской любви животныхъ, обнаруживается очень безпорядочнымъ образомъ. Какъ между звѣрями чадолюбивый инстинктъ иногда уступаетъ мѣсто желанію умертвить или даже сожрать своихъ дѣтенышей, такъ и у первобытныхъ людей этотъ инстинктъ иной разъ подавляется другими временными побужденіями, подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ стимуловъ. Такъ, на примѣръ, Австралійскія ма-

тери, не смотря на всю свою привязанность къ дѣтямъ, покидаютъ ихъ иной разъ въ минуту опасности; что же касается до Австралийцевъ-мужчинъ, то, если вѣрить Ангасу, ему случалось видѣть между ними такихъ, которые наживляли свои удочки мясомъ убитыхъ ими мальчиковъ. Точно также и Огнеземельцы, не смотря на свои сильныя родительскія чувства, продаютъ своихъ дѣтей въ рабство; а у Индѣйцевъ-Чоносовъ отецъ, не смотря на страстную привязанность къ своему мальчику, иной разъ убиваетъ его въ припадкѣ гнѣва, по поводу самаго пустаго проступка. Такія несообразности встрѣчаются намъ повсюду у низшихъ расъ. Фалкнеръ говоритъ, что родительскія чувства у Патагонцевъ очень сильны, но что, не смотря на это, они часто закладываютъ и продаютъ Испанцамъ своихъ женъ и дѣтей за водку. Подобнымъ же образомъ и Индѣйцы изъ племени Саундъ, по свидѣтельству Банкрофта, „продаютъ и проигрываютъ“ своихъ дѣтей. По словамъ Симпсона, Пи-Эды „отдаютъ своихъ дѣтей собственно-Утамъ въ обмѣнъ за нѣсколько бездѣлушекъ или за нѣсколько кусковъ матеріи“. А объ Индѣйцахъ племени Макузи Шомбургкъ пишетъ: „Индѣецъ спрашиваетъ за своего ребенка ту же самую пѣну, какъ за собаку“.

Это кажущееся безсердечіе по отношенію къ дѣтямъ часто является послѣдствіемъ тѣхъ трудностей, съ которыми связано ихъ взращеніе. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это обстоятельство представляетъ главную причину дѣтоубійства, столь распространеннаго между нецивилизованными и получивилизованными расами: ему слѣдуетъ приписать погребеніе живаго ребенка вмѣстѣ съ матерью, умершей родами, умерщвленіе одного изъ двойней и убиваніе вновь рождающихся дѣтей, когда въ семьѣ имѣется уже нѣсколько живыхъ дѣтей. Въ оправданіе всѣхъ этихъ обычаевъ можетъ быть приведено такое же извиненіе, какое приводится обыкновенно въ оправданіе умерщвленія больныхъ и стариковъ. Рассказывая о покиданіи своихъ стариковъ кочующими племенами прерій, Кэтлинь говоритъ: „въ подобныхъ случаяхъ часто бываетъ безусловно необходимымъ бросить ихъ; да они и сами всегда настаиваютъ на этомъ, какъ этотъ старикъ, говоря, что они уже дряхлы и не годятся болѣе ни на что, что они сами покинули точно такимъ же образомъ своихъ отцевъ, что они желаютъ умереть и что ихъ дѣти не должны печалиться о нихъ“; подобнымъ же образомъ Геріотъ рассказываетъ о Наскописяхъ, что здѣсь „отецъ, доживъ до старости, выбираетъ обыкновенно для своего умерщвленія самаго любимаго своего сына“; а у Кэна мы читаемъ объ одномъ вождѣ Ассайнебойновъ, что онъ „убилъ свою собственную мать“, потому что, „сдѣлавшись стара и слаба“, она „просила его сжалиться надъ нею и положить конецъ ея бѣдственному существованію“; всѣ эти свидѣтельства невольно приводятъ насъ

къ тому заключенію, что какъ истребленіе дряхлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ можетъ уменьшать общее количество страданій, которыя приходится переносить при условіяхъ дикой жизни, такъ точно можетъ дѣйствовать и истребленіе младенцевъ, когда безплодность страны, многочисленность лишеній и суровость всей житейской обстановки дѣлаютъ практически невыносимымъ взращеніе большого числа дѣтей. Подобное же смягчающее обстоятельство должно быть принято въ соображеніе и при сужденіи о дикаряхъ, продающихъ или промѣнивающихъ своихъ дѣтей: весьма возможно, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, стремленіе къ удовлетворенію нуждъ младшихъ дѣтей можетъ побудить къ пожертвованію старшими.

И такъ, обобщая сказанное, мы видимъ, что у нецивилизованныхъ народовъ, какъ и у животныхъ, инстинкты и непосредственные порывы суть единственные побудители къ дѣйствіямъ и единственные ихъ сдерживатели. Положеніе ребенка первобытнаго человѣка сходно съ положеніемъ дѣтеныша медвѣдя. Тутъ нѣтъ ни нравственнаго обязательства, ни нравственной сдержки, а есть только неограниченная власть—вскормить, покинуть или даже умертвить, смотря по тому, къ чему побуждаетъ въ данную минуту любовь или гнѣвъ.

§ 331. Къ побужденіямъ естественной привязанности, уже на весьма раннихъ ступеняхъ прогресса, присоединяются еще нѣкоторые добавочные мотивы,—частью личнаго, частью общественнаго характера,—мотивы, съ одной стороны, содѣйствующіе обезпеченію жизни дѣтей, но, съ другой стороны, порождающіе въ то же самое время различія въ положеніи дѣтей разныхъ половъ. Во-первыхъ, тутъ имѣется желаніе усилить племя на случай войны; во-вторыхъ, желаніе имѣть въ будущемъ мстителя по отношенію къ личнымъ врагамъ, и, наконецъ, желаніе оставить по себѣ существо, которое исполнило бы погребальные обряды и продолжало бы совершать возліянія на могилѣ.

Настоятельная нужда въ увеличеніи числа воиновъ неизбѣжно ведетъ къ предпочтенію дѣтей мужскаго пола. Читая, что воинственные Чечекеасы „очень любили своихъ сыновей, которые воспитывались у нихъ отцами, но презирали и ненавидѣли дочерей“; или что Панчесы „убивали перваго ребенка, если этотъ ребенокъ былъ дѣвочка, и поступали такимъ образомъ со всѣми дѣвочками, рождавшимися прежде мальчика“, мы видимъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводило это желаніе имѣть сыновей; да и повсюду мы находимъ, что оно вело всегда или къ умерщвленію дочерей, или къ равнодушію къ нимъ и къ дурному обращенію съ ними. И надо сказать, что это желаніе, возникающее вслѣдствіе только что указаннаго мотива, продолжаетъ держаться чрезвычайно долго, черезъ все протяженіе длиннаго ряда ступеней обществен-

ной жизни, какъ это можно видѣть изъ словъ Геродота, что каждый Персъ гордился числомъ своихъ сыновей, и что говорятъ даже, будто бы Персидскій царь выдавалъ ежегодную награду тому Персу, у котораго оказывалось наибольшее число живыхъ сыновей. Очевидно, что общественный интересъ, явившійся такимъ образомъ на помощь родительскому чувству, послужилъ къ возвышенію положенія дѣтей мужскаго пола надъ положеніемъ дѣтей женскаго пола.

Въ одномъ мѣстѣ Экклезіаста говорится: „онъ оставилъ по себѣ мстителя своимъ врагамъ“; очевидно, что желаніе, заключающееся въ этой фразѣ, должно было служить новой причиной стремленія къ рожденію и сохраненію сыновей; и дѣйствительно, эта причина имѣла большой вѣсъ у всѣхъ расъ, находившихся въ состояніи варварства и полу-цивилизациі. Священный долгъ кровомщенія—самое древнее изъ признававшихся людьми нравственныхъ обязательствъ—не переставалъ жить все время, пока общества продолжали оставаться по преимуществу воинственными, и порождалъ стремленіе имѣть себѣ представителя мужскаго пола, который отмстилъ бы всѣмъ тѣмъ, отъ кого были получены какія-нибудь оскорбленія. Этотъ обычай завѣщанія въ наслѣдство вражды, долженствующей быть потушенной кровью,—обычай, могущій быть прослѣженнымъ вплоть до новыхъ временъ, даже между такъ называемыми христіанами,—какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ извѣстнаго Духовнаго завѣщанія Брантома,—долженъ былъ съ теченіемъ времени поднять цѣну сыновей и установить, по отношенію къ излишней суровости обращенія съ ними, извѣстную сдержанность, которой не было мѣста въ обращеніи съ дочерьми: а отсюда должно было явиться дальнѣйшее различіе въ положеніи дѣтей разнаго пола.

Развитіе предкопкленія, повелѣвающего каждому человѣку приносить жертвы на гробницахъ своихъ ближайшихъ и отдаленныхъ мужскихъ предковъ, предполагаетъ предвкушеніе подобныхъ же жертвоприношеній своей собственной тѣни со стороны своего сына, и порождаетъ такимъ образомъ еще новое побужденіе къ тому, чтобы лелѣять своихъ сыновей, т. е. къ родительскому чувству къ дѣтямъ прибавляется тутъ еще новое чувство, которое опять-таки говорить болѣе въ пользу мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Вліянія этого мотива могутъ быть хорошо наблюдаемы въ настоящее время на Китайцахъ, у которыхъ смерть единственнаго сына оплакивается особенно сильно, именно потому, что послѣ этой смерти не остается никого, кто бы дѣлалъ со временемъ жертвоприношенія на гробницѣ человѣка, и у которыхъ возникающая такимъ образомъ настоятельная потребность имѣть сына считается вполне оправдывающей взятіе наложницы, „коль скоро человѣкъ не имѣетъ сыновей отъ

своей жены (ибо дочери никогда не идутъ въ счетъ), тогда какъ въ томъ случаѣ, когда у него имѣются сыновья отъ жены, взятіе служанки считается предосудительнымъ“. Припоминая Египетскіе стѣнные рисунки и папирусы, а также подобныя же свидѣтельства Ассирійскихъ лѣтописей, показывающія, что жертвы предкамъ приносились ихъ мужскими потомками; припоминая также, что у древнихъ Иранцевъ, Индусовъ, Грековъ и Римлянъ дочь была неспособна къ выполнению этой обязанности, и что, слѣдовательно, для поддержанія семейнаго культа требовались сыновья, мы видимъ, какимъ образомъ эта развитая форма первобытной религіи, усиливая сыновнее подчиненіе, прибавляла въ то же время новый побудительный мотивъ для усиленія родительскихъ попеченій,—но только о сыновьяхъ, а не о дочеряхъ.

И такъ, короче говоря, отношенія взрослыхъ къ молодежи у человѣческихъ существъ сходились вначалѣ съ отношеніями, существующими у животныхъ; но потомъ начали принимать болѣе высокія формы, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ желаній, а именно: желанія пріобрѣсть лишняго помощника для борьбы съ врагами племени, желанія имѣть мстителя за полученныя личныя обиды и желанія оставить послѣ себя существо, которое заботилось бы о нашемъ посмертномъ благосостояніи,—причемъ всѣ эти мотивы, усиливаясь все болѣе и болѣе съ каждымъ шагомъ общества черезъ рядъ древнѣйшихъ ступеней его развитія, доставляли постепенно извѣстную силу притязаніямъ дѣтей мужскаго пола, хотя и не давали ничего подобнаго дѣтямъ женскаго пола. Такимъ образомъ, мы видимъ опять, какъ тѣсна связь между воинственностью мужчинъ и низкимъ положеніемъ женщинъ.

§ 332. Здѣсь мы само собой приходимъ къ вопросу о томъ, какая связь существуетъ между положеніемъ дѣтей и формою общественной организаціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ сроденъ съ тѣмъ, который былъ полученъ нами въ предыдущей главѣ, а именно—смягченіе обращенія съ дѣтьми сопровождается переходомъ отъ военнаго общественнаго типа къ промышленному.

Тѣ наинизшія общественныя состоянія, на которыхъ отецъ то боготворитъ своего ребенка, то убиваетъ его, то продаетъ въ чужія руки, смотря по тому, къ чему побуждаетъ его господствующее чувство данной минуты, представляютъ повсюду тѣ именно состоянія, при которыхъ войны съ окрестными племенами имѣютъ хроническій характеръ. Эта безусловная зависимость дѣтей отъ отцовской воли имѣетъ мѣсто при всѣхъ формахъ милитаризма, т. е. какъ при милитаризмѣ архаическихъ группъ, такъ и при милитаризмѣ группъ, достигшихъ болѣе высокаго устройства. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, одинаково существуетъ та власть отца надъ жизнью и смертію своихъ дѣтей, которая составляетъ полнѣйшее отрицаніе всякихъ правъ и притязаній

041935941
2025090933

съ ихъ стороны. Сравнивая положеніе дѣтей у самыхъ грубыхъ воинственныхъ племенъ съ положеніемъ ихъ у патриархальныхъ племенъ и у народцевъ, сложившихся изъ этихъ послѣднихъ, мы можемъ сказать только одно, что прежняя система отношеній къ дѣтямъ продолжаетъ и здѣсь держаться въ теоріи во всей своей полнотѣ, но что на практикѣ она получаетъ извѣстные ограниченія и смягченія, и что эти ограниченія возрастаютъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ индустріализма.

Фиджійцы, находящіеся подъ властью страшно деспотическаго правительства и отличающіеся своей свирѣпостью въ войнахъ, представляютъ въ то же время примѣръ необыкновенно низкаго положенія дѣтей. Дѣтоубійство, въ особенности же умерщвленіе младенцевъ женскаго пола, простирается здѣсь болѣе чѣмъ на половину всего числа рождающихся дѣтей, приближаясь даже скорѣе къ двумъ третямъ этого числа. „Они убиваютъ своихъ младенцевъ изъ чистаго каприза, изъ-за мелкихъ удобствъ, подъ вліяніемъ гнѣва и даже по безпечности и лѣни“. А Эскинъ говоритъ: „для умилостивленія могущественнаго вождя его собственные подданные приносятъ ему въ даръ своихъ дѣтей“, и притомъ не для обращенія ихъ въ рабство, а для фды. Кровожадная, воинственная раса Мексики, Чечемекасы, представляетъ намъ другой примѣръ чрезвычайной родительской власти: сыновья „не могутъ вступать въ бракъ безъ согласія родителей; если молодой человѣкъ нарушитъ этотъ законъ, его наказываютъ за это смертью“. Этотъ примѣръ напоминаетъ намъ о домашнемъ бытѣ древнихъ Мексиканцевъ (состоявшихъ въ значительной степени изъ пришельцевъ-побѣдителей Чечемекасовъ, отличавшихся людоѣдствомъ). Ихъ общественная организація отличалась въ высшей степени военнымъ характеромъ; а о ихъ домашнемъ бытѣ Клявиеро говоритъ: „воспитаніе дѣтей у нихъ было таково, что они находились въ величайшемъ страхѣ передъ своими родителями, такъ что даже взрослые, женатые сыновья едва осмѣливались говорить въ ихъ присутствіи“. Семейный бытъ въ древней Центральной Америкѣ имѣлъ подобный же характеръ. А въ древнемъ Перу существовалъ законъ, по которому „сыновья должны были повиноваться и служить своимъ отцамъ до достиженія ими двадцатипятилѣтняго возраста“.

Если мы обратимся теперь къ тѣмъ немногочисленнымъ нецивилизованнымъ или получивилизованнымъ обществамъ, которыя отличаются или исполнѣ, или по преимуществу промышленнымъ характеромъ, то мы найдемъ, что ихъ дѣти, какъ и ихъ женщины, занимаютъ болѣе высокое общественное положеніе. У миролюбивыхъ Бодосовъ и Дималовъ „дѣтоубійство совершенно неизвѣстно“; они обращаются съ своими дочерьми „съ довѣріемъ и любовью“ и при заключеніи браковъ „справляются съ мнѣніемъ невѣсты“; къ этому

слѣдуетъ прибавить еще тотъ соотносительный фактъ, что „они считаютъ по-стыднымъ покиданіе престарѣлыхъ родителей на произволъ судьбы“. Точно также и Дайяки, преданные въ значительной степени промышленнымъ дѣятельностямъ и необладающіе военнымъ общественнымъ устройствомъ, представляютъ подобный же примѣръ, такъ какъ, по свидѣтельству Брука, „случаи дѣтоубійства здѣсь рѣдки“. Кромѣ того, мы уже видѣли, по другому поводу, что у нихъ существуетъ правильное ухаживаніе и сватовство, и что ихъ дѣвушки пользуются правомъ выбирать себѣ своихъ будущихъ мужей, что указываетъ, конечно, на извѣстную свободу дѣтей. Про Самоанцевъ, — которые, и по своему образу жизни, и по своему общественному строю, оказываются приближающимися къ промышленному типу гораздо болѣе, чѣмъ всѣ сосѣдніе Малайо-Полинезійцы, — намъ рассказываютъ, что дѣтоубійство, въ формѣ умерщвленія младенцевъ уже послѣ ихъ рожденія, неизвѣстно у нихъ; кромѣ того, про нихъ извѣстно, что дѣти, не получившія согласія родителей на свой бракъ, женятся тутъ убѣгомъ, что предполагаетъ съ ихъ стороны извѣстную степень независимости. То же самое можно сказать и о Негритосахъ, живущихъ на островѣ Танна, гдѣ милитаризмъ развитъ слабо и гдѣ не существуетъ ясно выраженного политическаго главенства. Тёрпьеръ говоритъ о нихъ: „Таннезійцы очень привязаны къ своимъ дѣтямъ. Здѣсь совсѣмъ не существуетъ дѣтоубійства. Они дѣлаютъ своимъ дѣтямъ, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ, всяческія снисхожденія“. Наконецъ, мы имѣемъ тутъ мирныхъ, трудолюбивыхъ Пуэблосовъ, у которыхъ дѣти совершенно не стѣснялись родителями въ дѣлѣ брака, и у которыхъ, какъ мы уже видѣли, дочери пользовались даже особенными привилегіями.

Такимъ образомъ, рядомъ съ высокимъ развитіемъ военного общественнаго типа, идетъ чрезвычайное подчиненіе дѣтей родителямъ, причемъ положеніе дѣвочекъ бываетъ еще ниже положенія мальчиковъ; по мѣрѣ же того, какъ общественный типъ становится все менѣе и менѣе воинственнымъ, мы замѣчаемъ не только все большее и большее признаніе правъ и притязаній дѣтей, но еще и то, что признанныя за мальчиками и дѣвочками права стремятся все болѣе и болѣе сравняться между собою.

§ 333. Подобныя же данныя доставляются намъ и тѣми обществами, которыя, пройдя черезъ патріархальныя формы семейнаго и политическаго правленія, развились въ большіе народы. Какова бы ни была раса: Туранская, Семитическая или Арійская, повсюду мы видимъ ту же самую связь между политическимъ абсолютизмомъ надъ подданными и семейнымъ абсолютизмомъ надъ дѣтьми.

Въ Китаѣ, умерщвленіе младенцевъ женскаго пола представляетъ обык-

 041935940
 19133

новенное явленіе; здѣшніе „родители продають своихъ дѣтей въ раба“ при заключеніи брака, „родители дѣвушки всегда требуютъ извѣстную цѣну за свою дочь“, а „насильственные браки часто приводятъ здѣсь къ самымъ трагическимъ послѣдствіямъ“. „Вступленіе молодаго челоука въ бракъ, единственно подѣ вліяніемъ любви, было бы чудовищнымъ нарушеніемъ долга сыновняго почтенія и послушанія; а всякое предпочтеніе со стороны дѣвушки было бы столь же гнуснымъ преступленіемъ, какъ и невѣрность“. „Они придерживаются того правила, что какъ императору принадлежитъ заботливость отца по отношенію къ своему народу, такъ и отецъ должна принадлежать власть императора надъ своею семьей“. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что эта законно-безграницная родительская власть, ведущая свое начало отъ воинственныхъ временъ и продолжающая держаться рядомъ съ военнымъ типомъ общественнаго строя, понемногу смягчилась на практикѣ, подѣ вліяніемъ чувствъ, порождаемыхъ промышленнымъ общественнымъ строемъ: такъ, дѣтоубійство, порицаемое нынѣ правительственными указами, находитъ себѣ еще извиненіе только въ бѣдности, въ соединеніи съ необходимостью вырастить ребенка мужскаго пола; а дѣйствія родителей, торгующихъ своими дѣтьми, сдерживаются теперь въ извѣстной мѣрѣ общественнымъ мнѣніемъ.

Военный типъ общественнаго устройства, достигшій такого высокаго развитія у Японцевъ, въ періодъ ихъ древнихъ войнъ, сопровождается и здѣсь такою же значительною сыновнею подчиненностью. Митфордъ, смягчая до нѣкоторой степени показанія прежнихъ писателей, допускаетъ тѣмъ не менѣе, что нуждающіеся люди „продають своихъ дочерей въ служанки, въ пѣвицы и въ проститутки“; а Сэръ Рутерфордъ Алькокъ говоритъ, что „если и не во всѣхъ случаяхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, родители также имѣютъ несомнѣнное право продавать своихъ дѣтей“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что подчиненіе младшихъ старшимъ, независимо отъ пола, оказывается здѣсь еще болѣе значительнымъ, чѣмъ подчиненіе женскаго пола мужскому; ибо, какъ ни низко рабское подчиненіе жены мужу, тѣмъ не менѣе, послѣ его смерти, власть вдовы „надъ сыномъ восстанавлиетъ равновѣсіе и исправляетъ несправедливость, ставя женщину, какъ мать, далеко выше мужчины, какъ сына, каковъ бы ни былъ его возрастъ и общественное положеніе“. То же самое имѣетъ мѣсто и у Китайцевъ.

Что, у первобытныхъ Семитовъ, отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, и что, рядомъ съ этимъ, положеніе дѣвочекъ было у нихъ ниже положенія мальчиковъ, — это такъ общезвѣстно, что не требуетъ приведенія фактическихъ доказательствъ. Но, въ видахъ дальнѣйшаго уясненія существовавшаго тутъ отношенія между родителями и дѣтьми, я могу привести тотъ

фактъ, что дѣти до такой степени считались тутъ собственностью отца, что ихъ можно было отбирать за его долги (Кн. Царей IV. 1; Іова XXIV. 9); а также тотъ фактъ, что продажа дочерей была дозволена закономъ (Исходъ XXI. 7); и, наконецъ, тотъ фактъ, что всѣ повелѣнія законодательства по отношенію къ обращенію съ дѣтьми клонились исключительно въ пользу родителей: вспомнимъ, для примѣра, хотя соображенія, приводимыя Экклезіастомъ (гл. XXX) въ пользу наказыванія сыновей; или вспомнимъ хотя тотъ фактъ, что, по Второзаконію (XXI. 18), мятежный сынъ наказывался смертию, посредствомъ побитія его камнями. Хотя на позднѣйшихъ, обѣдлыхъ ступеняхъ развитія Евреевъ, у нихъ и возникли нѣкоторыя смягченія и ограниченія родительскаго абсолютизма, тѣмъ не менѣе, рядомъ съ продолженіемъ военного типа правительственнаго устройства, продолжало существовать и крайнее сыновнее подчиненіе.

Уже въ главѣ о Семѣѣ, говоря о Римлянахъ, какъ объ образчикѣ той общественной и семейной организаціи, которой обладали побѣдители-Аріицы, во время распространенія ихъ по Европѣ, мы указали косвеннымъ образомъ на кое-какіе факты относительно положенія дѣтей у этого народа. Приведемъ теперь еще нѣсколько указаній болѣе прямого свойства. Описывая власть Римскаго отца, Моммзенъ говоритъ: „члены семьи были лишены легальныхъ правъ; жена и ребенокъ имѣли ихъ столь же мало, какъ и рабъ или волъ“. Отецъ могъ выбросить своего ребенка; религіозное запрещеніе, не позволявшее этого „по отношенію ко всѣмъ сыновьямъ, кромѣ родившихся уродами, и по отношенію по крайней мѣрѣ къ первой дочери“, не имѣло гражданской санкціи. Онъ имѣлъ право и обязанность судить членовъ своей семьи и налагать на нихъ такія наказанія, которыя онъ считалъ подходящими, не исключая тѣлеснаго наказанія и даже смертной казни“. Онъ имѣлъ также право продать своего ребенка. Остается сказать, что то же самое развитіе индустріализма, которое, какъ мы видѣли, шло рядомъ съ улучшеніемъ въ положеніи женщинъ, въ продолженіе возрастанія Римской Имперіи, шло рядомъ и съ улучшеніемъ въ положеніи дѣтей. Я могу прибавить къ этому, что, въ Греціи, мы можемъ найти подобныя же обнаруженія отцовскаго абсолютизма: такъ, напримѣръ, тамъ человѣкъ могъ завѣщать свою дочь, какъ онъ могъ завѣщать даже свою жену.

§ 334. Если мы сравнимъ теперь древнее состояніе нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ, отличавшееся хроническими войнами, съ позднѣйшими ступенями ихъ развитія, отличающимися все менѣе и менѣе постоянной и повсемѣстной военной дѣятельностью, и все болѣе и болѣе расширеніемъ промышленныхъ дѣятельностей, то мы опять-таки встрѣтимся съ различіями подобнаго же значенія.

Мы имѣемъ тутъ свидѣтельство Цезаря о Кельтахъ и Галлахъ, у которыхъ отцы „не дозволяютъ своимъ дѣтямъ приближаться къ себѣ открыто до достиженія ими совершеннолѣтія“. Затѣмъ, мы знаемъ, что, въ Меровингскій періодъ, отецъ могъ продать своего ребенка, что могла сдѣлать также и вдовствующая мать, и эта власть сохранялась вплоть до девятого вѣка и даже позднѣе. Во время упадка феодализма, предшествовавшего Французской Революціи, семейная подчиненность, особенно между аристократіей, была еще такъ велика, что Шатобріанъ говоритъ:— „моя мать, моя сестра и я самъ превращались, въ присутствіи моего отца, въ настоящія статуи и приходили въ себя только тогда, когда онъ покидалъ комнату“. А Тэнъ, ссылаясь на Бомарше и Бретонна, показываетъ, что эта суровость отцовской власти была всеобщей. Затѣмъ, уже послѣ революціи, Сегюръ пишетъ:— „у нашихъ добрыхъ предковъ, тридцатилѣтній мужчина находился въ большемъ подчиненіи главѣ семьи, чѣмъ теперь какой-нибудь восемнадцатилѣтній мальчикъ“.

Наша собственная исторія доставляетъ намъ подобныя же свидѣтельства. Описывая нравы пятнадцатаго вѣка, Райтъ говоритъ:— „молодые дѣвушки, даже самыхъ знатныхъ семействъ, воспитывались не только строго, но даже тираннически... Въ самомъ дѣлѣ, родительская власть доходила тогда почти до чрезвычайныхъ предѣловъ“. Вплоть до семнадцатаго вѣка, „дѣти должны были стоять, въ присутствіи своихъ родителей, на ногахъ или даже на колѣняхъ, въ трепещущемъ молчаніи, и не осмѣливались сѣсть безъ ихъ приказанія“. Просматривая литературу, даже послѣдняго вѣка, мы можемъ видѣть, — и изъ почтительнаго употребленія словъ Sir и Madame, при обращеніи къ родителямъ; и изъ той власти, которою пользовались родители при устройствѣ браковъ своихъ дѣтей; и изъ той степени, до которой тогдашніе сыновья, а ужъ тѣмъ болѣе дочери, считали своимъ долгомъ принимать изъ рукъ своихъ родителей выбранныхъ для нихъ супруговъ и супруговъ, — что, и въ этомъ вѣкѣ, продолжала еще сохраняться значительная сыновья подчиненность, пропорціональная тогдашней политической подчиненности. Но, съ началомъ нынѣшняго столѣтія, рядомъ съ громаднымъ развитіемъ индустріализма и съ соотвѣстнымъ ему прогрессомъ по направленію къ болѣе свободному типу общественной организаціи, явилось значительное возрастаніе и юношеской свободы, какъ это можно видѣть изъ значительно умѣрившейся родительской повелительности, изъ смягченія наказаній и изъ того уменьшенія формальностей въ семейныхъ сношеніяхъ, которымъ сопровождалось постепенное превращеніе отцевъ изъ господъ въ друзей своихъ дѣтей.

Различія подобнаго же значенія могутъ быть прослѣжены и между современными намъ цивилизованными обществами, въ ихъ нынѣшнемъ состояніи,

т. е. между болѣ воинственными и менѣ воинственными народами нынѣшней Европы. Рядомъ съ относительно высокимъ развитіемъ промышленнаго типа политической организаціи въ Англіи, мы находимъ здѣсь менѣ принудительное обращеніе съ дѣтьми, чѣмъ во Франціи и Германіи, гдѣ индустриализмъ повліялъ на политическую организацію въ меньшей степени. Во Франціи, рядомъ съ большою нѣжностью къ дѣтямъ и съ большою снисходительностью къ нимъ, мы находимъ однако болѣ тщательный надзоръ за ними, причѣмъ стѣсненія, налагаемыя на ихъ дѣйствія, и сильнѣе, и многочисленнѣе, чѣмъ у насъ: Французскія дѣвушки никогда не выходятъ дома изъ подъ материнскаго контроля, а ихъ мальчики подвержены въ школѣ военной дисциплинѣ. Прибавимъ къ этому, что родительскій надзоръ надъ дѣтьми, уже готовыми къ вступленію въ бракъ, все еще заходитъ здѣсь до такой степени, что молодымъ людямъ предоставляется очень мало возможности для того, чтобы самимъ сдѣлать свой выборъ. Въ Германіи, опять таки строгость школьнаго правленія представляетъ большое сходство съ строгостью политическаго правленія. Одна Нѣмецкая дама, долго жившая въ Англіи и пріобрѣтшая большую опытность въ качествѣ учительницы, говоритъ: „Англійскія дѣти не находятся подъ тираннической властью своихъ родителей. Родители только руководятъ ихъ дѣйствіями. Въ нихъ развиваютъ духъ независимости и сознаніе своихъ личныхъ правъ. Поэтому, я отлично понимаю того учителя, который сказалъ, что онъ охотнѣе возьмется обучать двадцать Нѣмецкихъ дѣтей, чѣмъ одного Англійскаго; я говорю, что я понимаю этого учителя, но не сочувствую ему. Нѣмецкій ребенокъ почти рабъ по сравненію съ Англійскимъ, а потому его легче можно подчинить своей власти“.

Наконецъ, мы имѣемъ тутъ тотъ фактъ, что, въ Соединенныхъ Штатахъ, отличающихся уже съ давнихъ поръ значительнымъ развитіемъ промышленной организаціи, съ очень малой примѣсью организаціи военной, родительское правленіе стало мало по малу чрезвычайно слабымъ; кромѣ того, и дѣвочки, и мальчики, по своему относительному положенію, стоятъ здѣсь почти на одинаковой ногѣ. Независимость, достигнутая тутъ дѣтьми, такова, что молодая дѣвушка имѣютъ часто свой собственный кругъ знакомства и заводятъ себѣ друзей, не спрашивая позволенія своихъ отцовъ и матерей и не встрѣчая съ ихъ стороны никакихъ помѣхъ.

§ 335. И такъ,—какъ это можно было предвидѣть уже напередъ,—мы находимъ рядъ переимѣнъ въ положеніи дѣтей, параллельный видѣнному нами ряду переимѣнъ въ положеніи женщинъ.

Въ архаическихъ обществахъ, не имѣющихъ законовъ и обладающихъ обычаями, простирающимися лишь на нѣкоторыя части жизни, не существуетъ никакихъ предѣловъ власти родителей; и страсти, находящіяся въ ежедневномъ

УДК 316.74
ББК 62.019.003.3

упражненіи, при враждебныхъ столкновеніяхъ съ звѣрями и людьми, слѣдуютъ здѣсь, по отношенію къ дѣтямъ, однимъ только инстинктомъ чадолюбія.

Но, уже въ очень ранній періодъ общественнаго развитія, желаніе имѣть товарища по оружію, отмстителя за личныя обиды и, наконецъ, исполнителя жертвоприношеній, прибавляетъ къ отцовскому чувству еще и другіе мотивы, стремящіеся доставить дѣтямъ мужскаго пола нѣчто вродѣ общественнаго положенія, но оставляющіе дѣтей женскаго пола все еще въ точно такомъ же состояніи, въ какомъ находятся дѣтеныши звѣрей.

Эти отношенія отца къ сыну и дочери, возникающія уже въ болѣе прогрессивныхъ группахъ архаическаго типа и приобретающія особенно прочный и установившійся характеръ, когда пастушеская жизнь порождаетъ патриархальную группу, продолжаютъ и послѣ отличать собою общества, сохраняющія по преимуществу воинственный характеръ и строй, будутъ ли это общества, развившіеся изъ патриархальныхъ группъ, или общества, сложившіеся какимъ либо инымъ путемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, побѣда и пораженіе, выражающія собою окончательный результатъ всякой военной дѣятельности, имѣютъ всегда своими соотносительными спутниками деспотизмъ и рабство во всѣхъ общественныхъ сферахъ: т. е. какъ въ военной организаціи, такъ и въ политической организаціи, такъ и въ семейной организаціи.

Положеніе дѣтей, какъ и положеніе женщинъ, возвышается пропорціонально тому, какъ принудительная кооперація, характеризующая воинственные дѣятельности, все болѣе и болѣе ограничивается въ обществѣ добровольной кооперацией, характеризующей промышленныя дѣятельности. Мы видѣли это изъ сравненія наиболѣе воинственныхъ изъ числа нецивилизованныхъ народовъ съ другими, менѣе воинственными; мы видѣли это также изъ сравненія древняго, воинственнаго состоянія нынѣ существующихъ народовъ съ ихъ позднѣйшимъ, болѣе промышленнымъ состояніемъ; затѣмъ, мы видѣли то же самое изъ сравненія вынѣшнихъ народовъ, отличающихся относительной воинственностью, съ другими современными народами, отличающимися относительно промышленнымъ складомъ. Наконецъ, въ особенности ясно обнаружилось это изъ того факта, что у первобытныхъ нецивилизованныхъ обществъ, отличающихся исключительнымъ миролюбіемъ, и положеніе дѣтей оказывается исключительно высокимъ.

Но всего убѣдительнѣе обнаруживается эта связь при слѣдующей, антитетической сгруппировкѣ фактовъ. Съ одной стороны, всѣ вообще дикія племена, находящіеся обыкновенно въ состояніи хронической военной дѣятельности, а равно и великіе народы древности, отличавшіеся преимущественно военнымъ складомъ и дѣятельностью, представляютъ ту общую черту между собою, что у всѣхъ у нихъ отецъ имѣетъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. Съ

другой-же стороны, немногія нецивилизованныя племена, отличающіяся своимъ миролюбіемъ и промышленностью, вмѣстѣ съ наиболѣе передовыми изъ цивилизованныхъ народовъ, представляютъ ту общую черту между собою, что здѣсь жизнь дѣтей священна, и что дѣти, — какъ юноши, такъ и дѣвушки, — пользуются тутъ значительною долею свободы.

ГЛАВА XII.

Взглядъ на прошедшее и будущее домашнихъ отношеній.

§ 336. Во всѣхъ предшествовавшихъ главахъ, индукція значительно преобладала надъ дедукціей; такъ что читатель, помнящій еще, что, въ концѣ второй части, было выражено намѣреніе приступить къ дедуктивному истолкованію общественныхъ явленій, можетъ заключить, что это намѣреніе или было потеряно нами изъ виду, или же оказалось невыполнимымъ въ приложеніи къ фактамъ домашней жизни, не допускающимъ никакого другаго метода изслѣдованія, кромѣ эмпирическихъ обобщеній. Но, собирая вмѣстѣ различныя нити нашей аргументаціи, мы найдемъ, что главнѣйшія заключенія, навязанныя намъ фактами, суть заключенія, вытекающія прямо изъ ученія о Развитіи.

Прежде всего, мы имѣемъ тутъ тотъ фактъ, — какъ ни мало могли мы его ожидать, — что генезисъ семьи выполняетъ законъ развитія, со всѣхъ его главныхъ сторонъ. Въ самыхъ низшихъ общественныхъ группахъ не существуетъ ничего такого, что могло бы быть названо бракомъ, такъ какъ союзъ половъ отличается тутъ крайней несплоченностью и непрочностью, т. е. крайне малою степенью связности. Семейныя группы, состоящія каждая изъ матери и такого числа дѣтей (крайне незначительнаго), какое можетъ быть вскормлено безъ постоянного отцовскаго содѣйствія, отличаются по необходимости очень незначительными размѣрами и скоро распадаются: т. е. интеграція тутъ слаба. Родство, внутри каждой группы, отличается малою опредѣленностью; такъ какъ дѣти здѣсь по большей части только полу-братья и полу-сестры между собою, а отцовство часто неизвѣстно сколько-нибудь достоверно. Изъ такихъ то первобытныхъ семей, — мелкихъ, малосвязныхъ и неопредѣленныхъ, — возникаетъ, сообразно съ закономъ развитія, путемъ послѣдовательныхъ расхожденій, — первой, второй и т. д. степеней, — рядъ различныхъ типовъ семьи, — изъ которыхъ одни представляютъ смѣсь полиандріи съ поли-

гинией; другія суть семьи чисто-поліандрическія, приче́мъ эти послѣднія дифференцируются въ братскую поліандрію и не-братскую поліандрію; третьи суть семьи полигиническія, приче́мъ опять таки является дифференціація на семьи, состоящія изъ женъ, и семьи, состоящія изъ законной жены и наложницъ; наконецъ, четвертыя суть моногамическія семьи, между которыми, кромѣ обыкновенной формы этого союза, можно отличить еще особую, уклонившуюся въ сторону, его форму, когда жена принадлежитъ своему мужу только въ теченіе извѣстной части каждой недѣли. Пересматривая всѣ эти роды и виды семьи, мы найдемъ, что тѣ разновидности семьи, которыя встрѣчаются въ наиболѣе передовыхъ обществахъ, отличаются наибольшою связностію, наибольшою опредѣленностію и наибольшею сложностію. Не останавливаясь на промежуточныхъ типахъ, а сопоставляя между собою лишь крайнія формы, т. е. первобытный родъ семейной группы съ тѣмъ наивысшимъ родомъ той же группы, который представляютъ намъ цивилизованные народы, мы видимъ ясно, какъ относительно высока степень развитія, пройденнаго семьей. Супружескія отношенія стали вполне опредѣленными; въ то же время, они стали чрезвычайно прочными, ибо они длятся обыкновенно на цѣлую жизнь; даже въ своей начальной формѣ, т. е. въ смыслѣ союза однихъ только родителей и дѣтей, семья приобрѣла болѣе значительные размѣры, ибо число дѣтей, взращиваемое дикарями, сравнительно невелико; въ своей же производной формѣ, — т. е. въ формѣ союза, обнимающаго также и внуковъ, правнуковъ и т. д., которые всѣ вмѣстѣ образуютъ одну связную и опредѣленную группу, — семья приобрѣла даже относительно весьма значительные размѣры; наконецъ, слѣдуетъ сказать, что эта обширная группа составляется здѣсь изъ членовъ, родство которыхъ между собою очень разнородно.

Далѣе, мы находимъ, что развитіе человѣческой семьи, на послѣдовательныхъ его ступеняхъ, представляетъ несомнѣннымъ образомъ дальнѣйшее, все болѣе и болѣе высокое, развитіе тѣхъ самыхъ чертъ, которыя, какъ мы видѣли въ самомъ началѣ, характеризуютъ собою всю совокупность послѣдовательно все болѣе и болѣе и болѣе высокихъ формъ воспроизводительныхъ распорядковъ, проходящихъ изъ конца въ конецъ черезъ все животное царство. При первостепенной важности сохраненія вида, сохраненіе индивидуальныхъ жизней оказывается по необходимости, во всемъ животномъ мірѣ, строго подчиненнымъ этой первой и самой важной цѣли; тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что, по мѣрѣ восхожденія по лѣстницѣ живыхъ существъ, эта цѣль достигается цѣною все меньшаго и меньшаго пожертвованія индивидуальными жизнями; развитіе семьи представляетъ намъ дальнѣйшее продолженіе этого прогресса: т. е., восходя черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней общественнаго разви-

тія, со свойственными имъ все болѣе и болѣе высокими формами семьи, мы видимъ дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи: — т. е. все меньшее и меньшее пожертвованіе интересами индивидовъ интересамъ вида. Человѣческія расы низшихъ типовъ, по сравненію съ расами высшихъ типовъ, обнаруживаютъ значительное пожертвованіе взрослыми индивидами интересамъ сохраненія вида; что можно видѣть какъ изъ краткости періода, предшествующаго дѣторожденію, такъ и изъ относительной тяжести того бремени, которымъ ложится на взрослыхъ воспитаніе дѣтей при условіяхъ дикой жизни, такъ, наконецъ, и изъ сокращенія того періода, который наступаетъ за прекращеніемъ дѣторожденія; причѣмъ все это особенно относится къ женщинамъ, которыя, начиная приносить дѣтей слишкомъ рано, и истощаемыя слишкомъ сильно материнскими попеченіями и трудами, быстро приходятъ къ преждевременной старости, а затѣмъ къ столь же быстрому и безвременному концу. Въ болѣе высокихъ типахъ семьи, мы замѣчаемъ также уменьшеніе пожертвованія дѣтскими и юношескими жизнями сохраненію вида: дѣтоубійство, — къ которому необходимость общественнаго самосохраненія понуждаетъ подавляемая бѣдностью группы первобытныхъ людей, становится болѣе рѣдкимъ; въ то же самое время уменьшается и вообще дѣтская смертность, обусловленная другими, произвольными, причинами. Далѣе, рядомъ съ уменьшеніемъ пожертвованія жизнями взрослыхъ индивидовъ жизни вида, является все большее и большее вознагражденіе за тѣ пожертвованія, которыя всетаки приходится дѣлать, т. е. воспитаніе молодаго поколѣнія начинаетъ приносить болѣе продолжительныя и болѣе высокія наслажденія. Вмѣсто такого состоянія, при которомъ дѣтямъ предоставляется съ очень ранняго возраста пещись о себѣ самимъ; или при которомъ, — какъ это можно видѣть у Бушменовъ, — отцы и сыновья ссорятся между собою и наравятъ убить одинъ другаго; или при которомъ, — какъ это можно видѣть, по словамъ Бёртона, у Восточныхъ Африканцевъ, — „съ окончаніемъ дѣтства, отецъ и сынъ становятся естественными врагами, точъ въ точъ какъ у дикихъ звѣрей“, — наступаетъ такое состояніе, при которомъ живой интересъ къ судьбѣ своихъ дѣтей проходитъ черезъ всю родительскую жизнь. Затѣмъ, къ этимъ пріятнымъ попеченіямъ о своемъ ребенкѣ, продолжительность которыхъ все возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ семьи, прибавляется со временемъ совершенно новый факторъ: — а именно, обратныя, пріятныя попеченія дѣтей о своихъ родителяхъ. Этотъ факторъ, весьма слабый въ зачаточной семьѣ, и приобретающій все болѣе и болѣе большую силу съ каждымъ шагомъ въ развитіи семьи, представляетъ новый путь уменьшенія пожертвованія индивидами сохраненію вида, и начинаетъ, наоборотъ, заставляя самое сохраненіе вида приводить къ удлинненію индивидуальной жизни и къ приданію ей болѣе высокаго характера.

Намъ остается указать еще на одинъ фактъ, о которомъ мы еще не упоминали. Развитие высшихъ типовъ семьи, какъ и развитие высшихъ типовъ общества, шло рука въ руку съ развитіемъ человѣческой мыслительности и чувствъ. Та общая истина, — что между природою общественной единицы и природою общественного агрегата существуетъ тѣсная, необходимая связь, и что каждая изъ нихъ непрерывно дѣйствуетъ на другую и, въ то же время, сама подвергается ея дѣйствию, — прилагается къ домашней организаціи въ точно такой же мѣрѣ, какъ и къ организаціи политической. Идеи и чувства, дѣлающія возможною дальнѣйшую, болѣе прогрессивную, фазу общежитія, — въ семьѣ-ли, въ государствѣ-ли, — необходимо предполагаютъ предшествующую фазу, на которой они были приобрѣтены, путемъ опыта и методовъ мысли, ставшихъ возможными лишь на этой предыдущей фазѣ; а идеи и чувства, сдѣлавшія возможною эту предыдущую фазу, опять-таки предполагаютъ нѣсколько болѣе раннюю фазу; и такъ далѣе, вплоть до самаго начала. Обращаясь къ послѣдней части Основаній Психологіи (изданіе 1872 года), а именно, къ главамъ: „Развитіе Понятій“, „Общественность и Симпатія“, „Эго-альтруистическія Чувства“ и „Альтруистическія Чувства“, читатель найдетъ тамъ указанія на то, какимъ образомъ болѣе высокія формы ума и чувства становятся возможными только при условіи болѣе высокой общественной среды и развиваются только съ развитіемъ этой послѣдней; и какимъ образомъ, за каждымъ прогрессивнымъ приращеніемъ въ одной изъ этихъ сферъ, слѣдуетъ соотвѣтственное приращеніе и въ другой сферѣ. Проводя это ученіе до его неизбѣжныхъ послѣдствій, мы увидимъ, что такъ такъ альтруизмъ играетъ очень важную роль въ развитой семейной жизни, то болѣе высокія домашнія отношенія становятся возможными только съ прогрессомъ приспособленія человѣка къ общественному состоянію ¹⁾.

§ 337. При дедуктивномъ разсмотрѣніи тѣхъ связей, которыя существуютъ между формами домашней жизни и формами общественной жизни, и при показаніи того, что, въ каждомъ типѣ общества, эти два порядка формъ связаны между собою, вслѣдствіе того, что каждый изъ нихъ связанъ съ однимъ и тѣмъ же типомъ индивидуальнаго характера, будетъ гораздо удобнѣе разсматривать заразъ и супружескія отношенія, и устройство семьи, и положеніе женщинъ, и положеніе дѣтей.

¹⁾ Это ученіе, — что человѣческій духъ, въ особенности со стороны нравственныхъ его свойствъ, складывается подъ вліяніемъ общественнаго состоянія, — входитъ, какъ часть, въ общее ученіе о приспособленіи органическихъ существъ къ окружающимъ ихъ условіямъ, и, въ этомъ видѣ, проникаетъ насквозь всю мою Общественную Статистику; но въ особенности я настаиваю на немъ въ главѣ, озаглавленной — «Общія Соображенія».

УДК 316.77
ББК 62.01

Первобытная жизнь, — ежедневно упражняющая враждебный антагонизмъ, по отношенію къ добычѣ и къ непріятелямъ; ежедневно доставляющая эгоистическое наслажденіе побѣдою надъ другими существами, оказавшимися болѣе слабыми; ежедневно извлекающая удовольствіе изъ такихъ дѣйствій, которыя причиняютъ страданія, — поддерживаетъ такой типъ человѣческой природы, который порождаетъ принудительное правленіе: общественное и домашнее. Грубая сила, тщеславящаяся своимъ превосходствомъ надъ другими, приносящимъ ей честь въ ихъ глазахъ, и не сдерживаемая соображеніями о благѣ другихъ, хватаетъ себѣ всякую женщину, которая ей приглянется или къ которой ее толкаетъ физическое побужденіе, и не стѣсняется увеличивать число присвоенныхъ такимъ путемъ женщинъ или мѣнять ихъ по своему капризу. Дѣти, находящіеся въ неограниченномъ распоряженіи этого полнѣйшаго себялюбія, сохраняются только въ силу инстинкта чадолюбія, и сохраняются лишь постольку, поскольку этотъ инстинктъ беретъ верхъ надъ другими побужденіями. И такъ, ясно, что слабость супружескихъ узъ, неопредѣленные и непрочныя формы семьи, суровое обращеніе съ женщинами и дѣтоубійство представляютъ неизбѣжныхъ спутниковъ воинственности, въ ея крайней формѣ.

Прогрессъ отъ этихъ наинизшихъ общественныхъ группъ, почти не заслуживающихъ имени обществъ, къ группамъ болѣе обширнаго размѣра, или болѣе опредѣленнаго и сложнаго устройства, или того и другаго вѣдѣтъ, предполагаетъ возрастаніе кооперации. Эта кооперация можетъ быть или принудительною, или добровольною; или же она можетъ быть, — какъ это обыкновенно и бываетъ въ дѣйствительности, — отчасти принудительною и отчасти добровольною. Здѣсь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что дедукція показываетъ намъ столь же ясно, какъ ясно убѣдились мы въ этомъ индуктивнымъ путемъ, что домашнія отношенія, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, находятся въ полной гармоніи съ тѣми общественными отношеніями, которыя необходимо вызываются, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, преобладаніемъ той или другой формы кооперации.

Индивидуальная натура, слагающаяся подъ вліяніемъ привычки къ тому деспотическому контролю и къ той крайней подчиненности, которыя предполагаются преобладающей воинственностію у развитыхъ обществъ, а также подъ вліяніемъ того споспѣшествованія эгоизму и тѣхъ помѣхъ симпатіи, которыя вызываются жизнью, посвященной войнѣ, неизбѣжно опредѣляетъ всѣ распорядки внутри семьи, въ такой же мѣрѣ, въ какой она опредѣляетъ всѣ распорядки внѣ семьи. Отсюда является то презрѣніе къ притязаніямъ женщинъ, которое сказывается въ похищеніи и въ покункѣ женъ; отсюда неравенство въ положеніи половъ, порождающее многоженство; отсюда же употребленіе женщинъ, какъ настоящихъ рабынь, во

всѣ возможныя работы; отсюда право жизни и смерти надъ женою и ребенкомъ; отсюда же, наконецъ, тотъ семейный строй, который подчиняетъ всѣхъ членовъ семьи старѣйшему изъ ея членовъ мужскаго пола.

И, наоборотъ, тотъ типъ индивидуальной природы, который слагается подъ вліяніемъ добровольной коопераціи, въ обществахъ по преимуществу промышленныхъ, — будутъ ли то простыя, миролюбивыя племена, или крупные народы, успѣвшіе перерости и оставить далеко за собою періодъ милитаризма, — есть типъ относительно-альтруистическій. Обычай ежедневно обмѣниваться взаимными услугами или же отдавать другимъ продукты, представляющіе извѣстное количество выполненнаго труда, въ обмѣнъ за деньги, представляющія такое же количество выполненнаго труда, равносильно привычкѣ искать только такихъ эгоистическихъ удовлетвореній, которыя допускаютъ подобныя же эгоистическія удовлетворенія для тѣхъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Человѣкъ тутъ долженъ волей-неволей уважать права и притязанія другихъ людей; а отсюда является способность умственного представленія себѣ чужихъ правъ, предполагающая развитіе, въ этихъ предѣлахъ, взаимнаго пониманія и сочувствія; затѣмъ тутъ отсутствуютъ тѣ помѣхи взаимному сочувствію, которыя являются результатомъ принудительной системы. Ясно, что слагающійся такимъ путемъ типъ индивидуальной, человѣческой природы, дѣйствуя видоизмѣняющимъ образомъ на общественныя дѣятельности и распорядки, необходимо дѣйствуетъ такимъ же образомъ и на домашніе дѣятельности и распорядки. Душевный складъ, приводящій къ большому признаванію правъ своихъ согражданъ, приводитъ и къ большому признаванію правъ женщинъ и дѣтей. Привычка справляться съ мнѣніями и желаніями тѣхъ, съ которыми приходится имѣть общія дѣла внѣ семьи, приводитъ къ привычкѣ справляться съ мнѣніями и желаніями своихъ сотрудниковъ внутри семьи. Супружескія отношенія измѣняются изъ отношеній господина и подданнаго въ отношенія приблизительно равныхъ товарищей, причемъ супружескій союзъ становится не столько легальными узами, сколько узами взаимной привязанности. Отношеніе отца къ ребенку перестаетъ быть тиранніею, жертвующей ребенкомъ отцу, а становится такимъ отношеніемъ, при которомъ воля отца скорѣе подчиняется соображеніямъ о благѣ ребенка.

Такимъ образомъ результаты, выводимые дедуктивнымъ путемъ изъ природы милитаризма и индустриализма, оказываются совпадающими съ тѣми результатами, которые были получены нами изъ изслѣдованія дѣйствительныхъ фактовъ. Чтобы показать, до какой степени пряма указанная нами связь, я могу прибавить сюда одинъ примѣръ, показывающій, что часто, въ одномъ и томъ же обществѣ, домашнія отношенія военной его части продолжаютъ сохранять военный характеръ, тогда какъ домашнія отношенія промышленной

его части начинают принимать промышленный характеръ. Изслѣдуя законы о наслѣдствѣ древней Франціи, по отношенію къ дѣтямъ разнаго пола и возраста, Кёнигсвартеръ говоритъ: „повсюду можно видѣть, что именно феодальныя и дворянскія фамиліи держатся за принципъ неравенства, тогда какъ буржуазныя и простонародныя семьи проникнуты повсюду идеями равенства“. Подобнымъ же образомъ и Тьерри, рассказывая объ одномъ новомъ законѣ тринадцатаго вѣка, уравнивавшемъ имущественныя права между полами и дѣтьми, говоритъ: „Этотъ законъ буржуазіи, шедшій въ разрѣзъ съ законами дворянства, отличался отъ нихъ по самой своей сущности, ибо онъ имѣлъ своимъ основаніемъ естественное равенство“.

§ 338. Въ заключеніе, мы приходимъ къ весьма интересному вопросу, а именно, къ вопросу о томъ, какіе выводы могутъ быть сдѣланы нами касательно будущаго домашнихъ отношеній? Мы видѣли, что съ самаго начала и до сихъ поръ, генезисъ семьи слѣдовалъ общему закону всякаго развитія. Мы видѣли также, что цивилизація подвинула еще дальше то соглашеніе интересовъ вида, родителей и ребенка, которое вырабатывалось постепенно, въ продолженіе всего органическаго развитія. Далѣе, мы обратили вниманіе на тотъ фактъ, что эти болѣе высокія черты въ отношеніяхъ половъ другъ къ другу и къ ребенку, сопровождавшія общественное развитіе, становились возможными только въ силу болѣе высокихъ формъ ума и чувства, слагавшихся изъ опытовъ и методовъ мысли, появлявшихся съ прогрессомъ общественного состоянія. Наконецъ, мы наблюдали связь между пріобрѣтенными такимъ образомъ спеціальными чертами домашнихъ отношеній и спеціальными типами общественного устройства и общественной дѣятельности. Допуская, что развитіе семьи будетъ продолжаться и далѣе по тѣмъ же самымъ направленіямъ, спросимъ себя теперь, какія дальнѣйшія перемѣны въ этой области могутъ быть напередъ предусмотрѣны нами уже и въ настоящую минуту?

Во-первыхъ, мы имѣемъ право думать, что и въ будущемъ домашнія отношенія различныхъ народовъ, обитающихъ земной шаръ, будутъ продолжать оставаться несходными между собою. Намъ слѣдуетъ тщательно остерегаться неосновательнаго предположенія, будто бы развитія общества получаютъ со временемъ всеобщее распространеніе. Для надъ-органическаго развитія остается въ полной силѣ то же самое правило, которое имѣетъ силу для органическаго развитія, а именно, что появленіе болѣе высокихъ формъ не влечетъ за собою непремѣннаго угасанія всѣхъ болѣе низкихъ формъ. Какъ высшіе виды животныхъ, вытѣсняя нѣкоторые низшіе виды, борящіеся съ ними за существованіе, оставляютъ множество другихъ низшихъ видовъ въ спокойномъ обладаніи мѣстообиталищами низшаго свойства, такъ точно и высшіе типы обществъ,

вытѣсняя тѣ низшіе типы, которые занимаютъ обиталища, могущія послужить на пользу высшихъ типовъ, не вытѣсняють и не будутъ вытѣснять низшіе типы, обитающіе въ бесплодныхъ и суровыхъ мѣстностяхъ. Невѣроятно, чтобы цивилизованные народы вытѣснили когда нибудь Эскимосовъ. Огнеземельцы тоже, вѣроятно, выживутъ и въ будущемъ, такъ какъ ихъ островъ не можетъ поддерживать цивилизованнаго населенія. Не менѣе сомнительно, чтобы орды кочующихъ Семитовъ, занимавшихъ въ теченіе послѣднихъ тысячелѣтій восточныя пустыни, были вытѣснены когда-нибудь народами болѣе высокихъ общественныхъ типовъ. Возможно также, что многія жаркія, сырыя и лихорадочныя области тропическаго пояса останутся навсегда непригодными для расъ, способныхъ къ значительной культурѣ. Поэтому, домашнія и общественныя отношенія, свойственныя низшимъ разновидностямъ человѣка, вѣроятно, никогда не исчезнуть совершенно съ лица земли. Многомужство можетъ выжить въ Тибетѣ; многоженство можетъ продолжать господствовать и въ будущемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки, а у самыхъ удаленныхъ группъ Гиперборейцевъ сохранятся, вѣроятно, и въ будущемъ смѣшанныя и безпорядочныя отношенія между полами.

Возможно также, что въ нѣкоторыхъ областяхъ удержится воинственность, и что, рядомъ съ свойственными ей политическими отношеніями, выживутъ и свойственныя ей домашнія отношенія. Обширныя полосы материка, въ родѣ тѣхъ, что мы видимъ въ Сѣверо-Восточной Азіи, неспособны поддерживать достаточно густаго населенія, могущаго сложиться въ промышленныя общества прогрессивныхъ типовъ, останутся, по всей вѣроятности, обиталищами обществъ, обладающихъ тѣми несовершенными формами государства и семьи, которыя существуютъ обыкновенно рядомъ съ преобладаніемъ въ обществѣ оборонительныхъ и наступательныхъ дѣятельностей надъ промышленными.

Но мы можемъ оставить въ сторонѣ эти выживающіе типы и ограничиться здѣсь разсмотрѣніемъ будущей судьбы лишь такихъ типовъ, которые продолжаютъ далѣе то развитіе, которое мы видимъ теперь у цивилизованныхъ народовъ. Допуская, что у этихъ типовъ промышленность будетъ все возрастать, а воинственность ослабѣвать, спросимъ себя теперь, какія домашнія отношенія имѣютъ вѣроятность установиться здѣсь при полномъ торжествѣ индустриализма?

§ 339. Очевидно, что моногамическая форма полового отношенія есть послѣдняя, конечная его форма, такъ что всѣ измѣненія, которыхъ мы можемъ ожидать здѣсь, могутъ быть только измѣненіями по направленію къ ея болѣе полному завершенію и болѣе широкому распространенію. Взглянемъ сначала, какія болѣе или менѣе сильныя отступленія отъ порядковъ и обычаевъ про-

шедшаго оказываются возможными въ этой области, а затѣмъ мы уже увидимъ, какія изъ этихъ видоизмѣненій могутъ считаться наиболѣе вѣроятными.

Многіе поступки, исполнѣ нормальныя для людей нецивилизованныхъ, становятся у цивилизованныхъ людей преступленіями и проступками. Беспорядочное половое сожителство, не встрѣчавшее себѣ когда-то никакихъ помѣхъ, стало вызывать, съ прогрессомъ обществъ, все большее и большее неодобреніе; похищеніе женщинъ, считавшееся вначалѣ похвальнымъ и почетнымъ, считается теперь преступнымъ; женитьба на двухъ или даже на большемъ числѣ женъ, исполнѣ дозволительная и почетная у низшихъ обществъ, сдѣлалась у высшихъ обществъ преступленіемъ. Вслѣдствіе этого, мы должны ожидать, что развитіе полового отношенія, совершавшееся до сихъ поръ по этимъ направленіямъ, будетъ идти и дальше въ эти же стороны, т. е. что оно будетъ стремиться и далѣе къ расширенію моногамическаго отношенія, путемъ уничтоженія беспорядочнаго полового сожителства и подавленія такихъ преступленій, какъ двоеженство и прелюбодѣйство. Затѣмъ, мы имѣемъ также право думать, что со временемъ наступитъ полнѣйшее вымираніе меркантильнаго элемента въ дѣлѣ брака. Послѣ похищенія женъ явилась покупка женъ, за которой послѣдовали обычаи, вызывавшіе, да и теперь еще продолжающіе вызывать, преобладаніе имущественныхъ соображеній надъ соображеніями о личномъ предпочтеніи. Невозможно отрицать, что покупка женъ, а также и покупка мужей (существующая у нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ обществъ), утративъ свои первоначальныя грубыя формы, продолжаютъ существовать, въ скрытыхъ формахъ, еще и въ настоящее время. Но мы видимъ, что въ обществѣ выражается уже нѣкоторое неодобреніе по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя женятся изъ-за денегъ или изъ-за положенія; а потому, мы имѣемъ право ожидать, что это неодобреніе, становясь все сильнѣе и сильнѣе, очиститъ со временемъ моногамическій союзъ, сдѣлавъ его во всѣхъ случаяхъ настоящимъ, реальнымъ союзомъ двухъ лицъ; тогда какъ теперь онъ имѣетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лишь номинальный характеръ.

И такъ, весьма вѣроятно, что моногамія получитъ со временемъ болѣе высокій характеръ, вслѣдствіе того, что общественное мнѣніе будетъ требовать все настоятельнѣе и настоятельнѣе, чтобы люди не вступали въ легальный союзъ, коль скоро онъ не представляетъ естественнаго союза (т. е. дѣйствительнаго союза сердецъ); возможно также, что рядомъ съ этимъ явится и дополнительное требованіе прекращенія легальнаго союза, коль скоро естественный союзъ пересталъ существовать, т. е. общественное мнѣніе начнетъ считать дурнымъ и неприличнымъ продолженіе легальнаго союза при этомъ условіи. Возрастающая легкость полученія развода указываетъ намъ уже и теперь

на возможность такой перемены въ общественномъ мнѣніи и въ законодательствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на древнихъ ступеняхъ общественного прогресса, въ продолженіе которыхъ слагалась и развивалась постоянная моногамія, т. е. моногамическій союзъ на всю жизнь, союзъ по закону (представлявшій въ самомъ началѣ просто актъ покупки) считался существеннѣйшею частью брака; союзъ же по чувству разсматривался какъ несущественная его часть; затѣмъ, въ настоящее время, не смотря на прогрессъ во взглядахъ на важность роли чувства, союзъ по закону все еще считается болѣе важнымъ въ дѣлѣ брака, а союзъ по чувству менѣе важнымъ; но только-что указанныя нами видоизмѣненія въ сферѣ бракоразводныхъ дѣлъ даютъ поводъ думать, что наступитъ время, когда союзъ по чувству будетъ считаться первичнымъ моментомъ, а союзъ по закону—вторичнымъ; а отсюда явится неодобреніе по отношенію къ лицамъ, продолжающимъ сохранять супружескія отношенія, когда союзъ по чувству уже распался. Я считаю весьма вѣроятнымъ, и даже, можно сказать, почти достовѣрнымъ, что это заключеніе покажется большинству читающей публики совершенно недопустимымъ. Дѣло въ томъ, что, при обсужденіи какого-нибудь видоизмѣненія въ общественныхъ порядкахъ, долженствующаго, по чьему-либо мнѣнію, возникнуть въ будущемъ, почти всѣ люди впадаютъ въ одну важную ошибку, а именно: разсматривая тѣ послѣдствія, къ которымъ должно, по всей вѣроятности, повести предполагаемое видоизмѣненіе, они обыкновенно предполагаютъ, что всѣ остальные условія остаются неизмѣнными. Но это невѣрно. Напротивъ того, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что и всѣ остальные вещи будутъ измѣняться *pari passu* съ тѣмъ явленіемъ, которое мы разсматриваемъ. Очевидно, что мы имѣемъ всѣ данныя ожидать, что тѣ высшія чувства, сопровождающія союзъ половъ, которыя вовсе не существовали у первобытныхъ людей, и которыя, даже въ древнія времена Европейской исторіи, были развиты гораздо менѣе, чѣмъ теперь (что можно видѣть изъ сопоставленія древней литературы съ новой), разовьются со временемъ еще сильнѣе, чѣмъ теперь, по мѣрѣ того, какъ упадокъ милитаризма и возрастаніе индустриализма будутъ все болѣе и болѣе способствовать развитію альтруизма: ибо симпатія, составляющая корень альтруизма, есть главный элементъ въ этихъ чувствахъ. Кромѣ того, возрастаніе альтруизма должно сопровождаться ослабленіемъ домашнихъ раздоровъ. Откуда выходитъ, что тутъ будутъ дѣйствовать заразъ: усиленіе нравственнаго союза и ослабленіе силъ, стремящихся къ его разрушенію. Такъ что тѣ перемены, которыя могутъ повести со временемъ къ дальнѣйшему облегченію развода, при извѣстныхъ условіяхъ, суть какъ разъ тѣ перемены, которыя будутъ дѣлать эти условія все болѣе и болѣе рѣдкими.

Мы можем также ожидать напередъ дальнѣйшаго укрѣпленія того вѣсн-
могательнаго союза, который является результатомъ совмѣстнаго интереса
обоихъ родителей по отношенію къ ихъ дѣтямъ. Это обстоятельство представ-
ляетъ важный факторъ во всѣхъ обществахъ и нерѣдко имѣетъ большое влия-
ніе даже у самыхъ грубыхъ народовъ. Фалькнеръ замѣчаетъ, что хотя Пата-
гонскіе браки заключаются и разрываются „по произволу; однако же, когда
мужчина и женщина однажды сошлись между собою и родили дѣтей, они
рѣдко покидаютъ одинъ другаго, даже въ глубокой старости“. Очевидно, что
этотъ факторъ долженъ становиться все болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, по
мѣрѣ того, какъ попеченія о дѣтяхъ становятся все болѣе и болѣе значитель-
ными и продолжительными, чтó, какъ мы видѣли, имѣло мѣсто съ прогрессомъ
цивилизациі, и чтó, конечно, будетъ продолжаться и въ будущемъ.

Но, оставляя открытымъ этотъ вопросъ о видоизмѣненіяхъ, имѣющихъ вѣ-
роятность возникнуть въ моногаміи и долженствующихъ повести скорѣе къ
усиленію реальной прочности супружескаго союза, чѣмъ къ усиленію его но-
минальной прочности, мы должны обратиться теперь къ другому заключенію,
которое мы можемъ вывести съ полною увѣренностью. Обращаясь къ тремъ
цѣлямъ, которымъ служить бракъ и которыя должны быть удовлетворены въ
порядкѣ ихъ важности (эти цѣли суть: благосостояніе вида, благосостояніе
ребенка и благосостояніе родителей), и видя, что на тѣхъ ступеняхъ развитія,
которыя уже достигнуты нынѣшними цивилизованными народами, благосостоя-
ніе вида обезпечено вполне достаточно, по скольку дѣло идетъ о поддержаніи
численности населенія, мы должны заключить, что дальнѣйшій путь домаш-
няго развитія долженъ опредѣляться теперь благосостояніемъ ребенка. Оче-
видно, что общества, производящія, изъ поколѣнія въ поколѣніе, должное число
индивидовъ, наилучше приспособленныхъ физически, умственно и нравственно
къ существующимъ требованіямъ, должны получить перевѣсъ надъ остальными
и должны стремиться замѣстить собою всѣ другія общества путемъ спокойнаго
процесса промышленнаго соперничества. Слѣдствіемъ этого будетъ распростра-
неніе такихъ супружескихъ отношеній, которыя благопріятствуютъ этому ре-
зультату въ наибольшей степени; при чемъ господствующія въ обществѣ чув-
ства и идеи понемногу перестроются и придутъ въ гармонію съ этими улуч-
шенными отношеніями, такъ что всякія другія супружескія отношенія станутъ
считаться безнравственными, а потому будутъ встрѣчать всеобщее осужденіе.

§ 340. Если, продолжая по прежнему руководствоваться наблюденіями
надъ ходомъ прошедшаго развитія, мы спросимъ себя теперь: какія перемѣны
въ положеніи женщинъ могутъ быть предсказаны уже теперь по отношенію къ
будущему? то намъ придется отвѣтить на это, что въ будущемъ несомнѣнно

получить мѣсто еще большее приближеніе къ равенству въ положеніи половъ. Рядомъ съ упадкомъ милитаризма и возрастаніемъ индустріализма, съ ослабленіемъ принудительной коопераціи и съ расширеніемъ коопераціи добровольной, съ усиленіемъ сознанія личныхъ правъ и сопутствующаго ему сочувственнаго уваженія къ личнымъ правамъ другихъ, будетъ постоянно идти уменьшеніе политическаго и домашняго безправія женщинъ, пока между мужчинами и женщинами останутся только такія различія съ этой стороны, какія вызываются различіями въ ихъ конституціи.

Выведеніе заключеній болѣе специфическаго характера было бы нѣсколько рискованнымъ, такъ какъ мы можемъ указать въ этомъ направленіи только на нѣкоторыя вѣроятности и возможности, которыми мы и ограничимся дѣйствительно. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ направленіяхъ эмансипація женщинъ должна будетъ пойти дальше впередъ; но зато мы имѣемъ данныя подозрѣвать, что въ нѣкоторыхъ другихъ направленіяхъ она уже и теперь перешла за естественные предѣлы. Когда отъ состоянія первобытнаго униженія женщинъ, при которомъ мы видимъ обычное похищеніе ихъ, продажу и покунку, превращеніе ихъ въ вьючныхъ животныхъ, наслѣдованіе ихъ въ качествѣ имущества и даже умерщвленіе по произволу, мы обратимся теперь къ тому положенію, которое женщины занимаютъ въ Америкѣ, гдѣ дама, желая сѣсть, начинаетъ смотрѣть въ-упоръ на господина, занимающаго правящееся ей мѣсто, до тѣхъ поръ пока тотъ не уступитъ ей его, и затѣмъ спокойно усаживается, не сказавъ даже ни слова благодарности, то мы должны будемъ заключить, что ритмическое движеніе, могущее быть прослѣженнымъ во всѣхъ рѣшительно перемѣнахъ, дошло въ этомъ случаѣ до своей крайней точки, и что мы должны ожидать движенія въ обратную сторону. То же самое можетъ быть сказано и о нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: вещи, бывшія вначалѣ уступками, стали требоваться со временемъ яко бы по праву и, получивъ характеръ приобрѣтенныхъ правъ, потеряли много той прелести, которой онѣ отличались, будучи уступками. Впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ общественныхъ отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ сохранятся и въ будущемъ не только тѣ формы обращенія, которыя вызываются симпатіею сильнаго къ слабому, даже независимо отъ разницы въ полѣ, а тѣмъ болѣе сильнѣйшаго пода къ слабѣйшему, но также и тѣ формы, которыя порождаются желаніемъ, неформируемымъ сознательно, но чувствуемымъ въ душѣ, вознаградить женщинъ за нѣкоторыя невыгоды, проистекающія изъ ихъ конституціи, и уравнивать такимъ образомъ жизнь половъ на столько, на сколько это возможно.

По отношенію къ домашней власти, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, ожидать значительнаго возвышенія относительнаго положенія женщинъ; но мнѣ кажется не-

вѣроятнымъ, чтобы онѣ когда-либо достигли здѣсь безусловнаго равенства съ мужчинами. Судебныя рѣшенія, которыя будутъ вызываться отъ времени до времени супружескими разногласіями и къ которымъ будутъ обращаться для разрѣшенія вопроса о томъ, кто долженъ уступить, едва ли перевернутъ современнымъ въ обратную сторону всѣ прежнія рѣшенія этого рода. Какъ ни ровно будутъ уравновѣшены закономъ права половъ, тѣмъ не менѣе законъ, стараясь выбрать изъ двухъ золъ меньшее, будетъ продолжать давать, въ случаѣ нужды, перевѣсъ мужу, какъ обладающему большимъ юридическимъ смысломъ. Подобнымъ же образомъ, и въ нравственныхъ отношеніяхъ супружеской жизни, перевѣсъ власти, вслѣдствіе большей массивности натуры, будетъ продолжать оставаться за мужемъ, въ какія бы мягкія, ненавязчивыя формы ни облелся со временемъ этотъ перевѣсъ.

Когда мы припомнимъ, что, начиная отъ состоянія первобытной дикости, каждый шагъ по пути цивилизаціи постоянно приносилъ съ собою, въ числѣ прочихъ результатовъ, все большее и большее изъятіе женщинъ отъ труда по добыванію насущнаго хлѣба, и что, у самыхъ высшихъ обществъ, ихъ дѣятельность, въ большинствѣ случаевъ, стала ограничиваться лишь домашними обязанностями да воспитаніемъ дѣтей, мы не можемъ не быть пораженными тою аномаліею, что, въ настоящее время, женщины начали смотрѣть на это ограниченіе ихъ дѣятельности домашними занятіями, какъ на притѣсненіе, и стали заявлять притязанія на свободное соперничество съ мужчинами во всѣхъ внѣдомныхъ занятіяхъ. Эта аномалія объясняется въ извѣстной мѣрѣ ненормальнымъ избыткомъ въ женщинахъ; и дѣйствительно, нельзя не согласиться, что существующее положеніе вещей, закрывающее для множества женщинъ тѣ естественныя карьеры, при которыхъ онѣ зависятъ, по отношенію къ своему пропитанію, отъ мужчинъ, вполне оправдываетъ требованіе ихъ на предоставленіе имъ свободы преслѣдовать независимыя житейскія карьеры. А потому слѣдуетъ допустить, что всѣ помѣхи на ихъ пути къ этой цѣли должны быть и будутъ уничтожены со временемъ. Но, въ то же время, можно и должно утверждать, что это обстоятельство не можетъ произвести и никогда не произведетъ значительнаго измѣненія въ житейскихъ карьерахъ женщинъ, взятыхъ во всей ихъ массѣ; а также, что всякое сколько-нибудь значительное измѣненіе въ воспитаніи женщинъ, сдѣланное съ цѣлью лучшаго подготовленія ихъ къ различнымъ специальностямъ и профессіямъ, было бы вреднымъ. Если бы женщины понимали все, что заключается въ домашней сферѣ, онѣ никогда не потребовали бы для себя никакой другой сферы дѣятельности. Если бы онѣ могли видѣть все, что требуется для правильнаго воспитанія дѣтей, — хотя до полнаго уразумѣнія этого не поднялся еще ни одинъ мужчина, а тѣмъ болѣе ни

одна женщина, — онѣ никогда не стали бы искать для себя болѣе высокой функціи.

Переходя къ политическому положенію женщинъ, слѣдуетъ сказать, что, современемъ, оно, вѣроятно, также поднимется до положенія, почти-что равнаго политическому положенію мужчинъ: по крайней мѣрѣ, эта дедукція кажется намъ естественнымъ спутникомъ всѣхъ предыдущихъ нашихъ заключеній. Но мы должны помнить, что это приблизительное уравненіе политическихъ правъ половъ, представляющее нормальнаго спутника общественнаго строя, свойственнаго обществу совершенно промышленнаго типа, не можетъ считаться нормальнымъ спутникомъ такихъ общественныхъ типовъ, которые сохранили еще отчасти военный характеръ. Во-первыхъ, мы должны замѣтить мимоходомъ, что предоставленіе мужчинамъ и женщинамъ одинаковой политической власти, въ то время какъ политическая отвѣтственность, выражающаяся въ войнахъ, падаетъ на однихъ только мужчинъ, было бы на самомъ дѣлѣ серьезнымъ неравенствомъ; и потому желаемое уравненіе правъ не можетъ считаться осуществимымъ, пока еще продолжаютъ существовать войны. Во-вторыхъ же, и это главное, мы имѣемъ право утверждать слѣдующее: весьма возможно, что обладаніе женщинами политической властью будетъ полезнымъ для общества, когда государственное управленіе будетъ замкнуто въ предѣлахъ, свойственныхъ чистому индустриализму; но оно будетъ навѣрное вреднымъ для общества, пока государственное управленіе распространяется на болѣе обширную сферу дѣйствія, что всегда отличаетъ болѣе или менѣе воинственный общественный строй. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выступать на сцену многія вліянія, способныя отодвинуть общество назадъ въ его развитіи. Болѣе сильное уваженіе къ власти и болѣе слабое сознаніе индивидуальной свободы, отличающія женскую натуру, будутъ стремиться къ поддержанію и умноженію ограниченій и стѣсненій. Способность къ оцѣнкѣ частныхъ и непосредственныхъ результатовъ и неспособность къ оцѣнкѣ общихъ и отдаленныхъ результатовъ, отличающія большинство мужчинъ и отличающія еще въ большей степени женскую природу, породятъ, при обладаніи женщинами политической властью, усиленіе принудительныхъ мѣръ для достиженія ближайшаго блага, на счетъ будущихъ золъ, долженствующихъ возникнуть изъ чрезмѣрности контроля. Но есть еще болѣе прямая причина, почему мы должны ожидать бѣдственныхъ послѣдствій отъ дарованія женщинамъ политической власти въ то время, когда индустриальная форма политическаго управленія не достигла еще полнаго совершенства. Мы уже видѣли, что благосостояніе общества требуетъ, чтобы этика семьи и этика государства постоянно сохраняли свою полную отдѣльность, такъ какъ онѣ основаны на совершенно различныхъ принципахъ. По этикѣ семьи, слѣ-

044135340
3023010033

дуетъ давать наиболѣе тому, кто наименѣе заслуживаетъ этого; по этикѣ же государства, доставленныя выгоды должны быть пропорціональны заслугамъ: т. е. для младенца—безграничная щедрость и великодушiе; для взрослыхъ же гражданъ—безусловная справедливость. Этика семьи имѣетъ своими соотносительными обстоятельствами родительскiе инстинкты и чувства, которые у женщины ограничиваются въ гораздо меньшей степени другими чувствами, чѣмъ у мужчины. Эти чувства, свойственныя родительскому состоянiю, — по скольку они существуютъ въ мужчинахъ,—успѣли уже внести этику семьи въ государственное управленiе; и зло, вытекающее изъ этого, возрасло бы еще болѣе, еслибы эти чувства,—какъ они существуютъ въ женщинахъ,—получили прямое влiянiе на государственное управленiе. Прогрессъ въ дѣлѣ внесенiя справедливости въ общественные порядки замедлился бы вслѣдствiе этого, и недостойныя поддерживались бы на счетъ достойныхъ въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ теперь.

Но коль скоро о понятiя о чистой справедливости станутъ болѣе ясными; коль скоро, подъ управленiемъ, основаннымъ на добровольномъ сотрудничествѣ, разовьется въ полной мѣрѣ сознанiе личной свободы, съ соотносительнымъ ему уваженiемъ къ такой же свободѣ другихъ; коль скоро общество приблизится къ такому состоянiю, при которомъ члены его не потерпятъ никакихъ ограниченiй индивидуальной свободы, кромѣ тѣхъ, которыми обезпечивается равное количество свободы для ихъ остальныхъ согражданъ; коль скоро индустриализмъ разовьетъ свойственную ему политическую систему, при которой политическая власть, уполномоченная для поддержанiя равноправныхъ, справедливыхъ отношенiй между гражданами, будетъ лишена всякой возможности простирать свое влiянiе за предѣлы этой роли и расширять область правительственной регуляцiи, какъ это свойственно военному общественному типу,—распространенiе политической власти на женщинъ получить возможность совершиться безъ всякаго вреда для общества. То нравственное развитiе, которое поведетъ къ уступкѣ женщинамъ этой власти, есть то самое нравственное развитiе, которое сдѣлаетъ ее безвредною и даже, вѣроятно, благотвительною.

§ 341. Относительно будущихъ измѣненiй въ положенiи дѣтей мы не можемъ вывести очень специфическихъ заключенiй. Отношенiя родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ регулируются, въ своихъ подробностяхъ, закономъ и обычаемъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ всѣ остальные; а потому они легче измѣнялись, подъ влiянiемъ измѣненiй въ чувствахъ и идеяхъ, и, становясь вообще болѣе свободными, сдѣлались въ то же время столь разнообразными, что характеристика ихъ представляетъ большiя затрудненiя.

Въ среднемъ выводѣ, мы должны, конечно, ожидать въ будущемъ увели-

ченія дѣтской и юношеской свободы; но, въ то же время, мы имѣемъ основанія думать, что кое-гдѣ эта свобода зашла уже и теперь слишкомъ далеко. Я намекаю на Соединенные Штаты. Та степень независимости, которая дается тамъ молодежи, — не говоря уже объ излишнемъ подчиненіи ей жизни взрослыхъ, — имѣть, повидимому, своимъ послѣдствіемъ преждевременное выступленіе юношества на жизненную арену и слишкомъ раннее посвященіе его въ возбужденія, свойственныя зрѣлому возрасту; такъ что эта система стремится истощить интересы жизни, когда жизнь не прожита еще и на половину. Нельзя не согласиться, что система, ведущая къ полной утилизаціи дѣтскихъ дѣятельностей и удовольствій, до наступленія дѣятельностей и удовольствій, свойственныхъ зрѣлому мужчинѣ и зрѣлой женщинѣ, была бы лучшей регулятивной системой по отношенію къ дѣтству, и притомъ лучшей заразъ и для ребенка, и для родителей.

Какъ далеко должна простирается родительская власть? На какомъ пунктѣ политическая власть имѣетъ право вмѣшаться въ ея распоряженія? Вотъ вопросы, на которые мы не въ состояніи вывести вполне удовлетворительнаго отвѣта. Я уже приводилъ ранѣе нѣкоторыя соображенія, позволяющія думать, что права и обязанности родителей были приняты на себя нынѣшнимъ государствомъ въ слишкомъ сильной степени, и что за этой излишней дезинтеграціей семьи послѣдуетъ, вѣроятно, современемъ новая ея реинтеграція. Весьма возможно, что послѣ той древней формы быта, при которой общественная и семейная организаціи имѣли принудительный характеръ, мы проходимъ теперь черезъ полувоенственныя, полу-промышленныя фазы, на которыхъ какъ государственная, такъ и семейная организаціи имѣютъ отчасти принудительный, а отчасти добровольный характеръ; и что, вмѣстѣ съ полной общественной реинтеграціей, на основаніи добровольнаго сотрудничества, наступитъ современемъ и домашняя реинтеграція подобнаго же рода, при которой жизнь семьи станетъ снова столько же отличною и отдѣльною отъ жизни государства, какою она была въ самомъ началѣ. Тѣмъ не менѣе, у насъ все-таки остаются нерѣшенныя теоретическія затрудненія по отношенію къ вопросу о томъ, — какъ далеко можетъ простирается власть родителей надъ дѣтьми; въ какой мѣрѣ можетъ быть терпимо пренебреженіе къ родительской отвѣтственности; и когда ребенокъ перестаетъ быть единицею семьи и становится единицею государства? Но, на практикѣ, всѣ эти вопросы вовсе и не нуждаются ни въ какомъ рѣшеніи; ибо тѣ же самыя измѣненія въ индивидуальномъ характерѣ, которыя приведутъ за собою самую высшую форму семьи, будутъ противиться почти повсюду возникновенію этихъ затрудненій, представляющихъ послѣдствія характеровъ болѣе низкихъ типовъ, свойственныхъ болѣе низкимъ обществамъ.

Кромѣ того, тутъ всегда остается обезпеченіе отъ всѣхъ вредныхъ ^{уклон-} ній. Все, что ведетъ къ наивысшему благу ребенка, должно непремѣнно устанавливаться въ обществѣ все болѣе и болѣе, посредствомъ замѣщенія дѣтей худшихъ родителей, воспитанныхъ худшимъ образомъ, дѣтьми лучшихъ родителей, воспитанными лучшимъ образомъ. Мы знаемъ, что всѣ вообще животныя сохранялись и прогрессировали при помощи родительскихъ инстинктовъ; мы знаемъ также, что, въ теченіе человѣческаго развитія, домашнія отношенія, возникшія изъ необходимости продолжительныхъ попеченій о ребенкѣ, принимали постепенно все болѣе и болѣе высокія формы; наконецъ, мы знаемъ, что попеченія о ребенкѣ становились постоянно все болѣе значительными и болѣе продолжительными; а потому, мы не можемъ сомнѣваться, что, въ будущемъ, рядомъ съ болѣе альтруистическою природою, свойственною болѣе высокому общественному типу, явятся такія отношенія родителей къ дѣтямъ, которыя не будутъ нуждаться во внѣшнемъ контролѣ для обезпеченія ихъ правильной дѣятельности.

§ 342. Намъ остается рассмотретьъ еще одну черту, которая, по всей вѣроятности, будетъ играть большую роль въ дальнѣйшемъ развитіи семьи. Изъ числа чувствъ, связывающихъ семью въ одно цѣлое, послѣднимъ является на сцену попечительная привязанность дѣтей къ своимъ родителямъ; и это чувство имѣетъ передъ собою наиболѣе мѣста для дальнѣйшаго разростанія. Сыновняя любовь, совершенно отсутствующая у животныхъ, очень слабая у первобытныхъ людей, довольно значительная у отчасти-цивилизованныхъ людей и порядочно сильная у наилучшихъ людей изъ числа тѣхъ, которые насъ окружаютъ въ настоящее время, представляетъ такое чувство, которое допускаетъ значительное дальнѣйшее развитіе, необходимое для полнаго завершенія цикла домашней жизни. Въ настоящее время, послѣдніе дни стариковъ, женатыхъ и замужнія дѣти которыхъ живутъ особо отъ нихъ, бываютъ довольно печальными, вслѣдствіе отсутствія тѣхъ остающихся еще имъ удовольствій, которыя могутъ быть извлечены изъ постоянного сообщенія съ своими потомками; но наступитъ время, когда это бѣдствіе будетъ устранено привязанностью взрослыхъ къ своимъ престарѣлымъ родителямъ, — привязанностью, которая никогда, конечно, не будетъ такою сильною, какъ привязанность родителей къ дѣтямъ, но которая все-таки значительно приблизится къ ней по своей силѣ.

Но мы не должны ожидать дальнѣйшаго развитія въ этомъ направленіи, при такихъ общественныхъ порядкахъ, которые освобождаютъ въ извѣстной мѣрѣ родителей отъ попеченій о ребенкѣ. Для того, чтобы ребенокъ могъ обнаружить, по отношенію къ своимъ родителямъ, въ позднѣйшій періодъ жизни,

болѣ сильное чувство, нужно, чтобы это чувство могло установиться, въ болѣ ранній періодъ жизни, путемъ болѣ тѣсной внутренней связи между родителями и ребенкомъ. Но мы не можемъ разсчитывать достигнуть болѣ высокой ступени въ развитіи сыновнихъ чувствъ, идя тѣми путями, которыми слѣдовали Китайцы за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ. Мы не можемъ подняться до этой ступени путемъ подражанія, хотя бы только въ извѣстной мѣрѣ, кровожаднымъ Мексиканцамъ, у которыхъ дѣти, съ четырехлѣтняго возраста, а иногда и нѣсколько позже, передавались на воспитаніе жрецамъ. Мы не можемъ улучшить нашихъ семейныхъ чувствъ, стараясь приблизиться къ порядкамъ, существующимъ у Каффровъ изъ племени Кусса, у которыхъ „всѣ дѣти, съ десяти- или одиннадцати-лѣтняго возраста, получаютъ общественное воспитаніе, подъ надзоромъ вождя“. Это позднѣйшее изъ семейныхъ чувствъ не встрѣчаетъ благоприятныхъ условий для своего развитія въ отступленіи къ обычаямъ Андаманезцевъ и въ превращеніи ребенка семьи въ ребенка племени, съ самаго ранняго возраста, при какомъ это только оказывается возможнымъ. Наоборотъ, подобный прогрессъ можетъ быть достигнутъ только тогда, когда сами родители будутъ заботиться о нравственной и умственной культурѣ своихъ дѣтей, и когда эта культура будетъ доводиться ими до такихъ предѣловъ, до какихъ теперь рѣдко даже и пытаются довести ее. Когда развертывающійся умъ ребенка не будетъ болѣ коверкаемъ, задерживаемъ, обезображиваемъ механическими уроками глухихъ учителей; когда обученіе, вмѣсто доставленія взаимныхъ мукъ, будетъ доставлять взаимное удовольствіе, вслѣдствіе лучшаго принаравливанія его къ развивающимся способностямъ ребенка, изъ которыхъ каждая жадно стремится сама къ усвоенію подходящаго знанія, предложеннаго ей въ подходящей формѣ; когда, рядомъ съ широкимъ распространеніемъ здоровой культуры между взрослыми и рядомъ съ укрѣпленіемъ и распространеніемъ раціональныхъ взглядовъ на обученіе, явится на сцену самостоятельное развертываніе молодого ума, на возможность котораго указываютъ по временамъ уже и теперь нѣкоторые случаи исключительныхъ способностей къ приобрѣтенію знанія; когда болѣ раннія ступени воспитанія, проводимыя внутри семейнаго круга, сдѣлаются ежедневнымъ источникомъ укрѣпленія умственныхъ и нравственныхъ симпатій между членами семьи, причѣмъ взаимное пониманіе и сочувствіе въ умственной и нравственной сферахъ должно будетъ дойти до такой степени, о которой мы теперь едва ли можемъ мечтать; когда лишь болѣ спеціальныя и болѣ позднія вѣтви культуры будутъ предоставлены постороннимъ рукамъ,—тогда, и только тогда лишь, послѣдніе дни жизни родителей будутъ смягчены болѣ усиленными дѣтскими попеченіями, которыя явятся тутъ воз-

награжденіемъ за болѣе значительныя родительскія попеченія, затраченныя въ ранній періодъ дѣтской жизни.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Замѣчаніе.—На страницѣ 136, читатель найдетъ сноску, въ которой я указываю на прежнія заявленія мною моихъ взглядовъ на первобытныя вѣрованія, высказанныя въ 1854 и 1870 годахъ. Въ этой сноскѣ, я говорю между прочимъ: «Между тѣмъ, въ теченіе этого времени, появились важныя труды Тайлора и Сэра Джона Лэббока, которые установили» и пр., и пр. Эти слова относятся къ *Первобытной Культурѣ*, вышедшей въ 1871 году. Въ то время, когда я писалъ эту сноску, я не зналъ, что нѣкоторыя изъ идей, заключающихся въ этомъ сочиненіи, были высказаны Тайлоромъ еще прежде этого. Но теперь оказывается, что Тайлоръ выражалъ и раньше нѣкоторыя изъ своихъ взглядовъ, причемъ самое раннее изъ его заявленій относится къ 1866 году. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла здѣсь до болѣе раннихъ его работъ, въ которыхъ онъ находилъ еще возможнымъ отождествлять анимизмъ съ фетишизмомъ; но, въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ, появившейся одновременно съ моею статьею о «Поклоненіи Животнымъ», онъ выставляетъ теорію призраковъ на первый планъ, какъ суетвріе первичнаго свойства. Я не желалъ дать понять, будто бы Тайлоръ обязанъ своими взглядами мнѣ; и теперь желаю заявить вполне опредѣленно, что его взгляды были столь же независимы отъ моихъ, какъ и мои отъ его.

ПРИЛОЖЕНИЕ ¹⁾.

Смѣшиваніе сновидѣній съ дѣйствительностью. Многіе изъ ежедневныхъ нашихъ опытовъ бросаютъ сильный свѣтъ на генезисъ первобытныхъ идей, если мы только захотимъ вдуматься въ ихъ значеніе. Намъ нерѣдко приходится слышать про сновидѣнія, какъ ихъ кажущаяся дѣйствительность продолжала дѣйствовать на чувства даже въ теченіе нѣкотораго времени послѣ пробужденія: такъ, напримѣръ, радостное чувство избѣжанія дѣйствительной опасности продолжаетъ сохраняться иной разъ даже послѣ признанія того факта, что опасность была чисто идеальной. Такое стремленіе чрезвычайно живаго сновидѣнія порождать то чувство, которымъ сопровождается дѣйствительность, нерѣдко ведетъ къ убѣжденію въ его дѣйствительности, т. е. къ убѣжденію, что это былъ не сонъ, а явь. Послѣ того, какъ предыдущее прибавленіе было уже набрано и стереотипировано, я встрѣтился съ поразительными доказательствами этого факта. Въ обществѣ, состоявшемъ менѣе чѣмъ изъ дюжины человѣкъ, трое утверждали, что, въ дѣтствѣ, они видѣли съ такою живостью во снѣ, что они слетали по лѣстницѣ, и были до такой степени убѣждены потомъ, что это было съ ними на самомъ дѣлѣ, что они уже дѣйствительно попробовали полетѣть съ лѣстницы, причемъ одинъ изъ нихъ долго страдалъ потомъ отъ вывиха щиколотки, оказавшагося въ результатѣ этой попытки.

Но если даже наши дѣти могутъ смѣшивать такимъ образомъ то, что испытывается ими во снѣ, съ тѣмъ, что испытывается ими на-яву, несмотря на тѣ различія, которыя дѣлаются въ ихъ присутствіи взрослыми, несмотря на

¹⁾ Читатель увидитъ и самъ, что это приложеніе относится къ 1-й части, т. е., къ нашему первому тому. Помѣщено оно здѣсь опять таки потому, что появилось по-англійски только въ декабрѣ 1876 года.—Изд.

употребленіе ими словъ, подразумѣвающихъ этотъ контрастъ, и несмотря на данное имъ понятіе о духѣ, какъ объ особой отъ тѣла внутренней сущности, — то очевидно, что дикари, не имѣя въ своемъ распоряженіи этой теоріи духа, не имѣя словъ для выраженія многихъ замѣчаемыхъ ими различій, лишенные также наставленій со стороны болѣе образованныхъ лицъ и, наконецъ, лишенные организованнаго знанія, которое способно было бы сдерживать ихъ легковѣріе, будутъ неизбѣжно смѣшивать свои мысли во снѣ съ своими мыслями на-яву. Вслѣдствіе этого, читая, напримѣръ, о Камчадалахъ, что они склонны смѣшивать жизнь во снѣ съ жизнью на-яву, мы не только не должны смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на что-то ненормальное, но, напротивъ того, должны считать, что, вначалѣ, болѣе или менѣе значительная степень такого смѣшиванія вполне неизбѣжна. Принимая въ соображеніе сказанное, мы увидимъ, что тѣ вѣрованія въ дѣйствительность приключеній и личностей, видѣнныхъ во снѣ, которыя мы находили повсюду между нецивилизованными людьми, возникли неизбѣжнымъ образомъ; что за ними явилось столь же необходимымъ образомъ понятіе о блуждающемъ второмъ я, и что это зерно всѣхъ суевѣрій, разъ появившись, имѣло всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія.

Животныя имена у Семитовъ. Пальгревъ (т. I, стр. 126), рассказывая объ одномъ Арабѣ, говоритъ: — „онъ извѣстенъ повсюду подъ именемъ Обейдъ, т. е. Волкъ; и онъ дѣйствительно вполне заслужилъ это имя своей непреклонной жестокостью и своимъ глубокимъ лукавствомъ“. Теперь развернемъ Книгу Судей: мы найдемъ тамъ (VII, 25) слѣдующія слова: „и они схватили двухъ Мадіанитскихъ князей, Ореба (Ворона) и Зеба (Волка); и убили Ореба на скалѣ Оребъ; а Зеба убили у виноточильни Зебъ; и погнались за Мадіанитянами; и принесли головы Ореба и Зеба Гедеону, на ту сторону Иордана“. Эти слова доказываютъ, что Семитскіе вожди носили имена животныхъ. Къ этимъ фактамъ мы можемъ прибавить еще одинъ фактъ, относящійся къ настоящему времени: „говорятъ, что различныя племена Кабиловъ отличаются другъ отъ друга по фигурамъ животныхъ, вытатуированныхъ у нихъ на лбу, на носу, на вискахъ или на щекахъ“. (L. Geiger, Zeitschr. D. M. G. 1869. стр. 169). А вотъ извлеченія, относящіеся къ древнимъ Ассирійцамъ, и показывающія подобнымъ же образомъ, что имена животныхъ становились у нихъ человѣческими именами: — „Слово лу лиму (олень) употребляется иногда у Ассирійцевъ для обозначенія царя“. (Delitzsch, Thiernamen, стр. 51). Аккадійское ма-р-у-у (волкъ?)... навѣрное тождественно съ Ассирійскимъ ма-р-у-у, значащимъ самецъ, дитя мужскаго пола. Весьма возможно, что они употребляли это слово, чтобы выразить въ названіи этого животнаго самца по преимуществу; все равно какъ Арамское декаръ означаетъ человѣкъ и

баранъ; а послѣ-библейское геберъ значить человѣкъ и пѣтухъ. Также и въ Арабскомъ, одно и тоже слово значить человѣкъ и волкъ“. (Delitzsch, Thiernamen, стр. 60). Когда мы поставимъ эти факты бокъ-о-бокъ съ тѣми, которые приведены нами въ §§ 170—4 и которые показываютъ, какимъ образомъ обычай дикарей называть людей по именамъ животныхъ ведетъ къ вѣрѣ въ животныхъ предковъ и къ „умиловленіямъ животныхъ“, то для насъ станетъ еще болѣе очевиднымъ, что боги-животныя и боги-полуживотныя и полулюди этихъ Мессопотамскихъ народовъ получили свое начало тѣмъ именно способомъ, который былъ указанъ нами въ своемъ мѣстѣ.

Змѣи-Духи у Древнихъ. Слѣдующій отрывокъ изъ Энеиды (ст. 75) даетъ намъ замѣчательное подтвержденіе того взгляда, который былъ высказанъ нами въ §§ 167—8:

„Эней покинулъ собраніе и пошелъ къ гробницѣ (своего отца)... Здѣсь онъ творитъ возліаніе, въ должной формѣ, выливая на землю Бахусу двѣ чаши вина, двѣ чаши свѣжаго молока, двѣ чаши священной крови; затѣмъ онъ разсыпаетъ распустившіеся цвѣты и говоритъ такимъ образомъ: Привѣтъ тебѣ, святой предокъ! Еще разъ привѣтъ вамъ, пепель... духи и тѣни моего отца!.. Такъ говорилъ онъ; какъ вдругъ, изъ самой глубины могилы выползла огромная, скользкая змѣя... тихо обвилась вокругъ гробницы и скользнула на алтарь... Эней стоялъ въ изумленіи передъ этимъ зрѣлищемъ. Наконецъ, пресмыкаяющееся, отвѣдавъ легонько приготовленнаго пиришества и не дѣлая никому вреда, спокойно вернулось опять назадъ, въ глубину могилы и оставило алтарь, на которомъ оно питалось. Эней, съ усиленнымъ рвеніемъ, продолжаетъ жертвоприношеніе, начатое имъ въ честь своего отца, не зная, что ему думать объ этомъ явленіи: считать ли видѣнную имъ змѣю гениемъ этого мѣста, или прислужникомъ своего родителя“.

Хотя здѣсь, — въ присутствіи понятій, соотвѣствующихъ болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ та, о которой шла рѣчь въ §§ 167—8, — мы не находимъ прямо отождествленія змѣи съ духомъ-предкомъ, тѣмъ не менѣе и тутъ между ними предполагается существованіе какой-то связи. И такъ, намъ нѣтъ болѣе надобности считать за простую гипотезу, что животныя, находимыя въ мѣстахъ пребыванія усопшихъ или въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ, по мѣстному повѣрію, усопшими, начинаютъ считаться принадлежащими тѣмъ или другимъ образомъ къ міру покойниковъ; ибо приведенный нами отрывокъ выражаетъ прямо такое предположеніе. Ясно, что, въ числѣ прочихъ возможныхъ отношеній между посѣщающими могилы животными и умершими людьми, будетъ допущено первобытными людьми и превращеніе однихъ въ другихъ. А потому, мы не можемъ болѣе сомнѣваться въ возникновеніи отсюда отождествленія совъ и

нетопырей, а, можетъ быть, и нѣкоторыхъ жуковъ (*Scaraboei*), съ душами усопшихъ людей.

Вѣрованія Аккадійцевъ. Извѣстный ассирологъ, Сейсъ (*Rev. A. H. Sayce*), въ своей статьѣ объ Аккадйцахъ, въ новомъ изданіи *Encyclopaedia Britannica*, говоритъ слѣдующее:

„Самой древней религіей Аккада былъ шаманизмъ, сходный съ тѣмъ, который мы видимъ теперь у Самоѣдскихъ и Сибирскихъ племенъ. Каждый предметъ имѣлъ у нихъ своего духа, добраго или злаго; и власть надъ этими духами находилась въ рукахъ жрецовъ и колдуновъ. Міръ кишѣлъ ими, въ особенностн же демонами; такъ что не существовало почти ни одного дѣйствія, которое не рисковало бы попасть подъ вліяніе демоновъ. Болѣзни, по ихъ мнѣнію, причинялись этимъ путемъ... Съ теченіемъ времени, нѣкоторые духи (или, лучше сказать, обоготворенныя силы природы) возвысились надъ остальными до положенія боговъ... Древній шаманизмъ превратился въ религію, со множествомъ подчиненныхъ, полу-божественныхъ существъ; но онъ сохранялъ еще такую силу надъ умами людей, что они обращались къ новымъ богамъ черезъ посредство ихъ духовъ. Затѣмъ религія вступила въ новый фазисъ: разнообразныя эпитеты, прилагавшіеся прежде къ тому же самому божеству, выкристаллизовались въ новыя, особыя божества, и богъ-солнце, въ своихъ многообразныхъ формахъ, сдѣлался центромъ религіознаго поклоненія“.

Хотя Сейсъ придерживается общепринятой мифологической теоріи касательно происхожденія поклоненія природѣ, однако мнѣ кажется, что его описаніе гораздо больше согласуется съ той теоріей, которую я противопоставилъ ей. Самая древняя ступень, указанная у него, есть та, на которой духи усопшихъ, имѣвшіе первоначально человѣческій характеръ, отождествились уже со всевозможными окружающими предметами, къ чему, какъ мы видѣли, они стремятся повсюду; и, какъ у Эскимосовъ и у другихъ народовъ, Солнце и Мѣсяцъ сдѣлались этимъ путемъ обиталищами особыхъ духовъ, такъ точно случилось и здѣсь, у Аккадйцевъ. По словамъ самого же Сейса, Аккадйское поклоненіе природѣ вовсе не было явленіемъ первобытнаго характера, но развилось изъ поклоненія духамъ усопшихъ.

Происхожденіе Египетскихъ Боговъ. Я привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ, общій смыслъ которыхъ, несмотря на встрѣчающіяся тутъ несообразности, достаточно ясенъ. Первый отрывокъ взятъ изъ Эвзебія (*Eusebius, Arm. Chron., p. 93, ed. Mai*).

„Изъ Египетскихъ памятниковъ Манефона, который раздѣлилъ свою исторію на три книги: о богахъ и герояхъ, о манахъ и о смертныхъ царяхъ, правившихъ Египтомъ вплоть до Персидскаго царя Дарія. Первымъ человѣкомъ

(богомъ) Египтянъ быть Вулканъ, котораго прославляютъ, какъ изобрѣтатели огня... Послѣ боговъ царствовали герои... потомъ опять другіе цари... и еще 30 другихъ Мемфисскихъ царей... потомъ опять 30 другихъ Тиннитскихъ царей... Эти цари властвовали послѣ господства мановъ и героевъ“.

Нѣкоторые предполагаютъ, что династіи, обозначенныя у насъ курсивомъ, вкрались въ текстъ по ошибкѣ (Laüth, стр. 31); другіе думаютъ, что это — мѣстныя династіи; но, во всякомъ случаѣ, общая преемственность, или филиація, боговъ, героевъ и царей вполне очевидна. Бунзенъ говоритъ (Egypt, v. 1, p. 70—1):

„Выраженіе „Царство Мановъ и Героевъ“ неправильно, потому что Герои наслѣдовали Богамъ непосредственно. Эвзебій, послѣ упоминанія о Битисѣ (Bitys), выводитъ на сцену Героевъ въ такихъ словахъ: „Послѣ Боговъ правили Герои въ теченіе 1255 лѣтъ“. И этотъ порядокъ и долженъ быть настоящимъ, ибо терминъ „Маны“ (Mānes, духи предковъ) необходимо предполагаетъ болѣе раннихъ Смертныхъ. По правдѣ говоря, трудно догадаться, что разумѣли древніе Египтяне подъ выраженіемъ „Герои“. Герои, въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. Сыновья Боговъ, рожденные отъ смертныхъ матерей, были совершенно неизвѣстны этому народу, какъ о томъ свидѣлствуетъ Геродотъ и какъ то подтверждается Египетскими памятниками. Слѣдовательно, это выраженіе употреблялось въ смыслѣ Полу-Боговъ. Это самое выраженіе попадаетъ въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ историческаго періода, при вступленіи въ который говорится, что царство Мановъ наступило послѣ царства „Мановъ и Полу-Боговъ“. Маны, повидимому, представляютъ тутъ такихъ царей, которые, строго говоря, были смертными, но которые пользовались особеннымъ почетомъ, какъ предки отдѣльныхъ племенъ,—въ родѣ того, напримѣръ, какъ Питтрисы Индійцевъ“.

Въ своей Исторіи Египта (т. I, стр. 23), Бругшъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Египтяне полагали, что времени появленія ихъ перваго царя предшествовало три періода. Въ первый періодъ, по ихъ вѣрованію, царствовала династія боговъ; во второй—династія полу-боговъ; въ третій — династія мановъ... Къ несчастію, отрывки Туринскаго папируса, заключающіе хронологическій списокъ Египетскихъ царей, не сохранили для насъ описанія царей-божествъ этихъ трехъ первыхъ періодовъ. Впрочемъ, одинъ изъ этихъ отрывковъ смутно указываетъ на то, что священныя животныя (какъ, напримѣръ, быки-Аписы Мемфиса, Мневиса и Геліополиса) принадлежали къ этимъ божественнымъ династіямъ“.

Непрерывность этого ряда, начинающагося съ этихъ древнихъ божествъ, изъ которыхъ нѣкоторые были представляемы себѣ въ видѣ животныхъ и полу-животныхъ, и кончающагося богами, представляющими несомнѣнно обоготворенныхъ людей, выказывается еще болѣе изъ слѣдующаго отрывка изъ Египта Бунзена (т. I, стр. 69):

„Эвзебій называетъ послѣдняго изъ правителей, наслѣдовавшихъ Великимъ Богамъ, Битисомъ; но онъ забываетъ описать его болѣе точнымъ образомъ. По свидѣтельству Ямблиха (Jamblichus, De Mysteriorum, VIII, 5, IX, 7), этотъ Битисъ (Bytis, или Bitis, что, очевидно, одно и то же) былъ пророкъ Аммона, царя (Гикъ — специальный титулъ Аммона). Онъ истолковалъ религіозныя книги Гермеса. Такимъ образомъ, мы имѣемъ тутъ существо, составленное изъ Полу-Бога, Героя и Пророка. Гермесь-Тотъ, — несомнѣнно Египетскій Богъ, — былъ также истолкователемъ Божественнаго Слова и тоже служителемъ и сотрудникомъ Аммона“.

Наконецъ, въ довершеніе доказательствъ, мы имѣемъ тотъ фактъ, что къ поклоненію этимъ древнимъ правителямъ, смутные образы которыхъ, выжившіе отъ отдаленнѣйшихъ временъ, превратились постепенно въ настоящихъ боговъ, у нихъ присоединилось еще поклоненіе древнимъ историческимъ царямъ, и что это поклоненіе, будучи по существу своему сродно съ предыдущимъ, также длилось въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Вотъ отрывокъ изъ сочиненія Масперо: Судебное слѣдствіе въ Оивахъ (Une Enquête Judiciaire à Thèbes, pp. 62—63):

„Въ Мемфисѣ мы находимъ, вплоть до Птолемеевъ, жрецовъ Менеса, Аты, Сагуры и другихъ фараоновъ, принадлежащихъ къ болѣе древнимъ династіямъ (De Rougé, — Etude sur les monuments, qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manéthon, pp. 31, 53, 83). Въ Оивахъ, культъ Узортезеновъ, Амесовъ, Аменофисовъ (см. въ Parvius Abbot, pl. I, l. 13, упоминовеніе о жрецѣ Аменофиса) и нѣкоторыхъ царицъ, какъ, напримѣръ, царицы Нефер-тар и (Liebbeck, — Deux Parvius, etc. p. 31, pl. III, l. 6; Sharpe, Eg. Inscr., II), процвѣталъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Если мы не въ состояніи открыть никакихъ указаній на такое живучее почитаніе усопшихъ у частныхъ лицъ, то это лишь потому, что религіозныя церемоніи въ частныхъ гробницахъ совершались не специальными жрецами, а сыновьями и другими потомками усопшаго. Часто, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, или по небрежности, или вслѣдствіе переселенія, раззоренія или вымиранія извѣстной семьи, культъ прекращался, и память объ усопшихъ затеривалась“.

Къ этому отрывку, столь ясно показывающему, что постоянное поклоненіе

усопшимъ королямъ было только болѣе развитою формою обыкновеннаго поклоненія предкамъ, я могу прибавить нѣсколько подтвердительныхъ строкъ изъ Де-Руже:

„Подлѣ каждой пирамиды находилось погребальное зданіе, родъ храма, въ которомъ выполнялись религіозныя церемоніи культа, установленнаго въ честь обоготворенныхъ государей. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ культъ начинался еще при ихъ жизни“. — (Mém. de l'Acad. des Inscr., XXV, 2, p. 254).

И что-же! передъ лицомъ такихъ свидѣтельствъ, вполне гармонирующихъ со всѣми остальными найденными нами свидѣтельствами, большинство все-таки рѣшается утверждать, что древніе египетскіе боги были олицетвореніями силъ природы!

ПРИБАВЛЕНІЯ.

ЭДУАРДЪ Б. ТАЙЛОРЪ:

«Основанія социологии» Герберта Спенсера ¹⁾.

Гербертъ Спенсеръ приступилъ уже къ „увѣичанію зданія“ эволюціонистской философіи, выпустивъ недавно въ свѣтъ первый ²⁾ изъ двухъ томовъ, посвященныхъ имъ систематизаціи основныхъ началъ общественнаго развитія человѣка. Нельзя не пожалѣть, что разстроенное здоровье побудило его издать этотъ первый томъ въ нѣсколько незаконченномъ видѣ, такъ какъ онъ опасался, что читателямъ пришлось бы, можетъ быть, прождать много мѣсяцевъ прежде, чѣмъ онъ найдетъ въ себѣ силы прибавить къ нему нѣсколько заключительныхъ страницъ ³⁾. Впрочемъ, съ практической точки зрѣнія, это обстоятельство не влечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій, такъ какъ аргументація Спенсера по каждому отдѣльному вопросу отличается обыкновенно такою полнотою и законченностью, что критикъ можетъ разсматривать каждый особый отдѣлъ его сочиненія вполнѣ независимо, ничуть не опасаясь, чтобы заключенія автора оказались измѣненными въ послѣдующихъ главахъ.

Получивъ приглашеніе отъ издателя журнала „Mind“ представить свои соображенія по поводу Спенсеровской системы социологии, я не рѣшился предпринять формальнаго обзора этого труда, во всемъ его цѣломъ. Но, какъ человѣкъ, трудящійся въ теченіе уже многихъ лѣтъ на той самой почвѣ, на которую вступилъ теперь Спенсеръ, я пожелалъ указать на тѣ мѣста его сочи-

¹⁾ «Mind», a quarterly review of psychology and philosophy. April 1877, № VI.

²⁾ Вышедшій по-русски въ двухъ отдѣльныхъ томахъ. Изд.

³⁾ Это не относится къ русскому изданію, такъ какъ въ него вошли тѣ «заключительныя страницы» (послѣднія четыре главы), о неоявленіи которыхъ жалѣетъ Тайлоръ.—Изд.

ненія, гдѣ онѣ слѣдоваль путямъ, пробитымъ уже ранѣ; на тѣ мѣста, гдѣ онѣ пошесть дальше и глубже своихъ предшественниковъ, и, наконецъ, на тѣ, гдѣ онѣ, наравнѣ съ самыми способнѣйшими людьми всѣхъ временъ, былъ приведенъ къ бесплодной затратѣ усилій на пробитіе глухихъ траншей, не ведущихъ ни къ какимъ цѣннымъ результатамъ. Для меня лично это изслѣдованіе представляло особенный интересъ по отношенію къ тѣмъ главамъ, которыя занимають около половины перваго тома ¹⁾ и въ которыхъ Спенсеръ разсматриваетъ развитіе религіозныхъ ученій и религіознаго поклоненія. Какъ мнѣ кажется, эти главы представляютъ, собственно говоря, ничто иное, какъ новое изложеніе, съ важными видоизмѣненіями и дополненіями, теоріи анимизма, которая (оставляя въ сторонѣ болѣе раннія и менѣе полныя ея изложенія) была изложена мною, въ главныхъ своихъ чертахъ, въ Журналѣ Этнологическаго Общества, 26 апрѣля 1871 года; а затѣмъ была разработана мною съ значительной полнотою и подробностью въ моей Первобытной Культурѣ, изданной въ 1871 году. Представленная въ самыхъ краткихъ чертахъ, теорія эта такова: Во-первыхъ, понятіе о человѣческой душѣ — выводъ первобытнаго человѣка изъ очевидныхъ фактовъ. У каждаго человѣка, по мнѣнію дикаря, имѣются двѣ вещи: его собственный призракъ и его жизнь. Человѣческія формы, являющіяся во снѣ и въ видѣніяхъ, кажутся дикарю реальными предметами, связанными съ тѣми тѣлами, изображенія которыхъ онѣ представляютъ, но отдѣлимыми отъ этихъ тѣлъ, а потому способными являться людямъ, находящимся очень далеко отъ этихъ тѣлъ. Жизнь, кажущаяся присутствующей въ дѣятельномъ, бодрствующемъ, здоровомъ, живомъ человѣкѣ, но отсутствующей или ослабленной во время сна, летаргій, болѣзни и смерти, есть также нѣчто, связанное съ тѣломъ, но отдѣлимое отъ него. Изъ этихъ двухъ рядовъ соображеній вытекаетъ все первобытное и дикое ученіе о душѣ-призракѣ, которое, съ одной стороны, объясняетъ сны и видѣнія, а съ другой — жизнь и смерть. Во-вторыхъ, какъ только это представленіе о душѣ-призракѣ, какъ обь одушевляющемъ началѣ въ человѣкѣ, однажды достигнуто, оно начинаетъ распространяться, путемъ нечувствительныхъ переходовъ, на души низшихъ животныхъ и даже на безжизненные предметы, и, наконецъ, расширяется въ общее понятіе о духахъ и божествахъ, которые суть какъ бы души природы, и вѣра въ присутствіе которыхъ доставляетъ дикарю рациональное истолкованіе фактовъ и событій, требующихъ для себя объясненія. Съ этой точки зрѣнія на первобытный анимизмъ, общерас-

¹⁾ Почти весь русскій первый томъ, который соответствуетъ первой части перваго тома англійскаго оригинала. — Изд.

пространенная вѣра въ души и божества беретъ свое первое начало въ представленіяхъ дикихъ народовъ древняго міра. Едва ли нужно говорить, что такой взглядъ на происхожденіе основныхъ теологическихъ идей представляетъ настоящую революцію въ этой области. Ибо, если этотъ взглядъ, или хотя нѣчто подобное, будетъ доказано достаточно удовлетворительно, чтобы быть признаннымъ образованнымъ міромъ за истину, общепринятія теологическія системы должны будутъ замѣститься другими. Поэтому, для всего ученаго міра крайне важно то обстоятельство, что Спенсеръ — этотъ замѣчательный философъ, разсматриваетъ развитіе религіозныхъ идей съ анимистической точки зрѣнія. Хотя онъ и не принимаетъ термина „анимизмъ“, тѣмъ не менѣе его система вполне согласуется съ началомъ, означаемымъ этимъ терминомъ, не только во многихъ частныхъ ея выводахъ, но и въ двухъ основныхъ ея положеніяхъ: въ происхожденіи идеи о человѣческой душѣ и въ развитіи изъ этой идеи всѣхъ другихъ идей о духахъ и божествахъ. Въ какой мѣрѣ заключенія Спенсера были добыты независимо отъ моихъ, — этого я не берусь сказать; да этотъ вопросъ и не представляетъ большой важности. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что основные принципы этой теоріи таковы, что открытіе ихъ не требуетъ черезъ-чуръ большого напряженія научнаго воображенія, такъ какъ собственные рассказы самихъ дикарей о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ ясно наводятъ насъ на эти принципы. Едва ли будетъ слишкомъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что непредубѣжденный изслѣдователь, владѣющій всѣми средствами (ставшими, впрочемъ, доступными лишь въ послѣдніе годы) для основательнаго и полнаго обзора относящихся сюда фактическихъ данныхъ, въ трехъ случаяхъ противъ одного, долженъ придти къ анимистическому взгляду на развитіе религіозныхъ вѣрованій и религіознаго поклоненія. Но, до сихъ поръ, какъ самыя фактическія данныя по этой части, такъ и относящіеся сюда аргументы страдаютъ очень значительною неполнотою и несовершенствомъ, а потому люди, согласные между собою въ главной теоріи, могутъ расходиться очень сильно въ ея второстепенныхъ развѣтвленіяхъ. Сравнивая систему Спенсера съ моею собственною, я, весьма естественно, забочусь прежде всего о томъ, чтобы опредѣлить, — въ чемъ болѣе поздній писатель отличается отъ болѣе ранняго, и, притомъ, какія изъ этихъ отличій могутъ считаться отличіями къ лучшему, и какія — отличіями къ худшему.

Прежде чѣмъ приступить къ вопросу о происхожденіи религіи, Спенсеръ подготавливаетъ къ нему читателя путемъ предварительнаго изслѣдованія душевнаго состоянія первобытнаго человѣка; причемъ онъ находитъ у него такую неопредѣленность въ идеяхъ и такую несвязность въ разсужденіяхъ,

которыя непременно должны быть приняты въ соображеніе при изслѣдованіи древнихъ фазисовъ теологій. Но уже и здѣсь выступаетъ на видъ одна особенность нашего автора, относительно которой мы считаемъ нужнымъ предупредить читателя, для того чтобы онъ могъ принимать ее въ соображеніе, гдѣ слѣдуетъ. Цитируя фразы, посредствомъ которыхъ грубыя расы передаютъ свои мысли, онъ часто бываетъ склоненъ къ нѣкоторой узкости толкованія, которая совершенно неприложима къ ихъ неточному, ненаучному языку, и которая можетъ дать неправильное понятіе о томъ, что на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто у нихъ въ головѣ. Такъ, напримѣръ, для доказательства крайней умственной непослѣдовательности туземцевъ Мадагаскара, онъ приводитъ (стр. 117) слѣдующій отрывокъ: „Малагазецъ, почти не переводя духа, выразить вамъ свою вѣру въ то, что, со смертію, существованіе его прекращается совсѣмъ и навсегда... и, въ то же время, признаетъ тотъ фактъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе молиться своимъ предкамъ“. Но даже между нашими нынѣшними англичанами мы можемъ нерѣдко услышать такую фразу: „Все кончено для бѣднаго NN!.. его уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ!.. впрочемъ, можетъ быть, ему лучше тамъ, гдѣ онъ теперь“. Мы очень хорошо понимаемъ настоящій смыслъ этой фразы и знаемъ, что, въ дѣйствительности, она вовсе не заключаетъ въ себѣ особенно грубой непослѣдовательности. Довольно любопытно, что Спенсеръ не досмотрѣлъ тутъ, что, вслѣдъ за отрывкомъ, который онъ цитируетъ (и который взятъ имъ изъ Исторіи Мадагаскара Эллиса), слѣдуетъ вполне удовлетворительное объясненіе того, что разумѣлъ Малагазецъ въ дѣйствительности, говоря эти слова. „Когда же его спросятъ, — развѣ его предки не такія же человѣческія существа, какъ и онъ самъ, и развѣ, послѣ своей смерти, они не перестали тоже существовать совершенно и навсегда; а если да, то имѣется ли смыслъ молиться тому, что не есть уже болѣе существо, — то онъ отвѣтитъ: „Это правда; но вѣдь ихъ матоатоа (призракъ, тѣнь, духъ) продолжаетъ существовать“. И дѣйствительно, они воображаютъ, что призракъ усопшаго носится вокругъ могилы, въ которой погребено его тѣло“, и пр. Взятый въ цѣломъ, этотъ рассказъ показываетъ, что, на самомъ дѣлѣ, Малагазецъ придерживается своего анимистическаго вѣрованія съ такою же послѣдовательностію, какъ и наши собственные теологи. Не могу не замѣтить, по этому поводу, что всѣ мы, изслѣдователи первобытныхъ идей, грѣшимъ однимъ и тѣмъ же: а именно, всѣ мы склонны обращаться съ умомъ дикаря сообразно съ требованіями нашей аргументаціи и признавать его то крайне невѣжественнымъ и непослѣдовательнымъ, то крайне наблюдательнымъ и логичнымъ, такъ какъ, въ многочисленныхъ показаніяхъ путешественниковъ, всегда можетъ быть найдено достаточно данныхъ для подтвержденія каждаго изъ этихъ взглядовъ. Такъ и Спен-

серь, при всемъ его очевидномъ желаніи быть безпристрастнымъ, не всегда бываетъ въ силахъ отрѣшиться сполна отъ этого стремленія. Напримѣръ, оспаривая взгляды профессора Макса Мюллера, видящаго источникъ міоовъ въ особомъ складѣ ума некультурнаго человѣка, Спенсеръ энергически настаиваетъ на томъ, что этотъ умъ лишень раціональной любознательности по отношенію къ природѣ, и утверждаетъ, что умственный факторъ, требующійся для сочиненія міоовъ, отсутствуетъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, и отсутствуетъ въ теченіе еще долгаго времени послѣ того, какъ теорія призраковъ успѣла уже породить цѣлый механизмъ причинности. Въ подтвержденіе этого, онъ цитируетъ замѣчаніе доктора Ринка объ Эскимосахъ, которые „принимаютъ существованіе вообще какъ фактъ, не пускаясь въ умозрѣнія касательно начальнаго его происхожденія“. Но такой отзывъ о Гренландцахъ (которые и суть Эскимосы доктора Ринка) нельзя не признать нѣсколько суровымъ, если взять въ соображеніе, что они обладаютъ не только хорошо-развитою міоологією, но и хорошо-развитою теологією. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ (стр. 131, 157, 164, 192 и пр.), самъ же Спенсеръ приводитъ ихъ понятія о сновидѣніяхъ, тѣняхъ, призракахъ и пр., именно въ доказательство развитія тѣхъ самыхъ умозрительныхъ идей, въ которыхъ онъ отказывается имъ здѣсь. Онъ даже приписываетъ имъ такую философскую утонченность, которая кажется превышающей то, на что они могутъ дѣйствительно претендовать. Упомянувъ о хорошо извѣстномъ вѣрованіи Гренландцевъ, что у человѣка имѣется двѣ души, одна—его тѣнь, а другая—его дыханіе, и что душа, во время сновидѣній, отправляется въ странствованія и на охоту, онъ прибавляетъ къ этому отъ себя добавочную утонченность, говоря, что тѣнь, становящаяся ночью невидимою, и есть та именно душа, которая отправляется по ночамъ въ путешествія и подвергается разнымъ приключеніямъ. Онъ утверждаетъ это, ссылаясь на авторитетъ Кранца. Но мнѣ эта подробность показалась слишкомъ хорошею, чтобы быть вѣрною. И дѣйствительно, справившись съ моимъ экземпляромъ (первоначальное нѣмецкое изданіе 1765 года), я нашелъ, что слова стараго миссіонера не подтверждаютъ этого. Въ цѣломъ, мнѣ кажется, что Спенсеръ, въ своемъ обращеніи съ данными, относящимися къ идеямъ дикарей, склоненъ открывать слишкомъ много строгости и связности въ ихъ философіи и, въ то же время, отталкивать съ излишнею суровостію всѣ доказательства ихъ міонической и поэтической фантазіи, которыя направляются въ дѣйствительности на наше вниманіе съ неменьшею силою.

Продолжая свое разсмотрѣніе того состоянія ума, которое отличаетъ собою дикаря, Спенсеръ вводитъ (стр. 119) очень важный элементъ, который едва ли былъ подмѣченъ ранѣе. Есть очень мало предметовъ, по отношенію къ ко-

УДК 37.01:37.01
37.01:37.01

торымъ первобытные взгляды на природу потерпѣли бы такое сильное измѣненіе, какъ по отношенію къ возможности превращенія (преобразованія и пресуществленія). Дикарь слѣдитъ за облачкомъ, несущимся по небу и исчезающимъ постепенно въ воздухъ; онъ видитъ какъ звѣзды то появляются, то исчезаютъ; сверканія молніи прорѣзываютъ небо на одно мгновеніе и затѣмъ пропадаютъ; дождевыя капли образуютъ лужицы воды, которая, черезъ нѣсколько часовъ, постепенно исчезаетъ безъ остатка; тѣни и сновидѣнія являются на время передъ его глазами и, затѣмъ, вдругъ пропадаютъ безъ слѣда. Пережбы, вызываемыя ростомъ, едва ли менѣе значительны: изъ сѣмени, упавшаго на землю, вырастаетъ сначала побѣгъ, а затѣмъ—цвѣтокъ; изъ яицъ выдупляются птенчики; гусеница обращается въ куколку, а изъ куколки выпархиваетъ на свѣтъ мотылекъ; каждый трупъ, каждая тинистая лужа обнаруживаетъ самопроизвольное зарожденіе животныхъ; въ то же самое время, окаменѣлости доказываютъ дикарю, что животныя и растенія могутъ превращаться въ камни. Такія явленія, при отсутствіи объясненій, которыми міръ обязанъ наукѣ новѣйшихъ временъ, должны поселять въ умѣ некультурнаго человѣка почти безграничную вѣру въ превращеніе. Вслѣдствіе этого, дикаря ничуть не поражаетъ, какъ нѣчто совершенно невѣроятное, извѣстіе о превращеніи человѣка въ скалу или въ дерево, или увѣреніе, что человѣкъ можетъ становиться невидимымъ, продолжая тѣмъ не менѣе двигаться туда и сюда, подобно вѣтру, котораго дикарь не можетъ видѣть даже тогда, когда онъ борется съ его бѣшенными порывами. Эта часть разсужденій Спенсера не можетъ не послужить сильною помощію для неподготовленныхъ читателей: она расчищаетъ имъ путь для правильной оцѣнки того смысла, который должно имѣть вѣрованіе въ духовную жизнь въ мысли дикаго, или первобытнаго человѣка.

Но еще болѣе важное значеніе представляетъ разборъ Спенсеромъ (стр. 143 и пр.) извѣстнаго мнѣнія, будто бы первобытный умъ склоненъ приписывать жизнь такимъ предметамъ, которые вовсе не обладаютъ ею. Извѣстно, что это предположеніе лежитъ въ основѣ извѣстной теоріи Огюста Конта (построенной на ученіи писателя прошлаго вѣка, Де-Бросса). Эта теорія смотритъ на фетишизмъ, какъ на самый первобытный фазисъ религіи, въ продолженіе котораго человѣкъ считалъ всѣ внѣшніе предметы одушевленными жизнью, подобной его собственной, а потому могъ боготворить и дѣлать объектами религіознаго поклоненія не только животныхъ, но даже деревья и камни, короче сказать, любую вещь. Нынѣшнее поколѣніе антропологовъ очень много обязано Конту; тѣмъ не менѣе, его теорія происхожденія религіи должна быть устранена, въ силу тѣхъ именно изслѣдованій, которыя были вызваны ею же самою. Спенсеръ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые принимали Контовское ученіе о перво-

бытомъ фетишизмѣ, какъ это можно видѣть вполне ясно изъ его работы по этой части. Но, въ настоящемъ своемъ сочиненіи, онъ не только отвергаетъ ученіе Конта о первобытности фетишистическаго возрѣванія на природу, низводя фетишизмъ (какъ это уже сдѣлано мною) къ роду вторичнаго (т. е. болѣе поздняго) развитія ученія о духахъ, но и нападаетъ на положеніе Конта въ самомъ его основаніи, опровергая его утвержденіе, будто бы дѣти серьезно допускаютъ присутствіе жизни въ своихъ куклахъ или креслахъ, когда они, во время своихъ игръ, обращаются съ ними, какъ съ живыми. Спенсеръ доказываетъ, что все это есть ничто иное, какъ простое драматизированіе, и что ребенокъ былъ бы изумленъ и пораженъ, ничуть не менѣе нашего, если бы, напримѣръ, кукла дѣйствительно укусила его. Продолжая это разсужденіе далѣе, онъ старается доказать (стр. 343), что столь же мало вѣроятно, чтобы и первобытный человѣкъ сталъ безпричинно принимать какой-нибудь простой фетишистическій предметъ за живое существо. Все это разсужденіе Спенсера въ высшей степени сильно и убѣдительно и не можетъ не укрѣпить положенія ученія касательно дѣйствительной причины, лежащей въ основаніи не только поклоненія фетишамъ, но и поклоненія природѣ, съ ея великими божествами. Тѣмъ не менѣе, едва-ли можно отдѣлаться отъ сомнѣнія, что Спенсеръ заходитъ черезъ-чуръ далеко, изгоняя изъ первобытной жизни всякую способность къ олицетворенію, которой такъ много обязана міеологія. Какъ для ребенка, такъ и для дикаря человѣческая воля представляетъ первый источникъ и причину дѣйствія; эта причина видимыхъ дѣйствій становится извѣстною и понятною имъ прежде всѣхъ другихъ; а потому для древняго создателя міеовъ было, по всей вѣроятности, столь же легко, какъ и для нынѣшняго ребенка, вкладывать въ солнце и звѣзды, въ облака и рѣки, въ скалы и деревья личность, позаимствованную изъ человѣческой жизни. Многіе изъ читателей, подмѣтившіе тѣ искусственныя уловки, къ которымъ принужденъ прибѣгать Спенсеръ при объясненіи космическихъ міеовъ, безъ сомнѣнія согласятся, что его критика ученія Конта, стремящаяся къ полному отверженію этого ученія, со всѣми его хорошими и дурными сторонами, заходитъ черезъ-чуръ далеко. Выражаясь словами извѣстной Нѣмецкой поговорки, Спенсеръ, желая вылить воду изъ ванны, выплеснулъ вмѣстѣ съ нею и ребенка.

Я не вижу никакой необходимости входить въ подробное изложеніе главъ, посвященныхъ генезису ученія о человѣческой душѣ, — ученія, основаннаго на своеобразномъ истолкованіи такихъ явленій, какъ сонъ и сновидѣнія, обморокъ и смерть и пр.; такъ какъ, для моей цѣли, будетъ вполне достаточнымъ коснуться здѣсь только нѣкоторыхъ спеціальныхъ пунктовъ. Слѣдуетъ замѣтить,

 04135340
 8023110133

напримѣръ, что, выясняя значеніе сновидѣній, убѣждающихъ дикаря въ томъ, что у него, кромѣ тѣла, имѣется еще второе я, или душа, Спенсеръ (стр. 151) еще болѣе укрѣпляетъ новую теорію указаніемъ на то, что сомнамбулизмъ также стремится къ подтвержденію такого вѣрованія, доказывая дикарю, что люди дѣйствительно могутъ ходить во снѣ и дѣлать тѣ вещи, которыя они видѣли въ своихъ сновидѣніяхъ. Затѣмъ (стр. 154), онъ обращаетъ также вниманіе читателя на то дѣйствіе, которое должна имѣть вѣра въ сновидѣнія, какъ въ дѣйствительныя событія, на понятія некультурнаго человѣка на счетъ разныхъ возможностей въ природѣ. Въ своихъ сновидѣніяхъ, онъ чувствуетъ себя летающимъ по воздуху, или видитъ своего товарища внезапно обратившимся въ дикаго звѣря; поэтому, нѣтъ ничего страннаго, что онъ вѣритъ, будто бы такія вещи дѣйствительно случаются въ жизни. Я уже доказывалъ (Первоб. К у л ь т., т. I., стр. 496), что философское понятіе объ идеяхъ ведетъ свое начало прямо отъ понятія дикихъ о душахъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; а это послѣднее рождается главнымъ образомъ изъ появленія призраковъ животныхъ и предметовъ въ человѣческихъ сновидѣніяхъ. Спенсеръ идетъ еще далѣе и старается прослѣдить (стр. 156) развитіе изъ сновидѣній всего нашего представленія о человѣческомъ духѣ. Самая первая гипотеза, явившаяся для объясненія сновидѣній, состояла въ признаніи въ человѣкѣ двухъ сущностей; преобразуйте вторую сущность (или душу), откинувъ отъ нея физическіе признаки, несогласимые съ фактами, и вы получите гипотезу новаго времени касательно духовнаго я человѣка (умъ, душа, духъ). Было бы желательно, чтобы Спенсеръ, не ограничиваясь нынѣшнимъ краткимъ изложеніемъ этого смѣлаго положенія, развилъ его гораздо шире и привелъ бы его въ полный боевой порядокъ, такъ чтобы оно могло выдержать тѣ удары, которые будутъ направлены въ него метафизиками.

Вслѣдъ за этимъ, Спенсеръ приводитъ хорошо извѣстные примѣры вѣрованій некультурныхъ народовъ, для показанія того, что первобытное понятіе о душѣ отлично служитъ для своей цѣли и объясняетъ вполне удовлетворительнымъ образомъ такія жизненныя явленія, какъ обморокъ, столбнякъ, летаргія и пр., когда душа предполагается отсутствующей изъ тѣла, равно какъ и возвращеніе пациента къ нормальной жизни, вслѣдствіе предполагаемаго возвращенія души. Понятно, что смерть объясняется, съ точки зрѣнія этой анимистической теоріи, какъ результатъ отбытія души изъ тѣла навсегда. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Спенсеръ, слѣдя за развитіемъ этихъ идей, открываетъ въ этомъ вопросѣ не мало совершенно новыхъ сторонъ. Извѣстно, что фактъ смерти не можетъ быть распознанъ сразу даже нашею новѣйшею медицинскою наукою съ полною и очевидною достовѣрностью; а для дикаря должно

оставаться сомнительнымъ на неопредѣленное время, — не представляетъ ли прекращеніе жизненныхъ отправленій только продолжительной безчувственности, которая каждую минуту можетъ пройти, вслѣдствіе возвращенія назадъ другого я, или души. Представляя себѣ тѣ дѣйствія, которымъ должны предаваться окружающіе, въ теченіе этого промежутка сомнѣнія, когда они все еще недоумѣваютъ, — считать ли имъ тѣло живымъ или мертвымъ, — Спенсеръ выводитъ изъ этихъ дѣйствій множество погребальныхъ обычаевъ, — каковы, напримеръ, обычай обитателей острововъ Арру (а не Ассу), которые, въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ смерти, пытаются по многу разъ въ день заставить покойника ѣсть, для чего наполняютъ ротъ трупа пищею и аракомъ, пока этотъ послѣдній не начнетъ течь на полъ. Такимъ образомъ, эти простыя и понятныя дѣйствія оказываются первою ступенью общераспространеннаго обычая снабжать покойника пищею, — обычая, принимающаго впослѣдствіи, въ жертвоприношеніяхъ, менѣе матерьяльную форму. Не трудно видѣть, что эта догадка Спенсера представляетъ значительный интересъ. Тотъ фактъ, что предохраненіе трупа отъ порчи, путемъ высушиванія или бальзамированія, часто имѣло сознательною цѣлью сохраненіе тѣла для жизни, или для возвращенія въ него души, отлично извѣстенъ изъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Но замѣчанія Спенсера по этому поводу дѣлаютъ гораздо болѣе ясною, чѣмъ прежде, тѣсную внутреннюю связь между первобытнымъ взглядомъ на смерть, какъ лишь на временную отлучку души изъ тѣла, и теологическимъ ученіемъ о тѣлесномъ воскресеніи. Но, для первобытнаго дикаря, представленіе о воскресеніи трупа, чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти, было практической возможностью, представлявшей интересъ настоящей минуты; между тѣмъ какъ, съ теченіемъ вѣковъ, цивилизованный человѣкъ перенесъ это воскресеніе въ неопредѣленное будущее, вслѣдствіе чего оно превратилось въ одинъ изъ теологическихъ догматовъ, относящихся къ загробной жизни. Въ связи съ ученіемъ о тѣлесномъ воскресеніи, Спенсеръ приводитъ хорошо извѣстный обычай многихъ дикарей и варваровъ уродовать себя въ знакъ печали по умершемъ или въ видахъ умиловленія покойника; причемъ одни отрѣзываютъ у себя съ этою цѣлью суставы пальцевъ, другіе отстригаютъ пряди волосъ, а иные покрываютъ себя кровавыми шрамами. Большинство писателей по исторіи религіи, уже много лѣтъ тому назадъ, признали, что эти обычаи, — если не повсюду и всегда, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, — должны считаться приношеніемъ въ жертву покойнику нѣкоторой части своего тѣла, замѣнъ цѣлаго. Спенсеръ также принимаетъ этотъ взглядъ. Но я не вижу ясно, какимъ образомъ онъ выводитъ отсюда (стр. 180), что эти обычаи указываютъ именномъ вѣру въ тѣлесное воскресеніе, а не на какую-либо иную, болѣе

УДК 135.5.40
402.4(09)033

спиритуалистическую фазу вѣрованія въ будущую жизнь; и мнѣ кажется, какъ будто въ его аргументаціи существуетъ въ этомъ мѣстѣ какой-то пропускъ. Переходя (стр. 201) къ обычаю—класть рядомъ съ покойникомъ, или зарывать вмѣстѣ съ трупомъ въ землю запасы пищи, оружія, одежды и пр., Спенсеръ смотритъ, повидимому, на это такъ, какъ будто бы первоначально имѣлось при этомъ въ виду матерьяльное употребленіе всѣхъ этихъ вещей покойникомъ послѣ его воскресенія. Такая цѣль должна быть признана по меньшей мѣрѣ весьма возможною; въ самомъ дѣлѣ, такая идея, поскольку она существовала въ дѣйствительности, могла послужить переходною ступенью для другой идеи, несравненно болѣе распространенной между дикарями и варварами и состоящей въ томъ, что душа усопшаго человѣка, во время своего путешествія въ міръ духовъ, или послѣ прибытія туда, пользуется, если можно такъ выразиться, душами оружія, одежды и другихъ пожертвованныхъ ему вещей. Мы имѣемъ достаточно доказательствъ того, что такой взглядъ явился уже въ очень раннюю пору человѣческой мысли; въ самомъ дѣлѣ, на него, повидимому, прямо указываетъ очень распространенный между низшими расами обычай—переламывать или сжигать приносимыя въ жертву вещи,—обычай, прямо противорѣчащій идеѣ о возвращеніи трупа съизнова къ жизни и объ употребленіи имъ самихъ вещей, и, наоборотъ, вполне согласный съ идеєю объ отправленіи душъ этихъ вещей на тотъ свѣтъ для употребленія ихъ тамъ душою человѣка. Что касается до принесенія въ жертву усопшему и погребенія вмѣстѣ съ нимъ животныхъ и людей, то этотъ обычай представляетъ такой рacionales выводъ изъ понятія о смерти, какъ объ отлученіи души изъ тѣла, что мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, полное основаніе отнести его къ эпохѣ полного развитія анимистическихъ взглядовъ. Въ самомъ дѣлѣ, первобытное ученіе о душахъ, основанное на приниманіи сновидѣній за дѣйствительность, приводитъ необходимымъ образомъ къ заключенію, что всѣ предметы должны имѣть души (названныя мною предметными душами,—object-souls); ибо призраки ихъ являются человѣку въ его снахъ и видѣніяхъ съ такою же ясностью, какъ и человѣческія призраки. Понятно, что Спенсеръ вполне допускаетъ существованіе такой стадіи религіи, когда люди не только вѣрили въ существованіе душъ людей, животныхъ и вещей, но и отправляли, при своихъ погребальныхъ жертвоприношеніяхъ, всевозможные сорта такихъ душъ на тотъ свѣтъ, для того чтобы онѣ служили тамъ душѣ умершаго человѣка. Все разногласіе между нами заключается въ слѣдующемъ: Спенсеръ приводитъ приношеніе въ жертву женъ и рабовъ въ тѣсную связь съ оставленіемъ на могилѣ пищи и другихъ вещей, для матерьяльнаго пользованія ими возвратившимся къ жизни покойникомъ; мнѣ же кажется, что это значитъ забѣгать впередъ

дѣйствительному ходу развитія вѣрованій. Впрочемъ, разрѣшеніе этого вопроса нуждается еще пока въ болѣе обширныхъ и болѣе обстоятельныхъ изслѣдованіяхъ.

Религіи дикарей, принимающія существованіе тѣней усопшихъ, являющихся живымъ въ ихъ сновидѣніяхъ, всегда бываютъ принуждены разрѣшить такъ или иначе вопросъ о томъ, — гдѣ находится страна душъ, или мѣсто пребыванія этихъ тѣней. На этотъ вопросъ языческія религіи даютъ множество различныхъ отвѣтовъ. Быть можетъ, наиболѣе первобытный отвѣтъ утверждаетъ, что призракъ усопшаго держится по близости отъ трупа, или же, что онъ носится между живыми, и, въ самомъ дѣлѣ, многіе дикари имѣютъ обыкновеніе покидать домъ умершаго и предоставлять его въ полное распоряженіе его тѣни. Но множество другихъ племенъ вѣрятъ, что страна душъ находится то въ какой-нибудь отдаленной части занимаемой ими области, то на вершинахъ горъ какихъ-нибудь далекихъ острововъ, то внизу, подъ землею, въ пещерныхъ убѣжищахъ подземнаго міра, то наверху, на небесахъ. Пересматривая относящіеся сюда факты, мы находимъ, что страна душъ помѣщается теологами дикихъ расъ почти во всѣхъ возможныхъ областяхъ, какія мы только въ состояніи себѣ представить, а потому для изслѣдователя этого вопроса представляется не мало трудностей въ дѣлѣ опредѣленія тѣхъ причинъ, которыя заставляли то или другое племя избирать для своей страны душъ именно ту или другую область. Соображенія Спенсера по этому предмету, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно подвинули его впередъ, но зато, въ иныхъ случаяхъ, его догадки кажутся менѣе удачными, чѣмъ догадки прежнихъ писателей. Такъ, напримѣръ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что многіе дикари, переселившіеся въ занимаемую ими страну изъ другой, отдаленной мѣстности, часто воображаютъ, что призраки ихъ мертвецовъ возвращаются назадъ, въ родную землю, которая и становится, такимъ образомъ, въ ихъ преданіяхъ, настоящею страной душъ. Но показанія дикихъ племенъ, — которыя, замѣтимъ мимоходомъ, умѣютъ опредѣлять географическое положеніе довольно точно, — касательно того направленія, въ которомъ находится ихъ страна душъ, показываютъ, что всякая попытка свести эти показанія на простое воспоминаніе о переселеніи далеко недостаточна для ихъ объясненія. Даже собственные примѣры Спенсера (стр. 221) показываютъ съ достаточною убѣдительною, что онъ пренебрегъ какимъ-то важнымъ факторомъ, дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ. Едва ли есть основанія предполагать, что дикія племена переселялись съ запада гораздо чаще, чѣмъ съ сѣвера, или съ юга, или съ промежуточныхъ точекъ горизонта, какъ, напримѣръ, съ сѣверо-востока. А между тѣмъ, изъ четырнадцати мѣстоимено-

УДѢЛЕНІЕ
ВЪСНОВІИ

деній страны душъ, приводимыхъ Спенсеромъ, семь лежатъ на западѣ, три на востокѣ, три на сѣверѣ и только одно на югѣ. Такимъ образомъ, факты, представленные самимъ же Спенсеромъ, — который не желалъ выставить на видъ этого обстоятельства и потому не могъ стремиться къ его преувеличенію, — указываютъ на дѣйствительное преобладаніе въ челоѣчествѣ вѣрованія въ то, что страна душъ, или входъ въ эту страну, находится на западѣ, т. е. тамъ, куда скрывается вечеромъ солнце. Если мы спросимъ теперь у дикарей, куда скрывается вечеромъ солнце, множество племенъ немедленно отвѣтятъ намъ, что внизу, подъ землею, находится подземный міръ, и что солнце опускается вечеромъ въ пещерные тайники этого міра. Желая объяснить себѣ происхожденіе распространеннаго по цѣлому свѣту вѣрованія въ Гадесъ, или Андъ, населенный призраками усопшихъ, мы обращаемся съ этимъ вопросомъ къ Спенсеру; и что же?—все, что онъ можетъ предложить намъ по этому поводу, заключается въ догадкѣ, что вѣрованіе это возникло изъ прежняго обитанія живыхъ и погребенія мертвыхъ въ пещерахъ. Эта послѣдняя идея предлагалась уже и ранѣе многими писателями, и, дѣйствительно, она достаточна на столько, чтобы признать ее за одну изъ побочныхъ причинъ вѣрованія въ Гадесъ; но, вслѣдствіе своей узости, она столь же бессильна для объясненія всей совокупности вѣрованій въ подземный міръ усопшихъ, какъ идея о переселеніи бессильна для объясненія того, почему входъ въ страну душъ находится въ большинствѣ случаевъ на западѣ. Чтобы понять всю массу разнообразныхъ вѣрованій по этому предмету, необходимо придать надлежащій вѣсъ и значеніе вполне ясно выраженнымъ представленіямъ первобытной космологіи о существованіи подземнаго міра, куда скрывается солнце по ночамъ; и затѣмъ, связать съ этими представленіями вполне естественное заключеніе, находимое нами въ дѣйствительности у нѣкоторыхъ низшихъ расъ, — что этотъ же подземный Гадесъ служить жилищемъ призракамъ, невидимымъ днемъ и рѣдко выходящимъ на землю иначе, какъ ночью, которая есть время, назначенное для сновидѣній и для появленій призраковъ. Вдумываясь въ отношеніе Спенсера къ этому пункту, нельзя не придти къ заключенію, что опущеніе имъ всѣхъ этихъ хорошо извѣстныхъ обстоятельствъ можетъ быть приписано только его нелюбви ко всему, что хотя сколько-нибудь напоминаетъ солнечный міръ. Но подобныя солнечныя идеи, — будемъ ли мы относить ихъ къ области міа, или къ области первоначальной, грубой науки, — неоспоримо возникаютъ въ первобытномъ умѣ и оказываютъ такое вліяніе на образованіе занимающаго насъ вѣрованія, котораго никакъ нельзя игнорировать. Затѣмъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ объясненій, къ которымъ прибѣгаетъ Спенсеръ въ этомъ вопросѣ, кажутся мнѣ недостаточно сильными, чтобы выдержать хотя малѣйшій натискъ. Такъ,

напримѣръ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что обычай погребать покойниковъ на вершинахъ горъ можетъ повести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ возникновенію идеи, что горныя вершины суть мѣсто обитанія призраковъ усопшихъ (стр. 218). Но нашъ авторъ идетъ далѣе и старается доказать (стр. 229—32), что это обстоятельство, при помощи несовершенствъ языка и путаницы понятій, могло повести къ представленію о нахожденіи міра духовъ на самомъ небѣ; такъ что горная крѣпостца расы-покорительницы могла привести низшія, покоренныя племена, живущія въ ея окрестностяхъ, къ вѣрѣ въ небесный рай, населенный божественными существами, причемъ вождь племени-покорителя могъ постепенно подняться въ ихъ глазахъ до божественнаго достоинства бога-громовержца. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такія идеи могли возникнуть этимъ путемъ; но надо много очень сильныхъ доказательствъ, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что горцы гдѣ-нибудь и когда-нибудь были дѣйствительно принимаемы за духовъ, живущихъ на небесахъ, а потому нельзя не пожалѣть, что Спенсеръ, который, въ другихъ случаяхъ, приводитъ такія полныя и убѣдительныя доказательства въ подтвержденіе понятій, встрѣчающихъ сравнительно легкое довѣріе, въ этомъ именно случаѣ, рассчитываетъ такъ сильно на воображеніе своихъ читателей. Прежде чѣмъ покинуть этотъ обзоръ первобытныхъ идей о загробномъ мірѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе читателей на одну остроумную догадку Спенсера, хотя здѣсь и не мѣсто вступать въ подробное обсужденіе того, на сколько эта гипотеза подтверждается фактическими данными. Извѣстно, что въ религіяхъ множества народовъ, какъ дикихъ, такъ и культурныхъ, встрѣчается представленіе о рѣкѣ, черезъ которую приходится перебираться отошедшимъ въ вѣчность душамъ, чтобы попасть въ страну душъ, лежащую на другой сторонѣ этой рѣки; причемъ эта переправа совершается то по мосту, то въ челнахъ или на паромѣ. Вслѣдствіе чего это представленіе о рѣкѣ смерти встрѣчается такъ часто въ воображеніи дикихъ расъ? Спенсеръ предполагаетъ (стр. 224), что оно возникло у различныхъ племенъ изъ преданій о времени ихъ переселенія изъ страны ихъ предковъ. Такъ какъ переселенцы не имѣли съ собою лодокъ, то переправа черезъ какую-нибудь большую рѣку, встрѣтившуюся на ихъ пути, была, весьма естественно, главнѣйшимъ изъ тѣхъ препятствій, которыя имъ пришлось преодолѣть; а потому, и обратная переправа черезъ эту рѣку, предстоящая душѣ усопшаго, на ея пути на родину племени, превратившуюся теперь въ страну душъ, будетъ разсматриваться ими какъ главнѣйшее затрудненіе на этомъ пути. Нѣтъ ничего невозможнаго, продолжаетъ онъ, что опасности, связанныя въ воображеніи дикарей съ этою переправою черезъ

рѣку, повели также къ возникновенію извѣстнаго вѣрованія, что духи не могутъ переходить черезъ струю текучей воды.

Дальнѣйшее развитіе (гл. XVI и сл.) первобытнаго вѣрованія, вслѣдствіе котораго первоначальная человѣческая душа-призракъ становится источникомъ появленія цѣлаго обширнаго класса всепроникающихъ духовъ или демоновъ, излагается въ разбираемомъ нами сочиненіи почти параллельно тому, какъ оно было изложено ранѣе мною (Первоб. Култ., гл. XIV и сл.). Огромная часть духовъ, сочиненныхъ людскимъ воображеніемъ, не утрачиваетъ никогда своего первоначальнаго характера человѣческихъ призраковъ, или мановъ (manes); продолжая постоянно сохранять этотъ характеръ, они входятъ въ другихъ людей, которые становятся вслѣдствіе этого „одержимыми“, причиняютъ помѣшательство, болѣзни, или вызываютъ вдохновенное состояніе; то преслѣдуютъ людей, то покровительствуютъ имъ въ качествѣ духовъ-хранителей, то умерщвляютъ ихъ, то спасаютъ имъ жизнь. Древнія и новыя вѣрованія въ одержаніе демонами и въ бѣсовскія преслѣдованія, въ божественное вдохновеніе и въ сопровожденіе повсюду духами-хранителями и покровителями, равно какъ заклинаніе и другіе обряды того же рода, вытекшіе изъ этихъ вѣрованій, развились всѣ изъ первобытнаго анимистическаго представленія; и эти призрачныя существа стали постепенно личными причинами событій и явленій. Такимъ образомъ духовный міръ, зачинаясь изъ человѣческихъ душъ, расширяется постепенно все болѣе и болѣе, образуя рядъ другихъ, специальныхъ классовъ духовъ, изъ коихъ нѣкоторые представляютъ лишь духовъ низшаго порядка: мелкихъ демоновъ, эльфовъ и т. д., между тѣмъ какъ другіе поднимаются до сана великихъ божествъ, управляющихъ человѣкомъ и природою. Во всемъ этомъ рядѣ созданій воображенія, начинающихся человѣческимъ призракомъ и заканчивающихся высочайшимъ божествомъ, невозможно найти никакого дѣйствительнаго перерыва; точно также ничуть не трудно представить себѣ, — какимъ образомъ моленія, поклоненія и жертвоприношенія, обращенныя вначалѣ къ духу умершаго человѣка, который умилоствовался ими вполне человѣческимъ образомъ, стали обращаться впослѣдствіи, съ нѣкоторыми, болѣе или менѣе значительными, измѣненіями въ смыслѣ и торжественности церемоніала, къ божеству, въ его храмѣ, черезъ посредство специально-занимающагося этимъ жреца. Но хотя общій путь развитія и представляется здѣсь въ опредѣленномъ видѣ, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ подробностямъ этого развитія, существуетъ до сихъ поръ множество нерѣшенныхъ вопросовъ, которые потребуютъ для своего окончательнаго уясненія многихъ годовъ тщательныхъ изслѣдованій. Одна часть этого предмета получила у Спенсера новое освѣщеніе; а именно, въ томъ очеркѣ (стр. 272 и пр.), гдѣ онъ старается по-

казать вѣроятный переходъ мѣста погребенія усопшаго, куда оставшіеся въ живыхъ являлись съ пищею и другими дарами, для умиловленія его духа, продолжавшаго держаться около этого мѣста, въ величественный храмъ, жилище божества, сходнаго по своей натурѣ съ своимъ первообразомъ, человѣческимъ духомъ, принимавшаго въ этомъ храмѣ торжественныя жертвоприношенія своихъ поклонниковъ. Впрочемъ, я полагаю, что Спенсеръ едва-ли признаетъ въ достаточной мѣрѣ развитіе идеи о такихъ духовныхъ существахъ, въ которыхъ первичный характеръ человѣческаго призрака утраченъ почти вполне, и въ которыхъ демонъ, или космическій духъ, принимаетъ свой независимый характеръ, отличный отъ человѣческаго. Но я не хочу останавливаться долѣе на другихъ частяхъ его изложенія; я желаю лучше посвятить мои остальные замѣчанія двумъ предметамъ, по отношенію къ которымъ, какъ кажется мнѣ, и какъ покажется, вѣроятно, и многимъ другимъ, Спенсеръ заводитъ свою теорію такъ далеко, что она теряетъ, наконецъ, всякую сколько-нибудь надежную почву для опоры. Я говорю о его объясненіи происхожденія поклоненія животнымъ, а также происхожденія великихъ политеистическихъ божествъ.

Принимая всякое поклоненіе животнымъ за скрытую, или замаскированную, форму поклоненія предкамъ, Спенсеръ указываетъ (гл. XXII) тѣ причины, которыя, по его мнѣнію, привели людей къ поклоненію такимъ низкимъ тварямъ. При этомъ онъ придаетъ должную важность вліянію вѣрованій въ превращеніе людей въ животныхъ (какъ, напримѣръ, общеизвѣстнаго вѣрованія въ оборотней: людей-волковъ или людей-тигровъ); равно какъ и вліянію вѣрованія въ переселеніе человѣческихъ душъ въ тѣла животныхъ, изъ которыхъ многія часто признаются за воплощенія умершихъ людей, или вслѣдствіе постоянныхъ посѣщеній ими прежнихъ жилищъ усопшихъ (какъ это мы видимъ на примѣрѣ кроткихъ домовыхъ змѣй, принимаемыхъ за возвратившихся предковъ), или же вслѣдствіе находженія ихъ въ мѣстахъ погребенія покойниковъ или по близости отъ такихъ мѣстъ. Все это довольно ясно и просто; но Спенсеръ налегаетъ съ гораздо большею силою на другую причину, — а именно, на неправильное истолкованіе дикарями личныхъ именъ. Какого-нибудь человѣка зовутъ Тигромъ; онъ умираетъ; его правнуки, слыша отъ своихъ родителей, на ихъ грубомъ, неточномъ и несовершенномъ языкѣ, что ихъ предкомъ былъ Тигръ, начинаютъ думать, что они происходятъ отъ настоящаго тигра; отсюда является вѣрованіе въ божественнаго предка-тигра и поклоненіе тиграмъ. Хотя Спенсеръ не имѣетъ, повидимому, ни одного настоящаго доказательства того, чтобы что-либо подобное этому дѣйствительно случилось когда-нибудь на самомъ дѣлѣ, но мы не можемъ не согласиться, что трудно было бы и разсчитывать добыть подобныя доказательства. Поэтому, допустимъ, по крайней мѣрѣ, воз-

возможность того, что такія вещи могли случаться въ дѣйствительности, и, такимъ образомъ, признаемъ это обстоятельство за одинъ изъ разнообразныхъ мнѣческихъ процессовъ, могущихъ содѣйствовать возникновенію поклоненія животнымъ. Но вѣдь весь вопросъ заключается въ томъ, — соизмѣрима ли эта, хотя бы и возможная, причина съ тѣмъ обширнымъ мѣстомъ, которое самъ же Спенсеръ отводитъ поклоненію животнымъ въ религіяхъ цѣлаго міра. Взглянемъ, напримѣръ, на Патагонцевъ, раздѣленныхъ на животныя касты, или семьи, носящія названія: касты тигра, касты льва, касты гуанако и касты страуса; причемъ, во главѣ каждой изъ этихъ кастъ стоитъ свое особенное божество, — ея творецъ. Спрашивается, — сообразно ли съ теоріею вѣроятностей, чтобы такое систематическое раздѣленіе племени возникло изъ случайнаго неправильнаго разумѣнія именъ четырехъ предковъ, которые при этомъ, тоже случайно, оказались одаренными какъ разъ подходящими именами для составленія этой изящной и симметрической группы животныхъ тотемовъ? Кромѣ того, такія симметрическія группы родовыхъ именъ, требующія отъ насъ себѣ объясненія, встрѣчаются не разъ, но множество разъ, и притомъ въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга областяхъ земнаго шара, хотя-бы, напримѣръ, у Вечуановъ, которые раздѣляются на кланы: крокодила, рыбы, льва и дикой козы. Все это очень мало походить на результатъ случайнаго словеснаго недоразумѣнія по отношенію къ извѣстному классу личныхъ именъ, которыя случайно оказались позаимствованными отъ животныхъ и растений. Разсматриваемая нами теорія была опубликована Спенсеромъ въ его статьѣ — „О Происхожденіи Поклоненія Животнымъ“ — напечатанной въ *Fortnightly Review*, въ маѣ 1870 года. Въ 1873 году, А. Лангъ возразилъ Спенсеру, въ томъ же журналѣ, что первобытный человѣкъ зналъ слишкомъ мало относительно того, кто были его предки. Затѣмъ, всякій этнологъ непременно замѣтитъ, что тѣ именно племена, которые отличаются въ наибольшей мѣрѣ своимъ раздѣленіемъ по животнымъ тотемамъ, ведутъ свою родословную не по мужской, а по женской линіи. Такъ, наприимѣръ, Сѣверо-Американецъ, принадлежащій къ классу Волка, унаслѣдовалъ этотъ тотемъ не отъ своего отца, дѣда или прадѣда, но отъ своей матери; а между тѣмъ имя Волкъ, — если только тотемъ племени дѣйствительно взялъ свое начало отъ личнаго имени, — есть имя мужское, а не женское. Спенсеръ старается (стр. 667) устранить напередъ это возраженіе путемъ соображенія, которое, на мой взглядъ, показываетъ какъ нельзя лучше — до какой степени искусственна его гипотеза. „Обыкновенно, имена клановъ (связанные съ запрещеніемъ браковъ между лицами, носящими одно и тоже родовое имя), каковы: Волкъ, Медвѣдь, Орелъ, Китъ и пр., суть имена, даваемые мужчинамъ; причемъ эти имена указываютъ,

какъ я уже объяснялъ выше (§§ 170—173), на происхожденіе отъ знаменитыхъ мужскихъ предковъ, носившихъ эти имена, — происхожденіе, сохранившееся въ памяти потомковъ, не смотря на систему родства по женской линіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда съ этимъ происхожденіемъ связывались обстоятельства, лѣстившія гордости потомковъ“. Что касается до меня, то я никакъ не могу считать, чтобы эта замысловатая догадка Спенсера разрѣшила тайну, покрывающую до сихъ поръ происхожденіе системы тотемовъ, а также и ту обширную часть поклоненія животнымъ, которая не можетъ быть объяснена ни какъ результатъ прямого поклоненія дикаря сильнымъ, опаснымъ звѣрямъ, вродѣ медвѣдя или тигра, ни какъ слѣдствіе вѣры въ то, что животныя суть превращенные люди, или обиталища человѣческихъ душъ, или фетиши, или воплощенія другихъ духовъ.

Обратимся теперь къ той части разбираемаго нами сочиненія Спенсера, гдѣ онъ объясняетъ происхожденіе великихъ божествъ политеистическихъ религій. Тотъ фактъ, что многія изъ нихъ представляютъ результатъ простаго возвеличенія и идеализаціи божественныхъ предковъ, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ, не составляетъ какой-либо новости; такъ какъ фактъ этотъ хорошо извѣстенъ людямъ, занимающимся этимъ вопросомъ. Даже въ настоящее время, въ Индіи и въ Южной Африкѣ, душа умершаго воина или колдуна можетъ превратиться въ мѣстное божество извѣстной важности; а апотеозъ Римскаго Императора находитъ и донынѣ себѣ параллель у современныхъ намъ Полинезійцевъ, которые говорятъ даже о живыхъ своихъ короляхъ въ выраженіяхъ, обыкновенно прилагаемыхъ только къ божествамъ, и у которыхъ эти короли, послѣ своей смерти, становятся великими небесными владыками. И вообще, когда варварская теологія пытается достигнуть, путемъ воображенія, до первыхъ предковъ своего племени, она охотно создаетъ такіа великія божественныя существа, какъ Ункулункулу (Старый-Престарый) Зулусовъ, который есть ихъ предокъ, богъ и творецъ. Точно такимъ же образомъ, можно повѣрить безъ труда, что дѣйствительный человѣкъ, отличавшійся при жизни какимъ-нибудь особеннымъ искусствомъ или силою, можетъ стать впослѣдствіи богомъ-покровителемъ той корпораціи, къ которой онъ принадлежалъ, какъ, напримѣръ, апостоль Петръ, считающійся у католиковъ святымъ патрономъ рыбаковъ. Все это представляетъ просто-на-просто часть анимистической теоріи происхожденія религій. Но Спенсеръ, признавая принципъ происхожденія божествъ изъ обоготворенія дѣйствительныхъ предковъ, старается, какъ мнѣ кажется, завести этотъ принципъ нѣсколько далеко. Такъ, напримѣръ, онъ толкуетъ (стр. 417) Камчатскую легенду о Куткѣ, создателѣ неба и земли и первомъ отцѣ людей, какъ основанную на воспоминаніи о настоящемъ древ-

немъ предкѣ. Можетъ быть и такъ; но исторіи, разсказываемыя о немъ туземцами, представляютъ самыя дикія сказки; и, кромѣ того, я полагаю, что, рѣшивши разъ, путемъ весьма естественнаго умозаключенія, что когда-нибудь должна же была существовать первая пара людей, столь же легко дать этимъ первымъ родоначальникамъ своего племени выдуманныя имена, какъ и сохранять въ памяти имена дѣйствительныхъ предковъ въ теченіе множества поколѣній. Тѣ случаи, въ которыхъ взгляды Спенсера можетъ быть провѣренъ фактами, смотрять далеко не ободряющимъ образомъ для принятія этого взгляда. Такъ, напримѣръ, у обитателей Никарагуа есть божество, которое называется Квіатеотъ и которое, по ихъ словамъ, посылаетъ имъ дождь; они прибавляютъ къ этому, что Квіатеотъ — человѣкъ; что у него есть отецъ и мать, которые живутъ тамъ, гдѣ восходитъ солнце; Спенсеръ (стр. 313) считаетъ это божество за дѣйствительнаго предка, сохранившагося въ памяти своихъ потомковъ. Но если мы всмотримся въ этимологию имени Квіатеотъ, то окажется, что оно значить просто „богъ дождя“ (по Мексикански Квіагуитль значить дождь, а теотль—богъ); понятно, что это обстоятельство сильно уменьшаетъ вѣроятность того, чтобы слово Квіатеотъ было когда-нибудь именемъ дѣйствительнаго предка. Теорія Спенсера доводитъ его до того (стр. 422), что онъ не только серьезно выводитъ на сцену такъ-называемаго „историческаго“ Одина, о которомъ пишется въ *Heimskringla* какъ о древнемъ королѣ-пришельцѣ и колдунѣ Скандинавіи, но даже разсматриваетъ его какъ дѣйствительную личность, изъ которой развилось, путемъ процесса поклоненія предкамъ, Скандинавское божество Одинъ, отецъ всего сущаго. Это значить, что легенда, основывающаяся на авторитетѣ лѣтописи 13-го вѣка, и стоящая, съ исторической точки зрѣнія, почти наравнѣ съ легендою о Британскомъ Брутѣ, предлагается намъ для объясненія происхожденія божества, дѣйствительная древность котораго доказывается одновременною принадлежностью его Тевтонскимъ и Скандинавскимъ народамъ, усматриваемой вплоть до тѣхъ временъ, до которыхъ только имѣются у насъ сколько-нибудь отчетливыя свѣдѣнія о ихъ пантеонѣ, и это не смотря на давнишнее и далекое расхожденіе и исторіи, и языковъ этихъ народовъ. Не трудно видѣть, что Спенсеръ приводитъ здѣсь свою теорію въ рѣшительное столкновеніе не только съ умозрѣніями мифологовъ, но и съ основными правилами трезвой исторической критики.

Многіе изъ читателей, вѣроятно, согласятся со мною, что не менѣе слабый пунктъ для нападокъ представляетъ и глава XXIV, въ которой Спенсеръ пытается установить общую теорію для объясненія происхожденія великихъ космическихъ божествъ политеизма. Онъ выводитъ ихъ происхожденіе изъ неправильнаго пониманія личныхъ именъ дѣйствительныхъ предковъ и изъ другихъ,

чисто словесныхъ, недоразумѣній, которыя, будучи повторяемы людьми, пользующимися авторитетомъ, постепенно переходятъ, по его предположенію, въ религіозныя вѣрованія. Напримѣръ, племя, приставшее къ чуждому берегу въ лодкахъ, можетъ быть прозвано „морскими людьми“ („людьми моря“, — men of the sea), или, при помощи очень незначительнаго и легкаго видоизмѣненія, — „дѣтьми моря“; а отсюда легенда можетъ развить представленіе объ океанѣ, какъ о божественномъ родителѣ (стр. 395). Или, допустимъ, что какое-нибудь племя, явившееся съ Востока, было прозвано, вслѣдствіе этого, „дѣтьми солнца“; очевидно, что это обстоятельство можетъ послужить источникомъ для возникновенія представленія о солнцѣ, какъ о божественномъ предкѣ (стр. 406). Или, положимъ, что какой-нибудь знаменитый воинъ получилъ прозваніе Солнца (какъ это дѣйствительно было, напримѣръ, съ Педро де-Альварардо, котораго Ацтеки прозвали такимъ образомъ за его открытую наружность, блестящій цвѣтъ лица и золотистые волосы); или же что какой-нибудь король былъ сравниваемъ метафорически съ солнцемъ, какъ это бывало въ дѣйствительности со многими королями; очевидно, что позднѣйшія поколѣнія могутъ придти, вслѣдствіе этого обстоятельства, къ вѣрѣ въ божественное солнце, или бога-Солнце. Или возьмемъ такой случай, когда человѣкъ носитъ имя Зори (авторъ приводитъ по этому поводу дѣйствительный примѣръ, а именно одного Ново-Зеландскаго вождя, который назывался Небесной Зорей, потому что былъ рожденъ на восходѣ солнца); положимъ, что такой человѣкъ становится знаменитымъ; и вотъ, преданія о немъ, переходя изъ устъ въ уста, между дикарями, неспособными ни къ какой критикѣ, начнутъ отождествлять его съ настоящею зорею, причѣмъ приключенія его начнутъ истолковываться такимъ образомъ, чтобы привести ихъ въ наибольшее возможное согласіе съ явленіями зори (стр. 399); такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, у насъ получится одна изъ тѣхъ легендъ, которыя мифологи называютъ мифами о зорѣ. Понятно, что Спенсеръ никогда не предлагаетъ такихъ объяснительныхъ причинъ, которыя были бы невозможны въ дѣйствительности; а потому мы готовы, пожалуй, признать, что религіозные мифы и вѣрованія могли возникать по временамъ указанными имъ путями. Такъ, напримѣръ, — (чтобы взять наиболѣе вѣроятный изъ приводимыхъ имъ случаевъ), — извѣстно, что Санталы считаютъ своимъ національнымъ богомъ Марангъ-Буру, великую гору (это имя, вслѣдствіе неправильной его передачи, превратилось въ Нурангъ). Спенсеръ объясняетъ происхожденіе этого божества такъ: Санталы, считающіе своею родиною Восточный Гималай, смѣшали понятіе о горѣ, какъ объ источникѣ ихъ расы, съ понятіемъ о горѣ, какъ о личномъ родителѣ, или божественномъ предкѣ (стр. 394). Очень можетъ быть, что это и такъ; хотя позволительно было-бы желать болѣе сильныхъ подтвержденій этого объясненія. Но когда

мы бросимъ взглядъ на политеистическія системы всего міра, мы увидимъ, до какой степени согласно и настойчиво появляются одни и тѣ же великія божества между самыми отдаленными другъ отъ друга племенами: въ какую бы часть свѣта мы ни обратились, повсюду мы найдемъ мѣстныхъ представителей бога-Неба, бога-Земли, бога-Моря, бога-Солнца, бога-Луны, боговъ-Вѣтровъ, и пр. При этомъ, немедленно и самъ собою возникаетъ вопросъ: — неужели же сцѣпленія словесныхъ недоразумѣній, имѣвшія мѣсто множество разъ, у множества различныхъ народовъ, случались повсюду и всегда именно такимъ образомъ, чтобы привести, въ концѣ концовъ, къ тому простому результату, — что дикари и варвары оказываются склонными къ признанію, въ числѣ своихъ главныхъ боговъ, извѣстныхъ личныхъ божествъ, связанныхъ съ великими, очевидными явленіями природы, или представляющихъ воплощенія этихъ явленій? Я не могу не думать, что простаго сравненія теоріи словесныхъ недоразумѣній съ тѣми фактами политеизма, которые она берется объяснить, вполне достаточно для отверженія этой теоріи, ибо она имѣетъ противъ себя математическую теорію вѣроятностей. Для того, чтобы объяснить повсемѣстность политеистическаго поклоненія природѣ, слѣдуетъ отнести его къ какой-нибудь постоянной, общей причинѣ, дѣйствующей на людскіе умы. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу никакого серьезнаго возраженія противъ общераспространеннаго убѣжденія, что дикари склонны къ прямому олицетворенію солнца и неба, вѣтровъ и рѣкъ; что они смотрятъ на нихъ какъ на великія существа, одаренныя волею и способныя дѣлать людямъ добро и зло. Мнѣ кажется, что, для грубаго, первобытнаго ума, это есть наиболѣе легкій и удобный путь къ уразумѣнію этихъ явленій. Такому пониманію благоприятствуетъ также неточность и двусмысленность первобытнаго языка, возникающая изъ манеры говорить о неодушевленныхъ предметахъ въ терминахъ, приложимыхъ только къ личностямъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ, приводимомъ самимъ же Спенсеромъ, — когда ребенокъ, увидавъ большой метеоръ, воскликнулъ: „О, мама! посмотри-ка: мѣсяцъ убѣгаетъ съ неба“! Когда же, на раннихъ ступеняхъ религіи, стало все болѣе и болѣе укореняться представленіе о духахъ природы, созданныхъ по образу и подобию человѣческихъ душъ, великія силы природы получили возможность все болѣе и болѣе отождествляться съ божественными, личными существами, т. е. съ возвеличенными и препрославленными продуктами развитія все того же самаго первоначальнаго человѣческаго типа. Хотя я вполне согласенъ со Спенсеромъ въ томъ, что многія изъ ходячихъ соображеній на счетъ происхожденія „космическихъ мифовъ“, встрѣчающихся въ новѣйшихъ сочиненіяхъ по сравнительной мифологіи, суть ничто иное, какъ чистыя фантазіи, столь же мифическія, какъ и

сами мною; тѣмъ не менѣе я не могу не думать, что онъ зашелъ черезъ чуръ далеко въ противоположномъ направленіи, игнорируя до такой степени міо-создательныя стремленія первобытнаго человѣка. Предметъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобы обсуждать его въ концѣ такого краткаго обзора; тѣмъ не менѣе я счелъ необходимымъ упомянуть о немъ, такъ какъ гипотеза словесныхъ недоразумѣній выдвинута Спенсеромъ на такую высоту именно какъ соперникъ теоріи міоническаго олицетворенія природы.

Въ заключеніе этой замѣтки, я нахожу нужнымъ объяснить, почему я останавливался такъ много на тѣхъ пунктахъ, по отношенію къ которымъ взгляды Спенсера расходятся съ моими, и такъ мало на тѣхъ отдѣлахъ его сочиненія, гораздо болѣе многочисленныхъ и важныхъ, которые свидѣтельствовали, къ величайшему моему удовольствію, о полномъ согласіи моихъ собственныхъ выводовъ изъ фактовъ съ заключеніями, достигнутыми такимъ замѣчательнымъ мыслителемъ. Принимая на себя такъ часто роль изыскателя ошибокъ, я имѣлъ своею главною цѣлью слѣдующее. До сихъ поръ, число людей, серьезно интересующихся вопросомъ о развитіи религіозныхъ идей, съ этнологическ ой точки зрѣнія, еще очень не велико. Но, черезъ нѣсколько лѣтъ, общественное вниманіе къ этой великой задачѣ станетъ, по всей вѣроятности, гораздо болѣе широкимъ и глубокимъ, чему разбираемое мною сочиненіе не можетъ не посодѣйствовать въ очень сильной степени. Когда это случится, защитникамъ раздѣляемыхъ мною идей придется, безъ сомнѣнія, выдержать страшный натискъ поборниковъ противоположныхъ мнѣній; а потому было бы желательно, чтобы этнологи успѣли заранѣе хорошенько приготовиться къ этой борьбѣ. Въ виду этого, я нахожу, что промежуточное время могло бы быть съ пользою употреблено на устраненіе разногласій по второстепеннымъ пунктамъ, такъ чтобы наиболѣе слабыя части теоріи анимистическаго развитія могли быть заранѣе вырѣзаны и замѣщены болѣе строгими данными и разсужденіями. Я нахожу, что разбираемое мною сочиненіе Спенсера оказало эту услугу для многихъ отдѣловъ разсматриваемаго имъ предмета, въ особенности же по вопросамъ о поклоненіи предкамъ и о фетишизмѣ. И я считаю, что самое лучшее признаніе важности какого-либо труда состоитъ въ немедленномъ указаніи всѣхъ тѣхъ пунктовъ, которые могутъ подать поводъ къ возраженіямъ, для того чтобы эти спорные вопросы могли быть разсмотрѣны и порѣшены какъ можно скорѣе,—въ пользу ли автора, или противъ него,—все равно.

Эдуардъ Б. Тайлоръ.

II.

Письмо Г. Спенсера въ редакцію журнала «Academy» ¹⁾.

Athenaeum Club: april 23, 1877.

Въ замѣткѣ, появившейся на прошлой недѣлѣ въ вашей газетѣ, по поводу апрѣльской книжки журнала „Mind“, содержащей критическую статью Тайлора о моихъ Основаніяхъ Соціологіи, находится между прочимъ слѣдующая фраза: — „Тайлоръ признаетъ, что Спенсеръ расширилъ и пополнилъ основанное Тайлоромъ ученіе объ анимизмѣ со многихъ очень важныхъ сторонъ“. Чтобы устранить заключающееся въ этихъ строкахъ недоразумѣніе, — которое, въ противномъ случаѣ, въ ожиданіи слѣдующей книжки журнала „Mind“, можетъ повториться и въ другихъ изданіяхъ, — я считаю нужнымъ извѣстить васъ, что, въ іюльскомъ номерѣ „Mind“, будутъ помѣщены подробныя и основательныя доказательства того, что ученіе, разработанное въ своихъ частностяхъ въ моихъ Основаніяхъ Соціологіи, было напечатано мною впервые, въ общихъ своихъ чертахъ, болѣе чѣмъ за годъ до появленія въ свѣтъ Первобытной Культуры Тайлора и ровно за годъ до появленія той его статьи, въ которой, по его словамъ, были имъ изложены основныя идеи его книги.

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ.

23 апрѣля 1877 г.

III.

Отвѣтъ Э. В. Тайлора ²⁾.

Wellington, Somerset: May 2, 1877.

Прочитавъ письмо Спенсера въ послѣднемъ номерѣ „Academy“, я сейчасъ же подумалъ, что оно вызвано какимъ-нибудь недоразумѣніемъ касательно времени выхода въ свѣтъ моихъ трудовъ. Но только въ настоящую минуту,

¹⁾ The Academy, a weekly review of literature, science and art. Saturday, April 28, 1877, № 260.

²⁾ «Academy», Saturday, May 5, 1877, № 261.

IV.

ВТОРОЕ ПИСЬМО СПЕНСЕРА ¹⁾).

Athenaeum Club: May 7, 1877.

Когда Тайлоръ ознакомится съ данными, которые будутъ изложены мною въ слѣдующемъ номерѣ журнала „Mind“, то онъ увидитъ, что его отвѣтъ,—который онъ поторопился напечатать, не дождавшись моего возраженія на его статью,—имѣетъ значеніе только для одной части занимающаго насъ вопроса, а ничуть не рѣшаетъ его во всемъ его объемѣ.

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ.

V.

ОТВѢТЪ ТАЙЛОРА ²⁾).

Wellington, Somerset: May 19, 1877.

Два письма Герберта Спенсера касательно анимизма, напечатанныя имъ въ журналѣ „Academy“, заставляютъ меня обратить его вниманіе на редакцію слѣдующей сноски, находящейся на стр. 136, I-го тома его Основаній Соціологіи:

«Быть можетъ, нѣкоторые изъ моихъ читателей будутъ удивлены, найдя, что, въ послѣдующихъ главахъ, посвящено такъ много мѣста генезису тѣхъ «суевѣрій»,—какъ мы обыкновенно называемъ ихъ,—которые составляютъ Теорію Вещей первобытнаго человѣка. Ключъ къ разъясненію своего недоразумѣнія они найдутъ въ первой части моего очерка объ «Обычаяхъ и Приличіяхъ», напечатаннаго въ первый разъ въ 1854 г. (см. Опыты и пр., томъ I). Тамъ объяснено вкратцѣ, какимъ образомъ вѣрованія людей вліяютъ на общественную организацію. Эти же самыя идеи, изложенныя тамъ лишь въ самой сжатой формѣ, я медленно развивалъ съ того времени въ ту полную форму, въ которую онъ облечены въ послѣдующихъ главахъ

¹⁾ The Academy, May 12, 1877, № 262.²⁾ The Academy, May 26, 1877, № 264.

настоящаго сочиненія. Кромѣ статьи о «Поклоненіи Животнымъ», напечатанной въ маѣ 1870 г., я не сдѣлалъ ничего для ознакомленія публики съ этими болѣе развитыми взглядами, такъ какъ другіе болѣе важные предметы заявляли тогда свои притязанія на мое время. Между тѣмъ, въ продолженіе этого времени, появились важные труды Тайлора и Сера Джона Лэббока, которые установили, на основаніи многочисленныхъ фактическихъ данныхъ, взгляды, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходные съ моими. Впрочемъ, читатель увидитъ, что хотя я и соглашаюсь со многими изъ ихъ спеціальныхъ заключеній, но расхожусь съ ними по отношенію къ порядку генезиса и къ способу взаимной зависимости первобытныхъ суевѣрій».

Я желалъ бы именно указать здѣсь на то обстоятельство, что всякій чело-вѣкъ, незнакомый самолично съ относящимися сюда фактами, долженъ заклю-чить изъ этой сноски, что, послѣ того какъ Спенсеръ напечаталъ, въ маѣ 1870 г., свою статью, излагающую его „развитые взгляды“ на этотъ счетъ, я подхватилъ этотъ предметъ и опубликовалъ взгляды, „въ нѣкоторыхъ отно-шеніяхъ сходные“ съ его собственными. Это впечатлѣніе должно усилиться еще болѣе, если читателю попадется подъ руки письмо Спенсера, напечатанное здѣсь 28 апрѣля. Но настоящая истина заключается въ томъ, что если бы чи-татель сочиненія Спенсера далъ себѣ трудъ заглянуть въ предисловіе къ моей Первобытной Культурѣ и затѣмъ справиться со статьями, указан-ными въ этомъ предисловіи, то онъ могъ бы убѣдиться вполне, что я печаталъ работы по анимизму за много лѣтъ до этого, и что, подъ-конецъ, я представилъ эту теорію, въ ея полной и разработанной формѣ, на судъ Этнологиче-скаго Общества въ апрѣлѣ 1870 года, т. е. прежде появленія той статьи Спенсера, которая содержитъ его „развитые взгляды“ на этотъ счетъ, разра-ботанные теперь еще съ болѣею полнотою въ его Основаніяхъ Соціо-логіи. (Для меня важны только именно эти „развитые взгляды“, а ничуть не что-либо изъ того, что содержится въ его статьѣ 1854 года). Но едва-ли есть возможность ожидать, чтобы читатель сталъ собирать самъ подобныя справки; а потому, въ виду того, что Спенсеръ собирается пополнить свой томъ выпускомъ нѣсколькихъ дополнительныхъ главъ ¹⁾, я нахожу вполне умѣстнымъ и справедливымъ просить его прибавить тамъ нѣсколько словъ, которыя могли бы устранить тѣ неправильные выводы, къ которымъ долженъ прійти чита-тель на основаніи только-что приведенной мною сноски.

Эдуардъ Б. Тайлоръ.

¹⁾ Главы IX—XII 3-й части.—Прим. изд.

VI.

По поводу замѣчаній Э. Б. Тайлора на мои Основанія Соціологіи ¹⁾.

Что касается до критическихъ замѣчаній Тайлора на нѣкоторыя главы моихъ Основаній Соціологіи, разобранныя имъ въ послѣднемъ номерѣ журнала „Mind“, то я не намѣренъ возражать здѣсь что-либо на нихъ, считая достаточнымъ лишь поблагодарить его за указаніе мнѣ нѣкоторыхъ ошибокъ въ подробностяхъ, которыя я надѣюсь исправить, хотя и не такъ скоро, какъ я желалъ бы, такъ какъ второе изданіе этого сочиненія было почти окончено печатаніемъ, когда появился его разборъ. Но я не могу оставить безъ отвѣта нѣкоторыя другія его замѣчанія, заключающія личные намеки.

Эти намеки содержатся во второмъ параграфѣ его обзора и, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ фразахъ:

«Какъ человѣкъ, трудящійся въ теченіе многихъ лѣтъ на той самой почвѣ, на которую вступилъ теперь Спенсеръ, я желаю указать тѣ пункты, гдѣ онъ слѣдовалъ путямъ, проложеннымъ уже другими.... Мнѣ кажется, что эти главы всего правильнѣе могутъ быть названы новымъ изложеніемъ, съ важными видоизмѣненіями и дополненіями, теоріи анимизма, которая (если оставить въ сторонѣ менѣе полныя ея изложенія прежнихъ лѣтъ) была предложена мною, въ главныхъ своихъ чертахъ, въ Журналѣ Этнологическаго Общества, 26 апрѣля 1870 года ¹⁾, и которая послѣ того была разработана мною съ большею полнотсю, въ своихъ подробностяхъ, въ моей «Первобытной Культурѣ», появившейся въ 1871 году..... Я не берусь сказать, на сколько заключенія Спенсера были добыты имъ независимо отъ моихъ.... Сравнивая систему Спенсера съ моею, я, весьма естественно, желалъ посмотрѣть, въ чемъ болѣе поздній писатель отличается отъ болѣе ранняго; а также какія изъ этихъ отличій должны считаться отличіями къ лучшему и какія—къ худшему».

Съ умысломъ, или нѣтъ, но этими фразами, въ особенности же той, въ которой приводятся даты, Тайлоръ неизбѣжно внушаетъ своему читателю двѣ мысли: во-первыхъ, что я усвоилъ его взгляды, и, во-вторыхъ, что я сдѣлалъ

¹⁾ «Mind». July, 1877, № VII. p. 415.

¹⁾ Въ прошломъ номерѣ «Mind» эта статья была показана, по ошибкѣ, появившейся въ 1871 году.

это безъ заявленія о томъ. Я сейчасъ же постараюсь показать, что первая изъ этихъ мыслей ошибочна, а потому и вторая лишена всякаго основанія.

Тайлоръ говоритъ, что его теорія, „въ главныхъ ея чертахъ“, появилась въ свѣтъ 26 апрѣля 1870 года; но на самомъ дѣлѣ она была только читана имъ въ этотъ день въ засѣданіи Этнологическаго Общества. Въ этотъ же самый день, находилась уже въ печати, а, черезъ четыре дня, появилась и въ свѣтъ, въ „Fortnightly Review“ за май 1870 (см. также Опыты, т. III, стр. 102—4), моя статья о „Происхожденіи Поклоненія Животнымъ“, въ которой читатель найдетъ, между прочимъ, слѣдующія мысли:

«Зачаточная форма всякой религіи есть умилованіе умершихъ предковъ, которые предполагаются все еще существующими и способными дѣлать добро и зло своимъ потомкамъ.... Повсюду мы находимъ или ясно выражаемое, или подразумеваемое вѣрованіе, что каждая личность двойственна, и что когда человѣкъ умираетъ, его второе я, или остающееся по близости, или ушедшее куда-то далеко, можетъ всегда вернуться назадъ и остается способнымъ вредить его врагамъ и помогать его друзьямъ.... Изъ числа множества житейскихъ опытовъ, согласно стремящихся къ порожденію этого вѣрованія, я могу указать здѣсь вкратцѣ лишь на самые главные, а именно: 1) Нѣтъ ничего невозможнаго, что тѣнь человѣка, слѣдующая за нимъ повсюду и приходящая въ движеніе съ каждымъ его движеніемъ, могла имѣть свою небольшую долю въ зарожденіи у дикаря смутной идеи о его двойственности. Стоитъ только посмотреть, съ какимъ интересомъ слѣдитъ ребенокъ за движеніями своей тѣни, и затѣмъ припомнить, что вначалѣ человѣкъ не могъ объяснять себя тѣнь, какъ простое отсутствіе свѣта, но смотрѣлъ на нее какъ на особое бытіе, чтобы представить себѣ, что дикарь весьма могъ смотрѣть на тѣнь, какъ на особое, специфическое нѣчто, составляющее часть его самаго. 2) Гораздо болѣе рѣшительное вліяніе со стороны внушенія мысли о двойственности должно было имѣть наблюденіе своего отраженія въ водѣ, такъ какъ такое отраженіе подражаетъ формамъ, цвѣтамъ, движеніямъ и гримасамъ человѣка несравненно полнѣе. Когда мы припомнимъ, что дикарь нерѣдко противится снятію съ него портрета, вслѣдствіе убѣжденія, что человѣкъ, уносящій его изображеніе, уносить съ собою и часть его существа, то мы увидимъ, до какой степени вѣроятно, что дикарь считаетъ свое изображеніе въ водѣ дѣйствительно принадлежащимъ ему какимъ-то образомъ. 3) Эхо также должно стремиться въ очень значительной степени къ укрѣпленію идеи о двойственности, достигнутой другими путями. Не будучи способнымъ познать его естественнаго происхожденія, первобытный человѣкъ необходимо приписываетъ его живымъ существамъ, — существамъ, которые насмѣхаются надъ нимъ и прячутся отъ его поисковъ. 4) Но внушенія, проистекающія изъ этихъ и другихъ физическихъ явленій, имѣютъ лишь второстепенную важность. Корень этого вѣрованія въ другое я лежитъ въ другомъ фактѣ человѣческой опытности, а именно—въ сновидѣніяхъ. Различіе между нашею жизнью во снѣ и нашею жизнью наяву, столь легкое для насъ, есть различіе, дѣлаемое дикаремъ лишь очень

044135940
3022010033

смутнымъ образомъ; кромѣ того, онъ не умѣетъ выразить даже и того различія, которое онъ въ состояніи тутъ усмотрѣть. Когда онъ просыпается и рассказываетъ тѣмъ, которые видѣли его лежавшимъ въ спокойномъ снѣ, гдѣ онъ былъ и что онъ дѣлалъ, его грубо-несовершенный языкъ не въ состояніи выразить различія между «я видѣлъ» и «мнѣ снилось, что я видѣлъ», или между «я дѣлалъ» и «мнѣ снилось, что я дѣлалъ». Результатомъ этого несовершенства языка является не только то, что онъ не можетъ дать вѣрнаго представленія объ этомъ различіи другимъ, но еще и то, что онъ не можетъ вѣрно представить его даже самому себѣ. Отсюда, при отсутствіи взаимныхъ объясненій, и у него, и у тѣхъ, кому онъ рассказываетъ свои приключенія, является вѣрованіе, что его другое я уходило отъ него, а потомъ вернулось обратно, въ моментъ его пробужденія. И это вѣрованіе, находимое нами у множества нынѣшнихъ дикихъ племенъ, мы находимъ въ равной мѣрѣ и въ преданіяхъ древнихъ цивилизованныхъ расъ. 5) Это представленіе о другомъ я, способномъ уходить и снова возвращаться, получается, въ глазахъ дикаря, чрезвычайно убѣдительно подтвержденіе изъ фактовъ ненормального отсутствія сознанія и его расстройства, случающихся отъ времени до времени между членами его племени. Человѣкъ, упавшій въ обморокъ и не могущій немедленно быть приведеннымъ въ чувство (замѣтимъ мимоходомъ знаменательность нашихъ собственныхъ фразъ: «приходить въ себя» и т. п.), какъ это можно легко сдѣлать съ человѣкомъ, который лишь спитъ, представляетъ для дикаря такой случай, когда другое я ушло слишкомъ далеко, такъ что, въ теченіе нѣкотораго времени, оно не слышитъ обращаемыхъ къ нему призывовъ. Это продолжительное отсутствіе другаго я обнаруживается еще въ большей степени при апоплексіи, при катаlepsii и при другихъ формахъ временной пріостановки одушевленности. Въ этихъ случаяхъ, другое я упорствуетъ въ своемъ отсутствіи по цѣлымъ часамъ и, вернувшись, отказывается сказать, гдѣ оно было. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этой теоріи служить для дикаря каждый эпилептический субъектъ, въ тѣло котораго, во время отсутствія его другаго я, входитъ какой-то его врагъ, потому что какимъ же инымъ путемъ можно объяснить тотъ фактъ, что его другое я, вернувшись снова въ тѣло, оказывается ничего не знающимъ о томъ, что выдѣлывало его тѣло во время припадка? И это предположеніе, что тѣло эпилептика было «одержимо» какимъ-то другимъ существомъ, находятъ себѣ дальнѣйшія подтвержденія въ явленіяхъ сомнамбулизма и сумасшествія. 6) Какое же объясненіе неизбежно получится, при такихъ взглядахъ, для смерти? Другое я обыкновенно возвращалось назадъ послѣ сна, который представляетъ настоящее подобіе смерти. Оно возвращалось также и послѣ обморока, который походитъ на смерть еще болѣе. Оно возвращалось даже послѣ состоянія катаlepтического околѣннія, которое сходствуетъ со смертью уже въ очень значительной степени. Не возвратится ли оно также назадъ и послѣ этого болѣе продолжительнаго покоя и околѣлости? Ясно, что это совершенно возможно и даже совершенно вѣроятно. Другое я умершаго ушло на долгое время, но оно все еще существуетъ гдѣ-то, вблизи или вдали, и можетъ каждую минуту вернуться назадъ и приняться за то, что оно хотѣло сдѣлать. Отсюда

объясняется множество погребальных обрядовъ: помѣщеніе оружія и цѣнныхъ вещей подлѣ трупа, ежедневное приношеніе ему пищи и т. д. Я надѣюсь со временемъ показать, что, при томъ знакомствѣ съ фактами, которыми располагаетъ дикарь, это объясненіе есть самое рациональное, къ какому онъ только можетъ придти».

На послѣдующихъ страницахъ этого очерка я доказывалъ, что „изъ желанія умиловить эту вторую личность умершаго человѣка“ вырастаетъ „поклоненіе животнымъ, растеніямъ и неодушевленнымъ предметамъ“. Я привелъ тамъ факты, показывающіе, что поклоненіе животнымъ развилось именно отсюда, что фетишизмъ явился отсюда же, и что поклоненіе природѣ взялось тоже отсюда. Показавъ, какимъ образомъ эта гипотеза даетъ объясненіе для всѣхъ порядковъ сѣвернѣй и даже для „поклоненія сложнымъ животнымъ и чудовищамъ, представляющимъ на половину человѣка и на половину животное“, я закончилъ свой очеркъ слѣдующими словами:

„Я надѣюсь развить эти взгляды въ первой части Основаній Соціологіи. Огромная масса фактическихъ доказательствъ, которую я буду въ состояніи привести тамъ въ подтвержденіе этой гипотезы, а также тѣ разрѣшенія болѣе мелкихъ вопросовъ и задачъ, обойденныхъ мною здѣсь молчаніемъ, которыя, какъ это будетъ показано въ моемъ мѣстѣ, доставляются намъ этою гипотезою, придадутъ ей, какъ я полагаю, еще большую вѣроятность, чѣмъ та, которою она обладаетъ, повидимому, уже и теперь».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общая теорія, очеркнутая въ этихъ словахъ, вполнѣ тождественна съ теоріею, изложенною въ тѣхъ главахъ Соціологіи, которыя были разобраны Тайлоромъ, и такъ какъ эта общая теорія, съ ея существенными приложеніями, находилась уже въ печати въ то время, когда Тайлоръ читалъ изложеніе своей теоріи, „въ общихъ ея чертахъ“, то нельзя не согласиться, что онъ внушаетъ своимъ читателямъ совершенно невѣрные представленія на этотъ счетъ, говоря: „какъ человѣкъ, трудящійся въ теченіе многихъ лѣтъ на той самой почвѣ, на которую вступилъ теперь Спенсеръ, я желалъ указать тѣ пункты, гдѣ онъ слѣдовалъ путемъ, проложеннымъ уже другими“. Если бы онъ вздумалъ сослаться на болѣе раннія заявленія имъ о своей теоріи, на „менѣе полныя ея изложенія прежнихъ лѣтъ“, то я обращу его вниманіе на мое заявленіе моихъ взглядовъ на этотъ предметъ, сдѣланное, какъ я полагаю, ранѣе появленія какого-либо изъ его трудовъ. Обратившись къ „Westminster Review“, за апрѣль 1854, стр. 360—1 (смотри также Опыты, первая серія, стр. 114—15; въ послѣднемъ же изданіи, т. I, стр. 66—8), онъ найдетъ тамъ на столько ясныя указанія, на сколько то позволяло находившееся въ моемъ распоряженіи пространство, на мое убѣжденіе, что теорія призраковъ есть начало религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ; что дикарь понимаетъ смерть только какъ временное отлученіе отъ тѣла; что

УДК 37.01:37.01
302.3:37.01:37.01

онъ ожидаетъ возвращенія второго я; что изъ страховъ и надеждъ по отноше-
нiю къ ~~тому~~ двойнику умершаго чело^вѣка являются жертвоприношенiя на
гробницахъ; что множество различныхъ фактовъ „почти неизбѣжно приводятъ
къ заключенiю, что первобытный богъ былъ просто умершій вождь, — вождь,
умершій не въ нашемъ смыслѣ этого слова, но просто ушедшій“ на время. На
стр. 136 Основанiй Соціологiи я уже указывалъ въ сноскѣ на эти
прежнiя краткiя заявленiя моихъ взглядовъ. Къ несчастiю, Тайлоръ пропус-
тилъ, повидимому, безъ вниманiя эту сноску. Если бы онъ прочиталъ отрывки,
которые я цитировалъ выше и на которыя я ссыла^лся въ этой сноскѣ, онъ,
какъ мнѣ кажется, не сказалъ бы, что разбираемыя имъ главы „всего пра-
вильнѣе могутъ быть названы новымъ изложенiемъ, съ важными видоизмѣне-
нiями и дополненiями, теорiи анимизма, которая была предложена мною“ (т. е.
имъ) и пр. Скорѣе онъ сказалъ бы тогда объ этихъ главахъ: во-первыхъ, что
существеннѣйшая ихъ идея ведетъ свое начало съ 1854 года; во-вторыхъ, что
въ 1870 году эта идея была изложена въ развитой формѣ; въ-третьихъ, что,
въ Основанiяхъ Соціологiи, я „слѣдовалъ путямъ, проложеннымъ
уже“ мною самимъ; и, въ-четвертыхъ, что я сдѣлалъ это, исполняя обѣщанiе,
данное мною семь лѣтъ тому назадъ, причемъ въ этомъ обѣщанiи было ясно
указано на то собранiе фактовъ и на ту разработку ихъ въ разныхъ направ-
ленiяхъ, которыя изданы мною теперь въ свѣтъ.

Отъ вопроса о времени я перехожу теперь къ вопросу о тождествѣ. Я ожи-
далъ найти въ Тайлорѣ противника. Объясненiе моей ошибки, вслѣдствiе ко-
торой я не досмотрѣлъ именно того, что Тайлоръ, по его теперешнему увѣренiю,
считаетъ своимъ истиннымъ взглядомъ, заключается, какъ я полагаю, въ томъ
фактѣ, что переднiй планъ его изложенiя занятъ другимъ объясненiемъ, а не
тѣмъ, на которомъ онъ настаиваетъ теперь главнымъ образомъ; и что первое
впечатлѣнiе, произведенное этимъ объясненiемъ, оказывается болѣе сильнымъ,
чѣмъ послѣдующiя впечатлѣнiя. Та часть его Первобытной Культу-
ры, въ которой разсматриваются суевѣрiя, начинается тремя главами о
миѳологiи, причемъ общее ученiе, проходящее черезъ всѣ эти главы, состоитъ,
повидимому, въ томъ, что олицетворенiе неодушевленныхъ предметовъ и силъ
есть явленiе первичнаго свойства и совершенно независимое отъ теорiи при-
зраковъ. Вотъ нѣкоторые отрывки, указывающiе на такой взглядъ:

«Начало и первое развитiе мiѳа должно быть приписано чело^вѣческому
уму, въ періодъ его древняго, дѣтскаго состоянiя». (Т. I, стр. 257, 1 изд.).

«Самая первая и самая важная изъ всѣхъ причинъ превращенiя въ ми-
ѳы фактовъ обыденнаго опыта есть вѣрованiе въ одушевленность всей при-
роды, *поднимающееся на высшей своей ступени до олицетворенiя*. Это вѣ-
рованiе не есть какое-либо случайное или гипотетическое проявленiе духа;

Культуры я нахожу мѣста, которыя несомнѣнно выставляютъ теорію призраковъ какъ первичную теорію; хотя я рѣшительно не вижу, какимъ образомъ Тайлоръ соглашаетъ эти мѣста съ вышеприведенными своими положеніями. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сказать, что онъ расположилъ свои факты и аргументы такимъ образомъ, что могъ вызвать недоумѣніе въ умахъ многихъ изъ своихъ читателей, а не у одного только меня. Я повергъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе шести компетентныхъ читателей. Одинъ изъ нихъ выразилъ мнѣніе, что взглядъ Тайлора дѣйствительно тотъ, какъ онъ утверждаетъ теперь. Двое остались въ сомнѣніи касательно его мнѣнія на счетъ происхожденія анимизма. Трое же остальныхъ вынесли впечатлѣніе, что онъ смотритъ на стремленіе думать, что всѣ предметы содержатъ въ себѣ независимыя личности, или души, какъ на стремленіе первичнаго и общаго характера, и что понятіе о челоувѣческой душѣ есть лишь одно изъ обнаруженій этого стремленія.

Конечно, мнѣ очень пріятно видѣть, что этотъ послѣдній взглядъ не есть взглядъ Тайлора; но что онъ, наоборотъ, въ сущности согласенъ со мной во взглядѣ и смотритъ на теорію призраковъ, какъ на первичную, а на всѣ остальные формы суевѣрій, какъ на производныя. Я говорю — „въ сущности“, — потому что, повидимому, онъ не придерживается этого взгляда въ той неограниченной формѣ, которая придана ему мною.

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ.

19 аурѣля, 1877.

VII.

ОТВѢТЪ Э. Б. ТАЙЛОРА ¹⁾).

Въ моемъ обзорѣ Основаній Соціологіи Спенсера, я старался главнымъ образомъ выставить на видъ тѣ изъ выраженныхъ имъ мнѣній, которыя казались мнѣ новыми и принадлежащими лично ему. По этому поводу, онъ поднимаетъ теперь вопросъ о томъ, былъ ли я правъ, считая, что онъ отчасти „слѣдовалъ путямъ, проложеннымъ уже другими“. Обращая вниманіе читателей на то, какая замѣчательно обширная часть его взглядовъ оказывается въ полномъ согласіи съ системою анимизма, установленною мною ранѣе появленія его труда, я сравнивалъ первую часть его Основаній Со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 419.

ціологін, появившюся въ 1876 году, съ моею Первобытною Релігі-турою, появившейся въ 1871 году, или — что, практически, рѣшительно все равно, — съ общимъ очеркомъ главъ объ анимизмѣ (содержащихся въ этомъ сочиненіи и существовавшихъ въ рукописи уже съ 1869 года), читаннымъ мною, 26 апрѣля 1870 года, въ засѣданіи Этнологическаго Общества. Спенсеръ возражаетъ на это, что, въ это время, имъ былъ уже написанъ общій очеркъ его взглядовъ, въ статьѣ о „Происхожденіи Поклоненія Животнымъ“, которая хотя и не была еще выпущена въ свѣтъ въ то время, когда я читалъ свою статью, но находилась уже въ печати и вскорѣ появилась въ „Fortnightly Review“, за май 1870.

Хотя этотъ предварительный очеркъ Спенсера и не заключаетъ въ себѣ всѣхъ пунктовъ его позднѣйшей, законченной системы, тѣмъ не менѣе онъ послужитъ намъ для нашихъ сравненій. Съ этою цѣлью, — такъ какъ онъ уже перепечаталъ выше самые важные отрывки этого очерка, — я просто списываю здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ порядкѣ какъ они идутъ у него, и ставлю бокъ-о-бокъ съ ними извлеченія изъ двухъ лекцій, читанныхъ мною въ Королевскомъ Институтѣ въ 1867 и 1869 годахъ.

„Нѣтъ ничего невозможнаго, что тѣнь человѣка, слѣдующая за нимъ повсюду и приходящая въ движеніе съ каждымъ его движеніемъ, могла имѣть свою, небольшую, долю въ зарожденіи у дикаря смутной идеи о его двойственности“..... „Гораздо болѣе рѣшительное вліяніе, со стороны внушенія мысли о двойственности, должно было имѣть наблюденіе своего отраженія въ водѣ, такъ какъ такое отраженіе подражаетъ формамъ, цвѣтамъ, движеніямъ и гримасамъ человѣка несравненно полнѣе“.

„Корень этого вѣрованія въ другое я лежитъ въ другомъ фактѣ человѣческой опытности, а именно, — въ сновидѣніяхъ. Различеніе нашей жизни во снѣ отъ нашей жизни на-яву, столь легкое для насъ, есть различеніе, дѣлаемое дикаремъ лишь очень

„Понятіе (дикаря) о призракѣ (или о тѣни усопшаго) почти неизбѣжно принимаетъ форму понятія о духѣ, или душѣ, о дыханіи и крови и о тѣхъ невещественныхъ нѣчто, которыя слѣдуютъ за человѣкомъ и походятъ на него по своему виду, каковы его тѣнь и его отраженіе въ водѣ“. (Тайлоръ, 1867).

„Но, на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, анимизмъ не есть только религія, но и философія: онъ долженъ доставить тутъ раціональныя объясненія, одного за другимъ, цѣлаго ряда явленій, относимыхъ нами къ области біологін или физики. Когда че-

смутнымъ образомъ; кромѣ того, онъ не умѣетъ выразить даже и того различія, которое онъ въ состояніи тутъ усмотрѣть. Когда онъ просыпается и рассказываетъ тѣмъ, которые видѣли его лежавшимъ въ спокойномъ снѣ, гдѣ онъ былъ и чтó онъ дѣлалъ, его грубо-несовершенный языкъ не въ состояніи выразить различія между „я видѣлъ“ и „мнѣ снилось“, что я видѣлъ“, или между „я дѣлалъ“ и „мнѣ снилось, что я дѣлалъ“..... „Отсюда, при отсутствіи взаимныхъ объясненій, и у него, и у тѣхъ, кому онъ рассказываетъ свои приключенія, является вѣрованіе, что его другое я уходило отъ него, а потомъ вернулось обратно, въ моментъ его пробужденія“.

„Это представленіе о другомъ я, способномъ уходить и снова возвращаться, получаетъ, въ глазахъ дикаря, чрезвычайно убѣдительно подтвержденіе изъ фактовъ ненормальнаго отсутствія сознанія и его разстройства, случающихся отъ времени до времени между членами его племени. Человѣкъ, упавшій въ обморокъ и не могущій быть сразу приведеннымъ въ чувство (замѣтимъ мимоходомъ знаменательность нашихъ собственныхъ выраженій: „приходить въ себя“, и т. п.), какъ это легко можетъ быть сдѣлано съ человѣкомъ, который лишь спитъ, представляетъ для дикаря такой случай, когда другое я ушло слишкомъ далеко, такъ что, въ теченіе нѣкотораго времени, оно не слышитъ обращаемыхъ къ нему призывовъ.

ловѣкъ живъ и находится въ движеніи, анимистическое объясненіе этого факта состоитъ въ томъ, что его душа, — это тонкое, эфирное, матерьяльное существо, имѣющее видъ этого человѣка и могущее быть наблюдаемо нами въ его изображеніяхъ, — находится внутри его и одушевляетъ собою тѣло; при чемъ это обстоятельство представляется себѣ точъ въ точъ такъ, какъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ влѣзаетъ внутрь верхней одежды и начинаетъ приводить ее въ движеніе своими собственными движеніями. Когда человѣкъ спитъ и видитъ сны, то это значитъ, что душа его или ушла изъ его тѣла, чтобы смотрѣть на различные зрѣлища, о которыхъ онъ будетъ вспоминать потомъ, когда проснется; или же она спокойно лежитъ въ его тѣлѣ и принимаетъ посѣщенія духовъ другихъ людей, умершихъ или живыхъ, — посѣщенія, которыя мы называемъ сновидѣніями. Когда человѣкъ, истощенный голодомъ или болѣзною, видитъ видѣніе, то это видѣніе есть тѣнь умершаго или какой-либо другой духъ. Когда человѣкъ падаетъ въ обморокъ или впадаетъ въ припадокъ столбняка, то это значитъ, что душа его ушла изъ него на время, и ее слѣдуетъ призвать назадъ помощью разныхъ таинственныхъ обрядовъ: если она возвращается, человѣкъ оправляется; если же она остается въ постоянномъ отсутствіи, то человѣкъ умираетъ. Вотъ человѣкъ, впаавшій въ горячку или со-

Это продолжительное отсутствіе другаго я обнаруживается еще въ болѣе-шей степени при апоплексіи, при катаlepsii и при другихъ формахъ временной пріостановки одушевленности..... Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этой теоріи служить для дикаря каждый эпилептическій субъектъ, въ тѣло котораго, во время отсутствія его другаго я, входитъ какой-то его врагъ..... и это предположеніе, что тѣло эпилептика было „одержимо“ какимъ-то другимъ существомъ, находитъ себя опять-таки новымъ подтвержденіемъ въ явленіяхъ сомнамбулизма и сумасшествія“. (Спенсеръ, 1870).

шедшій съ ума: какъ объяснить то, что съ нимъ происходитъ? Очень просто: надъ нимъ носится духъ, который трясетъ и всячески тормозитъ его; или же этотъ духъ влѣзъ внутрь его и затѣмъ гоняетъ его, раздираетъ во всѣ стороны, говоритъ и кричитъ его голосомъ „..... „Это древнее, анимистическое ученіе вытѣснено теперь въ значительной мѣрѣ нашею наукою, которая видитъ въ снахъ и видѣніяхъ не посѣщенія объективныхъ духовъ, но субъективные явленія человѣческаго духа, и не смотритъ болѣе на человѣка, подверженнаго катаlepsическимъ припадкамъ, какъ на доктора, но какъ на пациента“. (Тайлоръ, 1869).

Если бы я захотѣлъ увеличивать число цитатъ, я бы могъ привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ введенія къ моей Древней Исторіи Человѣчества, 1865 года ¹⁾; но мнѣ кажется, что и приведеннаго выше вполне достаточно для подтвержденія моихъ словъ, что Спенсеръ, до нѣкоторой степени, слѣдовалъ путямъ, проложеннымъ уже другими. Въ самомъ дѣлѣ, поставивъ вышеприведенные отрывки бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, трудно не замѣтить, что ихъ сходство до такой степени велико, что едва ли кто повѣритъ, чтобы они могли явиться на свѣтъ независимо другъ отъ друга. Въ нѣсколькихъ строчкахъ моихъ чтеній, указано семь основныхъ пунктовъ этой нѣсколько сложной теоріи; и всѣ эти семь пунктовъ оказываются собранными вмѣстѣ въ одной замѣткѣ Спенсера. Но, всматриваясь ближе, мы найдемъ, что порядокъ расположенія этихъ пунктовъ оказывается еще болѣе любопытнымъ образчикомъ доказательства, почерпнутаго изъ внутренней очевидности. Въ моихъ чтеніяхъ, эти пункты идутъ другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: — Тѣни, Отраженія, Сновидѣнія, Обморокъ, Столбнякъ, Сумасшествіе и Одержаніе. Этотъ порядокъ имѣетъ у меня отчасти случайный характеръ, такъ какъ два первые пункта содержатся въ первомъ чтеніи, а послѣдніе пять — во второмъ. Но, всматриваясь въ изложеніе Спенсера, мы увидимъ, что не только мой порядокъ

¹⁾ The Early History of Mankind.

повторяется и въ его статьѣ, но еще что то, что было у меня простою случайностью, становится у него частью его систематическаго порядка. Вотъ въ какой послѣдовательности идутъ у него эти пункты: Тѣни, Отраженія, Сновидѣнія, Обморокъ, Столбнякъ, Одержаніе и Сумасшествіе. Перемѣщеніе послѣднихъ двухъ пунктовъ, объясняется тѣмъ, что у меня они содержатся въ одной фразѣ, которая легко можетъ быть разбита надвое, послѣ чего обѣ ея части могутъ быть поставлены въ какомъ угодно порядкѣ. Мнѣ кажется, что эти доказательства, почерпнутыя изъ подробнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла, вполне достаточны, чтобы вывести приблизительно слѣдующее заключеніе: Спенсеръ, прочитавъ мои лекціи, могъ выбрать изъ нихъ для себя коротенькія замѣтки, а потомъ развить ихъ въ цѣлый очеркъ, прибавивъ къ нимъ разныя вставки собственнаго издѣлія; послѣ чего онъ могъ забыть происхожденіе своего очерка до такой степени, что теперь выставляетъ противъ меня мои же собственные идеи, въ доказательство того, что онѣ не мои. Но, поступивъ такимъ образомъ, онъ принудилъ меня выполнить обратный процессъ, т. е. вырѣзать изъ его изложенія все, что не принадлежало мнѣ; послѣ чего мои семь маленькихъ предложеній вернулись ко мнѣ назадъ въ томъ же видѣ, въ какомъ они были даны мною. Это доказательство изъ внутренней очевидности едва ли нуждается еще въ какомъ-нибудь ключѣ для объясненія того, какъ все это произошло. Однако же я могу предложить этотъ ключъ. Очеркъ Спенсера былъ разборомъ статьи Макъ-Леннана о Поклоненіи Животнымъ и Растеніямъ, помѣщенной тоже въ „Fortnightly Review“ за октябрь и ноябрь 1869 года. Слѣдовательно, Спенсеръ имѣлъ передъ глазами то мѣсто (стр. 423), гдѣ Макъ-Леннанъ, говоря о первобытномъ фетишизмѣ и анимизмѣ, прибавляетъ слѣдующую сноску: „По этому поводу имѣются двѣ статьи Э. Б. Тайлора: одна — о Древнемъ душевномъ состояніи челоука а другая — о Слѣдахъ дикой мысли въ новѣйшей цивилизаціи; обѣ эти статьи были читаны передъ Лондонскимъ Королевскимъ Институтомъ и очень заслуживаютъ серьезнаго вниманія“. Эти статьи и есть тѣ чтенія, которыя я цитировалъ выше, параллельно съ очеркомъ Спенсера.

Это заключеніе не только не ослабляется, но даже усиливается разсмотрѣніемъ самой ранней статьи Спенсера по этому поводу, а именно его статьи объ Обычаяхъ и Приличіяхъ, которая была помѣщена въ „Westminster Review“, въ 1854 году, и которую онъ намѣревается противопоставить всякому моему труду, появившемуся ранѣе 1870 года. Въ этомъ очеркѣ, дѣйствительно можно найти нѣкоторые изъ его взглядовъ, которые остались съ тѣхъ поръ наиболѣе характеристичными для него. Ужъ, конечно, я не стану спорить со Спенсеромъ за обладаніе теоріей, утверждающей, что самая первоначальная

религія заключается въ поклоненіи предкамъ („первобытный богъ есть умершій вождь“), — теоріей, очень сходной съ тѣмъ ученіемъ, которое проповѣдывалось, не болѣе и не менѣе, какъ философомъ Эвгемеромъ, еще въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Х. Что касается до меня, то я считаю эту теорію истинною лишь до извѣстной степени и осмѣливаюсь смотрѣть на попытки Спенсера провести ее повсюду, въ самой неограниченной формѣ, какъ на наименѣе удовлетворительныя части его системы. Въ этомъ же очеркѣ 1854 года, можно найти также заявленія различія между идеями дикаря на счетъ смерти и между нашими идеями на этотъ счетъ; тамъ сказано, что дикарь смотритъ на умершаго просто какъ на ушедшаго въ какую-то другую страну, изъ которой онъ со временемъ вернется; причемъ пояснено, что этотъ взглядъ ведетъ за собою разные погребальные обычаи; какъ то: оставленіе оружія подлѣ умершаго, приношенія пищи на его могилу, и пр. Но тутъ я долженъ заявить формальный протестъ противъ одного приѣма, употребленнаго Спенсеромъ въ его послѣднемъ письмѣ, а именно, противъ его манеры вкладывать свои позднѣйшія анимистическія идеи въ содержаніе своего болѣе ранняго произведенія, построеннаго сплошь на основномъ принципѣ Контовскаго фетишизма. Я напрасно ищу въ этомъ очеркѣ сколько-нибудь яснаго заявленія того, что теорія призраковъ есть начало религіозныхъ идей, а также хотя чего-либо касательно „другаго я“ или „двойника“ умершаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, я прошу каждого заинтересованнаго въ этомъ спорѣ читателя взять I и III томы Опытовъ Спенсера и сравнить болѣе раннюю его статью объ Обычаяхъ и Приличіяхъ съ болѣе позднюю его статью о Поклоненіи Животнымъ; и пусть онъ скажетъ мнѣ тогда, не правъ ли я, считая одною изъ самыхъ поразительныхъ сторонъ очерка 1854 года отсутствіе тѣхъ анимистическихъ идей, которыя получаютъ такую видную роль въ очеркѣ 1870 года. Выше я уже высказалъ свое мнѣніе относительно того, какимъ образомъ можетъ быть объяснена всего вѣроятнѣе эта перемена въ его взглядахъ.

Мнѣ не приходило и въ голову, что статья Спенсера, появившаяся въ маѣ 1870 года, можетъ быть употреблена для доказательства его правъ на первенство, пока я не прочелъ той самой сноски на стр. 136 Основаній Соціологіи, которую, по предположенію Спенсера, я, вѣроятно, проглядѣлъ при чтеніи его труда. Я вовсе не проглядѣлъ ее; напротивъ того, нѣсколько дней тому назадъ я написалъ въ журналѣ „Асадему“ письмо, имѣвшее цѣлью выставить на видъ редакцію этой сноски; такъ какъ эта редакція могла внушить читателямъ мысль, будто бы, послѣ того какъ Спенсеръ опубликовалъ свой очеркъ, я подхватилъ этотъ предметъ и высказалъ по его поводу „взгляды, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходные“ съ его собственными. И я просилъ Спен-

сера воспрепятствовать этому недоразумѣнію, сообщивъ своимъ читателямъ въ той или другой формѣ объ истинномъ положеніи дѣла.

Я почти не считаю нужнымъ распространяться особенно много о заключительныхъ параграфахъ Спенсеровскаго письма, въ которыхъ онъ утверждаетъ, будто бы онъ не досмотрѣлъ сходства между его собственными взглядами и моими касательно того, что все анимистическое ученіе вытекаетъ въ концѣ концовъ изъ представленія о человѣческой душѣ. Онъ и самъ признается теперь, что онъ нашелъ „мѣста, которыя несомнѣнно выставляютъ теорію призраковъ какъ первичную теорію“. Принимая въ соображеніе, что взгляды, о которомъ идетъ теперь рѣчь, ясно видны даже изъ оглавленія и указателя *Первобытной Культуры*, которую Спенсеръ читалъ не какъ какой-нибудь случайный читатель, но пользовался ею при сочиненіи своихъ *Основаній Соціологін*, я поистинѣ думаю, что ему слѣдовало бы знать, что я дѣйствительно держался этого взгляда.

Эдуардъ Б. Тайлоръ.

28 мая, 1877.

VIII.

Возраженіе Спенсера ¹⁾).

Много мѣста и времени было бы сбережено, если бы Тайлоръ, при разборѣ моей книги, указалъ какъ слѣдуетъ, — когда и гдѣ появились тѣ „менѣе полныя изложенія (его взглядовъ) прежнихъ лѣтъ“, на которыя онъ ссылается въ этомъ разборѣ. Мой отвѣтъ на этотъ разборъ, помѣщенный выше, былъ написанъ прежде исправленія ошибки въ датѣ, вслѣдствіе которой выходило, что его статья о Философіи Религій у Низшихъ Человѣческихъ Расъ появилась въ 1871 году. А такъ какъ моя статья о Поклоненіи Животнымъ вышла въ 1870 году, и такъ какъ я ничего не зналъ о томъ, когда и гдѣ появлялись прежніе труды Тайлора, то всѣ ссылки моего отвѣта относились исключительно къ *Первобытной Kulturѣ*. Но послѣ того, какъ Тайлоръ исправилъ эту ошибочную дату, въ своемъ письмѣ въ „*Academy*“, я тоже измѣнилъ ее въ корректурѣ, равно какъ и ссылки, которыя относятся теперь къ его статьѣ въ „*Ethnological Transactions*“. Просматривая эту статью, я нашелъ въ ней гораздо бѣдшую близость со мною во взглядѣ на роль теоріи призраковъ, въ происхожденіи ре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 423.

лигій, чѣмъ та, о которой я могъ заключить изъ Первобытной Кул-
туры. Но такъ какъ эта статья, какъ это уже показано выше, появилась
одновременно съ моей собственной, то я не видѣлъ нужды дѣлать какія-либо
измѣненія въ моемъ изложеніи дѣла и дожидался отвѣта Тайлора съ совер-
шеннымъ спокойствіемъ.

Признаюсь, что, будучи совершенно неприготовленнымъ къ тѣмъ доказа-
тельствамъ, которыя приведены Тайлоромъ въ его послѣднемъ отвѣтѣ, я былъ
совершенно пораженъ ими; причемъ въ особенности меня поразило извѣстіе о
томъ, что въ статьѣ Макъ-Леннана, въ „Fortnightly Review“, послужившей поводомъ для моей статьи о Поклоненіи Животнымъ, имѣются
указанія на тѣ лекціи Тайлора, которыя онъ цитируетъ теперь въ своихъ извле-
ченіяхъ, и о которыхъ я не зналъ рѣшительно ничего. Признаюсь, что этотъ не-
ожиданный ударъ былъ чрезвычайно непріятенъ для меня; потому что, хотя я
и былъ убѣжденъ лично въ ошибочности заключеній Тайлора, но я рѣши-
тельно не видѣлъ, съ перваго взгляда, какимъ образомъ я могъ бы доказать
ихъ ошибочность. Однако, мнѣ кажется, что я имѣю возможность сдѣлать это.

Во-первыхъ, я позволю себѣ замѣтить, что, находясь въ положеніи, кото-
рое онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ очень крѣпкимъ, Тайлоръ могъ бы съ ус-
пѣхомъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ поступковъ, которые отличаются по
меньшей мѣрѣ сомнительнымъ достоинствомъ. Онъ уже дважды излагалъ нѣ-
которыя части своего дѣла передъ читателями „Academy“, хотя дѣло про-
тивной стороны не находилось передъ глазами этихъ читателей, и хотя эта
сторона совершенно ясно заявила, что она желаетъ вести споръ на страницахъ
журнала „Mind“. Затѣмъ, Тайлоръ, какъ въ своемъ разборѣ, такъ и въ одномъ
изъ своихъ писемъ въ „Academy“, преувеличилъ факты. Онъ заявилъ, что
его взгляды были изложены имъ „въ общихъ своихъ чертахъ въ Журналѣ
Этнологическаго Общества, 26 апрѣля 1870“; тогда какъ 26 апрѣля онъ только читалъ свою статью въ засѣданіи Этнологическаго Общества,
появленіе же ея въ журналѣ этого общества имѣло мѣсто лишь черезъ нѣ-
сколько мѣсяцевъ. И, наконецъ, во второмъ своемъ письмѣ въ „Academy“,
говоря о томъ, что его статья предшествуетъ по времени моей
статьѣ о Поклоненіи Животнымъ, онъ выражается такимъ образомъ,
что у читателя является мысль, будто бы его статья была доступна мнѣ, когда
я писалъ мою статью; тогда какъ моя статья находилась уже въ печати въ
то время, когда онъ только читалъ свою рукопись въ засѣданіи ученаго
общества.

Теперь я постараюсь показать, что именно это натягиваніе фактовъ при-
даетъ много кажущейся силы доказательствамъ Тайлора, находящимся выше.

Прежде всего, я обращаюсь къ тому пункту, который кажется самым сильным изъ его аргументовъ, а именно, — къ сходству въ порядкѣ указанныхъ нами причинъ происхожденія теоріи призраковъ. Самъ же Тайлоръ говоритъ, что онъ собралъ здѣсь эти причины изъ отдѣльныхъ своихъ чтеній; причемъ онъ получилъ свой рядъ путемъ постановки рядомъ двухъ группъ причинъ, выясненіе которыхъ раздѣляется у него промежуткомъ двухъ лѣтъ. Затѣмъ, ради бблшаго сходства, онъ выпустилъ два изъ факторовъ, содержащихся въ моемъ ряду и не содержащихся въ его; не говоря уже о томъ, что онъ видоизмѣнилъ мое изложеніе остальныхъ факторовъ. И, наконецъ, съ тою же цѣлью, онъ выпустилъ два фактора изъ своего собственнаго ряда; причемъ одинъ изъ этихъ факторовъ вовсе не находился у меня, а другой помѣщенъ у меня иначе, чѣмъ у него. Взглянемъ же теперь на расположеніе этихъ двухъ рядовъ, послѣ буквального ихъ воспроизведенія изъ вышеприведенныхъ отрывковъ.

Спенсеръ.	Тайлоръ.	
Тѣни.	Тѣни.	} Лекція 1867 года.
Отраженія.	Отраженія.	
Эхо.		
Сновидѣнія.	Сновидѣнія.	}
Обморокъ.	Обморокъ.	
Апоплексія.		
Каталепсія.	Столбнякъ.	} Лекція 1869 года.
Эпилепсія (Одержаніе).	Смерть.	
Сомнамбулизмъ.	Горячка.	
	(т. е. бредъ).	} Одержаніе.
Помѣшательство.	Сумасшествіе	
Смерть.		

Нельзя не признать, что Тайлоръ обнаружилъ большое искусство въ обращеніи съ фактами, давшее ему возможность добиться полного сходства между этими двумя списками, не смотря на ихъ значительное несходство на самомъ дѣлѣ; но мнѣ кажется, что, видоизмѣняя ихъ такимъ образомъ, онъ поступилъ неразсчитливо, потому что онъ могъ быть увѣреннымъ, что я возстановлю вновь факты въ томъ видѣ, въ какомъ они были въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, что онъ могъ бы удовлетвориться и тою степенью сходства, которое существуетъ дѣйствительно; такъ какъ и ея было бы все еще достаточно, чтобы высказать сомнѣніе въ томъ, что мой списокъ могъ явиться на свѣтъ безъ предварительнаго знакомства съ его спискомъ; потому что, при отсутствіи объясненія, сходство между ними дѣйствительно довольно замѣчательно. Но, къ счастью, я могу представить объясненіе, если не этого сходства, то по край-

ней мѣрѣ того особеннаго порядка, который былъ принятъ мною въ этомъ случаѣ. Этотъ порядокъ есть тотъ самый, въ которомъ я располагалъ всегда и повсюду свои аргументы и факты, при изложеніи явленій развитія: а именно, это есть порядокъ отъ простаго къ сложному, отъ неорганическаго къ органическому, отъ общаго къ частному (спеціальному). Если Тайлоръ обратится ко II-й части моихъ Основныхъ Началъ и взглянетъ тамъ на главы VIII, IX и X, а затѣмъ еще на группу девяти главъ, отъ XIV до XXII, то онъ найдетъ, что, въ каждомъ случаѣ, фактическія доказательства, почерпнутыя изъ міра неорганическаго, помѣщены у меня прежде доказательствъ, взятыхъ изъ органическаго міра; а затѣмъ, въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ, второстепенныя подраздѣленія идутъ отъ простаго и общаго къ сложному и спеціальному: Если, послѣ этого, онъ вздумаетъ обратиться къ моей Классификаціи Наукъ, то онъ увидитъ, что и тамъ принятъ мною совершенно параллельный этому порядокъ. Что касается до вышеприведеннаго списка, то я помѣстилъ въ немъ прежде всего неорганическія явленія, внушающія идею о двойственности:—тѣни, отраженія и эхо; изъ которыхъ тѣни всего болѣе общи и просты, а эхо представляетъ всего болѣе спеціальныя характеръ. Изъ остающихся затѣмъ явленій этого рода, но принадлежащихъ къ міру органическому, на первомъ мѣстѣ стоятъ самыя общія,—т. е. сновидѣнія; затѣмъ менѣе общія,—обмороки; затѣмъ, еще менѣе общія,—первыя припадки различныхъ родовъ, и, наконецъ, сравнительно необыкновенныя,—сомнамбулизмъ и помѣшательство; что касается до смерти, то она поставлена на самомъ концѣ не потому, чтобы она имѣла менѣе общій или болѣе сложный характеръ, чѣмъ нѣкоторые изъ предшествующихъ явленій, но потому, что она можетъ быть объяснена только при помощи всѣхъ предшествующихъ явленій. Такъ что я не могъ выбрать никакого другаго порядка, не отступившись отъ моего обыкновеннаго способа классификаціи. Я позволю себѣ прибавить къ этому объясненію принятаго мною порядка, что, еслибы предположеніе Тайлора было вѣрно, и еслибы я дѣйствительно позаимствовалъ у него свою теорію, то едва ли вѣроятно, чтобы я оставилъ незамаскированнымъ тотъ параллелизмъ, который существуетъ между нашими двумя списками.

Кромѣ тѣхъ внутреннихъ доказательствъ независимаго происхожденія моего списка, которые доставляются намъ нахожденіемъ въ немъ двухъ причинъ возникновенія теоріи призраковъ, неучазанныхъ Тайлоромъ, и отсутствіемъ въ немъ одной изъ указанныхъ имъ причинъ, я позволю себѣ указать еще на одно доказательство изъ внутренней очевидности, представляющее довольно важное значеніе. Во многихъ случаяхъ, я указывалъ на причины, почему дикарь приходитъ къ тому заключенію, которое онъ дѣлаетъ; тогда какъ Тайлоръ не ука-

зывать этихъ причинъ. Такъ, напимѣрь, для поясненія вѣрованія дикаря въ то, что отраженіе его въ водѣ есть часть его существа, я указывалъ на вѣрованіе дикаря, что, вмѣстѣ съ его портретомъ, уносится художникомъ и часть его существа; затѣмъ, я указывалъ, напимѣрь, на недостаточность его языка для представленія себѣ и другимъ разницы между вещами, испытанными во снѣ, и вещами, испытанными въ дѣйствительности. Но, не останавливаясь долѣе на доказательствахъ изъ внутренней очевидности, я перехожу теперь къ внѣшнимъ доказательствамъ того, что эти факторы теоріи призраковъ не были позаимствованы мною у Тайлора. Въ § 56 Основаній Соціологіи, читатель найдетъ доказательство того, что значеніе тѣней въ дѣлѣ доставленія идеи о двойственности было замѣчено мною уже въ 1858—9 годахъ, въ связи съ сочиненіемъ Вилльямса объ островахъ Фиджи, въ которомъ авторъ рассказываетъ о Фиджійцахъ, что, по ихъ вѣрованію, у каждого человѣка имѣется двѣ души, изъ которыхъ одна есть ихъ тѣнь, а другая его отраженіе въ водѣ; еслибы Тайлоръ усомнился въ состоятельности этого доказательства, на томъ основаніи, что оно взято изъ недавняго моего сочиненія, то я отошлю его къ § 2 Основныхъ Началъ (выпускъ, содержащій этотъ § 2, вышелъ въ октябрѣ 1860 года), гдѣ онъ найдетъ нѣсколько словъ, приведенныхъ мною изъ этого сочиненія Вилльямса (со стр. 30), что покажетъ ему, что сочиненіе это было уже читано мною въ то время. И такъ, вотъ уже три фактора, — тѣни, отраженія и эхо (не поименованное Тайлоромъ), — которыми я, очевидно, ничуть не обязанъ ему. Относительно остальныхъ факторовъ, я скажу прежде всего, что предполагаемое покиданіе тѣла душою во время обморока также указано въ этомъ сочиненіи Вилльямса въ числѣ вѣрованій Фиджійцевъ, такъ что оказывается, что, изъ семи факторовъ Тайлора, четыре были извѣстны мнѣ ранѣе того, какъ онъ писалъ о нихъ. Далѣе, обративъ вниманіе читателей на то, что, въ этой же самой книгѣ Вилльямса, приведены примѣры первобытныхъ понятій о томъ, что духи умершихъ, и даже живыхъ, могутъ мучить другихъ людей, во время ихъ сна (стр. 241—2), а также упомянуто, что жрецъ, находящійся въ состояніи предполагаемаго „одержанія“, походитъ на „бѣшеннаго сумасшедшаго“, — я спрашиваю каждого безпристрастнаго читателя, — есть ли послѣ этого что-нибудь невѣроятное въ томъ, что, перечисляя факторы теоріи призраковъ, я могъ привести въ числѣ ихъ столбнякъ и другія формы временной пріостановки сознанія, равно какъ и разныя формы умственнаго разстройства.

Но теперь я намѣренъ указать главные источники, изъ которыхъ вытекли мои взгляды, послужившіе поводомъ къ этимъ пререканіямъ. Въ предисловіи къ моей Описательной Соціологіи, Тайлоръ найдетъ заявленіе о томъ,

что, въ октябрѣ 1867 года, Дэвидъ Денканъ (нынѣ профессоръ въ Мадрастѣ) началъ компилировать, подъ моимъ надзоромъ, тѣ отдѣлы этого сочиненія, которые относятся къ нецивилизованнымъ расамъ. Когда онъ оставилъ меня въ мартѣ 1870 года, то, въ это время, у насъ были уже окончены таблицы и классифицированы извлечения, относящіеся къ Типамъ Низшихъ Расъ, къ Негритосскимъ Расамъ, къ Малайо-Полинезійскимъ Расамъ и Африканскимъ Расамъ,—всего-же-на-всего, къ тридцати дикимъ и полудицизованнымъ народамъ. Если Тайлоръ обратится къ двумъ частямъ Описательной Соціологіи, содержащимъ эти таблицы и извлечения и находившимся уже въ рукописи въ то время, когда я писалъ свою статью о Поклоненіи и Животнымъ, и если онъ прочтетъ, въ каждой изъ этихъ таблицъ, столбецъ суевѣрій и просмотритъ относящіеся къ нему извлечения, то онъ увидитъ, что я имѣлъ передъ собою огромную массу фактическихъ данныхъ, представлявшую вполне достаточную почву для постройки тѣхъ взглядовъ на теорію призраковъ, которые были высказаны мною въ этомъ очеркѣ; и что я не имѣлъ ни малѣйшей нужды прибѣгать для этой цѣли къ лекціямъ или статьямъ другихъ изслѣдователей. Онъ увидитъ, напримѣръ, что въ этихъ таблицахъ поименованы три расы, держащіяся того убѣжденія, что душа покидаетъ тѣло во время сна и что сновидѣнія суть ея приключенія во время этого скитанія вдали отъ тѣла; и девять расъ, вѣрящихъ, что духи и тѣни умершихъ родственниковъ, являющіяся въ сновидѣніяхъ, имѣютъ дѣйствительное существованіе; такъ что выраженное мною въ этомъ очеркѣ мнѣніе, что „корень этого вѣрованія въ другое я положить въ иномъ фактѣ человѣческой опытности, и именно, въ сновидѣніяхъ“, не было ни позаимствовано мною изъ вторыхъ рукъ, ни принято мною безъ достаточно хорошихъ основаній. Затѣмъ, онъ увидитъ также, что факты, заключающіеся въ столбцахъ извлеченій, рассказываютъ свою повѣсть съ такою полнотою, что, для вывода изъ нихъ неизбѣжныхъ заключеній, вовсе не требуется особенно большой способности къ индукціи. Для завершенія этого доказательства, мнѣ остается только привести собственные же слова Тайлора изъ его обзора. Онъ говоритъ:

«Въ своихъ основныхъ принципахъ, эта теорія вовсе не требуетъ для своего достиженія особенно значительнаго напряженія научнаго воображенія, такъ какъ сами же дикари, въ своихъ собственныхъ рассказахъ о своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, указываютъ намъ на нее съ достаточною ясностью. Я не думаю, чтобы меня можно было обвинить въ преувеличеніи, если я скажу, что можно держать три противъ одного за то, что каждый непредубѣжденный изслѣдователь, располагающій всеми средствами (ставшими доступными лишь въ послѣдніе годы) для полнаго обзора относящихся сюда данныхъ, придетъ, по отношенію къ развитію религіозныхъ вѣрованій и религіознаго поклоненія, къ анимистической теоріи этихъ явленій».

Такимъ образомъ, оказывается, что хотя тотъ взглядъ, котораго придерживается Тайлоръ, и который онъ считаетъ тождественнымъ съ моимъ, „ясно подсказывается намъ самими-же дикарями, въ ихъ собственныхъ разсказахъ о своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ“, и хотя я имѣлъ передъ собою огромное собраніе такихъ разсказовъ, намѣренно подготовленныхъ для обобщенія; тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Тайлора, я долженъ былъ прибѣгнуть къ его лекціямъ для достиженія моихъ заключеній. Онъ говоритъ, что можно держать три противъ одного за то, что „каждый непредубѣжденный изслѣдователь“, послѣ „полнаго обзора относящихся сюда фактическихъ данныхъ“, непременно долженъ придти къ этому взгляду; однакоже, не смотря на то, что я имѣлъ передъ собою огромную массу такихъ фактическихъ данныхъ, относящихся ко всѣмъ частямъ свѣта, причемъ извлеченія, заключающія эти данныя, были классифицированы въ специальномъ порядкѣ, особенно удобномъ для вывода обобщеній, т. е. не смотря на то, что въ моемъ распоряженіи находились такіа данныя, которыми не обладалъ до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь по этой части,—Тайлоръ находитъ болѣе удобнымъ, въ этомъ случаѣ, придерживаться одного шанса противъ трехъ, и предпочитаетъ думать, что я не могъ дойти до своихъ заключеній самостоятельно, но долженъ былъ непременно украсть ихъ у него. Онъ не только приписываетъ мнѣ такую безчестность, но, въ тоже время, приписываетъ мнѣ еще почти невѣроятную глупость; ибо онъ думаетъ, что я, умышленно присвоивъ себѣ его заключенія, безъ всякаго упоминовенія объ этомъ обстоятельстве, не смотря на это, имѣлъ смѣлость бросить ему вызовъ, хотя я зналъ (по его мнѣнію), что ему отлично извѣстно, насколько я обязанъ ему своими взглядами, и хотя я не могъ не знать (опять-таки по его мнѣнію), что этимъ самымъ я самъ же вызываю съ его стороны приведеніе доказательствъ, которыя подтвердятъ вполне мою неправоту и его справедливыя притязанія. Имѣя передъ собою ясныя доказательства того, что первобытныя идеи были предметомъ моихъ изслѣдованій уже съ 1854 года, и что, продолжая эти изслѣдованія въ разныя промежутки времени, я началъ, съ 1867 года, систематическую компиляцію и классификацію относящихся сюда данныхъ, причемъ эта работа имѣла, въ 1870 году, уже очень обширные размѣры, Тайлоръ предпочитаетъ приписать мнѣ лучше большую беззастѣнчивость и столь же большую глупость, чѣмъ допустить, чтобы я могъ обладать проницательностью, могущей идти въ сравненіе съ его собственною ¹⁾).

¹⁾ Когда Тайлоръ объяснить удовлетворительно эти несообразности, ему останется придумать объясненіе еще для одной несообразности, на которую я обращаю здѣсь его вниманіе. Въ сноску къ § 58 (последнихъ

Тотъ параграфъ въ отвѣтъ Тайлора, въ которомъ онъ разсматриваетъ взгляды, выраженные мною въ 1854 году, нельзя не считать, въ одномъ смыслѣ, очень удовлетворительнымъ для меня. Въ этомъ параграфѣ онъ проситъ читателей, интересующихся этимъ споромъ, сравнить эти взгляды съ моими позднѣйшими взглядами, для проверки того, какъ они охарактеризованы имъ, Тайлоромъ; и я осмѣливаюсь думать, что это сравненіе только докажетъ крайнее пристрастіе его сужденія. Онъ говоритъ, что мои понятія о занимающемъ насъ предметѣ имѣли, въ очеркѣ 1854 года, своимъ основнымъ принципомъ Контовскій фетишизмъ (что онъ разумѣетъ подъ Контовскимъ фетишизмомъ, въ отличіе отъ всякаго другого, — я не знаю), и что этотъ очеркъ не содержитъ „ни одного яснаго положенія, указывающаго на теорію призракъ“. Во-первыхъ, я напому Тайлору, что двѣ страницы, на которыхъ были развиты мною эти понятія, даже въ ихъ тогдашнемъ краткомъ изложеніи, кажутся не совсѣмъ у мѣста въ очеркѣ объ Обычаяхъ и Приличіяхъ, хотя онѣ и были мнѣ нужны для моей аргументаціи; и что я былъ очевидно стѣсненъ по отношенію къ болѣе полному изложенію этихъ понятій. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, въ то время, я еще держался ходячаго взгляда касательно фетишизма (что я и призналъ въ статьѣ о Поклоненіи Животнымъ, въ которой я отвергъ этотъ взглядъ). Но этотъ фетишизмъ, который я считалъ въ 1854 году первичною формою мысли, и который я отвергъ въ 1870 году, какъ первичную ея форму, есть тотъ самый фетишизмъ, который Тайлоръ называетъ „анимизмомъ“, — т. е. та самая форма мысли, при которой люди припи-

изданій) Основныхъ Началъ, онъ найдетъ заявленіе о томъ, что изложенная тамъ мысль была впушена мнѣ въ устный разговоръ. Въ сноскѣ къ § 82 того же сочиненія, онъ найдетъ добровольное заявленіе, о томъ, что одинъ изъ моихъ друзей пришелъ къ точно такому же взгляду, какъ и тотъ, что изложенъ мною въ этомъ параграфѣ, но что онъ не опубликовалъ его въ печати. Въ § 307 Основаній Психологіи, онъ найдетъ указаніе на одну идею, выраженную мнѣ въ устной бесѣдѣ и, вѣроятно, повліявшую на ходъ моихъ мыслей. Въ Классификаціи Наукъ (первое изданіе, таблица 1), онъ найдетъ другую ссылку на словесное указаніе; а во второмъ томѣ моихъ Опытовъ (стр. 244), онъ увидитъ еще одну ссылку такого же рода. Наконецъ, въ § 373 Основаній Біологіи, я прямо отвергаю ту степень оригинальности, которая могла бы быть приписана мнѣ безъ этого объясненія. Въ виду этихъ шести случаевъ признанія мною чужихъ указаній, при такихъ обстоятельствахъ, когда люди, заинтересованные въ этомъ признаніи, не могли бы привести никакихъ доказательствъ своихъ словъ, я приглашаю Тайлора согласить мое поведеніе въ этихъ случаяхъ съ его предположеніемъ, будто бы я присвоилъ ебъ, безъ всякаго на то указанія, идеи, уже находившіяся въ печати.

сываютъ „окужающимъ ихъ предметамъ и дѣателямъ силы, представляющія, со стороны своей природы, болѣе или менѣе опредѣленный, личный характеръ“. (Опыты, т. III, стр. 112). Далѣе, я долженъ указать, что, въ очеркѣ 1854 года, этотъ фетишизмъ сосуществуетъ съ зачатками той теоріи призраковъ, которая, въ 1870 году, совершенно вытѣснила его изъ моего ученія. Тайлоръ не видитъ никакого признанія первобытнаго вѣрованія въ двойникѣ, но только признаніе фетишизма, въ тѣхъ фактахъ, которыя я приводилъ въ своемъ очеркѣ для показанія того, что смерть понимается въ самомъ началѣ, какъ такое состояніе, послѣ котораго наступитъ новое оживаніе. Когда я привожу убѣжденіе Фиджійцевъ, что врагъ долженъ быть убитъ дважды, что ясно указываетъ на вѣру въ двойника, или когда я указываю на язычниковъ, приписывающихъ душѣ ту же самую форму и сущность, какъ и тѣлу, то Тайлоръ видитъ въ этомъ только фетишизмъ и думаетъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ того, чтобы я усматривалъ у дикарей вѣрованіе во второе я умершаго человѣка. Далѣе: когда, ради дальнѣйшаго уясненія этого первобытнаго ученія, я указываю на оставленіе подлѣ трупа пищи и пр., или на представленіе дикаря о другомъ свѣтѣ, какъ о такомъ, до котораго умершій достигаетъ, послѣ своей смерти, посредствомъ обыкновеннаго путешествія; или, наконецъ, на идею о томъ, что умершій вождь вернется современемъ назадъ изъ этого другаго свѣта, то Тайлоръ опять таки видитъ въ этомъ только фетишизмъ, и ни малѣйшаго приближенія къ теоріи призраковъ. Точно такъ же, когда, ради дальнѣйшаго доказательства, я ссылаюсь на прежнія и нынѣшнія расы, у которыхъ „каждая семья имѣетъ своего духа-хранителя“, причемъ этотъ духъ есть ничто иное, какъ „одинъ изъ ихъ умершихъ родственниковъ“, то Тайлоръ и тутъ не видитъ безмолвнаго утвержденія, что дикари вѣрятъ въ то, что умершіе люди имѣютъ двойниковъ, а видитъ въ этомъ только дальнѣйшее изложеніе фетишизма.

Теперь посмотримъ, что такое Тайлоръ представляетъ, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого, подъ именемъ „анимизма“, который онъ считаетъ тоже-ственнымъ съ теоріею призраковъ, и который я, по его мнѣнію, позаимствовалъ у него. Самая ранняя изъ его статей, содержащая изложеніе его взглядовъ, судя по его же собственному показанію въ «Academy», была помѣщена въ «Fornightly Review» за августъ 1866 года; и въ этой статьѣ, послѣ вступительнаго параграфа, находится слѣдующая фраза, заключающая изложеніе того ученія, которое онъ потомъ называетъ „анимизмомъ“: — „...старинная и простая исторія, объясняющая все насвѣтъ тѣмъ, что весь міръ прямо одушевленъ жизнью, подобной нашей собственной“ (стр. 72); нѣсколько далѣе онъ снова излагаетъ эту теорію въ слѣдующихъ словахъ: — „теорія одушевленности (animation),

объясняющая каждое явление природы, посредством предположенія повсюду жизни, подобной нашей собственной“ (стр. 88). И такъ, это, по взгляду Тайлора, не фетишизмъ, а анимизмъ; и такъ, вотъ какое воззрѣніе онъ отождествляетъ съ теоріею призраковъ, какъ я понимаю ее и которой я держусь въ своей Соціологіи; и такъ, изъ этого-то его изложенія, насквозь проникнутаго такимъ пониманіемъ первобытныхъ вѣрованій, я извлекъ, по его словамъ, мое пониманіе первобытныхъ вѣрованій. Мнѣ кажется, что читатель, интересующійся этимъ споромъ и призванный Тайлоромъ, чтобы разсудить его между нами, сравнивая, въ цѣломъ, тѣ статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, найдетъ, въ моемъ очеркѣ 1854 года, подчиненный фетишизмъ и господствующую теорію призраковъ; а въ статьѣ Тайлора 1866 года, — подчиненную теорію призраковъ и господствующій фетишизмъ.

Когда я писалъ эти строки, я не подозрѣвалъ, что только-что высказанное мною положеніе можетъ быть доказано еще болѣе убѣдительнымъ образомъ. Но, послѣ того какъ я написалъ ихъ, я получилъ изъ Королевскаго Института экземпляръ тѣхъ чтеній Тайлора, которыя онъ цитировалъ въ своемъ отвѣтѣ. Эти лекціи были добыты мною съ цѣлью посмотрѣть, — какія положенія содержатся еще въ нихъ, кромѣ тѣхъ, которыя приведены имъ самимъ. Прочитывая лекцію 1867 года, я вскорѣ наткнулся на одну фразу, которая не мало поразила меня. Вотъ она: — „поклоненіе такимъ духамъ (заключеннымъ во всѣхъ предметахъ природы), находимое у низшихъ разъ на протяженіи почти всего земнаго шара, обыкновенно извѣстно подъ именемъ „фетишизма“. Ясно, что эта дѣтская теорія одушевленности всей природы лежитъ у самаго корня того, что мы называемъ миѳологіей“. И такъ, тѣ два понятія, которыя Тайлоръ раздѣляетъ теперь одно отъ другаго, подведены здѣсь подъ одно и тоже описаніе. Но это еще не все. Слѣдующая за этой фраза такова: — „наше названіе этого состоянія духа, которое видитъ, такимъ образомъ, во всей природѣ дѣйствіе одушевленной жизни и присутствіе безсчетнаго числа духовныхъ существъ, получило-бы, вѣроятно, большую ясность, если бы мы согласились означать это состояніе именемъ анимизма, вмѣсто того, чтобы называть его фетишизмомъ.“ И такъ, эти два понятія, считаемыя теперь Тайлоромъ двумя противоположностями, обозначаются имъ здѣсь однимъ и тѣмъ же именемъ.

И такъ, разсмотрѣнные нами факты могутъ быть представлены, вкратцѣ, въ слѣдующемъ видѣ. Въ моей статьѣ 1857 года, заключающей, рядомъ съ подразумеваемымъ допущеніемъ ходячаго взгляда на фетишизмъ, ясны зачатки теоріи призраковъ, Тайлоръ видитъ только фетишизмъ, въ противу-отличіе съ тѣмъ анимизмомъ, который онъ отождествляетъ теперь съ теоріею призраковъ;

и онъ утверждаетъ, что я позаимствовалъ это противу-отличное понятіе объ анимизмѣ изъ его лекцій, въ которыхъ онъ отождествляетъ анимизмъ съ фетишизмомъ и въ описаніи, и по имени! Но это еще не все. Въ то время, какъ я, въ своемъ очеркѣ 1870 года, отвергъ вполнѣ теорію фетишизма и заявилъ, что теорія призраковъ вполнѣ достаточна для объясненія всѣхъ фактовъ, Тайлоръ, въ своей Первобытной Культурѣ, появившейся въ 1871 году продолжалъ считать фетишизмъ, или иначе анимизмъ, основаніемъ мнѳологии, точь-въ-точь такъ, какъ онъ выражаетъ въ только-что приведенномъ мною отрывкѣ изъ его лекціи 1867 года. Послѣ этого читатель можетъ судить, насколько имѣется истины въ предположеніи Тайлора, будто-бы я „слѣдовалъ путямъ, проложеннымъ уже“ имъ, Тайлоромъ.

ГЕРБЕРТЬ СПЕНСЕРЪ.

2 іюня, 1877.

IX.

ОТВѢТЪ ТАЙЛОРА ¹⁾).

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ поднять здѣсь съизнова разсужденій о фетишизмѣ, анимизмѣ и другихъ вещахъ. Но я долженъ замѣтить, что Спенсеръ перемѣнилъ почву спора. Въ первомъ своемъ письмѣ, въ отвѣтъ на мои притязанія, онъ указалъ мнѣ на очеркъ, написанный имъ въ 1854 году; тогда какъ, во второмъ своемъ письмѣ, онъ указываетъ, какъ на источники своихъ идей, на книги, появившіяся нѣсколькими годами позднѣе. И неужели же мое предположеніе, что онъ могъ пользоваться и моими трудами, было уже такъ неразсудительно? Когда я сравниваю его разсужденіе о душахъ безжизненныхъ предметовъ, на стр. 193—5 его Основаній Соціологіи, съ изложеніемъ того же самаго предмета, за пять лѣтъ до того, въ моей Первобытной Культурѣ (1-е изд., стр. 430—8, 452, 2-е изд., стр. 477—85, 500), и замѣчаю, какъ не только цѣлый рядъ главнѣйшихъ фактическихъ данныхъ, но и два главные мои вывода и даже мой терминъ „предметныя души“ (слово, сочиненное, какъ мнѣ кажется, собственно мною), появляются съизнова на страницахъ сочиненія Спенсера, безъ всякаго упоминовенія о томъ, что все это было уже сказано прежде мною, я право не вижу ничего невѣроятнаго въ явившемся у меня предположеніи, что, и въ 1870 году, Спенсеръ могъ поступить въ значительной мѣрѣ точно такимъ же образомъ. Такъ какъ Спенсеръ говоритъ теперь, что онъ ничего не

¹⁾ Тамъ-же, стр. 429.

зналъ о моихъ лекціяхъ, то я, конечно, долженъ принять его заявленіе и дать ему болѣе вѣры, чѣмъ указаннымъ мною совпаденіямъ нашихъ идей, не смотря на всѣ ихъ чрезвычайности. Я радъ слышать, что Спенсеръ выпуститъ вскорѣ сноску ¹⁾, въ поясненіе той, которая находится на 136 стр. его сочиненія. Если бы онъ просмотрѣлъ мои прежнія статьи, списокъ которыхъ находился у него передъ глазами, въ предисловіи къ моей книгѣ, этотъ непріятный споръ, вѣроятно, никогда не возникъ-бы.

Эдуардъ Б. Тайлоръ.

13 іюля 1877.

Р. S.—Если я вѣрно помню письмо Спенсера, такъ онъ доказываетъ, что порядокъ изложенія фактическихъ данныхъ въ его очеркѣ долженъ быть его собственнымъ, на томъ основаніи, что онъ представляетъ необходимое слѣдствіе его системы. Едва-ли этотъ аргументъ получить болѣе силы вслѣдствіе только-что замѣченнаго мною обстоятельства, что въ послѣднемъ его сочиненіи, содержащемъ полное изложеніе его системы, этотъ порядокъ оказывается не тѣмъ же самымъ, что прежде. А именно, Смерть помѣщена въ настоящее время ранѣе Сумасшествія и Одержанія.

Э. Б. Т.

19 іюля 1877.

¹⁾ Читатель найдетъ эту сноску выше, въ концѣ XII главы III части.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОШЕЧАТКИ ВО 2 ТОМѢ СОЦІОЛОГІИ.

СТРАН.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
520	сверху 5	на куски	на части
576	» 5	Кушмены	Бушмены
583	» 21	главному	самому могущественному.
587	» 5	непотакже	также
—	» 6	средственнымъ	непосредственнымъ
718	» 9	Торквемада	Торквемада
745	снизу 1	Прокезы	Ирокезы
747	сверху 11	въ главѣ, озаглавленной	въ главѣ объ эндогаміи и пр.
749	» 2	предыдущихъ главахъ	предыдущихъ главахъ
—	» 1	и-	ти-
750	сверху 21	акадійцы А	Акадійцы
775	снизу 10	домовыхъ	семейныхъ

Со стр. 658 до 838 всѣ кландиферы на лѣвой страницѣ не вѣрны: вмѣсто — Индукціи соціологіи, слѣдуетъ — Домашнія отношенія.

